

99 $\frac{16}{132_{10}}$.

ИРЛИ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Т Р У Д Ы О Т Д Е Л А
Д Р Е В Н Е Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
X X

А К Т У А Л Ь Н Ы Е
З А Д А Ч И И З У Ч Е Н И Я
Р У С С К О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы
X I - X V I I В Е К О В

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « Н А У К А »
М о с к в а - Л е н и н г р а д
1 9 6 4

Ответственный редактор

Д. С. Лихачев

Ответственный секретарь редакции

М. А. Салмина

259454

ОТ РЕДАКТОРА

Изучение замедляется, если нет компактной собранности всего исследуемого материала. Эта компактная собранность создается библиографическими пособиями, историографическими очерками (если только они целенаправленно построены), изложениями задач и подведениями итогов проделанной работы.

Настоящий том Трудов Отдела древнерусской литературы посвящен задачам изучения русской литературы XI—XVII вв. Его статьи стремятся наметить пути и отдельные темы изучения.

Новые темы и новые задачи будут все время открываться по мере углубления и расширения исследовательской работы по древнерусской литературе, по мере роста нашего советского литературоведения. Поэтому задачи изучения не могут быть исчерпывающе описаны. Новые исследования приносят с собой не только новые выводы, но и новые проблемы, новые темы для изучения. Тем не менее наметить задачи изучения в том их объеме, в каком они могут быть определены в настоящий момент, крайне важно. Это поможет создать в изучении древнерусской литературы необходимую целенаправленную собранность отдельных усилий исследователей, поможет им осознать свое место в строю науки.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.

Художественная специфика древнерусской литературы все более и более привлекает к себе внимание литературоведов-медиевистов. Это и понятно: без полного выявления всех художественных особенностей русской литературы XI—XVII вв. невозможны построение истории русской литературы и эстетическая оценка памятников русской литературы первых семи веков ее существования.

Отдельные наблюдения над художественной спецификой древнерусской литературы имелись уже в работах Ф. И. Буслаева, И. С. Некрасова, Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевского и др. Эти отдельные наблюдения тесно связаны с их общими представлениями о древней русской литературе и с теми историко-литературными школами, которые они представляли.

Только в последние годы появились относительно небольшие работы, излагающие общие взгляды их авторов на художественную специфику и на художественные методы древнерусской литературы. Я имею в виду статьи А. С. Орлова,¹ В. П. Адриановой-Перетц,² И. П. Еремина,³ Г. Рааба,⁴ Д. С. Лихачева⁵ и др. В статьях этих авторов излагаются

¹ А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. Литературоведение русского средневековья. — ИЮЛЯ, 1945, № 6; А. С. Орлов. Мысли о положении работы по литературе русского средневековья. — ИЮЛЯ, 1947, № 2.

² В. П. Адрианова-Перетц. 1) Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 годов. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948; 2) Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947; 3) Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949; 4) Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951; 5) Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953; 6) Об основах художественного метода древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 4; 7) К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958; 8) О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960.

³ И. П. Еремин. 1) Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949; 2) Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956; 3) О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1; 4) К спорам о реализме древнерусской литературы. — Русская литература, 1959, № 4.

⁴ H. Raab. 1) Zur Entwicklungsgeschichte der Realismus in der russischen Literatur. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1958, 3/4; 2) К вопросу о предистоках реализма в русской литературе. — Русская литература, 1960, № 3.

⁵ Д. С. Лихачев. 1) У предистоков реализма русской литературы. — Вопросы литературы, 1957, № 1; 2) К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2; 3) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958; 4) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961; 5) Об одной особенности реализма. — Вопросы литературы, 1960, № 3.

обобщения их частных наблюдений над художественными особенностями древнерусской литературы. Естественно, что в статьях на столь широкую тему отдельные выводы их авторов не могут быть сколько-нибудь полно аргументированы. Поэтому статьи эти представляют ценность только в той мере, в какой их авторы обладают собственным опытом анализа художественной стороны конкретных произведений древнерусской литературы. Рассматривая эти статьи, мы должны учитывать и другие работы их авторов по конкретному изучению отдельных явлений, памятников, стилей древнерусской литературы. Вот почему мы не можем себе поставить целью в краткой статье дать сколько-нибудь полную и точную историографию вопроса. Цель настоящей статьи — не оглядка на прошлое, а взгляд в будущее; необходимо наметить задачи и перспективы изучения вопроса о художественных методах древнерусской литературы, попытаться определить и те трудности, которые возникают перед исследователем.

Общие замечания об изучении художественных методов древнерусской литературы

Художественная специфика древнерусской литературы прежде всего и теснее всего связана с проблемой специфики ее художественных методов.

Изучение художественных методов древнерусской литературы есть прежде всего изучение конкретного материала литературы. Чем лучше исследователь знает древнюю русскую литературу, чем шире его опыт в изучении отдельных конкретных проблем, памятников, рукописного наследия, тем основательнее будут, как мы уже сказали, его выводы. Ограниченный материал поверхностного знакомства с памятниками легче поддается обобщению, чем материал обильный, широкий, основанный на многолетнем опыте изучения большого числа памятников. Чем меньше знает исследователь, тем легче ему обобщать. Чем обширнее опыт ученого, тем сложнее его обобщения, тем ближе они к действительности.

В изучении вопросов поэтики крайне важно не поддаться слишком рано искушению скороспелых обобщений. Если исследователь еще к тому же мало начитан в памятниках литературы, он может на основании десятка или двух десятков примеров создать ту или иную концепцию особенностей древнерусской литературы. Генерализовать, обобщать можно только тогда, когда у исследователя накоплен большой опыт, когда у него обширный круг начитанности. Опыт заставляет быть осторожнее, опыт подсказывает не только подтверждающие факты, но и факты, противоречащие той или иной выдвигаемой концепции. Нужно уметь не только находить подтверждения, но и опровержения концепции, уметь «расширять» концепцию, детализировать вопрос.

Дифференциация, классификация и детализация собранного материала на первых порах исследования того или иного вопроса важнее, чем его генерализация.

Найдя противоречащие факты, не следует сразу же отвергать обобщение, а лишь его ограничивать, искать ему ограничительные рамки. Эти поиски ограничений могут привести к усложнению картины и к ее детализации. Особенно следует быть внимательным к хронологическим ограничениям. Принцип историзма должен постоянно быть на виду у исследователя.

Два вопроса прежде всего встают перед исследователем художественных методов средневековой русской литературы. Первый вопрос: можно ли говорить о существовании на протяжении всех семи веков русского средневековья единого художественного метода литературы или следует говорить о нескольких методах, последовательно сменяющих друг друга или

одновременно существующих? И второй вопрос: художественный метод или художественные методы древнерусской литературы являются ли результатом целенаправленных, сознательных усилий древнерусских авторов или они возникают спонтанно, в результате того или иного состояния сознания, мышления и пр.? По обоим вопросам имеются разногласия. С одной стороны, были высказаны схематизирующие точки зрения, упрощающие вопрос о художественных методах русской средневековой литературы, подчиняющие их двум-трем общим принципам; естественно, что такая схематизация отдает предпочтение идеям спонтанного происхождения этого единого художественного метода. С другой стороны, имеются точки зрения, выросшие на основе научной индукции. Это индуктивное, конкретное рассмотрение приводит к обратным результатам: к выявлению многообразия художественных методов, связанных с конкретными многообразными же целями, которые стояли перед писателями и древнерусскими книжниками в целом.

В самом деле, когда исследователь, задумавший изучить художественные методы древнерусской литературы, обращается к конкретным памятникам, первое, что его поражает — это многообразие художественных методов не только во всей древнерусской литературе за все семь веков ее существования, но только в ту или иную эпоху, у того или иного автора, но даже в одном и том же произведении. Произведение может в разных своих частях следовать различным художественным методам, переходить от одного художественного метода к другому, объединять в едином замысле части различной художественной значимости, различной интенсивности художественного сознания, художественные и нехудожественные.

Таково, например, «Поучение» Владимира Мономаха, где, с одной стороны, есть части, написанные «высоким» церковнославянским стилем и отражающие его патетические, глубоко философские взгляды на мир, а с другой — чисто «летописные» части, в которых выразилось его эмпирически деловое отношение к окружающим явлениям и событиям жизни. Различные художественные методы могут быть обнаружены в «компилятивных» памятниках — в сводах повестей, в патериках, летописях, отдельных повествованиях, продолженных в последующей жизни памятников, и т. д.

Всякий художественный метод составляет целую систему крупных и мелких средств к достижению определенных, сознательных художественных целей. Поэтому каждый художественный метод имеет множество признаков, и эти признаки определенным образом соотносятся между собой. Анализируя тот или иной художественный метод, необходимо указывать не только на эти признаки, но и на их соотношение. Это соотношение бывает настолько «жестким», что по одному какому-либо признаку можно иногда реконструировать и остальные. О том, что по одной какой-либо художественной детали можно восстановить целое, писал уже А. Н. Веселовский. Больше того, он считал, что по истории одного из художественных элементов литературы можно восстановить историю художественной эволюции как таковой. «Если я скажу, — писал А. Н. Веселовский, — что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением. И не только стиля, но и поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и их выражений в слове — до их закрепления в ряды формул, наполняющихся содержанием очередных общественных мирозерцаний».⁶

⁶ А. Н. Веселовский. Из истории эпитета. — Собрание сочинений, т. I. СПб., 1913, стр. 58.

Итак, художественный метод составляет некую систему средств к достижению определенных целей, и невозможно думать, что на протяжении семи веков существования древней русской литературы для всех авторов и для всех жанров эта система была одной и той же. Всякого рода категорические суждения, узко определяющие в пределах немногих общих схематизирующих положений художественный метод всей древнерусской литературы от XI и до XVII в. включительно, как правило, не охватывают всего разнообразия художественных явлений, не учитывают развития литературы, ее движения вперед.

Больше того, как мы уже отметили выше, древнерусская литература поражает своим исключительным разнообразием художественных методов, сочетанием в одном произведении нескольких, иногда противоречивых художественных методов.

Единый художественный метод средневековой литературы выделить невозможно, так как каждый художественный метод составляет сложную систему и эти системы не совпадают. В дальнейшем, когда художественные методы древнерусской литературы будут изучены более или менее полно, можно будет, по-видимому, выделить некоторые общие для всех отдельных художественных методов средневековья признаки или, вернее, выделить какие-то типичные признаки, более или менее часто встречающиеся. Надо иметь в виду при этом, что средневековье так велико, продолжительно и разнообразно, что исключений из правил может оказаться даже больше, чем самих правил.

Ни один из признаков художественных методов средневековья не обладал, как мы уже сказали, всеобщностью. И это в значительной степени объясняется тем, что древнерусские художественные методы в гораздо большей степени порождены сознательной волей писателя, чем спонтанными явлениями.

Художественные методы литературы Древней Руси определялись в основном сознательным выбором, а не бессознательной необходимостью. Авторы предпочитали одни приемы, темы, стиль, язык и пр., отбрасывая другие, воспринимали методы переводной литературы, иногда фольклора, возвращались к художественным методам предшествующих литературных эпох и пр. Древнерусская литература обладала восприимчивостью к новому, к чужому, постороннему. Ее переводная литература была исключительно разнообразна. В ней были произведения, созданные в первые века христианства и почти современных ей литератур запада и востока, произведения византийские, южнославянские, древнееврейские, польские, чешские и пр. При этом у древнерусского читателя не было никаких поправок на эпоху, не было исторического взгляда на переводное произведение. Каждое произведение, когда бы и где бы оно ни было создано, воспринималось в его непосредственной данности. Следовательно, только невниманием к конкретному составу древнерусской литературы можно объяснить попытки свести все художественные методы к одному методу.⁷

⁷ Так, например, С. Азбелев в статье «О художественном методе древнерусской литературы» (Русская литература, 1959, № 4) утверждает, что в течение семи веков, а частично и дольше (заходя в XVIII в.) на Руси существовал только один художественный метод — «синкретизм» [термин, заимствованный не у А. Н. Веселовского, а из статьи Г. Гачева «От синкретизма к художественности» (Вопросы литературы, 1958, № 4)]. Метод этот существовал для всех веков, всех жанров, всех писателей, для литературы оригинальной и переводной. Сущность этого метода сводится к тому, что литература в средние века не была отъединена от науки, публицистики, религии. Но сущность художественного метода не может быть сведена к одной и притом вовсе не творческой черте.

Художественные методы обслуживают определенные, меняющиеся потребности. Разумеется, в художественном произведении есть и элементы, возникшие спонтанно, помимо художественной воли их авторов. Так, например, в летописи люди не только изображаются, но и отражаются помимо воли летописца. Летопись запечатлевает определенные, существовавшие в ту или иную эпоху представления, исторические лица отражаются в ней через события, участниками которых они были и которые оказались занесенными в летопись. Однако методологически правильным будет искать в изображении художественную волю писателя в первую очередь и лишь остаток отнести на счет спонтанного воздействия непосредственно самой действительности.

Сделанные нами предварительные замечания направлены против схематизации в решении вопроса о художественных методах древнерусской литературы.

Художественные методы Древней Руси различались по индивидуальностям писателей, по эпохам, по жанрам, по различным типам соединений с деловыми формами письменности и в связи с различными деловыми назначениями отдельных произведений. Кроме того, древнерусская литература постоянно подвергалась внешним воздействиям — со стороны фольклора с его художественными методами, со стороны переводной литературы с художественными методами этой последней, со стороны литератур, близких по языку (болгарской, сербской, чешской и др.). Все это разнообразило художественные методы древнерусской литературы. Можно даже считать, что разнообразие художественных методов было одной из специфических особенностей древнерусской литературы.

Индивидуальное начало в художественных методах древнерусской литературы

Если творческий метод в основном определяется авторскими интенциями и через авторские интенции, то как быть с тем неоспоримым фактом, что индивидуальность автора и, в частности, его стиля отражается в произведениях средних веков значительно слабее, чем в литературе нового времени? Несомненно, что воля художника в значительной степени лишь промежуточный этап воздействия общества (хотя и не может быть сведена только к этому воздействию). Общество же средних веков значительно строже подчиняло человеческую индивидуальность корпоративному началу. Это общее положение не снимает, однако, с литературоведа обязанности каждый раз особо исследовать характер проявления индивидуальности автора и причин, по которым эта индивидуальность сказывается в том или ином аспекте, с той или иной степенью интенсивности.

Коснемся прежде всего вопроса об индивидуальных особенностях стиля. В. В. Виноградов пишет: «... в древнерусской литературе, по крайней мере до XVII в., проблема индивидуального стиля, его отношений к литературному языку, к его типам или разновидностям не играет той роли, как в русской литературе XVIII и особенно XIX и XX вв. Кроме того, пропуски, изменения или дополнения в тексте древнерусского произведения, характеризовавшие его литературную историю, даже после распространения книгопечатания, по большей части не сближались и не отождествлялись с фальсификациями или подделками в собственном смысле этого слова. Между тем в новой литературе частичное искажение текста иногда переключается в фальсификацию целого, в литературную

мистификацию.⁸ Вопрос о правильности литературного текста здесь органически сплетается с проблемой типических своеобразий индивидуального стиля писателя.⁹

Здесь В. В. Виноградов правильно отмечает отсутствие интереса и внимания к индивидуальному стилю писателя в литературе Древней Руси, выражающееся, в частности, в отсутствии подделок под определенный индивидуальный стиль, в отсутствии литературных мистификаций. Перед нами констатация весьма важного явления. Однако простая констатация еще недостаточна. Необходимы анализ этого явления и его объяснение.

Прежде всего обратим внимание на то, что известная приглушенность авторского начала по-разному сказывается в разных жанрах, в разных произведениях и у разных авторов. Проблема авторства решается по-разному для церковной литературы, с одной стороны, и для всех жанров светской литературы — с другой. В первом случае мы можем отметить обостренное чувство авторской принадлежности произведения, принимающее своеобразные формы. Во втором — интерес к автору произведения почти отсутствует.

В первом случае авторитет произведения значительно поднимается оттого, что оно приписывается тому или иному «отцу церкви» или значительному в истории церкви лицу. Заметим, что авторитет автора этого рода произведений завоевывается им не столько «литературной работой», сколько внелитературными заслугами — положением в церкви, подвигами святости и т. п. При этом произведения церковные берегутся и по составу, и по тексту.

Во втором случае произведения по большей части безымянны, автор редко указывается в заглавии произведения и часто смешивается с переписчиком и редактором. Текст этих произведений постоянно подвергается переработкам и используется в компиляциях. Это различие двух типов авторства касается и переводной литературы. Н. А. Мещерский пишет: «В славяно-русской переводной письменности нам известны два типа переводных произведений по их содержанию и целевому назначению и по степени их близости к переводным оригиналам.

«К первому типу произведений относятся все памятники догматического, канонического или литургического назначения. Сюда принадлежат переводы евангелия, псалтири, служебников, миней и пр. Эти переводы отличаются дословностью и большой близостью к синтаксическим конструкциям оригинала.

«Второй тип произведений включает в себя различные повествовательные памятники, не имеющие непосредственного церковно-религиозного значения. Наиболее ярким примером переводов названного типа следует считать известный древнерусский перевод „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия, сделанный с небывалой по тому времени свободой и содержащий значительное количество пропусков и в особенности характерных добавлений переводчика. Это скорее творческая переработка греческого подлинника, чем в полном смысле слова перевод. Древнерусский переводчик ставил перед собой идеологические и стилистические задачи, совершенно не вытекающие из содержания и формы переводимого греческого произведения.

⁸ Е. Ланн. Литературная мистификация. М.—Л., 1930. (Примечание В. В. Виноградова).

⁹ В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. — Вопросы языкознания, 1958, № 2, стр. 5.

«В несколько меньшей степени отклоняющимися от оригинала, но не передающими его буквально, мы можем признать такие произведения хроникально-повествовательного жанра, как „Хроника“ Георгия Амартола, „Хроника“ Иоанна Малалы, „Александрия“, „Повесть об Акире Премудром“, „Девгеньево Деяние“ и др.»¹⁰

Из изложенного ясно, почему индивидуальный характер стиля не просто понижен в древнерусской литературе как в едином целом, а находится на разных уровнях в различных типах литературы: в литературе, «высокой» по темам и по иерархическому положению своих авторов, чувство авторства выражено сильнее и ярче сказываются индивидуальные особенности стиля. В литературе «низкой» и «средней» чувство авторства сказывается меньше и авторы не стремятся к созданию своего стиля, к воплощению в своих произведениях собственного «образа автора».

Было бы неправильно думать, что в древнерусской литературе с ее пониженным ощущением авторской индивидуальности отсутствует или приглушен этот авторский образ. Как это ни покажется парадоксальным, образ автора, непосредственный голос автора в произведении выражен в XI—XVII вв. не только не слабее, но иногда и сильнее, чем в литературе нового времени. Однако этот сильный образ автора, как правило, слабо индивидуализирован. И в этом все дело. Перед нами обычно повторяющийся образ автора, одни и те же приемы самохарактеристики, одни и те же формулы выражения авторской скромности, одни и те же приемы обращения к читателю и пр. Правда, и они различаются, но различаются по большей части не по отдельным авторам, а по отдельным жанрам. Есть образ автора-проповедника (с некоторыми различиями для проповеди торжественной, праздничной и для проповеди нравоучительной, будничной), есть образ автора-агиографа (и опять-таки с некоторыми различиями для жития «украшенного» и жития «неукрашенного»), есть образ автора-летописца, автора, повествующего об общественном несчастье, и образ автора, пишущего о победе русских, автора «бытовой» повести, в XVII в. — автора сатирического произведения и т. д.

Разумеется, жанровые отличия для образа автора имеются и в литературе нового времени (мы можем говорить об образе автора реалистического романа и об образе автора романтической поэмы, лирического стихотворения вообще или об образе автора анакреонтического стихотворения и пр.). Однако в литературе древнерусской жанровый образ по большей части подавляет образ индивидуальный. Конечно, и в данном случае следует считаться с исключениями и внимательно их изучать. Авторская индивидуальность резко сказывается в тех случаях, когда автор занимает высокое общественное положение, ощущает себя властью имущим: Владимир Мономах, создающий в своем произведении свой личный образ правителя и автора; Иван Грозный, резко нарушающий существующие приемы и этикетные нормы дипломатической переписки; митрополит Даниил, дающий в отдельных пассажах своих слов выход своему сатирическому темпераменту, и пр. С другой стороны, существуют писатели, в произведениях которых сказывается их личная осведомленность в тех или иных событиях, их индивидуальный язык, их представления о должном, их общественные идеалы и пр. Такие писатели легко могут быть обнаружены во всех жанрах древнерусской литературы, однако следует различать сознательное стремление к самовыражению, к созданию собственного,

¹⁰ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, Л., 1962, стр. 87.

неповторимого авторского образа и спонтанное, бессознательное выражение самого себя.

Некоторые случаи самовыражения требуют особых исследований. Одним из самых сложных явлений создания «образа автора» представляются мне «Моление» и «Слово» Даниила Заточника. Как известно, образ автора в этих произведениях очерчен очень определенно. Известно также, что другого произведения, в котором можно было бы наблюдать сходный образ автора, нет. Что же перед нами — резко индивидуализированный образ автора? Если мы учтем, что произведения эти относительно очень древние (XII—XIII вв.), что образ автора в них тесно связан с особенностями стиля, свойственными только этим произведениям, то перед нами как будто бы факт, противоречащий тому, что мы писали выше об авторском начале.

Мне думается, однако, что этого противоречия нет. Оно будет только в том случае, если мы признаем, что Даниил Заточник был на самом деле и сам создал стиль своего произведения. Между тем, по-видимому, Даниил Заточник — это выдуманный, никогда не существовавший персонаж. Если Даниил Заточник и существовал под этим именем, то к нему стали все же с течением времени прикрепляться изречения одного типа, принадлежавшие различным авторам — переписчикам и редакторам его произведений. В будущем это может быть установлено текстологически.

Сильный образ Даниила Заточника притягивал к себе в течение нескольких веков однородный материал — однородный и в стилистическом отношении, и в «идейном». И, конечно, этот образ — не индивидуальное изобретение. Это образ скомороха, уже имевшийся в скоморошьем творчестве. Перед нами балагур, неудачник, попрошайка. Через его попрошайничество видится ему и весь остальной мир. Он хвалит князя, льстит ему, чтобы получить от него побольше, — отсюда образ «сильного» князя. Он обращается на пиру по преимуществу к мужской компании — отсюда образ злой жены (образ, созданный корпоративным чувством веселящейся мужской компании). На единый образ автора-скомороха и на трафаретную ситуацию наслаивались различные изречения. Конечно, этот образ автора-скомороха и ситуация княжеского пира несколько менялись по векам, в произведение «включались» актуальные темы современности, но в целом устойчивость образа автора в течение целого полутысячелетия существования этих произведений при крайней неустойчивости самого текста — верный признак того, что перед нами не созданный индивидуальным усилием образ автора, а образ, существовавший и вне этого произведения.¹¹

Представляет особый интерес исследование постепенного увеличения чувства авторства, появления индивидуальных образов автора в демократической литературе XVII в., в произведениях Аввакума и Епифания, в силлабической и народной поэзии второй половины XVII в. и т. д. XVII век представляет собой существенный перелом в отношении к появлению не только индивидуального образа автора, но и связанных с этим индивидуальным образом индивидуальных особенностей стиля.

Правда, необходимо иметь в виду, что борьба за индивидуальный образ автора в XVII в. только началась, а продолжалась она и в течение всего XVIII в. и в начале XIX.¹²

¹¹ См. подробнее некоторые соображения на этот счет в статье: Д. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 106—119.

¹² О пониженном чувстве авторства в литературе XVIII в. в связи с поэтикой классицизма см. в статье: Г. А. Гук овский. О русском классицизме. — Поэтика,

Итак, проблема авторства в древнерусской литературе имеет очень много аспектов, частично связанных с вопросом о художественных методах, и требует своего внимательного, детализированного изучения на конкретном материале.

Традиционность и художественные методы древнерусской литературы

Слабость индивидуального начала в древнерусской литературе в значительной мере связана с ее традиционностью. О традиционности средневековых литератур писалось немало, однако все же историко-литературное значение этого явления, как и его историко-литературное происхождение, освещены недостаточно.

Некоторым исследователям эта традиционность казалась результатом косности «древнерусского сознания», его неспособности воодушевляться новым, т. е. простым недостатком творческого начала. Между тем традиционность древнерусской литературы — факт определенной художественной системы, факт, тесно связанный со многими явлениями поэтики древнерусских литературных произведений, явление художественного метода. Стремление к новизне, к обновлению художественных средств, к приближению художественных средств к изображаемому — принцип, в полной мере разившийся в новой литературе. Поэтому стремление к «остранению», к неожиданности, к обновлению своего восприятия мира отнюдь не является извечным свойством литературного творчества, как это казалось и продолжает казаться многим литературоведам.¹³

В средневековье отношение к литературному приему иное: традиционность приема не воспринимается как его недостаток. Поэтому нет специфического для литературы нового времени стремления скрывать прием или его «обнажать». Прием — «нормален». Он полагается при изображении событий и явлений. Он требуется литературным этикетом.¹⁴ Он вызывает у читателя определенный рефлекс, служит сигналом для создания определенного впечатления в рамках соответствующего набора этих впечатлений от произведения.

Эффект неожиданности не имел в древнерусском литературном произведении большого значения: произведение перечитывалось по многу раз, его содержание знали наперед. Древнерусский читатель охватывал произведение в целом: читая его начало, он знал, чем оно кончится. Произведение разворачивалось перед ним не во времени, а существовало как единое, наперед известное целое. Во всяком случае литература была менее

вып. V. Л., 1929; ср. его же статью «К вопросу о классицизме» (Поэтика, вып. IV. Л., 1928).

¹³ В частности, Б. В. Томашевский различает во всяком литературном произведении ощутимые (заметные) и неощутимые (незаметные) приемы. Об ощутимых приемах Б. В. Томашевский пишет следующее: «Причина ощутимости приема может быть двоякая: их чрезмерная старость и их чрезмерная новизна. Изжитые, старые, архаические приемы ощутимы как назойливый пережиток, как потерявшее свой смысл явление, продолжающее существовать в силу инерции, как мертвое тело среди живых существ. Наоборот, новые приемы поражают своей непривычностью, особенно если они берутся из репертуара, до сих пор запрещенного (например, вульгаризмы в высокой поэзии)» (Б. В. Томашевский. Теория литературы. Поэтика. Изд. 5-е. М.—Л., 1930, стр. 157). С точки зрения Б. В. Томашевского, литература всегда стремится освободиться от традиционных приемов, скрывая их или, напротив, обнажая. Приемы рождаются, живут, стареют, умирают (там же, стр. 158).

¹⁴ См. подробнее: Д. Лихачев. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения), стр. 5—16.

«временным» искусством, чем в новое время. Соответственно динамические элементы литературы, которые так подчеркивал Ю. Тынянов,¹⁵ играли в средневековой литературе заметно меньшую роль, чем в литературе новой.

Каждый читатель, читая произведение, как бы участвует в некоей церемонии, включает себя в эту церемонию, присутствует при известном «действии», своеобразном «богослужении». Индивидуальные впечатления от литературного произведения не предусмотрены. Литературное произведение рассчитано не на индивидуального читателя, хотя эти индивидуальные читатели только и возможны в подавляющем большинстве случаев.

Для нас произведение «оживает» в чтении. Произведение существует в его воспроизведении читателем — вслух или про себя. Средневековый книжник, создавая или переписывая произведение, создает известное литературное «действие», «чин». Чин этот существует сам по себе. Поэтому-то произведение надо красиво переписать, переплести в дорогой переплет. Это точка зрения средневекового «реализма» (философского течения, противоположного номинализму) — точка зрения целиком идеалистическая, предполагающая реальность существования идей. Литературное произведение живет «идеальной» и вполне самостоятельной жизнью. Читатель не «воспроизводит» в своем чтении это произведение, он лишь «участвует» в нем в чтении, как участвует молящийся в богослужении, присутствующий при известной торжественной церемонии. Торжественность, известная пышность, церемониальность литературы — неотъемлемое качество литературы, оно неотделимо от ее этикетности, употребления одних и тех же церемониальных приемов.

К этому вопросу о графаретности, связанной с идеалистичностью художественных методов древнерусской литературы, мы еще будем неоднократно возвращаться. Забегая несколько вперед, следует все же отметить, что это лишь одна сторона литературы. Наряду с ней существует и ей противоположная, как бы некий противовес — это стремление к конкретности, к преодолению графаретов, к реалистическому изображению действительности. На этом вопросе мы также еще остановимся в дальнейшем.

Одна из интереснейших задач поэтики — выяснение причин, по которым в литературе вырабатывались определенные поэтические формулы, образы, метафоры и пр. В лекции «О методе и задачах истории литературы, как науки» А. Н. Веселовский писал: «Не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым?»¹⁶

Как видно из приведенного отрывка, А. Н. Веселовский считал, что традиционность формул, мотивов, образов и прочего зависела от известной косности литературного творчества. Думаю, что здесь дело не в кос-

¹⁵ Ю. Тынянов. О литературном факте. — ЛЕФ, 1924, № 2.

¹⁶ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 51.

ности, а в определенной эстетической системе. И эту систему необходимо изучить, так же как и причины, по которым эта система постепенно отмирала, заменяясь другой системой. Здесь нужно вспомнить о некоторых особенностях литературного развития в средине века.

Ю. Тынянов в статье «О литературном факте» выдвинул особый принцип литературного развития — борьбу с автоматизацией: «... при анализе литературной эволюции мы наталкиваемся на следующие этапы: 1) по отношению к автоматизованному принципу конструкции — диалектически намечается противоположный конструктивный принцип; 2) идет его приложение — конструктивный принцип ищет легчайшего приложения; 3) он распространяется на наибольшую массу явлений; 4) он автоматизируется и вызывает противоположные принципы конструкции».¹⁷ Принцип автоматизации и борьбы с ней в литературе предполагает хорошее чувство современности в читателях литературы. Этого не было в Древней Руси. Там произведения жили многими столетиями. Произведения старые иногда интересовали даже больше, чем произведения только что созданные (интересовала «авторитетность» произведения как исторического документа, как произведения значительного в церковном отношении и т. д.). Поэтому не осознавалась и смена литературных явлений. В письменности было «одновременно», а вернее, вневременно всё, что написано сейчас или в прошлом. Не было ясного сознания движения истории, движения литературы, не было понятия прогресса и современности, следовательно, не было представлений и об устарелости того или иного литературного приема, жанра, идеологии и пр.

Литература развивалась не потому, что что-то «устаревало» в ней для читателя, «автоматизировалось», требовало «остранения», «обнажения приема» и пр., а потому, что сама жизнь, действительность и в первую очередь общественные идеи эпохи требовали введения новых тем, создания новых произведений.

Литература не столько подчинялась внутренним законам развития, сколько внешним внелитературным условиям своего существования.

Освобождение от старых изобразительных средств идет в средние века не путем их обнаружения и последующего отмирания, ибо само по себе обнаружение традиционного приема, формулы, мотива ни в коей мере не требует их удаления, а путем их чрезмерной «формализации», чрезмерного внешнего развития за счет потери внутреннего содержания, ослабления значимости в новых исторических и историко-литературных условиях.

В новой литературе в традиционной формуле или в традиционном мотиве отмирает, перестает быть действенной прежде всего сама внешняя сторона формулы и мотива, в древнерусской литературе отмирает содержание, формула и мотив «окаменевают». Формула и мотив могут наполняться другим содержанием, в связи с чем отмирает их этикетность, строгость их употребления в определенных случаях. Исчезает функция этикетных формул и мотивов раньше, чем исчезают сами эти формулы и мотивы. Происходит наполнение литературных произведений «беспризорными» формулами и традиционными мотивами, лишившимися своих традиционных, стабилизирующих их причалов.

Из сказанного ясно, что изучение средневековой традиционности в древнерусской литературе должно вестись с постоянным учетом функ-

¹⁷ ЛЕФ, 1924, № 2, стр. 108; ср. также: Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы Л., 1929, стр. 17.

ции этой традиционности, меняющихся условий ее образования и ролью, которую они выполняют в том или ином жанре, в тот или иной момент литературного развития.

Необходимым условием этого изучения является составление словарей традиционных этикетных формул и мотивов со строго хронологическим расположением материала.

Литературные жанры и художественные методы в древнерусской литературе

Вопрос о традиционных формах в древнерусской литературе тесно связан с вопросом о соотношении в ней отдельных жанров.

Литературные жанры во все эпохи существуют не сами по себе, не независимо друг от друга, а составляют определенные системы, меняющиеся исторически. Подобно тому как в ботанике существует понятие «растительных ассоциаций», в литературоведении есть все основания применять понятие жанровых ассоциаций, или жанровых систем. Жанры составляют системы в силу того, что в каждую данную литературную эпоху действует единая совокупность порождающих их причин, колеблются по эпохам и самое содержание и объем понятия жанра, а кроме того, отдельные жанры находятся между собой во взаимодействии, характер которого также меняется исторически.

Жанры в Древней Руси в гораздо большей степени, чем в новое время, различались между собой по своему художественному методу. Мы можем говорить о хронографическом стиле и хронографическом художественном методе, о стиле панегирической агиографии и соответственно о художественном методе панегирических житий, о летописном стиле и о летописном художественном методе и т. д. Каждому жанру в Древней Руси свойственно то или иное отношение к миру представляемых им сюжетов, тот или иной художественный метод. Изучение средневековых жанров именно с этой стороны может иметь очень большое историко-литературное значение.

При изучении особенностей художественного метода отдельных жанров очень важно принять во внимание своеобразную неравноправность средневековых жанров. Жанры составляли между собой своеобразную «феодалную иерархию». Были жанры объединяющие и подчиненные — первичные, существовали жанры и «поджанры». Эту сложную систему жанров, при которой между жанрами существовали своеобразные «васальные отношения», удобнее всего разъяснить, рассмотрев самую структуру литературных произведений Древней Руси. Литературные произведения XI—XVII вв. имеют в основном «ансамблевое строение». Произведение может состоять из разнородных частей; одни из них могут рассматриваться как самостоятельные или полусамостоятельные произведения и в свою очередь входить в такие объединяющие эти произведения «своды», которые тоже в известной мере могут считаться своего рода самостоятельными произведениями. Вернее, полной самостоятельности нет у большинства произведений древнерусской литературы. Все они входят одно в другое и соединяются между собой. Приведу примеры.

Житие какого-либо святого имеет, помимо своей основной части, ряд дополнений — описаний его посмертных чудес, произведений, входящих в цикл служб святому. Эти дополнения могут быть составлены в совершенно другом стиле, другим художественным методом. Сами авторы никогда почти не стремятся выдержать свои дополнения в том же стиле, что

и основная часть жития. Подобно тому как в древнерусском зодчестве позднейшие пристройки не стремились подражать стилю основного здания, а создавались в стиле своей эпохи, так и в литературе дополнения к произведению (иногда очень многочисленные) не имитировали стиля основной части произведения, продолжая его лишь по содержанию. Да по существу жанр житийных чудес был особым жанром, отличным от основной части жития и отчасти объединяющимся с ним в особом объединяющем их жанре агнографической литературы (куда входила основная часть жития, дополнительные к нему посмертные чудеса, особый жанр похвалы святому, отдельные службы ему же и пр.). Вся совокупность этих разножанровых произведений о том или ином святом в свою очередь могла входить в произведение, их объединяющее с целым рядом других (однородных и неоднородных по жанру): в патерик, четьи минеи, пролог и пр. Каждый из этих последних сводов также мог рассматриваться как своего рода произведение, но произведение особого, «объединяющего жанра».

Ансамблевый характер житий был подчеркнут В. О. Ключевским: «Житие — это целое архитектурное сооружение, напоминающее некоторыми деталями архитектурную постройку».¹⁸

Аналогична структура произведений, входящих в летопись, хронограф, степенную книгу, временник, торжественник и др. Ясно, что структура произведений древнерусской литературы глубоко отлична от современных. При этом ясно и другое: художественная структура произведений древнерусской литературы допускала сосуществование в них различных художественных методов. Произведения древнерусской литературы «наращивались» произведениями других жанров и других эпох. При этом перед нами были не только «наращивания», но и переработки, оставлявшие следы предшествующих стадий.

Одна из самых важных задач исторической поэтики русской литературы XI—XVII вв. — выяснить условия сосуществования разных жанров и разных художественных методов, ибо самое объединение разных произведений происходило не без участия художественных требований. «Своды» древнерусской литературы были и сводами художественных методов. При каких условиях сосуществовали в одном «ансамблевом» произведении разные художественные методы? Все ли методы могли сосуществовать друг с другом? Происходило ли это сосуществование на основе контрастов или на основе гармонии и сходства отдельных методов? Все это вопросы крайне важные, на которых необходимо будет остановиться будущим исследователям.

Необходимо учесть, что контрасты и противопоставления играли в древнерусской литературе очень большую роль. Они же играли большую роль в зодчестве и живописи. Возможно поэтому, что различные художественные методы входили в более общее явление, в котором использовалась в художественных целях самая игра на сопоставлениях и противопоставлениях отдельных художественных методов. Эта своеобразная мета — поэтика древнерусской литературы — составляет ее отличительную черту, к которой мы еще вернемся, когда будем рассматривать существование в ней элементов реалистичности.

Само собой разумеется, что система жанров в Древней Руси не была постоянной, неподвижной. Она менялась исторически. Изучение этих изменений в соотношении и функциях отдельных жанров представляет очень большой интерес.

¹⁸ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. II. М., 1908, стр. 321.

2 Древнерусская литература, т. XX

259454

Начиная с XV в. возрастает количество произведений и сборников, предназначенных для индивидуального чтения. В результате происходит деформация жанровой системы, и к XVII в. появляются жанры, по типу своему близкие к жанрам нового времени; одновременно сохраняются старые жанры.

Система литературных жанров Древней Руси тесно соприкасалась с системой жанров фольклорных. Если система жанров фольклора была системой цельной и законченной, способной в какой-то мере удовлетворять потребностям народа, в массе своей неграмотного, то система жанров литературы Древней Руси была неполной. Она дополнялась фольклором. Обе системы находились в тесном взаимодействии. Отсутствие в литературе Древней Руси любовной лирики, чисто занимательных жанров и жанров театральных в значительной мере объясняется тем, что потребности в этих жанрах восполнялись фольклором. В XVII в. фольклор отступает из городов и оставляет дома русского боярства. Вот почему в палатах царя и хоромы бояр прежде всего появляются книжная лирика и театр. Записи былин и лирических произведений начинают делаться в XVII в. отчасти потому, что исполнение их в известной среде становится затруднительным, а потребность в них еще сохранялась.

В связи с этим для изучения взаимоотношения жанровых систем литературы и фольклора крупный интерес представляет выяснение условий и принципов их сосуществования, сравнительное исследование их художественных методов.

Грань художественности в древнерусской литературе

Выше мы видели, что в «ансамблевом строении» древнерусских литературных произведений могут сочетаться художественные и нехудожественные, чисто «деловые» поджанры. Это соединение художественных и нехудожественных явлений встречается не только в литературе древней, но для древней русской литературы оно, действительно, очень характерно.

Дело в том, что, вообще говоря, между сферой искусства и сферой обыденного, практического бытия линия разграничения едва уловима. Темы литературы очень часто являются и нелитературные явления, живущие своей жизнью вне литературы.

В. В. Виноградов отмечает, что творчество многих писателей (хотя бы Бальзака, Стендаля, Достоевского, Л. Толстого, Горького, Герцена, Салтыкова-Щедрина и др.) «по-своему, но непосредственно и остро синтезирует и поэтические, и риторические, т. е. агитационно-убеждающие, и публицистические, и деловые, научно-теоретические и иные функции».¹⁹

Синтезирование в одном произведении художественных и нехудожественных функций может быть особым художественным приемом. В структуру художественного произведения вводится своеобразный нехудожественный реквизит. Правда, в литературе нового времени этот реквизит часто создается самим художником, в литературе же средневековой может быть введен материал, созданный другими авторами и совершенно в другую эпоху.

В. В. Виноградов совершенно правильно пишет о том, что поэтика

¹⁹ В. В. Виноградов. О теории поэтической речи. — Вопросы языкознания, 1962, № 2, стр. 17.

отнюдь не замкнута, обращаясь все время к пограничным областям. «Поэтика, отправляясь от теории поэтической речи и отчасти базируясь на ней, не может ограничиться приемами и принципами чисто лингвистического анализа, не может замкнуться в категориях и формах, относящихся только к языку и речи в разных их функциях. Она обогащается понятиями и обобщениями общей теории художественного творчества — искусствovedения и литературоведения.

«В самом деле, стих в своих истоках, по своей природе и во многих формах своего существования органически соединен с музыкой (более всего, конечно, в виде песни); многие типы и разновидности повествовательной прозы вышли из устного сказа, связаны с ним, несут на себе его печать и тогда, когда они уже оторвались от него, а сказ — это также особая форма словесного и сценического, театрально-бытового искусства; есть виды художественной прозы, которые отпочковались от ораторской речи, а ораторская речь всегда считалась искусством; драма вся целиком принадлежит театру, а театр также — очень яркий вид специфического искусства; несомненны связи между художественной литературой и изобразительными искусствами. Поэтому поэтика не может не включать в себя и понятий и обобщений искусствovedения».²⁰

Рождение явлений искусства из «быта» отметил Ю. Тынянов в статье «О литературном факте».²¹ Он приводит пример из области литературы XVIII в. — письмо. В конце XVIII в. письмо из области быта становится явлением искусства, оно открывает собой новый жанр литературы («Письма русского путешественника»). Письмо из документа становится литературным фактом.²²

То же мы видим и в литературе древней, но там причины появления нового жанра из явления быта другие: потребность выразить то, что не укладывалось в старые жанры, частично заимствованные нами из литератур византийской и южнославянской.

Соединение художественных и нехудожественных явлений в древнерусской литературе не ограничивается «пластами» различных жанров, залегающих в тех или иных произведениях. Это связь живая. Нехудожественные явления переходят в художественные и обратно. Рубеж, обособляющий искусство, все время разрушается и все время восстанавливается, не ограничиваясь образованием и отмиранием жанров. Искусство «дышит». Область искусства находится все время в движении.

В своей статье «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“»²³ я пытался показать, как феодальная и бытовая терминология и образность обывденной речи приобретают в «Слове о полку Игореве» в определенных творчески-функциональных условиях поэтический характер. В. В. Виноградов пишет, что «поэтические средства не образуют специальной системы, но опираются на системные отношения языка внехудожественных областей».²⁴

²⁰ В. В. Виноградов. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы. — Вопросы языковедения, 1962, № 5, стр. 15.

²¹ ЛЕФ, 1924, № 2, стр. 109 и сл.

²² Многие факты о роли жанра письма и переписки в конце XVIII—начале XIX в. собраны В. Шкловским в книге «За и против. Заметки о Достоевском» (М., 1957, стр. 24—30 и др.).

²³ Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

²⁴ В. В. Виноградов. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы, стр. 5.

Характерно, что в современной литературе «слой специальных поэтических выражений и форм (поэтизм как реликтов предшествующей поэзии...) невелик и продолжает сокращаться».²⁵ Сокращение это происходит под влиянием поэтики реализма, требующей уничтожения всякого рода штампов и трафаретных приемов изображения. В древнерусской литературе происходил обратный процесс — накопления «поэтизмов», формул литературного этикета. Представляет очень большой интерес, как этот процесс происходил и как шла «поэтизация» любых этикетных формул и деловой терминологии. Только изучение всей русской литературы от ее истоков и до современности позволит установить этот процесс первоначального накопления этикетных формул и поэтизмов и последующего освобождения литературы от них.

Довольно типичное сочетание в древнерусских произведениях — это сочетание стихов и прозы. В «Ином сказании», в «Житии Федора Иоанновича» и во многих других произведениях Древней Руси мы можем заметить вкрапления рифмованных стихотворных строчек в прозу. По-видимому, это вкрапление стихов в прозу — довольно устойчивая и традиционная манера в древнерусской литературе. Мы можем встретить ее в летописи, в «Слове о полку Игореве», в «Молении» Даниила Заточника и др. Законы этого вкрапления своеобразны. Вкрапывается стих в прозу, но не проза в стих (последнее мы встретим только в записях народной поэзии XVII в.), причем инкрустируемые стихотворные отрывки не могут быть велики. Характерно также, что эти вкрапления отнюдь не возвышают прозы, они встречаются не в патетических местах, а в снижающих, они касаются обыкновенно обыденных явлений. Так обстоит дело в «Молении» Даниила Заточника и в «Сказании» Авраамия Палицына, в летописи и в житиях. Другое дело — ритмическая организация прозы. Она связана с лирическим подъемом изложения и может охватывать весь текст или отдельные большие его куски. Ритмическую организацию речи мы можем встретить в словах Кирилла Туровского, в молитвенных текстах и пр. Законы введения ритма рифм в древнерусскую прозу очень своеобразны и совсем не изучены. Это задача дальнейших исследований.

Художественное произведение — всегда на грани художественного явления. Оно находится в движении, подобном движению осмоса или диффузии. То это трансформация нехудожественного явления в художественное, то отталкивание от нехудожественного, то спонтанный переход в нехудожественное. Это происходит в самых разнообразных жанрах. Художественное явление вырастает из научного, исторического, публицистического, трансформирует в художественную сферу явления нехудожественные. Художественное выражение получают, трансформируясь, идеи нехудожественные — политические и научные. Художественно значимыми становятся явления языка, не рассчитанные на художественность. Происходит постоянное творчество: творчество художника и творчество всей литературы как целого. История литературы есть процесс творчества литературы — творчества, в котором принимает участие все общество.

Вместе с тем литература не осознается как единое целое. В литературе сочетаются в каждую данную эпоху произведения переводные и оригинальные, недавно созданные и традиционные. Сознание читателей не борется с этим «разнобояем» в пределах даже одного и того же произведения, не стремится к обновлению форм и содержания, довольствуется традиционным в сочетании с новым. Вот почему и смена литературных

²⁵ Там же.

явлений происходит в ней не в их единстве и совокупности, а порознь. Воздействие внешних условий осуществляется не на всю литературу как на единство, а действует порознь на отдельные явления литературы. Все это сильно осложняет изучение художественных методов древнерусской литературы.

Абстрагирование в древнерусской литературе

Через всю средневековую русскую литературу проходит стремление к художественному абстрагированию изображаемого. Стремление это сказывается по преимуществу в высоких жанрах литературы, но оно очень для нее характерно, отражая идеалистичность средневекового мировоззрения.

Абстрагирование вызывалось попытками увидеть во всем «временном» и «тленном», в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, «духовного», божественного. С точки зрения мировоззренческой это явление очень мало изучено. Укажем только, что это абстрагирование в мировоззрении никогда не было последовательным, ибо практика заставляла видеть в реальном реальное, а это имело очень важные последствия для художественного творчества.

В разные эпохи и в разных жанрах это абстрагирование постоянно сталкивалось с другими тенденциями — с тенденциями к художественной конкретизации и вступало с ними в различные сочетания.

С точки зрения художественных методов литературы абстрагирование изучалось еще меньше. Приемы этого абстрагирования чрезвычайно различны. Здесь и отказ от называния конкретных явлений их собственными именами, отказ от прикрепления повествования к конкретным географическим местам и конкретным историческим эпохам. Из литературного произведения по возможности изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны, некоторые исторические припоминания и т. д. Если и приходится говорить о конкретных политических явлениях, то писатель предпочитает называть их, не прибегая к политической терминологии своего времени, а в общей, описательной форме, пользуясь перифразами и т. п. С другой стороны, абстрагирование может создавать особого рода нагромождения синонимов, разрушающих в словах смысловые оттенки и оставляющих лишь одно общее. С третьей стороны, абстрагирование ведет к выдвиганию на первый план именно этих оттенков и затемнению основного смысла. Приемами абстрагирования являлись и постоянные обращения к символам, образам и цитатам из священного писания, к различного рода книжным аллюзиям, к «плетению словес», при которых стиль произведения подчиняется формалистическому словесному орнаменту и т. п. Все это еще очень мало изучено в своей исторической изменчивости.

Символическая система средневековой литературы требует особого исследования. Есть два рода символов и между ними множество градаций. С одной стороны, существуют традиционные символы, постоянно употребляемые и в общем понятные для читателя без особых разъяснений. С другой стороны, есть символы, употребленные только данным автором и в данном произведении, требующие авторского пояснения. Характерно, однако, что средневековый книжник, вводя в свое произведение новый символ, стремится связать его со священным писанием или с творениями

отцов церкви. Символы нетрадиционные, таким образом, входят как бы контрабандой, но входят обильно и настойчиво.

Возьмем для примера притчу Кирилла Туровского «О белоризце и о мнишестве». По существу она вся представляет собой раскрытие различных символов небольшой (меньше одной страницы) вымышленной истории. В этой притче раскрывается значение около сорока символов. Из них только около десяти подтверждаются текстами священного писания.

Наиболее распространенные символы были изучены с точки зрения их происхождения и отношения к фольклору В. П. Адриановой-Перетц в ее книге «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947). Предстоит, однако, изучить некоторые вопросы, не рассмотренные В. П. Адриановой-Перетц: церковное и нецерковное в символической системе средневековья, многозначность символов и обратное — существование многих символов для одного и того же явления, мировоззрение, заключенное в символической системе средневековья, его отношение к средневековому богословию, с одной стороны, и как выражение некоторых естественнонаучных представлений — с другой. Интерес представляет отношение символа к аллегории, метафоре и сравнению (по-видимому, некоторые символы переходят с течением времени в метафоры и сравнения, служат чисто художественным целям). Большой интерес представляет вопрос о реализации символов. Формы этой реализации в литературном произведении могут быть чрезвычайно разнообразными: символ может быть назван, он может быть рассказан, он может быть показан или на него может быть сделан только намек. Он может быть преподнесен читателю в цитате или в пересказе. Наконец, крупный интерес представляет то, как изображается символ: как нечто реальное, существующее, проявляемое в самой действительности (через божественную волю или как-либо иначе), как нечто, заложенное в реальном явлении, как его тайный смысл или же как авторское толкование, не имеющее отношения к действительности, но лишь подаваемое автором для истолкования явления. В разные исторические эпохи здесь обстояло по-разному.

Средневековые системы абстрагирования, средневековый идеализм, при котором мир резко делится на духовный и материальный, божественный и человеческий, привели к существованию еще одного явления, на которое до сих пор не было обращено никакого внимания: это своеобразная бинарность художественного мышления. Средневековое сознание во всем замечало две стороны: духовное начало и материальное, божественное и человеческое. Все в мире может быть разделено надвое: душа и тело, грех и добродетель, жизнь и смерть, вечность и временность. На этом, как мы видели, зиждился средневековый символизм, средневековое стремление к абстрагированию. Но на этом же основывалось и очень частое в средние века бинарное построение стиля художественных произведений, создающее своеобразный ритм древнерусской прозы и приведшее отчасти к образованию в ней морфологической рифмы.

В самом деле, бинарность средневекового мировоззрения, постоянные противопоставления материального духовному, доброго злему, божественного человеческому и пр. вели к тому, что бинарность стала одним из излюбленных принципов синтаксического построения прозы: «Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыд превыши небес воду поведуеть»,²⁶ «овем в честь и славу, овем в студ и муку».²⁷

²⁶ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 341.

²⁷ Там же, стр. 347.

Иногда балансировка заключалась кадансом, не нарушавшим бинарности, так как третье не было равноправным с первыми двумя, а как бы подчеркивало их единство. В качестве примера такой балансировки приведу отрывок из поучения св. Стефана: «Не имей дружбы с женою, да не сгориши огнем ея. Не имей дружбы с малым детищем, да не впадеша в сеть с ним. Не имей дружбы со старейшим своим, токмо слушай словеса его, а по делом его не твори. Не возлюби ити во град, ни рцы, яко чисто ми есть око, сотвориши бо е неприязни. Не пий вина, да не сотворит ти сердца осквернена в сластех похотных.

«Не яждь дважды днем, да не утолстеет ти плоть, и укореняться мысли...» и т. д.²⁸

Бинарные построения повели за собой возникновение морфологической рифмы: сперва спонтанной, а затем и сознательно вводимой в ткань прозы.

Мы не затронули и малой доли тех сложных вопросов, которые встают и встают по мере того, как тема абстрагирования привлекает внимание исследователя.

Об элементах реалистичности в древнерусской литературе

В пестром художественном многообразии древнерусской литературы имеется группа явлений, занимающих своеобразное место в общем «ансамблевом строении» ее художественных методов.

Мы видели выше, что в древнерусской литературе преобладает стремление к трафарету, к устойчивым словосочетаниям, к тем художественным методам, которые диктуются общими задачами, к художественному абстрагированию действительности. Однако среди этих трафаретных сочетаний и абстрагирующих приемов встречаются и такие, которые обращают на себя внимание своей близостью к художественным приемам нового времени: при общем стремлении к художественному обобщению и при отсутствии детализации вдруг вводится в описание художественная деталь, позволяющая наглядно представить себе описываемое; среди метафор-символов средневекового типа появляются и метафоры, помогающие конкретно изобразить явление; человек описывается не только в своих «идеальных» чертах, но и во вполне земных; в описываемом герое мы можем иногда узнать реальных людей с живыми человеческими слабостями и достоинствами; наряду с идеалистическими объяснениями событий встречаются и вполне реальные объяснения и т. д.

И. Некрасов говорил когда-то о реализме древнерусской литературы в целом: «... наш древний писатель был в полном смысле реалист. Произведениями своими он положил начало натуральной школе в поэтических произведениях нашей литературы».²⁹

Новейшие исследователи так вопрос не ставят. Ни о каком реализме в древнерусской литературе в собственном смысле этого слова речь сейчас идти не может. Это объясняется тем, что представления о реализме (а тем более о натуральной школе) приобрели в современном советском литературоведении гораздо более четкие формы и исторические координаты, чем

²⁸ А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, ч. 1. СПб., 1896, стр. 78.

²⁹ И. Некрасов. Древнерусский литератор. — Беседы в Обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете, вып. 1. М., 1867, стр. 48.

в литературоведении XIX и начала XX в. Если советские литературоведы и применяют термин реализм, то с оговорками и ограничениями — «средневековый реализм»,³⁰ «стихийный реализм»³¹ и т. п. По большей же части исследователи древнерусской литературы употребляют термины «реалистические тенденции» или «элементы реалистичности».³² В последних двух терминах принимается во внимание многообразие художественных методов, свойственное древнерусской литературе, при котором оказываются возможными «вкрапления» реалистичности в художественную ткань отнюдь не реалистических по своей природе произведений.

Итак, непоследовательность средневековых взглядов, средневекового отношения к действительности, средневековых абстрагирующих художественных методов дает возможность вторгаться в художественное творчество элементам реалистичности. Эти реалистические элементы в некоторых своих общих чертах действительно могут быть сближены с реализмом. Они еще не представляют собой цельного художественного метода реализма, предпосылки для возникновения которого созреют лишь в XIX в., но в них уже имеются некоторые черты, которые впоследствии разовьются в художественный метод реализма. В этих элементах реалистичности временно отступает средневековое идеалистическое объяснение событий и явлений. В них устранены средневековые штампы описаний, этикетные формулы. Средства изображения приближены к теме изображаемого. Прямая речь имеет черты, свойственные тем лицам, в уста которых она вложена. Художественная деталь занимает подобающее ей место. Метафоры и сравнения отделились от символов и аллегорий и стремятся к созданию иллюзии действительности.

Будущим исследователям элементов реалистичности в древнерусской литературе необходимо обратить внимание на следующее. Отдельные признаки реалистического стиля появляются в древнерусских произведениях обычно в совокупности. Конкретность описания сочетается с наличием художественных деталей, художественная деталь соединяется с метафорой реалистического типа, то и другое — со стремлением объяснить события вполне реальными, отнюдь не потусторонними причинами.

Последнее особенно важно. Элементы реалистического стиля обычно сочетаются не только между собой, но и с элементами же реальной интерпретации передаваемого. Отсюда ясно, что появление этих реалистических элементов диктуется какими-то особыми причинами, лежащими вне требований стиля. И действительно, реалистические элементы появляются под воздействием определенного художественного задания.

Элементы реалистичности по большей части связаны с прогрессивными целями, которые ставили себе авторы произведений. Смерти, преступления, княжеские усобицы описываются для того, чтобы изменить действительность, возбудить в читателях возмущение междоусобиями и преступлениями князей.

Абстрагирующие художественные методы средневековья все в той или иной мере дедуктивны. Они накладываются на объект литературного творчества, подчиняют его идеалистическому мировоззрению авторов. Однако наряду с художественной дедукцией в средние века существовала и художественная индукция. В литературу входит живое наблюдение;

³⁰ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 81 и др.

³¹ Г. Рааб. К вопросу о предшественниках реализма в русской литературе.

³² См. работы В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева, указанные в начале данной статьи.

изображение подчиняется изображаемому. Чаще всего это вторжение индуктивного художественного изображения действительности сочетается с критическим отношением к этой действительности. Оно противостоит религиозной идеализации мира. Элементы реалистичности чаще всего появляются там, где необходимо объективное изображение действительности, где нужно ее эмпирическое познание, где необходимо изменение действительности.

Элементы реалистичности нельзя отождествлять с простой «документальностью». Документ и протокол не изображают действительность, а слепо ее отражают, отражают только в отдельных частях — тех, которые требуются задачами документа. В художественном же изображении мы видим попытку создать иллюзию действительности, сделать рассказ наглядным, легко вообразимым и представимым. Именно эти элементы реалистичности, а не простую документальность особенно часто встречаем мы в летописных повестях о княжеских преступлениях, в исторических повестях, в бытовых повестях и пр. — в тех жанрах, которые создались на русской почве и были слабее всего связаны с трафаретами византийской литературы.

Появление элементов реалистичности не должно объясняться борьбой двух мировоззрений в Древней Руси — идеализма со стихийным материализмом. Никаких «двух мировоззрений», резко противостоящих друг другу, в Древней Руси не было. Были разные мировоззрения, но все они были в той или иной форме и в той или иной степени религиозными. Не случайно, что и сама оппозиция феодализму совершалась в форме ересей, т. е. в форме религиозной. Поэтому концепция «реализма—антиреализма», при которой реализм отождествляется с материализмом, а «антиреализм» с идеализмом, не имеет под собой почвы в древнерусской литературе. Однако отвергая концепцию «реализма—антиреализма», мы не должны отвергать связи между художественным методом и мировоззрением. Эта связь не всегда совершается в прямолинейных формах, однако она существует и в вопросе об элементах реалистичности. Последние появляются в результате непоследовательности средневекового религиозного мировоззрения, вынужденного под влиянием требований действительности обращаться к практике, к индуктивному мышлению и опыту.

Бывают случаи, когда реалистические элементы в древнерусской литературе не имеют непосредственной связи с прогрессивными взглядами авторов. В самом деле, очень часто реалистические элементы встречаются в рассказах о чудесах. Чтобы уверить читателя в реальности чуда, последнее описывается с такой наглядностью, что оно как бы становится видимым, осязаемым. В автобиографии Епифания рассказывается, например, как он боролся во сне с бесами. Ему явились два беса — «один наг, а другой в кафтане». Епифаний схватил нагого беса и тут же почувствовал в руках «яко мясище некое бесовское». Проснувшись, Епифаний обнаружил, что его руки «от мясища бесовского мокры», — осязаемое доказательство реальности видения.³³ Все другие видения Епифания описываются с такой же наглядностью. Они происходят в реальной избе Епифания, обставлены бытовыми подробностями (художественные детали), действующие лица говорят вполне бытовым, характерным для них языком (приближение средств изображения к изображаемому), описываются материальные последствия видений: Епифаний ощущает боль и усталость от своей физической расправы с бесами, в келии его беспоря-

³³ А. Н. Робинсон. Жизнь Епифания как памятник дидактической автобиографии. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 213.

док и т. д. Другой пример. В «Повести боярина Петра Бориславича» XII в. есть замечательное описание смерти Владимирки Галицкого. По этому описанию можно точно установить болезнь, которой он заболел, и приемы ее лечения. Но описание это при всей реалистичности своих отдельных элементов есть в конечном счете описание чуда: бог покарал Владимирку Галицкого болезнью и смертью за его насмешки над Петром Бориславичем.

Из приведенных примеров ясно, что элементы реалистичности в древней русской литературе отнюдь не являются в результате смены религиозного мировоззрения нерелигиозным, а скорее отражают непоследовательность религиозного мировоззрения. При этом непосредственная связь их с прогрессивными взглядами на мир может в иных случаях и отсутствовать.

В течение семи веков русского средневековья, где абстрагирующие методы не столько сменяют друг друга, сколько сосуществуют, движение вперед совершалось главным образом путем нарушения абстрагирующих систем и введения отдельных реалистических элементов в сложную, «ансамблевую» ткань литературных произведений. Элементы реалистичности появлялись в литературе и вновь исчезали, не составляя собственной стилистической системы, не формируясь в какой-нибудь особый художественный метод.

Нельзя думать, что элементы реалистичности, постепенно накапливаясь, приближали древнерусскую литературу к литературе нового времени. По-видимому, прогрессивная роль реалистических элементов состояла преимущественно в том, что они разрушали существующие абстрагирующие стилистические системы, способствуя возникновению новых с более широким кругом возможностей. Именно эти нарушения являлись в древней русской литературе элементами будущего. И мы вправе называть их «реалистическими элементами» и «реалистическими тенденциями», ибо всякое явление получает свое окончательное объяснение не только в выяснении причин, его породивших, но и в определении того, к чему оно ведет в будущем.³⁴

Задача будущих исследователей проследить, как постепенно расширяется круг тех явлений, которые мы можем назвать «элементами реалистичности», как постепенно расширяется и круг тех произведений, в которых эти элементы реалистичности проявляются. Особенно интересен с этой точки зрения XVII в. с его сатирической и демократической литературой.

Замечательно при этом, что реалистические элементы с особенной интенсивностью нарастают в тех произведениях, которые отражали интересы эксплуатируемого большинства. В этом отношении наблюдения исследователей западного средневековья или средневековья славянского полностью совпадают с наблюдениями, которые сделаны исследователями древнерусской литературы.

«Надо помнить, — писал испанский литературовед Ортега-и-Гассет, — что во все эпохи, когда существовало два типа искусства — одно для

³⁴ О термине «реализм» в широком и узком смысле см. в моей заметке «Анестезия и древнерусская литература» (Русская литература, 1963, № 1, стр. 83—84). Добавлю, что К. Маркс и Ф. Энгельс (Собрание сочинений, т. 29, стр. 491—494) постоянно употребляли термин «реализм» в широком смысле этого слова, говоря о реализме эпохи Возрождения, о превосходстве реализма Шекспира над реализмом Шиллера и пр. Именно имея в виду этот широкий смысл слова «реализм», мы можем говорить об «элементах реалистичности», учитывая то, к чему ведет данное явление, тенденцию его развития.

меньшинства, а другое для большинства, последнее всегда было реалистическим. К примеру, в средние века соответственно двойственной структуре общества, разделенного на касты — знатных и плебеев, — имелось два типа искусства: благородное искусство, которое являлось „условным“, „идеалистическим“, иначе говоря художественным, и народное искусство, реалистическое и сатирическое.³⁵

В своей работе «Към демократизация на изобразителния стил в старата българска литература» проф. П. Динеков отмечает, что в Софии в XVI в. в житиях Георгия Нового и Николы Нового элементы реалистичности находятся в непосредственной связи с общей демократизацией литературы.³⁶

Изучение абстрагирующих художественных методов средневековья неизбежно приводит нас к выводу о том, что они стоят необычайно далеко от метода реализма: гораздо дальше, чем художественный метод барокко или метод классицизма, и уже несомненно дальше, чем художественный метод романтизма. Если некоторые из литературоведов и пытаются в настоящее время считать каждый из художественных методов — классицизм, романтизм и реализм — целиком замкнутым в себе, отрицают возможность подготовки реализма в романтизме, то в будущем более широкое исследование художественных методов на более крупных хронологических дистанциях с несомненностью покажет, что отдельные литературные направления при всей их кажущейся замкнутости готовили появление друг друга. Это достаточно ясно, если сравнить абстрагирующие художественные методы средневековья с художественным методом, например, романтизма. Последний включает в себе гораздо больше таких элементов поэтики, которые если и не могут быть признаны реалистическими, то все же более «реалистичны», чем принципы средневекового абстрагирования: например, стремление ввести *color localae*, рассматривать явление в широкой исторической перспективе, отказ от правил, канонов и трафаретов и т. д.

В заключение статьи хотелось бы вновь указать на то, что в определении основных признаков художественных методов древнерусской литературы необходимо идти от конкретного материала к обобщению, а не наоборот. «Чрезмерная схематизация, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — опасна в каждой области знания: она может привести к тому, что за схемой исчезнет представление о живом процессе развития во всей его сложности и противоречивости».³⁷

Вопрос о художественных методах древней русской литературы достиг такой зрелости, что дальнейшее его продвижение должно вестись на основе конкретных, частных исследований отдельных явлений художественного творчества.

При этом надо исходить не из той небольшой «обоймы» древнерусских произведений, которая вошла в учебники и традиционно всеми рассматривается, а как можно шире охватить материал, все разнообразие жанров литературы Древней Руси.

³⁵ Хосе Ортега-и-Гассет. Дегуманизация искусств. — В кн.: Современная книга по эстетике. Антология. Под ред. А. Егорова. М., 1957, стр. 450.

³⁶ П. Динеков. Към демократизация на изобразителния стил в старата българска литература». — В кн.: П. Динеков. Литературни въпроси. София, 1963, стр. 76—88.

³⁷ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.), стр. 8.

Что, в самом деле, можем мы сказать определенного о всей древнерусской литературе, когда такой основной и своеобразный вид памятников, как апокрифы, совершенно не изучается за последнее время, когда почти не изучается агиографическая литература, мало изучается литература переводная, когда многие исследователи не знают тех литератур, из которых сделаны переводы отдельных произведений, и, следовательно, не могут овладеть сравнительным материалом.

О. В. ТВОРОГОВ

Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси

Внимание исследователей древнерусской литературы неоднократно привлекали литературные формулы: традиционные, часто повторяющиеся обороты речи, устойчивые словосочетания, сходные описания сходных ситуаций, которые мы встречаем в тексте летописей, воинских повестей, житий.

Еще в 1871 г. В. О. Ключевский отмечал характерные черты стиля древнерусских житий: «Одна состоит в известном выборе биографических черт для жития», другая — в том, что «из жизни святого берутся лишь такие черты, к которым можно привязать... готовые формулы жития», «заученные выражения», применимые ко всякому святому.¹ Сама жизнь святого, по словам В. О. Ключевского, превращалась в житий в ряд «отвлеченных характеристик»,² «биографических гипотез»,³ и само житие «есть лишь ряд отдельных эпизодов, изображающих торжественные минуты в жизни святого»,⁴ выраженных в постоянных традиционных словесных формулах.

К наблюдениям над литературными формулами, но уже на материале летописей и воинских повестей, обратится 30 лет спустя А. С. Орлов.⁵ Развивая наблюдения Е. В. Барсова над стилистическими особенностями «Слова о полку Игореве»,⁶ А. С. Орлов приходит к выводу, что у древнерусских книжников «выработался известный художественный шаблон, который служил им готовою канвою для того или другого сюжета». Исследователь справедливо замечает, что «формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода». ⁷ Эти стилистические особенности воинских повестей формировались, по мнению автора, под стилистическим воздействием летописей, где «почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях». ⁸ В статье дается перечень наиболее распространенных литератур-

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 63.

² Там же, стр. 429.

³ Там же, стр. 430.

⁴ Там же, стр. 430—431.

⁵ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. (Отдельный оттиск из ЧОИДР).

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. — ЧОИДР. М., 1884, кн. 2, гл. II.

⁷ А. С. Орлов. Об особенностях формы..., стр. 1.

⁸ Там же.

ных формул воинских повестей, встречающихся в памятниках XII—XVI вв. А. С. Орлов наблюдает также проникновение стилистических приемов одного жанра в произведения другого жанра,⁹ вслед за Ключевским отмечает не только использование определенных словесных формул, языковых штампов, но и «стереотипную схему последовательного действия».¹⁰ В следующей работе, посвященной изучению стиля исторических повестей XVI—XVII вв.,¹¹ содержатся ценные наблюдения над эволюцией литературных формул: автор демонстрирует преемственность отдельных стилистических приемов и то новое, что вносилось на следующих этапах развития литературы.

После работ А. С. Орлова понятие о литературных формулах прочно вошло в наше литературоведение и лингвистику. Однако ни в терминологии, применяемой для обозначения этого явления, ни в решении вопроса, что же считать литературной формулой, еще нет единства.¹²

Особый интерес для выработки методики изучения литературных формул и уточнения наших взглядов на природу этого явления представляет статья Д. С. Лихачева «Литературный этикет древней Руси».¹³ Автор утверждает, что «не жанр произведения определяет собою выбор выражения, выбор „формул“, а предмет, о котором идет речь»,¹⁴ решительно предостерегает от слишком узкого понимания явления «этикетности»: оно включает в себя не только этикет выражений, но и этикет ситуации, этикет композиции, этикет языка.¹⁵

Прежде чем говорить о задачах изучения устойчивых литературных формул и методике этого изучения, необходимо твердо определить, что мы будем называть литературной формулой. Обратимся к примерам. В. О. Ключевский справедливо отмечал, что агнограф «освещал описываемую жизнь только с некоторых и во всех житиях все с одних и тех же сторон, оставляя в тени другие».¹⁶ Действительно, в большинстве житий мы читаем, например, сходные описания раннего благочестия святого, который избегает игр с детьми и всякого рода «позорищ», с особым рвением отдается чтению «божественных писаний», усердно посещает церковь. Эта почти обязательная, традиционная черта «биографии» святого повторяется в житиях, созданных в разное время, в разных областях Руси, разными авторами. Сравним несколько фрагментов из житий.

«Растый убо тълъмь и душею влекомъ на любовьъ божию, и хожаше по вся дъни въ църкъвь божию, послушая божествныхъ книгъ съ всъмь вьниманиемъ, еще же и къ дѣтъмь играющимъ не приближашеся, яко же обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ . . . Къ симъ же и датися на учение божествныхъ книгъ . . . И въ скорѣ извыче вся граматики я».¹⁷

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909.

¹² Так, устойчивые словосочетания, входящие в состав традиционных описаний, называли «стилистическими формулами» (Н. К. Гудзий, С. А. Бугославский), «постоянными формулами» (А. С. Орлов), «стилистическими трафаретами» (Д. С. Лихачев), «устойчивыми формулами» (И. П. Еремин), «стилистическими шаблонами» (Б. А. Ларин), «стереотипными формулами» (В. Мансикка) и т. д.

¹³ Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961.

¹⁴ Там же, стр. 6.

¹⁵ Там же, стр. 6—7, 11—12 и др.

¹⁶ В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития. . . , стр. 430.

¹⁷ Житие Феодосия Печерского. — ЧОИДР. М., 1899, кн. 2, стр. 43.

«И егда же бѣ отрочатемъ . . . родителя же его даста и книгамъ учити. Не бо унываше, яко и прочая дѣти, но скорымъ прилежаниемъ извыче, к сему же на игры съ инѣмы не исхожааше, но на божественное и на церковное пѣние и почитание преже инѣхъ притекая». ¹⁸

«И по семъ отроку оному устрабившуся мало нѣчто возрастомъ, и вданъ бываетъ родительми своими учитися божественнымъ книгамъ. И абие вскорѣ никакъ извыкшу книжное учение, и нимало исхожааше съ сверстники своими на игры дѣтския, но паче прилежаше къ церкви божи и въ сласть почиташе божественная писания». ¹⁹

«Тѣмже воспитан бывъ в добре наказании и по времени вданъ бывает учитися божественнымъ книгамъ, тѣмже вскорѣ нѣкако и некосно извыче божественная писания . . . не убо уклоняшеся на некая игры или позоры, но паче на прочитание божественныхъ писаний». ²⁰

«Таже божественною благодатию спѣшне отроку растящу и времени пришедшу, вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ; тѣмже тому спѣшне писания извыкшу». ²¹

«Тѣмже и воспитанъ бывъ въ добромъ наказании, и по времени вданъ бываетъ родительми своими учитися божественнымъ книгамъ, вскорѣ нѣкако ясно извыче божественная писания . . . Не убо уклоняшеся на нѣкая играная или позоры, но паче на прочитание божественныхъ писаний и на церковное пѣние». ²²

Сопоставляя эти фрагменты из житий, мы обнаружим не только сходство «по содержанию» — изображение сходных ситуаций, но и немало общих словесных штампов. Так, в ряде житий встречаются «устойчивые словосочетания» ²³ «вдан . . . учитися божественнымъ книгамъ», ²⁴ «прочитание (почитание) божественныхъ писаний», «извыче божественное писание».

Однако считать устойчивыми литературными формулами только эти словесные штампы нам кажется недостаточным. Упоминания, что отрок, будущий святой, уклоняется от игр со сверстниками, не менее традиционны, трафаретны, хотя и не содержат в себе достаточно устойчивых словесных штампов.

Еще подобный пример. В летописях описание благочестия князя зачастую строится на сходных фактах: следуя «этикету ситуации», летописец упоминает о почитании княземъ служителей культа. Сравним характеристики нескольких князей в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи и в Симеоновской летописи. Ярослав Владимирович «попы любяше по велику, излиха же черноризьць» (ПВЛ, стр. 102); ²⁵ Всеволод

¹⁸ Житие Авраамия Смоленского. — В кн.: Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 3.

¹⁹ Житие Нифонта, архиепископа новгородского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 2.

²⁰ Житие Варлаама Хутынского. — ПДПИ, вып. ХLI. СПб., 1831, стр. 4.

²¹ Житие Евфимия, архиепископа новгородского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 17.

²² Житие Евфросина Псковского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 69.

²³ Термин «устойчивое словосочетание» мы употребляем здесь для обозначения ряда повторяющихся слов, а не в обычном грамматическом значении этого термина.

²⁴ Отметим попутно, что глагол «вдати» в рукописях светского содержания в XVI в. встречается крайне редко. Даже в тех случаях, когда рукопись представляет собой список с более древнего протографа, этот глагол часто заменяется синонимами «отдати», «дати» и др. См.: О. В. Творогов. Словарь-комментарий к «Повести временных лет». Автореферат. Л., 1962, стр. 8 и 9.

²⁵ Повесть временных лет (далее: ПВЛ), ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

Ярославич «бѣ издѣтска боголюбив . . . въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци и подаеше требованье имъ» (там же, стр. 142); Всеволод Георгиевич «любяше же по многу черноризский и поповский чинъ» (Симеон. лет., стр. 47);²⁶ Константин Всеволодович «чтяше . . . паче меры иерейский и мнишьский чинъ» (там же, стр. 50); Юрий Всеволодович «чтяше же излиха чернеченский чинъ и поповский» (там же, стр. 60) и т. д. И снова мы наблюдаем отсутствие достаточно устойчивых словосочетаний при устойчивости «ситуативной формулы» — подбор определенных черт характеристики князя.

Еще пример. В Повести временных лет описания битв очень сходны по композиции: сообщается о начале битвы, затем указывается на ее ожесточенность, а в заключение называется победитель и говорится о бегстве противника. Ср.: «Съвъщаша Русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зъли, одва одолъша гръци» (ПВЛ, стр. 33); «И излѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика и одолаху болгаре» (там же, стр. 50); «И исполчшася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаше гръци» (там же, стр. 50); «. . . и поидоша противу собѣ, и ступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла . . . и одолѣ Ярослав. Святополкъ же бѣжа» (там же, стр. 96); «. . . и ступишася обои, бысть сѣча зла . . . К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа» (там же, стр. 98); «И поиде Мъстиславъ, и Ярославъ противу ему, и ступися чело сѣверь съ варягы . . . И бысть сѣча силна» (там же, стр. 100); «. . . и ступишася на мѣсте . . . И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзи разню» (там же, стр. 102) и др. В этих описаниях мы встречаем устойчивое словосочетание «сѣча зла» и сходные описания конца битвы: «одолеѣ» победитель, противник «бежал». Таковую концовку регулярно встречаем мы лишь в Повести временных лет, тогда как, например, в Ипатьевской летописи в этом же случае более 25 раз употребляется другое устойчивое словосочетание: воины противника частью «избиты», частью «изыманы».²⁷ Напомним также о наблюдениях А. С. Орлова над различными вариантами традиционных описаний божьей помощи во время битвы.²⁸ Число таких примеров можно увеличить.

Эти наблюдения приводят нас к выводу, что мы должны рассматривать в первую очередь традиционные ситуативные формулы (т. е. сходные по выбору фактов и композиции описания, фрагменты характеристик и т. п.), а затем изучать различные варианты словесных штампов (устойчивых словосочетаний), входящих в состав этих формул. Далее мы обозначаем термином «устойчивая литературная формула» только ситуативную формулу, а входящие в ее состав устойчивые словесные штампы называем «устойчивыми словосочетаниями». Такое разграничение совершенно необходимо, так как устойчивые литературные формулы довольно инертны, тогда как обслуживающие их устойчивые словосочетания, напротив, время от времени сменяются другими, отражая литературную манеру автора, редактора, школы и т. д. Подтвердим эту мысль рядом примеров.²⁹

²⁶ Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1913.

²⁷ См. об этом в нашей статье «Традиционные устойчивые словосочетания в „Повести временных лет“». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1961, стр. 280—281.

²⁸ А. С. Орлов. Об особенностях формы. . . , стр. 37—46.

²⁹ В данной статье мы не затрагиваем вопроса о византийских или иных источниках устойчивых литературных формул и устойчивых словосочетаний — это тема особой работы.

Одной из наиболее распространенных устойчивых литературных формул является описание смерти и погребения князя. Это описание состоит из следующих элементов: указание на факт смерти, сообщение о всенародном оплакивании князя, изображение похоронной процессии и указание на место погребения. Одним из наиболее четких примеров этой литературной формулы является описание смерти Олега Вещего в Повести временных лет: «И с того разболъся и умре. И плакашеса людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Цѣковица»³⁰ (ПВЛ, под 912 г., стр. 30).

Несколько наблюдений над обозначением факта смерти. С записи 1000 г. в Повести временных лет все шире начинает применяться эвфемизм «преставитися», вытесняющий употреблявшийся до этого глагол «умрети». В записях 1000—1111 гг. этот эвфемизм встретится 22 раза в сообщениях о кончине князя и 8 раз при описании смерти лиц духовного звания, а глагол «умрети» лишь 8 раз. Лаврентьевская, Ипатьевская, Симеоновская и другие летописи после 1111 г. знают почти исключительно глагол «преставитися». В Ипатьевской летописи уже с записи 1169 г. встречается и другой эвфемизм: словосочетание «приложитися к (дедам и) отцам своим, отдав общій долг, его же несть убежати всякому роженому». Однако этот эвфемизм входит в состав другой литературной формулы — некрологической характеристики князя. Так, после повествования о погребении Романа говорится: «Сии же благовѣрныи князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смиренъ, кротокъ, незлобивъ . . . души своей оставление грѣховъ прося, и приложися к дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общиши свои долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому» (Ипат. лет., под 1180 г., стлб. 617).³¹

Некоторые князья перед смертью постригались, принимали схиму. Этот обряд, отмечаемый в летописях, также получает различное словесное оформление в различных летописных сводах. Сопоставим, например, записи в Симеоновской и Никоновской летописях:

Того же лѣта преставися князь Федоръ Ростиславичъ Черныи Ярославский и Смоленский. . . въ чернцѣхъ и въ скимѣ (Симеон. лет., под 1300 г., стр. 84).

Тое же осени въ Филипово говнне преставися князь Костянтинъ Васильевичъ Суздальскыи мѣсяца ноября въ 21, на Введение святыя богородица, въ чернцѣхъ и въ скимѣ, и положенъ бысть въ церкви святого Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ (Симеон. лет., под 1355 г., стр. 99).

Того же лѣта пострижеса во святыи аггельскыи иноческыи образъ князь великии Феодоръ Черныи Ярославский . . . и преставися во святемъ аггельскомъ иноческомъ образѣ и въ скимѣ (Никон. лет., стр. 172).³²

Того же лѣта преставися князь Константинъ Васильевичъ Суздальскыи во иноцехъ и въ скимѣ, и положенъ бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, въ созданныи его церкви святого Спаса (Никон. лет., стр. 228).

В дальнейшем на смену этим устойчивым словосочетаниям придет другое: «в мнишском чину». Например: «Тое же весны преставися княгини Олгердова Ульяна, дщи князя Александра Тферьскаго, и наречена

³⁰ Не следует принимать это описание за своего рода прообраз, эталон, подвергавшийся дальнейшим распространениям и «украшениям»: оно появилось лишь в Повести временных лет Нестора и построено по образцу описаний, имеющихся в Начальном своде.

³¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908. См. эту формулу также на стлб. 532, 551, 611, 665, 706 и в Симеоновской летописи на стр. 47 и 76.

³² Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. X. СПб., 1885.

въ мнишьском чину Марина, и положена бысть в Печере на Киевѣ (Моск. лет. свод, под 1392 г., стр. 219);³³ «А того же лѣта июля 5 преставися великаа княгини Софѣ Васильева Дмитреевича во мнишеском чину ... а наречена въ мнишьском чину Еуфросинѣя» (там же, под 1453 г., стр. 273).

Как указывалось, распространенным элементом рассматриваемой традиционной формулы является описание всенародного оплакивания князя. Приведем несколько примеров таких описаний в различных летописях.

«И не бѣ лѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ и вопли; плака бо ся по немь (по Изяславу) весь град Киевѣ» (ПВЛ, под 1078 г., стр. 133); «И вси кияне великъ плачь створиша над нимь (Ярополком)» (там же, под 1086 г., стр. 136); «... и тако спрятавшѣ тѣло его (Мстислава) съ честью и благохвалными пѣснями ... и плакашася по немь вся земля Новгородская» (Ипат. лет., под 1179 г., стлб. 609—610); «Того же лѣта преставися благочестивый и христоролюбивый великий князь Александръ, сынъ Ярославль ... и пѣвшѣ надъ нимъ обычныя пѣсни и положиша тѣло его въ монастыри Рожества святыя богородица, и плакашася надъ нимъ много» (Симеон. лет., под 1262 г., стр. 72); «Престави же ся (Михаил Тверской) въ монастыри святого Афанасиа, въ вторникъ вечеру глубокоу сушу, и томъ часѣ увѣдѣся по всему граду преставление его и въсплакаша человекѣи въ домѣхъ своихъ, и смятѣся весь градъ ноши тоя, печали ради бывшиа» (там же, под 1399 г., стр. 147).

Эти примеры убедительно показывают, что, с одной стороны, на протяжении нескольких веков по требованию литературного этикета в описаниях смерти князя говорилось о «плаче» народа по умершем, но данная устойчивая литературная формула допускала различные комбинации устойчивых словосочетаний («плач велик», «пенья не слышати в плачи великом» и др.).

Последним из элементов рассматриваемой формулы являлось указание на церковь или монастырь, где погребен князь. Создание церквей — одна из христианских добродетелей князя, поэтому при возможности летописец упоминает, что он погребен в церкви, «юже создал сам». Например: «Преставися князь Мстиславъ мѣсяца августа въ 19 ... и положиша тѣло его въ святѣи Богородици въ епископѣи, юже бѣ самъ созда въ Володимери» (Ипат. лет., стлб. 559); «Того же лѣта преставися княгини Всеволожая ... И положена бысть въ Киевѣ у святого Кирила, юже бѣ сама создала» (там же, стлб. 612). Если церковь, где погребен князь, построена не им, летописец специально оговаривает это: «... положиша въ церкви святыя Богородица Златоверхая, юже созда, украсиль братъ его Андреи» (Симеон. лет., стр. 47), или «... положенъ бысть во церкви ... юже бѣ создалъ прадѣдъ его, великий князь Святополкъ» (Ипат. лет., стлб. 665—666).

Итак, состав литературной формулы, ее композиция долгое время остаются неизменными, тогда как ее словесное оформление постоянно варьируется.

Как же обстояло дело с так называемыми «воинскими формулами»? А. С. Орлов писал, что в летописи «почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях»,³⁴ и привел несколько примеров «обычной схемы боя».³⁵ Однако такую «обычную» схему боя мы встречаем исключительно редко. Попытки выработать «единый» трафарет описаний войн и отдель-

³³ Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

³⁴ А. С. Орлов, Об особенностях формы..., стр. 1.

³⁵ Там же, стр. 8.

ных сражений, даже если бы такие были, неизбежно столкнулись бы со стремлением летописцев к историчности: ход сражения и его результат могли быть самыми различными, а хронист, особенно современник событий, старался это отметить. Поэтому справедливо замечание Д. С. Лихачева, что в летописи «в меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы . . . сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам».³⁶ Документальность «летописного рассказа» отмечал в своей работе о Киевской летописи и И. П. Еремин.³⁷ Это стремление летописи к документальности, относительная свобода от чисто литературных приемов в отдельных описаниях особенно заметны. Например: «Изяслав же перешедъ к ним черезъ рѣку Сърть и сступиша ся битъ, и бысть съча зла и между ими смятенье: не въдахуть, котории суть побѣдили. Изяслав бо женяшеть галичаны, а галичане Изяславлю дружину и сына его» (Лавр. лет., стлб. 340);³⁸ «Володимеръ же Глѣбовичъ, бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче (Хлебн., Погод.: потече) к нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеса, выринушася из города и тако отяша князя своего язвена сущи трети копы» (Ипат. лет., стлб. 646—647).

Нам кажется, что не следует говорить о наличии в русском летописании устойчивых литературных формул боя («обычной схемы», по выражению А. С. Орлова): такие формулы встречаются регулярно, пожалуй, лишь в Повести временных лет (см. примеры на стр. 32).³⁹ Обычно же в описаниях военных эпизодов мы наблюдаем лишь различные устойчивые формулы и словосочетания, употребляющиеся для характеристики отдельных эпизодов: сборов в поход, начала битвы, разорения земли неприятелем, помощи небесных сил и т. д. Приведем несколько примеров таких описаний, выделяя встречающиеся в них устойчивые словосочетания. «И поѣхаша по дорозѣ по нихъ, и срѣтоша ѣ изнова друзиѣ, и ступишася с ними, и бишася крѣпко и. поможе богъ Михалкови и Всеволоду на поганьи, дѣдня и отьня молитва. И сбьсться в недѣлю: самы поганья избьша, а другыя изымаша, и полонъ отяша 4 ста чади и пустиша я во свояси» (Ипат. лет., под 1173 г., стлб. 563); «Томъ же лѣтъ Володимеръ, сынъ Всеволожь, слышавъ, аже идуъ половци къ Переяславлю, и изыде противу имъ въскорѣ и усрѣтеса съ ними на рѣцѣ, и бишася крѣпцѣ, и мнози падаху божимъ поущениемъ, за умножение грѣхъ нашихъ. и одолъша половци, мнози отъ Руси избьени быша, а иныхъ изымаша, а самого князя Володимера яша и ведоша въ вежи свои» (Симеон. лет., под 1216 г., стр. 48); «Порокомъ же бьющимъ бесперестани день и ношь, и выбьша стѣны, и възыдоша горожане на городъ на избитыа стѣны, и ту бѣ видѣти ломъ копейныи и щитъ скѣпанье, и стрѣлы омрачиша свѣтъ» (там же, под 1240 г., стр. 60); «. . . и стоялъ князь великий Дмитрей съ всею силою у города Тѣфѣри 4 недѣли, посадъ весь по жгоша около города, и волости, и села, и страны, и предѣлы Тѣферскыя повоеваша и пусто сѣтвориша, имѣннѣя пограбиша, а люди

³⁶ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 170.

³⁷ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 72—74.

³⁸ Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е. Л., 1927.

³⁹ Можно предположить, что летописец вынужден был прибегать к таким формулам, так как создавал описания этих битв много лет спустя, основываясь на устных преданиях, сохранивших лишь отдельные, наиболее яркие эпизоды.

въ полонъ поведоша. И мнози тферичи язвени быша отъ нахожениа ратныхъ и мнози оружиемъ падоша, а полона множество розведоша» (там же, под 1375 г., стр. 116).

Таким образом, в изображениях воинских эпизодов мы наблюдаем сочетание описаний отдельных конкретных фактов с описаниями типичных явлений, причем эти последние выражаются обычно в традиционных словесных формулах.

Теперь вновь уместно вернуться к пояснению, что же делает устойчивые словосочетания фактом стиля. Традиционным мы считаем любое словосочетание, если оно намеренно употребляется для обозначения определенных явлений действительности.⁴⁰ Причем мы вправе считать «устойчивым словосочетанием» в стилистическом смысле не только организованное грамматически сочетание слов («не успети ничто же», «битися крепко», «землю пусту сотворити» и т. п.),⁴¹ но и группу совместно повторяющихся, хотя и не связанных друг с другом грамматически слов. Так, во фрагменте «посадь весь пожгоша около города ... и предѣлы Тферскыя повоеваша и пусто сотвориша» мы выделяем устойчивое словосочетание «повоевати — пожечи». Основанием для этого выделения является совместное употребление этих слов в ряде других мест летописи. Например: «Володимиръ же Давыдовичъ и брат его Изяславъ тако отвѣчаста Гюргеви рекуче: Ты еси бълъ (так!) к нама хрестъ целоваль, а Изяславъ пришедъ землю нашу повоеваль, и по Задѣснью города наша пожегль» (Ипат. лет., под 1149 г., стлб. 377); «Изяславу же стоящую с половци и велику пакость створиша: села пожгоша, люди повоеваша» (Лавр. лет., под 1159 г., стлб. 349); «...волости повоева, и села и дворы огнемъ поже же, много христианъ посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе, а имѣние ихъ пограбиша» (Симеон. лет., под 1368 г., стр. 109); «Татарове же пришедше и градъ Переяславль и прочии грады взяша, и огнемъ пожегоша, и волости и села повоеваша, а людеи много посѣкоша, а инья въ полонъ поведоша» (там же, под 1378 г., стр. 127); «Татарове же волости повоеваша, и города поймаща, а села пожгоша, а монастыри пограбиша, а христианъ посѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша, и много зла сътвориша» (там же, под 1382 г., стр. 133). Можно заметить, что устойчивое словосочетание «пожечи — повоевати» является в одних случаях единственным компонентом, в других — одним из компонентов особой литературной формулы: «разорение земли неприятелем».

Итак, предметом изучения должны явиться различные литературные формулы, иногда обладающие сложной композиционной структурой (например, формула «смерть и погребение князя»), иногда очень простые, образованные одним-двумя устойчивыми словосочетаниями.

⁴⁰ Исследователи фразеологии современного русского литературного языка также наблюдают сходные стилистические явления. С. И. Ожегов в статье «О структуре фразеологии» (Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957, стр. 46), рассматривая такие словосочетания, как «капиталистическое окружение», «чувство нового», «новатор производства» и др., пишет: «Эти обычные словосочетания, как их можно было бы назвать, среди фразеологических единиц занимают особое место. Не претерпевая смысловых изменений в составляющих их словесных компонентах, они в каждую эпоху представляют собою как бы принудительные средства для точного обозначения соответствующего отрезка действительности».

⁴¹ Ср. определение грамматического термина «словосочетание» в «Грамматике русского языка» (т. II, ч. I. М., 1952, стр. 10 и далее).

Особой задачей является исследование истоков литературного этикета. Предполагается, что «часть этикетных правил взята из жизненного обихода, из реальной обрядности».⁴² Конкретный материал подтверждает эту мысль.

Так, вероятно, именно строгая обрядность похорон способствовала выработке столь же строгого этикета их описания. Неоднократно упоминаемый в этих описаниях «плач великий», возможно, имел место и в жизни, являясь элементом еще языческого похоронного ритуала. Следы такого ритуала долгое время сосуществовали с христианской обрядностью. Косвенное указание на это можно видеть в описании погребения князя Михаила в языческом Муроме: «Невѣрнии же людие, видяще сия (христианский обряд погребения), дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребение . . . ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедрания, ни плача безмѣрнаго не творяху».⁴³ Характерно также, что в записях XV—XVI вв. упоминания о «плаче» становятся все реже и носят все более условный, чисто «литературный» характер. В качестве примера приведем несколько фрагментов из статьи о преставлении Дмитрия Ивановича Углицкого по Типографской летописи (под 1521 г.): «. . . и бысть плачь и рыдание велие не токмо въ дому его, но и въ всемъ градѣ сѣтование неутолимо, и юныя отрочата клича и слезѣ домы своя исполняша, аки по своихъ родителехъ слезы лияше . . . Нищия же и убогия от неразумия с великия печали драше лица своя, горце же слезы лияше, не токмо ризы свои слезами мочаше. но и землю».⁴⁴

Можно попытаться обнаружить и источники отдельных устойчивых словосочетаний. Некоторые из них пришли в древнерусский литературный язык из переводных памятников, в частности библейских книг. Другие, как можно предположить, имели широкое распространение в живой речи, являлись устными «этикетными формулами», позднее отраженными в письменных памятниках. Приведем пример.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня говорится, что Ольга «старѣйшины . . . града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ» (ПВЛ, под 946 г., стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе внимание: здесь не заметно следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. В этом произведении, несомненно близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть — «изымана», взята в плен. Например: «. . . на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);⁴⁵ «. . . а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изымаша» (стр. 160); «. . . идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). Можно предположить, что в «Поучение» Мономаха эта традиционная формула попала из живой военной терминологии. Начиная с записи 1148 г. эта формула необыкновенно часто встречается в Ипатьевской летописи.⁴⁶

⁴² Д. С. Лихачев. Литературный этикет. . . , стр. 9.

⁴³ См.: Сказание о житии . . . благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Феодора. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, СПб., 1860, стр. 231.

⁴⁴ Типографская летопись. — ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 219.

⁴⁵ Цит. по: Повесть временных лет. М.—Л., 1950.

⁴⁶ Например: «. . . и бѣжашимъ имъ овѣхъ избиша, а другия изымаша. . .» (Ипат. лет., под 1151 г., стлб. 438); «. . . много ихъ избиша, а другия рукама изымаша»

В несколько измененном виде формула «избити—изымати» сохраняется и в позднем летописании. Так, в описаниях событий XV в. в Типографской летописи мы встречаем ряд литературных формул, напоминающих формулы Ипатьевской летописи. Например: «Того же лѣта идеша татарове казанские и взяша городокъ Устюжскій Кичменгу и множество изсѣкоша, а иныхъ въ полонѣ поимаша» (Типогр. лет., под 1468 г., стр. 186); «Тое же осени приходиша татарове отъ Болшие Орды и воеваша около Рязани села и волости и множество изсѣкоша, а иныхъ в полонѣ поимаша» (там же, стр. 187); «... наши же приидоша безъ вѣсти подъ Казань и мало города не взяша, посады же пожгоша, безбожныхъ же ту на посадѣ множество побиша, иныхъ же плѣниша» (там же, под 1469 г., стр. 188). Возможно, что отражение этой литературной формулы встречаем и в «Ином сказании»: «И гнаша же во вслѣдъ ихъ, женуше и сѣкуше, и многое ихъ множество побиша, овѣхъ же живыхъ плѣниша».⁴⁷

Были ли эти эволюции литературных формул отражением аналогичных изменений устойчивых оборотов в устной речи или отражали «литературную судьбу» когда-то живой речевой формулы, судить трудно: слишком ограничены наши сведения о разговорном языке Древней Руси.

При изучении явлений литературного этикета мы должны обратить особое внимание на сложное взаимодействие двух противоречащих тенденций древнерусской литературы: тенденции к точному воспроизведению явлений действительности и тенденции к обобщенному, схематизированному изображению таких явлений по нормам литературного этикета. Иначе говоря, нам важно установить, что из изображенного в данном описании имело место в жизни, что воссоздано автором по схеме литературного этикета из «готового материала» (литературных формул, языковых шаблонов и т. д.) и что является чистым вымыслом, «литературной фикцией».⁴⁸ Иногда «чистая литературность» какого-либо описания, характеристики и тому подобного довольно очевидна. Достаточно, например, сопоставить фрагменты из Повести временных лет и Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку), чтобы установить искусственность содержащейся в последней характеристики ростовского епископа Луки.

Лаврентьевская летопись

Бысть же съ мужь молчаливъ, милостивъ къ убогимъ и вдовицам, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, рѣчью и дѣломъ утѣшая печалныя, по истинѣ добрыи пастухъ, иже пасть словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за нь день и ночь... и прехода от дѣла в дѣло уншее и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, тѣмьянь благовонныи... (под 1185 г., стлб. 391).

Повесть временных лет

Бысть же Иоанъ ... милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ ... книгами святыми утѣшая печалныя ... (под 1089 г., стр. 137). ... прореченье ... Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за не ... прехода от дѣла в дѣло уншее, и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, темьянь благовонный (под 1091 г., стр. 140).

(там же, под 1160 г., стлб. 507), см. также стлб. 364, 382, 432, 442, 443, 449, 475, 479, 507 и мн. др.

⁴⁷ «Иное сказание». — В кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. СПб., 1909 (РИБ, т. XIII), стлб. 110.

⁴⁸ Мы можем ставить вопрос о «литературном вымысле» для тех жанров древнерусской литературы, которые претендовали на воспроизведение фактов (летописание и агиография), хотя в действительности и летописи, и жития являлись литературными произведениями.

В той же Лаврентьевской летописи под 1216 г. помещена характеристика ростовского епископа Пахомия, также построенная из сочетания (правда, в иной последовательности) тех же традиционных формул: «Съ бѣ блаженный епископъ . . . истинный бѣ пастырь, а не наймникъ . . . преходя от дѣла въ дѣло уншее, сиротами добръ пекыся, милостивъ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому . . . смѣренъ, кротокъ . . . всѣми дѣлы утѣшая печалныя» (стлб. 439).

Еще пример. В Повести временных лет содержится следующая запись о смерти Изяслава Владимировича: «Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславъ, сынъ Володимеръ» (стр. 88). Такая же краткая справка содержится и в других летописях. Однако в Никоновской летописи, кроме этого, есть некрологическая характеристика: «. . . бысть же сий князь тихъ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ, и любя зѣло и почитая священнический чинъ и иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся отъ суетных глумлений, и слезенъ, и умилень, и долгогрѣпъливъ».⁴⁹

Одним из доказательств, что некрологическая характеристика Никоновской летописи — лишь «украшение» древней краткой записи, служит то, что все элементы этой характеристики — широко распространенные традиционные формулы. Интересно отметить, что, например, эпитет «долготерпелив» мы часто встречаем в составе и других распространений Никоновской летописи.⁵⁰ Более сложно определить «литературный вымысел», если он оригинален, единичен, не составлен из общих мест, устойчивых словосочетаний. Примером такого вымысла, вероятно, является сообщение Повести временных лет о подробностях бегства Святополка, одержимого манией преследования (ПВЛ, стр. 98), в котором можно видеть «конкретизацию» известной библейской формулы: «и побѣгнете никому же гонящу васъ» (Левит, XXV, 17). Аналогичный пример — рассказ половецких (I) пленников о небесной помощи русским воинам: «Како можемъ битися с вами, а друзии въздоху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?» (ПВЛ, стр. 192).

Таким образом, очень важно уметь отличать литературные построения от описаний действительных фактов. Это лишний раз говорит о необходимости изучения устойчивых литературных формул, создания указателей таких формул, составленных на материале большого числа литературных памятников.

Несколько слов о литературном этикете в связи с проблемой эстетической ценности древнерусской литературы. Литературный этикет средневековья, на наш взгляд, явление эстетическое, он является одной из тех условностей, без которых не существует и не может существовать ни одно искусство. Следование канонам литературного этикета на известной стадии развития древнерусской литературы не уменьшало ее художественной ценности, напротив, оно указывало на наличие определенных эстетических запросов у древнерусских читателей и книжников. Летописец или агиограф прибегал к традиционным формулам не потому, что этим «облегчал» свою работу, избавляя себя от необходимости подыскивать «нужные» слова или выбирать композиционные приемы в описаниях, а потому, что стремился «упорядочить» свое изложение, привести его в соответствие с миропонима-

⁴⁹ ПСРА, т. IX. СПб., 1862, стр. 68.

⁵⁰ Там же, стр. 79, стр. 107 и др.

нием своего времени, стремился облегчить смысловое и художественное восприятие своего повествования, ибо и читатель ждал и требовал от него именно такого, «упорядоченного» и «украшенного» изложения.⁵¹

Здесь уместно подчеркнуть, что явление литературного этикета прослеживается и в других дореалистических литературных направлениях. Когда В. К. Кюхельбекер писал, что у русских поэтов-романтиков «картины везде одни и те же: луна, которая — разумеется — *уныла* и *бледна*, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря... в особенности же — *туман*: туманы над бором, туманы над полями»,⁵² он выступал против «этикета ситуации», против «устойчивых литературных формул» романтического пейзажа. Поэтому изучение литературного этикета Древней Руси нужно не только литературоведам-медиевистам, оно необходимо для познания процесса развития русской литературы в целом.

Подведем итоги. Итак, предметом исследований должны стать литературные формулы и обслуживающие их устойчивые словосочетания. От эпизодических наблюдений над отдельными формулами в отдельных текстах необходимо перейти к анализу всей их совокупности в возможно большем круге памятников. Лишь собрав обширный материал, можно переходить к исследованию системы литературных формул Древней Руси и ее эволюции на разных этапах развития древнерусской литературы.

Следующими этапами исследования могут явиться вопросы о происхождении литературных формул, о связи литературного этикета с этикетом древнерусского быта, о соотношении литературного этикета с этикетными явлениями в других областях древнерусского искусства.

⁵¹ Мы не должны забывать и о другой, идеологической стороне литературного этикета: о стремлении к изображению людей и событий такими, какими они должны быть в представлении читателей. (См.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет..., стр. 11).

⁵² В. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. ГИХЛ, М.—Л., 1961, стр. 552.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси

Исследования общественного строя и духовной культуры Древней Руси, методологической основой которых является марксизм-ленинизм, всегда учитывают особую роль религии в эпоху, когда христианская церковь «являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя», когда характерным являлось «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности».¹ Религиозная оболочка многих произведений письменности, литературы, изобразительного искусства феодальной эпохи не препятствует им отражать жизненные интересы их создателей, факты исторической действительности, своеобразно преломленные средневековым мировоззрением, борьбу различных социальных и художественных тенденций, хотя, разумеется, ограничивает широту и глубину такого отражения. Задача историка — раскрыть реальный смысл содержания, облеченного в обязательную религиозную форму.

Изучение развития русской общественной мысли феодальной эпохи быстро двинулось вперед, когда историки стали выявлять публицистическое содержание религиозных по форме выступлений. Искусствоведы внимательно вчитываются в библейские и агиографические сюжеты древнерусской живописи, в традиционной религиозной оболочке рассказывающие о том, «чем жил, что чувствовал, что думал о жизни народ»,² создатель многих, до наших дней сохранивших свою ценность художественных произведений.

Литературоведы значительно реже обращаются к той части древнерусской литературы, которая облечена в религиозную форму, — к произведениям религиозно-дидактического и панегирического ораторства, житийного и гимнографического жанров. Историко-литературный процесс, своеобразие литературного мастерства, художественного видения мира древнерусских писателей изучаются по преимуществу на произведениях «светских». Но как только возник вопрос о самом художественном методе древнерусской литературы в разные периоды ее истории, и прежде всего о тех способах, какими она изображала человека, стала очевидной необходимость выйти за рамки светской литературы. Именно на основе религиозного жанра — житий — реконструируется «агиографический стиль» XI—XII вв., проникающий и в светскую литературу, «экспрессивно-эмоциональный» стиль конца XIV—XV в., «психологическая умиротворенность»

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 360.

² М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 302.

стиля XV в.; религиозно-учительная литература XI—XIII вв. дала представление о приемах психологического анализа, раскрытия внутреннего мира человека в его повседневном поведении. Однако сделанные наблюдения далеко не исчерпывают всего, что могут дать религиозные жанры для характеристики своеобразного художественного метода древнерусской литературы.

В ряду актуальных задач, стоящих перед литературоведами, анализ способов изображения действительности в разнообразных жанрах религиозной литературы должен занять весьма значительное место. Было бы антиисторично считать, что для древнерусского читателя вся эта литература имела лишь узко церковное значение. К ней обращались вовсе не только по связи ее с культом: она помогала разрешать вопросы личной и общественной морали, приучала разбираться в психологии своей и окружающих, вдумываться в побуждения, «помыслы», стоящие за поведением человека, воспитывала художественный вкус. Огромное большинство рукописных «четых» сборников, прямо отражающих интересы их составителей, объединяет светские и религиозные произведения. Впечатления, шедшие от литературы, облеченной в религиозную форму, сознательно или неосознанно отражались в творчестве и тех писателей, которые создавали светскую литературу Древней Руси. Не случайно ведь даже в конце XVII в. «первый русский роман», как называют повесть о Савве Грудцыне, напоминает по схеме «чуда богородицы», то обычное для житий изображение героя «врагом рода человеческого». Самое представление наше о кругозоре древнерусского писателя (и читателя) останется односторонним, если мы не будем учитывать и те идейно-художественные впечатления, какие он получал от жанров, облеченных в религиозную форму.

Многие из этих жанров подходят под определение «поэзии идеального преобразования жизни», которая, по мнению И. П. Еремина, только и представляет «собственно литературу как искусство».³ Мне уже приходилось возражать против некоторой односторонности такой концепции, которая лишает литературу, рисующую жизнь, «какая она есть», ее эстетической ценности.⁴ Добавлю, что «агиографическим стилем», характеризующим литературные произведения, задача которых заключается в изображении «чистого, светлого и прекрасного мира, стоящего высоко над повседневностью», далеко не всегда исчерпываются все художественные средства, применяемые их авторами. В отступлениях от «идеального преобразования», направление и рамки которого сдерживаются традиционным канонem, неизбежно схематичный образ «чистого, светлого и прекрасного» мира вливается правда жизни, а с ней в обобщенном идеальном образе проступают индивидуальные черты, изображение обстановки приобретает конкретный характер. Таким образом, в развитие художественного мастерства древнерусской литературы религиозные жанры следует включать не только как образцы изображения «идеально преобразованного» мира.

Особое значение в истории древнерусской художественной прозы из этих религиозных жанров имели различные виды агиографии. Изучать их литературоведу-медиевисту необходимо, разумеется, не для того, чтобы доказывать «самостоятельную сегодняшнюю художественную ценность произведений житийного жанра»,⁵ а для того, чтобы уяснить, как в зако-

³ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 78.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Об основах художественного метода древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 4, стр. 67—68.

⁵ А. Бушмин. О научном и общественном авторитете литературоведения. Русская литература, 1962, № 1, стр. 6.

номерной для средневековья религиозной оболочке накапливался опыт познания и изображения человека главным образом в одной, весьма существенной для этой эпохи жизненной ситуации: «земное» борется в душе человека с суровыми требованиями религии и монастырского устава. Но идейно-художественное значение житийного жанра в развитии древнерусской прозы не ограничивается тем, что этот жанр создал в разработке центральной темы, хотя, конечно, уменье проникнуть во внутренний мир человека, разглядеть борьбу противоречивых устремлений, показать ее читателю художественно убедительно, хотя и в обязательной условной оболочке (к «земному» тянет человека «враг», подсказывающий то, что запрещает религия), проявляется ярче всего именно в способе изображения главного героя. Для литературоведа ценно и то, как представляли агиографы окружающую «святого» обстановку, что увидели и как оценили они увиденное и в нем самом, и в людях, с которыми он общался. Из набросков портретов этих людей, из описания конкретной обстановки, в которой они выступают, вырисовываются черты повседневного быта, отнесенного в рассказе летописца большими историческими событиями. Жития вместе с сопровождающими их миниатюрами накапливали опыт и создания психологических портретов, и изображения деталей повседневного быта, которому так мало внимания уделяли господствовавшие до XVI в. жанры исторического повествования. Вот почему история древнерусской художественной прозы должна учитывать и достижения агиографии феодального периода в области изображения человеческого характера и бытописания.

Одна из актуальных задач, стоящих перед историей и теорией древнерусской литературы, заключается в накоплении наблюдений над теми элементами религиозных жанров, которые способствовали росту самого литературного мастерства, воспитывали интерес к проникновению во внутренний мир человека, к изображению его поведения не только в моменты совершения героических подвигов, но и в условиях будничной, повседневной жизни. Не следует ограничивать «литературный» вклад религиозных жанров их способами «идеального преобразования жизни», необходимо раскрыть и их уменье показать человека и жизнь правдиво и художественно убедительно.

1

«Киевский» период русской истории — XI—начало XII в. — в развитии всей русской культуры, в том числе и литературы, имеет особо важное значение. Это было время, когда начали складываться идейно-художественные основы литературного творчества древнерусской народности, получившие затем богатейшее развитие в литературах трех братских наций — русской (великорусской), украинской и белорусской, время, когда уже определились некоторые «стили», характерные для различных жанров. В ряде исследований последнего десятилетия выяснялся вопрос о способах изображения человека в этих «стилях», в группах литературных жанров, а среди них — в житийном жанре.

В статье И. П. Еремина «Киевская летопись как памятник литературы»⁶ дано определение характерных признаков русского агиографического стиля, сложившегося к XII в., и самого существа принятого в этом стиле способа изображения человека.

Каковы же признаки агиографического стиля XII в., выделяемые И. П. Ереминым? «Агиографически просветленный образ . . . блистающий

⁶ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949 (в дальнейшем: И. П. Еремин. Киевская летопись), стр. 82—97.

всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями», стремление «устранить все черты индивидуального характера» героя, освободить «от всего „временного“, всего „частного“ и „случайного“», дать «обобщенное воплощение добра и зла, „злодейства“ или „святости“», держаться «для всех положений» «предустановленной схемы», которая отвечает «тенденции свести к некоему абстрактному „единству“ все многообразие действительности». Такой подход к изображению человека требует наделения героя «празднично-торжественными» эпитетами, подчеркивающими его качества образцового христианина, «умилительной чувствительности» повествования, панегиризма, «цветистой», «патетической фразеологии» восхваления, «нагнетения деталей, подчеркивающих христианские добродетели», трактовки событий как «чудес». ⁷ В. В. Виноградов добавляет к этим признакам агиографического стиля указание на церковнославянский язык как его языковую основу. «Этот стиль целиком базируется на системе церковнославянского языка и вместе с тем связан со строго определенными книжно-славянскими формулами изображения действий и переживаний человека, с церковно-книжными приемами изображения внутренней сущности представителя той или иной религиозно-моральной категории лица, его внешнего облика и всего уклада его поведения. Ярлык — агиографический — слишком общ, но в основном подходящ. Важно лишь изучить вариации и разновидности этого стиля в историческом движении (ср. „словоплетущий“ и „словоплодящий“ стиль книжников конца XIV—XVI вв.)». ⁸

Выявляя своеобразие свойственного агиографическому стилю способа изображения человека, И. П. Еремин, как мы видели, высшей целью агиографа признает стремление «устранить все черты индивидуального характера» героя, освободить его «от всего „временного“, всего „частного“ и „случайного“», дать «обобщенное воплощение добра и зла, „злодейства“ или „святости“», тенденцию «свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности». ⁹ Таким образом, агиограф относился к тем писателям, для которых, по выражению И. П. Еремина, «основным объектом изображения становилась не жизнь, какая она есть, в ее повседневном течении, а порожденные жизнью идеалы». Эти писатели вступали «на путь идеального преобразования жизни», они изображали события как «фон, иногда намеченный в самых общих очертаниях и, так сказать, в уменьшенном масштабе». ¹⁰

В этом определении, на мой взгляд, следует сделать одну поправку: «агиографический идеал» на русскую почву был перенесен в готовом виде через переводную религиозно-дидактическую литературу, житийные образы византийских и восточных подвижников, через восточнохристианский монашеский устав. Он не был «порожден» русской исторической обстановкой: усвоенный ею извне, он лишь корректировался на Руси местными условиями. Литературное выражение этого идеала также приобрело своеобразные черты, отличающие русский агиографический стиль от византийского, как будет показано далее на примере Киево-Печерского патерика.

Определение существенных признаков агиографического стиля, данное И. П. Ереминым, построено на тех образцах житийного жанра, которые могут быть названы «украшенными» («умилительная чувствительность»,

⁷ Там же, стр. 83—85, 92.

⁸ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 117.

⁹ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85.

¹⁰ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78, 79.

«цветистая», «патетическая фразеология» восхваления). Агиографический стиль здесь уже впитал в себя черты ораторской торжественности, панегиризма, который украсил характеристику подвижника «празднично-торжественными» эпитетами, и лиризма гимнографии. Рассказ о жизни святого в этой группе житий слился с похвалой ему, весь окрасился эмоциями восхваления. Именно эта разновидность житийного стиля, как правильно показал И. П. Еремин на примере Киевской летописи XII в., передала в некоторые биографии светских исторических героев свои характерные приемы. В статье, посвященной Киевской летописи, И. П. Еремин показывает применение агиографического стиля в некоторых летописных повестях, главным образом описывающих смерть князей и дающих их посмертные характеристики. «Агиографической стилизацией» И. П. Еремин называет включение в перечень положительных качеств князя эпитетов, характеризующих его как образцового христианина, а в описание смерти — «штампов агиографического стиля» — чудесных явлений, «умилительной чувствительности» плачей по умершем, «похвалы» ему, «цветистой фразеологии», использующей, как и жития, стилистику церковного акафиста. Приведенный И. П. Ереминым пример взят из повести об Андрее Боголюбском, местно чтившемся уже в то время князе, повесть о котором стилизовалась намеренно под «житие».¹¹ Агиографическая стилизация — признак уже всех ранних редакций «княжеских житий»; канонизация или хотя бы установление местного почитания влекли за собой переработку исторических рассказов о том или ином князе, превращавшемся в идеального подвижника. Убитые в политической борьбе князья стали в первую очередь героями таких стилизованных повествований. Старшие их образцы показывают начало этого процесса агиографической стилизации, которая с течением времени по мере усиления связи светской власти с церковной распространяется и на биографии князей, позднее — царей, никогда не удостоивавшихся ни канонизации, ни хотя бы местного почитания церковью. Высшего проявления эта стилизация достигает в XVI в. в Степенной книге, а в начале XVII в. примером ее может служить «Житие царя Федора Ивановича».

Это скрепление агиографического стиля с летописным («монументально-историческим», по терминологии Д. С. Лихачева)¹² не было механическим: когда в характеристику князя вплетались черты примерного христианина, выраженные агиографическим стилем, это было оправдано тем, что отношения между государственной и церковной властью на данном этапе требовали, чтобы правитель был и образцом выполнения правил христианского поведения. Отсюда вытекала и «эстетическая оправданность» переноса готовых приемов агиографического стиля в светское повествование: для характеристики разных проявлений «благочестия» героя нужны были иные выразительные средства, чем те, какими писатель пользовался, рассказывая о государственных — политических и воинских — заслугах своего героя. Так рядом с фразеологией феодального быта, пользующейся «народным типом» литературного языка, закономерно становятся «книжно-славянские формулы изображения действий и переживаний человека», взятые из книжного типа русского литературного языка.¹³

¹¹ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85—86.

¹² См.: Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 27—69.

¹³ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, стр. 117. О соединении разных систем см.: И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 80.

В настоящей статье я коснусь вопроса о том, как на практике применялся в житийном жанре XII—XIII вв. тот канон агиографического стиля в изображении человека, который был в его наиболее существенных чертах определен И. П. Ереминым. Не захватывая все произведения житийного жанра XI—XIII вв., я попытаюсь оценить с точки зрения этого канона своего рода классические памятники — Житие Феодосия Печерского, сложенное Нестором, и те рассказы о «первых черноризцах печерских», часть которых приписывают тому же автору, но большинство которых было обработано уже в начале XIII в. Симоном — епископом Владимирским и Поликарпом — иноком Печерского монастыря. Все эти памятники были со временем объединены в сборник, получивший общее название «Патерик Печерский». Выбор этих образцов житийного жанра для характеристики своеобразного применения в них агиографического стиля поддерживается той высокой оценкой их литературного качества, какую дали им классики русской литературы и прежде всего Пушкин.

«Прелесть простоты и вымысла» — в этой краткой, но исчерпывающей характеристике рассказов Киево-Печерского патерика Пушкин¹⁴ назвал оба признака, определяющие художественное своеобразие этих рассказов. В истории русской литературы XII—XIII вв. они рассматриваются обычно как образцы агиографического жанра этого времени, связанного с переводными патеричными легендами, отмечается близость фантастики («вымысла») некоторых из них с народной сказкой, и этим ограничивается их жанровая характеристика. Между тем пушкинское определение заставляет задуматься над вопросом, в чем же «простота и вымысел» рассказов о первых киево-печерских черноризцах, насколько эти рассказы подходят под тот «агиографический» канон, который к XII в. в русской литературе вполне сложился и даже, как выше указано, освоен был не одними агиографами, проник в некоторые летописные повести, в княжеские некрологи, а отдельными своими чертами и в документальные летописные рассказы.¹⁵ То внимание, с каким не только Пушкин, но и позднее великие мастера русской прозы — Лесков и Л. Толстой — относились именно к некоторым агиографическим рассказам-легендам, выдвигает перед нами и другой вопрос: какое место занимают эти рассказы, в первую очередь старшие образцы их — легенды Киево-Печерского патерика, в истории развития прозы феодального периода?

2

Обращаясь к классическому образцу житийного жанра начала XII в. — Житию Феодосия Печерского, написанному Нестором, мы видим, что основные требования агиографического стиля, предъявляемые к изображению действующих лиц и окружающей их обстановки, соблюдаются автором не с одинаковой последовательностью в разных частях повествования, что одной этой стилистической системой не исчерпываются художественные приемы Нестора даже при построении центрального образа.

Нестор описал жизнь Феодосия до пострижения значительно подробнее, чем этого требовал агиографический канон, и это дало ему возможность показать душевное развитие Феодосия в детские и юношеские годы, хотя по установленной агиографической схеме автор утверждает, что «дух святой измлада вселися» в ребенка и он рос «телом и духом влеко-

¹⁴ Письмо П. А. Плетневу от 14 апреля 1831 г.: «...присоветуй ему (Жуковскому) читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!». — А. С. Пушкин. Сочинения, т. X. М.—Л., 1949, стр. 347.

¹⁵ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 82—97.

на любовь Божию». ¹⁶ Этот агиографический штамп в дальнейшем рассказе расцвечивается живыми подробностями быта зажиточной семьи, на которую работали «рабы». Хотя родителям Феодосия, согласно тем же требованиям канона, приписано «всякое благочестие», однако с детства начинается их противодействие религиозным склонностям сына. «Всяким благочестием украшена» мать, и все же она приходит «в великую ярость» оттого, что ее сын работает на «селе» с рабами, носит убогую одежду, уклоняется от «игр» со сверстниками и тем приносит «укоризну себе и своему роду». Так сталкиваются два взгляда на жизнь, и мать «многожды» убеждает сына не только гневными словами, но и побоями (стр. 16—17).

Наконец, Феодосий, задумав выполнить завет Христа, решает «постричься и утаиться матери своеа». Воспользовавшись тем, что мать на «дни многы» уехала «на село», Феодосий ушел из дому в Киев и, получив отказ в нескольких монастырях, пришел в пещеру к Антонию, который принял его (стр. 20).

Последний этап борьбы матери с Феодосием разворачивается уже в Киеве. Четыре года она искала сына, оплакивала его как мертвого и, наконец, узнала, что он в Киеве. Он отверг все просьбы матери вернуться домой и обещания ее не препятствовать ему жить там «по воли своей». Встречи кончились тем, что сын убедил мать постричься в женский монастырь (стр. 21—22).

Обо всем этом «мати исповеда единому от брата, имянем Феодору, иже бе келарь при отци нашем Феодосии». Нестор добавляет: «Аз же от него вся слышавъ, овому исповедавшую ми, и вписах сие на память всем почитающим сиа» (стр. 23). ¹⁷

Итак, в этой части жития перед нами два человеческих портрета. В образе Феодосия, каким его нарисовал Нестор, все подчинено одной цели — показать рост его религиозных настроений, его то молчаливую, то «писанием» подкрепленную упорную борьбу с попытками отвлечь его от этих настроений, вернуть к «земным» радостям, почестям. Лишь один раз Феодосий во время встречи с матерью в монастыре делает уступку материнской любви и к доводам «от писания» добавляет простые человеческие слова: «... аще хоцещи мя видети по вся дъни, прииди в сей град и, вшедши в един монастырь женеск, и ту остризися. Тако, приходяще семо, видиши мя, к сим же и спасение души приимеши. Аще ли сего не сотвориши, истинну ти глаголю: к тому лица моего не имаша видети» (стр. 22). В устах монаха-подвижника неожиданно в этой речи на первый план выдвинулось обещание ежедневных встреч, а потом уже «к сим же» Феодосий напомнил ей и о «спасении души». Для читателя в конце концов так и остается под вопросом, действительно ли мать убедилась вслед за сыном, «яко ничтоже есть свет сий маловременный» и потому лучше удалиться в монастырь, или верх взяла возможность «по вся дъни» видеть любимого сына.

Для характеристики Феодосия после пострижения Нестором привлечен традиционный набор эпитетов, подчеркивающих христианские добродетели инока; частью эти эпитеты подходят под определение «празднично-торжественные», выполняющие задачу прославления.

¹⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. Памятники славяно-русской письменности, изданные имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1911, стр. 15, 16 (далее в тексте в скобках указываются страницы этого издания).

¹⁷ Наличие этой ссылки Нестора в рассказе матери делает излишней попытку искать «письменный источник» эпизода встречи ее с сыном в Скитском патерике, см.: [С. А. Бугославский]. Жития. — В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 330.

Как положено требованиями агиографического стиля, Феодосий наделен силой побеждать «нечистые духи». Это они традиционными для агиографии способами мешали святому «опочинуть»: не случайно в рассказе о том, как «злии дуси» «в бубны» били, «в сопели» дули, кричали, наносили ему «раны», Нестор вспомнил переводное житие Антония великого. Изгнанные из «печеры» святого «пронырливии беси» начинают озорничать то в пекарне, где они рассыпали муку, опрокинули закваску, то в хлеве, где они мешают скоту есть, то досаждают иноку Лариону (стр. 29, 35, 45). И всюду на помощь приходит Феодосий, изгоняющий этих «бесов». Однако и сами «пронырливии беси», и способы, какими они пытаются вредить людям, значительно отличаются от «врагов рода человеческого», «демонов» и их искушений, какими их изображают переводные жития, особенно восточные. Бесы в рассказах Нестора способны лишь на мелкие бытовые плутни, сами они скорее напоминают озорных чертей, леших народной сказки и без труда бывают посрамлены святым. Их проделки чаще всего не имеют отношения к религиозным обязанностям иноков, и автор вводит в свое повествование эти эпизоды лишь для того, чтобы подтвердить могущество молитвы Феодосия. С той же целью, следуя за агиографическим канонам, Нестор наделяет Феодосия уже при жизни даром чудотворения, придает, умеренный впрочем, налет чувствительности некоторым сценам, в которых участвует Феодосий: он плачет от радости при встрече с Никоном (стр. 32), от жалости, увидев связанных разбойников, от умиления, одаривая милостыней нищих и убогих (стр. 42), и т. д.

Общая задача жития — прославить Киево-Печерский монастырь и Феодосия, как его строителя, — побудила Нестора отойти от темы общерусского прославления Феодосия и подчеркнуть, что после смерти он будет покровителем только тех, кто умрет в стенах его монастыря. Эта местная тенденция несколько нарушает свойственное агиографическому стилю стремление «свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности». ¹⁸ Та значительная роль, какую Киево-Печерский монастырь при Феодосии и после него играл в политической и общественной жизни Киевского государства, побудила Нестора ярко оттенить эту местную тенденцию и тем придать некоторую историчность и самому образу «святости» Феодосия: он и после смерти представлен особо ревнивым к славе своего монастыря, пекущимся в первую очередь именно о его нуждах.

Казалось бы, все требования, какие предъявлял агиографический стиль к изображению святого, соблюдены Нестором. Феодосий наделен всеми чертами идеального подвижника, который постоянно напоминает монастырской братии, что инок должен отречься «от мира» (стр. 30), возненавидеть «мир весь», «никако же пещися о плотнемь» (стр. 28) и заботиться только о «спасении душ наших» (стр. 30). Но рядом с этим «обобщенным воплощением святости» возникает и другой образ Феодосия. Мы увидим не только проповедника отречения от мира, которого Нестор, закончив рассказ о судьбе его матери, обещал представить отвергшим «всякия мирския печали» (стр. 23). Перед нами встанет во весь рост деятельный, энергичный организатор большого монастырского хозяйства. Это именно он на месте, где около пещеры Антония собралось небольшое еще число «первых черноризцев печерских», построил обширный храм, кельи для быстро увеличивавшейся братии, многочисленные хозяйственные постройки, где «пронырливии беси» напрасно пытались «пакости

¹⁸ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85.

творити», наносить урон крепкому хозяйству. Это именно Феодосий сумел привлечь богатых покровителей монастыря — самого киевского князя и киевскую знать. Его авторитету и энергии монастырь был обязан тем, что одни из них «приношаху от имений своих на утешение братии и на устроение монастырю», другие же дарили ему «села» (стр. 31).

Из рассказа Нестора видно, что Феодосий сам вникал во все хозяйственные дела: к нему шли, когда недоставало муки и хлеба для иноков, меду — для монастырских гостей, вина и масла — для церковной службы. И хотя Феодосий «агиографически» заполняет все прорехи в монастырском хозяйстве с помощью чуда — своей молитвы и горячей веры в помощь божию, но за этой религиозной оболочкой скрывается энергичная деятельность хозяина, который умел, очевидно, вовремя призвать на помощь богатых покровителей.

Историческая действительность смело ворвалась в повествование Нестора и тогда, когда он отрекшегося «от всякыа мирския печали» Феодосия показал в самой гуще политической борьбы, разгоревшейся между Изяславом, князем киевским, и его братьями. Когда Изяслав был изгнан из Киева и княжеский стол занял Святослав, Феодосий смело выступил против Святослава, «многа укоризнена» речи говорил князю, писал и ему и его «вельможам» «епистолию велику зело». О гневном тоне «укоризни» и «епистолий» можно судить по тому, что он сравнивал в них Святослава с самым тяжким преступником для средневекового сознания — Каином, убийцей брата. Напоминал разгневаный Феодосий князю «и инех многих древних гонителей и убийц и братоненавистник». Лишь «умолен быв от братии», он пошел и на другую уступку — стал поминать первым Изяслава, вторым же Святослава (стр. 51).

Весь этот рассказ о вмешательстве Феодосия в междукняжескую распрю показывает нам его непохожим на смиренного инока, который, по словам Нестора, никогда не бывал «ни гневлив, ни яр очима» (стр. 40). В этом споре обнаружился скрытый под монашеским «смирением и покорением» страстный темперамент сына мужеподобной, страшной в «ярости» его матери, которая в борьбе с сыном переходила от «грозы» к мольбам. Сама историческая действительность подсказала Нестору в этом эпизоде необходимость отступить от агиографического стиля, и он внес поправку в «святость» портрета Феодосия.

С первых же страниц жития рядом с Феодосием появляется его мать, поначалу изображенная по агиографическому канону «в вере христианской живуща и всяким благочестием украшена» (стр. 15—16). Но затем вместо этой «житийной» матери перед читателем встает другой образ, который в композиции жития должен стать «обобщенным воплощением . . . зла, злодейства»,¹⁹ так как мать оказывает яростное противодействие религиозным устремлениям ребенка и юноши. Однако живой и выразительный образ властной женщины, высоко ценящей репутацию своего «рода», которому, по ее мнению, Феодосий наносил «укоризну» своим участием в труде «рабов», убогой одеждой, «железами» на теле, — женщины, материнская любовь которой выражается то в «мольбах» к сыну, то в угрозах и даже побоях за отказ жить так, как было принято в зажиточных семьях, очень далек от «обобщенного воплощения зла». Переходы от «мольбы» к «грозе», от «великия ярости» к горьким слезам покинутой любимым сыном матери, последние просьбы пожить с ней до ее смерти «по своей воле» и, наконец, решение уйти в монастырь, лишь бы иметь возможность видаться с сыном, — все эти проявления «индивиду-

¹⁹ Там же.

ального характера» идут вразрез с требованиями к агиографу, изображающему врага святого. «Сильная и крепкая яко же муж» женщина оказалась сломленной убежденностью сына и отрелась от всех тех благ, вернуть сына к которым она старалась столько лет всеми мерами. Напоминания о «враге добру» — дьяволе, который раздувал «ярость» матери, не могут умалить жизненность этого женского образа, это — дань традиции, которая во всех жанрах древнерусской литературы требовала объяснять дурные поступки и «помыслы» каждого человека внушением «врага рода человеческого». Так, в ортодоксальное житие автор, прекрасно владеющий агиографическим стилем, внес элементы того «многообразия действительности», тех «черт индивидуального характера», которые в теории были этому стилю противопоказаны. Примечательно то, что это отступление от канона было допущено не во второстепенных деталях повествования, а в изображении того основного конфликта, в обстановке которого формировался характер главного героя — Феодосия.

В стилистике эпизодов, рассказывающих о матери Феодосия, обращает на себя внимание одна черта: отлично владеющий «патетической фразеологией» восхваления, когда речь идет о самом Феодосии или его наставнике Антонии, Нестор совершенно лишил рассказ о матери оценочной лексикой. Когда речь идет о «гневе», «ярости», «грозе», побоях, которыми она пыталась побороть сына, даже о «гневе великом», с которым она требовала от Антония показать ей сына, к ней не применен ни один из обычных осудительных эпитетов, традиционно сопровождающих «врага» в житийной литературе, хотя функции этого «врага» и переданы матери.

Можно ли предполагать, что Нестор в данном случае сознательно отступил от требований агиографического стиля? Вряд ли: в изображении матери он подчинился своему основному источнику — рассказам ее о детстве и юности Феодосия и о попытках удержать сына на том пути, какой ему открывало его имущественное положение члена зажиточной семьи. Правдивый рассказ матери-монахини, поведавшей о своей борьбе с сыном уже тогда, когда она, очевидно, раскаялась в своей жестокости, увел Нестора к изображению жизни, «какая она есть», к воссозданию характерного для русской действительности XI в. конфликта.²⁰ Так и не произошло столкновения святого с «обобщенным воплощением зла». Вот почему не «по-житийному» этого «врага» одолела в конце концов не столько проповедь инока, сколько материнская любовь, направившая мужеподобную, сильную и властную женщину в монастырь.

Мы проследили за тем, как в образцовом произведении житийного жанра, каким не только для начала XII в., но и для последующего времени было житие Феодосия, применялись на практике требования агиографического стиля. У Нестора — не только агиографа, но и летописца — мы обнаружили и в характеристике главных персонажей — Феодосия и противодействующей ему матери — смелое соединение идеализирующего изображения жизни и людей, которое стремится научить должному, идеальному, с правдивым воспроизведением некоторых сторон реальной действительности. Нестор не отказывается от раскрытия противоречий в поведении отрешившегося от «мирския печали» «блаженного Феодосия», который отступает от монашеского «смирения и покорения», отречения от

²⁰ Такой же конфликт возник в семье «первого у князя в боярех Иоанна», когда его сын ушел в пещеру Антония. Такими же жестокими мерами пытался отец вернуть сына к «богатству и славе мира сего». Победила непримиримость сына. Но в отличие от Феодосия он не пытался словами «писания» убедить отца в преимуществах жизни инока. Отец уступил, побежденный лишь любовью к сыну, и отпустил его, оплакав как умершего (стр. 23—26).

забот «о плотнень», вторгается и в политическую борьбу, и в хозяйственные дела монастыря. Так, в обобщенном образе «святости» появляются черты индивидуального характера, нарушается и «тенденция свести к некоему абстрактному „единству“ все многообразие действительности».²¹ «Временному», «частному», «случайному» Нестор уделяет внимание в такой мере, что за религиозной оболочкой его повествования это «многообразие действительности» ощущается и в характерах действующих лиц, и в описании событий, участниками которых они являются.

Внимательно перечисляя все христианские добродетели Феодосия, Нестор подтверждает их описанием отдельных случаев из его жизни, где раскрываются быт монастыря, его связи с «миром». Рядом с поучительным повествованием о жизни и людях, какими они должны быть, появляются рассказы и о том, какова была эта жизнь и какие люди встречались с Феодосием в действительности. «Идеальное преображение» уступало место правдивому воспроизведению бытовых эпизодов.

Отлично владея стилистикой, неотъемлемой от канона агиографического стиля, Нестор не прибегает к ней вовсе или слегка лишь окрашивает ею изложение в тех частях своего повествования, где отдельные факты политической борьбы или монастырского быта несколько отодвигают обобщенные образы и картины.

Таким образом, даже в каноническом произведении житийного жанра нормы агиографического стиля не определяют всего строя изложения в целом. При несомненном преобладании этих норм в рассказе Нестора есть и отступления от них, напоминающие и о том, что он был мастером исторического повествования, и о том, что в его время такие отступления были принципиально допустимы.²²

3

С XI в. начали слагаться и краткие сказания «о первых черноризцах печерских», основанные на устных преданиях. Одна группа этих сказаний, не дошедшая до нас, входила, по предположению А. А. Шахматова, в утраченное житие Антония. Другой цикл — четыре рассказа — известен по Повести временных лет и Киево-Печерскому патерику. Основной, самый обширный свод таких рассказов, обработанных Симоном, епископом Владимирским, и Поликарпом, сохранился в составе Киево-Печерского патерика. Вместе с житием Феодосия именно эти рассказы и оценил Пушкин, ощутивший в них «прелесть простоты и вымысла».

По предположению А. А. Шахматова, «слово о первых черноризцах печерских» (Дамиане, Иеремии, Матвее и Исакии) входило в Печерскую летопись, составленную в конце XI или в начале XII в., откуда Сильвестр включил его в Повесть временных лет. Вопрос о том, сложено ли это «слово» Нестором, А. А. Шахматов считал еще не решенным. Из поздней редакции Печерской летописи «слово» было включено в одну из ранних редакций Киево-Печерского патерика, предшествовавшую Касьяновской.²³

²¹ И. П. Еремин, Киевская летопись, стр. 85.

²² Такой «разной» в исторических повестях, подвергшихся «агиографической стилизации», отмечает И. П. Еремин в статье «Киевская летопись...» (стр. 90). Полностью в агиографическом стиле построена Нестором характеристика Антония (стр. 21—26), представленного монахом-отшельником, который, «не трюпа всякого мятежа и мльвы», удаляется даже к концу жизни «на ин холм» и живет в одиночестве.

²³ А. А. Шахматов, Киевопечерский патерик и Печерская летопись, I—II. — ИОРЯС, т. II, кн. 3, 1897, стр. 795—844; отдельный оттиск — СПб., 1897, стр. 4, 41.

Рассказы о Дамиане, постом заслужившем дар исцелять больных, и о Иеремии, «иже помняше крещенье земле Русьския», который умел предсказывать людям «добро ли зло», выдержаны в обычной агиографической схеме, хотя и лишены украшающей эту схему пышной фразеологии. Иеремия, судя по рассказу, был наблюдателен и умел разглядеть настроение тех черноризцев, которые впадали в сомнение («аще кого видяше в помыслени») и задумывали покинуть монастырь. «Агиографический» эта наблюдательность приписывается свыше данному дару пророчества, однако, сняв религиозную оболочку, мы увидим за этим рассказом не только зоркую наблюдательность «провидца» Иеремии, но и то, как трудно на первых порах складывался устойчивый монастырский быт; узнаем, что и «первые черноризцы» не всегда легко порывали с «миром» и возвращались иногда в «суету мирскую», а стойкие иноки боролись с этими настроениями (стр. 70—71).

В рассказе о Матвее «прозорливом» та же тема борьбы примерных иноков с колеблющимися разработана с элементами фантастики. Прозаическая ситуация — невыспавшийся монах не выдерживает утомительной ранней «утрени» и уходит домой досыпать, а иногда и вовсе сбегает из монастыря — благодаря фантастике приобретает сказочную поэтичность. Во время службы по церкви ходит бес в образе «ляха» и разбрасывает цветы — «лепки». К тем инокам, которые невнимательно слушали службу, цветок прилепился, тогда монахи уходили домой спать; к стоявшим «крепко» цветок не приставал.

Четвертый рассказ, из Печерской летописи перенесенный в Повесть временных лет и позднее в Киево-Печерский патерик, передает историю богатого купца Исакия, «родом Торопчанина». Этот рассказ интересен своеобразной обработкой отдельных эпизодов переводных патериков, приспособившей их к типичным приемам повествования о «первых черноризцах печерских» (см. стр. 64—65).

Этими четырьмя рассказами исчерпывается та группа повествований о «мужах чудных» Киево-Печерского монастыря, которая первоначально входила в состав Печерской летописи, затем Повести временных лет и, наконец, была включена в Киево-Печерский патерик. Уже в этих рассказах сложились характерные и для остальных «слов о первых черноризцах печерских» черты повествования. Агиографическая канва старших сказаний еще не расцвечена торжественной риторикой восхваления, зато в изображении черноризцев, в описании их чудес и «бесовских действий» уже вполне ясно выступает «прелесть простоты и вымысла», пленившая Пушкина. Фантастика приобрела налет сказочности, свойственной народным рассказам о чертях и леших, и в ее наивном простодушии исчезли те мрачные краски, какими рисуются «демоны» в легендах переводных патериков.

Все остальные рассказы о «первых черноризцах печерских» сохранились уже в переработке начала XIII в., в составе двух посланий, объединенных одним общим замыслом: доказать особую «святость» Киево-Печерского монастыря, прославившегося с самого своего основания подвижничеством первых его черноризцев. Именно эта задача побудила обоих авторов усилить «агиографичность» изложения, окружив рассказы, несомненно опирающиеся на давние устные предания, религиозно-дидактическими рассуждениями, обильной цитацией «писания». Но, сняв эти украшения, мы без труда выделим во многих рассказах ту основу, в которой житийная схема в сущности выдерживается лишь в начальных фразах, дающих обычную для агиографического стиля общую характеристику подвижничества святого, и в заключении, описывающем «праведную» смерть и погребение его. Весь интерес рассказчика сосредоточен на одном

или нескольких эпизодах жизни подвижника, в которых он нередко обнаруживает настроения, противоречащие монашескому обету, допускает даже поступки, запрещенные иноку, и лишь наказанный «божьим гневом», кается и возвращается к примерному поведению, соответствующему его «святости».

Вот Еразм черноризец (стр. 86—87). Вопреки монастырскому уставу, он сохранил после пострижения свое богатство. Это богатство он «не в милостыню сътворил», но потратил его на дорогие оклады к иконам. Для монастырского быта уже и того далекого времени характерно, как изменилось отношение к Еразму, когда он «обнища велми»: он жил теперь «небрегом никим же» и, разобиженный тем, что не получает «мзды» за истраченное имущество, «нача нерадением жити... бесчинно дньи свои препроводи». Эта правдивая картина монастырского быта сменяется «агиографическим» описанием последних дней жизни Еразма.

Принес с собой в монастырь свое богатство и герой другого рассказа — Арефа, «родом полочанин». Но он не тратил его даже на церковь: «никогда же не подаде ни единого цаты убогому, ниже хлеба, и тольми бе скуп и немилосерд, яко и самому ся гладом уморити» (стр. 88). Этим Арефа напоминает скупца, изображенного в словах «о богатых и немилостивых», «о милостыни».²⁴ И вот однажды ночью «татие покрадоша все имение его». Арефа обвиняет «неповинных», многих мучит «без правды». «Старци блаженнии», утешая его, умоляют смириться, «сий же жестокими словесы всем досаждаше». И даже пораженный «недугом лютым», он не «преста от роптания и хулы». Теперь в композицию рассказа входит агиографическая тема: Арефе в видении являються «ангельское пришествие и бесовские полки». Между ними начинается спор «о украденном злате». Бесы утверждают, что Арефа им «предан есть», так как он «похули» обокравших; ангелы обвиняют Арефу в том, что он не благодарил бога за потерю имущества. Тогда Арефа взывает о прощении, бесы исчезают, а ангелы «вписаша в милостыню погыбшее сребро». После этого видения Арефа настолько изменился «умом и нравом», что «блаженнии старци» даже удивлялись.

Не без юмора описана в одном из рассказов Симона история ссоры Тита попа и Евагрия диакона, всегда прежде удивлявших своей дружбой — «единоумием и безмерной любовью». Неожиданно они, разумеется по наущению «ненавидящего добра диавола», так возненавидели друг друга, что стали избегать встреч и не хотели «в лице видети друг друга». Как ни уговаривали их помириться, «они же ни слышати хотяще». Если Тит в церкви шел с кадилом, Евагрий «отбегаше фимиана», когда же он не уходил, Тит шел мимо «не покадив». Таким образом, в этой ссоре оба вели себя одинаково. Но когда Тит заболел, он попытался попросить прощения у Евагрия. Однако тот «жестокими словесы проклинаше его». Старцы силой тащили Евагрия проститься с умирающим, но он, «немилостивый и лютый», отказался с ним «прощения имети ни в сий век, ни в будущий». Тогда наступает обычное в агиографии возмездие: Евагрий падает мертвым, а Тит, «въстав яко николи же болев», рассказал о своем видении. Центральный эпизод и этого рассказа уводит читателя далеко от агиографического канона. Главный герой, в будущем святой, в своем характере сохраняет до предупреждающего «видения» индивидуальные черты: в ссоре он так же мелочен, как Евагрий, даже в церкви не забы-

²⁴ Скупой сребролюбец «имения не хочет ся насытити николи же пропаснаго, но утробу свою мучит гладом и тело наготою, и зимою жметя» (В. Адрианова-Перетц. Изображение «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, стр. 21).

вает о вражде, не внемлет наставлениям «братии», умолявшей их помириться. Ничего «агиографического», кроме ссылки на «врага», устроившего эту ссору, в рассказе нет. До того как в события вмешалась «божья кара» (болезнь Тита и видение), оба героя ведут себя, как Иван Иванович и Иван Никифорович в повести Гоголя.

Поликарп в послании печерскому архимандриту Акиндину приводит семь рассказов, показывающих совсем не «агиографические» эпизоды из жизни подвижников.

В рассказе об Агапите «безмездном враче» развернута картина борьбы монахов, лечивших в сущности внушением — своей едой вместо лекарств и молитвами, с врачом-армянином «хитрым врачеванию», «яко таков не бе прежде его». Святой в этом рассказе совсем не «агиографически» в спорах с противником то приходит в «ярость», то высмеивает его и раздраженно укоряет. Эти черты индивидуального характера, проявившиеся в конфликте с врачом, выходят за рамки тех качеств, какими агиографический стиль наделяет святого.

Правдивыми картинами монастырского быта, расцвеченными наивным «вымыслом» чудес, интересен рассказ о Григории чудотворце, при одном приближении которого «бесы» начинали «вопить»: „О Григорий, изгониши ны молитвою своею“. Главное содержание рассказа составляет описание столкновений Григория с ворами, дважды пытавшимися его обокрасть. Единственным имуществом Григория были книги. Григорий по ночам не спал, молился и «ощутив», что воры подкралась и ждут, когда он уйдет «на утренюю». Григорий помолился, чтобы бог дал сон ворами, «яко утрудися, vsue врагу угажающе» (стр. 96—97). И они проспали 5 дней и ночей. Наконец, в присутствии братии Григорий разбудил воров, ослабевших от голода, накормил и отпустил их. Узнав, что «градский властелин» схватил воров и мучит их, Григорий огорчился, что они страдают из-за него, отдал часть книг «властелину», а остальные продал и отдал «убогым» их стоимость, чтобы это имущество больше никого не вводило в искушение. Раскаявшиеся воры нанялись работать в монастыре. У Григория был небольшой огород. Воры уже набрали овощей и плодов и хотели уходить, но «не възмогоса». Два дня они стояли «неподвижими и угнетаемы бремены», наконец, увидев мимо идущих черноризцев, взмолились, чтобы они освободили их. Но те «не могоста свести их от места того» и посоветовали «молить старца», чтобы отпустил их. Старец Григорий сначала сурово ответил им: «Понеже праздни пребывасте весь живот свой, крадушча чужаа труды, а сами не хотяще тружатися, — ныне же стойте ту праздни прочаа лета до кончины живота своего». Наконец, «умиляся» слезами воров, старец согласился отпустить их, если они будут «от труда своего инех питати» (стр. 97). Воры раскаялись и до конца жизни работали в Печерском монастыре.

Следующий эпизод рассказывает о других ворах, которые решили выманить хитростью остатки имущества Григория, а ночью сорвать плоды с его деревьев. Пришли трое и стали уверять, что один из них осужден на смерть и надо его выкупить. Григорий предсказал, что этот друг их все равно умрет — завтра повесится, но все же отдал им «оставшаа книги». Воры, смеясь, решили продать книги и поделить выручку. Ночью они заперли Григория «в погреб», где он молился, а сами пошли в сад. Тот из них, о ком друзья сказали, что он осужден и его повесят, залез на яблоню и начал рвать яблоки; ветка, за которую он держался, сломалась, падая он зацепился одеждой за другую ветку и воротником удушился. Испуганные тем, что сбылось предсказание Григория, воры просили прощения. Григорий и этих воров осудил работать на монастырь: «да к тому

тружающиеся свой хлеб ядять и довольни будутъ и инех напитати от своих трудов» (стр. 97—98).

Последнее чудо произошло, по рассказу, уже после смерти Григория. Однажды старец пошел «по воду» к Днепру. Здесь он встретил князя Ростислава Всеволодовича, отроки которого оскорбили старца, а он предсказал им всем с князем смерть в походе. Рассерженный князь приказал утопить его. Тело старца чудесно было перенесено в келью, а предсказание его исполнилось (об этом эпизоде см. стр. 59). Если исключить из этого рассказа подкрепляющие цитаты в речах Григория и в авторском повествовании, то останется бытовой рассказ из повседневной жизни монастыря, где монахи умеют даже воров заставить работать на себя всей семьей, где предсказания «святого» имеют оттенок мести то хитрым ворам, то обидевшим его князю и отрокам.

Мало напоминает «житие» и романтическая история о победе целомудренного юноши над страстью влюбленной в него женщины. Герой этого рассказа Моисей Угрин — реальное лицо, биография которого развертывается в обстановке исторических событий, связанных с захватом Святополком Окаянным киевского княжения. Все внимание рассказчика сосредоточено на конфликте между «неистовством жены», стремящейся хотя бы «неволею» склонить Моисея стать ее мужем, и целомудрием юноши, который доказывает ей, что «душевнаа чистота паче же и телеснаа» лучше богатства и власти (стр. 102—104). В этом конфликте принимают участие и «рабы» влюбленной «жены»: одни из них на стороне Моисея, другие уговаривают его покориться. Ослепленная страстью, женщина то «лестными словесы» и богатыми дарами пытается соблазнить красивого юношу, то грозит ему и истязает его. Моисей борется с соблазнами молитвой и постом, доказывает свою правоту авторитетом «писания», тайно постригается, переносит все истязания, «посмеявся безумию жены», обещавшей ему «грады и села» (стр. 104). Наконец, он обвинил ее в «безстудии»: «не токмо убоявшись бога, но и человеческий срам приобидивши, без срама нудящи мя на осквернение и прелюбодеяние» (стр. 104). Так в речь монаха врываются после всех религиозных доводов простые слова о человеческом достоинстве, о женской стыдливости.

В этом рассказе житийный «враг» принял облик страстной женщины, переживания которой описаны с убедительной яркостью, а в отдельных деталях и с исторической правдивостью (произвол в обращении с пленниками, страх перед их неповиновением). Сам Моисей — «воплощенное обобщение» целомудрия — показан только как образец преодоления «плотской страсти», но в его отношении к влюбленной женщине проглядывают и некоторые черты его индивидуального характера: то он смеется над ее попытками привлечь его богатством, то укоряет в «безстудии», то выражает презрение к «нечистой». Эти детали вносят некоторый элемент «частного» в схематичный облик целомудрия Моисея. Предание о том, что Моисей отверг соблазны любви, в Киево-Печерском монастыре, куда он пришел все-таки после смерти «жены», создало ему репутацию исцелителя «боримых на блуд».²⁵

Интересен рассказ о Прохоре, превращавшем во время голода хлеб из лебеды в сладкий «яко с медом суще», а пепел в соль, когда появилась нужда в ней (стр. 106—110). Действие в этом рассказе, как и в предыдущем, развертывается в определенной исторической обстановке. На Русь часто нападали половцы, шла усобица между князьями, наступил «глад

²⁵ От прикосновения «единой кости от мощей» Моисея «преста страсть» у инока, пришедшего к Иоанну затворнику, и самому затворнику в борьбе с «вождедением плотским» помогли молитвы Моисею (стр. 99—100).

крепок и скудета велиа по Руской земли» (стр. 106). Прохор усердно собирал лебеду, а приготовленный из нее хлеб раздавал «неимущим и от глада изнемогающим». И всем, кому Прохор давал хлеб, он казался «светел и чист и сладок». Когда же «некто от братья» тайком взял у Прохора этот хлеб, он оказался «яко пельнь и горек без меры» (стр. 107). Затем прекратился подвоз в Киев соли: после ослепления Василька Теробовльского Святополк и Давид Игоревич «рать зачаста» и «не пустиша гостей из Галича, ни людей от Перемышля, и не бысть соли во всей Руской земли» (стр. 108). Тогда Прохор, видя нужду, стал собирать по кельям «пепел» — золу — и раздавать безвозмездно нуждающимся эту золу, причем она превращалась в соль. Конец рассказа выдержан в агиографическом стиле: обещание князя своими руками нести на погребение умершего Прохора, сцена погребения и победы над половцами как награда за благочестие (стр. 109).

К рассказу о Прохоре Лебеднике особенно подходит характеристика, данная Пушкиным Патерику. В наивной фантастике, окружившей вполне реальные факты — помощь монастыря городскому населению во время голода и нехватки соли, — «прелесть простоты и вымысла» проявилась наиболее показательно. Ничем не примечательные бытовые факты — во время голода крестьяне лебеду обычно примешивали в хлеб, а золу всегда собирали для мытья — дали основу для бытовых же «чудес»: в руках Прохора горький хлеб из лебеды становится сладким, а зола, им розданная, получает вкус соли. В описание этих чудесных превращений вплетается одна подробность, подчеркивающая, что только печерский подвижник, как сказочный волшебник, имеет силу совершать их: украденный даже иноком хлеб из лебеды горек, как полынь, а насильно отнятая у Прохора князем зола не становится солью.

В рассказе «о святых преподобных отцех Федоре и Василии» (стр. 113—120) за религиозной оболочкой скрывается мастерское изображение борьбы в душе Федора между идеалом монашеского «воздержания» и «нестыжательства» и мирским стремлением к вольной беспеченной жизни. Василий — «совершеннейший» инок — поддерживает в Федоре верность монашеским обетам, «враг», «диавол» толкает неустойчивого инока на разрыв с монастырем. Поликарп, обработавший печерские предания о Федоре и Василии, стремится своим рассказом доказать тезис: «корень есть и мати всем злым — сребролюбие» (стр. 114). Главный персонаж рассказа — Федор — в миру был богат, но перед уходом в монастырь роздал нищим свое имущество. Прожив много лет «в воздержании», он утомился длительным и суровым постом. В его душе пробуждается сожаление о том, что он роздал все свое имущество нищим, его «плоть» изнемогла от поста, он «недоволен монастырьскою ядию»; конечно, автор спешит объяснить эти настроения тем, что «искушение то враг ему принесет» (стр. 114). «Совершеннейший» инок Василий увещевает Федора, он предлагает отдать ему все, что у него есть, лишь бы он не сожалел о розданном в милостыню богатстве. Временно Федор отгоняет мысли об утерянном имуществе и снова живет «в заповедех господних». Но вот поддерживавший его друг Василий уезжает из монастыря, и сомнения возникают снова в душе Федора. На этот раз легенда переносит вину за них на того же «врага», но принявшего облик Василия, чтобы речи его были убедительнее. По его совету Федор роет землю в пещере и находит клад. Первое его побуждение — раздать все в милостыню, но затем он задумывает тайно бежать на «ину страну», там купить «села». Враг нашептывает ему успокаивающую мысль, что бог не открыл бы ему эти сокровища, если бы это не было угодно ему, а спастись можно и вне этого монастыря.

Федор еще пытается противиться этим мыслям, вспоминая, что он обещался «живот свой съкончати в пещере сей», а теперь станет «бегун и мирский житель» (стр. 115), но в конце концов уступает желанию сохранить богатство и начинает готовить «возы и ларьца», чтобы уехать из монастыря. Так раскрывается внутренний мир инока-отшельника, и избранию этой борьбы в его душе противоречивых настроений нельзя отказать в убедительности, несмотря на то что все «мирские» мысли в этом споре отданы «бесу», которому обманутый его иноческим обликом Федор возражает слабо и неуверенно. Сняв с картины этого спора ее традиционную оболочку, мы обнаружим в авторе этой легенды наблюдательного, вдумчивого знатока монастырской жизни. Он видел ее не только с показной стороны, но знал, что идеал иноческой жизни не все и не сразу выдерживают до конца. За внешним поведением инока автор стремится разглядеть его мысли, настроения, следуя наставлениям «слов» «како жити христианом». Именно эти «слова» напоминали, что обязательные для христианина дела, и среди них «воздержание и милостыня», ценны только тогда, когда «нрав» и «помыслы» соответствуют им.²⁶ Спор Федора с бесом о богатстве — пример такого несоответствия «помыслов» инока с его жизнью в «пещере».

В тот момент, когда Федор уже окончательно решил уйти из монастыря и тайно готовился к отъезду, вернулся настоящий инок Василий. Не без труда ему удается доказать Федору, что он обманут «лестью» дьявола, принявшего облик Василия. С тех пор Федор окончательно поборол свои сомнения, закопал в глубокую яму свои сокровища («и доньне никто не съест, иде же сокровенно есть» — так автор подкрепляет достоверность своего рассказа) и перестал жить «празден»: он стал «работати на святую братию». Теперь Федор сам получил власть над бесами, которые пытаются досаждать ему мелкими житейскими проказами, становятся похожими на тех бесов, которые в житии Феодосия озорничали в пекарне и в хлеву. Покоряясь силе «преподобного» Федора, бесы вынуждены работать на монастырь. В этих эпизодах религиозные мотивы уступают место картинам монастырской повседневной жизни. Чтобы не заставлять инока каждый день ходить в «сусек» за пшеницей, которую он обязался молотить «своима рукама», игумен сразу прислал ему 5 возов. Ночью, утомленный работой, Федор уснул, «внезапу гром бысть», и жернова сами стали молотить. Федор, «разумев бесовское действо», приказал «диаволу»: «Не престани от работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братию» (стр. 117). «Старости ради» Федор решил выйти из пещеры и построить себе келью «на ветхом дворе». В это время сгоревший монастырь отстраивался заново и на берегу стояли плоты, которые нанятые «извозники» должны были поднять «на гору». Федор решил носить бревна сам. Тогда «беси», «хотяще прогнати» его, стали сбрасывать бревна с горы. Федор приказал бесам поднять на гору все бревна, и к утру внизу не осталось ни одного. Но тогда «наймити и извозници», потерявши заработок, «въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего» (стр. 118). Они обвинили Федора, и «неправедный судиа, мзду взяв» от них, приказал Федору уплатить им: «Да помогут ти беси платити, иже тебе служат».

Украшенный фантастикой рассказ о «сокровище», якобы по указанию дьявола найденном Федором в пещере, опирается на предание, связанное с самым названием пещеры — «варяжская». На вопрос князя, «кым,

²⁶ В. Адрианова-Перетц. Изображение «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков, стр. 17.

слышится, то съкровено есть», Федор отвечает: «В житии святого Антония поведается, варяжский поклажай есть, понеже съсуди латиньстии суть. И сего ради Варяжская пещера зовется и доныне» (стр. 119). Первыми жителями этой пещеры были варяги, вместе с Шимоном сменившие «латиньскую буюсть» на православие. Предание о построении главной церкви в монастыре вспоминает о золоте, пожертвованном Шимоном на храм (стр. 3—5). Видимо, отсюда пошли слухи, что варяги, среди которых были и богатые люди, закопали в своей пещере клад, его-то и нашел Федор. Таким образом, какая-то реальная основа у рассказа о находке Федора существовала.²⁷ Потому, возможно, слухам о закопанном снова Федором кладе так легко поверили и боярин, и князь, о чем повествует последняя часть рассказа (конечно, слух этот приносит боярину опять дьявол в обличье инока Василия, из-за чего допросу и пыткам подвергаются оба старика-иноки). Описание этого допроса снова уводит нас от прямой «житийной» темы и дает неприкрашенную картину произвола и жестокости властей (см. об этой части рассказа стр. 61).

В рассказе о Федоре и Василии рядом с выдержанным в агиографическом стиле образом «совершеннейшего» инока Василия, который сам не отступает от монашеских обетов и других наставляет, выведен ярко окрашенный индивидуальными чертами, далекий от «обобщенного воплощения святости» инок Федор. Это слабовольный человек, легко поддающийся влиянию, колеблющийся между избранным им путем подвижничества и соблазнами мирской жизни. Он ищет оправдания этим колебаниям, уже готов порвать с монастырем, но снова подчиняется сильному своей стойкостью Василию. Перелом дается ему трудно, и лишь окончательно порвав с мыслями о мирской жизни, он становится «житийным»: получает дар чудотворения (власть над бесами).

Религиозная оболочка этой легенды не скрывает умения автора убедительно передать читателю свои наблюдения над сложными противоречивыми переживаниями человека, познакомить с той обстановкой, в какой протекала жизнь старцев.

4

Легенды о «черноризцах печерских» показывают своих главных героев в самом разнообразном окружении. Способ характеристики этих второстепенных персонажей также заслуживает внимания.

Феодалному классу эти легенды не польстили. В нескольких рассказах в весьма неприглядном виде появляются князья. «Этикетных», «геральдических» портретов князей, близких к прославлению, эти легенды не знают совсем. В отличие от летописного стиля «монументального историзма», где «подданный пишет о своем князе как подданный»,²⁸ наделяя его лучшими качествами, жития Киево-Печерского патерика показывают этого князя в его повседневном поведении, не скрывая ни его неблагоприятных поступков, ни порождающих эти поступки столь же непохвальных «помыслов» и настроений.

Князь Ростислав Всеволодич со своими «отроками» перед походом на половцев шел за благословением в Печерский монастырь. На берегу Днепра под монастырем он встретил старца Григория. Отроки начали «ругаться» старца, «метающе словеса срамнаа». Григорий предсказал им всем вместе с князем смерть «в воде». Разгневанный этим предсказанием,

²⁷ Среди помет, сделанных М. В. Ломоносовым на полях рукописи Киево-Печерского патерика, слова «латиньстии сосуди» выписаны его рукой, видимо, как реалия (сообщено Г. Н. Моисеевой).

²⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 65—66.

«страха божиа не имеа», князь приказал «связати ему руце и нозе и камень на вью его обесити и вьврещи в воду». Ростислав «от ярости» не пошел в монастырь. Через два дня братия нашла Григория мертвого в келье, связанного, с камнем на шее, «ризы же его еще мокры, лице его беаше светло, сам же аки жив» (стр. 99). Келья была заперта, и не было никого, кто бы мог принести тело старца. У Триполя «побегоша наши от лица противных», Ростислав «утопе с всеми своими вои» (стр. 99). Так исполнилось предсказание Григория. Поликарп заканчивает рассказ рядом цитат из «писания» о наказании «опасно обидящих».

В основе этого легендарного рассказа лежит воспоминание о том, что 24 мая 1093 г. в битве с половцами у реки Стугны потерпело поражение войско Святополка Изяславича и братьев Всеволодичей — Владимира и Ростислава. Переправляясь во время бегства через эту реку, Ростислав утонул. Повесть временных лет сочувственно вспоминает, что «Ростислава же искавшие обретоша в реце», принесли в Киев и здесь во время погребения не только мать оплакала его, но и «вси людье пожалиша ся по немь повелику, уности его ради». Никаких сведений о характере юного князя летопись не сообщает. С полным сочувствием отмечает и «Слово о полку Игореве» печаль матери и всей природы, вызванную ранней смертью «уноши» Ростислава. Тем примечательнее резко отрицательная характеристика этого князя в Киево-Печерском патерике. Ростислав изображен здесь заносчивым жестоким юношей, который не только не защитил монаха-старца от «срамных словес» своих отроков, но и приказал утопить его, а потом в нарушение обычая молиться перед походом в монастыре не пошел туда. Смерть князя — наказание прежде всего за это нарушение, и легенда подтверждает это ссылкой на судьбу другого Всеволодича — Владимира: он благополучно переправился через Стугну потому, что получил благословение в монастыре. Основная тенденция всего патерика, утверждающего особую силу печерской «святыни», нашла свое выражение в этом объяснении гибели Ростислава. При всей явно тенденциозной легендарности этого рассказа не может не возникнуть вопрос: почему именно князь Ростислав изображен так открыто осудительно? Не отразились ли в его литературном портрете реальные черты его характера, не сказалось ли уменье автора легенды подметить эти черты и, отойдя от «этикетных» приемов изображения князей лишь в их государственных делах, объяснить повседневное поведение князя особенностями его индивидуального характера и вместе с тем сознанием его ничем не сдерживаемой власти над подданным?

Много внимания уделил рассказ о Прохоре Лебеднике совсем нелестной характеристике Святополка, беззаконно согнавшего с Киевского стола своего старшего брата Изяслава: он в Киеве «много насилия людем сътвори, дома сильных до основания без вины искоренив, имена многих отъем» (стр. 106). Святополк изгонял в Туров в заточение печерского игумена Иоанна, обличавшего его жадность и насилия. Он обнаружил не только свою жадность, но и двуличие, когда втайне от торговцев солью задумал сам обогатиться на ней спекуляцией. В отличие от летописи, где в характеристиках князей описываются «действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие»,²⁹ патеричный рассказ раскрывает «помыслы» Святополка, затеявшего обмануть киевских купцов, и его настрояния, когда ему стали известны чудеса Прохора. Вот как откровенно описывается здесь хитрый замысел Святополка нажиться на продаже соли горожанам (в летописи нет ни слова об этом столкновении Святополка

²⁹ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв., стр. 12.

с монастырем). Киевские торговцы солью пожаловались князю на инок Прохора, который даром раздает людям соль (он, по легенде, чудесно превращал в соль золу). «Князь же, хотя им угодити, двое же помыслив в себе: да сущю молву в них упразднить, себе же богатство приобретае. Сию мысль имеа в уме своемь, съвещав с своими съветники цену многу соли, да, отъемь у мниха, продавца ей будеть. Тогда крамольником тем обещаеяся глаголя: „Вас ради пограблю черньца“, крива в себе мысль приобретения богатства. Сим же хотя мало угодити им, паче же многу спону им творя: зависть бо не весть предпочитати, еже полезно есть сътворити» (стр. 108). Когда отнятое у Прохора оказалось не солью, а золой, через три дня все выбросили на свалку. Но, по слову Прохора, бравшие теперь эту золу получали соль. Узнав об этом, «ужасеся сътворивый насилие». Когда же он услышал, что Прохор и хлеб из лебеды делает сладким, «князь стыдився о створенном». Он идет в монастырь, кается перед тем самым игуменом, которого он ссылал в Туров и, лишь «убояся» Владимира Мономаха, вернул в Печерский монастырь. Князь теперь дает «слово богови к тому не сътворити насилиа никому же» и обещает Прохору «своима рукама положити в гроб» инок. Он выполняет это обещание, чтит с тех пор святыни монастыря «и тако добре строашеся богом набдимое княжение его» (стр. 109). Так во всем этом эпизоде читателю раскрываются не только неблагоприятные поступки князя, но и вскрыты те побуждения, которые стояли за ними, показана смена настроений князя, узнавшего о причине неудачи: ужас, стыд, раскаяние. За наивной фантастикой предания (зола становится солью) скрывается, очевидно, воспоминание о том, как монастырь конкурировал с городским «торжищем», уступая из своих запасов соль дешевле, чем торговцы. Какое-то участие в торговле солью в это время, видимо, принимал и Святополк, попытавшийся нажиться за счет монастырских запасов.

Повесть временных лет донесла только те известия о Святополке Изяславиче, которые изображают его на фоне междукняжеских отношений и характеризуют его военные столкновения с половцами. Лишь из сообщения о восстании мелкого городского люда, вспыхнувшем после смерти Святополка (1113 г.) в Киеве против киевского тысяцкого, сотских и ростовщиков, можно заключить, что Святополк поддерживал эту богатую верхушку в ущерб интересам трудящихся.³⁰ Рассказ о Прохоре Лебеднике существенно дополняет эти летописные известия не только новыми фактами — описанием поведения Святополка в год, когда население испытывало нужду в соли, но и мастерским изображением «помыслов» князя, определивших его поступки.

В незавидной роли выступает в рассказе о Федоре и Василии князь Мстислав Святополчич. И здесь жадность к чужому «сокровищу» обнаруживает жестокость князя. «С гневомъ» он страшными пытками добивается от старика Федора признания, где он «скрыл» это сокровище; «Шумен быв от вина», он приказывает бить другого старца Василия, который раскрывает ему бесовский обман (бес в облике Василия рассказал боярину и князю о зарытом в пещере кладе), сам стреляет в Василия, но тот, вынув стрелу «из утробы своея», бросил ее князю, сказав: «Сею стрелою сам уязвен будеши». Обоих старцев заточили «разно» и мучили «зле». Ночью они умерли. А князь Мстислав, по предсказанию Василия, «не по мнозех днех» был застрелен во Владимире «на забралех» во время битвы с Давидом Игоревичем; он узнал стрелу, которой он стрелял в Ва-

³⁰ См. об этом восстании: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 496—498.

сила, и сказал: «Се умираю днесь преподобных ради Василия и Федора». И в этом князе легенда не показала ничего, характеризующего его как государственного деятеля, зато самоуправство, жадность и жестокость выявлены весьма убедительно.

Повесть временных лет отметила под 1099 г. лишь самый факт смерти Мстислава Святополчица 12 июня во Владимире Волынском, где он защищался от осадившего город князя Давида Игоревича. Во время одного из приступов, когда вражеские «стрелы идяху акы дождь», Мстислав «внезапу ударен бысть под пазуху стрелою, на заборолех, сквозе дску скважнею и сведоша и, и на ту ночь умре». Об этом повествует летопись под 1097 г., ни словом не намекая на то, что стрела, от которой умер князь, была его собственная, притом именно та, которой он стрелял в старца Василия. Очевидно, эту легенду летописец не счел возможным вставить в свой рассказ. Но если сама легенда о смерти князя от собственной стрелы была одной из многих, подтверждавших особую силу Киево-Печерского монастыря (князь наказан за насилие над печерским иноком), то портрет князя, жадного, подвергающего жестоким пыткам старцев, будто бы скрывающих сокровища, дорисовывает летописный образ князя, мужественно защищающего свой удельный город. Легенда присочинила «божественное наказание» князю, но вряд ли выдумала самый рассказ о его попытке завладеть «варяжским» кладом.

Внеся поправки и дополнения в некоторые летописные портреты князей, патеричные рассказы осудительно отзывались и о других представителях феодального класса. «Неправедный судья», взяв «мзду»-взятку от «извозников», приказывает несправедливо Федору уплатить «наймитам», за которых по приказу старца «беси» перенесли весь монастырский строительный лес с берега Днепра «на гору» (стр. 118). «Властелин» берет взятку с инока Григория за то, чтобы отпустить обокравших Григория и прощенных им воров (стр. 97). «Княжий съветник, болярин» (в рассказе о Федоре и Василии) «лют и свереп, неподобен нравом и деломь и всею злобою» польстился на зарытое «сокровище», о котором ему рассказал бес в облике Василия (стр. 118). «Отроки княжеские» издеваются над старцем Григорием (стр. 98). И даже в миру владевший богатством и раздавший его нищим перед пострижением Федор, устав от монастырского «воздержания», жалеет о потере имущества, готов тайно увезти найденное «сокровище» на «ину страну», чтобы там купить «села» (стр. 115). «Мирские» привычки берут временно в нем верх над монашескими обетами. Богатый «Арефа полочанин», принеся в монастырь все свое богатство, до «видения», в котором ему представились ангелы и «бесовские полки», спорившие о его душе, оставался и в монашестве тем «немилостивым богатым», которых осуждала религиозно-дидактическая литература. Заподозренных несправедливо в краже своего богатства он отдал на пытки, а на увещевания братии «жестокими словесы всем досаждаше» (стр. 88).

Народ, в летописи составляющий «неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя»,³¹ в Киево-Печерском патерике появляется в лице отдельных, индивидуально различных персонажей и групп. В житии Феодосия «отрок возница», которому поручено было ночью отвезти Феодосия из города от князя в монастырь, просит инока дать ему возможность поспать на возу, мотивируя свою просьбу ссылкой на усталость от работы (стр. 34). В его просьбе звучит и оценка трудовым народом монашеской жизни как «праздной». В рас-

³¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 44.

сказе о Федоре и Василии участвуют «извозники», нанятые монастырем, чтобы поднять «на гору» лес, сплавленный по Днепру для постройки монастырского храма и келий вместо сгоревших. Эти «извозники» на утро, придя работать, увидели, что все бревна уже перенесены, тогда испуганные тем, что они потеряют плату, за которую нанялись, извозники пошли к «неправедному судии» и обвинили в «кознях» инока, причем судье дали «мзду». Отношение народа к суду этим подчеркнута с особой силой, оправдывая эпитет судьи «неправедный» (стр. 118). И в этом эпизоде трудовые люди не обнаруживают почтения к монаху. Но монастырь как большое хозяйство привлекает народ в качестве работников: даже воров он заставляет в наказание работать на себя.

Отношение к общественно-полезному труду народа, которое прозвучало в словах отрока-возницы в житии Феодосия и которое, видимо, рано создало представление о монахе-бездельнике («по вся дньи празден еси»), в рассказах патерика выплывает еще в связи с вопросом о затворничестве, как особой форме монашеского подвижничества, избавлявшей инока от участия в общем труде. В рассказе о Никите Затворнике игумен прямо отказывает Никите в разрешении уйти «в затвор»: «несть ти пользы празду седети, понеже юн еси» (стр. 90); и «брату Лаврентию» «святии отци не повелеша» жить затворником, поэтому он ушел в другой монастырь (стр. 92).³² Словами о труде для людей Григорий увещевает воров, пойманных в его саду и обреченных им на неподвижность: «Понеже праздни пребывае весь живот свой, крадушаа труды, а сами не хотяше тружатися, ныне же стойте ту праздни прочаа лета до кончины живота своего» (стр. 97). Старец согласился отпустить воров лишь в том случае, если они обещают «от труда своего инех питати», и воры остаются работать в Печерском монастыре.

В рассказах Киево-Печерского патерика — памятника, прославляющего этот монастырь, обращает на себя внимание изображение монастырского быта, не скрывающее его отрицательных сторон. Мы видели, что даже за таким, казалось бы, высоким подвигом инока, как затворничество, раскрывается иногда тщеславие — стремление «славиму быти от человек», а то и просто желание уклониться от труда на общую пользу; в таких случаях затворник бывает наказан (что не мешает ему после покаяния стать «воплощением святости»). Но и в повседневном быту монастыря рассказчики разглядели немало того, что совсем не вяжется с иноческими обетами. Из целого ряда рассказов, например, видно, что «братия» заметно различала тех иноков, которые оплачивали услуги, от тех, у кого не осталось ничего «мира сего» (стр. 81). Не случайно в рассказ об Афанасии вставлен афоризм, обобщающий, видимо, житейский опыт автора: «Богатым бо всяк тщится послужити и в животе и при смерти, да наследити что» (стр. 82). Этот афоризм подтверждается сообщением о том, что никто не позаботился своевременно похоронить Афанасия, у которого не осталось имущества, чтобы оплатить труды. Любопытна бытовая деталь в этом рассказе. «Некто» ночью упрекнул игумена — «человек божий сей два дньи имать непогребен, ты же веселишися» (стр. 82) — по уставу игу-

³² Настороженное отношение к затворничеству существовало и на христианском Востоке. В русский перевод Пандект Никона Черногорца из греческого источника вставлен рассказ монаха Григория о том, как один из иноков монастыря в Палестине ушел в затвор в пещеру, несмотря на предостережения игумена, который считал его еще не готовым для такого уединения и советовал сначала послужить братии и научиться бороться с искушениями дьявола. Монах не послушался, и рассказ описывает, как пострадал он от козней демона, являвшегося ему под видом ангела. См. об этом в статье: Iwan Franko. Beitrage zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler. — Archiv für slavische Philologie, Bd. 29, 1907, стр. 286—291.

мену полагалось ночью вставать на молитву, а не «веселиться». Из другого рассказа мы узнаем, что «брата» не удосужились постричь в схиму: он «небрегом бысть от братиа нищеты ради» (стр. 128). Назначенные служить больному монахи «гнушались» его и оставляли его «гладна и жадна два дъни или три» (стр. 126). Когда Еразм истратил все свое имущество на украшение церкви, он стал «небрегом никим же» (стр. 87). Иноки иногда из корысти шли и на прямой обман. Черноризцы, которым «некто муж» из Киева поручил договориться («сътворити ряд») со знаменитым печерским иконописцем Алимпием о написании семи икон, несколько раз приходили к заказчику за «златом и серебром», будто бы требуемым Алимпием, и обманно брали его себе. Обман был обнаружен и иноков изгнали из Печерского монастыря (стр. 123). У Марка печерника не достало силы — он «изнеможе»; вырытая им могила оказалась узка, и вот братия «болма укоряху его, досаждающе ему», но не помогают усталому старику. Жили двое дружных братьев — монахи. Умер младший, и старший в гневе, что в приготовленной заранее могиле этого младшего похоронили выше (стр. 111—112). Мы видели, что даже и будущие святые идеала иноческой жизни достигают не сразу.

Вопреки агиографическому канону, монахи в патеричных легендах выглядят не «обобщенным воплощением добра», это живые люди с обычными бытовыми недостатками: они ссорятся, завидуют, копят деньги, рвутся к земным радостям, каются и снова грешат; лишь сурово наказанные болезнью или в видении предупрежденные о расплате после смерти возвращаются к «праведной» жизни. Быт прославляемого Киево-Печерским патериком монастыря раскрывается всей совокупностью его легенд совсем не так, как этого требовал агиографический стиль: это не «фон, иногда намеченный в самых общих очертаниях», необходимый, когда автор стоит на пути «идеального преобразования жизни».³³ Умело подмеченные детали показывают нам этот быт настолько конкретно и притом не односторонне, что «многообразие действительности» не сглаживается обязательными приемами агиографии.

5

«Прелесть простоты и вымысла» многих рассказов Киево-Печерского патерика выступает особенно наглядно, когда мы сравниваем отдельные эпизоды их со сходными сюжетами и мотивами переводных патериков, известных на Руси уже с XI—XII вв. — Лавсаика Палладия и Луга духовного Иоанна Мосха (в русском переводе «Лимонаря»). Знакомство русских писателей с этими сборниками легенд о старцах-пустынниках Востока можно доказать многочисленными примерами, в частности и в одном из рассказов Киево-Печерского патерика (об Арефе, стр. 88) есть прямая ссылка на «Патерик» — Луг духовный. Однако суть вопроса в данном случае заключается не в том, «заимствовали» ли, «подражали» ли русские писатели, участвовавшие в сложении Киево-Печерского патерика (Нестор, Симон, Поликарп), переводным легендам или сами «черноризцы печерские» в своей подвижнической жизни повторяли поступки восточных старцев. Задача историка литературы раскрыть, как осмысляются и художественно разрабатываются сходные сюжеты и мотивы в восточных «отечниках» и в Киево-Печерском патерике.

Обратимся к примерам прежде всего из ортодоксального «жития» — написанного Нестором жития Феодосия Печерского.

³³ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78, 79.

В биографии Феодосия есть эпизод, иллюстрирующий, по замыслу Нестора, скромность знаменитого игумена. Этот эпизод может быть выделен из общей ткани повествования: в нем есть свой сюжет, рядом с Феодосием намечен любопытный набросок портрета «отрока возницы» — одного из тех тружеников, которые уже в XI в. на рядовых монахов смотрели как на бездельников, скрывающихся в монастыре от полезного труда. Этот отрок, отвозя Феодосия от князя в монастырь, не узнал по убогой одежде знаменитого игумена и предложил, чтобы он уступил ему свое место на возу: «Черноризьце, се убо ты по вся дньи празден еси, аз же труден сый, и се не могу на кони ехати; но се аз да почию на возе, ты же могый на кони ехати, всяди на конь» (стр. 34). Они поменялись местами. Когда Феодосий начинал дремать, он сходил с коня и шел пешком, потом снова садился. Рассвело, и встречные, узнавая Феодосия, стали «поклоняться» ему. Феодосий, чтобы не навлечь укоры на возницу, предложил ему сесть на коня. «Отрок» понял свою ошибку и пришел в ужас, когда братия торжественно встретила вернувшегося игумена. Но Феодосий не только не упрекнул юношу, но, накормив, «кунами тому подав, отпусти его».

В этой жанровой картинке метко схваченная деталь — реплика отрока — вносит в нравоучительный сюжет живую черту. Выразительность рассказа, почти зрительно воспроизводящего действительный факт, особенно выступает при сравнении со схематичностью описания в «Луге духовном» аналогичного случая из жизни архиепископа Феодота. Феодот «был в дороге с одним клириком». Он «совершал путь в носилах, а клирик ехал на коне». И Феодот предложил: «Поделим длину пути и будем меняться местами». Клирик отказывался, считая, что будет бесчестием, если «святитель поедет на коне». Но Феодот настоял на своем.³⁴

В том же житии Феодосия Нестор, рассказывая о его неустанных трудах о том, как он не давал себе отдыха даже ночью, приучал себя терпеливо сносить боль, описывает одно из испытаний, какому подвергал себя игумен: «Иногда же, оводу сущу многу и комаром, в нощи изыде над печеру и, обнажив тело свое до пояса, седяше, прядый волну и псалтырь Давидову поа. От множества же оводу и комаров все тело его покровено бываше и ядыху плоть о немь, пиюще кровь его. Отець же наш Феодосие пребываше неподвижим, ни востаа от места того, дондеже год бываше утрении» (стр. 27). Так просто, без всяких преувеличений описал Нестор один из способов «умерщвления плоти». В переводном житии Макария Александрийского дано совсем иное объяснение, почему Макарий подверг себя подобному же испытанию. Макарий, оказывается, сам наказал себя за «грех»: он раздавил комара, почувствовав боль от его укуса. Как обычно в восточных патериках, испытание описано гиперболично: шесть месяцев Макарий нагой просидел на болоте, где комары «величиною равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов». Когда Макарий после такого самоистязания вернулся в келью, его узнали только по голосу.³⁵

В обработанном Нестором рассказе об Исакии «печернице» описано необычное для Киево-Печерского патерика «искушение»: бесы являются Исакию в образе Христа и ангелов и заставляют инока поклониться мнимому Христу. Исакий «не разуме бесовского действа, ни памяти име перекреститися». Так просто, наивно объяснил русский автор этот проступок Исакия, который поплатился за него длительной болезнью, но был

³⁴ Луг духовный. Творение блаж. Иоанна Мосха. Св. Троицкая Сергиева лавра, 1896. Перевод с греч. М. И. Хитрова (далее: Луг духовный), стр. 43.

³⁵ Палладия епископа Еленопольского Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850 (далее: Лавсаик), стр. 59.

заботами «братии» печерской возвращен к жизни. Такому серьезному испытанию и наказанию Исакий, в миру богатый купец, подвергся потому, что слишком понадеялся на свои силы и рано ушел в «затвор», против чего в Киево-Печерском монастыре возражали многие (см. рассказы о Никите затворнике, о Лаврентии). Потому-то после выздоровления Исакий отказался от затворничества и стал работать с «братией».

В Лавсаике есть полная аналогия рассказу о бесах, явившихся Исакию, но герой этого рассказа Валент ни своим характером, ни судьбой не напоминает печерского затворника. Насколько в русском рассказе все содержание связано с конкретной обстановкой, внутримонастырскими спорами, настолько восточный рассказ схематичен, а герой его вообще очень далек от типа пустынно-христианина. Валент, «по духу гордый», таким остался и в годы своей подвижнической жизни в пустыне. Именно «дух самомнения и гордости» привел его к «крайнему высокомерию», и он стал мечтать о том, чтобы ангелы беседовали с ним и служили ему. Вот почему он сразу поверил, когда окруженный сонмом демонов в образе ангелов к нему явился диавол в виде Христа, что действительно «благоугодил Христу своими подвигами» и тот пришел «видеть» его. Валент исполнил приказ беса-ангела: «падши поклонися ему». Мало того, на другой день Валент в церкви похвалился, что видел Христа. Кратко сообщается далее, что «святые отцы» связали его цепями и в течение года «истребили гордость его молитвами, разнообразным унижением и суровою жизнью».³⁶

В рассказе об Исакии литературные припоминания Нестора отозвались и в других эпизодах. Так, однажды Исакий затопил печь у себя в келии; печь была «утла, и нача пламень исходити горе утлизнами. Оному же нечимь скважини покрыти, и вступи босыми ногами на пламень, дондеже изгоре печь. И сниде ничимь же вредим». Исакий «тако победу взя на бесы, яко и мух ни вь что же имяше устрашения их и мечтания» (стр. 130). К первому эпизоду дает параллель рассказ аввы Георгия о жившем с ним «брате Георгии»: истопив печь для хлебов, Георгий «не знал, чем ее вытереть, так как братия ради его испытания спрятала лоскут. Тогда он влез в печь и вытер ее своим плащом, потом вышел из огня без всякого вреда». Авва Георгий «сделал строгое порицание братии за такое испытание».³⁷ Если даже само «необыкновенное» чудо появилось в рассказе об Исакии под впечатлением прочитанного в переводном памятнике, следует признать, что автор, с одной стороны, усилил могущество подвижника, с другой — рассказал о чуде с такими бытовыми подробностями, которые должны были сделать его правдоподобным. Ведь Георгий уже истопил печь, а ее вытирают перед тем как посадить хлебы, тогда, когда огня в ней уже нет, поэтому и чуда собственно не произошло: если можно вытереть под печи тряпкой, то и плащом можно сделать это. В русской версии Исакий, закрыв ногами «утлизны» — щели в печи, не дает огню вырваться из нее; он действительно стоит среди огня. Так и Спиридон прокурник (стр. 120) мантией закрыл «устие» печи, когда огонь, вырвавшийся из нее, зажег «покров хранины»: монах погасил пожар. Необычное сравнение досаждающих бесов с мухами, возможно, навеяно было Нестору рассказом Лавсаика о Моисее ефиоплянине, заканчивающимся сходным, хотя и менее выразительным сравнением: «Как мы зимой не боимся мух, так точно и еще больше презирал демонов» Моисей.³⁸

³⁶ Лавсаик, стр. 103—105.

³⁷ Луг духовный, стр. 113.

³⁸ Лавсаик, стр. 79.

Зимой бояться мух не приходится, их нет, а ведь демоны для автора Лавсаика, как и бесы для Нестора, — реальные существа, но русский инок просто отмахивается от них как от назойливых мух. Во всяком случае русский автор использовал это бытовое сравнение удачнее, если даже появилось оно у него как литературное припоминание.

Любопытные аналогии дают переводные патерики к рассказу о Григории чудотворце. Выше мы показали (стр. 84), что главное содержание печерского предания составляет описание столкновений Григория с ворами, которых он то усыплял, то делал неподвижными и отпускал лишь с условием, что они станут трудиться, притом не только на себя, но и на других. Имущество Григория, на которое позарились воры, были книги и плоды в его огороде. Параллель к этим эпизодам дает рассказ из Луга духовного, переданный сарацинном язычником: на горе Антония он увидел инока, читавшего книгу, и задумал ограбить, «а может быть, и убить» его. Когда сарацин приблизился к иноку, тот «простер» руку и сказал «стой». Двое суток стоял сарацин и взмолился: «Ради бога, которого ты чтишь,пусти меня». Инок сказал: «Ступай с миром».³⁹ Как видим, один и тот же мотив — вор наказан неподвижностью — разработан по-разному. В Киево-Печерском монастыре он вошел в целые бытовые рассказы из жизни монастыря, наказание ведет к раскаянию воров.

Другую параллель находим в рассказе Лавсаика об авве Феоне, на которого однажды ночью напали разбойники, надеясь найти у него золото. «Святой помолился, и они до утра остались недвижимы у дверей его». Утром собрался народ и хотел сжечь разбойников, но Феон попросил отпустить их невредимыми: «Если не отпустите, от меня отступит благодать исцелений». Отпущенные разбойники раскаялись и «переменили жизнь свою».⁴⁰ Итак, восточный старец просил не наказывать разбойников, чтобы не потерять своей силы. Печерянин Григорий пожалел по-человечески оба раза воров, даже дал за них отступного «властелину», а потом всех воров убедил остаться работать в монастыре, чтобы другие «питались от трудов их». Фантастика (одни воры уснули на пять дней, другие стояли неподвижно два дня) вплелась в бытовой рассказ о том, как монастырь привлекал к себе работников, хотя бы в прошлом они были ворами.

В этом рассказе самый образ Григория выдержан вполне в агиографическом стиле, если не считать одной уступки реальным обстоятельствам: он ведь, выкупая воров, дает взятку «градскому властелину». Правда, он сурово осудил тех воров, которые крали выращенные им плоды — «чужаа труды», но быстро «умилися» их слезам и простил их.

Отношение русского подвижника к вора, лишившим его имущества, один из авторов прямо сравнил с тем, что он знал по переводному патерику о столкновении восточных пустынников с разбойниками. Симон, рассказывая о том, как разгневался на воров Арефа (стр. 88), ставит ему в пример легенду «Патерика», повествующую о старце «иже молился богови, да приидуть на нь разбойници и вся его възмутъ. Услышан же быв, и придоша на нь разбойници, и вся сущаа в руке их предасть» (стр. 88). Симон пересказал здесь вторую часть рассказа из «Луга духовного» Иоанна Мосха под заглавием «О великодушном поступке двух старцев

³⁹ Луг духовный, стр. 160—161.

⁴⁰ Лавсаик, стр. 151. Иначе поступил с разбойниками Моисей ефиоплянин. Напавших на него разбойников он связал «и, подняв на плечи, как мешок с соломой, принес их в собрание братий» и сказал: «Я никого не могу обижать, но они пришли меня обидеть. Что поведите сделать с ними?». Раскаявшиеся разбойники сделались «добрыми монахами» (Лавсаик, стр. 75—76).

с разбойниками». В первой части описывается, как разбойники пришли к старцу и он не только позволил им забрать все, что было в келье, но после ухода их, заметив, что они оставили на стене мешочек, догнал и отдал его. Разбойники, тронутые этим «незлобием» старца, вернули ему все отнятое. Во второй части старец, выслушавший этот рассказ, вспоминает, что под впечатлением его он стал молиться: «Господи ... удостой следовать по стопам этого мужа». Через два дня к нему пришли разбойники, он принял их «с веселым видом», показал им все свое имущество, отдал «три номисмы» золота. Старца «шутливо» спросили, вернули ли ему потом разбойники все взятое, как первому старцу. «Нет, быстро ответил старец, боже сохрани! Я и не желал, чтобы они вернулись».⁴¹ Так поучительный вначале рассказ перешел потом в насмешку над добродетельным старцем. Но Симон не обратил внимания на эту шутливую ноту и напомнил своему адресату лишь поступок второго старца, проявившего истинно христианское отношение к богатству. Может быть, он счел нужным сделать это потому, что уж очень не «агиографически» предание рассказало и о жадности Арефы, и о его гневе на воров. «Бытовая» разработка темы в русском предании противопоставлена правоверно христианской трактовке аналогичного сюжета в восточном патерике.

Рассказы о «черноризцах печерских», обработанные Нестором, Си-моном и Поликарпом, подчинены, как и житие Феодосия, одной задаче — доказать особую «святость» Киево-Печерского монастыря и особую силу его подвижников. Но не всех этих подвижников они изобразили в соответствии с требованиями «агиографического стиля» — как «обобщенное воплощение добра». «Помыслы», «нрав» и поведение тех, кто не сразу и не во всем подчиняется требованиям устава, изображаются иными литературными средствами: герой «каким он должен быть», «агиографически просветленный образ», уступает место индивидуальному характеру, в котором еще не преодолено то, что, с точки зрения агиографии, является «временным», «случайным», «частным». Но это индивидуальное и интересует в первую очередь рассказчика, он уделяет наибольшее внимание именно этой теме. Лишь после преодоления всего этого «временного» герой снова становится примерным иноком, и вступают в действие приемы описания его «просветленного образа». Рассказывая об индивидуальных чертах характера и поведения святого, автор проникает в его «помыслы» и «нрав», откровенно признает, что иногда во имя «случайного», «временного» иннок поддается мирским соблазнам, забывает свои обеты. Литературное мастерство рассказчика раскрывается в тонких наблюдениях над внутренним миром героя, в анализе его противоречивых настроений, в изображении той конкретной исторической действительности, в обстановке которой происходят «срывы» подвижника и, наконец, побеждает непоколебимая верность иноческому обетам. Пусть традиционно все «греховные помыслы» и вытекающие из них поступки внушаются «ненавидящим добра врагом» человека, сами эти «помыслы» изображены психологически верно. «Идеальное преобразование жизни» прерывается и события предстают не в «самых общих очертаниях», а так осязательно, что мы видим сквозь рассказ будничную жизнь монастыря в его взаимоотношениях, не всегда без ссор складывающихся, с «миром»: то с князем, то с «извозниками», то с «неправедным судьей», то с голодающими горожанами, то с богатыми покровителями.

⁴¹ Луг духовный, стр. 262—266.

В отличие от развернутого жития Феодосия рассказы о «черноризцах печерских» избегают «цветистой», «патетической» фразеологии, не применяют к своим героям «празднично-торжественных эпитетов». Обработывая старинные предания, Симон и Поликарп снабдили многие из них нравоучительными предисловиями — обращениями к адресату, подчеркнули смысл отдельных эпизодов ссылками — цитатами из авторитетных источников, но самой стилистикой рассказа не превращали его в чувствительно-панегирическое повествование даже в тех случаях, когда герой изображался как «воплощение святости» на всем своем жизненном пути. Лишь в описании самоистязаний подвижника или мучений, каким подвергают его враги, допускается гиперболизм, лирически звучат молитвы святых (например, молитва Феофила) или плач Петра «сурянина» в рассказе о князе Николае Святоше (стр. 5).⁴² Обычно рассказ о событиях ведется в неторопливом сказовом темпе, короткими предисловиями, с подробностями, придающими повествованию почти зрительную наглядность. Например, наказанный внезапной смертью Евагрий сразу так закаменел, что ему не могли «ни руки протягнуть, ни уст свести», и пришлось похоронить его «отверсте имый уста и очи и руже растяжене» (стр. 89). Когда умер «скверно» живший монах, пошел такой «смад», что монахи стояли при погребении «заимше ноздри своя» (стр. 77). Никону, попавшему в плен, подрезали «лыста», чтобы он не мог бежать, но он чудом был перенесен в Печерский монастырь, «еще крови каплющи от пререзания лыстов» (стр. 80). Исакий «печерник» в «мрази лютии» шел в церковь «в плесницах раздраных», так что «многожды примерзаху нозе его к камени» (стр. 130). Подобными деталями рассказчики стремятся придать достоверность своему повествованию. Той же цели служат упоминания исторических лиц и событий, ссылки на «самовидцев» описываемых случаев из жизни подвижников. Выразительный диалог, сохраняющий часто интонации живой речи,⁴³ бытовая лексика, пронизывающая и авторскую речь и реплики действующих лиц,⁴⁴ — все это уводит изложение от канонической «агиографической» стилистики и сближает его не случайно с летописной прозой. Несомненно значительная часть рассказов Киево-Печерского патерика первое литературное оформление получила при включении в Печерскую летопись, откуда они пошли и в Повесть временных лет, и в не дошедшее до нас житие Антония, и к авторам, обработки которых включены были в Киево-Печерский патерик. Навыки печерских летописцев наложили отпечаток и на их агиографические труды.⁴⁵

«Агиографичность» печерских рассказов сосредоточена в описаниях «чудес» — видений, исцелений, предсказаний, в сценах посрамления искушающих святого бесов. Однако отмеченная Пушкиным «прелесть простоты и вымысла» выразилась и в особом характере религиозно окрашен-

⁴² Оба эти эпизода, по-видимому, вставлены уже в XIII в. при обработке первоначальных преданий.

⁴³ Например, диалог Григория чудотворца с ворами: «Ты же, отче, аще даси что, то и сий не умреть», — говорят воры, обманно стремясь получить книги от инока. — «И аз дам, а сий умреть», — отвечает Григорий и спрашивает: «Коею смертию осужен еси?». — «На древе повешен хочеть быти». — «Добре судите ему. Заутра бо сий повесится» и т. д. (стр. 97—98).

⁴⁴ Например, сусек, жито, воз, плот, извозник, устие печи, свита (рядом риза), по воду пошел, в припольде, дрова секый, тесто мяся и т. п., пословичное определение хлеба из лебеды: «На неоранней земли ненасеянна пища» (стр. 107).

⁴⁵ Ср., например, известное описание русских в плену у половцев, читающееся в Начальной летописи под 1093 г., с рассказом о том, как мучили в плену Евстратия: «За три лета по вся дньи озлобляемь и вяжем, на огни пометаемь, ножи разрезаемь, окованне имый руже и нозе, на солнце пребываа жгом, от глада и жажди скончеваемь» (стр. 80).

ной фантастики патеричных легенд. Эта фантастика создается «по образу и подобию» той повседневной действительности, которая окружает человека: факт превращается в сказку, вымысел, не теряющий связи с жизнью, но раскрывающийся так, чтобы читатель уверовал в особую силу именно печерского подвижника и монастыря, которая и делает быть сказкой. Испеченный из лебеды Прохором хлеб становится сладким, как мед, и питательным, когда им оделяет сам Прохор, но тайком взятый даже монахом — он горек, как польнь; в руках Прохора зола становится солью, но отнятая князем она и остается золой, пока князь не откажется от нее. Агипиту простая «монастырская ядь» служит лекарством, помогающим даже против таких болезней, от которых не может вылечить искуснейший врач с его «зелем». «Чудеса» подвижника зачастую представляют ту доморощенную фантастику, которая корнями уходит в народную сказку. Святой заставляет досаждающих ему бесов проделывать за него будничную работу: молоть зерно, таскать на гору бревна, да еще раскладывать их по назначению («вместе покров, и особь помост, и особь великое дубие, неудобь носимо за долгость» — стр. 118). Если к некоторым «необыкновенным» чудесам Киево-Печерского патерика (усыпить и сделать неподвижными воров, невинно войти в огонь) можно, как мы видели, найти параллели в переводных патериках, то фантастика, превращающая простые будничные факты в сказку, представляет своеобразную особенность русских патеричных легенд XI—XII вв. О чудесах и рассказано в манере бытописания, без применения агиографической стилистики. В этих эпизодах заметно проступает «народный тип» литературного языка, оттесняющий «церковно-книжную» основу языка агиографического стиля.

Подведем итоги. Наблюдения над тем, как в разных типах житийного жанра XI—начала XIII в., собранных в Киево-Печерском патерике, применялся «агиографический стиль» в том виде, как его охарактеризовал для этого периода И. П. Еремин, показали, что даже развернутое житие Феодосия, автор которого отлично владел приемами этого стиля, не ограничивается в своем изложении средствами, назначенными рисовать идеально преображенный мир. Еще более ощутимы отступления от требований агиографического канона в рассказах-легендах о «черноризцах печерских». Связанной задачей представить своего героя во всех отношениях образцовым христианином, идеалом монашеского поведения, агиограф лишился возможности раскрыть противоречия в «нраве», «помыслах» и поведении «святого». Однако сама реальная действительность подсказывала нередко автору такие факты, которые не укладывались в предуказанную агиографическим стилем схему, и тогда в характеристике действующих лиц появлялись не преображенные идеализацией живые черты, а раскрывалась сложность и противоречивость их внутреннего мира, «душевное развитие» представлялось как борьба «земных» устремлений с обетами инока, весь образ подвижника становился человечнее, менее односторонним.⁴⁶ В поле зрения авторов попадали окружавшие подвижника люди, и

⁴⁶ В свете этих наблюдений трудно согласиться с категоричностью противопоставления изображения людей в XII—XIII вв. и в житийной литературе конца XIV—начала XV в. Д. С. Лихачев так формулирует это противопоставление: «Если в XII—XIII вв. изображения людей статичны и монументальны, напоминают геральдические фигуры, взяты как бы в их „вечном“ смысле, то в житийной литературе конца XIV—начала XV в. все движется, все меняется, объято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии. Авторы конца XIV—XV в. как бы впервые заглянули во внутрен-

наброски их портретов для своего выполнения требовали также обогащения агиографического стиля иными литературными средствами, позволявшими изобразить хотя бы отдельные черты жизни и людей «какие они есть».

В этих отступлениях от агиографического канона мы обнаружим отход от абстрактности религиозного идеала, элементы психологического анализа, правдивого бытописания, открывающие за религиозной оболочкой жизненные ситуации — то борьбу человека с самим собой, то его столкновения с окружающими, с тем бытом, от которого он ушел в монастырь.

Мы всматриваемся и в некоторые стороны монастырской жизни, и в скрытые от постороннего глаза непримечательные уголки будничного быта «печерян», которые, оказывается, не только молились, постились и творили «чудеса», но и ссорились, завидовали, проявляли скупость, тщеславие, мечтали о богатстве. Вместе с этими темами рядом с «агиографическим стилем» в разобранных нами житиях появляются иные литературные средства, входит и иной, народный тип литературного языка.

Житийный жанр XI—начала XIII в. отразил в своем развитии рост всей литературы этого времени. Мы указывали, что и сам агиографический стиль XI—начала XIII в. складывался не изолированно от других форм религиозной литературы: он приобрел черты торжественного и религиозно-дидактического ораторства, впитал элементы гимнографической лирики. Кроме того, в житиях этого времени он обогатился приемами исторического повествования: отсюда в нем четкость рассказа, выразительность и острота диалога с его интонациями живой речи, а иногда и меткостью народной афористичности. При этом следует добавить, что эти приемы исторического повествования используются в житиях для изображения остающегося в тени у писателя-историка повседневного быта, на фоне которого выступают то феодалы, совсем не в «этикетных», «геральдических» очертаниях «монументально-исторических» летописных портретов, то отдельные представители трудового народа в их будничной жизни, с их критической оценкой «по вся дньи праздного» монаха, «неправедного судьи», лишившего их монастырской соли князя... Противопоставленное в теории агиографическому стилю «многообразие действительности» в житиях Киево-Печерского патерика выступает достаточно отчетливо. Этим в значительной мере ослабляется «тенденция свести к некоему абстрактному „единству“» это многообразие даже тогда, когда «предустановленная схема» у автора проглядывает.⁴⁷ Таким образом, те элементы в житиях Киево-Печерского патерика, которые выходят за рамки собственно агиографического стиля, свидетельствуют о росте способов бытописания и изображения человека не как участника больших исторических событий, а в его повседневном поведении. Эти эпизоды говорят о попытках проникнуть и в мотивы этого поведения, разобраться в смене настроений человека, в его «помыслах», т. е. ввести в бытовой

ний мир своих героев» [Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962, стр. 66]. Д. С. Лихачев противопоставляет в данном случае житиям конца XIV—начала XV в. «монументально-исторический» стиль изображения людей в летописи. Однако и в XI—XIII вв. это не был единственный стиль изображения человека. И. П. Еремин дал определение «агиографического» стиля этого времени; конкретное применение этого стиля в житиях XII—XIII вв. показало, что интерес к внутреннему миру героев не был чужд авторам этих житий, а нарисованные ими портреты людей отнюдь не всегда «статичны», «монументальны» и «геральдичны».

⁴⁷ И. П. Еремин и н. Киевская летопись, стр. 85. Например, обязательная житийная схема в житии Феодосия в рассказе о его детстве — благочестивые родители, ранняя религиозность Феодосия — расцвечена описанием быта зажиточной семьи, борьбы властной матери с религиозностью сына.

рассказ те зачатки психологического анализа, которые знакомы были читателю по религиозно-дидактической литературе. Так, в одном житийном жанре, представленном Киево-Печерским патериком, скрещиваются разные стилевые системы, определяющие своеобразную разработку в нем агиографической темы. Взаимодействие этих систем внесло особый оттенок в изображение и «стоящего высоко над повседневностью мира», и «жизни какая она есть».⁴⁸

Именно в этих отступлениях от требований агиографического стиля мы наблюдаем отражение в Киево-Печерском патерике тех реалистических тенденций, которые уже отмечены в современных ему светских произведениях. В житиях, составляющих этот патерик, реалистические тенденции очень редко обнаруживаются в вымышленных деталях рассказа (таких, например, как в житии Моисея Угрина), но они явно выступают в выразительных описаниях того, что авторы сами видели или о чем слышали от свидетелей. Правдивые картинки жизни монастыря создаются с помощью умелого отбора деталей, внутренний мир не только главных героев, но иногда и окружающих их людей (например, князя Святополка) раскрывается так, что читателю становятся понятны психологические мотивы их поведения.⁴⁹

Восстанавливая историю древнерусской художественной прозы, развитие и совершенствование в ней способов изображения человека, мы не можем не учитывать и опыт, накопившийся в обширной житийной литературе. Агиографический стиль этой литературы не застыл в том виде, в каком мы реконструируем его по памятникам старшего периода. Изменялись историческая обстановка и литературное окружение, в которых развивался житийный жанр, его агиографическая стилевая основа вступала в общение с иными, чем в Киевском периоде, системами, вносились новые оттенки в самую задачу создания «обобщенного воплощения добра». Впитывая опыт окружающей литературы и искусства, житийный жанр на каждом этапе и сам отдавал им какие-то свои достижения в области главным образом изображения внутреннего мира человека. Детальное изучение этого вклада житийного жанра в развитие русской художественной прозы несомненно углубит наше представление о той литературной почве, на которой выросла в XVII в. так называемая «бытовая» повесть, «повествовательная» живопись и искусство психологического портрета, даже скрытого под религиозной оболочкой.

⁴⁸ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78.

⁴⁹ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 5—35.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в.

Для правильного понимания истории развития древнерусской литературы принципиально важное значение имеет вопрос о взаимосвязях древнерусской литературы с литературами южных славян. В этой большой проблеме может быть выделен более частный вопрос — так называемое второе южнославянское влияние на русскую литературу и культуру в конце XIV—XV в.

Проблемы взаимосвязей древнерусской литературы с южнославянскими литературами находили в литературоведении различное решение. Многие исследователи считали, что в определенные исторические периоды южнославянские литературы оказывали очень сильное одностороннее влияние на развитие древнерусской литературы. Так, А. И. Соболевский, характеризуя самый ранний период древнерусской литературы, в частности, говорил: «Как известно, русская литература получила начало от литературы южнославянской (древнеболгарской) и первые ее памятники, за немногими исключениями, — не более как списки с памятников южнославянских».¹

Иной подход к решению вопросов русско-южнославянских литературных связей наметился в ряде статей М. Н. Сперанского. Отдавая должное воздействию южнославянских памятников письменности на развитие русской литературы, он вместе с тем на ряде конкретных примеров показал, что южнославянские литературы, влияя на развитие русской литературы, в свою очередь немало и сами заимствовали из древнерусской литературы. Заканчивая одну из статей по этой теме, он писал: «В результате же всего нашего обзора можно сделать и еще более общий вывод: говоря об отношениях русской литературы раннего периода и югославянских, мы должны говорить не только о югославянском влиянии в русской литературе, но и о взаимоотношениях, в смысле обмена, в обеих литературах».²

В последнее время вопросы о характере и сущности русско-южнославянских литературных связей подверглись пересмотру в ряде литературоведческих работ.³

¹ А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. — В кн.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903 (далее: А. И. Соболевский), стр. 6—7.

² М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства). — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 54.

³ Д. С. Лихачев. 1) Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (далее: Д. С. Лихачев. Некоторые задачи); 2) Культура

Статья И. С. Дуйчева «Центры византийско-славянского общения и сотрудничества», непосредственно не посвященная данной теме, имеет тем не менее методологически важное значение для решения вопросов межславянских литературных связей. На обширном фактическом материале автор показал, что нельзя рассматривать византийско-славянские культурные и литературные взаимоотношения только с точки зрения одностороннего влияния Византии на славянство. Как южные, так и восточные славяне играли весьма значительную роль в формировании той культуры, которую мы называем византийской. «Византийская культура во многих отношениях составляет существенную часть средневековой истории южных и восточных славян, которые приняли участие в ее создании и развитии как в пределах империи, так и в своих собственных землях, попавших в сферу византийской культурной общности».⁴ В монастырях Константинополя, Солуни, Святой Горы, являвшихся культурными центрами той поры, славяне, как южные, так и восточные, и представители греческого духовенства «обменивались друг с другом своими литературными произведениями или же переводили произведения византийской литературы»;⁵ «Афон всю эпоху средневековья, а также и в более поздние века турецкого владычества был центром оживленной литературной деятельности известных и неизвестных славянских писателей, которые работали здесь в тесном сотрудничестве друг с другом и с представителями византийской культуры».⁶ Таким образом, мы, по существу, не в праве говорить о влиянии одной славянской литературы на другую: в таких центрах культурного общения, как Константинополь, монастыри Афона, где подолгу жили многие писатели средневековой Руси и южнославянских стран, формировались какие-то общие философские, лингвистические, стилистические взгляды, каноны и требования. Эти общие идеи, созданные в тесном сотрудничестве представителей разных славянских народов, на национальной почве находили самобытное преломление.

В. А. Мошин, считающий, что Д. С. Лихачев связывает происхождение нового южнославянского агиографического стиля только с Болгарией и в первую очередь с именем патриарха Евфимия,⁷ замечает: «Нам это представление кажется в значительной мере односторонним. Прежде всего потому, что именно для XIII и XIV вв. наиболее характерной чертой в области южнославянской письменности является чрезвычайно близкая связь между сербской и болгарской культурной жизнью... Сами основатели болгарской филологическо-реформаторской школы — патриарх Евфимий и его учитель Феодосий Тырновский — были по своему воспитанию святогорцы, т. е. жили и трудились в кругу тех же философских и религиозных идей, а конечно, и литературных концепций, как и остальное святогорское монашество, в частности как хиландарская литературная школа той эпохи, деятельность которой нам неизмеримо более известна, нежели литературные труды в стенах болгарского Зографа».⁸

Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962 (далее: Д. С. Лихачев. Культура Руси); В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 5—27; В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963 (далее: В. А. Мошин), стр. 28—106; И. С. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963 (далее: И. С. Дуйчев), стр. 107—129.

⁴ И. С. Дуйчев, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 117.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ В. А. Мошин, стр. 93.

⁸ Там же.

Едва ли В. А. Мошин прав, говоря, что Д. С. Лихачев относит возникновение нового южнославянского стиля только к Болгарии и ко времени патриарха Евфимия. Именно Д. С. Лихачев наиболее развернуто обосновал мысль о том, что так называемое второе южнославянское влияние на Руси в конце XIV—XV в. представляет собой не одностороннее воздействие одной культуры на другую, а такое культурное явление, которое было обусловлено внутренними потребностями, развитием славянских стран в этот исторический период.⁹ Но для нас в данном случае важно не то — прав или неправ В. А. Мошин в своей оценке положений Д. С. Лихачева. Предположение В. А. Мошина о большом значении сербской литературной традиции в развитии стиля второго южнославянского влияния заслуживает всяческого внимания, но если бы эта мысль была единственной в его высказывании, мы могли бы также обвинить автора этого высказывания в односторонности, но главное и существенное заключается здесь в другом. Наиболее плодотворным и справедливым нам представляется высказывание В. А. Мошина о той большой роли, которую сыграли традиции Афона, своеобразной межславянской монашеской республики, в формировании философского мировоззрения и литературных концепций основателей болгарской филологическо-реформатской школы. Таким образом, различные взгляды на роль болгарской и сербской литературных традиций в формировании того стиля, под которым мы подразумеваем стиль второго южнославянского влияния, лишь подтверждают справедливость высказываний И. С. Дуйчева о том, что в центрах византийско-славянского общения в формировании философских идей, эстетических и литературных вкусов, становившихся общеславянским достоянием, посильную роль играли как представители греческой культуры, так и представители южного и восточного славянства.

Мы постараемся наметить те главные задачи, которые стоят перед исследователями того раздела русской агиографии, возникновение которого традиционно связывается со вторым южнославянским влиянием, раздела, в котором сформировался русский вариант «экспрессивно-эмоционального» стиля.

Первая задача в разработке этой темы — выяснить по рукописным собраниям, какие переводы византийских житий, созданных исихастами, и какие жития, написанные южнославянскими последователями исихазма, дошли до русского читателя, известны в русских списках, знакомство же с какими могло произойти только во время путешествий русских в Константинополь, на Афон или в южнославянские монастыри. В связи с этим вопросом заслуживают внимания статистические подсчеты С. Н. Смирнова,¹⁰ который, наблюдая над упоминаниями южнославянских святых в русских рукописях, сделал ряд любопытных выводов. Просмотрев 33 описания рукописей (16 284 единицы), автор обнаружил, что имена южнославянских святых встречаются в 282 рукописях. Начиная с XIII в. по конец XV—начало XVI в. южнославянские святые упоминаются в 34 рукописях, в XVI в. — в 122 рукописях, в XVII — в 99. Как видим, на период второго южнославянского влияния приходится наименьшее

⁹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи, стр. 63.

¹⁰ С. Н. Смирнов. Сербские святые в русских рукописях. — В кн.: Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. К 15-летию Общества. Белград, 1936, стр. 161—264. Выражаю благодарность Ю. К. Бегунову, указавшему мне эту статью.

число русских рукописей, в которых встречаются имена южнославянских святых. Разумеется, необходимо учитывать фактор сохранности рукописей, элементы случайности, однако пренебрегать статистическим методом в рассмотрении этого вопроса тоже нельзя. Работа С. Н. Смирнова, на наш взгляд, требует продолжения и углубления. К подсчету необходимо привлечь не 33 описания, которыми располагал автор, находясь в Югославии в 1930-х годах, а все доступные печатные и рукописные описания крупнейших рукописных собраний Советского Союза. Следует учесть состав тех рукописей, в которых встречаются имена южнославянских святых. Необходимо проанализировать статистические данные о времени и характере распространения рукописей южнославянского извода на русскую почву. Думается, что данные, полученные путем подсчетов, помогут в решении многих вопросов, связанных с изучением второго южнославянского влияния.

Каковы же основные признаки, которые принято считать определяющими стиль южнославянской агиографии исихастского направления? Прежде всего строгое соблюдение сюжетной схемы, одинаковой для любого жития: 1. Риторическое вступление, в котором автор рассуждает о необходимости восхвалять жизнь и подвиги святого и говорит о бедности и беспомощности своего литературного таланта, слишком слабого, чтобы по достоинству восхвалить того святого, о котором будет рассказывать житие. 2. Собственно повествовательная часть, посвященная жизни святого со дня его рождения и до смерти. 3. Рассказы о чудесах, совершившихся после смерти святого у его гроба, от его мощей, при молитвенных обращениях к святому. 4. Заключение — риторическое похвальное слово в честь святого. Но не эта сюжетная рамка является основным признаком южнославянской агиографии данного направления. Основное — это риторичность южнославянских агиографических текстов: многочисленные цитаты из книг священного писания, риторические отступления автора в ходе повествования в виде рассуждений морально-богословского характера по поводу рассказанного случая из жизни святого, многократное употребление разнообразных эпитетов и сравнений, словесные ухищрения, стремление изгонять из языка обыденную терминологию и просторечные выражения, усиленное употребление книжной лексики, синтаксические и фразеологические кальки с греческого. Основатель научного изучения в России памятников житийной литературы В. О. Ключевский считал, что именно эти особенности южнославянской агиографии во время второго южнославянского влияния оказали отрицательное воздействие на русские жития. Стремление к риторической украшенности житий, употребление общих шаблонных мест, обращение внимания в первую очередь на «житийный» характер описываемых эпизодов из жизни святого, а не на действительные исторические факты — все это, по мнению В. О. Ключевского, значительно обесценило историческую значимость памятников житийной литературы. На наш взгляд, в такой оценке развития житийного жанра сказался специфический подход В. О. Ключевского к житиям — прежде всего они интересовали его как исторические источники.¹¹ Однако не только В. О. Ключевский отрицательно оценивал особенности развития русской агиографии после второй половины XIV в. Столь же

¹¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее: В. О. Ключевский).

отрицательную оценку, а подчас и более резкую давали русским житиям, написанным в стиле второго южнославянского влияния, и историки русской церкви, и историки древнерусской литературы. Так, например, А. С. Орлов, характеризуя особенности второго южнославянского влияния в агиографии, соглашался с тем, что под влиянием южнославянских житий в севернорусской агиографии появились произведения, отличающиеся изысканностью фразеологии и пышностью стиля, в которых вместе с тем снизилась историчность, реальность содержания. Но, по мнению А. С. Орлова, «несмотря на то, что и югославянские и русские жития этого риторического типа имеют общие черты, в комплексе этих черт заметна большая разница. Русские жития риторического типа в массе более бессодержательны и шаблонны и неразборчивы в пользовании тропами и фигурами».¹² Как видим, А. С. Орлов давал русским житиям, написанным в стиле второго южнославянского влияния, более низкую оценку не только по сравнению с предшествующими русскими житиями, но и по сравнению с южнославянскими, считавшимися образцами для древнерусских. Думается, однако, что вопрос этот гораздо сложнее и ждет еще обстоятельного исследования. Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, в основе явлений русской литературы, объясняемых вторым южнославянским влиянием, лежали внутренние причины, обусловленные развитием русского общества, и оценивать изменения в литературе, связываемые со вторым южнославянским влиянием, как какое-то отступление, замедление в развитии русской литературы, как эпигонство у нас нет никаких оснований.¹³ Если подходить к житиям только с точки зрения их ценности для нас как исторического источника, то бесспорно В. О. Ключевский прав, когда сетует, что жития XIV—XV вв. за счет усиления риторичности, увлечения общими местами теряют свою историческую ценность. Если видеть в риторичности, в словесной изощренности только недостаток, то жития периода второго южнославянского влияния должны быть признаны более несовершенными, чем предшествующие им агиографические произведения, отличающиеся большей простотой и лаконичностью и полнее отражающие исторические события. Но если подходить к этим явлениям с точки зрения не источниковеда, а литературоведа, то мы должны иначе оценивать изменения, возникшие в агиографическом жанре в конце XIV—XV в. Уменьшение историчности житий в плане отражения в них действительных фактов из жизни святого наряду с обострением внимания к форме произведения, к его языку свидетельствуют об изменении литературных требований, литературных вкусов. А это в свою очередь говорит о том, что жития нельзя расценивать лишь с точки зрения их церковно-религиозного значения, а необходимо подходить к ним и изучать их как памятники древнерусской литературы. Давая же литературную оценку житиям периода второго южнославянского влияния, необходимо учитывать в первую очередь то, как относились современники к изучаемым нами памятникам. В этом отношении очень показательна оценка, которую дал летописец «Житию Михаила Клопского» в Тучковской редакции: «И прежде бо написано бысть, но непрестанно и неявлено, сиречь велми просто, понеже бо егда сего святаго Михаила явление бысть и житие и чудеса, тогда человецы в Новеграде еще быша не велми искусни божественнаго писания. Сей же вышереченный Василей (Тучков, — Л. Д.), по благословению пресвященнаго архиепископа Макария, ветхая понови и распростири явление, житие и чудеса преподобнаго, и все по чину по-

¹² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 209—210.

¹³ См.: Д. С. Лихачев. 1) Некоторые задачи; 2) Культура Руси.

стави и велми чюдно изложи; и аще кто прочет сам узрит, како ветхая понови и колми чюдно изложи».¹⁴ Для читателя XVI в. житие, построенное «по чину», изложенное «чюдно», т. е. с обильным употреблением риторических троп и фигур, казалось эстетически более высоким, чем безыскусственный живой рассказ первоначальных редакций этого жития.

Справедлив ли упрек А. С. Орлова по адресу древнерусских житий в том, что по своим литературным достоинствам в массе своей они стоят ниже южнославянских? Нам представляется, что уже сама по себе такая постановка вопроса не совсем закономерна. Поскольку так называемое второе южнославянское влияние — явление не только внешнее, но объясняется и внутренними причинами развития русского общества, нельзя рассматривать и сопоставлять памятники русской агиографии только с южнославянскими, необходимо более тщательно исследовать связь русских житий XIV—XV вв. с предшествующими им русскими же житиями, в частности с житийными памятниками Киевской Руси. Такое сопоставление для данного периода необходимо тем более, что в это время в Северо-Восточной Руси значительно усилился и возрос интерес к Киевскому периоду русской истории.¹⁵

Кроме того, едва ли есть достаточно веские основания утверждать, что в большинстве своем русские жития периода второго южнославянского влияния по своим литературным достоинствам стоят ниже южнославянских. Как среди одних, так и среди других встречаются произведения более сильные и более слабые, жития, написанные мастерами своего дела и их эпигонами.

В деле перенесения на Русь приемов южнославянского агиографического стиля большая роль приписывалась южнославянским эмигрантам, пришедшим в Россию в конце XIV—начале XV в. В частности, первым наиболее значительным представителем второго южнославянского влияния в области древнерусской агиографии считался митрополит Киприан. Киприаном было написано «Житие митрополита Петра». Это житие обычно расценивалось как первое русское житие, написанное в традициях второго южнославянского влияния, ставшее исходным образцом для всей последующей русской агиографии. Однако тщательный анализ этого жития в сопоставлении его с более ранним «Житием Петра», послужившим основой для сочинений Киприана, показал, что киприановское «Житие Петра» по своему стилю отнюдь не является житием в духе второго южнославянского влияния и признавать это житие образцом последующих произведений русской агиографии у нас нет достаточных оснований.¹⁶

После киприановского «Жития Петра» появились агиографические творения Епифания Премудрого. Признавая бесспорную талантливость Епифания, говоря о наличии в его житиях элементов самобытности и оригинальности, все исследователи тем не менее считают, что жития, созданные Епифанием, являются образцами житий в духе второго южнославянского влияния. А. С. Орлов в своих лекциях по древнерусской литературе, на-

¹⁴ ПСРА, т. VI. СПб., 1853, стр. 301.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 19.

¹⁶ См.: Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 215—254.

пример, так говорил о Епифании: «Среди группы писателей, введших этот стиль (южнославянский, — Л. Д.) в агиографию России, называют обыкновенно двух югославянских выходцев, русского митрополита конца XIV—начала XV в. Киприана... затем Пахомия, также серба, афонского монаха, жившего в России с конца 30-х годов по 80-е годы XV в. Одним из первых последователей того же стиля является русский монах Епифаний, прозванный Премудрым (конец XIV—20-е годы XV в.)».¹⁷ С. А. Бугославский дает следующую общую характеристику Епифанию: «Способнейшим учеником югославянских агиографов и в то же время своеобразным самостоятельным писателем, продолжателем русских исторических и художественных традиций в житийном жанре был Епифаний».¹⁸

Таким образом, ключевой, центральной проблемой в изучении русской агиографии, связываемой со вторым южнославянским влиянием, является анализ особенностей творчества русского писателя конца XIV—начала XV в. — Епифания Премудрого.

Нам известны два сочинения Епифания: «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского». До сих пор не проведено полного текстологического изучения дошедших до нас списков этих произведений Епифания и нет действительно научного издания сочинений этого писателя. А без этого любые наши рассуждения о характере творчества Епифания не могут претендовать на полноту и окончательную убедительность. Как показал В. П. Зубов,¹⁹ на основе имеющихся изданий «Жития Сергия» мы не можем составить достаточно точного представления о епифаниевском тексте этого жития. Следовательно, текстологическая обработка всего рукописного материала, связываемого с именем Епифания, является одной из важнейших задач не только в изучении творчества этого писателя, но и в исследовании русского агиографического стиля периода второго южнославянского влияния.

Прежде чем характеризовать сочинения Епифания со стороны взаимоотношений их с южнославянскими памятниками агиографии, необходимо рассмотреть, что в его произведениях объясняется традициями, идущими от памятников житийного жанра Киевской Руси. Уже некоторые предварительные наблюдения над творчеством Епифания, которые мы как завяку на более подробную разработку данной темы приводим далее, не позволяют объяснять особенности творчества Епифания целиком влиянием южнославянских житий, а свидетельствуют о значительной роли в его творчестве традиций русской агиографии и о большом значении в его творчестве индивидуального писательского мастерства.

Сопоставим агиографические произведения Епифания Премудрого с житиями, написанными наиболее близким ему по времени общепризнанным мастером южнославянского агиографического стиля — Евфимием Тырновским. Известные в настоящее время жития Епифания Премудрого созданы: «Житие Стефана Пермского» — в конце 90-х годов XIV в., а «Житие Сергия Радонежского» — в 1417—1418 гг. Евфимий Тырновский мог писать свои жития между 70—90-ми годами XIV в.: в 1371 г. он возвратился в Болгарию с Афона, в 1375 г. — стал Тырновским патриархом, в 1393 г. Тырнов был покорен турками, а Евфимий изгнан; умер он, как предполагают, в 1402 г.

Все четыре жития, написанные Евфимием Тырновским (Иоанна Рыльского, Илариона Мегленского, Петки, Филофеи), построены по одинако-

¹⁷ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков, стр. 240.

¹⁸ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 235.

¹⁹ В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 145—158.

вому, строго «агиографическому» плану: 1) риторическое вступление; 2) повествование о жизни святого, заканчивающееся рассказом о его смерти (во всех житиях, кроме «Жития Илариона Мегленского», много внимания уделяется рассказу о праведной жизни святого в пустыне); 3) посмертные чудеса и история мощей святого; 4) похвальное слово святому, в котором Евфимий обращается к восхваляемому святому с мольбой защищать от всех бед Болгарию.

Оба жития Епифания Премудрого в целом строятся по такой же сюжетной схеме, но у него отсутствуют рассказы о посмертных чудесах, об истории мощей, что в какой-то степени нарушает обязательное правило житийного жанра.

Нельзя, однако, считать, что сюжетная житийная схема в том виде, как мы ее находим во всех житиях Евфимия Тырновского, создана мастерами южнославянской агиографии. Схема эта восходит к ранним образцам византийской агиографии, по такой же схеме были написаны уже самые ранние русские оригинальные жития — Несторово «Чтение о Борисе и Глебе» и его же «Житие Феодосия Печерского». Таким образом, говоря о том, что с конца XIV в. севернорусские жития начинают строиться по строго определенному плану, характерному и для южнославянских житий, мы совсем не обязательно должны видеть в этом подражание южнославянским житиям; достаточно яркие образцы имела и собственная русская агиография.

Риторичность, патетика, любовь к многочисленным эпитетам и сравнениям, широкое привлечение библейских образов в житиях Епифания Премудрого вполне сопоставимы с таковыми в житиях Евфимия Тырновского, но имеется и ряд особенностей, характерных как для одного, так и для другого агиографа.

Прежде всего необходимо отметить бóльшую строгость, выдержанность во всем у Евфимия. Это проявляется уже в объеме текстов: все четыре жития Евфимия, почти равные по величине (немного более других «Житие Илариона Мегленского»), невелики, что явно рассчитано на то, чтобы не утомить читателя или слушателя. Совершенно иного характера в этом отношении жития Епифания Премудрого: «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия» весьма пространны. Как считает В. О. Ключевский, епифаниевское «Житие Сергия» было позже переделано Пахомием Сербом потому, что для чтения в церкви или на трапезе «житие, написанное Епифанием, было слишком обширно».²⁰ В противоположность Евфимию Епифаний как бы не думает о служебном назначении своего труда, а стремится изложить все, что он считает нужным сказать о восхваляемом им святом: «...восхищение переполняет душу писателя, и слова льются неудержимо и страстно, как бы произвольно, вопреки авторскому сознанию своей беспомощности».²¹ Нам кажется, что это очень существенная сторона творчества Епифания: он подходил к своим творениям не как к текстам церковно-служебного назначения. Об этом же свидетельствует и характер риторичности епифаниевых житий. Риторичность, панегирически-патетический тон — характерные признаки евфимиевских житий. Но и здесь Евфимий старается держаться в строгих рамках. Даже в наиболее пространный и самой пышной похвале Петке он все же сравнительно умерен: «Добре прииде христова краснаа невесто, чистаа голубице, позлащеннаа светымь духомь, девьственаа похвало, пустынножителнице, аггеломь събеседнице, добродетели раю, чистоты крас-

²⁰ В. О. Ключевский, стр. 119.

²¹ О. Ф. Коновалова. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 207.

ный доме... Ты истиннаго жениха чьстнаа невеста, ты еси кринь обретенный въ тръни, тебе роды чловечьсции блажеть, яко своему последовала еси жениху. Ты заступница сущимъ въ бедахъ, обуреваемымъ пристанище; твоа рака благодетные точить струе, бесовские отганяеть плыкы; твоа црѣковь недугомъ отгнание, слепымъ прозрение, прокаженнымъ очищение»²² и т. п. Иного характера риторичность Епифания Премудрого: это риторичность, которая как бы исходит от тех чувств, которые охватывают автора, когда он начинает говорить о своем герое. В знаменитых епифаниевских перечислениях однородных членов, когда он, характеризуя описываемого святого, подбирает до 25 однородных эпитетов, видно стремление автора как можно полнее выразить охватывающие его чувства. В этом, как нам кажется, существенное и принципиальное отличие епифаниевской риторики от риторики южнославянских агиографов. Сам Епифаний определил свой стиль как «плетение словес». К сожалению, очень часто этот эпитет «плетение» воспринимается чисто формально, с каким-то отрицательным оттенком, что глубоко неверно. Все дело в том и заключается, что это не плетение ради плетения, что за этой риторичностью лежит глубокое, искреннее чувство любви и восхищения автора своим героем. И делал это поистине великий мастер и знаток языка. Достаточно привести хотя бы одну, взятую наугад риторическую фигуру Епифания из «Жития Стефана Пермского»: «...ныне же, после всех и надо всеми сими, и вконецъ слову тяга а ся есть с тобою словесы и не утягал, но сам утяган есть, спирался о вере и не упрел, но и сам пререн бысть, и змагался, да не измогл, но и сам побежен бысть, и всюду посрамлен есть и всячески поруган бысть»,²³ чтобы убедиться в том, насколько тонко и искусно пользовался словом этот писатель конца XIV—начала XV в. Именно эту особенность риторики Епифания Премудрого Д. С. Лихачев очень удачно сблизил с творческой манерой современника Епифания — Андрея Рублева, возводя лиричность обоих к русским традициям: «И плачи, и внутренний монолог, и известная ритмичность речи были характерны уже для домонгольской литературы; в ней же присутствовало и то сильное лирическое начало, которое при всей монументальности домонгольского литературного стиля широко давало себя знать и в „Слове о законе“ Илариона, и в произведениях Кирилла Туровского. Епифаний весь замкнут в мягких плавных линиях орнаментальной ритмической речи. Нечто подобное видим мы и в творчестве Андрея Рублева: красочная гамма его зависит от владимиросуздальской живописи домонгольской поры, он мягче, лиричнее Феофана Грека».²⁴

Как отмечает болгарский исследователь, «предметом своих житий Евфимий избирает лиц, которые были болгарами по происхождению или связаны с Болгарией, болгарской столицей, болгарским прошлым».²⁵ «В житиях Евфимия особое место занимает рассказ о мощах святого, в котором Евфимий показывает свой интерес к болгарскому прошлому и дает выражение своим народным чувствам и патриотическому настроению».²⁶ В сущности, именно в этих моментах и заключается наибольшая историчность житий Евфимия, исторические же факты из жизни святого сами по

²² Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Nach den Besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki. Wien, 1901 (далее: Сочинения Евфимия Тырновского), стр. 73.

²³ Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 145. Далее все цитаты из «Жития Стефана Пермского» даются по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

²⁴ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 165.

²⁵ П. Диневков. Стара българска литература, втора част. София, 1953, стр. 61.

²⁶ Там же, стр. 71.

себе интересовали его мало. Характеризуя «Житие Иоанна Рыльского», П. С. Динеков пишет: «Евфимий довольствуется весьма общим рассказом, без многочисленных конкретных деталей, даже, в отличие от народных легенд, не связывая место действия с определенным географическим пунктом, избегая также местных географических названий. Отдельные эпизоды, данные без подробностей, послужили поводом для бесконечных обобщений богословско-исихастского характера».²⁷

И в этом отношении Епифаний Премудрый отличается от Евфимия: в его житиях гораздо больше исторических конкретных фактов. Герои Евфимия, их судьба и поступки являются, по существу, предлогом для его риторически-морализирующих рассуждений на темы исихазма, борьбы с ересями. Особенно показательны в этом отношении «Житие Илариона Мегленского», основная часть которого представляет собой противоеретический трактат, а не рассказ о жизни святого. Для Епифания и Стефан, и Сергей — живые люди, которых он к тому же знал лично, поэтому они предстают в его житиях конкретными, живыми людьми. И в тех случаях, когда Епифаний посвящает свой рассказ каким-то конкретным эпизодам из жизни описываемых им святых, эта черта проявляется особенно ярко. В «Житии Сергия», например, живо и выразительно объяснены причины, почему родители Сергия вынуждены были уйти из Ростова, рассказано о начале пустынножительства Сергия и росте его монастыря, в «Житии Стефана» находим насыщенное фактами повествование о его миссионерской деятельности, о борьбе с Памом. Подобных эпизодов, воспроизводящих события действительной жизни, в обоих житиях немало.

Историчность, конкретность во времени с одновременным обобщением того или иного события в житиях Епифания достигается оригинальным приемом, близким к системе народной датировки,²⁸ — обозначением даты по событиям мировой и русской истории. «Когда же се бысть, или в кое время? И недавно, но яко мною от создания миру в лето 6883, в царство Иоана царя греческаго, во Цареграде царствовавшаго, при архиепископе Филофее, патриарсе Костянтина града, в Орде же и в Сарай над татары тогда Мамай царствует, но не вечнует абие, на Руси же при велицем князи Дмитреи Ивановичи, архиепископу же митрополиту не сущу на Руси в ты дни никому же, но ожидающим митрополича пришествия от Царяграда, его же бог дастъ» («Житие Стефана Пермского», стр. 154); «Хошу же сказати времена и лета, в ня же преподобнии родися: в лета благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника самодръжца Гречьскаго, иже в Цари граде царствовавшаго, при архиепископе Коньстянтина града Калисте, патриарсе вселеньском, в земли же Русстей в княжение великое Тферьское при великом князи Димитрии Михайловиче, при архиепископе пресвященнемъ Петре митрополите всея Руси, егда рать Ахмулова (бе)».²⁹

Характеризуя особенности стиля второго южнославянского влияния, Д. С. Лихачев пишет: «Язык высокой, церковной литературы средневековья обособлен от бытовой речи, и это далеко не случайно. Это — основное условие стиля „высокой“ литературы. „Иной“ язык литературы должен был быть языком приподнятым и в известной мере абстрактным. Привычные ассоциации высокого литературного языка средневековья характерны тем, что они отделены от обыденной речи, возвышены над нею

²⁷ Там же, стр. 63.

²⁸ См.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 237.

²⁹ Житие преподобного Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1885, стр. 22. Далее все цитаты из «Жития Сергия» даются по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

и оторваны от конкретного быта и бытовой речи».³⁰ Эта характеристика полностью применима к агиографическим произведениям Евфимия Тирновского, но у Епифания мы найдем ряд своеобразных нарушений данного положения. Лексика Епифания в значительной степени «отделена от обычной речи», но не абсолютно: в его житиях мы встречаем слова и термины бытовой, деловой речи. В «Житии Стефана Пермского»: «отрок сы верстою», «после всех излазяше (из церкви)», «святыя книги писаше хитрей гораздо и борзо», «оступиша его . . . с ослобы и с великими уразы смерть ему нанести хотяще», «устремишася нань единаче с дреколием, друзии же от них мнози похвашаху топоры об одну страну остры» (далее Епифаний называет топоры секирами), «и в лесах находя и в привержках обретая» и т. д. Большой интерес в этом отношении представляет «Житие Сергия». Если мы сравним Троицкий список «Жития Сергия» (основной, по которому издан текст арх. Леонидом) с Синодальным списком Макарьевских Четий-Миней, в которых также читается епифаниевская редакция «Жития Сергия», то увидим, что во втором списке (Синодальном) ряд слов Троицкого списка заменяется более книжными, т. е. уже в XVI в. многие слова, употребляемые Епифанием, представлялись слишком «низкими»:

Троицкий список

нечто писати от житна старцева
 Не подобает житна нечестивых пытати
 еще ли же старца свята
 Откуда ли приобрящу хитрость
 Младенець гласом начя велми верещати
 верещающе
 да покажется
 грамоту
 неси доспел в сие прясло

Синодальный список

нечто писати от житна преподобнаго
 Не подобает житна нечестивых писанию предати
 еще ли же мужа свята
 Откуда ли приобрящу мудрость
 Младенець гласом велми провозгласи
 провозглашающе
 да явится
 грамотикею
 неси дошел в сие прясло

Издатель текста «Жития Сергия» арх. Леонид посчитал нужным приложить к изданию словарик «просторечных и старинных слов». К сожалению, словарик этот, насчитывающий 85 слов, неполон и неточен, а рассмотреть всю лексику житий Епифания Премудрого для выявления как сугубо книжной стихии в ней, так и бытовой было бы чрезвычайно интересно и необходимо.

Еще более, чем в лексике, в самом содержании многих эпизодов епифаниевских житий проявляется близость к конкретному быту: целый ряд описаний Епифания, хотя они и сделаны в стиле «плетения словес», весьма далек от абстрактности и приподнятости. Приведем несколько примеров из «Жития Стефана Пермского», более сложного и более риторичного, чем «Житие Сергия». «Болваны извааныя истуканыя, кумири ваши — древо суще бездушно, дела рук человеческ: уста имуть, и не глаголють, уши имут, и не слышат, очи имуть и не узрят, ноздря имут и не обоняют, руже имут и не осязают, нозе имуть и не пойдуть и не ходят и не ступают ни с места, и не възгласят грѣтанми своими, и не обоняют ноздрями своими, ни жрѣтв приносимых приимають, ни пияють, ни ядят» (стр. 133); «А еже повешаное около идол: или кровля над ними, или на приношение, или на украшение им принесенное, или соболи, или куницы, или горностаи, или ласици, или бобры, или лисици, или медведна, или рыси, или белки, — то все събрав, в едину кушу съкладе и огневи предасть я, кумира преже

³⁰ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 53.

обухом в лоб ударяше, ти потом топором иссечаше я на малыя поленца и, огонь възнетив, обоє стараше огнем — и куча с кунициями и кумир вкупе с ними» (стр. 136); «Се бо Стефан и боги ваша раскопал ест, и не могоша его вредити, иже с нарочитых кумиров съимав пелены и помета отрочищу своему, именем Матфейку, и сътвори из них гаща и онуща и ногавица, и износи я без пакости и без вреда» (стр. 139); «Огню горящу и пламени распалющуся, преподобный же паче прилежаше, ем, понужая его, но и рукою яв за ризу влхва и крепко сожем его, похващаше и нудьма влещаше ко огню очима» (стр. 144); «Не бо ведал бывающаго, яко быти ему епископомъ темь, и не добивался владычства, ни вертелся, ни тщалься, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посулы; не дал бо никому же ничто же, и не взял у него от поставления никто же ничто же — ни дара, ни посула, ни мзды» (стр. 148); «Топерво остахом добра промышленника и ходатая, иже был нам ходатай к богу и к человеком: к богу убо моляшеса о спасении душ наших, а ко князю о жалобе нашей, и о льготе и о ползе нашей, и ходатайствоваше и промышляше ко боляром же, к началом властем мира сего был нам заступник тепл, многажды избавляны от насилия и работы, и тивуньския продажа и тяжкыя дани облегчаны. Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници словесы его увещевании бываху, еже не воевати ны» (стр. 160). В «Житий Сергия» примеры подобного рода еще более обильны. Интересно отметить, что рассказы о чудесах, необычайных явлениях переплетаются с обыденными реалистическими зарисовками. Повествуя о чуде, когда Сергий, находясь еще в утробе матери, трижды громко «проверещал» в церкви, Епифаний вставляет такой эпизод в этот рассказ: услышав крик Сергия, «жены», находившиеся в храме, «приступльши к ней (матери Сергия, — Л. Д.), начаша въпрашати ю, глаголюще: имаши ли в пазусе младенца пеленами повита, его же глас младенческыи слышахом в всей церкви врещающе?», на это мать Сергия отвечает: «Пытайте, рече, — инде, аз бо не имам» (стр. 11). Младенец Сергий ничего не принимал в пищу по средам и пятницам. Обеспокоенная мать подумала, что ее сын болен, тогда «и с другими женами, с прочими кормителницами расматряюще беаше, мняше, яко от некия болезни младенцу приключашеса сие бевати, но обаче обзираху повсюду младенца, яко не болно, и яко не обреташеса в нем явления или не явленныя болезни, ни плакаше, ни стъняше, ни дряхловаше, но и лице и сердце и очи весели, и всячьскыи младенцу радостну сущу, яко и ручицами играше» (стр. 15). Обычный житийный мотив — самоистязание отрока и добровольный пост — у Епифания осложняется жизненными, обыденными деталями. Мать Сергия, видя, как сын истязает себя постом, «матерними си глаголы увещеваше его, глаголющи: „Чядо! не съкруши си плоти от многаго въздръжания, да не в язю въпаднеши, паче же младу ти еще сущу, плоти растуши и цветущи; никто же бо тако млад сый в ту връсть твою, такому жестоку посту касається“» (стр. 29). Очень реален и необычайно тепл для житийных памятников эпизод, рассказывающий о просьбе родителей Сергия повременить с уходом из мира. Сергий «многажды моляшеса отцу своему, глаголя: „Ныне отпусти мя, владыко, по глаголу твоему и по благословиению твоему, да иду в иночьское житие“. Родители же его рекоста ему: „Чядо! пожди мало и потръпи о наю: се бо в старостии в скудости и в болести есмы ныне, и несть кому послужити нама: се бо братиа твоа Стефан и Петр оженистася, и пекутся како угодити женама; ты же не ожививыиси печешиси како угодити богови, паче благую часть избрал еси, и яже не отимется от тебе; токмо послужи нама мало, да егда наю родителя своя, проводиши до гроба, тогда и свою мысль сътвориши; егда нас гробу предаси и землю погребеши, тогда и свое хотение ис-

пльниши“. Пречюдныи же уноша с радостию обещаю послужити има до живота ею, и от того дни тшашеся по вся дни всячьскыи угодити родителема, яко да наследит от них молитву и благословение» (стр. 36—37). Та подробность и то отношение, с каким Епифаний говорит в «Житии Сергия» о родителях святого, совершенно необычайное явление в агиографической литературе; по всей видимости, мотив этот находится в непосредственной связи с новым явлением в русских нравах и быте в конце XIV—начале XV в.: «В XIV—XV вв. постепенно складывается семейный быт русского с сильной властью отца, с высоким нравственным авторитетом матери, о котором много пишут в посланиях и грамотах XIV и XV вв. ... Можно привести множество примеров, доказывающих повышенный интерес к семье в литературе и в живописи XIV—XV вв.».³¹ Рассмотренные примеры представляют большой интерес и в другом отношении. Касаясь вопроса о реалистических тенденциях в древнерусской литературе, В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в историческом повествовании рядом с рассказами, жизненная правдивость которых была результатом не „реалистичности литературы, а реальности самой жизни, как бы перенесенной в литературу“,³² появляются эпизоды, созданные при участии художественного вымысла и тем не менее жизненно правдивые, воздействующие на читателя не только исторической достоверностью изображения, но и художественной его убедительностью».³³ Нам представляется, что рассмотренные эпизоды и уж во всяком случае такие, как эпизод в церкви, как сообщение о постничестве младенца Сергия (ведь на самом-то деле этого не могло быть!), бесспорно могут быть охарактеризованы как «эпизоды, созданные при участии художественного вымысла», и хотя в целом их нельзя назвать «жизненно правдивыми», тем не менее отдельные детали их кажутся прямо взятыми из быта. Это сочетание художественного вымысла с жизненной правдивостью представляется нам явлением, очень характерным для творчества Епифания, восходящим к традициям ранней русской агиографии,³⁴ и резко отличает его от южнославянских агиографов того же времени.

Необходимо отметить, что в житиях Епифания мы можем обнаружить отражение фольклорных мотивов. Прежде всего это уже упомянутая выше своеобразная датировка Епифанием исторических событий. Похвальное слово Стефану Пермскому представляет собой три плача — «Плачь Пермских людей», «Плачь церкви Пермьская, егда обьвдове и плакася по епископе си» и «Плачь и похвала инока списающа». Как писал В. О. Ключевский, «такая оригинальная форма похвального слова безраздельно принадлежит одному Епифанию: ни в одном греческом переводном житии не мог он найти ее и ни одно русское позднейшее, заимствуя отдельные места из похвалы Епифания, не отважилось воспроизвести ее литературную форму».³⁵ На вопросе о книжных, литературных элементах в плачах, которые встречаются в памятниках древнерусской литературы, останавли-

³¹ Там же, стр. 154 и 157.

³² Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 7. Примечание В. П. Адриановой-Перетц.

³³ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 11—12.

³⁴ См. в настоящем сборнике статью В. П. Адриановой-Перетц «Задачи изучения „агиографического стиля“ Древней Руси» (стр. 41—71). Помимо отмеченного общего для конца XIV—начала XV в. интереса к вопросам семейной жизни, возможно, на Епифания оказали влияние и «семейные интересы» к ранним годам жизни святого у Нестора в «Житии Феодосия Печерского». В епифаниевском «Житии Сергия» могут быть отмечены даже текстуальные параллели с Несторовым «Житием Феодосия».

³⁵ В. О. Ключевский, стр. 94.

вается В. П. Адрианова-Перетц в работе «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». ³⁶ В этой статье она подробно рассматривает плач Епифания Премудрого в «Житии Стефана Пермского». Говоря о том, что Епифаний в силу жанровых особенностей своего произведения (житие) должен был быть весьма осторожным «в применении фольклорной поэтики» в своих плачах, В. П. Адрианова-Перетц вместе с тем отмечает, что «есть все основания думать, что и самый обычай бытового оплакивания покойников и содержание этих причетей он знал». ³⁷ В. П. Адрианова-Перетц отмечает в епифаниевском плаче Пермской церкви и пермян ряд мотивов, «обычных и для народных вдовьих причетей». ³⁸ Возможно, что Епифаний использовал даже отдельные фразеологизмы из текстов народного творчества. Фраза из Плача Пермской церкви — «Увы мне, кого к рыданию моему призову на помощь, кто ми пособит плакаться, кто ми слезы отреть, кто ми плачь утолить, кто ми печаль утешить?» — очень напоминает начальные строки из духовного стиха «Плачь Иосифа, Прекрасного»: «Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию?» ³⁹

И Евфимию Тырновскому, и Епифанию Премудрому присуща характерная для агиографов периода второго южнославянского влияния черта — сообщение (обычно во вступлении и в заключении) автора о себе, о задачах своего труда, о истории труда. У Евфимия это всегда очень риторическое рассуждение, скорее общефилософского характера, чем конкретное сообщение о самом себе. «Се уже, яже о ономъ повести начяло намъ творящим, самау призвати убо будеть оного благодеть, яже от бога искръно ть приять обилне, яко да не от ненаучения погрешити искомое, рукама възнакама, яко же глаголет ся, священнымъ касающесе и паче достоинства яже оного поведующе, яко да не мнее слышателя отъщетьми, лучших ползу оставльше. Аще убо должимъ и тлеющимъ поне и мало умом внимал би божьствнейший съ мужь и о нечьсом земнемъ творил би попечение, въскоре того мимотещи хотехом память и забьвения отслати глубинамъ. Елма же предреченнаа въсе долу оставль, горнему внимааше отчьству, свободному и безбедному и тврѣдому, и въсецемъ образомъ тьщасе ся общааго постигнути отца и съдетеле, нужда и нам яже о нем отчясти съповедати. Яже бо иже прежде нас о немъ нехытре некако и грубе съписааша, сиа мы по лепоте, якоже ключимо есть, усрьдно съповедати потьщахом ся, известно ведяще, яко еже о отци повесть веселити обыче отцелюбезныхъ душу и к ревности въздвизати лучьшой» («Житие Иоанна Рыльского»). ⁴⁰ «Единому бо будеть тьчию удобь та поведати Илариону, иже и душею и чюствомъ та обилне наслаждающомуся, егову ныне призвавше благодеть, аще и не по лепоте, обаче по възможному того съповемы деание и житие. Но якоже капля дъждевныя изчьсти не удобно, сице ниже сего деание и житие, разсеанна же мало негде обретше, в явление извести покушаемся. Верую бо, яко в сласть приметь, яко чядолюбивь отьцъ младенечная наша немотования. Аще ли от подобающаго далече негде останемъ, простить нам блаженаа она душа и въсекоя сладости испльненаа яко отьцелюбезнымъ чядомъ. Не поносить бо намъ о усрьдии, но и помощь дасть и съподспешити и руководствуетъ к истиннымъ сказаномъ. Вестъ бо, вестъ радоватися и спешити к искръннымъ ползи»

³⁶ ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 73—96.

³⁷ Там же, стр. 85.

³⁸ Там же.

³⁹ Ср.: П. Безсонов. Калекн переходже, вып. 1. М., 1861, стр. 187—199, №№ 40, 41, 42.

⁴⁰ Сочинения Евфимия Тырновского, стр. 6—7.

(«Житие Илариона Мегленского»).⁴¹ В епифаниевских рассуждениях о задачах жития, о неисчислимости деяний и подвигов святого и так далее много общего с тем, что мы читаем и в житиях Евфимия Тырновского, но вместе с тем в рассуждениях такого рода у Епифания отчетливо выделяются и элементы конкретности, автобиографичности. Помимо еще более многословных, чем у Евфимия, и не менее риторичных общефилософских рассуждений, Епифаний ярко воссоздает конкретную историю написания им жития, говорит о реальных затруднениях, встававших перед ним, когда он брался за свой труд. Приведем для сравнения с евфимиевскими текстами отрывки из вступления к «Житию Сергия»: «Дивлю же ся о сем, како толико лет минуло, а житие его не писано. О сем съжалихся зело, како убо таковыи святии старець, пречюдный и предобрый, отнележе преставися — 26 лет преиде, — никто же не дръзняше писати о немь, — ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни меньшии: болшии убо яко не изволяху, а меншии яко не смеаху. По лете убо едином или по двою по представлении старцеве, аз окаанныи и вседръзыйи дръзнул на сие, въздохнув к богу и старца призвав на молитву, начях подробну мало нечто писати от житиа старьцева, и к себе втайне глаголя: „Аз не хватаю ни пред кым же, но себе пишу, а запаса ради и памяти ради и ползы ради“. Имеях же у себя за 20 лет приготованы такового списания свитки, в них же беаху написаны некия главизны, еже о житии старцеве памяти ради: ова убо в свитцех, ова же в тетратех, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди ... И отголе нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцев прилежно, сведущих въистину известно о житии его, якоже святое глаголет писание: въпроси отца твоего и възвестит тебе, и старца твоя рекут тебе; елико слышах и разумех, отци мои поведаша ми, елика от старець слышах, и елика своима очима видех, и елика от самого уст слышах, и елика уведах от иже вслед его ходившаго время не мало и възлиавшаго воду на руце его, и елика другаа некаа слышахом и от его брата старейшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепископу Ростовскому ... Како могу аз бедный в нынешнее время Сергиево все по ряду житие исписати, и многаа исправления его и неизчетныя труды его сказати?» (стр. 2—5).

Итак, сравнение творчества двух наиболее известных русского и южнославянского агиографов конца XIV—начала XV в. показывает, что, несмотря на общие тенденции в творчестве обоих авторов, между их произведениями имеется ряд существенных различий. Общие веяния, характерные для конца XIV—начала XV в., нашли своеобразное, национальное отражение на юге славянства и на Руси.

Как известно, ко времени жизни и творчества Евфимия Тырновского и Епифания Премудрого относится еще одно южнославянское житие — «Житие преподобного Ромила», написанное учеником Ромила, монахом Григорием, в самом конце XIV—начале XV в.⁴² От произведений Евфимия Тырновского это житие отличается гораздо большей простотой. «У нашего Григория мы видим больше простоты, больше естественности, больше реальности даже и там, где он мог бы дать волю своему воображению ... Даже и в тех случаях, когда он рисует картины из мира отвлеченностей, и там он прибегает к реализации отвлеченных предметов, которую иногда исполняет весьма удачно».⁴³ В «Житии Ромила» встречаются жизненные, реалистические эпизоды, народные выражения

⁴¹ Там же, стр. 28.

⁴² См.: П. А. Сырков. Монаха Григория Житие преподобного Ромила. СПб., 1900.

⁴³ Там же, стр. XVI.

в языке, автор употребляет поговорки и пословицы. В этом отношении «Житие Ромила» сближается с житиями Епифания Премудрого. Но вместе с тем «в Житии Ромила нет, собственно, „плетения словес“, т. е. пользования однокоренными и созвучными словами, ассонансами, синонимикой и ритмикой речи для создания своеобразного словесного орнамента»,⁴⁴ т. е. нет как раз тех черт, которые наиболее характерны для стиля Епифания Премудрого.

Таким образом, сопоставление произведений Епифания Премудрого с современными ему южнославянскими памятниками агиографии показывает, что вопрос о взаимоотношении русских житий и южнославянских, написанных в период так называемого второго южнославянского влияния, очень сложен и требует всестороннего и обстоятельного исследования.

Наиболее последовательным и законченным выразителем принципов второго южнославянского влияния в русской агиографии, определившим характер дальнейшего развития этого жанра древнерусской литературы, считается Пахомий Логофет. Изучение житий, написанных Пахомием, имеет принципиально важное значение для исследования вопросов взаимоотношения русского и южнославянского агиографических стилей.

Творчество Пахомия на Руси охватывает значительную часть XV в. — 30—80-е годы, т. е. хронологически значительно более поздний период, чем время создания агиографических произведений Киприаном и Епифанием Премудрым. Этот факт уже сам по себе заставляет рассматривать творчество Пахомия в сопоставлении с творчеством его непосредственных предшественников на Руси, а также и с более ранними русскими житиями, что, на наш взгляд, делалось до настоящего времени недостаточно полно.

Вероятно, не без влияния епифаниевской похвалы-плача Стефану Пермской церкви написана Пахомием похвала новгородских церквей церковностроительной деятельности Евфимия, архиепископа Новгородского: «Прииди к великому храму Премудрости божия и возведи окрест очи свои, и тамо видиши пресветлыи храмы святых яко звезды или горы стояща, иже от него създаныя. Аще и не гласом — вещьми же вопиют и свою красоту по разньству поведающе, яко вещьми рещи: сия архиепископ Евфимие дарова ми. Иная же церкви яко хваляшеса и свое благолепие являющи, вещьми глаголет: сим мене украси. Иная же приглашает той, вещьми глаголет: и мне от основания воздвиже. Храм же великаго Иоанна Златоустаго, высоко стоя, иже от него създанный, и яко рукою того благословляет, глаголя: Понеже храм воздвиже на земли, аз умолю творца храмы тебе даровати на небесех. Великий же храм Премудрости божия, яко град царя великаго, посреде их стоя, иже многими леты обещавш, его же той обнови и в прежнее благолепие обнови и многими добротами и иконами украси, яко перстом того показывает, глаголя вещьми к нему: Се убо красота моя и похвала церкви, Евфимие великий!»⁴⁵ Вслед за этой похвалой Евфимию новгородских храмов Пахомий рассказывает о постройке Евфимием каменных палат и часозвони. Эта подробная характеристика построенных Евфимием каменных зданий архиепископского двора — единственный пример такого описания в агиографических произведениях Пахомия и, очевидно, в агиографии вообще. Эту особенность пахомиевского «Жития Евфимия» есть все основания

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи, стр. 53.

⁴⁵ Повесть о Евфимие, архиепископе новгородском. — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 19.

объяснить влиянием новгородских литературных традиций. Одной из характерных особенностей новгородской литературы конца XIV—начала XV в., по наблюдению Д. С. Лихачева, был большой интерес к описаниям памятников искусства, архитектурных сооружений.⁴⁶ Таким образом, рассматривая творчество Пахомия Логофета, необходимо учитывать не только воздействие на него традиций русской агиографии, но и принимать во внимание и местные литературные традиции в целом, которые Пахомий, судя по приведенному примеру, учитывал, когда создавал свои произведения.

Агиографические труды Пахомия обычно оцениваются довольно низко. Вот, например, что писал о нем В. О. Ключевский. «Достаточно пересчитать творения Пахомия, приведенные в известность, чтобы видеть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что нового внесло оно в русскую письменность... Запас русских церковных воспоминаний, накопившийся к половине XV в., надобно было ввести в церковную практику и в состав душеполезного чтения... Для этого надобно было облечь эти воспоминания в форму церковной службы, слова или жития... В этой стилистической переработке русского материала и состоит все литературное значение Пахомия. Он нигде не обнаружил значительного литературного таланта; мысль его менее гибка и изобретательна, чем у Епифания; но он прочно установил постоянные, однообразные приемы для жизнеописания святого и для его прославления в церкви и дал русской агиобиографии много образцов того ровного, несколько холодного и монотонного стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности».⁴⁷ Эта оценка во многом справедлива, но трудно согласиться с ней безоговорочно. Не все произведения равноценны. Так, сам же В. О. Ключевский выделял из остальных житий Пахомия «Житие Кирилла Белозерского».⁴⁸

Очевидно, в тех случаях, когда Пахомий создавал оригинальные, собственные жития, а не перерабатывал уже имевшиеся, его произведения получались более интересными в литературном отношении. Тогда же, когда задача Пахомия сводилась лишь к переработке уже имевшегося жития, то перерабатывал он его прежде всего с целью сделать такое житие более подходящим для церковной практики. Поэтому такие жития Пахомия получались литературно более слабыми. Бесспорно, что Пахомий был менее талантлив, чем Епифаний Премудрый, но нельзя считать, что вся его литературная деятельность сводится лишь к стилистической переработке уже готового материала. Как мы уже могли убедиться, в «Житии Евфимия архиепископа новгородского» дается совершенно несвойственное житиям описание строительной деятельности святого. В «Житии Кирилла Белозерского» сообщается много интересных и ценных сведений из жизни этого святого, из истории созданного им монастыря, в житии приводится даже текст завещания Кирилла, весьма близкий к действительному документу. Вероятно, следуя не столько южнославянской традиции, сколько Епифанию Премудрому, Пахомий в своих житиях много говорит об истории создания им того или иного жития.

Отнюдь не отвергая убедительности примеров, приведенных В. Яблонским⁴⁹ для иллюстрации заимствований Пахомием из византийской и

⁴⁶ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 40—46.

⁴⁷ В. О. Ключевский, стр. 165—166.

⁴⁸ Там же, стр. 159—160.

⁴⁹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 275—284.

южнославянской агиографии, мы считаем, что необходимо также учитывать возможности воздействия на него и русской литературы: трудно представить, чтобы за полувековую жизнь на Руси, бывая в различных местах Русского государства, в разных монастырях, работая для русских читателей, Пахомий питался лишь византийскими и южнославянскими образцами.

Подведем некоторые итоги. Для успешного изучения взаимоотношений русского и южнославянского агиографического стилей прежде всего необходимо исследовать творчество Епифания Премудрого. Это диктуется не только проблемами изучения взаимоотношений русской и южнославянских литератур, но и недостаточной изученностью творчества великого писателя русского средневековья, современника Андрея Рублева. Едва ли подлежит сомнению, что, как и творения Рублева, ряд древнерусских житий и сказаний сохранил свое эстетическое значение до сих пор. Среди древнерусских агиографов, как и среди древнерусских иконописцев, были ремесленники, посредственные мастера, но были и талантливые художники и их творения, хотя они и дошли до нас в необычной современному искусству форме житий и икон, представляют и сегодня художественную ценность. Такая ценность произведений Рублева, когда-то далеко не всеми осознаваемая, в настоящее время бесспорна и теперь уже не требует особых доказательств. Творчество Епифания по своему словесному мастерству, по выраженному в его произведениях патриотизму может быть смело поставлено рядом с творчеством Рублева, и задача филологов-медиевистов объяснить это современному читателю. Эта задача будет наиболее успешно выполнена в том случае, если творчество Епифания Премудрого будет рассматриваться на фоне южнославянских агиографических памятников, сопоставляться как с творениями его предшественников, так и с произведениями его преемника в области агиографии — Пахомия Логофета.

Изучение творчества Епифания Премудрого в сопоставлении его житий с южнославянскими, а также исследование произведений Пахомия Логофета в сравнении их с творениями Епифания Премудрого помогут уяснить не только вопросы русско-южнославянских литературных связей, установить характер взаимоотношения русского и южнославянского агиографического стилей, но даст возможность глубже проникнуть в сущность вопроса о литературно-художественной специфике древнерусской литературы.

А. С. ДЕМИН

Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв.

(ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Среди разнообразных жанров древнерусской литературы известны так называемые письмовники — сборники образцов посланий к разным лицам. Письмовники нередко могут расцениваться как своеобразный отгосок современной им общественно-политической обстановки. В составе их нередко встречаются послания, которые можно считать литературными (например, «Послание дворянина дворянину») или в которых можно найти элементы литературности. Перед нами, по-видимому, еще один пример связи или тенденции к связи деловой письменности с литературой.

Научная литература о письмовниках очень невелика, специальным предметом изучения они еще не были.¹ Итак, объем предстоящей работы довольно велик: от археографических разысканий, чтобы узнать, сколько разных письмовников сохранилось, до текстологического и историко-литературного исследования каждого письмовника, каждой редакции, каждого списка. Задача этой статьи — коротко охарактеризовать некоторые примеры, по которым можно судить об истории и особенностях письмовников.

В настоящее время мне известно с письмовниками до 170 рукописей XVI—XX вв.² Часть их содержит следующие древнерусские письмовники: 1) Неозаглавленный письмовник с 6—8 образцовыми посланиями, составленный не позже конца XV в.; 2) письмовник «Посланием начало, егда хощеша кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» с 6 большими посланиями, составленный не позже 1541 г.; 3) письмовник «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку» с 60—70 маленькими посланиями, составленный не позже конца XVI в.; 4) разные письмовники XVI—XVII вв., не получившие широкого распространения: каждый из них известен обычно в одном списке.

¹ Исследователи подходят к письмовникам примерно с трех направлений. Во-первых, при археографической работе: найденный список письмовника описывают, иногда издают, а иногда и кратко анализируют. Во-вторых, письмовников касаются при изучении истории русского просвещения (А. С. Орлов). И в-третьих, когда исследователей интересуют эпистолярные произведения разного рода: публицистические послания (Я. С. Лурье), произведения демократической сатиры (В. П. Адрианова-Перетц), любовные письма (Д. С. Лихачев) и т. п.

² Точнее, 169 рукописей. Из них 33 известны только по описаниям, уже большей частью устаревшим (в том числе описания и частичные издания украинских, русско-молдавских, сербских, болгарских письмовников). Просмотрено в подлиннике 136 рукописей с письмовниками, из них один письмовник сербский (ГБЛ, собр. Григоровича, № 52). Вероятно, много списков осталось мне не известными. Виною этому главным образом неописанность большого количества сборников, неполнота описаний и малодоступность ненапечатанных периферийных описаний.

Один и тот же письмовник повторяется в списках, как правило, с разными пропусками и разными дополнениями, иногда в компиляции с другими письмовниками. Так же переписываются и отдельные образцы посланий. Нестабильность текстов письмовников чаще мешает в текстологической работе, сокращая материал для сопоставлений. Поэтому при относительно небольшой величине письмовников и их посланий необходимо учитывать все разночтения списков и все известные случаи компиляции. Коснемся лишь вопроса крупной группировки списков.

Между списками Неозаглавленного письмовника сразу можно обнаружить разницу в коставе и «идейные» разночтения, что позволяет разделить списки на две редакции — раннюю и позднюю. Например, для списков ранней редакции характерны образцы посланий к великому князю, ко владыке, к игумену. В поздней редакции первое послание переделано в послание к царю, а два остальных заменены посланиями к митрополиту.

Списки письмовника «Посланием начало, егда хощешу кому послати» содержат мало разночтений, но обращает на себя внимание их «конвой», по этому признаку их можно разделить на два вида. Например, один вид списков встречается только в Великих Четых-Минях митрополита Макария или в списках, как-то восходящих к Минеям. Другой вид встречается в формулярных сборниках. Для объяснения такой закономерности, очевидно, необходимо текстологическое изучение в целом Великих Четых-Миней и формуляриков. Если судить по мелким разночтениям, то оба вида письмовника независимо восходят к общему протографу. Письмовник «Сказание начертанию епистолиям» — самый большой из указанных, наиболее обильный по дошедшим спискам и наиболее текучий по составу и текстам посланий, здесь приходится иметь дело с частыми, но мелкими разночтениями. Списки его делятся на три вида: от общего протографа ответвляются два вида, компилируемые третьим. От третьего вида происходит новый письмовник «Каким образом писати и х кому письма» конца XVII—начала XVIII в.

Датирующие и местные приметы письмовников, как следовало ожидать, очень скудны и неясны: книжники ведь обычно прочили письмовник на долгое и широкое употребление, отбирая, с их точки зрения, «общие», «вечные» темы для образцовых посланий и вытравляя детали, которые осознавались ими как неуместные следы прошлого. Поэтому определять время и место составления письмовников приходится как бы вопреки воле составителей, по тем неожиданностям и поворотам истории, которых они не могли предусмотреть. Отсюда верхняя граница появления письмовников обычно более ясна, чем нижняя, а выводы необходимо делать на комплексе всех примет, проверяя их затем при историко-литературном анализе.

Наиболее ясными местными приметами Неозаглавленного письмовника можно считать две — происхождение сборников, его содержащих, и его «конвой» в них. Можно предполагать северное, быть может новгородское, происхождение письмовника: большинство сборников бытовало в северных хранилищах, причем сборники с ранней редакцией явно новгородские, а письмовник в сборниках окружают северные, часто новгородские произведения (например, Послание архиепископа новгородского Василия о рае, послания других новгородских владык и к ним, Повесть о белом клобуке, Сказание о начале Софии новгородской и т. д.). Из

датирующих примет письмовника наиболее бесспорно время старшего списка. Однако в данном случае в наиболее древнем списке сохранились два компилятивных послания, в которых только частично был использован Неозаглавленный письмовник (лл. 171 об.—174 об., 185—187 об. в известном формулярном сборнике № 562 Синодального собрания ГИМ). Изучение этих компилятивных посланий позволяет думать, что Неозаглавленный письмовник был составлен не позже конца XV в., вероятно не позже 1492 г. Дополнительные датирующие приметы замечаются лишь в двух посланиях к самым главным адресатам ранней редакции — к великому князю и ко владыке. При определенном толковании их можно предполагать, что письмовник был составлен вероятнее всего в 1475—1477 гг. Например, великий князь (а затем и царь в поздней редакции) постоянно называется «господином», а не «государем», но только в ранней редакции просят великого князя «призрети к нам, и присетити, и ущедрити, и помилovati». Эти слова можно связывать с новгородско-московским спором о титуловании Ивана III в 1477 г., с крестным целованием новгородцев «государю великому князю» Ивану III в январе 1478 г. и с великокняжескими посещениями Великого Новгорода, особенно с походом «миром» Ивана III в конце 1475—начале 1476 г.³ Или, например, в очень благожелательном послании владыку просят «помощи нам о души и телеси». Думается, что подобную просьбу ко владыке в новгородском письмовнике нельзя относить ко времени позднее января 1480 г., когда был арестован и сослан новгородский владыка Феофил, смененный крайне непопулярным Сергием.⁴ Неозаглавленный письмовник является, по-видимому, одним из проявлений интереса к посланиям и эпистолярным формулярам в период московско-новгородской борьбы второй половины XV в., сопровождавшейся изменением формуляров официальных документов, множеством посланий и даже составлением специальных актов-эпистолярных сборников.

Поздняя редакция письмовника, судя по тому же синодальному формулярику № 562, возникла не позже 1492 г. Местным, вероятно опять новгородским, признаком поздней редакции можно считать то, что епископ здесь представлен как фигура, по меньшей мере равная митрополиту: на первом месте в письмовнике стоит пышное послание к митрополиту или епископу и лишь на втором — менее украшенное послание только к митрополиту (от епископа).

Письмовник «Посланием начало, егда хощеши кому послати» был составлен не позже 1541 г.: он находится уже в Софийском списке Великих Четых-Миней. Дополнительное датирующее значение имеет одна идейная черта письмовника, характерная лишь для определенного исторического периода, — превознесение «вельмож» и, пожалуй, не совсем почтительное отношение к царю. В данном случае сразу напрашивается связь с периодом малолетства Ивана IV, особенно со временем боярского правления. Так, например, в самой заглавии письмовника намечен такой круг адресатов: «...егда хощеши кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек». И действительно, все послания адресуются к «государям» «вельможам» светским и духовным. Но послания к царю в письмовнике нет, царь словно не включен в число «властных людей». Он и упоминается в письмовнике лишь дважды вскользь, например, когда в пятом по счету послании некий «служба»

³ Вопросы верности приводимых толкований и сопоставлений здесь и далее я не касаюсь: во-первых, из-за ограниченных размеров статьи, во-вторых, из-за самой ее темы — наметить возможности разрешения тех или иных задач.

⁴ См., например: Макарий. История русской церкви, т. 6. СПб., 1870, стр. 75.

пишет к «вельможе»: «к божию любви ревнителю, и к царьскому совету и ко государьскому приательству желателю». По другой дополнительной примете — титулованию духовного «вельможи» — составление письмовника можно отнести ко времени митрополита Иоасафа, к 1539—1541 гг. Так, второе по счету послание письмовника адресуется к «архиепископу», «святым собором избранному». Послание имеет в виду, вероятно, митрополита, так как в последней четверти XV в. архиепископы на Руси назначались, а не избирались,⁵ а титул архиепископов носили и митрополиты.⁶ Но в малолетстве Ивана IV до 1541 г. избран собором был лишь Иоасаф.⁷ Ясных признаков, где был составлен письмовник, заметить не удалось, можно лишь неуверенно предположить его новгородское происхождение: старший список письмовника находится как раз в Софийских, новгородских Великих Четвях-Минеях, а послание к митрополиту-архиепископу, вероятно, имеет какой-то общий источник с посланием ко владыке из Неозаглавленного письмовника.

Датирующих и местных примет письмовника «Сказание начертанию епистолиям» подбирается совсем мало. Составлен письмовник не позже конца XVI—начала XVII в., если судить по его самому раннему списку (ГПБ. Q. XVII. 149, сборная рукопись, где находится и так называемый Коншинский список Домостроя⁸). Благодаря особенности состава ранних списков время составления письмовника, вероятно, можно отодвинуть до 1589 г., до года учреждения русской патриархии: в ранних списках нет послания к патриарху, хотя есть образцы посланий к митрополиту и другим святителям. Наконец, окружение этого письмовника в списках тоже как будто свидетельствует о более позднем происхождении его по сравнению с двумя предыдущими письмовниками (чаще всего Повести или материалы об Азовском «сидении», Хождение Трифона Коробейникова, Азбуковники). Нижняя граница составления «Сказания начертанию епистолиям» остается неясной. Каких-либо ясных местных признаков в письмовнике не обнаруживается. Опять лишь неуверенно можно предположить его московское происхождение: иначе ни к чему были бы образцовые послания к царскому постельнику, к царскому казначею, к царскому палатнику.

В нескольких разных письмовниках, известных лишь по одному списку, местных и датирующих примет обычно достаточно: это географические названия, личные имена и так далее, как еще не вытравленные следы «дописьмовной» предназначенности посланий. Ограничимся наиболее крупными письмовниками в следующих рукописях: 1) ГПБ, собр. Петербургской Духовной академии, № 430; 2) ГПБ, Q. XVII. 67; 3) ГПБ, Q. XV. 2; 4) ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380; 5) ГПБ, F. III. 124. Письмовник собрания Петербургской Духовной академии, № 430 связан, вероятно, с новгородско-псковской областью: во-первых, в него включены различные послания к архиепископу новгородскому Макарию, послание архиепископа новгородского Феодосия и челобитная псковского житничного ключника с упоминанием новгородских владык, во-вторых, в его образцовых

⁵ См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 2. М., 1917, стр. 37.

⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 131.

⁷ С последней четверти XV в. до 1541 г. собором епископов были избраны лишь митрополиты Геронтий (1472—1489), Симон (1495—1505) и Иоасаф (в 1539 г.). См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 1. М., 1900, стр. 516, 532, 608, 610—612, 648 и сл., 739 и сл.; т. 2, ч. 2, стр. 23; Макарий. История русской церкви, т. 6, стр. 149—150, 166, 205.

⁸ Датировку этой рукописи см.: А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, стр. 35, 40.

посланиях часто используются отрывки из челобитной А. Шуйского к новгородскому архиепископу Макарию и отрывки из Неозаглавленного письмовника. Составился письмовник, по-видимому, в основном на материале 1540-х годов, но не ранее 1570 г.: в конце письмовника в челобитной житничного «ключника» упоминается время «после архиепископа Пимена» «вифенского» (очевидно, имеется в виду архиепископ Новгородский Пимен Черный, основавший Тихвинский монастырь и попавший в опалу в 1570 г.).⁹

Письмовник Q.XVII.67, наверное, кирилло-белозерского происхождения: подавляющее большинство его образцовых посланий направлено из монастырей и скитов этого края (например, из Зосиминой пустыни Ворбозомского Благовещенского монастыря, из Кирилло-Белозерского монастыря, из Нилсорского Кирилловского скита и т. д.). Судя по датам, упоминаемым в посланиях, письмовник был составлен не ранее 1593 г., скорее всего в самом начале XVII в. По тем же признакам письмовник Q, XV. 2 можно считать вологодско-пермским: здесь упоминаются монастыри Коряжемский Николаевский, Корнилиев Введенский, Устюг-Архангельский, Пыскорский Никольский и т. д. Он был составлен не ранее 1607 г., скорее всего в 1610-х годах: например, в одном из посланий сохранилось имя игумена Коряжемского монастыря (Исидор, 1607—1615¹⁰). Письмовник собр. Тихонравова, № 380, вероятно, московского происхождения 1630-х годов: наряду с несколькими посланиями к царю Михаилу Федоровичу, где упоминаются царские дети, в письмовнике содержится послание к брату патриарха Филарета по поводу смерти последнего (Филарет умер в 1633 г., его пережил лишь один брат — Иван Никитич Романов, умерший в 1640 г.¹¹). Наконец, письмовник F.III.124, что прямо здесь и сообщается, написан в западносибирском городе Сургуте в 1664 г.

Источниковедческие приметы в письмовниках обычно скудны и расплывчаты: чаще всего такой приметой служит состав письмовника, но по составу можно представить лишь общий характер использованных источников. Основная тяжесть работы переносится теперь за пределы письмовника, в первую очередь на просмотр конкретных посланий, предшествовавших письмовнику. Никаких определенных источников Неозаглавленного письмовника найти не удалось. Однако можно утверждать, что Неозаглавленный письмовник не был произведением переводным: об этом свидетельствует постоянное сходство эпистолярных схем и формул письмовника и конкретных русских посланий XIII—XV вв. Подбор посланий позволяет предполагать в первооснове письмовника какую-то местную церковно-монастырскую переписку: большинство посланий в письмовнике адресовано церковным лицам (владыке, игумену, старцу, чернцу), а одно из них сохраняет, вероятно, следы конкретной темы (в послании к старцу автор извиняется перед адресатом, что задержал послать благодарность за какое-то благодеяние).

О возможных источниках письмовника «Посланием начало, егда хощеши кому послати» можно догадываться по текстуальному сходству его

⁹ См., например: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 36; Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 23а (46). СПб., 1898, стр. 609.

¹⁰ П. Строев. Списки иерархов..., стлб. 754.

¹¹ См., например: Русский биографический словарь, т. 22. СПб., 1901, стр. 94 и сл.; т. 18. Пгр., 1918, стр. 32.

посланий между собой. По-видимому, приступая к составлению письмовника, книжник-компилятор имел в своем распоряжении примерно три небольших послания (первое, начало второго и четвертое): именно их тексты почти целиком и не всегда гладко повторяются и переповторяются в остальных посланиях. Судя по ссылкам в текстах, другим источником его является какой-то самостоятельный нравоучительный материал (толковое евангелие, отцы церкви, Пчела и т. п.), подобранный довольно заботливо: в посланиях, посвященных одной и той же теме, не повторяются ни цитаты, ни даже упоминаемые источники.¹² Об источниках Азбучного письмовника ничего определенного сказать не удается: перед нами, пожалуй, попытка систематизировать массу разрозненных фраз и формул, ходячих в переписке «высокого стиля» XVI в.¹³ Из письмовников, не получивших широкого распространения, можно отметить кирилло-белозерский Q.XVII.67 и московский собр. Тихонравова, № 380. В Q.XVII.67, по собственному признанию составителя, были использованы разные тетради с посланиями, причем сохранилось имя автора одного из посланий, написанное тайнописью: «ничто же сый к десятосугубну двоесотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь» (л. 212 об.), т. е. «Исихиа». В сборнике стихотворных посланий собр. Тихонравова, № 380 источниковедческой приметой являются акростихи с именем автора: вероятно, ряд посланий написан неким монахом Савватием, одно — стряпчим Алексеем Романчуковым.¹⁴ Авторы других стихотворных и нестихотворных посланий указаны иногда в заглавиях или в конце: некто Михаил Злобин, Федор Иванович Карпов, Федор Андреевич Карпов.

Идейную направленность письмовников можно заметить, как правило, не по темам образцовых посланий, а лишь по скучным косвенным признакам: подбору и последовательности, формуляру и текстуальному сходству посланий. Все образцы новгородского Неозаглавленного письмовника написаны так, как положено было в официальной переписке того времени: например, послание к великому князю почти полностью соответствует официальным упоминаниям и обращениям к князю при богослужении, торжествах, в митрополичьих посланиях и публицистических произведе-

¹² Можно думать, что отрывки из нравоучительной части пятого послания письмовника (или из общего источника) использовал благовещенский протопоп Сильвестр в своем послании 1550 г. к Ивану Грозному. О Сильвестре см.: Д. П. Голохвастов и арх. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, 1874, кн. I, отд. 1, стр. 14, 81—82, 84—85; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 198—199; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 51—53. Начало пятого послания использовал и архиепископ новгородский Феодосий в послании к Ивану Грозному 1545—1546 гг. (ДАИ, т. I, № 372. СПб., 1846, стр. 39). То, что письмовник использовали лица, жившие в Новгороде — Макарий, Феодосий, Сильвестр, — свидетельствует, возможно, о его новгородском происхождении.

¹³ Очень сходные с письмовником места встречаются в челобитной Андрея Шуйского архиепископу новгородскому Макарию 1533—1538 гг. (ДАИ, т. I, № 27. СПб., 1846, стр. 27) и в первом послании Андрея Курбского к Ивану Грозному 1564 г. [Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 534; РИБ, т. 31. СПб., 1914, таб. 1]. Соотношение этих посланий и письмовника остается неясным, однако соответствующий отрывок в челобитной Шуйского более исправен, чем в письмовнике. [Е. Голубинский думал, что А. Шуйский здесь пользовался письмовником (История русской церкви, т. 2, ч. 1, стр. 761, сноска 5)].

¹⁴ Об Алексее Саввие Романчукове см.: Русский биографический словарь, т. 18, стр. 53; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962, стр. 280. Известен Савватий — писец Хронографа 1636 г. (см. у И. У. Будовница стр. 283).

ниях XV в. Но именно расхождения с общепринятым формуляром в послании к великому князю позволяют заметить, во-первых, датирующий признак (просьбу к князю о посещении), а во-вторых, признаки немосковского и домосковского происхождения послания: например, великого князя не называют «государем» и «великим князем всея Руси», не упоминают о его месте среди других государей (в начальном обращении к князю вообще отсутствует эпитет «славный»),¹⁵ в конце послания нет обычного приветствия великой княгине и чадам (а у Ивана III в то время были жена и сын), не говорится, что пишут великому князю из его «отчины», нет ни слова о радости и любви авторов к великому князю.¹⁶

Идейно-композиционная противоречивость Неозаглавленного письмовника заставляет подозревать, что в дошедших списках его отразились уже какие-то позднейшие изменения и что первая, древнейшая его редакция до нас не дошла, дошли только списки второй, ранней и третьей, поздней редакций. Так, почти все послания в письмовнике следуют в порядке важности адресатов, имеют несходные тексты и построены одинаково: похвала адресату, авторское самоумаление, пожелания адресату (обычно здоровья) и просьба помочь (обычно молитвой), концовка с упоминанием страшного суда, бога и пр. Но резко нарушает этот порядок послание к «властелину», которого, думается, первоначально в письмовнике не могло быть: оно стоит перед посланием ко владыке (явно поздняя черта — «властелин» поставлен выше владыки), «властелину» желают быть в милости у царя или князя (первоначально письмовнику верноподданностью не отличался), сам адресат назван очень неопределенно, а сам текст послания почти целиком заимствован из предшествовавшего послания к великому князю и необычно краток даже для этого лаконичного письмовника. По признакам того же типа можно выявить позднейшие изменения в послании к монаху: вопреки субординации, оно стоит перед посланием к великому старцу, но заимствует из него кусок текста, отчего композиционные части повторяются. Судя по изменениям за счет именно этих посланий, для второго редактора больше, чем для первого, имели значение светские властители: одно послание к «властелину», а другое — от властителя к монаху («иже в власти чернцу»). Наблюдая состав и последовательность посланий третьей, поздней редакции, можно не очень уверенно предположить отражение в ней теократических и антисекуляризаторских настроений. Так, например, послание к царю поставлено теперь лишь на третье место, после посланий к митрополиту и епископу, а в конце письмовника прибавлено послание к «супротивному», который хочет что-то отнять у адресата. Как раз известно об оппозиции в конце XV в. церковных иерархов Ивану III из-за его секуляризаторских планов.¹⁷ Интересно, что старший из списков ранней редакции (ГПБ, Софийск. 1444,

¹⁵ См. о трех понятиях в титуле Ивана III: И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Васснана Рыло как памятник публицистики XV века. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 167 и сл.

¹⁶ О противомосковской направленности послания говорить нет достаточных оснований. Но интересно, что, например, Пахомий Серб в московской редакции Сказания о чуде Варлаама Хутынского именовал Василия II великим князем всея Руси, а Новгород — отчиной великого князя. В новгородской же редакции эти слова были опущены. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 230.

¹⁷ См., например: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 178; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 241—246, 260, 418—419; Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, стр. 89—90.

первой половины XVI в.) в дополнительных образцовых посланиях к письмовнику настойчиво пропагандирует вклады в монастырь.

О боярском письмовнике «Посланием начало, егда хощеша кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» говорилось выше. Письмовник «Сказание начертанию епископам, предисловиям и посланиям ко всякому человеку», пожалуй, демократичнее своих предшественников: послания распределены здесь в алфавитном порядке по первой букве первого слова, как бы независимо от иерархического соотношения адресатов (эту особенность отмечают некоторые списки, добавляя в заглавии: «сотворено по алфавиту» или «азбука епистолая»). Однако многословная иерархическая система довольно полно коллекционирована в письмовнике: половина адресатов церковных (от митрополита до священника или до монахини), половина светских (вплоть до «мещанина»), среди которых и военные (от воеводы до воина), и ученые (например, «книжный друг» или «философ»), и родные (в том числе вдовая мать, сестра и т. п.).

Для стилистического анализа большинство письмовников дает однообразный материал: чаще всего это наборы шаблонных приложений и эпитетов в похвалах адресатам, шаблонные представления об адресатах. В Неозаглавленном письмовнике адресаты строго официальные, каждое их действие отражается как бы во множестве зеркал благодаря повторению синонимов. Повторение сходных приложений и сравнений в разных контекстах позволяет уловить, что два главных адресата — великий князь и владыка — вызвали у составителя письмовника противоположные эмоциональные представления: грозный, гневный князь и самоотверженный защитник — владыка. Например, и великий князь, и владыка предстают милостивцами своих подчиненных, но в разной связи; ожидаемая милость князя в том, чтобы он простил и помиловал авторов послания, а милость владыки — в заступничестве, покровительстве, помощи. Или например, и князь, и владыка сравниваются с Христом богом, но в разных аспектах: когда сравнение применяется к князю, то бог — это вышний царь, который милостив к людям, исполняющим определенные требования; когда говорится о владыке, то Христос — это пастырь и владыка, проливающий кровь за людей.¹⁸ Несомненно, такие представления в новгородском письмовнике 1470-х годов объясняются впечатлениями от походов Ивана III на Новгород и от заступничества Феофила за репрессированных и казнимых бояр. Недаром в образцовом послании владыка назван «изящным в утешении» и его просят «помощи нам о души и телеси», так как «обычай есть преосвященному ти разуму, благой твоей совести».

¹⁸ Владыка сравнивается также с «пастырем словесного стада». Это распространенное в письменности сравнение обычно связано с представлением, что пастырь «душу свою полагает за пасомая своя». Однако в послании это понятие связано именно с пролитием крови. Ср., например, композиционно очень сходную похвалу Кириллу Белозерскому в его житии, написанном Пахомием Сербом до 1462 г., и другие новгородские жития XV в. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. 92, 62. Приложение, стр. LXII. Житие Сергия Радонежского по редакции Е. — ВМЧ, сентябрь, т. 2. СПб., 1893, столб. 1463. Житие новгородского архиепископа Ионы. — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 31; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 185—186. Ср. представление об Иване III как о «губителе» в «Послании вельможе Иоанну о смерти князя» 1494 г. (Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 35—36, 42—43).

Третья, поздняя редакция Неозаглавленного письмовника словно предполагает общение с адресатами уже в более бытовом плане. Например, высший духовный адресат — митрополит или епископ — мыслится уже не как защитник от репрессий, а как материальный помощник: «пастыря» этого просят «упасти и извести на пажити», оказать «помощь и благодаание» и «благовестити нищим», даже бог назван «прещедрым и милостивым», а глас его «сладким». Или, например, в поздней редакции прибавлены новые послания таким «частным» адресатам, как чей-то брат или чей-то враг.

Лаконичному Неозаглавленному письмовнику стилистически противополжен письмовник «Посланием начало», который сосредоточился на компилировании и вариациях похвал только «вельможам». Исключительность адресатов подчеркнута здесь с разных сторон. «Вельможи» словно недосыгаемы иерархически: их род и «честь» восхваляются во всех посланиях, похвалы постоянно усиливаются количественными эпитетами («в великом чину своего добродоства ... паче сверстник своих», «паче всех человек», «во избранных превышшу», «многому в премудрости и множайшему в смиреннии» и т. д.). «Вельможи» для составителя письмовника являются морально-эстетическим идеалом: все они наделены тихостью, кротостью, ласковостью, добротой, а «красоту» их можно описать, лишь прибегнув к пейзажным сопоставлениям («аки солнечным лучем сияеши», «мню тебя своего господина, аки крин селный посреди терния процвел еси», «уподобился еси, господине, пчелинному трудолюбию и любостроению, яко же бо оны по подем летающе...») или сравнив адресата с «драгой приволокой», которая «многими и различными шолки испещрена». Наконец, мудрость «вельмож», начитанность и красноречивость — тоже обязательный элемент их характеристики. Причем послания письмовника обработаны в стилистическом соответствии с качествами адресатов. Вероятно, это одно из проявлений эпистолярного этикета: о «красоте» адресата говорится «красиво», с пейзажными уподоблениями, о «мудрости» — «мудро», с цитатами из «писания», о красноречии — красноречиво же, с подбором антитез, синонимов и т. п. Сразу бросаются в глаза повторы морфем, созвучия окончаний, рифмовка («не чясто тя, господине, видаю, а чясто тя, господина своего, поминаю») и даже аллитерации. Вот один из примеров: «... благородному и благоверному, боголюбивому и христулюбивому, богом украшенному и богом превоснесенному, богом удромому, и целом удромому, и богом почтенному, богтя, господине, почел паче всех человек ... а красоту твою, господине, Христос учил ангельским чином». Или еще: «и я до себя вины ныне не вем никаковы», «сладостию божественных словес слажаеши душу» и т. д. Вообще эпитет «сладкий» — самый частый в этом письмовнике, а умение красиво говорить — одна из главных похвал адресатам («тихому в речи и красному в беседе»).

В Азбучном письмовнике послания из-за их краткости лучше всего рассматривать комплексами, тогда можно увидеть, какие ассоциации, темы, сравнения связывались с данным типом адресата. В этом тоже проявляется, наверное, эпистолярный этикет. Например, в образцовых посланиях к крупным церковникам встречаются обычно темы света и борьбы с ересями: «светильнику церковному, солнцу светлейшему ... светлосияюще, небеснаго разуму просвещением озарительнаго великого света яснозрительных херувим блистаяся», женщины-адресаты обычно сравниваются с птицами: «ластовице благообразной», «горлице смиренной» и т. д. Когда пишут к книжникам или к ученым друзьям, вспоминают и о природе, растениях, драгоценностях: «добролиственному и многоплодо-

витуму древу, драгия отрасли, ветви позлащенные», «древу при исходящих водных насажденному, книжному писанию учителю, плоду зрелому воздаятелю, листовию зеленому». Послания к военным основываются на военных ассоциациях: «полки», оружие, храбрость, победа и т. п. Иногда в письмовнике говорится о внешности адресата: «авраамских седилах» старца или о «дланях» матери. Однажды упоминается вид зданий — царские «позлащенные и превьсачайшие полаты». Почти каждое качество адресата подчеркивается, усиливается разными способами, например: «всех живущих ко спасению приводителю, разорителю же всех плевел ... спасителю в сеизрядному и во всех благих делех совершенному»; «орлу вы сокопаривому, разуму остроумному, воину добродородному ... во оружии преизящному, в победе преславному...» и т. п. В целом же однообразный стилистический материал письмовника может служить некоторым подспорьем при изучении шаблонных представлений XVII в. о разных лицах в обществе.

Наконец, из узкоместных письмовников можно отметить Q.XVII.67 начала XVII в., содержащий много довольно красноречивых посланий. Одно из них к особе женского пола, монахине; автор признается: «мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется, не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти, и изступаю умом, побеждает же мя желание» (л. 213).¹⁹ Письмовник собр. Тихонравова, № 380 почти полностью состоит из посланий литературного характера. Литературные произведения в составе письмовников — тема особой статьи.

Почему составляли письмовники? Можно заметить закономерность, правда, не всегда четко выраженную. Неозаглавленный письмовник появился перед падением Новгорода, во время борьбы Ивана III с новгородским боярством. Письмовник «Посланием начало» появился при малолетнем Иване IV, во время «боярского правления». Азбучный письмовник появился, по-видимому, после смерти Ивана IV, во время боярского засилия при Федоре Ивановиче. Некоторые местные письмовники появились в Смутное время. Все это периоды борьбы за власть: менялись правители и правящие группировки, менялась политическая обстановка, менялись и общественные авторитеты. В такое время обострялось внимание к системе этих авторитетов. Систему авторитетов пытались обозреть и нормировать. Письмовники, видимо, ценились не как справочники, пригодные лишь для извлечения разрозненных сведений. Их воспринимали как цельные произведения, как цельные обзоры — характеристики общественных авторитетов в данный момент и для данной среды. В связи с этим интересны такие проблемы: как выражались представления о системе авторитетов в разных жанрах письменности (например, Домострой, Разрядные книги, письмовники и т. д.) и как эпистолярный этикет связан с этикетом литературным?

¹⁹ К Кирилло-Белозерскому монастырю, например, был приписан женский монастырь воскресения Христова. См.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. 1, вып. 2. СПб., 1910, стр. 224.

Я. С. ЛУРЬЕ

К изучению классового характера древнерусской литературы

I

Вопрос о социальном характере литературы XI—XVII вв. и классовой идеологии ее авторов принадлежит к числу важнейших вопросов древней русской литературы.

Представление о классовом характере всякой общественной идеологии в классовом обществе является одним из основных положений исторического материализма. В общей форме мысль о тенденциозности литературы, о том, что в литературном произведении выражается не только индивидуальность его автора, но и воззрения определенных общественных групп, высказывалась и в домарксистской науке. Мысль эта не чужда была и исследователям древнерусской письменности, несмотря на традиционный консерватизм представителей этой отрасли русской филологии. О «недовольстве современными государственными порядками в сознании мыслящих русских людей XVI века» и о писателях того времени, бравших на себя «опасное дело защищать народные и общественные интересы, подавляемые государством и пренебрегаемые церковной иерархией», еще в 1863 г. писал известный впоследствии историк церкви А. С. Павлов. По мнению А. С. Павлова, «недовольство московскими государственными порядками» сильнее всего чувствовалось там, «где еще свежи были предания самоуправного народного веча, и куда постоянно обращен был недоверчивый и строгий взор московского правительства, — в Новгороде и Пскове».¹ Примерно в те же годы Н. И. Костомаров говорил о двух писателях XV в. — Иосифе Волоцком и Ниле Сорском — как о представителях «двух различных направлений», связанных с Москвой и с Новгородом. «Личная свобода — душа новгородской жизни — господствовала и в монастырском быту; и там новгородец не хотел налагать на себя тяжелого ярма. Между тем в Московской Руси монастырское устройство совпадало с общинным устройством, господствовавшим в миру, и строгая власть настоятеля была в его монастыре подобием неограниченной власти князя над землею».²

Интересно отметить, что мысль о тенденциозности древнерусских писателей, о принадлежности их к определенным «направлениям» уже при

¹ А. С. Павлов. Земское (народное и общественное) направление русской духовной письменности в XVI в. — Православный собеседник, ч. 1. Казань, 1863, стр. 296 и 298.

² Н. К — в (Костомаров). Рецензия на книгу: И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. — Вестник Европы, 1868, кн. 4, стр. 969—970.

самом своем появлении вызывала протест у наиболее консервативных исследователей «русской словесности». Отвечая Н. И. Костомарову и другим авторам, осмелившимся поставить вопрос о «политическом направлении» Иосифа Волоцкого, известный археограф и церковный историк К. И. Невоструев писал: «Иосиф не имел никаких политических взглядов, а как отец и учитель духовный в своих сочинениях раскрывал иногда по учению Библии значение и обязанности царей, давал христианам уроки мудрости, кротости и правосудия, на коих зиждется благосостояние царств».³

Возражения К. И. Невоструева и других представителей «охранительного направления» не имели успеха в русской науке. В работах конца XIX—начала XX в. мы постоянно встречаемся с представлением о тенденциозности древней русской литературы, о ее связи с общественным сознанием. Очень глубоко проведена эта мысль, в частности, в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского. По мнению В. О. Ключевского, «между индивидуальным умом и коллективным сознанием происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок . . . служит предметом личных убеждений, источником нравственных правил и чувств . . . Зато и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание . . . Так от общественных отношений отлагаются личные идеи, а идеи перерабатываются в общественные отношения».⁴ Исходя из этих общих положений, В. О. Ключевский считал, например, что литературная полемика между иосифлянами и нестяжателями отражала борьбу между боярами и отшельниками (монахами): «Отшельники выступали соперниками боярства на поприще, где оно надеялось властвовать безраздельно, в привилегированном землевладении, и успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими крестьянскими руками . . . Способные наблюдать и размышлять из бояр с прискорбием видели . . . как крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебежали на более льготную землю богатого монастыря. Поэтому монастырское землевладение подвергается наиболее страстным нападениям».⁵ В сочинениях Пересветова В. О. Ключевский видел «резкий политический памфлет, направленный против бояр в пользу „воинов“, т. е. рядового военно-служилого дворянства, к которому принадлежал сам чеболицыч»;⁶ характеризуя идеологию посланий Ивана Грозного, он говорил, что «по мысли царя Ивана дворянство должно было сменить боярство, как правящий класс, в виде опричнины».⁷

Сходные мысли встречаются и у наиболее выдающихся представителей русской филологии того времени. Хорошо известно, например, замечание А. А. Шахматова о летописце: «. . .рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него . . . — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».⁸

Само собой разумеется, что воззрения такого рода никак не могут быть отождествлены с марксистскими взглядами на общественную идеологию. Зависимость писателей от «мирских интересов» воспринималась в русской

³ Отчет о двенадцатом присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1869. СПб., 1870, стр. 88.

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 35.

⁵ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пб., 1919, стр. 272—273.

⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 182.

⁷ Там же, стр. 183.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

филологической и исторической науке конца XIX—начала XX в. как спорадическое и более или менее случайное явление; смысл самих этих «политических страстей и мирских интересов» не был и не мог быть раскрыт в домарксистской науке. Борьба «направлений», о которой обычно писали исследователи, это не столько классовая борьба, сколько борьба внутри господствующего класса (бояре и дворяне, бояре и монахи), борьба между «новгородским» и «московским» устройством и т. д. Представление о классовой борьбе как о неизбежном и постоянном явлении в жизни классового общества, о связи между экономическим базисом и такими надстроечными явлениями, как литература, было чуждо домарксистскому литературоведению.

Характерно, однако, что в буржуазной науке XX в. после появления марксистских исторических и филологических исследований наблюдается резкая оппозиция даже тем представлениям о зависимости литературы от «мирских интересов», которыенисколько не смущали В. О. Ключевского или А. А. Шахматова. Мысль о тенденциозности древнерусских писателей воспринимается теперь как мысль оскорбительная и унижающая людей того времени, приписывающая им эгоизм и своекорыстие. Говоря, например, о Иосифе Волоцком, современные западные исследователи решительно отрицают существование у него каких-либо «политических интересов», с негодованием отвергая «эгоистическое или партийно-утилитарное лжетолкование» его взглядов.⁹ Перед нами, как мы видим, прямое возвращение к точке зрения К. И. Невоструева, согласно которой «преподобный» вообще не мог иметь «никаких политических взглядов».

В наиболее развернутой форме возражения против марксистского представления о классовом характере древнерусской литературы были высказаны в статье Д. Чижевского «Социальный вопрос в древнеславянских литературах». В этой статье, написанной в резко полемическом тоне, Д. Чижевский пытается доказать, что марксистский «социологический» метод (принесший, как он готов признать, известную пользу советской историографии) оказался совершенно бесполезным при исследовании памятников древнерусской литературы. Доказательством этого, по мнению автора, может служить уже тот факт, что марксистские исследователи, писавшие о социальном характере «Моления Даниила Заточника», «пришли однако... к пяти различным ответам!».¹⁰ Заметим прежде всего, что изумление и ирония, высказанные по этому поводу Д. Чижевским (и подчеркнутые в его статье язвительным многоточием и восклицательным знаком), нам не совсем понятны. Полагает ли автор, что марксисты при решении любых, даже весьма сложных по материалу вопросов обязаны проявлять «единомыслие» щедринских градоначальников? Неужели отсутствие такого «единомыслия» в глазах Д. Чижевского является признаком слабости марксизма? Неужели представители иных научных школ, к которым Д. Чижевский относится более снисходительно, чем к марксистам, во всех частных случаях солидарны между собой? Все это очень странно.¹¹

⁹ Ср.: Т. Špidlik. Joseph de Volokolamsk. Une chapitре de la spiritualité russe. Roma, 1956, стр. 137—141; I. Holzwarth. Der «Prosvetitel» des Josif von Volokolamsk, I. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades... 1944 (машинопись из Берлинской университетской библиотеки), стр. 252—253.

¹⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Slavistic Printings and Reprintings ed. by C. H. v. Schooneveld. Leiden University, X. S-Gravenhage, 1956, стр. 30.

¹¹ Необходимо указать, что и в изложении конкретных взглядов советских исследователей Д. Чижевский крайне тенденциозен и неточен. Желая во что бы то ни стало противопоставить друг другу взгляды своих оппонентов, Д. Чижевский смешивает вопрос о социальной среде, из которой вышел Даниил Заточник (именно об этом пи-

Конкретные возражения, высказанные Д. Чижевским против марксистских исследований о древнерусской литературе, сводятся к двум пунктам: он возражает против предположения своих противников, «что к идеям давно прошедших времен можно подходить с категориями сегодняшнего мышления», и против их представления, будто «идеология непосредственно (unmittelbar) зависит от классовых интересов».¹²

Второе из этих возражений едва ли можно считать серьезным: странно, каким образом исследователь, если он хотел рассмотреть взгляды марксистов добросовестно, мог приписать им столь чуждое историческому материализму представление. В самом деле, в каких марксистских работах Д. Чижевский нашел указание на непосредственную зависимость идеологии от классовых интересов? Если бы Д. Чижевский дал себе труд ознакомиться хотя бы с достаточно известной монографией Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», то он встретился бы там со специальным опровержением (как всегда у Плеханова, очень резким и острым) подобной вулгаризации исторического материализма. Г. В. Плеханов высмеивал тех людей, которые думают, что, если марксисты считают, например, Канта буржуазным идеологом, то этим они хотят сказать, что его философские теории имели целью доставить немецкой буржуазии «как можно больше вкусных блюд и „прекрасных невольниц“». «Нужно ли уверять, что все это совершеннейшие пустяки?!» — писал по этому поводу Плеханов. «Когда Маркс говорит, что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей ... Процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом. Они рассматривают эту надстройку не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего и вполне самоотверженного отношения к тем взглядам и тем формам общечеловечности, которые исторически возникли на почве более или менее узких классовых интересов».¹³ Для уяснения аутентичного марксистского взгляда на этот вопрос Д. Чижевский мог бы обратиться и к Ф. Энгельсу, писавшему, что если бы политика, философия, литература и другие виды идеологии прямо и исключительно определялись экономикой, то применить марксистскую теорию «к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени».¹⁴

Более внимательного рассмотрения заслуживает первое возражение Чижевского — о невозможности подходить к идеологии давно прошедших времен «с категориями сегодняшнего мышления». Это — весьма популярная в западной историографии идея: допуская существование классовой борьбы и вообще «мирских интересов» в наше прозаическое время, многие авторы считают применение этих понятий к средневековью недопустимой «модернизацией». В книге о русском монашестве западногерманский исследователь И. Смолич заявляет, например, что «историки и особенно

сал Н. К. Гудзий), с вопросом о его классовых позициях, приписывает Б. А. Романову взгляд на «заточников» как на особую социальную категорию и т. д.

¹² D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 32—33.

¹³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VII. М.—Пг., 1923, стр. 205—206.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 244—245; ср. т. XXIX, стр. 283—284.

историки церкви зачастую схематизируют образ мыслей и поступки людей в определенные эпохи; последующие поколения часто вообще не принимают идейного достоинства прошедших времен, так как они не могут перенести себя в тогдашнюю ситуацию и религиозное состояние». Говоря о мировоззрении людей Древней Руси, И. Смолич утверждает, что «их образ мысли и рассуждения весьма сильно отличались от нынешнего умозрения (Spekulation)».¹⁵

В такой чисто отрицательной и «агностической» форме мнение И. Смолича и других противников «модернизации» обладает известной логической силой. «Чужая душа — потемки», а с людьми XI—XVII вв. нам не приходилось встречаться, мы не можем сказать с точностью, как именно они думали. Любая попытка восстановить ход рассуждения людей давно прошедших времен (скажем, попытка В. О. Ключевского объяснить мотивы, побуждавшие бояр выступать против монастырского землевладения) гипотетична: мы представляем себе их мышление по аналогии с нашим собственным.

Но ведь и противники «модернизации» живут в XX в. и они не имели возможности соприкоснуться с людьми XI—XVII вв. А между тем они не остаются на позициях чистого агностицизма, они тоже пытаются установить, как именно думали люди Древней Руси. Непосредственно за приведенными словами о «последующих поколениях», не понимающих духовного достоинства прошлого, И. Смолич излагает собственное мнение об образе мысли древнерусских людей: «Люди тогда были по большей части как верующие дети, но со страданиями взрослых людей».¹⁶

Как ни трогательна эта картина, ее трудно признать особенно убедительной. Памятники Древней Руси, столь же доступные нам, как и Смоличу, не обнаруживают никакого специфического инфантилизма людей того времени. Среди них были люди доверчивые и циничные, самоотверженные и бессовестные, глупые и мудрые — те же весьма разнообразные типы человеческих индивидуальностей, которые мы встречаем в наше время. Само собой разумеется, что прямое перенесение понятий, характерных для нашего времени, в древность было бы недопустимой модернизацией. И кстати сказать, противники марксизма грешат подобной модернизацией очень часто. В ходе дискуссии о древнерусской культуре, проведенной недавно американским журналом «Slavic Review», подымался, например, вопрос о «экзистенциализме» в Древней Руси,¹⁷ и даже Д. Чижевский, решительно возражающий против применения «категорий сегодняшнего мышления» к прошедшим временам, усматривает явления «конвергенции» между творчеством Маяковского и Кальдерона, Есенина и славянских поэтов XVI—XVII вв.¹⁸ Конечно, Древняя Русь не знала «экзистенциализма», возникшего в связи со специфическими литературными явлениями XX в., как не знала она, скажем, импрессионизма и экспрессионизма, как не знала она явлений современной науки и техники. Бесплодно переносить в Древнюю Русь и политические явления более позднего времени, например говорить о «кадетах» или «меньшевиках» Древней Руси. Но явления, свойственные любому классовому обществу, не были и не могли быть чуждыми русскому обществу XI—XVII вв. Богатые и «сильные» люди «обижали», «грабили» и «истязали» «убогих»,

¹⁵ I. Smolitsch. Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988—1917 (Das östliche Christentum, Neue Folge, Heft 10/11). Würzburg, 1953, стр. 119—120.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ G. Florovsky. The problem of Old Russian culture. — Slavic Review. March, 1962, стр. 10 (отдельный оттиск).

¹⁸ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 308—318 и 319—326.

налагали на них «лесть на лесть и лихву на лихву», отнимали «коровку их и лошадку» — иначе говоря, эксплуатировали их; «убогие» нередко učinяли богатым «пакости», а иногда даже убивали своих «государей» — вели, следовательно, классовую борьбу. Люди XI—XVII вв. не знали и не употребляли понятий, созданных социологической наукой нового времени, но действовали они в полном соответствии с этой наукой — как нормальные и взрослые люди, а не как «верующие дети».

Говоря это, мы вовсе не хотим преуменьшить роль христианской идеологии в древнерусском обществе. В средневековом обществе, по известному выражению Ф. Энгельса, «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»,¹⁹ на языке богословия воспитывались писатели и публицисты, этим языком они вели споры по всем насущным вопросам жизни. Но именно эта всеобъемлющая роль христианства в умственной жизни средних веков приводила к тому, что библейские авторитеты использовались для обоснования самых различных, иногда диаметрально противоположных воззрений.

Противопоставляя свои взгляды на древнерусскую публицистику взглядам советских исследователей, Д. Чижевский утверждает, что в применении к Древней Руси правильнее говорить не о «социальных вопросах», а о проблеме «бедности и богатства», об идее равенства людей перед богом (в памятниках XV—XVII вв.). «Заповеди господни — сострадание — сатира — общественные нужды — наконец, ненависть — таковы были ступени, по которым проходили „социальные мотивы“ в древнеславянских литературах», — пишет он.²⁰ Заметим, однако, что библейские заповеди (включая идею равенства людей перед богом) воспринимались различными писателями Древней Руси по-разному, и эмоции сострадания и ненависти возникали у одних писателей совсем не в таких же случаях, как у других. Хлоп Феодосий Косой, например, понимал идею библейского равенства в том смысле, что «все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы», а Иван Грозный выводил из нее только необходимость одинакового режима для монахов одного монастыря, не соглашаясь даже своего любимого слугу «страдника» Василия Грозного приравнять к князю Семену Пункову или Михаилу Глинскому.²¹ Боярин Василий-Вассиан Патрикеев в ярких красках описывал разорение монастырских поселен, а игумен монастыря Иосиф Волоцкий замечал почему-то только «глад и наготу» «рабов и сирот» светского вельможи.²² Иосиф Волоцкий и Иван Пересветов одинаково обращались к апокрифическому рассказу о пакостях, учиненных дьяволом изгнанному из рая Адаму, но Иосиф Волоцкий утверждал, что от дьявола исходит «праздность», а от бога — «труд», между тем как Пересветов считал дьявола родоначальником всякой «записи в работу» и «порабощения». ²³ Каждый из этих идеологов несомненно считал, что его взгляды естественны, разумны и вытекают из библейских законов и требований справедливости, не замечая того, что конкретное понимание этих законов и справедливости в каждом случае соответствовало вполне реальным интересам определенных классов русского общества.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 33, 42, 44.

²¹ Послание многословное. Сочинение инока Зиновия. М., 1880, стр. 143; Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 179—180 и 193—194.

²² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 258; Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 152—154.

²³ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 312—313; Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 181.

II

Для правильного понимания марксистского учения о классовом характере всякой общественной идеологии важнейшее значение имеют замечания К. Маркса в работе «18 брюмера Луи Бонапарта». Говоря о «социально-демократической партии» 1848 г., или «красных республиканцах» (партии Ледрю-Роллена), К. Маркс характеризовал их как представителей мелкой буржуазии и разъяснял: «Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные условия* ее освобождения суть в то же время те *общие условия*, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таков²⁴ и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют». И так, классовое лицо идеолога определяется не тем, что он сам принадлежит или считает себя принадлежащим к данному классу, а тем, что он теоретически приходит к тем же задачам и решениям, к которым данный класс должен прийти в силу материальных условий и общественного положения.

Мысль Маркса о соотношении между «политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют», получила дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина. Среди этих работ наибольшее значение для литературоведения вообще и для исследования древнерусской литературы в частности имеют работы В. И. Ленина о Льве Толстом — его статья 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и группа статей, появившихся после смерти Толстого.²⁵ Оценивая историческое значение творчества Льва Толстого, В. И. Ленин писал, что в «произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-„надельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению».²⁶ Так же как и Маркс в «18 брюмера...», В. И. Ленин исходил здесь отнюдь не из классового происхождения писателя: он отмечал, что «по рождению

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 17 и 20. Об истории написания этих работ см.: Б. Мейлах. Статьи Ленина о Льве Толстом. — В кн.: Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX века. Л., 1956, стр. 309 и сл.

²⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20—21.

и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России». ²⁷ Дело было здесь не в степени популярности учения Толстого в крестьянстве: толстовство могло быть популярно среди отдельных крестьян, но оно никогда не было массовой программой, за которую выступало русское крестьянство. Социальный характер творчества Толстого определяется именно тем, что он теоретически пришел к тем взглядам, на которые толкали крестьянство материальные условия его жизни. «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». ²⁸

В этом же плане чрезвычайно важно замечание В. И. Ленина о том, что письмо Белинского к Гоголю отражает «настроение крепостных крестьян против крепостного права». ²⁹ И здесь, как мы видим, В. И. Ленин исходит прежде всего из объективного смысла идеологии писателя.

Понимание литературного творчества, данное в трудах К. Маркса и В. И. Ленина, не сразу было воспринято литературоведами — даже теми, которые стояли на точке зрения классовой борьбы и считали себя сторонниками «социологического метода». Многие из них воспринимали идеи исторического материализма почти так же упрощенно, как это делают критики марксизма, смешивая объективный социальный смысл идеологии писателя с его субъективной «классовой психо-физиологией». Очень характерны в этом отношении воззрения одного из представителей «вульгарно-социологического метода» в литературоведении начала XX в. — В. А. Келтуялы. Классовую психологию писателя (как и всякого человека) В. А. Келтуяла считал твердо, почти фатально predetermined «общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым досугом» и даже «индивидуализированным общественно-классовым сном». ³⁰ «Последовательная переработка психо-физиологии каждого человека под воздействием общественно-классового труда», по мнению В. А. Келтуялы, закрепляется и передается потомству двумя путями: а) «путем бессознательного или иногда и сознательного воспитания родителей детей, внуков и т. д.»; б) «через независящее от воли людей кровное унаследование вырабатывающихся из поколения в поколение общественно-классовых психо-физиологических свойств, способностей, черт и навыков (общественно-классовая психо-физиологическая наследственность)». ³¹ Если классовая «психо-физиология» настолько прочно прикреплена к человеку, что даже передается через «кровное унаследование», то ясно, что социальное происхождение человека, его, так сказать, «анкетные данные» имеют решающее значение для определения его классовой идеологии. Естественно, что Пушкин оказывался у «вульгарных социологов» стопроцентно «дворянским идеологом» (споры велись только о том, был ли он «реакционным» или «либеральным» дворянином), такую же характеристику получали поэты-декабристы и т. д. Необыкновенно суживалась и роль литературных произведений: созданные в рамках одной «классовой психоидеологии», они, по представлению «вульгарных социологов», остаются чуждыми для представителей иных классов, например произведение, воплощающее «типичные черты феодально-дворянской пси-

²⁷ Там же, стр. 39—40.

²⁸ Там же, т. 17, стр. 210.

²⁹ Там же, т. 19, стр. 169.

³⁰ В. А. Келтуяла. Историко-материалистическое изучение литературного произведения. Л., 1926, стр. 10—16.

³¹ Там же, стр. 10—11.

хологии», вызывает у буржуазного читателя «сильные переживания, проинкнутые антифеодалным духом», а у крестьян — «ряд болезненно-жгучих переживаний антифеодалного характера».³²

Приведенные взгляды В. А. Келтуялы представляют для нас особый интерес благодаря тому, что этот автор был одним из немногих «вульгарных социологов», специально занимавшихся древней русской литературой. Попытку пересмотреть историю древней русской литературы с социологических позиций В. А. Келтуяла предпринял еще до революции, в 1908—1913 гг. В своем «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуяла решительно и во многом справедливо выступал против весьма распространенного в дореволюционной науке взгляда, согласно которому «культурным и идейно литературным творцом» древнерусской литературы было «некоторое коллективное целое, называемое „народом“, представляемое однородным по своему составу и окрашиваемое в демократические и в то же время простонародные цвета, заимствованные по преимуществу из крестьянской среды».³³ В противовес этому «народническому» представлению В. А. Келтуяла, отмечая резкую классовую дифференциацию русского народа уже в период образования Древнерусского государства, утверждал, что «подлинным творцом древнерусской национальной культуры, древнерусской литературы и древнерусского мировоззрения был не „народ“, представленный в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его правящий класс».³⁴ Народная масса усвоила «обломки аристократической культуры» Древней Руси лишь задним числом (не ранее XVII в.), когда профессиональные певцы-поэты (скоморохи) были изгнаны на север и когда после реформы Никона мировоззрение, созданное «правительственной боярской партией, иосифлянами», было объявлено «противоправительственным» и попало в «простонародную среду», породив раскол.³⁵

Весьма типичной для общей концепции В. А. Келтуялы была, в частности, характеристика, данная им двум направлениям в литературе и публицистике конца XV и XVI в. — «нестяжательству» и «иосифлянству». Характеристика эта была построена на основе излюбленной «вульгарными социологами» «психологической» теории, согласно которой эмоциональное состояние автора выводилось прежде всего из исторических судеб его класса («молодого», «подымающегося» или «уходящего», «упадочного»). Нестяжательское направление, по мнению В. А. Келтуялы, развивалось в среде выходцев из высшего боярства. Возвышение Москвы приводило к разорению и падению этой общественной группы, в боярских семьях воцаряется «отчаянье, или, по крайней мере, угнетенное состояние духа», встает вопрос: «За что?», бояре принуждены уйти из привычной среды и местности, они становятся отшельниками. И вот под влиянием катастроф, обрушившихся на боярство, складывается нестяжательство, основными чертами которого являются: 1) строгая дисциплина духа как «результат тяжелых катастроф», 2) критическое отношение к «божественному писанию» как «результат перенесения в область религии привычки критически относиться к предложениям князя», 3) сочувствие удельно-феодалному строю и независимое, «полное достоинства отношение к мос-

³² Там же, стр. 44—45.

³³ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1. Пособие для самообразования. История древней русской литературы, кн. 2. СПб., 1911, стр. III (это предисловие было потом переиздано во втором издании «Курса»: ч. 1, кн. 1. СПб., 1913, стр. III).

³⁴ Там же, стр. IX—XI.

³⁵ Там же.

ковским князьям», 4) сочувствие к крестьянам и вообще «ко всем бедствующим» — «лица, испытавшие тяжкие удары судьбы, понимают горе чужих людей», 5) «колонизационный и организаторский талант» как результат «многовекового боярского опыта», 6) склонность к «отшельничеству» и «общежительному монашеству».³⁶ Полной противоположностью этому направлению является иосифлянское «внешнеаскетическое направление», свойственное монахам, происходившим из дворян. Для них характерны: «склонность к строгой внешней организации монастырской жизни» и благоговейное отношение к власти князя как результат «полной зависимости» дворян от князя и привычки к дисциплине, связанное с этим же полное признание авторитета «божественного писания», «дух нетерпимости и суровости», вызванный воспитанным в дворянах «подозрительным и недоверчивым отношением к людям», хозяйственность и «стяжательность», приобретенная дворянами на княжеской службе, и т. д.³⁷

Во многом сходны со взглядами В. А. Келтуялы воззрения другого представителя «вульгарной социологии», уделявшего внимание древнерусской литературе, — П. Н. Сакулина. Указывая на необходимость «выровнять наш методологический фронт» и построить всю русскую литературу на единых социологических принципах, П. Н. Сакулин относил древнерусскую литературу к той «культурной эпохе», когда «классом-гегемоном» был «высший образованный класс (князья, бояре, высшее духовенство)».³⁸ Классовый характер древнерусской литературы и для П. Н. Сакулина определялся прежде всего классовым происхождением древнерусских писателей — выходцев из среды «духовенства, монашества, княжеской знати, боярства и дружины»; «с помощью литературного творчества разные классовые группы выражали свою психологию и идеологию с теми оттенками, какие были подсказаны их принадлежностью к определенному периоду и к определенной области».³⁹ При конкретном рассмотрении литературных памятников П. Н. Сакулин почти забывал об этих принципах; древнерусская литература рассматривалась им прежде всего как литература «византийской культуры», основные «стили» этой литературы — «церковный и светский». В. А. Келтуяла оказывался в этом отношении гораздо более последовательным «социологом», чем П. Н. Сакулин.

Упрощенная «классовая интерпретация» явлений литературы (в частности древней русской литературы), содержащаяся в трудах «вульгарных социологов», была отвергнута советской наукой уже в 30-х годах. В 1934 г. в работе «Ленин и литературоведение» А. В. Луначарский подчеркнул важнейшее различие между подлинно марксистским и примитивно «социологическим» подходом к явлениям литературы. Ленинская теория отражения, писал А. В. Луначарский, «учитывает не столько генетическую принадлежность писателя, сколько отражение этим последним социальных сдвигов, не столько субъективную прикреплённость писателя и связанность его с определенной социальной средой, сколько объективную характерность его для тех или иных исторических ситуаций».⁴⁰

Писатель в антагонистическом классовом обществе обладает определенной классовой идеологией, но чем значительнее писатель, тем более узкими

³⁶ Там же, стр. 368—370.

³⁷ Там же, стр. 393—394.

³⁸ П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей, ч. 1. — Литературная старина. М., 1928, стр. 7 и 14.

³⁹ Там же, стр. 176.

⁴⁰ А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 41; ср.: М. Л и Фшиц. Вопросы искусства и философии. М., 1935, стр. 301—312.

оказываются для него рамки идеологии господствующего класса. Крупное литературное произведение уже при своем возникновении сложно по социальному характеру, а в дальнейшем оно воспринимается не только тем классом, в недрах которого оно возникло, но и самыми различными классами разных общественных формаций. Именно это обстоятельство имел в виду К. Маркс, говоря, что трудность исследования художественных произведений «заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосыгаемым образцом».⁴¹

Вопрос о классовом характере литературы не всегда удачно решался литературоведами и после преодоления «вульгарного социологизма»; по справедливому замечанию одного из критиков, преодоление «социологизма» в подходе к литературе оказалось более легким делом, чем преодоление вульгарности.⁴² На смену абстрактным «социальным характеристикам» в литературоведческих работах (особенно в 40-х и начале 50-х годов) нередко появлялись не менее абстрактные декларации о «народности» самых разнообразных литературных произведений.⁴³ Но в целом советскому литературоведению свойственно именно понимание сложности социальной характеристики больших литературных явлений.

Это понимание в полной мере свойственно и исследованиям по древней русской литературе. Несомненно, что памятники письменной литературы Древней Руси в огромном большинстве были связаны с господствующим (с XI—XII вв. — феодальным) классом, но было бы неверно думать, что идеология широких народных масс не получала отражения в этих памятниках. В своем исследовании «Возникновение русской литературы» Д. С. Лихачев показал ряд путей воздействия трудовых масс на литературу XI—XIII вв.: под влиянием классовой борьбы идеология господствующего класса изменялась и усложнялась («смердолюбие» Владимира Мономаха и некоторых его современников); в литературу проникали материалы устного народного творчества, а иногда вместе с ними и идеи, чуждые господствующему классу; в ходе внутриклассовой борьбы отдельные группы господствующего класса выступали в качестве «защитников» бедных и угнетенных.⁴⁴

Чем же определяется основная социальная характеристика литературы XI—XIII вв., что именно позволяет связывать эту литературу с классом феодалов? Решающее значение в каждом случае, очевидно, имеет совпадение между теоретическими воззрениями «литературных представителей» класса и реальными классовыми интересами. Популярное в литературе XI—XIII вв. идеи княжеской «милости» («патроната») и «братства» князей (в житиях Бориса и Глеба) были, как убедительно показал Д. С. Лихачев, теснейшим образом связаны с системой феодального вас-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 737.

⁴² З. Паперный. Симуляция исследования. — Вопросы литературы, 1962, № 10, стр. 119.

⁴³ Одним из наиболее ярких образчиков подобных деклараций следует считать статью И. П. Лапицкого «К вопросу о народности в древнерусской литературе» (Вестник ЛГУ, 1955, № 3, серия общественных наук, вып. 1). Усвоив популярное в литературоведении предшествующих лет широкое толкование понятия «народности», И. П. Лапицкий усматривал, например, «народность» в «удивительно пронизательном» заявлении Ивана Грозного английской королеве Елизавете, что Англией управляют «не токмо люди, но мужики торговые» (стр. 71).

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М—Л. 1952, стр. 209—211; ср.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 130—143.

салитета и взаимных обязательств между сюзереном и вассалами.⁴⁵ Д. С. Лихачев ни в какой мере не вульгаризирует здесь литературу XI—XIII вв., не приписывает ей сознательного стремления использовать христианскую проповедь для осуществления классовых интересов, он специально оговаривается, что «в какой-то мере феодалы субъективно были уверены в своих идеях, считали свои идеи интересами всего народа». Речь идет именно об объективном смысле этих идей, о том, что «общехристианские идеи — „милосердия“, „любви к ближнему“, „нищелюбия“ — в условиях раннего феодализма и феодальной раздробленности были приближены к реальным потребностям феодалов».⁴⁶

Новая постановка вопроса о классовом характере древнерусской литературы в современном советском литературоведении была вызвана не только более глубоким пониманием основ исторического материализма. Если для марксистской науки в период ее становления было характерно прежде всего теоретическое переосмысление материала, собранного старыми филологами, то современная советская наука заново исследует с материалистических позиций самые памятники. Следствием этого является пересмотр целого ряда общих характеристик, созданных еще в старом литературоведении и лишь переведенных на «классовый» язык социологами начала XX в.

Так обстоит дело, например, с характеристикой «нестяжателей» и «иосифлян». Вопреки традиционной концепции старой историографии, изложенной В. А. Келтуялой в «социологической» форме, «иосифляне» вовсе не были дворянами, воспитанными на княжеской службе, а «нестяжатели» — противниками великокняжеской власти. Волоколамский игумен Иосиф в течение многих лет (до начала XVI в.) боролся с «царем-мучителем» Иваном III, а глава «нестяжателей» Вассиан Патрикеев стремился провести реформу монастырского землевладения с помощью своего покровителя — великого князя Василия III.

Говоря о социальном характере обоих направлений, советские исследователи разграничивают субъективные воззрения идеологов, интересы социальной среды, с которой они были непосредственно связаны, и объективный социальный смысл их литературных выступлений. Субъективно Иосиф Волоцкий и Вассиан Патрикеев считали себя прежде всего христианами, проповедующими идеи «божественных писаний», хотя понимали они эти идеи, как мы уже отмечали, различным образом. Связанный ближайшим образом со средой крупного черного духовенства, Иосиф Волоцкий в первую очередь защищал интересы этой прослойки класса феодалов, однако проповедь его имела и более широкое значение: в конце XV в., когда Иосиф призывал бороться со «злочестивыми царями», его слова отражали стремления сторонников гибнущего удельного строя; когда же волоколамский игумен, порвав с местными князьями, начал отстаивать «божественность» великокняжеской власти, он стал в глазах современников представителем иной социальной группы — «дворян великого князя». Для Вассиана Патрикеева, насильственно постриженного в монахи, наиболее близкой социальной средой было московское боярство, но против великокняжеской власти он никогда не выступал. Оппозиционное боярство в лице Курбского подхватило идеи Вассиана уже задним числом — в середине XVI в. Если же рассматривать воззрения Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева в наиболее широком плане, то следует видеть в них

⁴⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 79—80.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

прежде всего идеологов господствующего класса феодалов; в отличие от еретиков Иосиф и Вассиан никогда не покушались на основные устои феодально-религиозной идеологии.⁴⁷

Внимательное исследование литературных памятников обнаруживает сложность идеологии даже таких публицистов, социальные воззрения которых могут показаться на первый взгляд совершенно ясными и однозначными. Писатель-дворянин XVI в. Иван Пересветов, в отличие от своих духовных братьев, меньше всего был склонен к абстрактно-богословским умствованиям, он настойчиво защищал интересы «воинников», резко порицая «вельмож» — «ленивых богатых». Исследователь творчества Пересветова А. А. Зимин, признавая дворянский характер идеологии этого публициста, справедливо указывает, однако, что Пересветову вместе с тем были свойственны и некоторые воззрения, «выходящие за рамки дворянской ограниченности», — протест против кабальной и холопией зависимости, протест против «всякого порабощения», черты свободомыслия и т. д.⁴⁸

Конкретное исследование литературных памятников приводит исследователей к пониманию сложности идеологии как при ее зарождении, так и при последующем развитии. Но такое исследование вновь и вновь на разнообразнейшем материале подтверждает теснейшую зависимость развития литературы от истории классовой борьбы. Подтверждается эта зависимость и на материале средневековой русской литературы.

III

Примеры убедительных социальных характеристик памятников древнерусской литературы в исследованиях последних лет можно было бы еще значительно умножить. Нам представляется, однако, более плодотворным обращение к иным примерам. Рискуя вызвать новые замечания Д. Чижевского по поводу отсутствия «единомыслия» у советских исследователей, мы хотим остановиться на тех характеристиках, которые представляются нам спорными и недостаточно убедительными. Речь идет о попытках ряда весьма серьезных советских исследователей найти среди различных писателей XVI в. идеологов основного трудящегося класса феодального общества — крестьянства.

Первая попытка такого рода принадлежала И. И. Смирнову — крупнейшему исследователю истории классовой борьбы и крестьянских движений XVI—XVII вв. Справедливо возражая против огульного разделения идеологов XVI в. на дворян-иосифлян и бояр-нестяжателей, И. И. Смирнов привел в качестве примера памятника, не укладывающегося в «столь бедную и элементарную схему», известный публицистический памятник XVI в. — «Беседу Валаамских чудотворцев». Автор «Беседы» — противник землевладения монастырей, но из этого вовсе не следует, как справедливо отметил И. И. Смирнов, чтобы он был боярином-нестяжателем вроде А. М. Курбского. Связь памятника с русским севером, частые упоминания его о «мире» (термин, которым, между прочим, именовалась на севере «черная» крестьянская волость) — все это побудило И. И. Смирнова прийти к выводу, что «Беседа» — «памятник публицистики, вышедший

⁴⁷ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960; ср.: J. S. Luria. Das Problem der ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des 14 und in der ersten Hälfte des 16. Jh. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. V, Heft 3, Berlin, 1960.

⁴⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 388—392 и 455.

из среды черного волостного населения русского Севера», где крестьяне больше всего страдали от феодального землевладения монастырей. «Беседа», по мнению И. И. Смирнова, «первый в древнерусской публицистике литературный памятник, выражающий интересы северного крестьянства».⁴⁹

Вывод этот вызывает серьезные сомнения. Говоря о крестьянском характере «Беседы», И. И. Смирнов специально отмечает, что он имеет в виду не установление «личности автора этого анонимного произведения», а выяснение «тех социальных кругов, из среды которых вышла „Беседа“». Речь идет, следовательно, не о том, кто был автор «Беседы» и из каких областей он происходил, а о его социальном лице. Но отражает ли «Беседа Валаамских чудотворцев» идеологию крестьянства как класса? И. И. Смирнов отмечает, что автор «Беседы» выступал сторонником феодальных «властей» — «царей», правящих «с князи и бояры и с прочими с миряны», и что при этом он спорил с противниками «властей». По вполне вероятному предположению И. И. Смирнова, взгляды, с которыми спорил автор «Беседы», — это учение Феодосия Косого, холопа-еретика, наиболее радикального русского мыслителя XVI в.⁵⁰ Но тогда становится странной мысль о крестьянской идеологии «Беседы». Конечно, не всякий крестьянин XVI в. разделял радикальные воззрения Феодосия Косого; но значит ли это, что борьба с этими воззрениями и защита идеи «властей» отражала классовые интересы крестьянства XVI в., пусть даже черного крестьянства русского Севера? Была ли враждебность к монастырскому землевладению специфической чертой идеологии северного крестьянства? Отражала ли такая враждебность его основные социальные стремления?

Оценка «Беседы Валаамских чудотворцев», данная И. И. Смирновым, вызвала возражения среди ряда авторов. Весьма убедительно возражал И. И. Смирнову, например, И. У. Будовниц, указавший, что при построении И. И. Смирнова остается непонятным, почему в «Беседе» «цари должны так крепко советоваться „с бояры и с ближними приятели“ и почему только там в мире может быть царю милость, где власть находится в руках царских воевод? Неужели в Новгородской области и на Севере царские воеводы зарекомендовали себя такими яркими защитниками земских интересов? Некоторые выданные северным уездам уставные грамоты в мотивировочной части говорят об обратном».⁵¹

Отвергнув характеристику «Валаамской беседы» как памятника идеологии крестьянства, И. У. Будовниц со своей стороны назвал двух крестьянских идеологов среди писателей XV—XVI вв. — Нила Сорского и Ермолая-Еразма. Возражая авторам, считавшим Нила Сорского (как провозвестника нестяжательства) идеологом боярства,⁵² И. У. Будовниц пи-

⁴⁹ И. И. Смирнов. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века — Исторические записки, т. 15. М.—Л., 1945, стр. 257—258.

⁵⁰ Там же, стр. 251.

⁵¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 250—251.

⁵² Вопрос о социальной принадлежности Нила Сорского занимал уже В. А. Келтуялу. Отвергая буквальное понимание самохарактеристики Нила как «поселянина», В. А. Келтуяла дал чрезвычайно любопытное и характерное для него «доказательство» боярского происхождения Нила. Он проводил параллель между Нилом и «великим старцем» нового времени — Л. Н. Толстым; оба они знатоки религиозно-нравственной литературы, оба, по мнению В. А. Келтуялы, скептически относились к чудесам, оба сторонники внутреннего самосовершенствования, знатоки человеческой души, противники крупного землевладения; Нил предлагал инокам-аристократам жить собственным трудом, Толстой то же предлагал дворянам; оба скрывали свое аристократическое происхождение и просили похоронить себя без почестей. «Это сходство, — по мнению В. А. Келтуялы, — является новым косвенным доказательством, что Нил — такой же боярин, как Лев Толстой» (В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы,

сал: «Уход из мира, отречение от борьбы, непротивление осознанному злу — это обычно идеология пассивного, не сознающего своей силы, политически инертного класса. В этом отношении проповедь Нила Сорского, который сам себя называл „поселянином“, отражала скорее умонастроение патриархального крестьянства. Последнее испытывало на себе в то время сильный нажим, но не сумело еще противопоставить этому нажиму организованный классовый отпор».⁵³ Еще определеннее И. У. Будовниц в оценке классового лица Ермолая-Еразма. Это, по мнению исследователя, «ярый выразитель интересов крестьянства... Он силен в своих обличениях сильных и гордых, он внушает большие симпатии читателю теплым чувством сострадания к тяжелому положению ратаев (крестьян)».⁵⁴

Характеристика Ермолая-Еразма как представителя крестьянства, данная И. У. Будовницем и высказывавшаяся до него Р. Виппером и В. Ржигой, вызвала возражения Т. А. Колесниковой и некоторых других авторов.⁵⁵ Но она встретила и поддержку. Выразителем мировоззрения крестьянства, и именно патриархального крестьянства, считает Ермолая-Еразма А. И. Клибанов, специально исследовавший «Повесть о Петре и Февронии» (которую он считает произведением Ермолая) как памятник общественной мысли. По мнению А. И. Клибанова, повесть эта «отображала состояние пробуждавшегося классового сознания крестьянства» и была «не выше и не ниже уровня общественного сознания основной массы патриархального крестьянства в середине XVI в.». Упрекая Ермолая-Еразма за то, что «он — писатель, мыслитель, публицист, — в своем мировоззрении оказался не выше и не ниже хотя и незаурядной, но все же простой рязанской крестьянки»,⁵⁶ А. И. Клибанов в заключительной части своей работы прямо сопоставил его в связи с этим со Львом Толстым: «Пробуждавшееся к активной борьбе крестьянство мучительно, очень медленно, преодолевало патриархальные предрассудки. Оно далеко не освободилось от этих предрассудков и в конце XIX века, когда Лев Толстой в своем творчестве отразил противоречия крестьянского движения, подобно тому, как в середине XVI века их отразил в своем сочинении Ермолай-Еразм».⁵⁷

Более осторожную позицию занимает в этом вопросе А. А. Зимин. Критикуя попытки Т. А. Колесниковой слишком прямо и непосредственно связать программу Ермолая с классовыми интересами дворянства, А. А. Зимин полагает, что «вопрос о классовых позициях, с которыми выступал в своих сочинениях Ермолай-Еразм, еще нуждается в специальном исследовании».⁵⁸ Разбирая далее этот вопрос, А. А. Зимин указывает, что «цель, которую ставил Ермолай-Еразм в своем проекте реформ, — умаление „мятежей“ — соответствовала интересам феодалов. Однако средства,

ч. 1. кн. 2, стр. 387—388, прим.). Заметим, кстати, что если идеология Нила может вызывать споры, то происхождение его установлено: будучи братом дьяка Андрея Майка, Нил Сорский принадлежал к московской служилой среде.

⁵³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 81.

⁵⁴ Там же, стр. 221—223.

⁵⁵ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 251—265. Оценку Ермолая-Еразма как дворянского публициста см. в статьях: В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 202; Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — В кн.: Сочинения И. Пересветова, стр. 30—32.

⁵⁶ А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — Исторические записки, т. 65. М.—Л., 1959, стр. 309.

⁵⁷ Там же, стр. 315.

⁵⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 115.

предлагавшиеся публицистом, удовлетворить их не могли, ибо приводили к падению их доходов».⁵⁹

С крестьянством А. А. Зимин связывает другого публициста XVI в. — Артемия. Говоря о сочинениях этого нестяжателя, А. А. Зимин пишет: «Патриархальное крестьянство русского Севера, страдавшее от наступления монастырей-вотчинников на черные земли, а также монашество заволжских пустыней составляли ту социальную среду, которая жадно воспринимала идеи старца Артемия».⁶⁰

Попробуем разобраться в этой формулировке — такой разбор поможет нам и в оценке других приведенных выше социальных характеристик. О чем здесь говорит А. А. Зимин — о популярности идей Артемия среди крестьян или о том, что эти идеи объективно соответствовали классовым интересам крестьян? Теоретически нет ничего невозможного в том, что идеи Артемия могли привлекать крестьян. Но на основании имеющихся у нас источников мы не можем утверждать, что основной аудиторией, «жадно воспринимавшей» идеи Артемия, были крестьяне (можно говорить лишь об интересе к проповеди Артемия со стороны Феодосия Косого); внимание крестьян к проповеди Артемия А. А. Зимин выводит главным образом из объективного смысла этих идей, считая их, следовательно, в той или иной степени соответствующими классовой идеологии черного крестьянства. Перед нами встает поэтому тот же вопрос, который вставал в связи с «Беседой Валаамских чудотворцев». Соответствуют ли те выводы, к которым Нил Сорский, Ермолай-Еразм и Артемий приходили теоретически, материальным потребностям крестьянства как класса? Наиболее трудно утверждать это об идеях Нила Сорского: в своих произведениях Нил писал о необходимости духовного усовершенствования иноков, но не выступал против монастырского «стяжания» и вообще не касался «земных» вопросов. Вопросы эти были подняты только нестяжателями XVI в. и в первую очередь Вассианом Патрикеевым (которого, однако, никто не считает крестьянским идеологом). Но изменила ли бы реформа монастырей, предложенная нестяжателями, или податная реформа, предложенная Ермолаем, сколько-нибудь существенно основы феодального строя? Отражала ли она основные классовые стремления крестьянства? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть только отрицательным.

Связывая идеологию Нила, Ермолая-Еразма и Артемия с крестьянством, исследователи подчеркивают главным образом пассивный характер этой идеологии, «политическую инертность», «беспомощность и нереальность», вспоминая при этом характеристику патриархального крестьянства, данную в статьях В. И. Ленина о Л. Толстом. Однако такое восприятие статей В. И. Ленина несомненно является односторонним. Характеризуя в статьях о Л. Толстом идеологию патриархального крестьянства, В. И. Ленин подчеркивает как раз противоречивый характер идеологии этого класса, ее двойственность — соединение революционных настроений, «злобы и ненависти» по отношению к господствующим классам с пассивностью и политической инертностью. Насколько важной чертой крестьянской идеологии представлялись В. И. Ленину именно настроения протеста, видно из его замечаний о письме Белинского к Гоголю. Идеология Белинского

⁵⁹ Там же, стр. 137.

⁶⁰ Там же, стр. 168. В своем докладе «Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.» (См. кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 115) А. А. Зимин согласился и с мыслью об идеологической близости Нила Сорского к крестьянству.

в середине XIX в. и идеология Льва Толстого в конце XIX—начале XX в. были весьма различны между собой, но общей чертой в их идеологии (позволявшей и в письме к Гоголю, и в произведениях Толстого видеть отражение крестьянской идеологии, хотя и на разных исторических этапах) было горячее чувство протеста против крепостнического (или сохранившегося остатка крепостничества) государства. Что касается другой стороны толстовства, его пассивного характера, «непротivления злу», то В. И. Ленин ясно показывает ее историческую обусловленность, тесную связь с конкретной исторической эпохой: Лев Толстой, по словам В. И. Ленина, выразитель идей крестьянства «времени наступления буржуазной революции в России». «Противоречия во взглядах и учениях Толстого, — указывает В. И. Ленин, — не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX в. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску... И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать... с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней».⁶¹ Сходство между психологией толстовства и крестьянской психологией В. И. Ленин объясняет исторически, связывая его с противоречиями периода наступления «господина Купона» (капитализма)⁶² на патриархальную деревню.⁶³

Патриархальное крестьянство конца XIX — начала XX в., идеологию которого выражал Лев Толстой, шло по пути классового разложения, деклассирования: в России наступал капитализм, и основным революционным классом общества становился рабочий класс. «Отчаянье свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России», — писал В. И. Ленин.⁶⁴

Но в XV—XVI вв. не создались те «противоречивые условия», о которых говорит В. И. Ленин в статьях о Л. Толстом, и основным трудящимся классом феодального общества, ни в какой мере не подвергавшимся еще разложению, было крестьянство. Конечно, крестьянство XV—XVI вв. было политически никак не более сознательно, чем патриархальное крестьянство XIX—XX вв. Говоря об идеологии крестьянства при феодализме, мы должны учитывать специфические черты идеологии феодального периода и прежде всего господство религии в идеологии всех классов феодального общества. В идеологии средневекового крестьянства его насущные потребности выражались не в открытой, а в мистифицированной, обычно богословской форме. Эта идеология неизбежно должна была включать какие-то элементы, свидетельствующие о политической незрелости крестьянства, — черты утопизма, идею «непротivления злу», веру в «добротого царя» и т. д. Но господство религиозного мировоззрения было в средние века чертой не одного крестьянства, такое мировоззрение было свойственно феодальному обществу в целом. Для того чтобы считать того или иного древнерусского писателя идеологом крестьянства, нам недостаточно сослаться на его «инертность», «пассивность» или веру в «непротivление злу», мы должны обнаружить в его идеологии некие специфические черты, связанные с материальными потребностями крестьянства

⁶¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 210.

⁶² Там же, т. 20, стр. 21.

⁶³ Там же, стр. 40.

⁶⁴ Там же, стр. 41.

как основного трудящегося класса феодального общества, противостоящего классу феодалов.

Едва ли такими чертами будут настроения жалости к «селянину», призывы воздержаться от излишнего «насильства» по отношению к нему. Исследуя «крестьянскую тему в русской литературе XVI в.», В. П. Адрианова-Перетц справедливо отметила, что в борьбе «за крестьянский труд и землю», которую вели в этот период представители господствующего класса, они охотно выдвигали «новую тему — тему крестьянского труда». ⁶⁵ Излишнее «насильство» крестьян осуждали многие публицисты XV—XVI вв., среди них был и уже упомянутый Ермолай-Еразм, и автор «Валаамской беседы», и Вассиан Патрикеев, и Максим Грек, и даже Иосиф Волоцкий. Но при всех своих разногласиях эти публицисты, по справедливому замечанию исследователя, сходились в одном — «в своей резко отрицательной оценке антифеодального движения во всех его формах, в своем твердом убеждении, что „селянин“ должен кормить своих владельцев». ⁶⁶ Мы не можем считать любого идеолога, говорящего о тяжелом положении крестьян, крестьянским идеологом, иначе нам придется видеть идеологов крестьянства и в Иосифе Волоцком, и в Максиме Греке, и во всяком почти феодальном публицисте, затрагивающем «крестьянскую тему». При всей сложности идеологии средневекового крестьянства в ней, очевидно, должно быть главное — идеология эта должна быть в конечном счете несовместима с основами феодального строя и враждебна им.

Идея уничтожения феодальной эксплуатации была неосуществима в условиях XV—XVI вв., но из этого не следует, что эта идея не могла существовать в то время, хотя бы в утопической или абстрактно-богословской форме. Вопреки В. А. Келтуяе мы не считаем, что все художественное творчество Древней Руси — и письменное, и устное — отражало идеологию господствующего класса. Значительная часть памятников устного творчества, дошедших до нас, не только бытовала в крестьянской среде, но, по всей видимости, в этой среде и возникла (типичный образчик крестьянской идеологии — скоморошина «Вавило и скоморохи» о победе крестьянского «царя» Вавилы над ненавистным «инищим царством» царя Собаки). ⁶⁷ Труднее было сохраниться памятникам антифеодальной идеологии в письменном виде, но о существовании таких произведений нам известно. Речь идет прежде всего о проповеди Феодосия Косого, единственного известного нам писателя Древней Руси, которого мы можем решительно связать с угнетенными классами древнерусского общества, в частности с крестьянством. Речь может идти и о других еретиках XV—XVI вв., об идеологии которых мы знаем меньше, но которые тоже, по-видимому, судили о том, «яже бог не повелел», и выражали недовольство тем, что в окружающем их мире одни «веселятся в богатстве», а другие «в нищете страждут». Объективно антифеодальный характер имели, как мы уже отмечали, выступления Пересветова против всякого «порабощения»; еще дальше шел в этом отношении дворянин-еретик Матвей Башкин. ⁶⁸

«Материальный интерес и общественное положение» древнерусского крестьянства находились в непримиримом противоречии с усиливавшейся

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века, стр. 211.

⁶⁶ Там же, стр. 201.

⁶⁷ Ср.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 342—344; А. А. Зимин. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века. — Сб. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, стр. 341—343.

⁶⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 180—181 и 451.

в XV—XVI вв. феодально-крепостнической эксплуатацией. Основной чертой памятников крестьянской идеологии (если они действительно отражали идеологию крестьянства как класса) должна была быть не «инертность» и не «пассивность», а все более нараставшее чувство «злости и ненависти» по отношению к феодальному «порабощению». «Утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига...».⁶⁹

В настоящей статье мы ни в какой мере не предполагали исчерпать многочисленные темы, связанные с социальной характеристикой древнерусской литературы. Социально-экономическая история Древней Руси дает ключ к самым различным вопросам истории русской литературы XI—XVII вв.

К числу этих вопросов относится, в частности, одна из важнейших проблем, постоянно встающих перед литературоведами, — вопрос о своеобразии древнерусской литературы. Резкое отличие литературы Древней Руси от современных ей западных литератур отмечал еще А. Н. Пыпин; настойчиво подчеркивают это отличие иностранные литературоведы. Степень этого отличия резко преувеличивается многими западными авторами, но самый факт некоторого своеобразия древнерусской литературы, особенно в период позднего средневековья, несомненен: в России не получили достаточного развития такие жанры предвозрожденческой и возрожденческой литературы, как театр, светская поэзия, новеллистические циклы и т. д. В чем же причина этого своеобразия? Едва ли здесь окажется плодотворной ссыла на особый характер «мышления» древнерусского человека: в этом случае перед нами неизбежно встанет вопрос о том, почему у людей Древней Руси сложилось такое «мышление», почему его не оказалось у их западных современников. Столь же мало убедительной представляется и ссыла (предложенная австрийским литературоведом Р. Ягодичем) на особую роль христианства в древнерусском быту. Христианство, как мы уже отмечали, играло важнейшую роль в средневековом обществе в целом, роль его на католическом Западе была не менее важной, чем в православной Руси. Почему же там пути развития светской литературы оказались иными?

Наиболее убедительный ответ на этот вопрос дает именно социальная история Древней Руси. Расцвет светской литературы на Западе в конце средних веков и в канун Возрождения был теснейшим образом связан с развитием городов и городской культуры: сочинения светского характера записывались и получали распространение именно в городах. В России же развитие городов было надолго приостановлено и задержано татарским завоеванием; слабостью русского города объяснялась в первую очередь неудача русских реформационных движений в конце XV и в XVI в.; светская литература начала по-настоящему развиваться в России только в XVII в., когда образовался общерусский рынок и города стали играть важную роль в жизни страны.

К числу важнейших вопросов истории древнерусской литературы относится и вопрос об отношении между социально-политической тенденциозностью писателей и их художественным мастерством. Какими средствами достигается художественное воплощение авторской тенденции? «Я думаю, — писал Энгельс, — что тенденция должна сама по себе вытекать из

⁶⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 140.

положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов». ⁷⁰ Прямое выражение авторской тенденции, преподнесение ее читателю в «готовом виде» лишает искусство одного из его важнейших моментов — сопереживания читателя, его соучастия в художественном процессе. Принцип обязательной художественной «косвенности» в передаче авторской идеи лежит в основе целого ряда явлений, давно отмеченных, но в сущности не объясненных литературоведением. Что значит «устарение» того или иного художественного приема, превращение его в «штамп» и переход в разряд «запрещенных» приемов? Не означает ли это, что неоригинальный, ставший традиционным способ выражения авторской идеи благодаря своей привычности начинает восприниматься читателем как нечто искусственное, следовательно, навязанное ему, читателю, в «готовом виде»? Не является ли так называемое «остранение» одним из средств возбудить воображение и мышление читателя с тем, чтобы идея произведения возникла у него как его собственный вывод из «положения и действия»?

Вопрос этот может быть поставлен и на материале литературы русского средневековья. Вопреки весьма распространенному представлению о неизменном «прямолинейном дидактизме» древнерусской литературы, литература эта уже с давних времен стремилась «передать свое отношение к изображаемому не только прямым выражением своих оценок, но и самым способом изложения», воздействовать на воображение и мышление читателя. ⁷¹ Чем острее была идейная борьба в русской литературе, тем сложнее, тоньше и «косвеннее» становились средства художественного воздействия; тенденциозность древнерусской литературы не только не отменяла ее художественности, но содействовала художественному развитию.

Резко возражая против упрощенного понимания основ исторического материализма, Ф. Энгельс писал, что для выведения политических, эстетических и иных воззрений из условий существования общественных формаций «всю историю надо начать изучать заново». ⁷² Эта величественная задача стоит и перед исследователями истории русской литературы XI—XVII вв.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

⁷¹ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 17.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 233.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве»

Очень часто в работах по «Слову о полку Игореве» отмечается как яркое свидетельство популярности и значимости этого произведения древнерусской литературы то огромное количество исследований, изданий и переводов его, которое накопилось ко времени, когда пишется та или иная книга. Это стало своего рода общим местом в статьях, посвященных «Слову». И, говоря о задачах изучения «Слова о полку Игореве», необходимо остановиться в первую очередь на этом вопросе.

К настоящему времени литература по «Слову» весьма обширна. За время со дня выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве» (1800 г.) до 1954 г. литература по «Слову» учтена в нескольких библиографиях.¹ За десятилетие, прошедшее после выхода в свет последнего библиографического справочника по «Слову о полку Игореве», вышло много работ, посвященных этому памятнику древнерусской литературы. Достаточно сказать, что в общих библиографиях по истории древнерусской литературы Н. Ф. Дробленковой только за 5 лет (с 1955 по 1959 г.) зафиксировано около 150 книг и статей, относящихся к «Слову о полку Игореве».² Не подлежит сомнению, что в специальной библиографии, посвященной только «Слову», число это должно значительно возрасти. Отметим, что и за 1960—1962 гг. вышло немало работ по «Слову»,³ среди которых имеются весьма обстоятельные и принципиально важные исследования, как например сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века».⁴ Таким образом, уже накопившаяся литература по «Слову о полку Игореве» за время после выхода в свет последней библиографии по «Слову» заслуживает спе-

¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940; Слово о полку Игореве Библиографический указатель. Составили О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под редакцией и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955.

² Библиография советских русских работ по литературе XV—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. Под редакцией и со вступительной статьей В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1961, стр. 296—384; Н. Ф. Дробленкова. Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 499—551.

³ Только в трех томах «Трудов» Отдела древнерусской литературы за этот период напечатано 18 статей, посвященных непосредственно «Слову о полку Игореве»; в 1961 г. в издательстве «Художественная литература» вышла книга под редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения.

⁴ Слово о полку Игореве — памятник XII века. Ответственный редактор Д. С. Лихачев. М.—Л., 1962 (далее: Слово — памятник XII века).

циальной библиографии. Думается, однако, что вновь назрела необходимость составления библиографического справочника по «Слову» за период с 1800 г. по год составления такого справочника.

В настоящее время справочники 1940 г. по «Слову» являются библиографической редкостью. Свидетельствуя о большом интересе к «Слову о полку Игореве», этот факт уже сам по себе говорит о необходимости создания такой библиографии по «Слову», в которую была бы включена и вся та литература по «Слову», что вошла в имеющиеся библиографические справочники. Но необходимость составления большого, всеобъемлющего библиографического справочника по «Слову о полку Игореве» диктуется отнюдь не только этим обстоятельством. К библиографии 1955 г. в 1957 г. были сделаны добавления: дополнительно указывалось 97 не занесенных в библиографию работ.⁵ Имеются пропуски и в библиографических справочниках 1940 г. Следует поэтому учесть все пропуски и ошибки указанных библиографических справочников и внести соответствующие добавления и исправления в новый библиографический справочник по «Слову».

В библиографическом справочнике 1940 г. под редакцией С. К. Шамбинаго учтено 197 зарубежных исследований, изданий и переводов «Слова о полку Игореве». Однако цифра эта, хотя в данной библиографии наиболее полно учтена вся зарубежная литература по «Слову», не является исчерпывающей: некоторые работы в этой книге не учтены.⁶ За время же с 1940 г. иностранная литература по «Слову» не описана ни в каком библиографическом справочнике. А именно после юбилея «Слова» 1939 г. за границей значительно возрос интерес к этому памятнику древнерусской литературы. Так, например, Р. О. Якобсон в статье, посвященной обзору работ по «Слову о полку Игореве» в США, отмечает, что «начало систематической работы над „Словом“ в Америке следует датировать 1943 г.».⁷ Только с 1943 по 1956 г. в США вышло 39 изданий по «Слову» и среди них такой капитальный труд, как сборник «La Geste du Prince Igor — épopée russe du douzième siècle».⁸ По данным картотеки Ю. К. Бегунова, который ведет в Секторе древнерусской литературы учет иностранной литературы по древнерусской литературе, к настоящему времени зарубежная литература по «Слову» насчитывает более 500 названий.⁹ Следует учесть при этом, что целый ряд зарубежных работ по «Слову», вышедших за последние два десятилетия, имеет большое научное значение и без ознакомления с ними просто невозможно вести дальнейшие исследования «Слова о полку Игореве».

Все сказанное убедительно свидетельствует о том, что одной из первоочередных задач является составление библиографического справочника по «Слову о полку Игореве», в котором должны быть учтены все работы, как отечественные, так и зарубежные, вышедшие в свет со времени открытия памятника. Библиографический справочник по «Слову» должен отличаться рядом специфических черт. Обилие литературы по «Слову» создает впечатление более чем исчерпывающей полноты в исследовании этого памятника. В действительности же дело обстоит далеко не так, ибо значитель-

⁵ П. Н. Попов. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 706—716.

⁶ В этой библиографии нет, например, указаний на такое важное издание по «Слову о полку Игореве», как первый выпуск сборника «Заметки к „Слову о полку Игореве“», который вышел в Праге в 1936 г.

⁷ Р. О. Якобсон. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 102.

⁸ См. указанную статью Р. О. Якобсона (стр. 112—116).

⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить Ю. К. Бегунова за сообщенные им сведения.

ная часть этой литературы не имеет никакого научного значения, многое повторяет более ранние работы, большое количество изданий носит компилятивно-популярный характер. В ряде случаев незначительные на первый взгляд, небольшие по объему, напечатанные в малоизвестных изданиях работы могут иметь принципиально важное значение в разработке коренных вопросов в изучении «Слова». Напомним в виде наглядного примера книгу Н. Тихонравова объемом в 75 страниц с подзаголовком «издано для учащихся»,¹⁰ которая явилась новым этапом в изучении «Слова» и не потеряла своего научного значения до сих пор. В библиографическом справочнике по «Слову», учитывавшая всю литературу, необходимо как-то выделить из всей массы работ те, которые имеют научное значение. Следует очень тщательно продумать тип аннотаций и систему вспомогательных указателей, чтобы интересующийся тем или иным частным вопросом в изучении «Слова» мог составить по библиографии достаточно точное представление о имеющейся по этому вопросу литературе.

В 1946 г. А. С. Орлов писал о первоочередных задачах изучения «Слова о полку Игореве»: «Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника — прежде всего со стороны языка, в самом широком смысле. Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник».¹¹ Хотя А. С. Орлов говорил это имея в виду изыскания А. Мазона, однако дискредитация памятника из-за непонимания языка может исходить и от тех, кто не сомневается в подлинности «Слова», но пытается обосновать свои взгляды на «Слово» или доказать какие-либо свои толкования отдельных пассажей в «Слове», не учитывая при этом всех данных языка, не давая себе достаточно ясного отчета, что в эпоху создания «Слова» существовали иные языковые закономерности, к которым нельзя подходить с современными мерками и представлениями о языке.

После 1946 г. по языку «Слова» вышло немало работ. В первую очередь здесь должна быть названа книга С. П. Обнорского,¹² в которой большой раздел посвящен языку «Слова». О вопросах языка «Слова о полку Игореве» писали Б. А. Ларин, Н. А. Мещерский, С. И. Котков.¹³ За это же время вышел в свет ряд ценных работ, посвященных ориентализмам «Слова», в которых приводятся убедительные доводы в пользу раннего

¹⁰ Н. Тихонравов. Слово о полку Игореве. Издание второе, исправленное. М., 1868.

¹¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 212.

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹³ Б. А. Ларин. 1) Из истории слов. — В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Л., 1951, стр. 191—200; 2) Очерки по фразеологии. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 198, Серия филологических наук, вып. 24, 1956, стр. 220—224; Н. А. Мещерский. 1) К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского государственного педагогического института, т. III, вып. 1, Серия историко-филологических наук. Петрозаводск, 1956, стр. 64—88; 2) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 198, Серия филологических наук, вып. 24, 1956, стр. 3—9; 3) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 43—48; С. И. Котков. 1) Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского государственного педагогического института, т. IX, вып. IV, 1954, стр. 3—23; 2) Слово о полку Игореве (Заметки к тексту). М., 1958; 3) Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 65—74.

происхождения восточной лексики «Слова».¹⁴ Однако, как отмечает один из последних исследователей восточных языковых элементов в «Слове», работа над ориентализмами «Слова» должна быть продолжена: «От дальнейшей совместной работы славистов, главным образом с востоковедами, будет зависеть окончательное суждение об этом памятнике».¹⁵

Названные выше и ряд аналогичных исследований значительно расширили наше представление как о грамматическом, так и о семантическом строе языка «Слова о полку Игореве», дали ценный материал в подтверждение подлинности памятника, датировки его XII в.

Следует, однако, отметить, и это в какой-то степени общая тенденция большинства работ по «Слову о полку Игореве» последнего времени, что исследования языка «Слова» посвящены преимущественно частным вопросам, наблюдениям над отдельными словами, оборотами, а не рассмотрению совокупности всех языковых вопросов памятника. Надо как-то систематизировать, обобщить все эти отдельные, очень ценные и интересные лексические и грамматические наблюдения над языком «Слова о полку Игореве». Назрела необходимость большого монографического исследования языка «Слова». В «Слове о полку Игореве» зафиксировано гапаксов более, чем в каком-либо другом памятнике древнерусской литературы. Многие слова «Слова о полку Игореве» не обнаружены в дошедших до нас текстах XII—XIII вв. и встречаются только в памятниках, начиная с XIV—XV вв. (по крайней мере по данным имеющихся в наше время словарей древнерусского языка). Это положение требует самого обстоятельного и тщательного исследования. Прежде всего следует уточнить статистические данные о гапаксах в «Слове» и о словах, не зафиксированных в одновременных «Слову» текстах, составить словарь этих слов. Всесторонний лингвистический анализ этого слоя словарного состава «Слова о полку Игореве» является одной из актуальнейших задач в исследовании языка интересующего нас памятника. Следует провести типологическое сопоставление отмеченных особенностей «Слова» с другими памятниками древнерусской письменности. Вполне возможно, что такое сопоставление покажет, что «Слово» в этом отношении не представляет собой явления исключительного.

Для успешного решения всех вопросов лингвистического изучения «Слова о полку Игореве» необходимо создание словаря «Слова». Работа над таким словарем ведется в настоящее время в Секторе древнерусской литературы. Этот словарь даст новый богатый материал для дальнейших исследований по языку «Слова о полку Игореве», поможет комментаторам и переводчикам памятника.¹⁶

¹⁴ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. V, вып. 2. М., 1946, стр. 129—140; В. А. Гордлевский. Что такое «Босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИОЛЯ, т. VI, вып. 4. М., 1947, стр. 317—337; A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949; K. H. Menges. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale. New York, 1951.

¹⁵ A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie, стр. 62. Цит. по: Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 254.

¹⁶ См.: Б. Л. Богородский, Б. А. Ларин и Д. С. Лихачев. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 424—441. В разделе «Общие положения» авторы, в частности, пишут: «Потребность в „Словаре-комментарии Слова о полку Игореве“ особенно сильна среди литературоведов, ибо изучение „Слова“ в настоящее время зашло в тупик из-за отсутствия исходных фундаментальных работ, опираясь на которые можно было бы производить дальнейшие исследования. Каждый исследователь стиля „Слова“, его языка, его идей-

Во многих работах последнего времени отмечалось, что в первом издании «Слова о полку Игореве», как показывают вновь найденные языковые, исторические, археологические данные, а также уточненные обстоятельства истории первого издания, был довольно точно воспроизведен текст рукописи «Слова». Но нельзя не согласиться и с теми исследователями, которые отмечают наличие позднейших наслоений в тексте «Слова» по первому изданию. Л. П. Якубинский, сопоставляя соответствующий отрывок из «Слова» с текстом известной приписки к Апостолу 1307 г., приходит к заключению, что «текст записи (Апостола 1307 г., — Л. Д.) дает несколько более архаичные формы, чем текст „Слова“». ¹⁷ Это обстоятельство на первый взгляд, казалось бы, может быть ценный материал для тех, кто пытается поставить под сомнение подлинность памятника, опровергнуть время создания его в XII в. Однако не меньше оснований видеть в этом одно из подтверждений подлинности «Слова», одно из доказательств раннего времени его создания. По тем сведениям о погибшей рукописи «Слова», которые дошли до нас, она датируется обычно концом XV—началом XVI в. и при переписке или нескольких переписках в этой рукописи не могли не появиться какие-то подновления языка. Л. П. Якубинский, говоря о более архаичном в грамматическом отношении виде записи в Апостоле 1307 г. по сравнению со «Словом», сразу же объясняет это обстоятельство: «...это и понятно — автор записи располагал списком „Слова“ конца XIII—начала XIV в.: он писал в 1307 г., а список „Слова“ XV—XVI вв. подвергся в отношении языка некоторому подновлению». ¹⁸ По смыслу же и содержанию эта приписка по сравнению с текстом «Слова» является явно вторичной, что подробно рассмотрено Д. С. Лихачевым. ¹⁹ Таким образом, то, что запись на Апостоле 1307 г. со стороны орфографии и лексики выглядит старше соответствующего отрывка «Слова», отнюдь не является доказательством первичности записи и вторичности «Слова»: помимо лингвистических категорий, необходимо принимать во внимание и весь контекст, окружающий эти отрывки, их смысловое и логическое содержание. И при учете всех этих обстоятельств, казалось бы, парадоксальное положение — вторичный текст выглядит архаичнее первичного — не только не должно вызывать недоумения, а может расцениваться как лишнее свидетельство о времени создания текста и о датировке того списка, по которому этот текст издавался первыми издателями. Помимо сопоставлений с записью на Апостоле 1307 г., Л. П. Якубинский приводит ряд случаев, когда церковнославянские формы отдельных слов в «Слове о полку Игореве» в параллельных соответствующих чтениях «Задонщины» имеют более чистые древнерусские формы. И это подтверждает лишь предположение Л. П. Якубинского, что видоизмене-

ного содержания, жанра, каждый переводчик „Слова“ вынужден сам предпринимать розыски лексических и фразеологических параллелей, выяснять значение того или иного слова и т. д. В результате — неизбежная неполнота привлекаемых материалов и обидный отпечаток дилетантизма на работах по „Слову“. Исследователи без конца повторяют друг друга и в конце концов вынуждены пользоваться случайными материалами, которые они не без труда обнаруживают» (стр. 424); см. также: Л. А. Дмитриев. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, № 4, 1961, стр. 159—163; М. А. Салмина. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — ТФДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 594—595.

¹⁷ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948 (далее: Л. П. Якубинский), стр. 73.

¹⁸ Там же, стр. 73—74.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 25—26.

ния в тексте «Слова» «под пером поздних переписчиков... были внесены в период с конца XIV по первую половину XVI в., и как раз в смысле некоторой церковнославянизации текста».²⁰ Отдельные соображения в связи с проблемой «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» мы еще выскажем далее, но сейчас необходимо отметить, что работу Л. П. Якубинского по сопоставлению «Слова» с «Задонщиной» в плане выявления возможных более ранних форм и чтений в «Задонщине» по сравнению со «Словом» необходимо продолжить, чтобы с достаточной убедительностью обосновать закономерность и возможность этого явления. Такую работу необходимо проделать, тем более что все последние исследования, посвященные лингвистическому сопоставлению «Задонщины» со «Словом», рассматривают только вопрос о более позднем характере лексических и грамматических форм в «Задонщине» по сравнению со «Словом», что при наличии работы Л. П. Якубинского выглядит несколько односторонне.²¹

Хотя Л. П. Якубинский в своей статье и пишет, что «критика текста „Слова“ и попытка восстановления оригинального текста» не являются задачами его исследования,²² тем не менее методология его работы имеет принципиально важное значение и в вопросах текстологии «Слова». Расширение наших представлений об истории первого издания «Слова»,²³ главное, выяснение тех текстологических принципов, которыми руководствовались первые издатели, публикуя древнерусский текст памятника,²⁴ делают одной из актуальных задач критическое издание текста «Слова о полку Игореве»; при этой работе необходимо не только учитывать статью Л. П. Якубинского, но и продолжить начатую им работу.

На основе такого издания «Слова о полку Игореве», которое должно дать канонический текст памятника, на основе данных словаря «Слова о полку Игореве» можно будет составить подробный грамматический комментарий ко всему тексту «Слова». Такой комментарий предохранит исследователей от недостаточно продуманных и аргументированных, с точки зрения грамматических форм, толкований и поправок текста произведения, даст ценный и убедительный материал в подтверждение датировки «Слова» XII в., для уточнения времени списка, с которого делалось первое издание. Подробный грамматический комментарий к «Слову о полку Игореве» явится прочной основой для исследования морфологии языка «Слова», даст возможность предпринять попытку отделить те элементы, которые принадлежат авторскому тексту «Слова», от тех, которые проникли в морфологию «Слова» позднее в результате переписки памятника в XIII—XV вв.

В самом начале статьи отмечалось обилие работ по «Слову о полку Игореве», выходящих как в Советском Союзе, так и за рубежом. Подавляющее большинство этих работ посвящено отдельным, частным вопросам «Слова о полку Игореве». Особенно много работ комментаторского харак-

²⁰ Л. П. Якубинский, стр. 70.

²¹ См.: В. А. Виноградова. 1) Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 20—27; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 254—275.

²² Л. П. Якубинский, стр. 76.

²³ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

²⁴ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.

тера. Необходимо отметить, что в последнее время было предложено немало весьма убедительных и оригинальных толкований отдельных слов, отрывков, образов памятника, либо по-новому раскрывающих текст «Слова», либо подтверждающих новыми данными ранее существовавшие гипотезы. Напомним некоторые новые прочтения и толкования текста «Слова», наиболее интересные и заслуживающие внимания. Предложенное Р. О. Якобсоном чтение фразы «Слова» «утрь же (утрьже Е) возни стрикусы (вазнистри кусы Е)»²⁵ совершенно по-новому раскрыло содержание этого темного места в «Слове о полку Игореве» и было благоприятно встречено многими исследователями «Слова».²⁶ Ряд оригинальных соображений комментаторского характера с привлечением параллелей из вайнахских языков (один из горских языков Северного Кавказа) высказан в статье Д. Д. Мальсагова «О некоторых непонятных местах в „Слове о полку Игореве“».²⁷ Особенный интерес, на наш взгляд, представляет толкование автором фразы «Слова» «а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ»,²⁸ тем более что близко по смыслу это же место перевел и С. Н. Плаутин.²⁹ Интересные параллели из памятников переводной литературы привел к «бебряну рукаву» Ярославны Н. А. Мещерский, позволившие ему высказать предположение, что «бебряный рукав» — это рукав из шелковой материи, а не из меха бобра.³⁰ Убедительно раскрыт Ю. М. Лотманом смысл до сих пор остававшегося неясным предложения «суть бо у ваю желъзныи папорзи подъ шеломи латинскими».³¹ Примеры эти можно было бы значительно умножить, не говоря уже о толкованиях и комментариях спорных, недостаточно убедительных или просто фантастических (есть и такие).

Для успешной работы над «Словом» любого характера, для того чтобы «исследователи не повторяли друг друга» (прим. 16 на стр. 124), необходимо иметь представление обо всех существующих в литературе по «Слову» комментариях и толкованиях текста. Просматривать для этого всю многоязычную литературу по «Слову» — труд чересчур большой и малопродуктивный. Поэтому совершенно необходимо создание свода всех накопившихся к настоящему времени комментариев к «Слову о полку Игореве». До сих пор неоценимой в этом отношении является книга В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревим»,³² в которой в комментариях приводятся существовавшие в науке к 1926 г. комментарии и толкования

²⁵ La Geste du Prince Igor' — épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, стр. 68. Буквой Е обозначаем чтение по Екатерининской копии.

²⁶ См.: Н. М. Дылевский. «Утръ же возни стрикусы отвори врата Новуграду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 60—69; Д. С. Лихачев. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 587.

²⁷ Чечено-ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Известия, т. I, вып. 2. Языковедение. Грозный, 1959, стр. 120—167.

²⁸ Там же, стр. 159—162.

²⁹ С. Н. Плаутин. Слово о полку Игоревѣ. Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958, стр. 15 и 40. Заметим, что Д. Д. Мальсагов и С. Н. Плаутин ни в коей мере не зависят один от другого: хотя книга С. Н. Плаутина вышла в свет годом раньше статьи Д. Д. Мальсагова, но в рукописи статья Д. Д. Мальсагова присылалась автором на отзыв в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы еще до того, как вышла книга С. Н. Плаутина.

³⁰ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве», стр. 5—6.

³¹ Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 37—40.

³² Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Игоревим пам'ятка феодальної України — Руси XII віку. Вступ., текст, коментар. У Києві, 1926.

к «Слову». Но книга эта, изданная в трудные 20-е годы в Киеве небольшим тиражом, в настоящее время стала библиографической редкостью. Со времени выхода ее в свет появилась огромная литература по «Слову», учесть в сводном справочнике-комментарии к «Слову» все то, что было сделано нового в комментировании памятника за этот период, совершенно необходимо. Нам представляется, что в такой сводный комментарий-справочник по «Слову» должны быть включены все существующие к настоящему времени комментарии и толкования к тексту «Слова о полку Игореве»: как бесспорно всеми принятые и обстоятельно обоснованные, так и явно спорные, необидительные и отвергнутые научной критикой. Следует, разумеется, не просто собрать в одну книгу все накопившиеся более чем за полуторавековую историю изучения «Слова» комментарии к нему, а высказать свое к ним отношение, отделить то, что имеет действительно научную ценность, от фантастических домыслов и дилетантских упражнений. Полнота же справочника-комментария по «Слову» даст возможность каждому, кто интересуется и занимается «Словом», прежде чем приступать к собственным изысканиям, познакомиться со всем сделанным до него, в том числе с ошибочными и неверными толкованиями, чтобы избежать повторений. Необходимо при этом учитывать не только комментарии, но и имеющиеся переводы «Слова», в которых могут быть свои толкования текста. Так, например, Н. В. Шарлемань несколько лет назад предложил новое объяснение одного из темных мест «Слова» — «Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху, у Пльсьнска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлаю къ синему морю». Он считает, что «Пльсьнск» и «дѣбрь Кисаня» — совершенно определенные географические названия мест в районе Киева, около Подола.³³ Н. В. Шарлемань отмечает, что уже В. В. Капнист в начале XIX в. «предложил гипотезу о том, что Плесньск „селение за Подолом, за Кириловской Монастырь продолжающееся и ныне называется Плоское“».³⁴ Но перевод «Слова» Капниста и его комментарии к нему были опубликованы только в 1950 г., а толкование В. В. Капниста до этой публикации не было известно.³⁵ Между тем так же это место понимал Н. Бицын (Павлов), о чем можно судить по его переводу «Слова»: «С вечеру во всю ночь каркали вороны у Пленьска, на Подоле, где дѣбрь Кисанова, — и понесло их вдруг к синему морю!».³⁶ Но о переводе этого места Н. Бицыным Н. В. Шарлемань ничего не говорит. Если бы существовал свод всех комментариев и толкований «Слова», в котором учитывались бы и данные переводов, то, по всей видимости, Н. В. Шарлемань, давая свое толкование данного отрывка из «Слова о полку Игореве», учел бы перевод Н. Бицына.

Создание сводного комментария-справочника по «Слову о полку Игореве» позволит уточнить, что в «Слове» в первую очередь требует дальнейших дополнительных изысканий, дополнений, поправок, пересмотра. Приведем в этой связи лишь один небольшой, но весьма характерный пример. Во всех случаях, когда комментируется имя Ярославны, говорится, что Ярославна — дочь Ярослава Владимировича, князя Галицкого (Ярослава Осмомысла «Слова»), что в «Слове» она названа по отчеству, а имя

³³ См.: Н. В. Шарлемань. 1) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 59—64; 2) Из комментариев к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 227—228.

³⁴ Н. В. Шарлемань. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве», стр. 60.

³⁵ См.: Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 320—399.

³⁶ Русский вестник, т. 110, февраль, 1874, стр. 789.

ее Ефросиния. Очень часто сообщается, что Ярославна была второй женой Игоря и что бракосочетание их состоялось за год до похода, воспетого в «Слове», т. е. в 1184 г. Однако нигде не указывается, откуда взяты все эти сведения о Ярославне. Приходится поэтому считать, что источником в данном случае является первое издание «Слова». В предисловии к первому изданию мы читаем: «Игорева супруга княгиня Ефросиния (дочь князя Ярослава Владимировича Галичского), оставшись в Путивле, возносит жалобный голос свой то к ветру, то к солнцу, то к реке Днепру».³⁷ В первом комментарии к древнерусскому тексту «Слова» в первом издании к имени Игоря сообщается: «Игорь Святославич родился 15 апреля 1151 года; во святом крещении наречен Георгием; женился в 1184 году на княжне Евфросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичского».³⁸ Можно определить источник, к которому восходят эти сведения первого издания, — это «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», являющийся 5-й частью «Записок касательно Российской истории» Екатерины II, который вышел в свет в 1793 г. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в екатерининских бумагах по «Слову» имя Ярославны нигде не комментируется, а во вступительной заметке, написанной А. И. Мусиным-Пушкиным,³⁹ Ярославна названа женой сына Игоря Владимира: «Княгиня Ярославна супруга младого Владимира князя Путимльского...».⁴⁰ Впервые говорится, что у Игоря была жена Ефросиния Ярославна, во вступительной заметке к переводу «Слова» XVIII в., дошедшему до нас в трех списках.⁴¹ В «Родословнике» Екатерины о Ярославне сообщалось следующее: «У князя Святослава Ольговича Черниговского было три сына: 1) Князь Ольг... 2) Князь Игорь, супруга его была княгиня Евфросиния, дочь князя Ярослава Владимировича Галичского; у него было пять сынов».⁴² «В 1188 году. Октября 1 дня преставился князь Ярослав Владимирович Галичский... У князя Ярослава Владимировича было три сына... да дочь 4) княжна Евфросиния, супруга князя Игоря Святославича Северского, свадьба была в 1184 году».⁴³ Откуда взяты все эти сведения Екатериной II, мы не знаем. В известных нам летописях жена Игоря ни по имени, ни по отчеству не названа нигде. Имеется лишь единственное косвенное указание на то, что жена Игоря действительно была дочерью Ярослава Владимировича Галичского. Ипатьевская летопись под 1183 г. сообщает: «В то же время Володимир Ярославич Галичкий, шюрин Игорев, бяшетъ у Игоря, зане выгнан бяшетъ отцомъ своим из Галича».⁴⁴ Разумеется, такая летописная заметка не могла послужить предлогом для тех сведений о Ярославне, которые сообщаются Екатериной, мало того, эта заметка, видимо, вообще не была известна Екатерине; если из нее явствует, что уже в 1183 г. Владимир Ярославич Галичский был шурином Игоря, то Екатерина никак не могла бы сообщить, что Игорь женился на Ярославне в 1184 г. Бесспорно, что Екатерина располагала какими-то другими источниками, какими-то родословцами, где сообщались все эти сведения. Разобраться в этом необходимо. По всем летописным

³⁷ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VI.

³⁸ Там же, стр. 1.

³⁹ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве».

⁴⁰ Там же, стр. 326.

⁴¹ Там же, стр. 336. Отметим, что Татищев упоминает о встрече Игоря с женой после бегства из половецкого плена, однако нигде имени жены Игоря не называет.

⁴² Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793, стр. 105.

⁴³ Там же, стр. 139—140.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, столб. 633.

источникам Игорь Святославич называется князем черниговским.⁴⁵ Однако один из основных источников по истории черниговской генеалогии — Любецкий синодик — не называет Игоря Святославича в числе черниговских князей. Вслед за именем Ярослава Всеволодовича черниговского, после которого, по летописным сведениям, в Чернигове княжил Игорь,⁴⁶ в Любецком синодике назван неизвестный князь Феодосий. Имя жены этого князя Ефросиния: «Помяни, господи, благоверных великих князей чернеговских, киевских и протчих... Великого князя Ярослава Чернеговского, в иноцех Василия, и княгиню его Ирину. Великого князя Феодосия чернеговского и княгиню его Евфросинию».⁴⁷

О том, кто такой этот Феодосий, существуют различные предположения.⁴⁸ Но невольно возникает вопрос: не идет ли здесь речь об Игоре Святославиче? Может быть, Феодосий — иноческое имя, принятое Игорем перед смертью? С. Н. Плаутин в конце комментариев к тексту и переводу «Слова» помещает краткие сведения об Игоре, Олеге Гориславиче (Святославиче) и Рюрике Ростиславиче. В заметке об Игоре без каких-либо ссылок он, в частности, пишет: «В тех же примечаниях к первому изданию Слова сказано, что Евфросиния была второй женой Игоря и что она будто бы вышла за него замуж в 1184 году. Оба указания ошибочны: Игорь Святославович был женат только один раз».⁴⁹ В публикуемых в настоящем томе «Трудов» заметках к «Слову о полку Игореве» С. В. Соловьева более подробно обосновывается предположение, что сведения о том, что Игорь вторично был женат на Ярославне, ошибочны.⁵⁰

Итак, мы видим, что, казалось бы, ни у кого и никогда не вызывавшее сомнение имя Ярославны при сведении воедино имеющихся к этому имени комментариев и их источниковедческом анализе вызывает множество вопросов, требующих пристального внимания и обстоятельного исследования. Тщательное изучение этого вопроса, казалось бы совершенно незначительного и частного, важно не только для верного исторического комментирования «Слова», но и может дать ценный материал, пополняющий уже имеющиеся аргументы, подтверждающие подлинность «Слова о полку Игореве». Вместе с тем данный случай убедительно показывает, что в «Слове о полку Игореве» нет мелких, незначительных вопросов.

В последние годы, главным образом в трудах В. П. Адриановой-Перетц, а также в работах В. Ф. Ржиги, рассматривался вопрос о первона-

⁴⁵ Ипатьевская летопись под 1198 г. сообщает о том, что Игорь после смерти Ярослава Всеволодовича занял черниговский стол. Воскресенская, Никоновская, Тверская летописи, Московский свод XV в. под 1202 г. помещают сообщение о смерти Игоря, называя его полным именем и князем черниговским; Лаврентьевская летопись под 1202 г. тоже сообщает о смерти черниговского князя Игоря, но не называет отчества князя.

⁴⁶ «В лето 6706. Преставися Черниговьскыи князь Ярослав Всеволодичъ... Итого ради седе на столе его благоверны князь Игорь Святъславичъ» (ПСРА, т. II. СПб., 1908, стлб. 707—708).

⁴⁷ Р. В. Зотов. О Черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1892, стр. 24—25. В книге Р. В. Зотова неоднократно упоминается имя Ефросинии Ярославны, жены Игоря Святославича, но всюду со ссылками на «Слово о полку Игореве», на исследования по «Слову» или в связи со «Словом», а не в связи с текстом Любецкого синодика.

⁴⁸ Р. В. Зотов. О Черниговских князьях по Любецкому синодику, стр. 41—42.

⁴⁹ С. Н. Плаутин. Слово о полку Игореве, стр. 60.

⁵⁰ С. В. Соловьева. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 368—388.

чальном тексте и объеме «Задонщины», о характере взаимоотношений текстов «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».⁵¹ Много внимания вопросам грамматической первичности «Слова» и вторичности «Задонщины» уделено в уже указанных статьях В. Л. Виноградовой. Значительный интерес представляет статья А. Н. Котляренко «„Задонщина“ как памятник русского языка конца XIV века»,⁵² в которой автор на многих примерах показывает первичность ряда грамматических форм, встречающихся в «Слове», по сравнению с соответствующими им местами в «Задонщине». Едва ли после всех этих работ можно выдвинуть достаточно обоснованные аргументы в поддержку противоположной, скептической точки зрения, что «Задонщина» послужила источником для «Слова о полку Игореве». Однако нельзя считать, что проблема взаимоотношения «Слова» и «Задонщины» окончательно разрешена и не требует дальнейших изысканий.

В 1948 г. В. П. Адрианова-Перетц писала, что «изучение только рукописных текстов „Задонщины“ не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях „Сказания о Мамаевом побоище“ появились отражения „Задонщины“? Все ли совпадения „Задонщины“ и „Сказания“ должны рассматриваться как перенесение эпизодов „Задонщины“ в „Сказание“? Не повлияло ли оно само на какие-то версии „Задонщины“? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов „Сказания“».⁵³ Недавно эту же мысль высказал Д. С. Лихачев, добавив, что для восстановления первоначального текста «Задонщины», помимо «Сказания о Мамаевом побоище», необходимо привлечь рассказ Псковской летописи о битве под Оршей, повести об Азовском осадном сидении и другие памятники древнерусской письменности, в которых можно обнаружить отражение «Задонщины».⁵⁴ Установление первоначального объема «Задонщины» чрезвычайно важно не только для изучения самой «Задонщины», но и для решения вопросов о взаимосвязи «Задонщины» и «Слова». Поэтому необходимо не только для изучения произведений Куликовского цикла, но и для изучения «Слова о полку Игореве» исследовать характер взаимоотношения «Задонщины» со всеми редакциями и списками «Сказания о Мамаевом побоище» и с летописной повестью о Мамаевом побоище.

В упомянутой выше статье А. Н. Котляренко рассматриваются именно и местоименное склонения в «Задонщине». Общий вывод, сделанный

⁵¹ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, № 7—8. Київ, 1947, стр. 135—186; 3) «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255; 4) Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 143—165; 5) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 131—168; В. Ф. Ржигала. 1) Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XLIII, 1947; 2) Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 377—400.

⁵² Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института, т. XV, Факультет языка и литературы, вып. 4. Л., 1956 (далее: А. Н. Котляренко), стр. 131—160.

⁵³ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 204.

⁵⁴ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 261.

на основе изучения всего грамматического строя «Задонщины», утверждает, что этот строй «соответствует нормам живого русского языка своей эпохи», что «архаические элементы морфологии объясняются непосредственным заимствованием или влиянием Слова о полку Игоре, или, наконец, стилизацией под него».⁵⁵ Необходимо было бы с такой же исчерпывающей полнотой, с какой у А. Н. Котляренко рассмотрена морфологическая система «Задонщины», рассмотреть морфологическую систему «Слова».⁵⁶ Сопоставление итогов такого исследования «Слова» с итогами, полученными А. Н. Котляренко на материале «Задонщины», внесло бы существенные дополнения в установление зависимости между этими двумя памятниками. Ведь именно старшинство «Задонщины» пытаются утвердить скептики, отрицающие подлинность «Слова».

Наиболее последовательно и обстоятельно тезис о первичности «Задонщины» и вторичности «Слова» пытается обосновать в своих работах А. Мазон. Не соглашаясь с теми учеными, которые считают, что в Кирилло-Белозерском списке текст «Задонщины» представлен не в полном виде,⁵⁷ А. Мазон, по существу отождествляя древность списка со старшинством текста, считает «Задонщину» по Кирилло-Белозерскому списку первоначальной редакцией памятника. Все же остальные, более поздние списки представляют собой, по мнению А. Мазона, уже более позднюю переработку первоначального текста «Задонщины». А так как «Слово» текстуально ближе к поздним спискам «Задонщины», то это обстоятельство дает А. Мазону основание поставить такой, как он говорит, принципиальный вопрос: «Если бы „Слово“ принадлежало средневековому поэту, то было бы удивительно, что его («Слова о полку Игоре», — Л. Д.) черты ощутимее в поздних списках „Задонщины“, чем в самом древнем».⁵⁸ Критике этого тезиса А. Мазона уделено много внимания в работе В. П. Адриановой-Перетц «„Задонщина“ (Опыт реконструкции авторского текста)».⁵⁹ Однако это положение имеет столь важное значение в решении вопроса о первичности «Слова о полку Игоре» и вторичности «Задонщины», что к нему необходимо вернуться. Следует снова самым тщательным образом проанализировать характер взаимоотношений Кирилло-Белозерского и всех остальных списков «Задонщины». В последнее время Я. С. Лурье удалось воссоздать весьма интересный и своеобразный облик книжника конца XV в. — инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина,⁶⁰ рукой которого написан Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Новое представление о литературно-книжной деятельности Ефросина открывает возможности глубже проникнуть в сущность отличительных особенностей Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». Надо рассмотреть некоторые характерные черты «Задонщины» по списку Ефросина в связи с особенностями, присущими другим переписанным им текстам. Представляется целесообразным сопоставить «Слово о полку Игоре» не с реконструированным текстом «Задонщины», что имело место до сих пор, а с каждым списком в отдельности, уделяя особое внимание

⁵⁵ А. Н. Котляренко, стр. 158 и 160.

⁵⁶ Статья А. Н. Котляренко представляет лишь часть диссертации автора на эту тему. Думается, что было бы весьма целесообразно опубликовать эту диссертацию полностью.

⁵⁷ В. П. Адрианова-Перетц считает Кирилло-Белозерский список записью, «сделанную по памяти» (ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 221).

⁵⁸ А. Мазон. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 49.

⁵⁹ ТОДРА, т. VI, стр. 205—217.

⁶⁰ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.

разночтениям Кирилло-Белозерского списка с остальными и характеру отношения этих мест с текстом «Слова о полку Игореве».

В спорах о подлинности «Слова о полку Игореве», о времени создания памятника центральной остается проблема взаимоотношения «Слова» с «Задонщиной», чем и объясняется важность этой темы в дальнейшем изучении «Слова о полку Игореве».

На протяжении очень длительного времени и в работах, специально посвященных «Слову о полку Игореве», и в общих исследованиях по истории русского литературного процесса подчеркивалась необычность, исключительность «Слова о полку Игореве» на фоне всей древнерусской культуры. Объяснялось это традиционно восходящими еще к XIX в. представлениями о состоянии русской культуры в средние века. Здесь нет нужды подробно говорить о том, что на основании данных, полученных историками, археологами, историками культуры, историками литературы Древней Руси, наше представление о культурном развитии Руси XI—XVII вв. коренным образом изменилось: мы имеем все основания утверждать, что и в эстетическом, и в техническом отношении культура Древней Руси стояла на высоком уровне развития. Неверная точка зрения об одиночестве, оторванности «Слова» от окружающих его явлений культурной жизни Руси XII в. в целом ряде исследований специалистов была решительно пересмотрена, а «Слово» было поставлено в рамки тех литературных и культурных явлений, которые характерны для развития русской литературы, русского искусства той поры.⁶¹ Отличаясь высокими художественными достоинствами, «Слово» тесно связано в стилистическом отношении и отдельными жанровыми признаками с некоторыми произведениями XII—XIII вв.⁶² Однако до сих пор проявляется тенденция считать «Слово» чем-то совершенно необычным, возвышающимся на фоне всей древнерусской литературы и культуры, единственным литературным памятником Древней Руси. Совсем недавно эта точка зрения наиболее ярко проявилась в статье Л. И. Емельянова «К вопросу о фольклоризме древней русской литературы».⁶³ Критикуя ряд положений этой статьи Л. И. Емельянова, а также общую концепцию неверного отношения к культурному наследию прошлого, имеющую до сих пор некоторых сторонников, Д. С. Лихачев, в частности, отмечает, что «древнерусская литература действительно мало известна и далеко еще не оценена полностью с эстетической точки зрения... в целом эстетическая ценность литературы древней Руси ждет еще своих исследователей».⁶⁴ В свете всего сказанного становится совершенно очевидным, что одной из важнейших очередных задач древнерусского литера-

⁶¹ Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 320—351; Д. С. Лихачев. 1) Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.—Л., 1950; см. также: издание 2-е, дополненное. М.—Л., 1955; 2) «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.—Л., 1961; 3) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 300—320.

⁶² Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы, стр. 305—310.

⁶³ Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, стр. 26—43.

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — Вопросы литературы, 1963, № 3, стр. 106.

туроведения является глубокое изучение художественной специфики древнерусской литературы, раскрытие эстетической ценности древнерусских литературных памятников. Необходимо, коль скоро даже у специалистов-литературоведов до сих пор наличествует мнение об отсутствии в Древней Руси литературных памятников, начать разностороннее изучение и популяризацию памятников древнерусской литературы как произведений именно литературных, художественных, имевших эстетическое значение не только в то время, когда они создавались, но и сохранивших эту ценность до сих пор. Работа в этом направлении является одной из важных, очередных задач и в изучении «Слова», так как она поможет глубже проникнуть в художественно-эстетическую специфику «Слова о полку Игореве», точнее определить место этого памятника в литературном процессе Древней Руси.

С этим главнейшим вопросом в изучении «Слова о полку Игореве» тесно связаны проблема взаимоотношения «Слова» с народным творчеством, вопрос о жанровой природе памятника, о его месте в международном литературном процессе, вопрос о ритмике «Слова о полку Игореве».

Глубокая связь «Слова» с народной поэзией не вызывает сомнений. В свое время это уже почувствовал А. С. Пушкин, об этом же говорил В. Г. Белинский, вопрос этот неоднократно привлекал внимание исследователей «Слова о полку Игореве». Тема взаимоотношения «Слова» с народным творчеством разрабатывалась в последнее время В. П. Адриановой-Перетц.⁶⁵ Принципиально новой и важной в методологическом отношении является мысль В. П. Адриановой-Перетц, что причиной совпадения «Слова о полку Игореве» с народным эпосом «в самом методе отражения действительности является не „влияние“ фольклора, не подчинение ему писателя, а то, что этот писатель поставил перед собой задачу, аналогичную цели героических устных песен».⁶⁶ Рассмотрение взаимоотношений «Слова» с фольклором необходимо продолжить. Проблема фольклорности «Слова» тесно связана с вопросами о художественной специфике этого произведения и о художественных особенностях древнерусской литературы вообще. Л. И. Емельянов, считая, что «Слово о полку Игореве» — «первое произведение литературы, поставившее собственно художественные задачи», возводит эту художественность «Слова» только к единственному источнику, «которого по тем временам не мог заменить никакой другой, — к фольклору, единственному собственно художественному проявлению национального сознания той эпохи».⁶⁷ Разумеется, с таким утверждением согласиться никак нельзя. Если даже не признавать наличия собственно художественных задач наряду с задачами публицистическими, историческими и тому подобными ни в одном из памятников древнерусской литературы, кроме «Слова» (что, конечно, совершенно неверно), то и в этом случае нельзя забывать о культурных международных связях Древней Руси, которые не могли не оказывать влияния на древнерусскую эстетику. Поэтому возводить всю художественную специфику

⁶⁵ 1) Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947; 2) Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 5—16; 3) «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия. — ИЮЛЯ, т. IX, вып. 6. М.—Л., 1950, стр. 409—418; 4) «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 291—319.

⁶⁶ «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия, стр. 301.

⁶⁷ Л. Емельянов. К вопросу о фольклоризме древней русской литературы, стр. 33.

«Слова» только к фольклору нельзя, необходимо учитывать при решении этого вопроса художественную специфику и древнерусских литературных памятников, в том числе и переводных, и принимать во внимание данные сравнительного литературоведения. Заметим, что о плодотворности и необходимости изучения «Слова» «в его широком общеевропейском окружении» не так давно напоминал Д. С. Лихачев в рецензии на книгу Ю. Бешаровой.⁶⁸ Увлекаясь фольклоризмом «Слова», нельзя забывать о наличии в памятнике элементов книжности, риторичности, не нужно только расценивать это как какой-то недостаток: к памятнику XII в. надо подходить как к памятнику XII в., а не с точки зрения сегодняшних эстетических норм, с такой точки зрения мы можем лишь оценивать значение памятника древности в наши дни, а не его место в литературном процессе своей эпохи. В этой связи, как кажется, следовало бы напомнить очень интересные и ценные работы о книжно-риторических элементах в «Слове» В. Н. Перетца.⁶⁹ Углубляя разработку проблемы «„Слово о полку Игореве“ и фольклор», необходимо продолжить и разработку вопроса о книжно-риторических элементах в памятнике. Исследование этих сторон «Слова» поможет и в дальнейших изысканиях по вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». Несмотря на то что выдвинутая И. П. Ереминим гипотеза об ораторском характере жанра «Слова о полку Игореве»⁷⁰ не получила общего признания и вызвала ряд возражений,⁷¹ нам представляется, что эта гипотеза все же наиболее убедительна и дает единственное обстоятельно и последовательно аргументированное объяснение жанровых особенностей «Слова» во всей их совокупности. Особо заслуживают внимания типологические сопоставления И. П. Ереминим жанровых признаков «Слова» с античными и византийскими образцами ораторского искусства.⁷² К сожалению, из-за существовавшего одно время предвзятого отношения к вопросам сравнительного литературоведения эта плодотворная мысль не получила дальнейшего развития, и теперь настало время продолжить анализ жанровых признаков «Слова», привлекая данные не только русской литературы, но и других литератур. Как признавал и сам И. П. Еремин, его предположения о жанре «Слова» не могут претендовать на окончательность и требуют дальнейшей разработки. В частности, спе-

⁶⁸ Д. С. Лихачев. *Justinia Besharov. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantinoslavavic poetic theory.* Leiden, 1956. — ИЮЛЯ, т. XV, вып. 6, М.—Л., 1956, стр. 549—552.

⁶⁹ 1) К изучению «Слова о полку Игореве», I—IV. Изд. АН СССР, Л., 1926 (см. разделы: «Слово» и Библия; «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия); 2) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. — Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского (СОЛЯС, т. СІ, № 3), 1928, стр. 10—14; 3) «Слово о полку Игореве» и древнерусский перевод библейских книг. — ИПОЛЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 289—309.

⁷⁰ И. П. Еремин. 1) Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки ЛГУ, № 72, Серия филологических наук, вып. 9, 1944, стр. 3—18; 2) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 93—129; 3) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 28—34.

⁷¹ А. А. Назаревский. 1) Вопрос о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — IX научная сессия. Тезисы докладов. Киевский государственный университет, Секция филологии. Киев, 1952, стр. 6—9; 2) О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Наукові зап. Київського держ. ун-ту, т. XIV, вып. 1, 36. филолог. ф-ту, № 7, 1955, стр. 113—144; 3) Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського ун-ту, № 1, Серія філології та журналістики, вип. 2, Литературознавство. Київ, 1958, стр. 68—71.

⁷² И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе).

циального исследования заслуживает вопрос: в чем «Слово» отступает от норм и традиций жанра ораторского искусства? А для решения этого вопроса, как отмечал И. П. Еремин, недостаточно привлечения данных только памятников древнерусского ораторского искусства, необходимо обратиться к произведениям ораторского искусства и в иноязычных литературах.⁷³

К кругу перечисленных вопросов непосредственно примыкает и вопрос о ритмике «Слова о полку Игореве». Последней работой на эту тему является статья Л. И. Тимофеева «Ритмика „Слова о полку Игореве“».⁷⁴ Статья эта лишь иллюстрирует давнее высказывание М. П. Штокмара о том, что «предвзятая мысль о стихотворном характере ритма „Слова о полку Игореве“ неизбежно приводила исследователей к ряду натяжек и прямых ошибок».⁷⁵ Стараясь доказать свое предположение, что «ритмика „Слова“ покоится на традиции народного былинного стихосложения»,⁷⁶ Л. И. Тимофеев в своей реконструкции текста «Слова» прибегает к ряду перестановок в тексте, чтобы подогнать этот текст под определенный размер. Едва ли такая реконструкция может быть убедительной. При этом в статье совершенно не ставится вопрос о том, могла ли в XII в. «традиция былинного стихосложения» подчиняться тем же закономерностям, что и былинный стих в фольклорных записях XIX—XX вв. Разумеется, вопрос о ритмической структуре «Слова» требует решения. Однако подходить к решению этого вопроса, так же как и к решению вопросов о языке «Слова», необходимо не с точки зрения наших представлений о стихотворных размерах XVII—XX вв., а с учетом этих данных, изучив древнерусское стихосложение, в частности, закономерности ритма древнерусских церковных песнопений, попытаться определить, что могло представлять собой русское стихосложение в XII в., и, исходя из этих данных, попытаться разрешить вопрос о ритмических закономерностях «Слова о полку Игореве». Только этим путем можно прийти к каким-то объективно убедительным результатам. Это весьма важный вопрос в изучении и «Слова о полку Игореве», и древнерусской литературы вообще; решение его является одной из очередных, актуальных задач древнерусского литературоведения.

В последние годы усилился интерес к вопросам, связанным с историей «Слова» в конце XVIII—начале XIX в. Эта тема в изучении «Слова» весьма плодотворна и дала много новых и интересных материалов: удалось установить издательско-текстологические приемы, которыми руководствовались первые издатели «Слова о полку Игореве»,⁷⁷ выяснить степень исторической осведомленности издателей при работе над «Словом»,⁷⁸ уточнить историю первого издания «Слова о полку Иго-

⁷³ И. П. Еремин. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве», стр. 34.

⁷⁴ Русская литература, 1963, № 1, стр. 88—104.

⁷⁵ М. П. Штокмар. Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв. — В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941, стр. 78.

⁷⁶ Л. И. Тимофеев. Ритмика «Слова о полку Игореве», стр. 102.

⁷⁷ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 66—89.

⁷⁸ А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание Слова. — В кн.: Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, E. J. Brill, 1954, стр. 1—30.

реве».⁷⁹ Большой интерес представляет обстоятельная статья Ю. М. Лотмана «Слово о полку Игореве и литературная традиция XVIII—начала XIX в.»,⁸⁰ в которой автор, сопоставляя литературно-эстетические нормы и представления, историко-философское мировоззрение той эпохи с художественно-историческими принципами «Слова», приходит к убедительному выводу, что в XVIII—начале XIX в. «Слово» создано быть не могло. Как видим, в этой области изучения «Слова» сделано немало, но необходимо продолжить и углубить разработку этой темы. Следует подробнее, чем это делалось до сих пор, остановиться на рассмотрении всей деятельности А. И. Мусина-Пушкина. Следовало бы более пристально рассмотреть вопрос о возможности участия в подготовке к изданию «Слова» И. Н. Болтина. Необходимо тщательнее изучить архивы всех лиц, близких к А. И. Мусину-Пушкину, каким-либо образом связанных с его собирательской деятельностью, с историей подготовки к печати «Слова о полку Игореве». Поиски в этом направлении могут дать очень ценные и интересные материалы по истории открытия рукописи «Слова», расширить наше представление о первоначальной работе над «Словом», о характере отношения к «Слову» в конце XVIII—начале XIX в. Было бы целесообразно по типу исследования Ю. М. Лотмана проанализировать грамматические формы «Слова о полку Игореве» в сопоставлении с языковыми нормами XVIII—начала XIX в. и лингвистикой того времени.

К кругу вопросов, связанных с темой «„Слово о полку Игореве“ и XVIII век», примыкает и вопрос о татищевском рассказе в его «Истории Российской» про поход Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г. Необходимость тщательно исследовать рассказ В. Н. Татищева о походе Игоря подчеркивалась неоднократно, в частности недавно об этом упомянул А. В. Позднеев.⁸¹ Сейчас, когда предпринято переиздание «Истории Российской» В. Н. Татищева на современном научном уровне, с привлечением всех списков «Истории»,⁸² бесспорно создадутся весьма благоприятные условия для работы над этой проблемой. Пока же нам хочется наметить некоторые направления, по которым, на наш взгляд, должно пойти исследование этой темы.

Если мы сопоставим текст рассказа В. Н. Татищева о походе Игоря в 1-й редакции его «Истории» (по рукописи БАН 17.17.11., лл. 252—254 об.) со 2-й редакцией (печатным текстом «Истории»), то обнаружим ряд значительных отличий. В 1-й редакции рассказ значительно короче, проще, отсутствуют многочисленные детали и эпизоды, читающиеся во 2-й редакции, язык рассказа во 2-й редакции более подновлен по сравнению с рассказом 1-й редакции. Говоря об общих принципах «Истории» В. Н. Татищева, С. Л. Пештич отмечает: «Для реального изображения и объяснения событий истории Татищев вводил множество речей, писем, договоров, крестоцелований и тому подобные рационалистические приемы. То же самое можно сказать о подробностях, внесенных Татищевым при описании

⁷⁹ The Archetype of the First Edition of the Igor Tale by Roman Jakobson, offprint from Harvard library bulletin, v. VI, n. 1. Winter, 1952, стр. 5—14; Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве».

⁸⁰ Слово — памятник XII века, стр. 330—405.

⁸¹ А. В. Позднеев. Слово о полку Игореве и летописи. — Труды Московского государственного заочного педагогического института. Проблемы истории литературы, вып. 1. М., 1961, стр. 7—32.

⁸² Первый том под редакцией А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова вышел в 1962 г.: В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. Т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962. Второй том под редакцией С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова вышел в 1963 г.: В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. Т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963.

битв, княжеских отношений, градостроительства, школ, образованности и т. д.».⁸³ Наиболее сильно эта тенденция проявляется во 2-й редакции «Истории». Было бы очень интересно рассмотреть все добавления и изменения в рассказе о Игоровом походе во 2-й редакции «Истории» по сравнению с 1-й для того, чтобы конкретно представить себе, как один из передовых и талантливых людей XVIII в. интерпретировал и понимал рассказ о походе Игоря, и сравнить эту переработку и интерпретацию событий XII в. человеком XVIII столетия с рассказом об этом же событии в литературном памятнике XII в., в «Слове о полку Игоре», т. е. проделать на конкретном материале то, что на широком фоне было сделано Ю. М. Лотманом.

Для описаний событий XII в. В. Н. Татищев пользовался главным образом Ермолаевским списком Ипатьевской летописи.⁸⁴ Это безусловно обнаруживается и на пересказе событий 1185 г. В значительной части рассказ В. Н. Татищева совпадает с рассказом Ипатьевской летописи, нередко дословно даже в отношении грамматических форм слов. Но можно отметить и различия, часть которых представляет интерес и без анализа которых невозможно решать вопрос об отношении «Слова» к летописным рассказам о походе Игоря. Так, например, описание затмения («Сие знамение бысть мая 1 в среду в вечерни. В рогах же его аки уголь жарок»), отсутствующее в Ипатьевской летописи, совпадает у Татищева с соответствующим рассказом в Лаврентьевской. Значительно отличается у Татищева рассказ о начале второй битвы от соответствующего места в Ипатьевской летописи, не совпадая при этом и с Лаврентьевской.

Татищев

И отдыхав поидоша к Донцеви помалу, вси вкупе. Наутрие же приидоша на ня половцы в силе тяжце, и оступиша я. Тогда начаша мнози роптати на князя. Игорь же рече: «Братие, се ведаючи идохом. И собрахом на ся землю половецкую всю...»

Ипатьевская летопись

И облегоша ту. Светаючи же суботе, начаша выступати полци половецкии, акы борове. Изумешася князи Рускии, кому и х которому поехати, бысть бо их бещисленное множество. И рече Игорь: «Се, ведаюче, собрахом на ся землю всю...»

Заслуживает внимания слово «оступиша» у Татищева, которого нет в летописи, но которое вероятнее всего восходит к какому-то источнику Татищева, а не употреблено им самим, так как во 2-й редакции «Истории» этому слову соответствует: «и объехали кругом». В соответствующем месте в «Слове о полку Игоре» мы читаем это же слово, ошибочно переданное первыми издателями: «и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы отстужиша» (общепринятая конъектура «оступиша»).

Представляет интерес то обстоятельство, что Татищев не называет реки Каялы, хотя текстуально соответствующее место близко к Ипатьевской летописи:

Татищев

И тако кончися полк тон во вторую седмицу Пасхи, бысть вместо радости печаль и плачь велии.

Ипатьевская летопись

И тако во день святого воскресения наведе на ны господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселья место желю на реце Каялы.

Из приведенных примеров, а их можно было бы умножить, становится совершенно очевидным, что тщательный текстуальный анализ татищев-

⁸³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 248—249.

⁸⁴ Там же, стр. 258.

ского рассказа о походе Игоря по разным редакциям его «Истории» в сопоставлении его с летописными рассказами о походе Игоря и со «Словом о полку Игореве» поможет не только уточнить исторические обстоятельства Игорева похода, разобраться в вопросе о взаимоотношении летописных рассказов и «Слова», но и даст интересный материал для изучения самого текста «Слова о полку Игореве». Эта тема ждет своего исследователя, и разработка ее бесспорно принесет интересные результаты.

Мы наметили лишь некоторые вопросы в изучении «Слова о полку Игореве». Разумеется, это далеко не все проблемы, которые стоят перед исследователями «Слова».⁸⁵ Однако обращение именно к этим вопросам, несмотря на то что многие из них на первый взгляд имеют второстепенное значение, представляется нам наиболее первоочередным, так как без решения их трудно идти успешно дальше в изучении «Слова о полку Игореве».

⁸⁵ Ряд вопросов, стоящих на очереди в изучении «Слова о полку Игореве», намечен в ответах на вопросы по литературоведению к IV Международному съезду славистов. См.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. Ответы на вопрос № 7: «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“?», стр. 25—45.

Н. С. ДЕМКОВА, Р. П. ДМИТРИЕВА, М. А. САЛМИНА

Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей*

Термин «древнерусская повесть» для всего феодального периода применяется и в самих заглавиях памятников, как переводных, так и оригинальных, и в исследованиях их настолько широко, что жанровые признаки этого вида литературы теряются в многообразных его разветвлениях. И в момент создания, и особенно в процессе длительного бытования в рукописной традиции отдельные повествовательные сюжеты для своего оформления использовали разные художественные стили в зависимости от того, какую задачу при обработке данной темы выдвигали на первый план автор или позднейший редактор: бытовой рассказ мог со временем превратиться в житие, а житийный сюжет, вступая в общение со сказкой, усваивал ее приемы развития действия; легендарные чудеса передавались с обстоятельностью документального исторического повествования, а описание действительных событий сплеталось с агиографической или сказочной фантастикой, краткие реплики действующих лиц разрастались в пышные монологи, в которых слышались отзвуки ораторской речи, устной народной или литературной лирики и т. д. Чтобы восстановить историю каждой отдельной повести, а затем нарисовать картину развития повести как жанра на разных этапах средневековья, необходимо провести тщательное текстологическое исследование всего рукописного материала, внимательно проследить в каждом списке за ходом мысли не только автора, но и позднейшего читателя, оставившего в тексте следы своего идейно-художественного осмысления старшего памятника.

Принципиально новые выводы, полученные советскими литературоведами в исследованиях ряда давно известных повестей самых разнообразных типов, опираются всегда на исчерпывающее изучение списков, как бы ни были они многочисленны. Только этим путем удастся достаточно убедительно выделить авторский текст из более или менее обильных позднейших списков и выяснить отношение к нему читателей, иногда на протяжении многих веков. Нередки случаи, когда выводы авторитетных исследователей приходится решительно пересматривать в свете данных текстологических наблюдений. Вот почему в разнообразной тематике исследований древнерусских повестей целесообразно на первый план выдвинуть проверку самих изданий их, на которые опираются установившиеся идейно-художественные характеристики. Эта проверка выяснит, какие издания основаны на глубоком текстологическом изучении, какие требуют замены. Настоящая статья не претендует на исчерпывающие итоги такой

* Разделы 1, 2, 4 написаны Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, раздел 3 — Н. С. Демковой. Авторы приносят искреннюю благодарность В. П. Адриановой-Перетц за помощь в работе.

проверки. В дальнейшем мы, например, совершенно не касаемся тех многочисленных рассказов, повестей и сказаний, которые дошли в составе летописей, хронографов и других сложных памятников, даже в тех случаях, когда со временем они выделились из этих комплексов, так как изучение подобных повествовательных произведений должно вестись в неразрывной связи с исследованием компилятивных памятников в целом. Цель статьи — наметить ряд оригинальных повестей разнообразных типов, преимущественно XV—XVII вв., текстологическое исследование которых является первоочередной задачей. С полной уверенностью можно сказать, что в процессе этих исследований будет собран ценнейший материал для решения одной из самых важных проблем — проблемы идейно-художественного своеобразия древнерусской литературы.

Первые издания древнерусских повестей, оригинальных и переводных, появились в XVIII в.: «Троянская история» Гвидо де Колумна (1-е изд. — 1709 г.; 3-е изд. — 1743 г.), «Сказание» Авраамия Палицына (1784 г.), «Казанская история» (1791 г.), «Повесть о белом клобуке» (старообрядческое издание конца XVIII в.).

Усиленный интерес к древнерусской повести и открытие новых памятников повествовательной литературы к середине XIX в. вызвали многочисленные публикации, нередко в повременной печати: Повесть о Дракуле,¹ Повесть о Басарге,² Повесть о Фроле Скобееве,³ Повесть о Горе-Злочастии⁴ и др.

Как правило, эти издания осуществлялись по одному списку без точного указания шифра и без описания рукописи, лишь со ссылкой на ее владельца. Многие из таких изданий и остались единственным свидетельством существования этого списка произведения.

Параллельно началась регулярная публикация повестей в научных журналах и изданиях («Сказание о Гришке Отрепьеве» было издано в ЧОИДР,⁵ в «Летописях русской литературы», издаваемых Н. С. Тихонравовым, были напечатаны «Повесть о Савве Грудцыне»,⁶ «Прение живота и смерти»⁷ и др.).

Впервые русские повести самых разнообразных типов были изданы в «Памятниках старинной русской литературы» в 1860 г.⁸

Издание это до сих пор не потеряло своего значения, так как оно является наиболее полной антологией русских повестей, единственной в своем роде: многие из повестей опубликованы только там и до сих пор нигде не переиздавались. Стремясь к полноте издания, «Памятники» приводили несколько вариантов (редакций) некоторых произведений (в двух «вариантах» издана «Повесть о Марфе и Марии», в трех — «Повесть о Петре и Февронии»).

Однако повести здесь были изданы в основном по тому же принципу — по 1—2 случайным спискам, оказавшимся в руках издателей.

¹ В кн.: И. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. СХV.

² Н. Полевой. Древнерусские повести. — Русский вестник, 1842, № 1, отд. II, стр. 65—75.

³ [М. П. Погодин]. История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушке. — Москвитянин, 1853, т. I, отд. IV, стр. 3—16.

⁴ Н. Костомаров. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. 1, стр. 49—68.

⁵ Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и о походе его. — ЧОИДР, 1847, кн. 9, отр. II, стр. 1—36.

⁶ Летописи русской литературы и древности, изданные Н. С. Тихонравовым, т. I, ч. II, М., 1859, стр. 61—80.

⁷ Там же, ч. III, стр. 186—193.

⁸ Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2. СПб., 1860, 482 стр.

Разночтения, которые иногда давались, приводились не все, а лишь «важнейшие».⁹ Некоторые повести были опубликованы без всяких оговорок, как самостоятельные памятники, в то время как в действительности они являлись лишь частью другого произведения. Так была издана «Повесть о видении пономаря Тарасия»,¹⁰ входившая в «Житие Варлаама Хутынского». Издание грешит многими ошибками и пропусками.¹¹

В связи с дальнейшим изучением древнерусских рукописей и новыми находками списков памятников различного содержания, в том числе и повествовательных произведений, характерным становится издание памятников по нескольким спискам. Так начинается следующий этап и в издании повестей. Проводятся сопоставление, сличение списков, предварительное текстологическое изучение их, делаются выводы об архетипе памятника. Возникает практика издания сводных текстов, распространившаяся и на публикации повестей, ошибочная в своей основе, так как сведение нескольких списков произведения в один дает неправильную картину литературной истории памятника (наблюдаемые отличия в текстах нередко являются признаками разных редакций).

Так, например, в издании И. И. Срезневского была произвольно сведена из нескольких списков в единый текст «Повесть о разорении Рязани Батыем».¹² Примером подобного сводного текста является издание в «Русской хрестоматии» Ф. И. Буслаева «Повести о Волоте Волотовиче»¹³ (дан сводный текст по четырем спискам). Этот принцип издания применялся и И. Н. Ждановым, который, издавая «Сказание о князьях владимирских», слил воедино две редакции памятника.¹⁴

Практика этих изданий объяснялась не до конца доведенной текстологической работой (сличались не все списки произведения), что и не позволяло выявить различные редакции памятников.

В начале XX в. текстологическое изучение памятников становится подлинно научным: началось изучение «литературной истории» повестей. Выдвигается требование не только установить архетип памятника в результате изучения списков, но и исследовать судьбу различных редакций, вышедших из архетипа,¹⁵ в их историческом и социальном бытовании. Этот этап в текстологическом изучении литературных произведений и среди них древнерусских повестей связан с научной деятельностью В. Н. Перетца и с работами его учеников (В. П. Адриановой, И. П. Еремина, Л. Т. Белецкого и др.).

Большую роль в текстологическом изучении древнерусских повестей сыграли общие текстологические принципы, выдвинутые А. А. Шахмато-

⁹ См.: Повести о бесноватой жене Соломонии. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161—164.

¹⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 283—284.

¹¹ Например, издание «Повести о новгородском посаднике Щиле»: И. П. Еремин и н. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. (Исследование и тексты). — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 59.

¹² И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. XXXIX. СПб., 1867 [см.: Д. С. Лихачев. Комментарий археографический (Повесть о разорении Рязани Батыем). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 255].

¹³ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. Изд. 2-е, исправленное. М., 1877, стр. 322—331.

¹⁴ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

¹⁵ См.: В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914, стр. 329—338.

вым и осуществленные в его исследованиях по русскому летописанию (а также в исследованиях В. М. Истрина, К. К. Истомина и других), среди них в первую очередь принцип комплексности, требующий изучения текста произведения в составе цикла и всего рукописного окружения. Эти принципы исследования текста были развиты и обогащены в дальнейшем советской текстологической наукой, требующей изучения текста памятников, в частности повестей, в тесной связи с их идейным содержанием.¹⁶

Важным этапом в жанровом развитии повести в XV в. явились разного рода «сказания» легендарно-политического характера (например, Сказание о Вавилоне граде, о взятии Царьграда турками) и повести, стоящие на грани агиографического и исторического жанров, связанные с народной сказкой и преданием (например, повести о Петре и Февронии, о Петре царевиче Ордынском, о Меркурии Смоленском и др.), также отразившие политические идеи своего времени.

В первой группе выделяется цикл различных по литературной форме произведений, объединенных общей исторической темой — взятие Царьграда турками в 1453 г. В этом цикле наибольшее внимание исследователи уделили той «Повести о взятии», автором которой предположительно считается Нестор Искандер. По своим литературным достоинствам эта повесть занимает одно из первых мест среди исторических повестей не только XV в., но и до XVII в. включительно ее влияние заметно ощущается в историческом повествовании, преимущественно в способе изображения воинских картин.

М. Н. Сперанский¹⁷ четко показал, что существует два вида той «пространной» повести, которая только в одном списке приписывается Нестору Искандеру; огромное число списков без имени автора дошло в составе Хронографа первой редакции. Выводы М. Н. Сперанского, как и М. О. Скрипиля,¹⁸ сделаны на основании знакомства с рукописными текстами обоих видов повести, однако ни тот, ни другой исследователи не указали, какие именно рукописи были ими использованы. Между тем даже по вопросу о времени возникновения того первоначального текста «пространной» повести, который отражен в сохранившихся ее видах, не существует единого мнения: этот исходный текст датируют то XV,¹⁹ то XVI в. Совершенно очевидно, что исследование «пространной» повести необходимо начать сначала — с приведения в известность всех списков, их распределения по редакциям и видам, в итоге которого хотя бы предположительно выяснится состав и форма исходного текста. Таким образом, на очереди текстологическое исследование и подготовка критического издания всех разновидностей «пространной» повести.²⁰ Лишь на его основе возможно будет окончательное решение остальных вопросов.

¹⁶ См. обобщающий труд по вопросам древнерусской текстологии: Д. С. Лихачев. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962.

¹⁷ См.: М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954; т. XII, М.—Л., 1956.

¹⁸ М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 166—184.

¹⁹ С. Н. Азбелев. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 334—337.

²⁰ Повесть издавалась несколько раз по случайным спискам как в составе комплексов, так и отдельно. Издан был и наиболее интересный по своим особенностям текст XVI в. (Троицк., 733). См. об этом: И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде. — Ученые записки II отделения имп. Академии наук, кн. 1. СПб., 1854;

Уточнив наблюдения над литературной судьбой пространной Повести о взятии Царьграда турками, необходимо довести до конца исследование и других памятников, близких ей по теме.²¹ Текстологическая работа над ними установит, какие из этих произведений были переведены с греческого, какие сложились на русской почве.

Цикл повестей о Вавилоне граде неоднократно привлекал внимание исследователей и издавался несколько раз по отдельным спискам. Последний исследователь повестей о Вавилоне граде М. О. Скрипиль пришел к выводу, что наиболее ранним произведением среди этого цикла является «Сказание о Вавилоне граде», появление которого он относит к первой половине XV в., затем уже были составлены своды, объединяющие «Сказание» и ряд повестей или притч.²² М. О. Скрипилем издан текст «Сказания» по раннему списку XV в.²³ Для издания полного цикла повестей о Вавилоне предстоит большая текстологическая работа по всем сохранившимся спискам «Сказания» и повестей.²⁴ Эта работа раскроет сложный путь от старших литературных обработок к народной сказке, покажет, как своеобразно сплетались, особенно в XVII в., литературные версии с устной сказочной традицией. Критическое издание всех разновидностей старшего «Сказания о Вавилоне граде» послужит основой для решения ряда вопросов литературно-фольклорных связей в XVI—XVII вв.

Повесть о Петре и Февронии принадлежит к числу тех произведений, которым уделено большое внимание в исследовательской литературе, тем не менее многие вопросы, связанные с этим памятником, остаются до сих пор не решенными. Одним из центральных вопросов является датировка повести. Часть исследователей считает, что Повесть о Петре и Февронии была написана во второй половине XV в. и именно в ней видят наиболее ярко выраженные новые черты в развитии художественной литературы второй половины XV в.²⁵

В противоположность этому мнению В. Ф. Ржига, изучив большое количество списков повести, пришел к заключению, что повесть была написана в середине XVI в., а автором ее является Ермолай-Еразм.²⁶

М. О. Скрипиль вновь обратился к рукописным спискам Повести о Петре и Февронии. Однако датировка повести у него основана не на тех данных, которые дает рукописная традиция, а определена литературными явлениями XV в. и связана с вопросами народно-поэтического творчества того времени.²⁷ Доводов в пользу авторства Ермолая-Еразма,

Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. — ПДПИ, т. LXII. СПб., 1886; Г. Дестунис. Новоизданный список Повести о Царьграде. — ЖМНП, 1887, февраль, стр. 366—367; М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков.

²¹ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков.

²² М. О. Скрипиль. 1) Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 119—144; 2) Проблемы изучения древнерусской повести. — ИЮЛЯ, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 197—199.

²³ ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 142—144. Переиздание в кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 85—87.

²⁴ В настоящее время такая работа ведется Н. Ф. Дробленковой.

²⁵ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 104—106; История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 204; Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, гоґ. IX, сеґ. 2. Praga, 1930, стр. 279—298.

²⁶ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926, стр. 112—147.

²⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 131—167.

выдвинутых В. Ф. Ржигой, М. О. Скрипиль в своем исследовании не касается.

В последние годы опять поднят вопрос о времени написания Повести о Петре и Февронии в статьях А. А. Зимина и А. И. Клибанова.²⁸ Оба исследователя разделяют точку зрения В. Ф. Ржиги. Однако никаких новых существенных доказательств в подтверждение наблюдений В. Ф. Ржиги в этих статьях нет.

Датировка В. Ф. Ржигой повести XVI в. опирается на его текстологические наблюдения. Распределение списков повести по редакциям, проведенное В. Ф. Ржигой, было принято и М. О. Скрипилем, однако это не помешало ему причислять повесть к литературе XV в. и сближать ее с литературными явлениями именно этого времени. Чтобы решить вопрос о том, есть ли необходимость возвращаться к текстологическому исследованию повести, проследим за тем, как доказывает В. Ф. Ржига принадлежность старшей редакции повести Ермолаю-Еразму.

В. Ф. Ржига, изучив около 100 списков первой редакции, пришел к заключению, что она представлена двумя вариантами. К первому варианту относится большинство списков повести, из которых древнейшим и более близким оригиналу является список собрания Хлудова, № 147. Ко второму варианту принадлежит всего один список собрания Московской Духовной академии, № 224 (с подписью об авторстве Ермолая-Еразма). В. Ф. Ржига высказал предположение, что и второй, и первый варианты повести были написаны Ермолаем-Еразмом: «Все данные говорят, по-видимому, за то, что автором и первого варианта был Ермолай-Еразм: а) в составе этого варианта находится предисловие, с характерными для Ермолая мыслями о Троице; б) автор повести сам называет себя „прегрешным“: „да помянете же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах, неведый, аще инии суть написали, ведуще, выше мене“ (Хлуд., № 147, лл. 424 об., 425); в) древнейший Хлудовский список Повести, относящийся, судя по водяным знакам, ко времени около 1564 г. (см.: Тромонии, № 1602, № 358 — водяные знаки Апостола 1564 г.), находится вместе с сочинениями Ермолая».²⁹ Заключение в пользу авторства Ермолая-Еразма первого варианта повести основано на данных предисловия и похвалы и на наличии в сборнике сочинений Еразма.

М. О. Скрипиль вновь изучил и сопоставил тексты первой редакции повести по 60 спискам (всего ему было известно около 120 списков). Его мнение относительно литературной истории создания повести не совпадает с наблюдениями В. Ф. Ржиги, и подготовленное им издание текста повести на первый взгляд служит подтверждением его концепции в противоположность выводам В. Ф. Ржиги. Но фактически М. О. Скрипиль не только не опроверг выводов В. Ф. Ржиги, а подтвердил правильность его текстологических наблюдений.

М. О. Скрипиль издал текст по списку собрания Хлудова, № 147, с подведением вариантов по 12 спискам.³⁰ При издании за основной список выбран тот самый, который и В. Ф. Ржига считал наиболее близким оригиналу. Предисловие и похвала при издании основного текста были

²⁸ А. А. Зимин. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 229—233; А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — ИЗ, т. 65. М.—Л., 1959, стр. 303—315.

²⁹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 130.

³⁰ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты)..., стр. 221—247. Переиздано в кн.: Русские повести XV—XVI веков, стр. 108—115. Впервые текст первой редакции был издан по спискам ГПБ F.I.294 и Q.XVII. 18 в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 29—39).

изъяты и изданы в конце без подведения вариантов по остальным спискам. М. О. Скрипиль считал предисловие и похвалу явлением вторичным; по мнению М. О. Скрипиля, первоначальная редакция их не содержала. Возможно, что предположение М. О. Скрипиля и является верным, но те списки, по которым он делает издание, имеют предисловие и похвалу и, видимо, принадлежат к той редакции, одной из признаков которой и являются предисловие и похвала.

Список собрания Московской Духовной академии, № 224 (второй вариант по В. Ф. Ржиге), М. О. Скрипиль издал отдельно, хотя и не дал ему определения как особого варианта. Он устанавливает близость в отдельных чтениях с определенной группой списков первого варианта, считая, что список с именем Еразма в отдельных чтениях далек от архетипных чтений; М. О. Скрипиль отклоняет вывод об авторстве Ермолая-Еразма.³¹ Однако на основании только этого признака нельзя считать решенным вопрос об авторстве Ермолая-Еразма. Ведь В. Ф. Ржига связывал и первый вариант с Ермолаем-Еразмом. Кроме того, совпадения в отдельных чтениях не выявляют генеалогию списков в целом. В издании М. О. Скрипиля остались неясными не только взаимоотношения списка Московской духовной академии, № 224; со списками, близкими ему в отдельных чтениях, но и с основным текстом.

Таким образом, текст первой редакции М. О. Скрипилем издан в соответствии с его концепцией происхождения повести; это издание не обосновано текстологическими наблюдениями над списками повести, в нем не выяснены взаимоотношения списков, потому оно не отменяет наблюдений В. Ф. Ржиги.

Кроме того, не изучен состав сборников, в которых сохранилась повесть. Выявление состава сборников может помочь и в решении вопроса об авторстве Ермолая-Еразма. Ведь одним из аргументов в пользу мнения В. Ф. Ржиги является наличие произведений Ермолая-Еразма в Хлудовском сборнике. Если этот факт не является случайным, то подтверждение этому может обнаружиться и в других рукописях.

Выясняется необходимость вернуться к вопросу о двух вариантах первой редакции повести, проверить взаимоотношения их, заново издать эту редакцию без необоснованного отсечения от нее предисловия и похвалы. Текстологические доводы за или против авторства Ермолая-Еразма следует усилить.

Последующие редакции в текстологическом отношении исследовались только В. Ф. Ржигой. Появление второй редакции он отнес к XVII в., отметил ее отличие от первой и перечислил ее списки. Вторая редакция была издана один раз по единственному списку.³² Эта редакция нуждается в текстологическом исследовании и научном издании.

К третьей редакции относится один список в рукописи ОЛДП, № CLV. В. Ф. Ржига дает подробную характеристику содержания редакции, настолько отличающейся от предыдущих редакций, что представляет собой новое произведение.³³ Текст повести этой редакции не опубликован.

Четвертая редакция является поздним этапом литературного развития повести, она сохранилась в единственном списке, который был опубликован В. Ф. Ржигой.³⁴

³¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты)..., стр. 224.

³² Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 39—45.

³³ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 138—143.

³⁴ В. Ф. Ржига. Повесть о Петре и Февронии в русскокой литературе конца XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 429—436.

Вокруг Повести о Василии Рязанском («О граде Муроме и о епископыи его, како преиде на Рязань») в исследовательской литературе завязался спор, напоминающий дискуссию об авторе Повести о Петре и Февронии. М. О. Скрипиль относит эту повесть к циклу легендарно-политических сказаний второй половины XV в.³⁵ И. Шляпкин высказал мнение, что автором литературной обработки повести можно считать Ермолая-Еразма.³⁶ Это предположение поддержал В. Ф. Ржига,³⁷ мнение которого оспаривал Ю. А. Яворский.³⁸ Аргументы, приводимые в пользу авторства Ермолая-Еразма, очень близки тем, которые приводятся в отношении первой редакции Повести о Пётре и Февронии.

Решение вопроса о времени написания повести, так же как в случае с Повестью о Петре и Февронии, во многом зависит от текстологического изучения всех рукописных списков повести. Повесть дошла в виде самостоятельного произведения и в составе «Жития князя Константина и чад его Михаила и Федора».

Полного сопоставления между собой всех редакций повести и одновременно с текстом жития никто не проводил. Повесть была издана несколько раз по отдельным спискам.³⁹ Необходимо выявление всех списков повести и издание по всем редакциям.

В XV в. в повествовательной форме был обработан с определенной политической целью ряд местных легенд. При новгородском архиепископе Евфимии II возник цикл сказаний, созданных вокруг имени первого новгородского архиепископа Иоанна. Появление этих сказаний тесно связано с политической жизнью Новгорода того времени; сами сказания представляют интерес и как литературные памятники.⁴⁰

Все они изданы по отдельным случайным спискам. Новому изданию их должна предшествовать большая исследовательская работа. Эти сказания настолько связаны друг с другом, что представляют собой единый цикл, и изучение их возможно только при одновременном исследовании всех сказаний вместе. Сохранились эти произведения и в отдельных списках, и в составе жития Иоанна Новгородского,⁴¹ и в летописях, включались в службы и торжественники.

Центральное место в цикле легенд, связанных с Иоанном Новгород-

³⁵ М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания древней Руси. — Доклады и сообщения, Филологический институт ЛГУ. Л., 1950, вып. 2, стр. 61—62.

³⁶ И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного. — Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 563—565.

³⁷ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 163. Это мнение разделяется в статье А. А. Зимина «Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февроний» (стр. 232—233) и в статье Г. К. Вагнера «Повесть о рязанском епископе Василии» (ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 174).

³⁸ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, стр. 231—298.

³⁹ 1) «Повесть о водворении христианства в Муроме» по списку Румянцевского музея, № 364 (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 229—237); 2) по списку собрания Худова, № 147 (Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели», стр. 563—565); 3) «Повесть о чудеси пречистыя Богородица о граде Муроме и о епископе его како прииде на Рязань» (шифр рукописи не указан) (Летописи русской литературы и древности, т. II, отд. 3, стр. 97—99).

⁴⁰ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 262—264.

⁴¹ В. О. Ключевский писал о житии: «Почти все его содержание состоит из легенд о построении Благовещенского монастыря, о Знамени, о путешествии в Иерусалим на бесе и о мести последнего владыке ..., упомянутые повести и житие написаны в конце 70-х или 80-х годах XV в.» (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 162, 164).

ским, занимает легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцами («Сказание о знамении от иконы Богородицы»). Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославянского писателя Пахомия Сербя, который был приглашен в Новгород между 1429 и 1438 гг. Им были написаны «Похвальное слово Знамению» и служба. Легенда возникла и проникла в письменность до Пахомиевой обработки.⁴² Она была включена в Новгородский свод 1448 г. под заглавием «О знамении святых Богородицы». Как и остальные легенды этого цикла, она включена в Житие Иоанна Новгородского.⁴³

Издана повесть о победе новгородцев над суздальцами только один раз по одному списку — собрание Погодина, № 1343.⁴⁴

Легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим, имеющая особенно большой литературный интерес,⁴⁵ тоже далеко не до конца изучена и издана по отдельным случайным спискам.

В. О. Ключевский появление этой повести целиком связывал с житием Иоанна Новгородского: «Не видно, чтобы сказание о путешествии в Иерусалим и о мщении беса существовало в письменности раньше жизнеописания Иоанна; едва ли не впервые оно записано в этом житии по изустным рассказам неложных „свидетелей“».⁴⁶

Впервые текст повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим был издан по списку собрания Румянцевского музея, № 154.⁴⁷ Повесть в этой рукописи включена в житие. Второй раз повесть издана В. Н. Перетцом по рукописи XVII в. собрания Церковно-археологического музея Киевской Духовной академии, № 25 (№ Аа118).⁴⁸ В этой рукописи повесть тоже находится в составе жития Иоанна. В исследовании В. Н. Перетца рассматривает повесть как часть жития. Однако эта повесть встречается в рукописях и в виде самостоятельного произведения, например, в списке собрания Погодина, № 1557.⁴⁹

Предстоит большая текстологическая работа по выяснению взаимоотношений всех сохранившихся текстов повести при одновременном изучении других повестей этого цикла. Только таким путем решится вопрос о том, действительно ли повесть впервые литературно оформил составитель жития Иоанна как часть этого жития, действительно ли отдельные списки повести оторвались от жития.

⁴² История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 263—264. Слово в составе службы помещено в рукописи собрания Румянцева, № 397, в составе Торжественника в рукописи собрания Румянцева, № 436 и 437 (А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 593, 602, 690, 705).

⁴³ А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума; на стр. 206 сказано, что в рукописи № 154 в житии включено повествование о знамении Богородицы.

⁴⁴ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 241—242. Отдельно повесть находится в рукописи собрания Погодина, № 1551. (В рукописи называется «Слово на знамение»). А. Ф. Бычков отмечает, что этот текст отличается от изданного (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 35).

⁴⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 263.

⁴⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 164.

⁴⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 245—248. В издании ошибочно указан шифр (рук. № 134).

⁴⁸ В. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—11 июня 1915 г. Киев, 1916, стр. 69—74.

⁴⁹ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 112.

Аналогичные вопросы предстоит решить и относительно повести о построении Благовещенского монастыря в Новгороде, которая издана по рукописи собрания Румянцевского музея, № 39.⁵⁰

К числу легенд, появившихся в конце XV в. в Новгороде, связанных с падением новгородской независимости, относится «Сказание о построении варяжской божницы». «Сказание» принадлежит к числу тех легенд, в которых отразилось несочувственное отношение к новгородским порядкам эпохи независимости Новгорода. «Легенда эта составилась, как можно думать по некоторым признакам, вскоре после падения новгородской независимости».⁵¹

Повесть была издана по рукописи собрания Румянцевского музея, № 39,⁵² без учета и изучения рукописной традиции, поэтому издание ее не может считаться удовлетворительным. Возможности текстологического изучения по ряду списков не выявлены, хотя в научной литературе имеется упоминание о довольно раннем списке этой повести — списке собрания Московской Духовной академии, № 659, написанном не позднее 1536 г.⁵³

Повесть о Володе Волотовиче по отдельным спискам была издана несколько раз.⁵⁴ Упоминание об этой повести есть в рукописном собрании Погодина, № 1952.⁵⁵ Последний исследователь повести А. В. Марков, называя еще один список повести, делит известные ему списки на две группы. К первой группе он относит список Музейного собрания, № 591, считая, что он представляет собой новгородскую переделку XV в., соединенную с апокрифом. Остальные же списки относятся ко второй группе, которая является второй новгородской переделкой памятника XV в. (около 1492 г.). Однако этой разбивкой списков текстологическое изучение повести не может ограничиться. Со времени выхода в свет статьи А. В. Маркова прошло 50 лет, обнаружен еще ряд списков в описанных за это время рукописных собраниях. Внимательный анализ всего материала поможет внести ясность в целый ряд вопросов, касающихся как первоначального вида повести, так и ее дальнейших переработок: отношение повести к апокрифам и к устным духовным стихам представляется пока весьма туманно, а отсутствие критического издания повести не дает возможности углубить исследование ее связи с литературной и фольклорной традициями.

Среди повестей XV в., стоящих на грани агиографического и исторического повествования, назовем Повесть о Петре царевиче Ордынском. Эта повесть издавалась неоднократно по разным спискам, но без всяких попыток проследить ее литературную историю.⁵⁶ Между тем эта повесть

⁵⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 255—256.

⁵¹ Д. С. Лихачев. Новгород Великий. М., 1959, стр. 80.

⁵² Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 251—252.

⁵³ А. Седелников. Литературно-фольклорные этюды. — Slavia, гоѣ. VI, сеѣ. 1. Praga, 1927, стр. 96.

⁵⁴ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия, стр. 322—331 (сводный текст по четырем спискам). Один из этих списков опубликован в статье Ф. И. Буслаева «Волод Волотович» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 461—463). По рукописному собранию Буслаева издан текст в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 2, стр. 307—308). В приложении к исследованию А. В. Маркова (Повесть о Володе и ее отношения к повести о св. граде Иерусалиме и к списку о Голубиной книге. — ИОРЯС, 1913, кн. 1, стр. 49—86) издан текст по Музейному списку, № 591.

⁵⁵ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 332.

⁵⁶ Православный собеседник, ч. 1. Казань, 1859, стр. 356—376 (по списку XVI в. Казанской академической библиотеки, № 854, при издании использован текст рукописи XVII в., принадлежавшей В. И. Григоровичу); Ф. Буслаев. Исторические

представляет особый интерес по самой своей литературной форме. Нередко именуемая в списках «житием царевича Петра», эта, по определению В. О. Ключевского, «простая повесть, чуждая житийных приемов, без предисловия вначале, без похвалы и чудес в конце».⁵⁷ Б. Н. Путилов, характеризуя повесть, отмечает, что легендарный материал был «подвергнут политическому истолкованию и поднят на более высокую ступень художественности». Он отмечает, что на примере этой повести видно «стремление к показу человека с его сложной судьбой в развитии его характера».⁵⁸

Только текстологическое изучение судьбы этой повести-жития может показать, было ли это «стремление к показу» развития характера человека обнаружено уже автором XV в. или оно проявилось лишь у позднейших читателей. В равной степени на основе внимательного анализа списков повести подлежит уточнению ее отношение к агиографическому стилю: по-видимому, были переписчики, которые усиливали «житийную» окраску текста, но были и другие читатели, которых интересовала больше историческая и бытовая стороны повествования. Критическое издание повести, число списков которой велико, создаст прочный фундамент для решения всех подобных вопросов, важных не только для характеристики самого памятника, но и для выяснения путей развития повести в XV—XVII вв.

Характер легендарно-политического сказания приобрели в литературной обработке какие-то устные рассказы о Тимофее Владимирском. Повесть, описывающая полную всяких приключений жизнь владимирского попа, который потом стал «храбрым воеводой» у казанского царя, воевал против русских, а под конец жизни раскаялся, изучена и издана с учетом 24 списков М. О. Скрипилем.⁵⁹ Однако текстологический анализ этих списков не доведен до конца, и характеристика двух редакций с их вариантами нуждается в дополнительном обосновании, равно как неясным остался и выбор списков, положенных в основу издания каждой редакции.⁶⁰

Последний исследователь Повести о новгородском белом клобуке Н. Н. Розов, изучив все сохранившиеся списки повести, разделил их на три редакции: первая пространная (конец XV в.), вторая пространная, краткая (наиболее поздняя).⁶¹ Выводы Н. Н. Розова вызвали возраже-

очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 159—164 [приведены отрывки по рукописи Уварова, № 884 (Царского, № 743) и Уварова, № 517 (Царского, № 378)]; Ярославские епархиальные ведомости, 1875, ч. неоф., № 39, стр. 317—322, № 40, стр. 323—325; Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, стр. 342—345 (в отрывках по рукописи Новгородской Софийской библиотеки, № 503, и рукописи митрополита Макария, № 8); Ярославские епархиальные ведомости, 1900, ч. неоф., № 33, стр. 513—517; № 34, стр. 529—534 (по рукописи Ростовского собора); № 35, стр. 545—551 (по рукописи Толгского монастыря); Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 98—105 (по списку начала XVI в. — ГПБ, собрание Софийской библиотеки, № 1364).

⁵⁷ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 42.

⁵⁸ История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 207.

⁵⁹ М. О. Скрипиль. Повесть о Тимофее Владимирском. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1961, стр. 287—307. На различия в тексте памятника в свое время обратил внимание А. Ф. Бычков (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 273—274), сравнил список собрания Погодина, № 1603, с изданным списком Лазаревского (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 195—197).

⁶⁰ I редакция издана по списку ГПБ, QXVII.199; II редакция — по списку ГИМ, собрание Уварова, № 1895 (851). Позднее текст повести I редакции опубликован был М. О. Скрипилем по списку собрания Барсова, № 2134 (Русские повести XV—XVI вв., стр. 119—123).

⁶¹ Н. Н. Розов. 1) Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 178—208; 2) По-

ния со стороны Я. С. Лурье.⁶² По мнению Я. С. Лурье, краткая редакция скорее является более ранней; посылная грамота и написание епископа Геннадия позднего происхождения. Н. Н. Розов опубликовал библиографию списков Повести о новгородском белом клобуке,⁶³ в которой списки повести распределены по редакциям и группам, что значительно облегчит работу дальнейших исследователей повести. Однако ввиду того что само распределение списков по редакциям вызвало возражения, материал, собранный в библиографии, предстоит изучить при подготовке издания. Повесть о новгородском белом клобуке издавалась несколько раз,⁶⁴ но издания сделаны по случайным спискам и не наиболее ранним, а вторая пространная редакция издана только в примечаниях. Таким образом, это произведение ждет полного научного издания всех его редакций.

2

По сравнению с XV в. в следующем столетии падает интерес к чисто светским повестям. но возрастает число назидательных «сказаний», «притч» и повестей. Часть этих повествовательных произведений совсем не изучена и издана лишь по единичным случайным спискам, часть издавалась неоднократно, однако без глубокого исследования их литературной истории по всем спискам.

Своевременно напомнить о необходимости опубликовать подготовленное к печати покойным М. О. Скрипилом исследование повести о Басарге,⁶⁵ в приложении к которому имеется и критическое издание, раскрывающее литературную историю одной из интереснейших повестей XVI в.⁶⁶ Именно издание позднейших редакций, а не только основного текста раскрывает сложный процесс воздействия политических идей XVI в. на извие принесенный сюжет повести, национального приурочения его и отражения в разработке его традиций русской сказки и былины.

Повесть о царице Динаре издавалась несколько раз по отдельным случайным спискам. Последнее издание осуществлено по списку XVI в. собрания Софийской библиотеки, № 1471 с исправлениями по списку 1642 г. собрания Уварова, № 1819 (533).⁶⁷

весть о новгородском белом клобуке (идейное содержание, время и место составления). — Ученые записки ЛГУ, № 173, Серия филологических наук, вып. 20, 1954, стр. 317—320.

⁶² Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 231—234.

⁶³ Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник..., приложение 1, стр. 208—217.

⁶⁴ История о отцех и стредальцех соловецких. Старобрядческое издание конца XVIII в.; Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 287—300 [перездание; Повесть о новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть табаце (СПб., 1861); текст первой пространной редакции без Написания Геннадия, для сравнения привлечен список второй пространной редакции]. Отчет о заметках в Воронежском губернском музее А. А. Назаревского. — Университетские известия. Киев, 1912, № 7, стр. 31—40, текст краткой редакции. Написание архиепископа Геннадия опубликовано Н. Н. Розовым (ТОДРА, т. IX, стр. 218—219). Не совсем ясно, почему опубликовано только одно Написание, которое фактически является только послесловием первой редакции.

⁶⁵ Итоги этого исследования были кратко изложены М. О. Скрипилом в статье «Московские повести конца XV—начала XVI в.» (История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 340—345).

⁶⁶ Начиная с 1842 г. повесть издавалась несколько раз без предварительного текстологического исследования по случайным спискам, которые являлись различными редакциями и вариантами повести. Последнее издание по списку XVIII в. было сделано М. О. Скрипилом (Русские повести XV—XVI вв., стр. 79—84).

⁶⁷ Русские повести XV—XVI вв., стр. 88—91.

М. Н. Сперанский, занимавшийся изучением списков повести, пришел к заключению, что все они принадлежат к одной редакции; имеющиеся отличия в некоторых списках не носят редакционного характера.⁶⁸

Эта повесть сохранилась в большом количестве списков. Иногда она встречается в конце Хронографа. Конечно, необходимы полное текстологическое изучение повести и новое научное издание ее.

В Повести о видении пономаря Тарасия отразились события новгородской жизни, связанные со стихийным бедствием 1508 г. Д. С. Лихачев считает, что, «несмотря на обилие общих мест и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих ее типично новгородским произведением».⁶⁹ Повесть написана после 1515 г., помещена в Пахомиевом житии Варлаама Хутынского и Новгородской III летописи под 1508 г.⁷⁰ Текст повести издан по рукописи XVI в. Румянцевского музея, № 154.⁷¹ Изданный текст в рукописи находится в составе жития Варлаама Хутынского.⁷²

Однако вслед за В. Яблонским А. Седельников высказал предположение, что «Повесть о видении» была присоединена к житию не ранее середины XVI в.,⁷³ следовательно, она сложилась как самостоятельное произведение. Проверить эту гипотезу можно лишь путем тщательного изучения сохранившихся списков повести и внутри жития, и в составе летописи.

Повесть о Луке Колоцком, два списка которой были указаны еще П. М. Строевым,⁷⁴ впервые издана М. О. Скрипилем по списку XVI в. ГИМ, № 1110 (Синод. VI). В заметке, сопровождающей публикацию,⁷⁵ повесть характеризуется так: «Зерно фабулы одной из ранних московских повестей — повести о Луке Колоцком — хорошо известно по ряду русских летописей — Ермолинской, Софийской I, Русскому хронографу, Псковской, Симеоновской, Воскресенской и др. Но в развитом своем виде повесть представлена только Степенной книгой и Никоновской летописью, да отдельно — многочисленными списками XVI—XIX веков».⁷⁶

Исследователь устанавливает, что повесть написана не позднее середины XVI в. Тексты по отдельным спискам восходят к Степенной книге. Варианты Никоновской летописи и Степенной книги, по мнению М. И. Скрипиля, восходят к более древнему, неизвестному нам тексту.

Таким образом, хотя изучение всех списков, возможно, и не даст много для изучения ранней истории памятника, но для выяснения позднего этапа ее существования и издания необходимы исследование и сравнение всех списков.

Из исторических повестей XVI в. ждет детального текстологического разбора и на его основе полного критического издания «Казанская исто-

⁶⁸ М. Н. Сперанский. Повесть о Динаре в русской письменности. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 67—68.

⁶⁹ Д. С. Лихачев. Новгород Великий, стр. 90.

⁷⁰ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 385—386.

⁷¹ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 283—284.

⁷² В рукописи БАН, 21.7.14 (XVII в.) эта повесть тоже включена в житие Варлаама Хутынского (Описание рукописного отдела БАН СССР, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 172).

⁷³ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 35; А. Седельников. Литературно-фольклорные этюды, стр. 97.

⁷⁴ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 352. П. М. Строев называет рукописи библиотеки Антониева Сийского монастыря, принадлежащие игумену Феодосию, и Минею месяца июля, хранящуюся в библиотеке Троицко-Сергиевой лавры, № 5.

⁷⁵ Русские повести XV—XVI вв., стр. 116—118, 455—459.

⁷⁶ Там же, стр. 455.

рия». Последнее издание 1954 г., приложенное к историко-литературному исследованию, воспроизводит один старейший список 1590-х годов и не дает полного представления о судьбе в рукописной традиции этой первой редакции и не затрагивает вопроса о второй редакции.⁷⁷

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» была издана В. И. Малышевым⁷⁸ по списку основной редакции, «древнему и наиболее исправному», с подведением к нему разночтений из других списков. Издание этого текста рассматривалось как начальный этап в деле дальнейшего изучения произведения, которое и с исторической, и с художественной стороны было еще «недостаточно исследовано», недоработан был вопрос и о его авторе.⁷⁹

Новое издание «Повести» должно быть осуществлено по обеим редакциям, с учетом и тех списков, которые стали известны в последние годы.

3

Когда мы обращаемся к вопросу об издании русских оригинальных повестей XVII в., то возникает представление, что эта группа памятников по сравнению с другими находится в значительно лучшем положении: существуют неоднократные издания повестей и отдельными исследователями, и в составе больших антологий, начиная от «Памятников старинной русской литературы» Г. Кушелева-Безбородко и кончая «Русской повестью XVII века».⁸⁰ Современные общие курсы по истории древней русской литературы⁸¹ и обе академические истории русской литературы⁸² рассматривают оригинальную русскую повесть XVII в. как основное звено литературного процесса той эпохи и уделяют ей весьма большое внимание. Создается впечатление относительного благополучия в изучении этого жанра.

Однако рассмотрение имеющихся изданий повестей приводит к обратному выводу. Уже в 1948 г. М. О. Скрипиль в специальной статье, посвященной проблемам изучения древнерусской повести, обратил внима-

⁷⁷ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954. «Казанская история» издавалась несколько раз начиная с XVIII в. Издания 1791 и 1902 гг. были подготовлены по случайным спискам позднейшей редакции, без привлечения разночтений. Издание, осуществленное в 1903 г. Г. З. Кунцевичем, базировалось на нескольких списках, представлявших две различные редакции. Об этом см.: Казанская история, стр. 24, 25.

⁷⁸ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. Под редакцией Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. О более ранних изданиях «Повести» см. стр. 128.

⁷⁹ М. Н. Тихомиров. Рец. на кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. Под редакцией Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. — ИЮЛЯ, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 172—173.

⁸⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2; Ф. И. Буслаев 1) Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861; 2) Русская хрестоматия (13-е изд. — 1917 г.); Д. Ровинский. Русские народные картинки, тт. I, III—V. СПб., 1881; В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. Для высших педагогических учебных заведений. Составил Н. К. Гудзий. Учпедгиз, М., 1935 (7-е изд. — 1962 г.) (далее: Н. К. Гудзий. Хрестоматия); Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль. ГИХЛ [Л.], 1954 (далее: Русская повесть XVII в.).

⁸¹ Например: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938 (6-е изд. — 1956 г.), стр. 374—420.

⁸² История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 28—42, 45—65, 67—68, 89—102, 187—282, 287—294; История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 257—310, 332—352, 363—367.

ние исследователей на то, что «до сей поры нет стоящих на уровне современных научных требований изданий текстов не только всех, уже известных в науке повестей, но даже крупнейших из них».⁸³ «Вполне научными» изданиями повестей XVII в. М. О. Скрипиль признал только издание «Повести о Фроле Скобееве»,⁸⁴ демократической сатиры⁸⁵ и «Повести о Савве Грудцыне».⁸⁶ После 1948 г. к списку повестей, изданных на основе тщательного текстологического изучения, добавились «Повесть об Улянии Осорбиной»⁸⁷ и ряд неизвестных и малоизвестных повестей XVII в., опубликованных М. О. Скрипилем («Слово и сказание о некоем купце», «Повесть о купце Григории», «Повесть о разуме человеческом»⁸⁸ и «Повесть о купце, купившем мертвое тело»⁸⁹). В книге В. П. Адриановой-Перетц «Русская демократическая сатира XVII века» была издана группа сатирических повестей, не вошедших в «Очерки»: «Повесть о Шемякинском суде», «Повесть о Фоме и Ереме», «Сказание о крестьянском сыне», «Повесть о бражнике», «Роспись о приданом», «Слово о мужах ревнивых», «Послание дворительное недругу».⁹⁰ В. И. Малышевым была издана по единственному списку найденная им «Повесть о Сухане» (отдельно и в монографии, ей посвященной).⁹¹

Как же обстоит дело с изданием остальной массы повестей XVII в.?

Значительная группа повестей вообще не имеет критического издания текста. К ним в первую очередь относятся «Повесть о бесноватой жене Соломонии», «Повесть о Марфе и Марии» и «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

Этим повестям особенно не повезло, так как они не попали ни в библиографию древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (3-й выпуск библиографии, где предполагалось поместить соответствующие материалы,⁹² не был издан), ни в библиографию А. А. Назаревского.⁹³

А между тем эти повести занимают особое место в литературном процессе XVII в., они являются ярким выражением определенной тенденции в становлении повествовательного жанра. Складывавшаяся на основе старой

⁸³ М. О. Скрипиль. Проблемы изучения древнерусской повести, стр. 191.

⁸⁴ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. — ТОДРЛ, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

⁸⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.

⁸⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (Тексты). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 225—308.

⁸⁷ М. О. Скрипиль. Повесть об Улянии Осорбиной. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—373.

⁸⁸ М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 324—332.

⁸⁹ М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII в. («Повесть о купце, купившем мертвое тело»). — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 315—325.

⁹⁰ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»).

⁹¹ В. И. Малышев. 1) «Повесть о Сухане» (Неизвестное произведение русской литературы XVII века). — ИЮЛЯ, т. XIII, вып. 3, 1954, стр. 282—288; 2) Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 125—143.

⁹² Библиография истории древнерусской литературы. Древнерусская повесть, вып. 1. Составила В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская (далее: Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской). Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 11.

⁹³ Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955 (далее: Библиография А. А. Назаревского).

агиографической традиции, используя сюжетную схему легенды, а подчас и ее приемы характеристики героев, эти повести представляют собой качественно новый тип повествования, разрушающий рамки традиционной «духовной повести».

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» издавалась два раза,⁹⁴ но существующие издания повести не только не дают представления о ее литературной истории, они далеко не совершенны и в передаче текста.

Так, издатели «Памятников старинной русской литературы», публикуя повесть по двум случайным спискам, указывают не все разночтения, а лишь «важнейшие», не объясняя принципа их отбора. Субъективный подход к изданию сказался и в произвольной подаче текста: предисловие к повести, которое, по мнению издателей, «как приписка не составляет существенной части рассказа»,⁹⁵ приведено в конце повести как приложение.

Более точным в передаче текста и разночтений является издание ОЛДП, где повесть издана в составе «Жития Прокопия Устюжского» («чюдо 26»). Но здесь она (как и «Житие» в целом) была издана только по двум спискам, хотя издателям были еще известны списки самого «Жития» и «Сказания о чудесах» Прокопия Устюжского.⁹⁶

В этих изданиях полностью или частично использованы лишь 4 списка повести. А рукописная традиция повести очень богата. Материалы картотеки Н. К. Никольского и просмотр только некоторых описаний указывают еще около 20 списков ее, причем многие имеют большие отличия от изданных текстов (например, список ГБЛ, Музейное собрание, № 901, лл. 1—27, середины XVIII в.⁹⁷).

Необходимость археографических поисков и текстологического изучения повести очевидна. Исследование литературной истории повести позволит решить ряд вопросов ее художественного своеобразия, уточнит ее связи с житийной литературой, ибо «Повесть о бесноватой Соломонии» находится на стыке старой литературной традиции, связывающей эту повесть с жанром «посмертных чудес»,⁹⁸ и того нового, что утверждается в повествовании XVII в. и означает по существу становление русской «бытовой» и психологической повести. Место повести в литературном процессе XVII в., ее высокие художественные достоинства и оригинальность делают вопрос о ее научном издании особенно важным и актуальным.⁹⁹

⁹⁴ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 153—161; «Житие предподобного Прокопия Устюжского». Изд. ОЛДП, СПб., 1893, стр. рѣг — рѣе об. (ПДП, СИ). Д. Ровинский издал отрывки из лубочной повести в книге «Русские народные картинки» (т. IV, стр. 537—541; т. V, стр. 208—210).

⁹⁵ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161.

⁹⁶ В предисловии к изданию (стр. I) указывалось, что не используется рукопись Е. В. Барсова (неполный список, без «26 чуда» — «Повести о Соломонии»), варианты из которой «подводить было не всегда возможно» ввиду большого различия текстов. В «Источниках русской агиографии» Н. Барсуков еще в 1882 г. сообщил о 21 списке «Жития» и о 4 списках «Сказания о чудесах» (стлб. 463—464).

⁹⁷ См.: Музейное собрание рукописей. Описание, т. I, №№ 1—3005. Под редакцией И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 112.

⁹⁸ См.: М. О. С к р и п и л ь. 1) Повесть о Соломонии. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 197—215; 2) «Повесть о Соломонии бесноватой». — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 292—294.

⁹⁹ «Повесть» привлекает внимание исследователей при постановке самых общих историко-литературных проблем: она рассматривается в ряду явлений литературы барокко на русской почве [см.: А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения). — Русская литература, 1962, № 3, стр. 25] и внимание писателей: известна литературная переделка «Повести» А. Ремизова (А. Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951, стр. 64—93).

«Повесть о Марфе и Марии» также генетически связана с «духовной повестью», с легендами о явлении икон и построении церквей. Однако совершенная неизученность литературной истории повести не позволяет с достаточной полнотой судить об этих связях и отклонении ее от агиографической нормы.

Повесть известна в нескольких вариантах, два из них изданы в «Памятниках старинной русской литературы»,¹⁰⁰ несколько отличный от них вариант опубликован в «Памятниках древней письменности»¹⁰¹ и М. О. Скрипилем.¹⁰²

Нам известно 12 списков повести, и специальные розыски без сомнения позволят обнаружить новые списки. Каковы же взаимоотношения списков повести и ее вариантов? Каков ее архетип? Ответ на все эти вопросы должно дать текстологическое исследование. Известно, что в некоторых списках повести (например, собрание Ундольского, № 411, и БАН, 17.9.15) сохранилось предисловие, полностью нигде не изданное,¹⁰³ в котором рассказывается «творческая история» ее создания.

Рассказ о явлении чудотворного креста вначале существовал в виде краткой записи о памятном событии («токмо на малей хартийце просторечием, якоже поселяня написали и держажу памяти ради»¹⁰⁴), а затем по благословению архиепископа Рязанского и Муромского Моисея было написано «сказание».

Изучение текста повести в полном объеме позволяет и относительно точно определить время написания ее поздней редакции (в литературе обычно указывается на начало¹⁰⁵ или первую половину XVII в.¹⁰⁶ как на время создания повести): Моисей был архиепископом Рязани и Мурома с 10 января 1638 г. по 15 февраля 1651 г.;¹⁰⁷ очевидно, что в этот отрезок времени и было написано «Сказание».¹⁰⁸

Процесс разрушения старой агиографической формы своеобразно и сильно проявился в «Повести о Тверском Отроче монастыре», созданной в самом конце XVII—начале XVIII в. Интерес к человеческой личности и романтическая фабула повести, народно-поэтическая основа многих ее образов значительно удаляют повесть от назидательной легенды об основании монастыря.

¹⁰⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 55—57 и 58—59. I вариант переиздан Н. К. Гудзием в «Хрестоматии» (изд. 5-е. М., 1952, стр. 359—362).

¹⁰¹ Отрывок из сборника XVIII в. с лицевыми изображениями [изд. ОЛДП, СПб., 1877, лл. тип об.—тча (ПДП, XV)] (воспроизведены литографическими чернилами 10 статей из сборника П. П. Вяземского, in folio, № XVI).

¹⁰² Русская повесть XVII в., стр. 48—53.

¹⁰³ Пересказ его и отрывки приведены в статье Ф. Буслаева «Идеальные женские характеры древней Руси» (Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 246).

¹⁰⁴ БАН, 17.9.15 (Осн. 192), т. 1 об.

¹⁰⁵ Н. К. Гудзий. Сказание о явлении Унженского креста. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 358.

¹⁰⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Марфе и Марии. — В кн.: Русская повесть XVII в., стр. 361.

¹⁰⁷ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 415.

¹⁰⁸ Возможно, что изучение всей рукописной традиции повести сообщит дополнительные сведения о личности ее автора. В описании одной из рукописей В. М. Ундольского (№ 411), содержащей повесть, Викторов отметил: «Соч. Каллистрата Осорьина» (А. Викторов. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стлб. 284). Однако просмотр списка (рукопись была любезно осмотрена для нас Е. И. Скоп) показал, что в заглавии повести сведений об авторе нет, но имеется приписка, сделанная карандашом почерком XIX в., об авторстве: «Кар(па?) Осорьина». Некоторые места списка (лл. 1—15) отмечены карандашом, причем таким образом, что

Повесть привлекла большое внимание писателей,¹⁰⁹ но не заинтересовала исследователей и издавалась лишь в популярных и учебных изданиях. Впервые изданная в «Тверских губернских ведомостях» в 1865 г. (по неизвестной рукописи),¹¹⁰ она была издана по другому списку в 1947 г. Н. К. Гудзием,¹¹¹ а в 1954 г. — М. О. Скрипилем.¹¹²

Кроме трех опубликованных списков, известны еще пять (три из них кратко охарактеризованы В. Ф. Ржигой,¹¹³ два указаны И. Ф. Голубевым¹¹⁴).

О необходимости издания местных легенд и сказаний, в частности «Повести о Тверском Отроче монастыре», писал еще И. С. Некрасов в работе «О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии». Там же он поместил пересказ повести по изданию «Тверских губернских ведомостей».¹¹⁵ Однако до сих пор не существует научного издания повести, учитывающего все ее списки.

К этой же группе повестей, частично связанных с агиографическим стилем повествования, но преодолевающих традиционную схему, относятся «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть об Улиянии Осорбиной». Тексты «Повести о Савве Грудцыне» неоднократно издавались по 1—2 спискам,¹¹⁶ есть и критическое издание ее, выполненное М. О. Скрипилем на основе текстологического исследования.¹¹⁷

Обращение к литературной истории повести и восстановление ее архаичности дали возможность М. О. Скрипилю по-новому поставить ряд вопросов ее изучения и прежде всего вопрос о ее жанре, который в противовес точке зрения А. Веселовского, видевшего в повести традиционный рассказ о чуде Казанской богородицы,¹¹⁸ определяется исследователем (вслед за А. Н. Пыпиным) как «первая попытка романа ... на русской национальной почве».¹¹⁹

Несмотря на наличие обстоятельного труда М. О. Скрипиля, значительно продвинувшего вперед изучение повести, текстологическое изучение ее не может считаться законченным, так как далеко не все списки привлечены к исследованию и некоторые приемы издания вызывают возражения.

М. О. Скрипилю было известно 80 списков повести, привлечено к изучению — 65.¹²⁰ А. А. Назаревский дополнительно сообщает сведения еще

создается впечатление сверки этого списка с другим; может быть, имя было внесено в заглавие в результате этой сверки.

¹⁰⁹ О знакомстве с повестью многих русских писателей, начиная с Н. М. Карамзина, и о ее многочисленных переделках в течение XIX—XX вв. см. в статье: В. Ф. Ржига. Из истории повести. — Известия Тверского педагогического института, вып. IV, Тверь, 1928, стр. 111—116.

¹¹⁰ Тверские губернские ведомости, 1865, № 36 (4 сентября), ч. неоф., стр. 200—205.

¹¹¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 4-е. М., 1947, стр. 390—397.

¹¹² Русская повесть XVII в., стр. 116—125.

¹¹³ В. Ф. Ржига. Из истории повести, стр. 99.

¹¹⁴ И. Ф. Голубев. Собрание рукописных книг г. Калинин. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 446 (№ 86) и 458 (№ 4).

¹¹⁵ И. С. Некрасов. О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии. Изд. ОЛДП, СПб., 1892 (ПДПИ, LXXXVII), стр. 31—32.

¹¹⁶ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 281—282.

¹¹⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 225—308.

¹¹⁸ А. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I, отд. I. Изд. 3-е. СПб., 1894, стр. 485.

¹¹⁹ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 226.

¹²⁰ Там же, стр. 225, 228—233, 308. 6 списков М. О. Скрипиля не использовал по неизвестным причинам, 9 указал ему В. И. Малышев уже во время печатания статьи.

о 6 списках повести,¹²¹ отрывок ее имеется в собрании Калининского областного архива.¹²² Таким образом, в текстологическом исследовании нуждаются еще 22 списка, и, по-видимому, поиски новых списков надо продолжать.

При издании текстов М. О. Скрипиль приводил разночтения только «по наиболее исправным или интересным своими оригинальными чертами спискам».¹²³ Руководствуясь этим принципом, он оставил за пределами издания довольно большое число списков — 27 из 65, из которых далеко не все дают ошибочные или повторяющиеся чтения. По-видимому М. О. Скрипиль сам иногда ощущал неправильность своего критерия отбора списков, ибо в примечаниях к изданию ему пришлось указать добавления к основному тексту 2-го варианта I редакции из неизданного списка (ОИДР, № 223), которые, по его же словам, «представляют некоторый литературный интерес».¹²⁴

Место и роль в истории текста повести этих 27 списков трудно оценить, так как в археографическом обзоре М. О. Скрипиля не всегда дается характеристика списков повести и не всегда есть указания на их взаимоотношения. Исследователь в большинстве случаев ограничивался лишь распределением списков по редакциям и вариантам (причем в статье отсутствует и характеристика самих вариантов I редакции повести). Такой подход к археографическому обзору таит опасность субъективизма в оценке значения того или иного списка и почти целиком лишает читателя возможности критического восприятия выводов ученого.

Это же привело к тому, что вне поля зрения М. О. Скрипиля оказался старейший датированный список повести (1715 г.). Список был указан им в археографическом перечне за № 64 [БАН, инв. 1917 (V)], отнесен к 1-му варианту I редакции и не использован в издании. А между тем именно этот список, как указал, издавая его, В. Ф. Ржига, дает чтение лучшие, чем текст «архетипа, с большим трудом восстанавливавшегося М. О. Скрипилем по десяткам списков».¹²⁵

Те же приемы М. О. Скрипиль применил при издании «Повести об Улянии Осорбиной».¹²⁶ И при всей тщательности выполненного М. О. Скрипилем издания¹²⁷ текстологическое изучение повести не закончено, так как неясны все звенья литературной истории текста.

Изучение взаимоотношения списков в их последовательном развитии позволило М. О. Скрипилю указать на существенные черты литературной истории «Повести об Улянии Осорбиной», убедило его в том, что повесть

¹²¹ Библиография А. А. Назаревского, стр. 131—133 (№№ 3, 4, 7, 11, 12, 18). Следует отметить, что в Библиографии А. А. Назаревского, дополняющей Библиографию В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, встречаются иногда сведения о рукописях, уже указанных (так, № 2 указан в Библиографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской на стр. 284 под № 23).

¹²² И. Ф. Голубев. Собрание рукописных книг г. Калининна, стр. 447, № 89.

¹²³ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 225.

¹²⁴ Там же, стр. 307, прим. 2.

¹²⁵ В. Ф. Ржига. Повесть о Савве Грудцыне (По старейшему датированному списку). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Отв. ред. В. Д. Кузьмина. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 313.

¹²⁶ М. О. Скрипиль. Повесть об Улянии Осорбиной, стр. 271—323. Издание М. О. Скрипиля является первым научным изданием текстов повести (по этому изданию повесть переиздана: Русская повесть XVII в., стр. 39—47). Ранее «Повесть об Улянии Осорбиной» была издана в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 63—67).

¹²⁷ Из известных ему 30 списков М. О. Скрипиль использовал 27, издал разночтения 22. Можем указать еще один список повести в собрании Псковского областного краеведческого музея, № 128 (В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — ТОДРА, т. XI М.—Л., 1953, стр. 476).

была задумана и выполнена как биография с элементами семейной хроники, «агиографические черты в ней — невольная дань традиции».¹²⁸

Однако сообщая о результатах своего изучения повести, М. О. Скрипилю не включил в исследование сам текстологический анализ, поэтому не всегда ясен путь, каким он пришел к этим выводам, неясны все этапы «жизни» текста. В издании отсутствует характеристика списков повести, неясны их взаимоотношения. Характеризуя обе редакции повести, М. О. Скрипилю не исследует и даже не указывает различия между вариантами II редакции. Выбор основных списков для издания редакций и вариантов никак не мотивирован. Так же остается неясным, в каких случаях М. О. Скрипилю считал возможным не приводить разночтения. В археографическом перечне списков он иногда пометал: «список подобен» (такому-то). Но в одних случаях он приводил разночтения, а в других — нет.¹²⁹ Ясно, что большая работа, начатая М. О. Скрипилю, нуждается в продолжении.

Особую группу среди повествовательных произведений XVII в. составляют памятники, связанные с традициями учительной литературы и посвященные разработке вопросов морали.

К поучениям и словам о «злых женах» близка, как указывал еще А. Н. Пыпин,¹³⁰ «Беседа отца с сыном о женской злобе». А. Н. Пыпин определил и жанровое своеобразие памятника: «Беседа» представляет собой «соединение поучения и повести», где «традиционные наставления подтверждаются рассказами».¹³¹

«Беседа» написана незаурядным мастером слова. Его характеристики ярки и лаконичны, каждый из небольших рассказов «отца» является по сути дела зачатком особой повести. Созданная в привычной форме учительной литературы — в форме диалога, прения, — «Беседа» поражает остротой противопоставления двух различных взглядов на женщину, двух мировоззрений: традиционного отношения книжника, культивировавшегося церковной литературой, и отношения человека XVII в., выходящего из-под власти церковного мировоззрения.

«Беседа» относится к числу обойденных вниманием исследователей повестей XVII в. Изданы только два списка «Беседы» (из известных 94¹³²), и нет ни одного специального исследования, посвященного ей. Многие вопросы, связанные с «Беседой», неясны, даже кардинальные: является «Беседа» русским сочинением (точка зрения А. Н. Пыпина) или это обработка западной статьи,¹³³ каковы ее источники, связь с поздней апокрифической литературой (так, например, рассказ о суде Соломона встречается в большом количестве списков отдельно). Все эти вопросы могут быть решены только после текстологического исследования памятника, после того как будет выяснена литературная история текста.

Та же проблема отношения к женщине лежит в основе «Сказания о молодце и девице» и «Сказания о старом муже и молодой девице». Од-

¹²⁸ Там же, стр. 257, ср.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 322—323.

¹²⁹ Ср. № 23 и № 27 перечня М. О. Скрипилю.

¹³⁰ А. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 271.

¹³¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 539.

¹³² Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской указывает 61 неизданный список (стр. 263—267), Библиография А. А. Назаревского (стр. 49—51) — 31 [№ 22 и № 23 его Библиографии, по-видимому, представляют собой один список — начало и конец «Беседы», как об этом можно судить по «Описанию Рукописного отделения Библиотеки АН СССР» (т. IV, вып. 1. Л., 1951, стр. 471)].

¹³³ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 442.

нако эти памятники являются светскими произведениями, разрабатывают новую для XVII в. любовную тему, широко привлекая народно-поэтическую символику. По стилю они, особенно «Сказание о старом муже и молодой девице» во II редакции, иногда приближаются к произведениям сатирической литературы (использованием прибауточной рифмованной речи, бранных выражений), что, вероятно, объясняется влиянием образов и выражений городского фольклора.

«Сказание о молодце и девице» дошло только в пяти списках (один дефектный), и все они по отдельности изданы.¹³⁴ Но соотношение списков не выяснено, и текстологическое исследование «Сказания» отсутствует. А для этой повести оно имеет особое значение, так как каждый список по существу является особой редакцией, так велики их отличия друг от друга. М. О. Скрипиль указывает,¹³⁵ что сохранившиеся списки только в своей совокупности дают более или менее точное представление о фабуле «Сказания» и о составе стилистических формул. Характерная черта литературной истории повести — «ряд крупных отличий в составе и количестве стилистических формул, в приемах раскрытия сюжета при постоянстве его».¹³⁶

Без исследования литературной истории повести невозможно ответить на ряд вопросов, возникающих при ее изучении, прежде всего на вопрос об истории ее создания: является повесть обработкой народно-поэтического произведения (М. О. Скрипиль связывает с фольклором язык и стиль «Сказания» и отчасти композицию, указывая, что «любовный диалог» — нередкая форма народных песен¹³⁷) или это «продукт личного творчества автора ... овладевшего стилем фольклорных произведений»?¹³⁸

С решением этого вопроса связана и другая проблема: только ли фольклору обязаны оба «Сказания» использованием диалога? Нельзя ли наблюдать в этих памятниках своеобразного преломления традиций учительной литературы? Авторы «Сказаний» сохраняют отчасти традиционные представления о характере своей героини: именно к ней как нельзя лучше подходит одна из характеристик «злой жены», данная в «Беседе отца с сыном»: «Имеет язык яко бритву изощрену».¹³⁹ Диалог — «прение» является одной из распространенных форм и учительной литературы.

Текстологическое исследование поможет окончательно решить вопрос об оригинальности «Сказания о молодце и девице» (А. В. Марков и А. А. Назаревский высказывались против русского происхождения повести¹⁴⁰) и о времени его создания (вопрос, поставленный Х. Лопаревым: является «Сказание» памятником XVII в., использовавшим старый лекси-

¹³⁴ См.: Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 279. Отрывки из повести по списку ГПБ, Q.XV. № 107 изданы в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1896 г.» (СПб., 1900, стр. 171—173). Относительно списка Забелина, № 299, указанного в Библиографии А. А. Назаревского, сообщается, что это не повесть, а интермедия XVIII в. (Библиография А. А. Назаревского, стр. 16). Любопытно, что в рукописной традиции «Сказание» связывается со «Сказанием о старом муже и молодой девице» (рукопись БАН, 33.4.32) и «Беседой отца с сыном» (рукопись ГПБ, ОЛДП. Q № ССХХХII).

¹³⁵ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 230—233.

¹³⁶ Там же, стр. 233.

¹³⁷ Там же, стр. 232.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 463.

¹⁴⁰ См.: А. В. Марков. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов (Сказание о молодце и о девице). — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, стр. 167—168; В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. Киев, 1912, стр. 6 (резюме доклада А. А. Назаревского).

ческий материал, или памятником XV в., подвергшимся обработке и переработке в XVIII в.¹⁴¹).

«Сказание о молодце и девице» оказало влияние на некоторые списки «Сказания о старом муже и молодой девице» (на II редакцию, по классификации А. А. Назаревского¹⁴²). Поэтому изучение литературной истории текста «Сказания о старом муже» должно быть тесно связано с изучением «Сказания о молодце». 3 списка «Сказания» были изданы и переиздавались.¹⁴³ Еще 6 списков находятся в рукописях.¹⁴⁴

Путь русской повести XVII в. к освобождению от старой литературной традиции (что вызывалось новыми потребностями духовной жизни общества) в значительной степени был связан с использованием художественной системы устного народного творчества. От XVII в. сохранились записи некоторых фольклорных произведений (лирических и эпических), и на фольклорной основе был создан ряд повестей. К ним в первую очередь относится «Сказание о киевских богатырях», которое также должно быть названо среди памятников, не изученных в текстологическом отношении.

«Сказание о киевских богатырях» после первой публикации в 1860 г.¹⁴⁵ не сразу привлекло внимание исследователей. Первые работы, посвященные ему, появились только после издания Е. В. Барсовым в 1881 г. «Сказания» по новому (старейшему) списку.¹⁴⁶

«Сказание» вызвало противоположные суждения о своем происхождении и времени создания. Е. В. Барсов считал его былинной, а А. Веселовский полагал, что «Сказание» восходит к «древней песенной былине» и даже «сохранило более древнюю форму песни», чем былины об Алеше Поповиче и Тугарине и об Илье Муромце и Идолище.¹⁴⁷ В. Миллер видел в памятнике книжное произведение, созданное на основе этих двух былин в XVI в. после покорения Иваном Грозным Казани.¹⁴⁸ Вопрос о том, былинной или повестью является «Сказание о киевских богатырях», до сих пор не решен. А. П. Евгеньева разделяет точку зрения сторонников устно-поэтического происхождения «Сказания»,¹⁴⁹ А. В. Позднеев и другие — книжного.¹⁵⁰

Сравнительное изучение списков «Сказания» было начато А. В. Позднеевым, но он располагал лишь тремя списками его (третий, новый список

¹⁴¹ Х. Лопарев. Сказание о молодце и о девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. Изд. ОЛДП, СПб., 1894, стр. 7 (ПДПИ, ХСІХ).

¹⁴² В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г., стр. 6.

¹⁴³ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 280.

¹⁴⁴ Там же, стр. 280—281. Список Орловского церковно-археологического музея, № 28 — «не повесть, а выписка из рифмованных фаянцев» (Библиография А. А. Назаревского, стр. 16, 149—150).

¹⁴⁵ Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 311—315.

¹⁴⁶ Богатырское слово в списке начала XVII века, открытое Е. В. Барсовым. Приложение к XL тому «Записок Академии наук» (№ 5, СПб., 1881).

¹⁴⁷ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, Х. Алексей Попович и Тугарин — Илья Муромец и Идолище. — СОРЯС, т. 36, № 3, СПб., 1884, стр. 357—368.

¹⁴⁸ В. Миллер. Илья Муромец и Алеша Попович. Очерки русской народной словесности. Былины, т. II, М., 1910, стр. 120—153.

¹⁴⁹ А. П. Евгеньева. «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей училили себя честь» по списку XVII века. Заметки о языке и стиле. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 108—128.

¹⁵⁰ А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. — В кн.: Старинная русская повесть. Под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 135—189; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1956, стр. 344—345; см. также: История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 345 (автор раздела И. П. Еремин).

был опубликован им в приложении к статье) и исследовал только сюжетные отличия, оставляя в стороне анализ всех отличий текста.

В настоящее время необходимость текстологического изучения «Сказания» стала еще ощутимей, так как были изданы 2 новых списка.¹⁵¹

Плодотворность текстологического исследования для определения происхождения тех или иных произведений из «богатырского дикла» проверена исследователями на конкретном материале. Так, например, изучение «Повестей», «Сказаний» и «Историй» об Илье Муромце В. В. Митрофановой¹⁵² показало, что «природа их, характер их взаимоотношений с былинами... и происхождение не являются совершенно одинаковыми: среди них есть и записи былин, и пересказы, и литературные повести».¹⁵³ Исследователю удалось выделить литературные произведения из этой группы памятников, наметить пути и методы изучения, применимые к другим богатырским повестям. Исследование еще не изученных текстов произведений о Михаиле Потоке, Ставре, Иване Годиновиче и других является настоящей задачей науки, оно позволит более глубоко понять связи между литературой и фольклором в XVII в.

С устнопоэтической традицией связана «Повесть о Еруслане Лазаревиче». Ряд нерешенных вопросов в изучении ее также упирается в текстологическое исследование. До сих пор неясно, в какой мере повесть является русской обработкой иноземного оригинала и каковы ее источники и связи с фольклором.

В. В. Стасов связывал происхождение повести с восточными поэмами и песнями, в особенности с персидской поэмой «Шах-Наме»;¹⁵⁴ Е. В. Барсов усматривал в ней черты греческого оригинала,¹⁵⁵ В. Ф. Миллер — тюркское влияние,¹⁵⁶ Г. Н. Потанин возводил ее к ордынским вариантам поэмы.¹⁵⁷ О. Миллер, признавая восточную основу сюжета повести, указывал на черты европейских преданий.¹⁵⁸ А. С. Орлов отметил устный путь перехода повести с Востока и указал на посредническую роль казачества в ее усвоении. Фольклорность повести отмечалась многими исследователями. А. С. Орлов поставил вопрос об обратном влиянии повести на устную поэзию, главным образом через посредство лубка.¹⁵⁹

¹⁵¹ А. Н. Пушкирев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 361—365; В. И. Малышев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 387—390.

¹⁵² В. В. Митрофанова. 1) К вопросу о редакциях былин старинных русских записей. — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., 1957, стр. 286—313. 2) Былины об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII веков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1960, 18 стр. 3) «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской» группы. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 87—100. См. также: В. И. Малышев. Повесть о Сухане; А. М. Астахова, В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — В кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 7—75.

¹⁵³ В. В. Митрофанова. «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской» группы, стр. 87.

¹⁵⁴ В. Стасов. Происхождение русских былин. — Вестник Европы, 1868, № 1, стр. 174—208.

¹⁵⁵ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 422.

¹⁵⁶ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 152—171.

¹⁵⁷ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 286—347.

¹⁵⁸ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869, стр. 44, 47.

¹⁵⁹ А. С. Орлов. 1) Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 77—85. 2) Повесть о Еруслане Лазаревиче. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 113—117.

Весь этот круг вопросов не может быть окончательно решен, все суждения исследователей в большей или меньшей степени останутся гипотезами до тех пор, пока не будет изучена история текста повести. Существуют издания лишь трех списков ее, предпринятые свыше 100 лет назад,¹⁶⁰ а списков повести довольно много (только библиографии указывают более 20¹⁶¹). Не выяснены редакции и варианты повести, неизвестно, какие списки наиболее близки к оригиналу, не установлена текстологическая зависимость между повестью, лубочным текстом ее и устными вариантами сказок.

Парадоксально, что повесть, сюжет которой с детства известен почти каждому, повесть, близкая к народной сказке, давшая материал для пушкинского «Руслана и Людмилы»¹⁶² и многих литературных обработок начиная с XVIII в., не имеет научного издания.

Среди изданий повестей XVII в. издание текста Повести о Горе-Злочастии представляет собой особую проблему, так как повесть дошла в единственном списке. Повесть издавалась несколько раз,¹⁶³ лучшим считается издание П. К. Симони.¹⁶⁴ Особую ценность его составляет фототипическое воспроизведение рукописи, однако сопровождающее фототипию наборное издание текста содержит много непоследовательностей в передаче особенностей его написания (например, в употреблении прописных букв и в разделении текста на слова).

Ввиду того что Повесть о Горе-Злочастии сохранилась в одном списке, при изучении ее текста большое значение приобретает проблема источников и параллелей.

В новейшем обзоре работ, посвященных повести, замечено: «Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями».¹⁶⁵ И все-таки, несмотря на многочисленность заметок, статей и исследований автор обзора приходит к выводу, что «вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке», а «что касается книжных связей, то они остаются очень неясными».¹⁶⁶ В обзоре намечается одна из задач изучения повести — выяснение книжных заимствований.¹⁶⁷

С Повестью о Горе-Злочастии связан целый круг древнерусских произведений,¹⁶⁸ среди которых видное место занимают Сказания о пьянстве.

¹⁶⁰ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 143—144.

¹⁶¹ В Библиографии А. А. Назаревского отмечен список (стр. 99, № 4), уже указанный в Библиографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (стр. 145, № 14).

¹⁶² П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине. Руслан и Людмила. — Сборник «Памяти А. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 509—514.

¹⁶³ См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии (Библиография). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 628—630.

¹⁶⁴ П. К. Симони. «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — СОРЯС, т. LXXXIII, № 1. СПб., 1907, стр. 1—88.

¹⁶⁵ В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 626.

¹⁶⁶ Там же, стр. 627.

¹⁶⁷ Там же, стр. 628.

¹⁶⁸ В различных работах указывалось на сходство повести со Сказанием о Тихвинской иконе богоматери, Сказаниями о пьянстве, поучениями, со словами о женах (Ф. И. Буслаев), о связи с преданиями о хмеле (А. Н. Веселовский), приводились примеры заимствований из Скитского патерика (В. С. Преображенский), повесть сравнивалась с «Прением живота и смерти» (А. В. Марков), в качестве параллелей были указаны украинские вирши «о блудном сыне» (В. Н. Перетц) и стихи «покаянные» о пьянстве (В. И. Малышев). См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии.

Работы Ф. Буслаева¹⁶⁹ и А. Н. Веселовского¹⁷⁰ выяснили ряд сходных мест повести и сказаний и установили общность некоторых мотивов. Однако, думается, что значение мотива пьянства в идее повести было несколько ими преувеличено (ср. «В непосредственной связи с разобранными сказаниями стоит главная идея стихотворной... „Повести о Горе и Злочастии“»¹⁷¹). Но в разработке отдельных эпизодов повести и сказаний сходство несомненно. Позволим себе привести один пример такого сходства.

В «Притче о хмеле» читается похвальба Хмеля: «... аще учнет меня держатца которой гость или купец, всяк торговой человек, и аз сотворю его безумна и живот свой весь растерзает и пропьет и будет ходить во вечаной ризе и во изодранных сабозех и станет себе заимывать у которого господина, и ему никто не даст и (не) поверит, и не дадут, видя его пьянство, и род и племя от него отступятца».¹⁷²

Облик жертвы Хмеля, происходящей из торгового сословия, напоминает «доброего молодца» после его пробуждения в кабаке: «вечаной ризе» «Притчи» соответствует в Повести «гунька кабацкая», «изодранным» сапогам — «лапотки-отопочки»; сходно и то положение, в которое попали оба героя: «как станет себе заимывать... и ему никто не даст и (не) поверит и не дадут» («Притча») — «не стало не друга, не подруга... все дружи прочь отпираются!» (Повесть). Есть в этих отрывках и текстуальная близость: «род и племя от него отступятца» — «род и племя отчитаются».¹⁷³

Подобная близость отдельных произведений из цикла Сказаний о пьянстве и повести делает очень важным их текстологическое исследование, изучение истории текстов.

Сказания о пьянстве и хмеле имеют и самостоятельную художественную ценность. Их значение определяется своеобразным развитием литературных традиций. Вырастая из учительной литературы, сказания испытали воздействие устного творчества, может быть, на самой ранней стадии своего возникновения. И результатом своеобразного синтеза явился образ Хмеля, тяготеющий к «пьянственному бесу», с одной стороны, а с другой — к образу Горя-Злочастия (на что указывал еще А. Н. Веселовский¹⁷⁴). Двойственна и речь Хмеля: она поучение и похвальба одновременно.

Для изучения Сказаний о пьянстве и хмеле надо прежде всего четко разграничить тексты отдельных произведений (например, «Повести о высокоумном хмеле» и «Притчи о хмеле»), установить их соотношение и зависимость друг от друга (например, двух вышеуказанных сочинений и

¹⁶⁹ Ф. Буслаев. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, стр. 548—643.

¹⁷⁰ А. Н. Веселовский. 1) *Altslavische Kreuz- und Lebensagen*. — *Russische Revue (Monatsschrift für die Kunde Russlands)*, 1878 Bd. XIII, стр. 144—149; 2) Памятники литературы повествовательной, стр. 474—480; 3) Разыскания в области русского духовного стиха. — *СОРЯС*, т. XLVI, № 6, СПб., 1889, стр. 249—260.

¹⁷¹ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 474.

¹⁷² Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 448. Сходная параллель из «Повести о высокоумном хмеле» приводится в статье В. Д. Кузьминой «Изучение русских повестей XVII века в VIII классе» (*Литература в школе*, 1939, № 5, стр. 46).

¹⁷³ «Повесть о Горе-Злочастии» цит. по: Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 3.

¹⁷⁴ A. Wesselofsky. *Altslavische Kreuz- und Lebensagen*, стр. 144—149; *Разыскания в области русского духовного стиха*, стр. 256.

«Слова Кирилла философа»), определить время создания различных частей этого цикла.¹⁷⁵

Общее количество списков Сказаний о пьянстве очень велико. Библиографии древнерусской повести указывают 48 списков «Повести о происхождении винокурения»,¹⁷⁶ около 40 списков «Повести» и «Притчи» о хмеле, свыше 30 списков других произведений цикла.¹⁷⁷ Издания Сказаний очень малочисленны,¹⁷⁸ выполнены по отдельным случайным спискам. Некоторые произведения вообще не изданы и находятся в рукописях: «Повесть о высокоумном хмеле» («Бе некий человек, невоздержно пиянственное питие пияше...»), «Слово Кирилла Философа» и др.

Изучение рукописей может значительно изменить наши представления о текстах сказаний. Так, в Усть-Цилемском собрании рукописей (ИРЛИ) имеется вариант «Притчи о хмелю» («от старчества»), значительно отличающийся от изданного в «Памятниках».¹⁷⁹ В БАН существует рукопись (середины XVII в.) с «Повестью о высокоумном хмеле» (Тек. пост., 613)¹⁸⁰ с полностью сохранившимся вступлением и заключением, еще не известными в науке.

Повесть была пересказана Ф. И. Буслаевым (с изданием отрывков) по рукописи Московского архива Министерства иностранных дел, № 250,¹⁸¹ где она обрамлена небольшим предисловием и заключением, показавшимся Буслаеву «наивным», так как оно содержит советы и увещания автора относительно потребления вина, следующие непосредственно за «разоблачением» Хмеля и покаянием героя повести. Из небольшого предисловия явствует, как считал Буслаев, что повесть «должна была служить напутственным наставлением вообще от старшего... молодому, вступающему на поприще жизни. Вручающий кому-либо эту повесть должен был

¹⁷⁵ Отсутствие ясности в этом вопросе сказалось на библиографии Сказаний, составленной А. А. Назаревским. Под одним и тем же названием «Слово (повесть) о высокоумном хмеле» А. А. Назаревский помещает разные произведения: «Повесть», «Притчу о хмеле» (стр. 140, № 18) и «Слово Кирилла философа», произведение XV в. (стр. 140, №№ 13—15, 20), и др.

¹⁷⁶ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 251—253; Библиография А. А. Назаревского, стр. 136—139 (за исключением №№ 4 и 13, как не относящихся к повести).

¹⁷⁷ А. А. Назаревский обратил внимание на то, что в Библиографию В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской ошибочно попала глава из Великого Зеркала «о пьянице, продавшем душу бесу» (стр. 16). Список произведений о пьянстве можно дополнить так называемой «Легендой о ляхе и пресвитере» [издана в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 140)], русским сочинением начала XVII в., включенным в «Звезду пресветлую» (И. И. Огиенко. Краткое содержание чудес «Звезды пресветлой». — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912, стр. 170).

¹⁷⁸ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 251—252. Дополнительно к сведениям Библиографии можно указать на издание Б. А. Лариным нескольких слов о пьянстве: «Слово Василия Великого о пьяных человецех» (нач.: «Рече святая богородица к Великому Василию...»); Слово о пьянстве (нач.: «Соломан рече...»); Слово о пьянстве (нач.: «Беседует Анахирис философ сице...») (см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г., стр. 113—114) и «Слово апостола Павла о упивающихся» (см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г., стр. 138—139). «Азбука писана о хмелю» издана: В. В. Попов. Азбука о хмеле. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVII, вып. 5—6, 1901, стр. 349—361.

¹⁷⁹ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 129 (№ 85).

¹⁸⁰ В «Описании Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 136) ошибочно указан шифр: «Тек. пост., 619».

¹⁸¹ Ф. Буслаев. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 564.

вставить вместо имя рек, свое имя или имя своего клиента».¹⁸² Знакомство с рукописью БАН (Тек. пост., 613) показывает, что «предисловие», известное Буслаеву, есть не что иное, как значительное сокращение (с устранением имен) подлинного вступления к повести, представляющего собой послание инока Матфея к иноку Моисею, «духовному брату», с увещанием прекратить пьянство. Послание направлено из Усть-Шексны в Троицкой монастырь «Вологодские страны» по просьбе Моисея, который нуждался в поддержке, и, помимо назидания, содержит любопытный материал для представления о борьбе монахов в первой половине XVII в. с «пьянственным змием». Рассказав «притчу» о пьянице и хмеле, Матфей продолжает свое послание (оно, таким образом, обрамляет «притчу», и все сочинение носит общее заглавие: «Послание к некоему иноку о хмелю»). После значительного сокращения этой заключительной части послания и образовалось «заключение» повести в списке Архива Министерства иностранных дел, справедливо охарактеризованное Ф. И. Буслаевым как наивное («к нравучительной» повести были присоединены частные советы «духовному брату» о мере потребления вина, способах протрезвления, и т. п.). Из сопоставления списка БАН с изданным Ф. И. Буслаевым вытекает следующее.

1. Список, известный Ф. И. Буслаеву (Архив Министерства иностранных дел, № 250), безусловно восходит к списку БАН (Тек. пост., 613) (может быть, не прямо) и представляет следующий этап «жизни» текста.

2. Либо «Повесть о высокоумном хмеле» была лишь включена Матфеем в его послание «кир Моисею» (в этом случае наблюдается любопытный пример бытования повести), либо Матфей был причтен к авторству (или обработке) ее. Ответ на этот вопрос может дать изучение повести по всем спискам. Во всяком случае «Послание к некоему иноку о хмелю» представляет большой историко-литературный интерес, ибо напоминает о традиции Киево-Печерского патерика, переписке Симона и Поликарпа.

Изучение литературной истории цикла Сказаний о пьянстве поможет в решении вопросов о связи их с апокрифической литературой и о последующем использовании цикла в старообрядческой рукописной традиции.

К «Сказаниям о пьянстве» (и прежде всего к «Повести о происхождении винокурения») приближается по некоторым особенностям «Сказание о происхождении табака», распространенное в основном в старообрядческой среде, а в XVIII в. традицию этих нравучительных сказаний-легенд развивают повести о картофеле.

Историко-литературное значение «Сказания о происхождении табака» усиливается его связью со сказаниями о Красноборских чудесах, записанными в 1641 г.,¹⁸³ одно из которых, присоединенное к тексту повести о табаке, напомнило А. Н. Веселовскому распространенный в народе апокриф — «эпистолию о неделе».¹⁸⁴ Неизвестно, на каком этапе литературной истории и Сказания о происхождении табака произошло это присоединение, так как текстологическое исследование сказания отсутствует. Сказание и несколько других сочинений этого цикла издавались несколько раз по отдельным спискам.¹⁸⁵ Так же, как и в случае со Сказаниями о пьян-

¹⁸² Там же.

¹⁸³ А. С. Орлов. Народные предания о святых русского севера. — ЧОИДР, 1913, кн. 1, отд. III, стр. 47—50.

¹⁸⁴ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 462—465.

¹⁸⁵ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 291—292; Библиография А. А. Назаревского, стр. 153—154.

стве, обстоит дело с разграничением текстов различных повестей: не существует даже точной классификации произведений.

Совершенно новым явлением в литературе XVII в. было развитие жанра сатирической повести. Возникли новые приемы литературной характеристики, связанные с широким использованием фольклорных средств и пародированием или стилизацией форм деловой письменности. В содержании произведений появились элементы социального протеста, происходило не только полное освобождение от церковного мировоззрения, но развивалось и религиозное вольномыслие («Повесть о куре и лисице», «Служба кабаку», «Повесть о попе Саве», «Повесть о крестьянском сыне»).

Сатирические повести XVII в. явились предметом специального и тщательного текстологического и историко-литературного исследования В. П. Адриановой-Перетц,¹⁸⁶ на основе которого было подготовлено их издание.¹⁸⁷

Однако не все повести исследованы с одинаковой полнотой. Некоторые из них имеют неполный текстологический комментарий («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Фоме и Ереме»). По-видимому, в особом исследовании нуждаются «Повесть о бражнике» и «Повесть о крестьянском сыне».

«Повесть о бражнике» издавалась несколько раз (не считая переизданий) по отдельным спискам,¹⁸⁸ в «Русской демократической сатире» она издана по 2 из известных 39.¹⁸⁹ В комментарии к повести отмечена разновидность списков, в текст которых вводится дополнительный эпизод — спор бражника со святым «Николою», заостряющий антиклерикальную направленность сатиры,¹⁹⁰ но остается неизвестным, исчерпывается ли число списков этой разновидности приведенными примерами, неясна также характеристика и генеалогия всех списков.

«Повесть о крестьянском сыне» по динамике изменения текста напоминает «Сказание о молодце и девице»: почти каждый список ее является самостоятельным вариантом, содержит разное количество эпизодов. Эта особенность литературной истории повести, связывающая памятник с фольклорными традициями, делает особенно существенным вопрос об изучении соотношения всех ее списков (из 7 известных списков повести 4 остаются неизданными¹⁹¹). Текстологическое исследование даст дополнительный материал и для окончательного уточнения датировки повести,¹⁹² что чрезвычайно важно для понимания идеи этого памятника и его места в сатирической литературе XVII—XVIII вв.

Возникновение жанра сатиры было ярким проявлением нового этапа в литературном процессе XVII в. — этапа утверждения светской повести. Параллельно и во взаимодействии с этим процессом национальной литера-

¹⁸⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.

¹⁸⁷ Русская демократическая сатира XVII века.

¹⁸⁸ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 246—247; В. П. Адрианова-Перетц. Из истории текста антиклерикальных сатир («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 497—499.

¹⁸⁹ Русская демократическая сатира, стр. 210—213.

¹⁹⁰ Там же, стр. 210—211.

¹⁹¹ В дополнение к данным библиографий по древнерусской повести еще один список указывается в книге М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века» (Материалы для истории русской литературы XVIII века) (Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 72).

¹⁹² М. Н. Сперанский (Рукописные сборники XVIII века) полагал, что повесть является созданием XVIII века (стр. 72).

туры шло энергичное усвоение светской переводной беллетристики — западной рыцарской повести и фацеций.

На почве этого общего процесса «обмирщения» литературы, происшедшего при активном участии городских слоев населения, на рубеже XVII—XVIII вв. была создана «Повесть о Фроле Скобееве», главный герой которой был похож и на персонажей переводной «плутовской» новеллы и чем-то напоминал «плута» и «ябедника» Ерша Ершовича.

Текст повести, неоднократно публиковавшийся,¹⁹³ был издан В. Ф. Покровской на основании текстологического исследования.¹⁹⁴ Но критическое издание текста повести нельзя считать законченным, так как в основу издания В. Ф. Покровской был положен не лучший список. Отдав предпочтение Тихонравовскому списку, «как самому краткому и, следовательно, раннему» В. Ф. Покровская пошла за своей «рабочей гипотезой» литературной истории повести: «движение от все более краткого варианта ко все более распространенному».¹⁹⁵ Последующие исследователи повести указывали, что «не всегда более поздние редакции являются и более распространенными»,¹⁹⁶ лучшим списком повести является Погодинский, содержащий старший текст, наиболее близкий к авторскому.¹⁹⁷

Кроме того, В. Ф. Покровская не включила в издание Куприяновский список, сохранившийся лишь в издании «Москвитянина», считая его дефектным без достаточных на то оснований.¹⁹⁸

Все эти недочеты издания повести, а также публикация нового списка¹⁹⁹ ставят вопрос о новом исследовании истории текста, которое ляжет в основу изучения идейного содержания и художественного своеобразия повести.

Критерием для отбора повествовательных памятников, научное издание которых необходимо осуществить, является не только их художественная ценность, но и место в литературном процессе XVII в. Для того чтобы была, наконец, написана история древнерусской повести как жанра, и в частности был решен вопрос о развитии этого жанра в XVII в., необходимо издание всей имеющейся массы повестей, в том числе и повестей «второго порядка», иногда не отличающихся большими художественными достоинствами, но имеющими большое значение в изучении разновидностей жанра, его промежуточных форм.²⁰⁰

Укажем на некоторые неизданные памятники такого рода.

¹⁹³ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 297—298.

¹⁹⁴ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. — ТОДРА, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

¹⁹⁵ Там же, стр. 263.

¹⁹⁶ Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 512.

¹⁹⁷ М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. — Научный бюллетень ЛГУ, № 3, Л., 1945, стр. 34; И. П. Лапидский. Повесть о Фроле Скобееве. — В кн.: Русская повесть XVII века, стр. 475; Ю. К. Бегунов. Тартуский список «Повести о Фроле Скобееве». — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 119, Труды по русской и славянской филологии, V, 1962, стр. 366.

¹⁹⁸ Ср. использование Куприяновского списка в статье Ю. К. Бегунова «Тартуский список „Повести о Фроле Скобееве“» (стр. 366—368).

¹⁹⁹ Там же, стр. 368—375.

²⁰⁰ Об отсутствии изданий повестей, составляющих «фон» и «окружение» «Повести о Фроле Скобееве», «при помощи сравнительного изучения которых могла бы получиться возможность установить хотя бы приблизительно время и место появления и социальную среду», В. Ф. Покровская высказывала сожаление еще в 1934 г. («Повесть о Фроле Скобееве», стр. 249).

Ряд неизданных повестей XVII в. продолжает развиваться в рамках агиографической традиции и в то же время отмечен чертами нового.

«Повесть Никодима типикариси о некоем брате» (середина XVII в.),²⁰¹ примыкающая к жанру «видений», незаурядна в литературном отношении. Она отличается образностью стиля, автобиографическое повествование ее отмечено вниманием к внутренним переживаниям героя.²⁰²

Неизданная «Повесть попа Иякова об обретении мощей» (1635 г.)²⁰³ занимает в жанровом отношении промежуточное положение между рассказом о «чуде от мощей» и «посольской сказкой». Повесть, которая ведется от первого лица, представляет собой описание поездки русского священника Иякова с посланником Борисом Дворяниновым в 1634 г. в Крымскую землю. Повесть, рассказывая об обретении в Крыму мощей неизвестного святого, интересна вниманием к экзотике, подробностями описаний природы и быта русских пленников.

Несколько неизданных повестей конца XVII — начала XVIII в. группируется вокруг «фаустовской» темы «Повести о Савве Грудцыне» — заключение договора с дьяволом — и своеобразно решает ее.

Из них в первую очередь следует назвать «Повесть об убогом человеке, како от дьявола произведен царем»²⁰⁴ — произведение, по-видимому, самого конца XVII в., имеющее любопытное сходство с «Повестью о Савве Грудцыне» в разработке эпизода встречи человека с дьяволом: и в той, и в другой повести эта встреча отчаявшегося героя происходит «в поле». Однако «убогий человек», став царем с помощью дьявола, в отличие от Саввы, сохраняет свободу воли, он «бысть до всех граждан милостив», и, по-видимому, хочет перехитрить дьявола перед смертью. К сожалению, повесть, очень незаурядная в литературном отношении, не имеет конца. О завершении договора с дьяволом мы узнаем из Усть-Цилемской переработки ее — «Повести о богоизбранном царе и о прелести дьяволи»,²⁰⁵ где этот же сюжет существует в несколько измененном виде (возможно, не без влияния старообрядческой литературы).

«Повесть о богоизбранном царе», сохраняя мотив свободы воли героя, подробным нравоучительным повествованием доказывает, что молитвой, покаянием, изнурением плоти и умерщвлением ее (царь, узнав о приближении смерти, велел казнить себя, а перед смертью покаялся и тем спас свою душу) можно спасти душу даже после заключения союза с дьяволом. Изменена и мотивировка заключения договора с дьяволом. Герой «Повести об убогом человеке» был «уловлен в сети» дьявола, так как был «в великой скудости» и «от гладу истомлен». В «Повести о богоизбранном царе» инициатива отношений с бесовскими силами принадлежит самому человеку — преступнику, стремящемуся выйти из темницы.

Интересный материал для дальнейшей трансформации образа «беса» в начале XVIII в. дает неизданное «Сказание о явлении великаго иерарха Николая, Мирликийскаго чудотворца, томскому гражданину Григорию», рассказывающее о событии 1702 г. В этом «Сказании» бесы являются

²⁰¹ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 27, лл. 27—49; № 56, лл. 11—25; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 86, 107.

²⁰² Исследование и издание повести готовит О. А. Белоброва.

²⁰³ ГБЛ, ф. 256 (собрание Румянцевского музея), № 363, лл. 386—393 об. См.: А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума, стр. 521.

²⁰⁴ БАН, 21.11.2 (Сев., 706), лл. 168—168 об.; см. «Описание Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 383). Подготовлена нами для публикации.

²⁰⁵ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 70, лл. 95—105 об.; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 120.

в сознании бедного человека верными пособниками богатых: «О что се, како богатии богатеют, аз же един убог сий, мню, яко бесове им приносят и спомогают о собрании богатства их».²⁰⁶

До сих пор не исследована «Повесть о некоем купце», изданная В. Н. Перетцем в 1907 г. по единственному дефектному списку,²⁰⁷ развивающая тему службы беса человеку. В рукописи БАН существует неизданный отрывок в несколько строк — рассказ о договоре с дьяволом из-за девицы,²⁰⁸ возможно восходящий к этой повести.

Все эти произведения представляют несомненный историко-литературный интерес для изучения «Повести о Савве Грудцыне». Важно уяснить, в какой степени они несут реминесценции повести и в какой всем этим памятникам присуща общность мирозерцания.

Исследователям ясно, что изучение повести XVII в., связанное с общими процессами развития русской литературы, очень обеднено ввиду суженного репертуара памятников повествовательной литературы, доступных для сравнения и сопоставления. Помимо так называемых «назидательных» повестей, многих «Сказаний о чудесах от икон», не издана основная масса северных житий. А ведь тот же процесс трансформации агнографической традиции происходит и в самой житийной литературе.²⁰⁹ Ограничимся лишь одним примером, так как этот вопрос выходит за рамки нашей статьи, — указанием на «Житие Диодора Юрьегорского», сложенное в середине XVII в.²¹⁰ Отдельные эпизоды его (описание приключений заблудившегося на острове монаха, встреча его с отшельником) сообщают «Житию», несмотря на архаичные формы языка, характер занимательного повествования и свидетельствуют об интересе к местному колориту.

Широкое распространение первоначальных редакций житий — «неукрашенных» биографических записок²¹¹ и автобиографических рассказов о чудесах, полных деталей быта, описаний природы, внимания к психическому состоянию героя,²¹² очень увеличивает значение произведений этого жанра в исследовании русской повести.

Выявление и издание произведений, еще находящихся в рукописях, имеет особое значение и для изучения сатирических повестей XVII в. Здесь может быть упомянута сатирическая «Повесть о дьяконове поминке

²⁰⁶ Архив Академии наук, ф. 21 (Миллера), оп. 5, № 110, лл. 3 об.—4. «Сказание» указано нам Е. К. Ромодановской, исследующей его.

²⁰⁷ В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести. — Киевские университетские известия. Киев, 1907, № 8, стр. 33—36.

²⁰⁸ БАН, 25.6.30 (Нов., 5569), л. 42 об.; см. «Описание Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 372).

²⁰⁹ В. О. Ключевский (Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 365—368 и дальше) указал на переход от жития к простой биографии в группе житий конца XVI и XVII в.

²¹⁰ О рукописях «Жития» см.: Н. Барсуков. Источники русской агнографии, табл. 144—145; см. также рукопись: ЦГАДА, ф. 199 (собрание Ф. Ф. Мазурина), № 1069, лл. 13—40. «Житие» издано в отрывках по неизвестной рукописи XVIII в. в работе К. Докучаева-Баскова «Подвижники и монастыри крайнего севера» (Христианское чтение, 1885, № 5—6, стр. 774—794). Указанием на это издание мы обязаны Ю. К. Бегунову.

²¹¹ И. Яхонтов. Жития севернорусских подвижников поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 219.

²¹² Например, в «чудесах» Варлаама Керетского под 1664 г. содержится рассказ о переживаниях мальчика во время бури на Белом море и создается несколько необычный образ самолюбивого святого, требующего поклонения. В противном случае «поношная» и «ужасная» спасенных им, Варлаам Керетский даже «хотяше. . . бить дубцы» (ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 121—122). См. также «чудеса» Иоанна и Логгина Яренгских (ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 156 об.—157) и др.

и о кутии».²¹³ Высмеивание духовенства и «раешный» стих сближают эту повесть из сборника начала XVIII в. с «Повестью о попе Саве». Заглавие «Выписка из королевских книг» напоминает заглавие (в некоторых списках) «Повести о Шемьякином суде»: «выписано из полских книг».²¹⁴ Шуточная закладная на «полторы репы» читается в одном из сборников БАН²¹⁵ и, несмотря на крайне плохую сохранность, представляет безусловный интерес для исследователей указанием даты своего составления — 1644 г. «Судное дело волка с лисицей»²¹⁶ — переделка одной из басен Эзопа, любопытно своей связью с «Повестью о Ерше Ершовиче».

О том, какое значение для истории повести вообще и сатирической в частности имеют поиски новых рукописей и сколько ценностей таится в различных архивах, свидетельствует находка в Стокгольме нового списка «Азбуки о голом и небогатом человеке», датированного 1663 г. Приписка к стокгольмскому списку «Азбуки», с которой нас любезно познакомил В. И. Малышев, сообщает, что она является копией («с такой же азбуки»), «писана лета 7171-го года, а свершена июля в 14 день. А у ней писаны склады азбучныя и розныя мудрости хотящему человеку учиться, хоть русскому или иноземцу какову нибудь». Стокгольмский список является старейшим датированным списком «Азбуки» и позволяет относить время ее создания к середине XVII в. Подтверждается указание И. Забелина и В. П. Адриановой-Перетц на связь «Азбуки» (в рукописной традиции) со скорописной азбукой XVII в.²¹⁷

Чтобы возможно полнее представить сатирическую литературу XVII в., необходимы тщательное обследование, изучение и издание демократических произведений первой половины XVIII в. Многие из них указаны и рассмотрены в специальной главе в книге В. Д. Кузьминой «Русский демократический театр XVIII в.»²¹⁸ и изданы ею,²¹⁹ общий обзор сатиры в рукописных сборниках XVIII в. находится в книге М. Н. Сперанского, вышедшей в 1963 г.²²⁰ Однако весь этот большой раздел литературы еще ждет специального изучения.

Демократическая сатира XVIII в. должна привлечь внимание исследователей не только в плане изучения идейно-художественных связей с предшествующей сатирической литературой, но и в плане выяснения источников, что поможет решить вопрос о происхождении и времени возникновения некоторых сюжетов (вопрос, еще не всегда решенный) и поставить проблему реконструкции сюжетов XVII в.

Примером неясности в датировке и соответственно места произведения

²¹³ БАН, 13.6.8 (собрание Яцимирского, № 85), лл. 39 об.—40. Публикация ее готовилась для «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» (т. IV, вып. 1), но не была осуществлена. В настоящее время подготовлена для публикации нами.

²¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 193.

²¹⁵ БАН, 21.7.8 (Сев., 674), л. 170 об.; см. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, т. IV, вып. 1, стр. 138—139.

²¹⁶ ГПБ, О.ХVII.57, лл. 283—286. Указано мне В. П. Адриановой-Перетц. См. также: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 30.

²¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, стр. 14. Во время печатания настоящей статьи появилось издание стокгольмского списка «Азбуки»: Lunden Siri Sveredrup. Список XVII века азбуки о голом и небогатом человеке. — Scando-Slavica, t. IX. Copenhagen, 1963, стр. 169—185.

²¹⁸ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М.—Л., 1958, стр. 13—42.

²¹⁹ В. Д. Кузьмина. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII в. — ИЮЛЯ, т. XIV, вып. 4, 1955, стр. 374—383.

²²⁰ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 69—72.

в литературном ряду является датировка шуточной челобитной «Господа бояря, судите, рядите в божию правду». Она рассматривается В. П. Адриановой-Перетц как произведение XVII в., «близкое по времени написания к „Калязинской челобитной“»,²²¹ а М. Н. Сперанский²²² и В. Д. Кузьмина²²³ относят ее к XVIII в. «Сказание о пауте и о комаре и о мизгире и о мравье и о мухе-горюхе» включается в круг сатиры XVIII в.,²²⁴ хотя точка зрения Вс. Миллера, видевшего в «Сказании» черты сказки XVII в.,²²⁵ никак не опровергнута.

Рассмотрение вопросов, связанных с изданием крупнейших повестей XVII в., убеждает в их почти полной текстологической неизученности.

Важнейшие памятники XVII в., те самые «литературные факты», которые должны лежать в основе решения вопросов о жанровом своеобразии русской повести и в основе историко-литературных проблем всего XVII в., нового этапа в развитии древней русской литературы, не имеют научного издания текстов. Неясны архетипы многих повестей («Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о Соломонии» и др.), что очень затрудняет изучение языка и стиля. В ряде случаев не выяснены кардинальные проблемы, решение которых упирается именно в отсутствие текстологического исследования: проблема оригинальности памятника («Беседа отца с сыном», «Повесть о Еруслане Лазаревиче»), проблема происхождения — книжного или устнопоэтического («Сказание о молодце и девице», «Сказание о киевских богатырях»), проблема датировки («Сказание о молодце и девице») и т. д. Многие из повестей не имеют даже печатной библиографии рукописей («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о Соломонии».)²²⁶

Изучение жанра повести должно основываться на всех ее разновидностях, поэтому необходимым представляется издание всей массы повестей, находящихся еще в рукописях.

4 Р^ус^ск^ие

Несколько слов о группе повестей XVII в. на историческую тему.

Литература первой половины XVII в. характеризуется самыми разнообразными в жанровом отношении разработками темы «Смуты» — крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала века.

Обращаясь к произведениям так называемого «Смутного времени», исследователи обычно опираются на издание «Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени» в составе XIII тома «Русской исторической библиотеки».²²⁷ Из трех изданий XIII тома «Рус-

²²¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, стр. 112.

²²² М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 71.

²²³ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII в., стр. 38.

²²⁴ Там же, стр. 21—22.

²²⁵ В. Миллер. Сказка о насекомых в старинной записи. — Этнографическое обозрение, 1895, № 2, стр. 128. В рукописи ГБЛ, ф. 298 (собрание Н. С. Тихонравова). № 324, лл. 56—57 об. (XVIII в.), не привлекавшейся к изучению, находится несколько иной вариант «Сказания».

²²⁶ Попутно встает вопрос о дополнении и уточнении имеющихся библиографий по повестям.

²²⁷ XIII том «Русской исторической библиотеки» целиком посвящен памятникам, относящимся к событиям и лицам «Смутного времени». До этого памятники начала XVII в. печатались, но в разных изданиях. См.: О. А. Державина. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 673.

ской исторической библиотеки»²²⁸ наиболее ценным следует считать 2-е издание, осуществленное в 1909 г., в котором памятники «Смутного времени» представлены наиболее полно. Произведения были напечатаны в нем по спискам, казавшимся издателю в то время наилучшими, с приведением разночтений, с указанием в примечаниях исправлений, которые делались в основном тексте. Однако в настоящее время это издание уже не может в полной мере удовлетворить исследователей. Некоторые из опубликованных в XIII томе «Русской исторической библиотеки» памятников — «Временник» Ивана Тимофеева,²²⁹ «Сказание» Авраамия Палицына,²³⁰ «Новая повесть о преславном Российском царстве»²³¹ — изданы заново, с тщательной выверкой их списков по рукописям, снабжены основательными историко-филологическими комментариями. За период, истекший со времени выхода в свет 2-го издания XIII тома «Русской исторической библиотеки», в архивах были обнаружены новые списки произведений; изучение их подчас заставляет пересматривать картину взаимоотношения списков, на основе которой строилось данное издание.

Нуждается в переиздании «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» или так называемая «Повесть 1606 года», вошедшая в позднейшей своей редакции в состав «Иного сказания». Повесть была издана в XIII томе «Русской исторической библиотеки»²³² по двум спискам (один в вариантах) краткой редакции, считавшимися наиболее исправными. Между тем, как было доказано Е. Н. Кушевой, исследовавшей литературную историю повести, существуют списки, текст которых более первоначален, чем напечатанный в «Русской исторической библиотеке».²³³ В прошлом издании был учтен не весь текстовый материал. Ряд списков краткой и полной редакций, не использованный в издании, был указан еще С. Ф. Платоновым, впоследствии этот перечень дополнила Е. Н. Кушева.²³⁴

«Повесть 1606 года» является старшей в ряду памятников «Смутного времени», ее литературная история представляет особую ценность. Поэтому, основываясь на выводах исследования ее литературной истории, следует осуществить переиздание повести с учетом всего имеющегося рукописного материала.

Одним из памятников, который следует издать заново, является «Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и походе его». В необходимости нового издания этой повести, современной событиям «Смуты», проникнутой «определенным публицистическим заданием», убеждает вышедшая в 1926 г. и заслуживающая самого серьезного внимания упоминавшаяся работа Е. Н. Кушевой.²³⁵ Сказание издавалось неоднократно. Первое издание 1847 г. по двум спискам полной редакции (один из них был привлечен для «разно-

²²⁸ РИБ, т. XIII. СПб., 1891; изд. 2-е. — СПб., 1909, изд. 3-е. — СПб., 1925, 3-е издание содержит лишь часть произведений, напечатанных во 2-м издании.

²²⁹ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»),

²³⁰ Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

²³¹ Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960.

²³² РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 145—176. В полной редакции повесть издана в составе «Иного сказания» по 2 спискам.

²³³ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. — Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, т. V (XIV), вып. 2. Саратов, 1926, стр. 40—46.

²³⁴ Там же, стр. 39, прим.

²³⁵ Там же, стр. 65—95.

словий») оказалось совершенно неудовлетворительным.²³⁶ Как отмечает Е. Н. Кушева, были нарушены самые элементарные правила передачи текста.²³⁷ Впоследствии была напечатана и краткая редакция «Сказания» тоже по двум спискам (один из них в вариантах).²³⁸ Ознакомясь с изданным материалом и списками «Сказания», которые были известны С. Ф. Платонову, изучив дополнительно и другие списки повести, Е. Н. Кушева пересмотрела существовавшую до нее точку зрения на взаимоотношение текстов и пришла к заключению, что краткая редакция, которую Платонов считал вторичной, первоначально. Ею же уточнены были взаимоотношения между списками внутри самой краткой редакции. Таким образом, в настоящий момент существуют лишь схема взаимоотношения и развития текстов «Сказания» и два издания памятника, одно из которых не отражает как следует действительную картину движения текста, другое — не представляет никакой научной ценности.

В архивах несомненно обнаружатся новые списки «Сказания». Уже сейчас мы можем назвать рукописи, которые были неизвестны и Кушевой: БАН, 21.10.17; 45.8.216. Не все вопросы, связанные с изучением «Сказания» как литературного памятника, уже решены окончательно. «Сказание» необходимо изучать не только само по себе, но и в связи с теми произведениями, которые им пользовались.²³⁹

В статье, напечатанной в 1958 г. в XIV томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», Е. В. Колосова сообщила о найденном ею списке XVII в. «Повести о Федоре Ивановиче»²⁴⁰ патриарха Иова. Этот список из собрания Егорова представляет, по мнению автора, иную редакцию повести по сравнению с изданной по трем спискам в «Полном собрании русских летописей»: ²⁴¹ в этом списке характеристика царя Федора Ивановича была дана «более сжато», вместе с тем была усилена «значимость роли Бориса Годунова». Как полагает Е. В. Колосова, в Егоровской редакции «ясно видна цель организовать общественное мнение в пользу Годунова». Список ценен тем, что отражает «позицию дворянства и его взгляды на внутриклассовую борьбу на рубеже XVI—XVII вв.» Редакция же повести, напечатанная в «Полном собрании русских летописей», «совпадает по времени возникновения с годами царствования Романовых» и «организует общественное мнение в пользу новой царствующей фамилии».

Высказанные Е. В. Колосовой пока только в виде предположения соображения относительно «Повести о Федоре Ивановиче» нуждаются в подтверждении. Для этого в первую очередь необходимо тщательно текстологически исследовать списки повести, тем более что в архивохранилищах списки имеются и среди них нам известны и такие, которые в чтениях совпадают со списком Егоровского собрания.²⁴²

²³⁶ См.: ЧОИДР, 1847, кн. 9 («Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и о похищении его». Предисловие Боянского) и отдельно (М., 1847).

²³⁷ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени, стр. 72.

²³⁸ РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стр. XXII—XXIV, стлб. 713—754.

²³⁹ Рассказы о Лжедмитрии в Хронографах были изданы Ростовичным: Четыре сказания о Лжедмитрии. СПб., 1863. См. также: Сказание о самозванце по списку Московского публичного музея, № 314. (Сообщение С. Ф. Платонова. — ПДП, т. 109, 1895). Изучение всего цикла сказаний о Гришке Отрепьеве, начиная с 1606 г., было бы небезынтересно и с той точки зрения, как обрисован в каждом из этих произведений образ Самозванца.

²⁴⁰ Е. В. Колосова. Новый список Повести о Федоре Ивановиче. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958.

²⁴¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1. СПб., 1910.

²⁴² См., например: списки БАН, Арх., Д. № 412, л. 41 об.; 32.8.5, л. 238; списки БАН, 32.8.5, л. 94 и Арх., С. № 131, л. 668 сходны в чтениях с Егоровским списком.

Наиболее значительным произведением начала XVII в. в жанре «видений» является «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия. Известная и в отдельных списках, и в составе компилятивных памятников — «Иного сказания», «Казанского сказания»,²⁴³ — повесть, как и большинство памятников эпохи «Смуты», в прошлом была издана. Впервые текст повести появился в 1862 г. Памятник был издан по случайному списку, находящемуся в составе летописца XVII в.;²⁴⁴ этот список по своим особенностям походит на тот тип «Видения», который находится в составе «Иного сказания».²⁴⁵ В 1891 г. повесть была издана вторично в виде самостоятельного произведения по списку Государственной Публичной библиотеки, текст которого представлялся издателям первоначальным,²⁴⁶ как наиболее полный, и в составе «Иного сказания»²⁴⁷ с разночтениями по нескольким спискам. Повесть не раз привлекала к себе внимание исследователей. Однако считать этот памятник до конца изученным пока еще нельзя. Хотя догадка А. А. Назаревского,²⁴⁸ подержанная А. И. Копаневым,²⁴⁹ в вопросе, давно занимавшем исследователей, — какую из двух формулировок рассуждения о пороках, царящих в обществе, следует считать первоначальной, возможно и правдоподобна, все же этот вопрос еще нельзя считать окончательно разрешенным.²⁵⁰ Для этого следует изучить все списки повести, многие из которых еще мало известны,²⁵¹ и на основании их текстологического исследования осуществить критическое издание этого памятника по всем спискам.²⁵²

«Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию», по предположению исследователей, написанная уже в начале царствования Михаила Романова,²⁵³ известна до сих пор в трех списках. Один из них был издан С. Ф. Платоновым в «Русской исторической библиотеке».²⁵⁴ Другой, представляющий интерес главным образом тем, что после заклю-

²⁴³ См.: М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. — Исторический архив, кн. VI, 1951.

²⁴⁴ ЛЗАК, 1861, вып. 1; 1862, отд. II, стр. 52—54.

²⁴⁵ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Изд. Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1958, стр. 108—109.

²⁴⁶ См.: РИБ, т. XIII. СПб., 1891, стлб. 177—186. Два списка при этом были приведены в вариантах.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 115.

²⁴⁹ А. И. Копанев. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну». — ТОДРА, т. XVI М.—Л., 1960, стр. 480.

²⁵⁰ Об этом см.: А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 111—116; А. И. Копанев. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну», стр. 477—478; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951, стр. 289—290.

²⁵¹ Помимо списков, изданных в РИБ, С. Ф. Платоновым в его монографии были использованы и другие. См.: С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 71. См. также списки повести, которые Платонову известны не были: ГПБ, Q. XVII, 35, F. XVII, 54; ГИМ, собр. Муз., № 2332; имеются списки повести в рукописном собрании Института истории, языка и литературы Карельской базы АН СССР (см.: В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 151); в рукописных сборниках Усть-Цилемы (см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.); в ГБЛ (Записки отдела рукописей, вып. 24. М., 1961, стр. 188).

²⁵² Нуждаются в исследовании и такие произведения жанра «видений» начала XVII в., как «Иное видение», «Повесть о видении мниху Варлааму в великом Новгороде». В рукописных собраниях Москвы имеются списки этих произведений, еще не привлекавшиеся к изучению.

²⁵³ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания, стр. 152; А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 148—149.

²⁵⁴ РИБ, т. XIII, стлб. 249—260.

читальной молитвы имел еще особое послесловие к читателям, был опубликован также Платоновым в 1911 г. по рукописи XVII в. архива Выдубецкого монастыря.²⁵⁵ Третий список, обнаруженный Н. К. Никольским в архиве Владимирского братства Александра Невского, издан не был.²⁵⁶ Никольский привел только текст обращения автора к читателям «по копии . . . не сверенной с оригиналом». Следует осуществить критическое издание этой повести с предварительными поисками в книгохранилищах новых списков. В настоящее время исторические условия появления этого памятника с его явным интересом к теме, связанной с Василием Шуйским,²⁵⁷ остаются не совсем ясными.

В свете не решенных из-за отсутствия текстологического исследования задач остановимся на произведениях двух виднейших писателей о «Смуте» времени Михаила Романова — Хворостинина и Катыврева-Ростовского.

«Словеса дней и царей и святителей московских» князя Хворостинина были изданы в 1891 г. по единственно известному в то время списку ГПБ, Q.IV, № 172 конца XVII в.²⁵⁸ Список был неисправен, повесть осталась в нем недописанной: изложение прерывалось на полуслове, отмечались пропуски и внутри текста.²⁵⁹ В настоящее время нам стал известен еще один список собрания Забелина, № 474.²⁶⁰ И хотя, по словам М. Н. Сперанского, описывавшего это собрание,²⁶¹ этот новый список «восходит тоже к неполному прототипу», следовало бы изучить его и издать вместе с первым: «Словеса» Хворостинина представляют немалый интерес как свидетельство появления новых веяний в литературе этого периода.

«Повесть книги сея от прежних лет», приписываемая кн. Катывреву-Ростовскому, уже не раз привлекала к себе внимание своими художественными особенностями. Изучали ее состав, источники. Проблемы взаимоотношения текстов повести касались С. Ф. Платонов,²⁶² П. Г. Васенко.²⁶³ Однако и до сих пор повесть еще изучена не до конца. При решении вопроса о том, какая из редакций лучше сохранила текст протографа,²⁶⁴ или вызвавшего большие споры вопроса об авторстве и о первоначальном составе повести²⁶⁵ без приведения в известность всех списков повести и

²⁵⁵ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани. — В кн.: Старина и Новизна, кн. 15. СПб., 1911, стр. 24—33.

²⁵⁶ Н. Никольский. К истории текста «Повести о некоей брани, належащей на благочестивую Россию». — Библиографическая летопись, вып. II. Изд. ОЛДП, СПб., 1915, стр. 73—77. По-видимому, этот список повести следует искать во Владимирском отделении Владимиро-Суздальского историко-художественного и архитектурного музея заповедника. См.: А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, стр. 25.

²⁵⁷ По этому поводу см. предположение, высказанное А. А. Назаревским в «Очерках. . .» (сто. 150—151).

²⁵⁸ РИБ, т. XIII, столб. 525—558.

²⁵⁹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . ., стр. 231.

²⁶⁰ Сведения взяты из картотеки Н. К. Никольского (БАН).

²⁶¹ М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Старая традиция. — Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926 (Приложение II, стр. 19).

²⁶² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . ., стр. 258—262.

²⁶³ П. Г. Васенко. О редакциях Повести князя Ивана Михайловича Катыврева-Ростовского. — Записки имп. Русского археологического общества, т. XI, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1899.

²⁶⁴ См.: А. Орлов. Повесть кн. Катыврева-Ростовского и Троянская История Гвидо де Колумна. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917.

²⁶⁵ С. Ф. Платонов. Старые сомнения. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917; А. М. Ставрович. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922; О. А. Державина. К истории создания «Летописной книги».

выяснения литературной истории этого памятника не обойтись. До сих пор ученые опирались на издание С. Ф. Платонова.²⁶⁶ Поправка, внесенная в свое время П. Г. Васенко,²⁶⁷ заключающаяся в том, что один из списков, отнесенных в издании ко II редакции, представляет собой самостоятельную редакцию, промежуточную, хотя и была принята учеными, но дифференцированное издание II и III редакций осуществлено не было. Привлечение всех списков произведения²⁶⁸ и воссоздание наглядной картины литературной истории памятника — очередная задача в деле его дальнейшего изучения.

В начале первой четверти XVII в. возникают произведения, целиком посвященные теме взаимоотношения Руси с Турцией. Это Повесть о двух посольствах и Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. Дальнейшее развитие эти памятники получили во второй половине XVII в. в виде цикла легендарных грамот турецкого султана европейским государям и переписки его с чигиринскими казаками (по образцу письма запорожцев). Произведения эти написаны в форме дипломатических документов — статейных списков и дипломатических грамот, что еще с времен Карамзина²⁶⁹ явилось причиной отнесения их к разряду «подложных» документов и неизученности списков этих произведений.

В XIX в. указанные памятники были изданы по случайным спискам и без предварительного изучения: Повесть о двух посольствах — в 1883 г. Обществом любителей древней письменности по рукописи без указания ее шифра.²⁷⁰ Все остальные повести были опубликованы А. Поповым в «Изборнике» по списку Хронографа 1696 г.²⁷¹

В настоящее время М. Д. Каган²⁷² предприняла исследование и издание текстов повестей, которые исследовательница именует Посольскими повестями. Исследование М. Д. Каган позволит по-новому взглянуть на эти памятники. М. Д. Каган уже осуществлена предварительная публикация повестей по старшим спискам с приведением разночтений. Публикациям

приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XLVIII. Кафедра русской литературы, вып. 5. М., 1955; Н. К. Гудзий. К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958.
²⁶⁶ РИБ, т. XIII, стлб. 559—624, 625—712. Повесть издана здесь в двух редакциях: первая, краткая, по одному списку, вторая, пространная, в составе Хронографа по 5 спискам. До этого повесть в виде отрывков была издана в «Русских достопамятностях» (М., 1815), у гр. Растопчина «Четыре сказания о Лжедмитрии» (СПб., 1863) и целиком по списку, принадлежащему издателю, см.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 283—315.

²⁶⁷ П. Г. Васенко. О редакциях Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. . . .

²⁶⁸ Помимо списков пространной редакции повести, которые были известны С. Ф. Платонову, назовем еще [БАН, 17.9.9, 33.15.9 (в отрывках); ГПБ, собрание Петербургской Духовной академии, № 305 (сведения взяты из картотеки Н. К. Никольского в БАН)].

²⁶⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. Изд. 2-е, стр. 115, прим. 348; стр. 161—163, прим. 442.

²⁷⁰ ПДПИ. СПб., 1883.

²⁷¹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, стр. 448—458.

²⁷² М. Д. Каган. 1) «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957; 3) Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958; 4) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958.

предпосланы исследования, поднимающие вопросы о времени возникновения повестей, их авторе, месте этих произведений в историко-литературном процессе. М. Д. Каган учтена значительная рукописная традиция.

Работу М. Д. Каган над Посольскими повестями еще нельзя считать законченной. Автору предстоит полностью изучить рукописную традицию этих произведений, в особенности это касается Повести о двух посольствах. Повесть о двух посольствах следует издать по всем четырем редакциям с подробным описанием взаимоотношения всех ее списков.

Посольские повести представляют большой интерес, являясь частью нового литературного направления XVII в., образующего переходную ступень от деловой письменности к «беллетристике».

В ряду исторических повестей XVII в. особый литературный интерес представляют произведения, появление которых было вызвано азовскими событиями 1637—1642 гг. Это, по терминологии А. С. Орлова,²⁷³ «историческая» повесть об азовском взятии 1637 г., «документальная» и «поэтическая» — об азовском осадном сидении в 1641 г. и возникшая на их основе так называемая «сказочная» повесть об Азове. Повести эти на протяжении XVIII—XIX вв. неоднократно издавались, как правило, по спискам позднего происхождения. Впервые систематическое текстологическое изучение и научное издание повестей были осуществлены А. С. Орловым.²⁷⁴ В основных своих выводах труды А. С. Орлова об азовских повестях сохранили научное значение и до настоящего времени. Однако с момента выхода работ А. С. Орлова стали известны новые материалы. Находки неизвестных ранее рукописей позволили последнему исследователю повестей А. Н. Робинсону внести в текстологическое изучение этих повестей ряд существенных дополнений, в частности в схему редакций «поэтической» повести.²⁷⁵ Привлечение А. Н. Робинсоном к исследованию списка ГБЛ из собрания Тихонравова, № 135, помогло разрешить вопрос о конце «поэтической» повести и определить время ее написания.²⁷⁶

В основу издания «исторической», «поэтической» и «сказочной» повестей, осуществленного А. Н. Робинсоном в серии «Литературные памятники»,²⁷⁷ взяты лучшие, старейшие списки текстов этих повестей. Издание сопровождается археографическим, историческим и географическим комментариями, а также историко-литературным очерком. Однако, несмотря на то что эта последняя публикация азовских повестей и осуществлена с учетом новейших наблюдений над текстами произведений, в этом издании не могла быть полностью отражена картина движения их текста, так как, согласно правилам, принятым в «Литературных памятниках», варианты к основному тексту каждого памятника привлекаются лишь для исправления чтений основного списка. Неполностью представлены в нем и отдельные виды и редакции произведений, совсем не привлечена к изданию «до-

²⁷³ См.: А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906.

²⁷⁴ А. С. Орлов. 1) Исторические и поэтические повести об Азове... 2) Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906.

²⁷⁵ А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948.

²⁷⁶ А. Н. Робинсон. 1) Поэтическая повесть об Азове... стр. 34—40; 2) Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове. — Доклады и сообщения филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 5, 1948. О стиле «Поэтической» повести см.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове. — Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 118, Труды Кафедры русской литературы, кн. 2. М., 1946.

²⁷⁷ См.: Воинские повести древней Руси, стр. 41—112, 166—243, 273—283, 306—331.

кументальная» повесть. Новое издание азовских повестей должно включить в себя все типы этих повестей, с возможно полным раскрытием рукописной традиции каждой. Необходимость такого издания диктуется еще и тем, что публикация азовского цикла А. С. Орловым в начале XX века стала в настоящий момент библиографической редкостью.

Среди памятников на историческую тему, созданных в середине—второй половине XVII в., можно назвать несколько, текстологически изученных недостаточно и даже не изученных совсем.

К середине XVII в., по предположению М. Н. Сперанского,²⁷⁸ относятся две повести на тему из византийской истории: «Слово о благочестивом царе Михаиле» и так называемое «Сказание о древе златом и о златом попуге и о царе Михаиле, да о царе Левтасаре». В этих произведениях М. Н. Сперанский, впервые их исследовавший,²⁷⁹ увидел «образчик нарождающейся повести нового типа» со свободным отношением автора «к традиционным приемам творчества», к источнику и его содержанию. Известная в одном списке первая повесть впервые была издана М. Н. Сперанским в Приложении к его исследованию.²⁸⁰ Вторая, дошедшая в различных видах, была в 1899 г. опубликована по одному списку Х. М. Лопаревым,²⁸¹ другой ее вариант был издан факсимиле еще в 1877 г. Обществом любителей древней письменности.²⁸² Последний, краткий вариант М. Н. Сперанский переиздал в своем Приложении, опубликовав одновременно и полные тексты «Сказания» по двум спискам.²⁸³ Заслуга М. Н. Сперанского состоит в том, что он ввел в научный оборот эти два, представляющие значительный интерес в литературном отношении памятника, охарактеризовал их списки, сделал попытку определить их источники, время и среду, в которой они могли возникнуть. Но и после исследования М. Н. Сперанского полного представления о литературной истории «Сказания» мы не имеем. Не все списки, известные М. Н. Сперанскому, были им использованы при издании. Список рукописей, которые знал М. Н. Сперанский, библиографическим указателем был пополнен новыми.²⁸⁴ Приведение в известность всех списков рассматриваемых памятников даст возможность углубить начатое над ними исследование.

Всестороннего исследования и в первую очередь изучения списков памятника заслуживает получившая широкое распространение в XVII в. легендарная, так называемая «История еже о начале Руския земли»,²⁸⁵ которая рассказывала о происхождении восточных славян, об основании Новгорода, о первых русских князьях и т. п. Дошедшая в различных вариантах в огромном количестве списков в виде отдельного произведения и в составе различных компиляций «История» в 1869 г. была издана А. Н. Поповым по рукописи, содержащей Хронограф 1679 г.,²⁸⁶ а в 1878 г. переиздана Ф. Гиляровым с подведением вариантов по 20 рукописям.²⁸⁷

²⁷⁸ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII в. — ТОДРА, т. I. Л., 1934.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же, стр. 161—164.

²⁸¹ Х. М. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, стр. 141—144. Лопарев не раскрывал титула, не вносил в текст выносные буквы.

²⁸² ПДП, т. XV. СПб., 1877.

²⁸³ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке, стр. 164—170.

²⁸⁴ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 250; Библиография А. А. Назаревского, стр. 118—119.

²⁸⁵ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I М., 1955, стр. 95—96.

²⁸⁶ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, стр. 442—447.

²⁸⁷ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 15—23.

Что это были за списки, каково было взаимоотношение между ними, Ф. Гиляров не разъяснил. Варианты подведены им были выборочно. Когда могло быть создано это баснословное сказание, сложилось ли оно как самостоятельное произведение или, как предполагал А. Н. Попов,²⁸⁸ было специально сочинено для Хронографа (третьей редакции), поможет выяснить только тщательное текстологическое исследование.

Остановимся еще на одном произведении в этой группе памятников. Издавая в 1892 г. памятники прений о вере, возникших по делу о сватовстве королевича Вольдемара за царевну Ирину Михайловну, А. П. Голубцов предпослал им небольшой рассказ под названием «Повесть и писание о еже случися быти в нашей Русстей земли и нынешних настоящих летех», или «Повесть о внезапной кончине государя Михаила Федоровича, случившееся по безуспешному делу супружества княжны Ирины Михайловны с Вольдемаром королевичем».²⁸⁹

Написанная, судя по замечанию в конце одного из списков, в 1647 г. в Москве, повесть сообщает о сватовстве Вольдемара за царевну Ирину, о приезде королевича в Москву, пребывании в ней, внезапной смерти царя Михаила Федоровича, последовавшей за этим смерти царицы (в связи с неудачно закончившимся сватовством). Автор, по словам Голубцова, «весьма живо изобразил впечатления и настроения, с которыми вышли русские люди из описанных им событий».

Эта повесть прокомментирована Голубцовым не была, между тем небезынтересно было бы выяснить, что в этой повести соответствует действительно имевшим место фактам, что следует относить уже к литературной обработке. Повесть была издана Голубцовым всего лишь по одному из трех известных ему списков, и издание это было осуществлено не по рукописи, в которой видели подлинник, а по списку «Петровского времени».

Так, еще далеко не благополучно обстоит дело с текстологическим изучением и некоторых исторических повестей XVII в. Между тем тщательный текстологический анализ этих произведений необходим был бы не только для изучения истории текста каждого памятника, но главным образом для того, чтобы на судьбе отдельных повестей проследить, как, с одной стороны, происходил процесс перехода к исторической беллетристике, с другой — создавались собственно исторические труды. Одним из первых среди этих трудов явилось сочинение о стрелецком восстании 1682 г. Силивестра Медведева. От него уже идет путь к историческим трудам петровского времени.

²⁸⁸ А. Попов. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869, стр. 204—205.

²⁸⁹ А. Голубцов. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, стр. IV—VII, 1—22.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.

1

В настоящей работе автор ставит своей целью привлечь внимание научной общественности к некоторым наиболее значительным проблемам, которые с неизбежностью встают перед всяким, кто берется за пристальное изучение древней славяно-русской переводной книжности.

Еще в 1929 г. академик Н. К. Никольский¹ указал на необходимость проведения предварительной библиографической работы по научному описанию всех сохранившихся как в отечественных, так и в зарубежных собраниях древнерусских (и славяно-русских) рукописей.

Несмотря на то что в свое время самим Н. К. Никольским и сотрудниками возглавлявшейся им Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы было собрано немалое количество библиографических сведений, относящихся к рукописным собраниям, сохраняющим древнюю славяно-русскую книжность,² все же эти работы не завершены и нуждаются в привлечении к ним новых и новых сил и средств.³

В 1958 г. во время работы IV Международного съезда славистов в Москве была образована Эдиционнo-текстологическая комиссия при Международном комитете славистов. Был обсужден специальный доклад Е. Э. Гранстрем «О подготовке сводного каталога славянских рукописей».⁴ Перед славистами всех стран был поставлен вопрос о необходимости усилить работу по научному описанию старых славянских рукописей, находящихся в различных хранилищах, было вынесено решение о том, чтобы был составлен Международный сводный каталог славянских рукописей.

Как свидетельствует недавно опубликованная статья Д. С. Лихачева, кое-что в этом направлении исследуется; отдельные энтузиасты и целые научные коллективы сделали уже немало. Но все же признать эту работу

¹ Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.

² См.: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. Корректурное издание. СПб., 1906, VII + 596 стр.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — Вопросы языковедения, 1961, № 1, стр. 121—125.

⁴ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Изд. ГПБ, Л., 1958, 30 стр.

достаточной и положение с библиографированием древних славянских рукописей благополучным мы не можем.⁵ Главной бедой до наших дней является недостаток постатейных описаний старых сборников, где главным образом содержатся списки памятников переводной письменности. Громадное количество еще не выявленных произведений переводной книжности различных периодов содержится не только в сборниках, но и в таких древних рукописных книгах, как Кормчие, Уставы, Минеи (служебные и четьи), Прологи, Патерики, Хронографы и другие. Именно в этих родах книжности могут обнаруживаться совершенно неожиданные находки. Так, уже свыше 35 лет назад В. Н. Бенешевич обратил внимание на содержащийся в одной из неопубликованных Кормчих календарно-астрономический трактат о Календах, Нонах и Идах, приписанный некоему «великому книжнику Антиохийскому».⁶ Упомянутый трактат включает в себя не известные по другим источникам тексты древнейшего римского писателя Ливия Андроника, ссылки на Овидия, а также много таких словарно-грамматических материалов, которые чрезвычайно важны для изучающих древнюю славяно-русскую переводную письменность и ищущих в ней отражение классической античности. И. М. Тронский, вслед за В. Н. Перетцом⁷ призвавший внимание исследователей к изучению античного наследия в славяно-русской переводной книжности, отметил в своем выступлении на IV Международном съезде славистов, что есть еще много текстов подобного характера, которые остаются неопубликованными и даже вовсе не известными.⁸

И. Дуйчев открыл, что через посредство «Диалогов» Псевдо-Кесария, переведенных в Болгарии в X в., а впоследствии проникших на Русь, славянская переводная письменность получила фрагменты книги сирийского писателя II в. н. э. Бардесана Эдесского *Liber legum Regionum*.⁹

Весьма важные находки удавалось делать при разысканиях в области древнерусской переводной повести И. П. Еремину.¹⁰ Немало подобного же материала встречалось и в нашей личной практике при работе над переводными памятниками.

Поэтому мы можем смело сказать, что до тех пор, пока не будет издан Международный сводный каталог древнеславянских рукописей,¹¹ хотя бы в хронологических пределах до XIII в. включительно, неожиданные находки новых памятников переводной славяно-русской книжности неизбежны.

⁵ Д. С. Лихачев. Работа по описанию старых славянских рукописей в СССР после IV Международного съезда славистов в Москве. — ИЮЛЯ, т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 64—67.

⁶ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде в конце XV столетия. — Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 378—380.

⁷ В. Н. Перетц. Сведения об античном мире в древней Руси XI—XIV вв. — Гермес, т. 21, № 13—20, 1917; т. 22, № 8—12, 1918.

⁸ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 121.

⁹ Там же, стр. 118; см. также: J. Duicev. Le version paleoslave dei Dialogi dello Pseudo-cesario. — *Silloge bizantine in onore di Silvio Giuseppe Mercati*. Roma, 1957, стр. 89—100.

¹⁰ И. П. Еремин. К истории древнерусской переводной повести. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 37—57.

¹¹ Инструкцию по составлению Международного каталога древнеславянских рукописей, принятую на Варшавском совещании ЭDITIONНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ Международного комитета славистов 24 сентября 1962 г., см.: *Slavia*, гоґ. XXXII, 1963, seš. 2.

Не менее печально обстоит дело и с изданием памятников. Несмотря на опубликованные в свое время капитальные труды В. М. Истрина, М. Н. Сперанского и некоторых других исследователей, основной фонд переводной письменности продолжает оставаться неизданным.

Из изданий переводной письменности, которые были осуществлены исследователями прошлого, лишь немногие удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются к подобного рода критическим изданиям современным уровнем теоретической текстологии и эдиционной практики, выработанной в течение последнего десятилетия при публикации памятников древнерусской литературы.¹²

Пожалуй, лишь публикации текстов Александрии и Хроники Георгия Амартола, выполненные В. М. Истриным, смогли выдержать испытание временем. Что касается, например, подготовленного этим же ученым издания Хроники Иоанна Малалы, то оно явно не удовлетворяет потребностей исследования и заставляет желать нового, лучшего в текстологическом отношении труда. Во-первых, это издание печаталось в нескольких, в большинстве почти недоступных исследователям разных провинциальных периодических изданиях, во-вторых, В. М. Истриным не были привлечены все известные даже в его время списки, наконец, в более позднее время были выявлены в разных сборниках и хронографах новые фрагменты этого текста.¹³ Очень плохо обстоит дело с публикациями древних славянских переводов апокрифической письменности. Имеющиеся издания текстов, осуществленные свыше ста лет назад Н. С. Тихонравовым и А. Н. Пыпиным,¹⁴ печатались, как правило, по единичным, случайно выбранным спискам, без каких бы то ни было попыток подвергнуть публикуемые тексты текстологическому изучению, часто даже без точных указаний на данные рукописей, откуда брались ими эти тексты. Поскольку эти произведения в дальнейшем не изучались, исследователи и издатели, занимающиеся подготовкой критических изданий этих важнейших литературных произведений, вынуждены обращаться к этим устаревшим и несовершенным публикациям.¹⁵

В 1958 г. появилось подготовленное нами издание древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия по новому, до того не изучавшемуся списку Виленского хронографа XVI в.¹⁶ Однако это издание имеет много погрешностей, в нем учтены далеко не все списки произ-

¹² См.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 491—499.

¹³ См., например: Д. И. Абрамович. Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века. — Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 19—24; М. Н. Сперанский. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 75—81; см. также Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — Византийский временник, т. XI. М., 1956, стр. 239—248.

¹⁴ См.: Н. С. Тихонравов. Памятник отреченной русской литературы, т. I—II. СПб.—М., 1863; Ложные и отреченные книги старины, собранные А. Н. Пыпиным. — Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862.

¹⁵ Так, например, при новой публикации критического издания текста греческой версии апокрифа «Заветы 12 патриархов», подготовленной Р. Чарльзом в Оксфорде (The greek versions of the testaments of the twelve patriarchs by Robert Henry Charles. 2-nd edition. Oxford—Hildesheim, 1960), даются сведения о славянских изводах этого памятника по книге Н. С. Тихонравова.

¹⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, 578 стр.

ведения, а, главное, тексты двух различных редакций памятника — хронографической (более полной) и так называемой «отдельной» (несколько сокращенной) — изданы вместе, как и в работах В. М. Истрина, что, разумеется, не способствует созданию ясной текстологической истории перевода на русской почве. Однако при подготовке издания мы вынуждены были пойти на такую неточность издания, так как печатание текстов обеих редакций в их последовательности увеличило бы в полтора раза объем издаваемой книги и задержало бы на несколько лет выход ее из печати.

Отдельные немногие публикации памятников славяно-русской переводной литературы осуществлены в течение последнего десятилетия за рубежом. В первую очередь мы должны отметить тщательно выполненное критическое издание «Книги тайн Еноха». ¹⁷ Но при всех достоинствах издания и текстологического исследования этого апокрифа основным недостатком книги нужно признать то, что она создана только на основании материала, взятого из вторых рук, по публикации М. И. Соколова, посмертно напечатанной в Москве в 1910 г. ¹⁸

Но даже и в таких, пусть недостаточно совершенных, изданиях представлена только небольшая часть всего неисчерпаемого богатства старинной славяно-русской переводной книжности.

Обычно обзор древнерусской переводной литературы начинают с переводов библейских книг. Но много ли мы знаем о текстах, о языке этих переводов? Из числа переводов ветхозаветных книг изданы и изучены в текстологическом отношении только книга Бытия, ¹⁹ книги пророков Исаян и Даниила, ²⁰ некоторые книги «малых пророков». ²¹ Если к этому прибавить текст «Синайской псалтири», глаголического памятника XI в., изданного и исследованного С. Н. Северьяновым, ²² то этим будет исчерпан список доступных нам изданий ветхозаветных славянских текстов. Остаются до сих пор не изданными и не изученными со стороны их текста, языка и стиля такие важные для истории древнерусской переводной литературы памятники, как например перевод книги Есфирь, относящийся к числу древнейших переводов, осуществленных на Руси в Киевскую эпоху с европейского оригинала. Выступление Н. В. Степанова на IV Международном съезде славистов, поддержанное выступавшим вслед за ним Г. И. Колядой, обратило внимание филологов на то обстоятельство, что в славянских текстах ветхозаветных книг содержится немало отступлений от греческого оригинала и, наоборот, совпадений с восточными (сирийскими, армянскими, эфиопскими) списками этих текстов. ²³

¹⁷ A. Vaillant. Le livre des secrets d'Hénoch. Paris, 1952.

¹⁸ М. И. Соколов. Славянская книга Еноха праведного. Тексты, латинский перевод и исследования. — ЧОИДР. М., 1910, вып. IV, 182 + 1 и 176 стр. Имеется и отдельное издание: М., 1910. Подготовлено к изданию М. Н. Сперанским с его предисловием (стр. I—IV).

¹⁹ А. В. Михайлов. 1) Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, вып. I, 1900; вып. II, 1901; 2) Опыт изучения текста книги Бытия, вып. 1. Варшава, 1912.

²⁰ И. Е. Евсеев. 1) Книга пророка Исаян в древнеславянском переводе. СПб., 1897; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905; 3) Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих. — ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. II, стр. 127—164.

²¹ Книги XII малых пророков с толкованием в древнеславянском переводе, вып. 1. Подготовил к печати Н. Л. Туницкий. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы. Сергиев посад, 1918, VIII, 76 стр.

²² Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Подготовил к печати С. Северьянов. Пгр., 1922.

²³ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 150, 156.

Вопрос, поднятый этим исследователем, заслуживает детального изучения.

Еще слабее изучены в текстологическом отношении переводы книг Нового завета, хотя они принадлежат без сомнения к числу самых древних переводов, сделанных еще первоучителями славян Константином и Мефодием. Единственным критическим изданием, которое имеется в распоряжении исследователей, является издание древнеславянского текста евангелия от Марка.²⁴ Между тем в настоящее время одна из актуальных задач — выяснение текстологической истории древнего славянского перевода евангельских чтений, уточнение вопроса о его «древнерусской редакции». До сих пор не установлено, в каком отношении друг к другу находятся тексты так называемых краткого и полного апракосов. Не выявлено, был ли в процессе составления более полных текстов дополнен неизменный первоначальный перевод, производилось ли при этом параллельное его редактирование или заново осуществлялся перевод всех частей. Многие неясно и в отношении между текстами древнерусских апракосных текстов и текстами четвероевангелий. Особо должен рассматриваться вопрос об истории текста евангельских чтений, приуроченных к дням месящеслова.²⁵ Исследование всех этих вопросов тормозится тем обстоятельством, что мы по существу не имеем не только критического издания переводов, но и публикации древнейших списков, как например Мстиславова евангелия. Что же касается текстов апостольских чтений или книги Апокалипсиса, то в этом отношении даже не предпринималось никаких предварительных разысканий.

Мы уже сказали о важности изучения текстов славянских переводов апокрифических произведений. Интерес к ним в наши дни приобрел особо жгучий характер в связи с последними находками новых текстов в пещерах Хирбет-Кумрана, где обнаружены древнееврейские и арамейские оригиналы для тех произведений, которые до недавнего времени считались безнадежно утраченными или о которых принято было думать, что они составлялись первоначально на греческом языке.²⁶

Попутно заметим, что на Западе для текстологических исследований уже десять лет назад были применены новые технические методы. В частности, для установления первоначального греческого текста Нового завета в Гарвардском университете использовали электронно-вычислительную машину «Марк». С ее помощью были сопоставлены варианты и разночтения, находимые в 311 наиболее древних списках, и это сопоставление привело к положительным результатам.²⁷ Применение электронно-вычислительных установок для текстологического изучения древних славяно-русских переводов тоже без сомнения могло бы оказать существенную помощь исследователям.

Едва ли не половину всего древнего славяно-русского рукописного фонда составляют во всех наших хранилищах списки текстов гимнологического и литургического содержания. Из многочисленных служебных

²⁴ Г. А. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896.

²⁵ Л. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия. — Сборник статей по славянскому языковедению под ред. В. В. Виноградова. М., 1959, стр. 86—97. См. также выступление Л. П. Жуковской на IV Международном съезде славистов (Материалы дискуссии, т. II, стр. 149).

²⁶ См.: Н. А. Мещерский. Следы памятников Кумрана в древней славянской и русской письменности. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963.

²⁷ К. Зелинский. С точки зрения литературоведа. — Литературная газета, 6 сентября 1962 г., № 107 (4540).

миней, кондакариев, ирмологиев, стихирарей, октоихов, триодей, служебников и евхологиев изучены в отношении содержания и состава их текстов, в отношении их языка немногие единицы. Кроме изданных еще 80 лет назад новгородских служебных миней 1095, 1096 и 1097 гг.,²⁸ лишь в недавнее время появилась работа западногерманского слависта Эрвина Кошмидера, посвященная исследованию и изданию отрывков новгородского ирмология XII в. Уникальные памятники славяно-русского языка и письма, как например «Путьятина минея» (хранящаяся в Отделе рукописей ГПБ), «Благовещенский кондакаръ» и «Толстовская псалтырь» (хранящиеся там же), как служебные минеи, датируемые XI—XII вв. (находящиеся в Москве, в ЦГАДА), и многие другие, недоступны для широкого круга исследователей. Некоторые из подобных книг являются крюковыми и поэтому представляют интерес и с точки зрения истории музыки.

Третий род переводных произведений, которому также принадлежит весьма заметное место в хранилищах старинной славяно-русской письменности, — это памятники патристической литературы. Слова, проповеди, поучения создавались многочисленными раннехристианскими и византийскими деятелями церкви и неукоснительно переводились на славянский язык. В далеко еще не полностью учтенных и приведенных в известность списках «Изборников» и «Соборников», в «Торжественниках» и «Измарагдах», в «Златоструях» и «Златоустах», в «Златых цепях» и «Пчелах», в прологах и четьях-минейх, в «учительных» евангелиях и апостолах мы встречаем сотни и тысячи переводных произведений этого рода книжности, в большинстве своем не изданных и не изученных.

Особая трудность при текстологическом изучении одного типа книжности заключается в том, что русские переводчики, редакторы и переписчики подходили к используемому ими материалу весьма свободно. Они изменяли по своему усмотрению не только языковые черты текстов, но и их содержание. Они обращались с этими произведениями как с собственным литературным достоянием, сокращали, дополняли глоссами и вставками из других произведений, приспособляя к понятиям, потребностям и вкусам современной им общественной среды и эпохи. Поэтому в массе памятников подобного рода мы обнаруживаем множество псевдэпиграфов, надписанных именами византийских, раннехристианских, а порой даже библейских религиозных авторитетов, в действительности же сочиненных южнославянскими или русскими проповедниками.

Так, в многочисленных рукописных сборниках, начиная с XIV в., можно встретить произведение, надписанное: «Слово с рыданием Исайи пророка о последних днях». Популярность этого памятника в связи с его эсхатологическим содержанием не ослабевала вплоть до XVII в., когда это «Слово» было включено в одно из старопечатных изданий «Евангелия учительного». Этот текст обычно рассматривается в качестве одного из ветхозаветных апокрифов и поэтому внесен в издание И. Я. Порфирьева.²⁹ Предполагалось, что это пророческое произведение обязательно должно было восходить к какому-то греческому оригиналу. Однако этого подлинника не удается отыскать. Вероятнее всего мы имеем дело с самостоятельным творчеством русского книжника. По содержанию и по стилю

²⁸ И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. См. также: С. Н. Азбелев. Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 432—435.

²⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 263—267.

«Слово» стоит весьма близко к памятникам древнерусского проповедничества, в частности к проповедям Серапиона Владимирского, созданным после татарского нашествия. В этом тексте не раз мы находим упоминание о «князях немилостивых», говорится в нем о приметах приближения «последних дней», в том числе о пожарах в борах и болотах, о которых многократно сообщается и в летописных известиях.

Даже в текстах патристических произведений, бесспорно определяемых как переводные, нередки интерполяции русского происхождения, например содержащие имена божеств славянского пантеона. Так, в слове, приписываемом Григорию Богослову, читаем о почитании языческих богов древними славянами: «Тѣмъ же богомъ требу кладуть и творятъ и словеньскыи языкъ. Виламъ и Мокошыи, Дивѣ, Перуну, Хърсу, роду и Рожаници, упиремъ и берегынямъ и Переплуту. И вертячеся пьють ему в розѣхъ и Огневи Сварожицю молятся, и навъмъ мовь творятъ, и в тѣстѣ мосты дѣлають, и колодязѣ и ина многа же на утѣхъ».³⁰

Нередко можно встретиться и с таким явлением, когда в переводной письменности литературный материал, восходящий еще к языческой античности, преподносится под именем какого-либо патристического авторитета. Под заглавием «Разумения единострочные Григория Богослова» читаются, например, афоризмы Менандра, древнегреческого драматурга IV в. до н. э.³¹ Поэтому-то к переводным памятникам патристического содержания требуется особенно осторожный подход. Они нуждаются в строгом текстологическом исследовании, чтобы в них выделить все исторические напластования и отделить переводной фонд от самобытного творчества южнославянских и древнерусских книжников.

Насколько не определены еще взаимоотношения между переводным и оригинальным в древней славяно-русской письменности, можно судить, например, по изучению знаменитых «Изборников» Святослава. Если относительно «Изборника» 1073 г. нет сомнения, что он переведен в Болгарии в царствование Симеона и что все находящиеся в нем статьи восходят к греческим оригиналам, как это было установлено еще А. В. Горским,³² то с «Изборником» 1076 г. дело обстоит значительно сложнее. Еще в 1934 г. Н. П. Попов доказывал не только то, что этот памятник был создан на почве Киевской Руси, но и то, что его составителем и возможным автором многих статей был Иларион, первый киевский митрополит из русских, поставленный независимо от константинопольского патриарха.³³ Позднее советский исследователь И. У. Будовниц, рассматривая состав и содержание «Святославова изборника» 1076 г., хотя и полемизировал с Н. П. Поповым, считая тон и дух статей «Изборника» находящимися в противоречии с известным нам творчеством Илариона, однако все же полагал, что это памятник русской литературы и что ни одна из статей, приписываемых в «Изборнике» 1076 г. Иоанну Златоусту, Василию Великому и Афанасию Александрийскому, на самом деле им не при-

³⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1873, стр. 232—234.

³¹ М. Н. Сперанский. Разумения единострочные Григория Богослова и Разумия Мудрого Менандра в русском переводе. — ИОРЯС, 1898, т. 3, стр. 541—544. См. также: А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 158—181. Там же другие примеры подобного же рода.

³² А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание рукописей Синаодальной библиотеки, т. II, ч. 1. М., 1859, стр. 365—405.

³³ N. Popov. 1) L'Изборnik de 1076 dit le Svjatoslav, comme monument littéraire. — Revue des études slaves, t. XIX. Paris, 1934, pp. 1—2; 2) Les auteurs de l'izbornik de Svjatoslav de 1076. — Revue des études slaves, t. XV. Paris, 1934, стр. 3—4.

надлежит; в лучшем случае из сочинений этих лиц взяты небольшие отрывки или отдельные изречения, совершенно теряющиеся в окружении оригинальных мыслей, наставлений и обращений.³⁴ В настоящее время «Изборник» 1076 г. подготовлен к печати Сектором по изданию памятников при Институте русского языка АН СССР. При этом, разумеется, была проведена соответствующая текстологическая подготовка издания, к большинству статей подобраны их оригиналы. Задерживающийся выход в свет этого чрезвычайно нужного издания тормозит и окончательное решение спора между исследователями о степени участия русских авторов в создании этого памятника.³⁵

В прошлом из памятников переводной патристической письменности были опубликованы весьма немногие. Труды А. С. Архангельского не отличались необходимой точностью и полнотой.³⁶ Почти 100 лет прошло со времени выхода в свет наиболее обстоятельного издания и исследования подобного рода произведений: перевода 13 слов Григория Богослова по русскому списку XI в., хранящемуся в ГПБ.³⁷ Весьма совершенные в текстологическом отношении публикации текстов, осуществленные М. Н. Сперанским, охватывают лишь незначительную часть неисчерпаемых материалов. Необходимо напомнить об одном мало известном в нашей стране зарубежном издании. Мы имеем в виду «Слова» раннехристианского писателя III в. Мефодия Олимского (Патрского), которого не следует смешивать с одноименным автором апокрифического «Откровения», широко популярного в средневековых славянских литературах. В 1930 г. французский славист А. Вайан осуществил издание названных патристических памятников по русским спискам XV—XVI вв., сохранившимся в бывшей библиотеке Антониева Сийского монастыря. Ценность опубликованных Вайаном славянских переводов определяется в первую очередь тем, что греческие оригиналы многих «Слов» Мефодия утрачены и славянские их тексты выступают в качестве единственного источника, по которому может быть исследовано наследие этого древнего писателя.³⁸

Произведения патристической книжности по своему содержанию и стилю примыкают, с одной стороны, к памятникам библейским. С другой стороны, они близки к литургическим и гимнологическим текстам. Поэтому изучение всех этих трех родов письменности должно быть неразрывно связано между собой.

В переводной патристической книжности находятся изложение догматики и тогдашней философии, прославление церковных торжеств и празднеств, обоснование религиозной морали и обличение пороков общества того времени. Именно благодаря этому патристическая литература, более чем какой-либо другой род письменности, служила для формирования и укрепления идеологической надстройки, свойственной феодальному строю.

³⁴ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучения» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли.—ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 44—76.

³⁵ В. Ф. Дубровина. О греческих параллелях к Изборнику 1076 г.—ИЮЛЯ, т. XXII, вып. 2, 1963, стр. 104—109.

³⁶ А. С. Архангельский. 1) К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888; 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных исследований, I—IV. Казань, 1889—1890.

³⁷ А. С. Будилович. Исследование языка перевода тринадцати слов Григория Богослова по рукописи Публичной библиотеки XI в. СПб., 1871—1875.

³⁸ A. Vaillant. Le De Autexusio de methode de l'Olympe. Version slave et texte grec édit et traduit en français par A. Vaillant.—Patrologia orientalis, t. 22, fasc. 5. Paris, Firmin—Didot, 1930.

При помощи ссылок на «святоотеческие» авторитеты доказывали свою правоту как ревнители и защитники этой идеологической системы, так и те смельчаки, которые, впадая в ереси, пытались ее критиковать и опровергать. Поэтому историю идеологических движений в средние века невозможно изучать, если не строить ее на основании глубокого проникновения в литературную историю патристической книжности. Без такого изучения невозможно понять идеи богомилства и исихазма, нельзя проникнуть в сущность споров между паламитами и варлаамитами. Равным образом исследование учений стригольников или русских еретиков XV—XVI вв. должно быть построено с учетом исследования судьбы патристической письменности на русской почве и ее текстологического изучения. Хороший пример подобного исследования мы находим в книге Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в.».³⁹ Однако здесь речь идет главным образом об оригинальных произведениях русских авторов этой эпохи, к изучению которых советский исследователь сумел подойти во многом по-новому, в первую очередь благодаря глубокому вниманию к их литературной истории.

На исследовании же главным образом переводной письменности построены работы А. И. Клибанова, в которых он плодотворно исследует идеологические течения феодальной Руси.⁴⁰

3

Следующий вопрос, который с необходимостью встает перед всеми исследователями славяно-русской переводной письменности, — это вопрос о доле русских переводчиков в ее создании. В свою очередь эта проблема неразрывно связана с другой: какими приемами можно установить принадлежность того или иного древнего славянского перевода к творчеству южнославянского или русского переводчика?

Известно свидетельство Начальной летописи об организации князем Ярославом книжного и переводческого дела в Киеве.⁴¹ В нем содержится косвенное указание на существование у древнерусских книжников собственных переводов, независимых от южнославянского мира. Решаясь на расширительное истолкование данного летописного известия, мы имеем возможность распространить его на весь период существования Киевского государства, считая вероятным, что подобные же переводы могли осуществляться не только в самом Киеве, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире, в Новгороде или в Смоленске, в период их расцвета, вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Вполне вероятно, что переводы, сделанные русскими книжниками, содержат какие-то общие для всех их черты языка и стиля, благодаря которым они и могут быть отличены от переводов, созданных у южных или у западных славян, но имевших также широкое обращение в древнерусской письменности. Уже в статье, опубликованной несколько лет назад,

³⁹ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

⁴⁰ А. И. Клибанов. 1) К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности, стр. 158—181; 2) У истоков русской гуманистической мысли. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1, стр. 22—39; № 2, стр. 45—63; 1959, № 1, стр. 33—49; 3) Реформационные движения в России. Изд. АН СССР, М., 1960.

⁴¹ Повесть временных лет, т. 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.

мы подняли вопрос о том, нельзя ли усмотреть в подобных явлениях традиции самобытной переводческой школы, существовавшей в Древней Руси. Ведь большинство таких переводов отличается общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они без сомнения были выполнены не одним и тем же переводчиком и не в одно время.⁴²

Теперь, когда в круг нашего исследования оказался включенным ряд новых материалов, мы имеем возможность повторить наше предположение с большей уверенностью.

В 1910 г. А. И. Соболевский первый попытался установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси. В статье «Особенности русских переводов домонгольского периода» этот исследователь прямо поставил вопрос: «Как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁴³

А. И. Соболевский правильно полагал тогда, что основная трудность поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности того славяно-русского литературно-письменного языка, который встречается нам во всех письменных памятниках, сохранившихся от киевской эпохи в подлинниках или в более поздних списках, бытовавших в рукописной традиции вплоть до XVI—XVII вв., независимо от места и времени происхождения подлинников.

Мы вполне можем поддержать и то положение, высказанное А. И. Соболевским, в котором он утверждал, что этот язык, встречаемый в переводных памятниках, существенными чертами не отличается от литературно-письменного языка, которым писались такие оригинальные произведения Древней Руси, как летописи, жития Феодосия Печерского или Бориса и Глеба, слово Илариона «О законе и благодати», проповеди Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

По причине однотипности языка, как считал А. И. Соболевский, почти невозможно отличить те переводы, которые были выполнены на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в случаях, если эти произведения невелики по своему объему.

Мы можем согласиться с А. И. Соболевским в том, что если переводный памятник достаточно велик по объему, то значительно легче решить вопрос о месте перевода, исходя из данных его языка.

Каков же основной критерий, которым следует руководствоваться в этих случаях? Соболевский был в том отношении прав, что признаки фонетические и морфологические легче всего подвергались изменениям при переписке переводного памятника русскими писцами и редакторами. Поэтому такие черты языка могут быть использованы лишь в качестве дополнительных свидетельств, но все же вовсе пренебрегать ими не следует. Особо же важное значение имеет для определения, где был сделан перевод, характерная лексика, присутствующая в словарном составе перевода.

Как и в нашей предыдущей статье, мы можем высказать свое согласие с этим лексическим критерием, который был выдвинут А. И. Соболевским, но признать его нуждающимся в некотором уточнении. Впоследствии

⁴² Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 55.

⁴³ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. XXXVIII, вып. 3, 1910, стр. 162.

В. М. Истрин несколько усовершенствовал методику применения этого лексического критерия к определению места перевода памятника славяно-русской письменности.⁴⁴

Этот исследователь, оценивая статью А. И. Соболевского, писал: «Она имеет ценность сколько по материалу, столько же и по указанию пути, по которому должно идти решение трактуемого вопроса». Как указал В. М. Истрин, некоторые слова из отмеченных у А. И. Соболевского оказались и в памятниках южнославянских. Потому присутствие таких слов в том или ином памятнике, русское происхождение которого лишь заподозривается, не может иметь решающего значения без привлечения других доказательств.⁴⁵

Далее, рассматривая словарный состав древнего славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола, В. М. Истрин указывал: «...если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны русскими, то мы не можем сомневаться в том, что они восходят к первооригиналу. Все дело, следовательно, в том, чтобы определить именно русское происхождение того или другого слова».⁴⁶

Общепризнанно катастрофическое для исследователей состояние русской и славянской исторической лексикологии. До наших дней, как и в годы, когда работал В. М. Истрин, приходится пользоваться почти исключительно словарями Миклошича и Срезневского, хотя их неполнота и несовершенство не вызывают сомнений. Как отмечал В. М. Истрин, оба словаря в отношении к помещенным в них лексическим материалам дополняют друг друга. У Миклошича преобладают памятники собственно старославянские и южнославянские, у Срезневского в одинаковой степени использованы как старославянские, переписанные в России, так и памятники собственно русские. «Поэтому, — читаем мы в книге В. М. Истрина, — если, например, какое-либо слово у Миклошича не встречается, а у Срезневского отмечено лишь в памятниках русских, то, хотя безусловного и абсолютного вывода отсюда сделать еще нельзя, однако на это обстоятельство всегда следует обращать внимание: в нем можно видеть одно из побуждений для дальнейших изысканий».⁴⁷

Со своей стороны мы имеем возможность к этому добавить еще некоторые соображения. Ведь и наличие того или иного слова в словаре Миклошича тоже само по себе еще не дает основания считать данное слово непременно старославянским, а не восточнославянским. Во-первых, Миклошич привлекал не только в собственном смысле старославянские, но и русские лексические материалы через записи А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др. Во-вторых, в числе южнославянских письменных памятников, использованных Миклошичем, мы встречаем и такие, как «Пролог», «Кормчая» и подобные рукописи, переписывавшиеся в южнославянских областях в XII—начале XIII в. с русских оригиналов, а благодаря этому сохранявших восточнославянские лексические черты, внедрявшиеся в письменный язык болгар и сербов.⁴⁸

Таким образом, вопрос о южнославянском или исключительно восточнославянском происхождении того или иного слова в письменном памят-

⁴⁴ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола о древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922.

⁴⁵ Там же, стр. 271—272.

⁴⁶ Там же, стр. 295.

⁴⁷ Там же, стр. 296.

⁴⁸ См. в связи с этим: М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. Русские памятники письменности на Юге славянства. — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Учпедгиз, М., 1960, стр. 7—55.

нике может решаться только на основании специального исследования, и окончательное уточнение принадлежности какого-либо слова к южно-славянскому или восточнославянскому лексическому фонду не может быть произведено до тех пор, пока не будет закончен печатанием издаваемый сейчас в Чехословакии полный словарь старославянского языка⁴⁹ и пока не будет создан такой же полный исторический словарь языка русского. А до тех пор, условно и с оговорками, применение критерия, разработанного А. И. Соболевским и В. М. Истриным, может быть принято как единственный более или менее надежный рабочий прием.

По указанному лексическому признаку А. И. Соболевский в выше-названной статье определил до двух с половиной десятков произведений, которые, по его мнению, были переведены в Киевской Руси.

Составленный А. И. Соболевским список должен быть пополнен некоторыми переводными произведениями, которые либо остались неизвестными в то время, когда он писал, либо ускользнули от его внимания по каким-нибудь другим причинам. Так, еще в 1958 г. мы сочли необходимым упомянуть перевод книги «Иосиппон», сохранившийся в отрывках различного объема в Еллинском летописце второй редакции и в других компилятивных сводах всемирно-исторического содержания.⁵⁰ Об этом переводе далее мы скажем подробнее.

За последние годы нам удалось установить, что необходимо в этот список памятников, переведенных в Киевской Руси в домонгольский период, внести еще несколько ветхозаветных апокрифов. В частности, должен быть поставлен вопрос о времени и месте перевода «Откровения Авраама», дошедшего до нас в списке XIV в., в так называемом «Сильвестровском сборнике».⁵¹ Как мы скажем об этом подробнее в дальнейшем, есть все основания предположить русское происхождение перевода и для славянской книги Еноха в ее краткой редакции.⁵²

Необходимо уточнить вопрос о датировке и о самобытном или переводном характере такого произведения, как «Сказание о царице Динаре», которое М. Н. Сперанский и другие ученые признали оригинальным творчеством русских книжников XV или XVI в.⁵³

В целом список переводных произведений, относимых А. И. Соболевским к Киевской Руси домонгольской эпохи, можно признать достаточно правильным.

В течение совсем недавних лет была сделана попытка поставить рядом с лексическим критерием новый, синтаксический критерий для определения национальной и языковой принадлежности переводчиков, работавших над созданием переводов в Киевской Руси.

Ценность наблюдений над синтаксисом переводных произведений для определения национальной принадлежности древнеславянских переводчиков киевского периода была впервые рассмотрена в работах Геберта

⁴⁹ Slovník jazyka staroslovénského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, s. I—IV. Praha, 1958—1961.

⁵⁰ Н. А. Мещерский. 1) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, вып. 2 (64—65). М.—Л., 1956, стр. 58—68; 2) К вопросу об источниках «Повести временных лет». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

⁵¹ См.: Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I—II, стр. 32—53; «Откровение Авраама» по списку Сильвестровского сборника XIV в. — ПДП, вып. XCIX. СПб., 1891.

⁵² См.: Н. А. Мещерский. Следы памятников Кумрана в древней славянской и русской литературе.

⁵³ Л. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 308—310.

Бройера. Ученый опубликовал в 1957 г. обстоятельное исследование по синтаксису сложного предложения в старославянском и древнерусском литературно-письменном языке, в котором он детально проанализировал структуру придаточных предложений цели, косвеннопобудительных предложений, зависимых от глаголов со значением «просить», «молить», «приказывать» и т. п. Бройер считает, что можно выделить в структуре таких предложений два типа, первый из которых определяется наличием союза «да» (или других с подобным же значением) и форм изъявительного наклонения (будущего простого), например: моли я, да придуть. Второй структурный тип таких же предложений состоит из того же союза «да» и сказуемого в формах сослагательного наклонения, например: моли ся, да бы пришьель. На основании статистических подсчетов германский славист пришел к выводу, что первый тип чаще встречается в собственно старославянских письменных памятниках, поэтому может быть условно признан южнославянским типом, второй же употребляется в древнерусских памятниках сначала преимущественно, впоследствии же исключительно.⁵⁴

На IV Международном съезде славистов в Москве Бройер выступил с докладом, где изложил продолжение своих наблюдений и выводы, к которым он пришел в результате изучения таких произведений древней славяно-русской переводной книжности, как Хроника Георгия Амартола и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.⁵⁵ Согласно наблюдениям Бройера, оказывается, что в названных памятниках предложения второго типа обнаруживаются на тех страницах, где одновременно с этим отмечается характерная древнерусская лексика, не представленная в памятниках собственно старославянского происхождения, т. е. слова, на основании которых В. М. Истрин и А. И. Соболевский считали возможным говорить о переводе этих произведений в Киеве в домонгольский период. Наоборот, на тех страницах, где наблюдаются синтаксические конструкции первого типа, свойственные южнославянским памятникам, подобная лексика отсутствует. На основании этого Бройер приходит к широко обобщающему выводу историко-культурного значения.

По предположению Бройера, обнаруженные им особенности синтаксических конструкций в древних славяно-русских переводах и соединение их с характерной лексикой могут быть объяснены будто бы тем, что эти переводы созданы каждый трудом не одного, а целой комиссии переводчиков, в состав которой входили как русские, так и уроженцы южнославянских земель, работавшие при дворе киевского князя Ярослава в XI в. Те места названных книг, где преобладают предложения второго типа и восточнославянская лексика, переведены якобы русским переводчиком. Те же места, где преимущественно встречаются синтаксические конструкции первого типа и где отсутствует восточнославянская лексика, можно считать плодом переводческой деятельности болгарского книжника. Правда, следует заметить, что в резюме своего доклада, напечатанном на русском языке, Бройер не включил последнего вывода.

Во время съезда славистов автор настоящей статьи выступил с возражениями по докладу Бройера.⁵⁶ В несколько более развернутой форме

⁵⁴ Н. Bräuer. 1) Untersuchungen zum Konjunktiv in Altkirchen-slavischen und im Altrussischen, Teil I. Die Final und abhängigen Heischersätze. Wiesbaden, 1957; 2) Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur. Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussisch Übersetzungsliteratur. Heidelberg, 1958.

⁵⁵ Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы. — IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, стр. 248—250.

⁵⁶ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, стр. 262.

они опубликованы нами в статье, посвященной синтаксису переводных произведений.⁵⁷ Позволим себе и в настоящей работе вернуться к этим положениям и обосновать их аргументацию рядом новых наблюдений.

Прежде всего обратимся непосредственно к тому материалу, который привлекал для своих построений Бройер.

Проведенный нами анализ синтаксических конструкций текста «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе по подготовленному нами изданию (см. таблицу) показал, что в нем действительно обнаруживаются придаточные предложения, названные Бройером придаточными предложениями цели и «косвеннопобудительными», относимые к обоим из отмеченных им типам.

Книги и главы	Придаточные предложения цели			Косвеннопобудительные предложения	
	с союзом «да» и с изъявительным наклонением	с союзом «ать»	с союзом «да» и с сослагательным наклонением	с союзом «да» и с изъявительным наклонением	с союзом «да» и с сослагательным наклонением
Книга I, главы I—XXIV ⁵⁸	25	3	5	19	4
Книга I, главы XXV—XXXIII	8	—	3	18 ⁵⁹	5
Книга II	28	1	8	48	2
Книга III	18	1	2	10	2
Книга IV	13	—	5	12	2
Книга V	17	—	—	23	2
Книга VI	10	—	2	17	4
Книга VII	25	—	1	18	—
Итого	154	5	26	165	21
Всего предложений	185			186	

Анализируя предложения указанных типов, мы должны отметить прежде всего, что границы между ними условны. Так, подобно Бройеру, мы склонны относить предложения, зависимые от глаголов со значением «посылать», к предложениям «косвеннопобудительным». Во-вторых, наш подсчет помогает уточнить цифровые данные, приводимые в статье Бройера. У него лишь 15 предложений со сказуемым в сослагательном наклонении, относимых им к косвеннопобудительным, в то время как по нашему подсчету их оказывается 21.

Бройер не выделяет в качестве особого типа придаточные предложения цели с союзом «ать» («ати»). Между тем 5 примеров с подобными союзами мы должны признать весьма показательными для установления русского происхождения перевода. Вероятно, нельзя считать случайным, что 3 из предложений с такими союзами оказываются в начальных гла-

⁵⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — Сборник «Теория и критика перевода». Изд. ЛГУ, Л., 1962, стр. 98—101.

⁵⁸ Главы I—XXIV книги I выделяются в особую группу, так как они сохранились лишь в так называемой «Архивской редакции» и наиболее насыщены восточнославянскими элементами языка.

⁵⁹ В том числе два предложения с союзом «да» и повелительным наклонением.

вах книги I, которые имеются лишь в Архивском и Виленском списках, т. е. в так называемой «хронографической» редакции перевода.

По подсчетам Бройера, которые он проводил по изданию В. М. Истрина (Париж, т. I, 1934; т. II, 1938), 19 примеров из рассматриваемых у него косвеннобудительных предложений с сослагательным наклоном сосредоточены между страницами 50 и 204. Нахождение этих примеров в таком «тесном соседстве», по его выражению, не может быть случайным. Он пытается найти тут же в окружении придаточных предложений с сослагательным наклоном в роли сказуемого, что признается им за русский тип синтаксической структуры, и соответствующую восточнославянскую лексику, как например слова «керьстица», «потъснутися», «щепка», «страдати» в значении «работать», «порочник» (воин, стреляющий из стенобитного орудия) и др.⁶⁰

По нашему мнению, выводы Бройера не вытекают из беспристрастного изучения материала.

Как показывает приведенная таблица, придаточные предложения цели и косвеннобудительные с сослагательным наклоном в качестве сказуемого распределены по всему тексту «Истории» равномерно, не считая заключительных страниц книги VII, где, однако, находим придаточное предложение цели подобной же структуры в заключительной части, на самой последней странице. Предложения, где в качестве сказуемого выступает сослагательное наклонение, находятся на весьма близком расстоянии от предложений такого же значения, но с изъявительным наклоном, что Бройером признается за показатель, свидетельствующий о болгарском происхождении текста. Так, на стр. 181 (книга I, глава VIII) мы читаем: «...но и Арканъ промышляше воемъ и приставилъ Антипатра, да вся угодная несеть воемъ» (придаточное цели с изъявительным наклоном); «Скавръ же, сообщився с ним, посла к Арефе цесарю аравийскому, да бы свободилъ от рати землю свою дарми» (косвеннобудительное предложение с сослагательным наклоном). Иногда мы находим даже в одном и том же сложноподчиненном предложении два придаточных с различной структурой. Так, на стр. 332—333 (книга IV, глава III) читается: «Ананъ посла к ним Ивана с миреным словом, да быша ся умирили и не осквернили святая, преже закленъ его, да приять ему и людем и не проявить ревнителем ни думы, ни слова, ни дѣла». Как видим, здесь первое придаточное предложение косвеннобудительное, зависящее от глагола — сказуемого главного предложения — «посла», имеет в качестве сказуемого форму сослагательного наклона — «да быша ся умирили и не осквернили». Второе же придаточное предложение, зависимое от причастия «закленъ», тоже может рассматриваться как придаточное косвеннобудительное, однако оно содержит в себе сказуемое в форме изъявительного наклона с союзом «да».

Что же касается специфической восточнославянской лексики, то ее более чем достаточно и в составе тех предложений, в которых находим синтаксические построения с союзом «да» и изъявительным наклоном. Так, на стр. 416 (книга VI, глава IV) находим: «Тить же отступи къ Антонии, нарядивъ воя, да утро приступать вси около църквы». Здесь в качестве второстепенного сказуемого в главном предложении, от которого зависит косвеннобудительное придаточное, мы имеем характерное древнерусское сочетание, бытовавшее в военно-дружинном обиходе в киевский период, как «нарядити воя». Придаточное же имеет в своем составе союз «да» и сказуемое в изъявительном наклонении. Приведем еще

⁶⁰ Н. Bräuer. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur, стр. 23—25.

несколько подобных примеров. На стр. 450 (книга VII, глава VI) читаем: «И начат (Васс) насыповати я, тьсняся, да скоро възвысит приспы, и обсьде град». Здесь отмечаем такие восточнославянские лексемы, как «насыповати» (глагол многократного вида с суффиксом «-ова-»), глагол «тьснитися», рассматриваемый и Бройером в качестве приметы русского происхождения памятника; существительное «прис[ъ]па» — насыпной вал (ср. современное украинское «призьба» — завалинка около хаты). Наряду с этим структура косвеннопобудительного придаточного предложения с изъявительным наклонением в качестве сказуемого, что Бройером признается показателем южнославянского происхождения текста. Возьмем еще дальше случайно встретившееся нам предложение на стр. 462 (книга VII, глава IX): «Римляне... вськричаща с конии, да выинудуть гражданаѣ на съчу». В этом предложении с той же самой структурой отметим характерный глагол с восточнославянской приставкой «вы-» в качестве сказуемого в придаточном предложении. Примеры подобного типа можно умножить. Таким образом, мы имеем возможность со всей ответственностью заявить, что гипотеза Бройера не подтверждается более глубоким анализом им же рассматриваемого материала.

Кроме того, следует заметить, что Бройер, привлекая примеры из памятников древнерусской переводной письменности, совершенно не останавливается на стилистической стороне разбираемых им предложений. Между тем очевидно, что в ряде случаев выбор переводчиком именно данной синтаксической конструкции мог зависеть как от общего смысла и стиля контекста, так и от ближайшего лексического окружения фраз. Так, на стр. 167 (книга I, глава I) находим: «Они же (Товиины сыны), прибѣгше к Антиохови, молишася ему, да бы я посадилъ во Иудѣи». Здесь от сказуемого главного предложения «молишася» зависит косвеннопобудительное придаточное древнерусского (по Бройеру) типа с глаголом в сослагательном наклонении в качестве сказуемого. Контекст этого абзаца вполне «светский», речь идет о конкретных просьбах, о житейских делах. На странице же 226 (книга I, глава XXVIII) встречаемся с иной синтаксической конструкцией: «Молю же ся и богу, да благоволить сеи бракъ на ползу цесарствию моему и моим внучатом». Здесь и лексика возвышенная, церковнославянская, и речь идет о молитве к богу, произносимой Иродом, и придаточное предложение носит книжный, славянский характер. Еще более яркий пример находим в главе XXIX той же книги: «И бѣаше с тѣми Саломина въ соблюдение, посла къ римлянскимъ властелемъ, глаголя, да быша писали ко отьцу, а бы послалъ к цесареву в Рим». ⁶¹ Здесь в одном и том же сложном предложении с характерной русской конструкцией сказуемого в сослагательном наклонении, причем второе предложение начинается еще более характерным для русской письменности союзом «а[бы]». И это связано, очевидно, с содержанием и стилем контекста, поскольку речь идет о частной деловой переписке. Несколькими строками далее написано об официальном завещании Ирода, «в них же написано бысть... по Антипатрѣ Ирод наслѣдникъ цесарствия да будетъ». ⁶² Официальному характеру цитируемого государственного документа соответствуют и лексика, и синтаксическая структура придаточного предложения с ее церковнославянским «да будетъ». Таким образом, если наличие синтаксической структуры косвеннопобудительных предложений с сослагательным наклонением, на наш взгляд, безусловно доказывает, что текст перевода составлял восточный славянин, то, наоборот, присутствие в пред-

⁶¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 228—229.

⁶² Там же, стр. 229.

ложении старославянских по своему происхождению конструкций еще никоим образом не может доказывать, что текст, в котором подобные синтаксические структуры обнаруживаются, был написан обязательно не русским переводчиком, а болгаринном.

Возбуждает в нас некоторое сомнение положение, выдвигаемое Бройером со всей категоричностью, о якобы безусловно южнославянской (а не восточнославянской) принадлежности и происхождении синтаксической конструкции придаточных предложений с союзом «да» и глаголом изъявительного наклонения в качестве сказуемого. Мы имеем возможность указать в рассмотренных в первой работе Бройера памятниках древнерусской литературы отдельные примеры подобного типа, которые ускользнули от внимания немецкого слависта. Так, в тексте «Повести временных лет» (в сказании о смерти Олега от своего коня) можно прочесть: «И повелъ оседлати конь: да ть вижю кости его» (по списку Ипатьевской летописи).⁶³ В параллельном тексте Радзивиловского списка находим «... а то вижю кости его».⁶⁴ Последнее предложение в разбираемом контексте несомненно подчинено первому, главному, и по смыслу является косвеннопобудительным. Вводится это предложение редким, но без сомнения собственно русским союзом «да ть» с характерной частицей «-ть», параллельно с этим употреблен в качестве подчинительного союза союз «а», осложненный частицей «то». Сказуемым же в этом придаточном предложении выступает глагол «вижю» изъявительного наклонения. Так ли уж очевидно его старославянское, а не русское происхождение? Не следует ли с большей осмотрительностью подходить к восточнославянскому синтаксическому материалу?

Далее, если даже и признать синтаксические модели с союзом «да» и изъявительным наклонением глагола в качестве сказуемого старославянскими, а не восточнославянскими по происхождению, то и тогда следует признать, что эти конструкции очень рано вошли в древнерусский литературно-письменный язык и достаточно свободно употреблялись во всех его жанрово-стилистических разновидностях, включая деловое письмо. Это может быть подтверждено примерами, взятыми из недавно найденных новгородских грамот на бересте. Так, в грамоте № 5 мы можем прочитать: «... молви дворянину Павлу, петрову брату, дать грамотъ не дасть на него».⁶⁵ Это значит: скажи дворянину Павлу, Петрову брату, чтобы тот не давал на него (нашего сироту) дерноватую грамоту.⁶⁶ Пример близкой синтаксической структуры обнаруживается и в тексте грамоты № 361, найденной в 1959 г. и доступной пока только по ее предварительной публикации в статье А. В. Арциховского. В этой грамоте крестьяне или, может быть, приказчик сообщают феодалу о постигшем его земельные владения неурожая и предлагают ему: «поеди, г[осподи]не, по свою верешь, дать, г[осподи]не, не гнее».⁶⁷ Мы понимаем смысл этого письма так: приезжай, господин, за своим зерном, чтобы оно не гнило.⁶⁸

⁶³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 29.

⁶⁴ Повесть временных лет, т. 1, стр. 30.

⁶⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.—Л., 1953, стр. 32—34.

⁶⁶ См. обоснование нашего перевода и толкования данной грамоты в статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка» (Вестник ЛГУ, 1958, № 2, стр. 95—96).

⁶⁷ А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. — Советская археология, 1960, № 1, стр. 239.

⁶⁸ А. В. Арциховский в указанном месте толкует смысл этой грамоты иначе. С филологической стороны его понимание должно быть отвергнуто.

Эти примеры с убедительностью показывают, что древнерусские книжники и писцы свободно владели славяно-русским письменным языком как своим достоянием и были, разумеется, в состоянии употреблять самые разнообразные синтаксические конструкции, в том числе и те, которые первоначально возникли в старославянской письменности, во всех жанрах своего творчества.

Структура придаточных предложений цели и дополнительных придаточных с оттенком цели действия, вводимых союзом «да» и имеющих в своем составе сказуемое, выраженное изъявительным наклонением глагола в форме будущего простого совершенного вида, прочно внедрилась в русский литературный язык последующих периодов. Они могли употребляться, правда, с некоторым налетом книжности и архаизации, вплоть до конца XVIII и начала XIX в. В своей статье мы уже ссылались на стихотворные примеры из творчества Г. Р. Державина и М. Ю. Лермонтова.⁶⁹

В дополнение к приведенному позволим себе процитировать следующие места из произведений А. С. Пушкина:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой . . .
Да не вредят полям опасный клад дождей
И ветра позднего осенние набег.

(„Домовому“)⁷⁰

Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(„Борис Годунов“)⁷¹

Сравни подобные же структуры придаточных предложений цели:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

(„Подражание Корану“)⁷²

Даже в письмах Пушкина можем найти такие архаические конструкции, правда с явно ироническим оттенком: «. . . ты помнишь П[ушкина] . . . отрезвившего тебя в страстную пятницу и приведшего тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову».⁷³

Наиболее же сильным доводом против предположения Бройера о том, что «История Иудейской войны» Иосифа Флавия была будто бы переведена не одним переводчиком, а целой комиссией, в составе которой находились как болгарские книжники, так и уроженцы Киевской Руси, мы должны считать единство перевода в стилистическом отношении. Это единство проявляется в последовательном употреблении на всем протяжении текста одних и тех же редких слов, одинаковых фразеологических сочетаний, однотипных синтаксических построений. Примеры, выше про-

⁶⁹ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 100.

⁷⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, т. 1. М., 1949, стр. 284.

⁷¹ Там же, т. III, стр. 332.

⁷² Там же, т. I, стр. 418.

⁷³ Словарь языка Пушкина, т. 1. М., 1956, стр. 572.

цитированные нами, могут служить, как кажется, достаточным тому доказательством.⁷⁴

Таким образом, изучение синтаксических конструкций в языке переводного памятника, представляющее несомненный интерес и необходимое само по себе, в данном случае не достигает цели. Наблюдения над синтаксисом перевода явно не помогают разрешить вопрос о языковой и национальной принадлежности переводчиков, если эти последние принадлежали к носителям одного из славянских языков древнего периода.

Главным и основным критерием для возможного определения, является ли перевод южнославяноким или собственно древнерусским по своему происхождению, продолжает оставаться характерная лексика. Это — самый устойчивый компонент древнего текста, подвергавшегося неоднократным перепискам, переделкам и подновлениям со стороны языка. Поэтому методика, применявшаяся в свое время А. И. Соболевским и В. М. Истриным, хотя и нуждается в осмотнительном к ней подходе и требует в каждом конкретном случае более углубленного изучения лексики памятника, все же продолжает оправдывать себя и в наши дни.

4

Пристальное изучение языка переводных произведений позволяет поставить еще один весьма существенный вопрос, который перед исследователями прошлого не вставал, поскольку предполагался решенным заранее. Доверяя буквально свидетельству «Повести временных лет», А. И. Соболевский подобно другим ученым, занимавшимся переводной письменностью, считал само собой разумеющимся, что переводы могли производиться исключительно с греческого языка. В отдельных случаях мог возникать вопрос и об использовании переводчиками латинских оригиналов, однако в большинстве дело касалось не собственно русских, а западнославянских или сербских памятников. Наиболее четко этот взгляд был сформулирован В. М. Истриным, который в 1922 г. писал так: «Переводные произведения были главнейшим образом происхождения греческого и лишь в очень незначительном числе латинского. В XV веке присоединяются некоторые переводы с еврейского языка, совершенные в Западной Руси».⁷⁵ Это общераспространенное мнение составилось без обстоятельного исследования и нередко ставило в тупик ученых, встречавшихся с явными следами памятников несомненно еврейского происхождения в литературе киевской эпохи.

Уже давно Н. С. Тихонравовым и И. Я. Порфирьевым обнаруживались следы еврейских источников при изучении таких ветхозаветных апокрифов и сказаний «Толковой Палеи», как «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Суды Соломона», «Житие и исход Моисея», «Сказание о царе Адарiane» и др. В трудах М. И. Сухомянинова, И. Я. Франко и других неоднократно указывались средневековые еврейские параллели из Талмуда и Мидраша к отдельным летописным сказаниям или к «Притче о хромце и слепце».⁷⁶ Еще более прямо ставился вопрос о еврейских

⁷⁴ См. об этом подробнее: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 32—33.

⁷⁵ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922, стр. 6.

⁷⁶ М. И. Сухомянинов. Два семитических сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы. — В кн.: Исследования по древней русской литературе акад. М. И. Сухомянинова. СОРЯС, т. XXXV, № 1, 1908, стр. 675—677; Франко. Притча про сліпця і хромця. — Статті по славяноведенню, вып. 2. Под ред. акад.

источниках некоторых древнерусских памятников Г. М. Барацем,⁷⁷ хотя в его работах, обладающих подчас недостаточной доказательностью, немало натянутых сближений.

Однако в громадном большинстве случаев филологами, придерживавшимися компаративистских взглядов и методов, аксиоматически предполагалось утраченное впоследствии византийское посредствующее звено, связывавшее будто бы еврейские и древнерусские памятники. В частности, эта тенденция проявилась в исследовании А. Н. Веселовского легенды «О Соломоне и Китоврасе». Поскольку в русских списках этого сказания встречаются несомненно еврейские слова, оставленные без перевода (например, «шамир» — алмаз, «ног» — птица-гриф), высказывалось предположение, что эти слова были якобы внесены в текст лишь позднее, в XV в., в «эпоху жидовствующих».⁷⁸

Для более точного и объективного исследования вопроса о возможности появления переводов с еврейского в русской письменности киевского периода оказалось необходимым подробно изучить хотя бы один памятник, текст которого вполне достоверен в его еврейском оригинале и о котором известно, что он представлен в русском переводе древнейшего периода. Именно таким оказался текст библейской ветхозаветной книги Есфирь, имеющий резкие и заметные отличия между его еврейским, масоретским подлинником и греческим переводом Септуагинты. Кроме того, из всех памятников переводной письменности, относительно которых можно было подозревать их происхождение от еврейского оригинала, это памятник наиболее хорошо изученный, по поводу его накопилась значительная литература. Изучение этого перевода было предпринято автором настоящей статьи еще свыше 20 лет назад.⁷⁹

История изучения этого перевода весьма поучительна с точки зрения поставленной проблемы в целом.

Первым в русской науке обратил внимание на перевод «Есфири» А. Х. Востоков в 1842 г. В своем «Описании рукописей Румянцевского музеума» (рукопись № XXX) он писал: «Замечательно, что книга „Есфирь“ переведена с еврейского и, по-видимому, в России, однако же в весьма древнее время».⁸⁰ Нужно отдать справедливость, что в этих немногих строках Востоковым сказано о происхождении названного памятника вернее и лучше, чем всеми последующими исследователями.

В дальнейшем голоса ученых своеобразно разделились в решении самого кардинального вопроса о происхождении перевода. Одни, как

В. И. Ламанского. СПб., 1906, стр. 129—155. См. также: И. П. Еремьин, Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 340—348.

⁷⁷ Г. М. Барац. 1) О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях Начальной русской летописи. — Украина. Науковий та літературно-публіцистичний щомісячний журнал, 1907, март, стр. 362—382; апріль, стр. 41—60; июнь, стр. 314—346; 2) Происхождение летописного сказания о начале Руси. Киев, 1913, 68 стр.; 3) О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских, т. II. Берлин, 1924, 264 стр.

⁷⁸ А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 210, 213, 221.

⁷⁹ Результатом исследования явилась кандидатская диссертация, защищенная на заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР 25 октября 1946 г., и статья «К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода» (Ученые записки Карело-Финского пединститута, т. II. Петрозаводск, 1956, вып. 2, стр. 198—219).

⁸⁰ А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 25.

А. В. Горский и К. И. Невоструев,⁸¹ И. Рождественский,⁸² И. Е. Евсеев,⁸³ отстаивали, что перевод сделан с еврейского оригинала, но зато они признавали перевод относительно поздним, относя его к XV в. и считая не книжный характер языка приметой раннего его появления.

Другие ученые, как И. И. Срезневский⁸⁴ и особенно А. И. Соболевский,⁸⁵ доказывали древнее происхождение памятника, относя его к эпохе до татаро-монгольского завоевания, но зато отрицали возможность перевода с еврейского и полагали, что перевод был сделан с греческого языка.⁸⁶ В последние предреволюционные годы Н. Н. Дурново высказался в пользу древности перевода «Есфири» и его происхождения от еврейского подлинника.⁸⁷

В советский период названным памятником, кроме автора этой работы, никто не занимался. Перед нами встала дилемма: либо вместе с Горским, Рождественским и Евсеевым принимать положение о переводе книги «Есфирь» с еврейского языка и признавать перевод не древним, либо вместе с Соболевским отстаивать древность перевода и считать его переведенным не с еврейского, а с какого-то греческого оригинала, следов которого нигде, никогда и никто не мог обнаружить.

Для решения этой проблемы мы прежде всего обратились к изучению рукописной традиции перевода, в результате оказалось, что древнерусский текст имеется в двух списках, относимых к XIV в., в одном из которых читается хронологическая запись, позволяющая установить, что перевод в составе списка других ветхозаветных книг бесспорно существовал уже в 1192 г. во Владимире, при князе Всеволоде Юрьевиче.⁸⁸ Таким образом, древность перевода и его отнесение к киевскому периоду доказывались с полной несомненностью.⁸⁹

С другой стороны, подробное сличение текста перевода «Есфири» с еврейским масоретским оригиналом и пристальное изучение языка перевода не оставили сомнения в том, что оригиналом этого памятника мог быть только еврейский *textus receptus*.⁹⁰

Таким образом, с логической необходимостью следовал вывод, что в Киевской Руси бесспорно существовали переводчики, владевшие еврейским языком и бывшие в состоянии с выдающимся мастерством выполнить перевод книги «Есфирь». Народный характер языка в переводе, который бросался в глаза исследователям прошлого в качестве доказательства относительно позднего его происхождения, наоборот, послужил для нас приметой, позволявшей со всей смелостью отнести перевод к той эпохе древнерусского литературно-письменного языка, когда еще не ощущалось

⁸¹ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание рукописей Синодальной библиотеки, т. 1. М., 1855, стр. 53 и сл.

⁸² Иван Рождественский. Книга Есфирь. СПб., 1885, стр. 193—216.

⁸³ И. Е. Евсеев. О книге Есфирь. — ИОРЯС, т. VIII, 1898, стр. 339—344.

⁸⁴ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, стр. 89.

⁸⁵ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси. М., 1903, стр. 433—436.

⁸⁶ Кроме названной выше работы, см. также реферат А. И. Соболевского, пересказ которого читается в «Археологических известиях и заметках» (1897, № 5—6, стр. 204).

⁸⁷ Н. Н. Дурново. 1) Рецензия на книгу А. Д. Григорьева о «Повести об Акире». — ИОРЯС, т. XX, кн. 4, 1915, стр. 294—297; 2) Введение в историю русского языка, ч. 1. Источники. Брно, 1927, стр. 82.

⁸⁸ См. запись на 137-й рукописи бывш. Троице-Сергиевского монастыря, № 2 (2027), ныне хранящейся в ГБЛ.

⁸⁹ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности, стр. 206—207.

⁹⁰ Там же, стр. 207—211.

второе южнославянское влияние, к так называемой старшей поре его развития.

Расширив круг филологического изучения памятников древнерусской переводной письменности киевского периода, мы установили, что перевод книги «Есфирь» не был единственным в своем роде. Общие черты стиля, общие приемы передачи языкового оригинала роднили это произведение с другими, приблизительно современными ему. Прежде всего в поле зрения автора настоящей работы попал перевод книги «Иосиппон». Это средневековая еврейская хронография, в которой излагается ход событий мировой истории от всемирного потопы до разорения Иерусалима Титом в 70 г. н. э. с точки зрения судьбы еврейского народа. Будучи составлено из различных источников, главное место среди которых занимает «История» Иосифа Флавия, это относительно позднее средневековое еврейское произведение изобилует сказочными и фантастическими подробностями, составляющими характерную стилистическую приметку данного произведения. На русской почве достаточно распространенные куски книги «Иосиппон» были обнаружены в таких всемирно-исторических сводах, как Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции, как книга «Плены Иерусалима» и др., наконец, довольно значительный отрывок из этого произведения, повествующий о посещении Иерусалима Александром Македонским, был открыт нами в одной из редакций «Повести временных лет» под 1110 г. в Ипатьевской летописи и одновременно в летописце Переяслава Суздальского.

Наличие последнего отрывка, сличение которого с еврейским оригиналом показало бесспорную тождественность обоих текстов, имеет особо важное значение, так как благодаря приуроченности к летописной записи строго определенного года удается установить *terminus ante quem* — время, не позднее которого могли быть осуществлены подобные переводы с еврейского языка в Киевской Руси.

Кроме книги «Иосиппон», переведенными с еврейского по ряду языковых признаков оказались и некоторые ветхозаветные апокрифы, связь славянских версий которых с еврейскими талмудическими источниками уже давно подозревалась учеными. Среди этих апокрифов мы отметили «Житие и исход Моисея», «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Сказание о Соломоне и царице Савской» и ряд других.

Положения, при помощи которых доказывались наши выводы относительно перевода «Есфири», оказались достаточно убедительными. Было признано установленным, что Древняя Русь киевского периода имела в составе своей книжности переводы, сделанные с еврейского языка. С этими положениями выразили свое согласие докладчики на IV Международном съезде славистов в 1958 г. — В. В. Виноградов⁹¹ и Н. К. Гудзий.⁹²

Однако когда, исследуя литературное окружение перевода «Есфири», мы вывели заключение об относительно широком круге переводных памятников древнерусской литературы, приблизительно современных ему, то этот тезис встретил настойчивые возражения. Н. К. Гудзий указал, что мы чрезмерно увеличиваем число древнерусских памятников, переведенных с еврейского языка. Он выразил недоверие к возможности того, что русскими переводчиками, например, могла быть переведена книга «Иосиппон». Наконец, Н. К. Гудзий счел невозможным, чтобы представители одной и той же переводческой школы могли переводить с совер-

⁹¹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 18.

⁹² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 40.

шенно различных языков такие произведения, как «История Иудейской войны» и «Иосиппон».⁹³

Поэтому мы позволим себе в настоящей работе кратко изложить те приемы исследования, которые убеждают в том, что данный памятник переведен с какого-либо определенного еврейского, греческого, латинского и любого другого иноязычного оригинала.

Прежде всего следует принять во внимание соображение общего характера. Ведь значительно легче объяснить возможность существования переводов с еврейского языка в киевский период развития русской книжности в том случае, если признать, что такие явления не были чем-то совершенно исключительным, как это полагает Н. К. Гудзий, называя перевод книги «Есфирь» единственно бесспорным. Наоборот, наличие литературного окружения этого перевода подобными же по содержанию и стилю памятниками делает это предположение более вероятным. Если мы обнаруживаем в целой группе переводных памятников одни и те же характерные черты стиля, одинаковые приемы передачи содержания переводимого подлинника, наконец, подобные же следы воздействия на перевод со стороны языковой основы оригинала, то не окажется слишком рискованным сделать вывод, что все эти переводные произведения возникли в одну и ту же эпоху и в одной и той же литературной среде.

В данном случае необходимо исходить из комплексного текстологического и лингвистического изучения памятника.

Поскольку при исследовании текста переводного памятника обнаружится, что его первоисточник представлен несколькими версиями на различных языках, имеющими заметные отличия в своем составе и содержании, постольку естественным будет вывод, что перевод имеет в основе ту языковую версию данного сюжета, с которой в переводе обнаруживается наибольшее количество текстуальных совпадений. Именно так обстояло дело с переводом «Есфири», оригинал которого существует в весьма отличающихся друг от друга редакциях еврейской, масоретской и греческой, представленной текстом Септуагинты. Аналогичным образом происходил, по-видимому, и перевод книги «Иосиппон», специфические черты еврейского оригинала этой средневековой хронографической компиляции очень трудно представить себе буквально повторенными в каком-то другом, нееврейском произведении.

Текстологическое изучение должно идти нога в ногу с филологическим изучением перевода, подкрепляя его и придавая ему дополнительное обоснование.

Какие же именно общие характерные черты языка мы имеем право считать доказательством того, что памятник был переведен непременно с еврейского оригинала? Здесь необходимо опираться на целый комплекс признаков.

Во-первых, это приемы транслитерации собственных имен. Между греческо-славянской традицией их передачи и традицией еврейско-масоретской и талмудической существует заметное различие. Так, если в переводе книги «Есфирь» имя персидской царицы передано как Васти(я), то в этом мы видим несомненное соответствие с масоретским 'לש' (Вашти), а не с греческим 'Αστίη', что в поздних церковнославянских изданиях Библии отражается, как Астинь. Если в книге «Иосиппон» имя вождя иудейских зилотов передается как Ахананъ, то это снова совпадает с еврейской формой имени יוחנן (Иоханнан), а не с традиционной греческо-славян-

⁹³ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 119—120.

ской формой, засвидетельствованной как новозаветными текстами, так и греческим текстом «Истории» Иосифа Флавия. Если в апокрифе «Откровение Авраама» имя отца героя дано в виде Тера, как оно читается в списках XIV в., а не Фара, как в традиции греческого перевода книги Бытия, в евангелиях и во всей византийско-славянской письменности, то и в этом находим полное совпадение с еврейским масоретским оригиналом, где это имя имеет вид: תֵּרָה (Тера). Привычное греческо-славянское имя Филипп в одном из кусков текста «Иосиппона» выступает в совершенно необычном облике — Полифос. Это может быть объяснено только буквальная транслитерация имени в еврейском оригинале назван-

ной книги פִּלִּיפּוֹס. Там же вместо традиционного названия Македония находим вызывающее с первого взгляда недоумение Мокдонъ, что опять-таки соответствует еврейскому написанию и произношению названия данной страны: מִקְדוֹן. Все это получает свое удовлетворительное объяснение лишь при условии, что мы признаем тексты, в которых обнаруживаем подобные написания собственных имен, переведенными с еврейских оригиналов.

Во-вторых, это наличие в текстах отдельных еврейских слов, оставленных без перевода. Так, в той части книги «Иосиппон», которая вошла в Еллинский и Римский летописец 2-й редакции под заглавием «О взятии Иерусалима, третья Титова», вместо хорошо известной греческо-славянской традиции по евангельским текстам горы Елеонской (Масличной) мы обнаруживаем название «гора Зефиимъ» (Зеифим). Такая форма полностью отвечает древнееврейскому названию этой местности от существительного זֵי (зет), что означает «маслина». В тексте апокрифического «Сказания о Соломоне и царице Савской» имя этой героини читается в форме «Малкатышва». Это абсолютно точная передача еврейского сочетания מַלְכַת־שָׁבָא. Выше было сказано о еврейских словах «шамир» (алмаз) и «ног» (название гигантской сказочной птицы), на которые обращали внимание многие исследователи ветхозаветных апокрифов. Естественно видеть во всех подобных примерах также непосредственное отражение еврейских оригиналов, с которых делался перевод.

В-третьих, это своеобразные семитизмы в синтаксическом строе переводов. С синтаксическими семитизмами дело обстоит весьма сложно. Многие своеобразные синтаксические модели, свойственные семитским языкам, проникли уже в греческий язык эллинистической, римской и особенно византийской эпохи. Источником этого была разговорная речь многочисленного семитоязычного населения восточных эллинистических государств и Римской империи еще в период около начала нашей эры. Четче и ярче всего подобные фразеологические и синтаксические семитизмы проявились в греческом переводе ветхозаветных еврейских книг, который был выполнен, по всей видимости, в Египте на рубеже III и II столетий до н. э. Отсюда данные языковые явления получили широкую известность под названием «библейзмы». Столь же обильно эти языковые конструкции представлены и в тексте новозаветных книг и других раннехристианских произведений. Впоследствии они прочно вошли и в письменный, и в разговорный греческий язык византийской эпохи.

Еще в первые десятилетия нашего века зарубежными учеными, библеистами и папирологами, было неопровержимо доказано, что семитизмы-библейзмы подобного рода проникли в разговорную речь Римского Востока значительно раньше византийского периода и прослеживаются в языке папирусов II—I вв. до н. э.

Среди подобных семитизмов мы встречаемся с фразеологическими оборотами, где слова «душа», «лицо», «рука» и другие употребляются в значении служебных слов. Сюда же относим оборот «есть хлеб» в значении «принимать пищу». Семитизмы другого рода — это собственно синтаксические модели, распространенные в древнееврейском, арамейском, сирийском и других семитских языках, оказывавших воздействие на греческий язык эллинистического и римского времени. Так, например, оборот типа $\tilde{\eta}\nu\ \delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\omega\nu$ — «бѣ оуча» (буквально «был учащим», т. е. «учил»). В таком обороте справедливо видят сколок с арамейско-сирийского сочетания действительного причастия с перфектом вспомогательного глагола כָּיָא (быть). Из такого сочетания создается выражение для обозначения длительности или повторяемости действия в прошлом.⁹⁴

К библеизмам относят также инверсированный порядок слов в простых предложениях с глаголом-сказуемым впереди подлежащего, например: «В начале сотвори бог небо и землю». Особенно же явственно сказывается воздействие семитического синтаксиса на язык позднегреческих произведений в использовании соединительного союза $\omega\omega\upsilon$ («и») в роли подчинительного с целевым значением. Это отражение семитического союза «вав консекутивум», например: «измыите сА, и чисти боудете»; «тльцѣте, и отврзеть сА, просите, и дано боудеть вамъ» и т. п.

Одна из новейших работ, посвященных семитизмам в старославянских переводах библейских книг, принадлежит перу украинского исследователя древней славянской письменности Ивана Огиенко, писавшего в последние годы под именем митрополита Илариона.⁹⁵ Как показывает его исследование, налет семитизмов как того, так и другого типа весьма заметен в языке всех старославянских переводов. Впрочем, их наличие не может свидетельствовать о каком-то негреческом архетипе переводов, ведь, как сказано выше, такие библеизмы были глубоко укоренившимися в греческом языке того времени, когда производились древнейшие переводы церковных книг первоучителями славянства.⁹⁶

Иногда, правда, несколько большее количество семитизмов-библеизмов, обнаруживаемых в славянских переводах евангелия по сравнению с их греческими оригиналами, заставляло отдельных ученых предполагать, что Константин-философ, первоучитель славян, который в совершенстве владел древнееврейским и сирийским языками, трудясь над своими переводами, мог пользоваться, кроме греческого текста новозаветных книг, еще и сирийским их текстом.⁹⁷

Значительно более существенны с точки зрения определения того, с какого именно языка могли быть переведены те или иные древнерусские переводные произведения, такие черты синтаксиса семитических оригиналов, которые в общем виде не были восприняты греческим языком и противоречат строю как греческого, так и славянских языков. Это в большинстве случаев совершенно необычные словосочетания с глагольным предложным управлением или взамен беспредложного управления, свойственного в подобных оборотах славянским языкам, или своеобразное значение и употребление предлогов, характерное для семитического синтаксиса.

⁹⁴ Carl Brockelman. Syrische Grammatik. 8-e Auflage. Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1960, стр. 114.

⁹⁵ M. Hilarion. Die Hebraismen in der altslavischen biblischen Sprache. — Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels. München, 1953, стр. 18 и сл.

⁹⁶ Henrik Birnbaum. Zur Aussonderung der syntaxischen Gräzismen im Altirkchenslavischen. — Scandoslavica, т. IV. Kopenhagen, 1958, стр. 239—257.

⁹⁷ R. Jacobson. Saint Constantin et la langue syriaque. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. New York, 1939—1944, стр. 181.

Сюда относим употребление предлога «къ» в значении еврейского כִּי , как показателя датива, предлога «въ» в соответствии с еврейским בְּ , как показатель орудия действия, предлога «на» или «над» в значении еврейского עַל по отношению к объекту, испытывающему на себе действие со стороны другого предмета, и т. п.

Подобные своеобразные обороты были обнаружены нами вслед за А. В. Горским и И. Е. Евсеевым в древнерусском переводе книги «Есфирь». Так, например: «Не ц(еса)рю единому съкривила ц(еса)рица Васти, аще не на вся бояры и на вся языки» (гл. I, стр. 16); «Еже осуди на ню» (гл. II, стр. 2); «И отвеца Есфирь къ Мардохаеви» (гл. IV, ст. 2); «Иже повергль бяше руде свои въ иудея» (гл. VIII, стр. 7) и многие другие.⁹⁸ В дальнейшем точно такие же обороты обнаружались и в отрывках из «Иосиппона», например: «Место к немилостивым и пещера к недобрым»; «И в храбрых земли задросте»; «И даша римляни души свои к смерти» и др.⁹⁹ Сравни с этим обороты из совершенно еще не изученного текста апокрифа «Исход Моисеев»: «И тако протолкова рабъ твои к тобѣ»; «И уподобися к единому велмож»; «И уподобися в обличьи столника его»; «И одолѣ на воинах своих»; «И ужесточи работу на люди своя и на домъ Иаковль» и многие другие.¹⁰⁰ Наконец, обороты такого же типа были нами найдены и в краткой редакции славянской книги Еноха «От потаенных книгъ о въсхищении Еноховѣ праведнаго» по списку БАН, 43.13.4. Там мы читаем: «Нѣсте служаще в лице господне»; «И възыде гласъ ихъ в лице господне»; «Мефусаломъ ста на главѣ олгаря и на главѣ всих людей от дни того»; «И сотвори ему елико глаголано к тобѣ» и многие другие.¹⁰¹

Эти необычные для славянских языков синтаксические и фразеологические конструкции, буквально повторяющие отдельные черты предложного управления, свойственного еврейскому и арамейскому языкам, в совокупности с другими чертами могут доказывать с достаточной долей вероятности, что данный памятник переведен с одного из семитических языков.

Кроме вопроса о переводах с еврейского, в нашей филологической науке поднимался вопрос и о возможности перевода с сирийского оригинала «Повести об Акире Премудром». Это произведение дошло до нас в многочисленных списках XV—XIX вв., восходящих в конечном счете к протографам домонгольской эпохи. Довольно многочисленные списки южнославянского происхождения несомненно восходят к русским оригиналам; последние послужили истоком и для древней румынской версии этого произведения. Самый древний извод широко распространенного в мировой литературе сюжета «Повести об Ахикаре» засвидетельствован арамейскими папирусами из еврейской колонии на египетском острове Элефантина, относящимися к V—IV вв. до н. э. Сама же повесть, по-видимому, могла возникнуть в последние десятилетия существования самостоятельной древнеассирийской державы еще в VII в. до н. э. В наши дни сохранились многочисленные восточные изводы этой повести: сирийский, арабский, армянский. Обнаруживаются следы того же сюжета в древнегрече-

⁹⁸ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности..., стр. 209—210.

⁹⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 57—65.

¹⁰⁰ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 97.

¹⁰¹ См. наш доклад «К вопросу об источниках славянской книги Еноха», который печатается в сборнике статей в честь члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, издаваемом Институтом народов Азии.

ской классической литературе, отразившиеся в конце концов в сказаниях об Эзопе. Однако списков собственно греческой версии «Повести об Ахикаре» ни в классической, ни в византийской литературе не обнаружено.

Древнерусский текст «Повести об Акире Премудром» более всех приближается к сирийской версии. Мог ли быть сделан в Киевской Руси перевод с сирийского оригинала? Этот вопрос задавал в свое время А. Д. Григорьев и пытался ответить на него положительно.¹⁰² Н. Н. Дурново, вслед за Григорьевым разрабатывавший эту проблему, счел доводы своего предшественника недостаточно доказательными,¹⁰³ однако он не смог и опровергнуть данного предположения, оставив вопрос открытым.¹⁰⁴ В. М. Истрин высказался в пользу перевода повести с греческого.¹⁰⁵ П. К. Коковцов в своем отзыве на работу Н. Н. Дурново колебался между признанием греческого и сирийского подлинника с перевесом в пользу сирийского.¹⁰⁶

Несколько лет назад мы приводили соображения в пользу наибольшей вероятности признания оригиналом русской версии «Акира» именно сирийской повести.¹⁰⁷ В настоящее время мы можем полностью подтвердить высказанное тогда предположение. Действительно, не только вся транслитерация собственных имен в повести стоит ближе других именно к сирийскому оригиналу, но и некоторые отклонения от него тоже могли возникнуть, по-видимому, именно на сирийской почве, например, замена буквы «н» буквой «л» в титуле Синагрипа (Санхериба), «цесаря Адорского и Наливского». В сирийском оригинале он назван царем «Атора (Ассура) и Нинве». Вместо второй буквы «н» в названии города Ниневии древнерусский переводчик мог прочесть букву «л» (лямед) потому, что в сирийском уставном письме «эстрангело» отличается от буквы «нун» только большей длиной наклонной влево черты.¹⁰⁸ Что же касается отдельных немногочисленных грецизмов, которые отмечались в языке древнерусского перевода повести, то они могли быть присущи самому русскому литературно-письменному языку киевской эпохи и потому проникнуть и в текст «Акира».¹⁰⁹ Впрочем, все эти факты требуют еще дополнительного исследования и уточнения.

Таким образом, мы имеем право значительно расширить тот круг языковых источников, из которых могла черпать свои богатства древняя славяно-русская переводная книжность. И это еще раз подтверждает нашу уверенность в широте культурного кругозора, свойственного передовым людям той отдаленной эпохи.

5

Следующая проблема, которая настоятельно требует тщательных трудов для своего разрешения, — это отношение славяно-русских переводов

¹⁰² А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹⁰³ Н. Н. Дурново. Рецензия на книгу А. Д. Григорьева о «Повести об Акире», стр. 294—297.

¹⁰⁴ Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, ч. 1. К истории повести об Акире. М., 1915.

¹⁰⁵ В. М. Истрин. Рецензия: Новые исследования в области славяно-русской литературы. 1. А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром... — ЖМНП, 1914, июнь, стр. 333—369.

¹⁰⁶ См.: Р. Р. Орбели. Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство, — Очерки по истории русского востоковедения, т. II. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 359. Отзыв хранится в Архиве АН СССР (ф. 779, оп. 1, № 125).

¹⁰⁷ ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 58.

¹⁰⁸ Carl Brockelmann. Syrische Grammatik, стр. 5.

¹⁰⁹ См.: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVIII веков. Л., 1934, стр. 61.

к их оригиналам. Этой проблеме был посвящен наш доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в сентябре 1958 г.¹¹⁰

В названном докладе приводились примеры из нашей исследовательской практики, когда на основании славянского перевода удавалось уточнить чтение переводимого оригинала. Примеры брались из древнерусского перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника. Греческий текст этого произведения, известный по рукописи Иверского монастыря, содержал ряд неточностей, исправление которых согласно древнерусскому переводу, совпало с чтением Парижской рукописи, изданной в Афинах Сп. Ламбросом.¹¹¹

Отклонения от изданного текста книги «Иосиппон», обнаруженные нами в отрывке из этой книги, включенном в «Повесть временных лет», подтвердились при подготовке критического издания еврейского оригинала, осуществленного израильским историком Д. Г. Флюссером, который писал нам по этому поводу в частном письме: «Русский перевод приведенного отрывка полностью сошелся с восстановленной мною по рукописи оригинальной редакцией Иосиппона и отличается от напечатанного более позднего оригинала».¹¹²

На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия нами было показано, как славянский текст иногда может дать в руки текстолога и критика основания для признания правильной или неправильной той или иной конъектуры, априорно выдвигавшейся исследователями. В книге VI (гл. II, ч. 1) названного произведения Иосиф Флавий рассказывает о причинах того, почему во время римской осады были прекращены ежедневные жертвоприношения в Иерусалимском храме. Согласно всем известным спискам греческого текста, в данном месте стояло сочетание ἀνδρῶν ἀπορία — «из-за отсутствия (или из-за растерянности) мужей». Естественно, что такое странное объяснение этой причины заставляло исследователей искать возможности исправить текст при помощи конъектуры.

В свое время А. Шлаттер предложил читать в данном месте взамен ἀνδρῶν ἀπορία — «недостатка мужей» ἀρῶν ἀπορία — «из-за недостатка агнцев».¹¹³ В то время как сирийский перевод данного места неисправен и не способен внести ясность в спорное толкование, древнерусский перевод, по всей видимости, подтверждает предлагавшуюся конъектуру. Там мы читаем: «(Тит) Иосифа пристави глаголати къ Иоаннови, яже и преже. И бысть ему възвъщено, яко жрътва божия оскудѣ, зане не бѣ приношения никакого же, и оталкаматы ищезе, и народ рыдаеть того ради».¹¹⁴

Мы видим, что в качестве объяснения того, почему прекратилось приношение ежедневного всесожжения («оталкаматы», т. е. «олокавтоматы» — ὀλοκαυτώματα), в древнерусском переводе указывается на отсутствие жертвенных животных (зане не бѣ приношения никакого же), т. е. «недостаток агнцев», а не «недостаток мужей», как читается во всех грече-

¹¹⁰ Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов (На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия). Изд. АН СССР, М., 1958; см. также: Исследование по славянскому литературоведению и фольклористике. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 61—94; резюме доклада, прения по нему и заключительное слово см.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 105—106, 118—122, 136—137.

¹¹¹ Иван Дуйчев. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника. — Византийский временник, т. XII, М., 1957, стр. 199—202.

¹¹² Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов..., стр. 8.

¹¹³ A. Schlatter. Der Bericht über das Ende Jerusalems. — Beiträge zur Förderung d. Christl. Theologie. Gütersloh, 1923, V, 28, стр. 7.

¹¹⁴ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 404.

ских рукописях. Хотя древнерусский переводчик в данном случае не рабски и не буквально воспроизводит читаемый им оригинал, что вообще характерно для его творческой манеры, однако же остается бесспорным, что он мог прочитать в нем скорее ἀρνῶν, чем ἀνδρῶν, и по смыслу совершенно правильно передал именно это объяснение события. В результате привлекаемое место древнерусского текста позволяет нам с известной долей вероятности признать поправку, выдвигавшуюся А. Шлаттером и поддержанную тогда же Р. Эйслером.¹¹⁵

Как ясно из сказанного, привлечение древних славянских переводов способно во многих случаях помочь текстологическому исследованию произведений античной и средневековой письменности.

В основных разделах доклада древнерусский перевод сопоставлялся с известными списками греческого текста «Истории Иудейской войны». При этом, в противоположность гипотезе А. Берендса и Р. Эйслера, полагавших, что древнерусский перевод восходит к какой-то иной, более ранней авторской редакции текста, я стремился доказать, что за переводом мы не обнаруживаем ничего, кроме общепринятого текста произведения Иосифа Флавия. Отдельные чтения древнерусского перевода совпадают с теми вариантами, которые приводились в критическом издании Бенедиктом Низе по рукописям Ватиканской, Урбинатской и Палатинской, т. е. по так называемым «худшим» изводам. Что же касается известных отступлений, имеющих в тексте славянского перевода, так называемых «дополнений» христорогического и иного характера, то мною было высказано предположение, что эти дополнения могли быть внесены древнерусским переводчиком попутно с предпринятой им стилистической переработкой переводимого оригинала. Что касается тех греческих слов, встречающихся в древнерусском переводе, которым нет соответствия в оригинале, то они, как нам казалось, тоже могли быть внесены в текст переводчиком по своей инициативе и являются свидетельством его литературного вкуса. Переводчик, как образованный человек своей эпохи, мог знать не только книжный греческий язык, совершенное владение которым он показал в своем труде, но и народную разговорную речь жителей Византийской империи, своих современников, откуда он и внес в текст перевода такие слова, как «проелевсис» вместо «триумф», «дука» вместо φροβάρως (начальник гарнизона), «грамота» вместо ἐπιστολή (послание) и другие.¹¹⁶

В прениях по нашему докладу, а также в рецензиях на опубликованную в том же году монографию высказывались отдельные критические замечания.

Пользуясь настоящим выступлением, приносим всем высказывавшимся устно или печатно по поводу наших работ искреннюю признательность за внимание к ним. Одновременно хотелось бы ответить здесь оппонентам на ряд их критических замечаний.

Так, Н. К. Гудзий выразил несогласие с нашим утверждением, что русский переводчик обнаружил свою инициативу не только в стилистическом отношении, но и в большом количестве дополнений по сравнению с дошедшими до нас греческими текстами «Истории Иудейской войны», в частности в известных дополнениях христорогического содержания. По мнению Н. К. Гудзиева, не может быть никакого сомнения, что последнего

¹¹⁵ R. Eisl er. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., t. I. Heidelberg, 1929, стр. 82, прим. 2.

¹¹⁶ См. подробнее: Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений киевского периода). — Византийский временник, т. XIII. М., 1958, стр. 246—261.

рода дополнения сделаны не русским переводчиком, к тому же через тысячу лет после написания Иосифом Флавием своего сочинения, а одним из христианских богословов вскоре после написания «Истории Иудейской войны», притом в таком греческом тексте, который до нас не дошел.¹¹⁷

Болгарский ученый И. Дуйчев, внося ряд ценных примечаний и дополнений в наш доклад, заметил, что у него вызывают сомнения приведенные в докладе грецизмы «второй группы», т. е. встречающиеся в древнерусском тексте «Истории Иудейской войны» на месте иных греческих слов, читаемых в подлиннике. И. Дуйчев предлагает поставить вопрос: не находились ли такие грецизмы еще в том греческом прототипе, который нам неизвестен?¹¹⁸

Японский исследователь Ёсикадзу Накамура в своей рецензии на нашу книгу высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать тезис о том, что все загадочные дополнения, существующие в древнерусском переводе «Истории» Иосифа Флавия, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.¹¹⁹

Признавая необходимость более осторожно высказывать предположение о принадлежности переводчику всех дополнений к тексту «Истории Иудейской войны», не могу согласиться с гипотезой, выдвинутой Н. К. Гудзием. Эта гипотеза, допускающая, что уже во II—III вв. существовала подобная версия «Истории Иудейской войны», переработанная раннехристианскими богословами, представляется еще более смелой и трудно доказуемой, чем предположения, высказанные в нашем докладе. Было бы совершенно необъяснимо, почему эта переработка никаким образом не повлияла на византийскую литературу. Почему ни Ориген, ни Евсевий Кесарийский, ни Фотий Константинопольский, ни один из более поздних историков и византийских хронистов, которые хорошо знали произведения Иосифа Флавия, интерполировали их и не упускали случая ими пользоваться для доказательства правоты защищаемых ими идей, почему они не воспользовались столь выигрышными для них доказательствами, если бы таковые, конечно, существовали?!

Другое дело, если бы шла речь о какой-то средневековой византийской переработке, поскольку каждому знающему раннехристианскую и византийскую богословскую письменность известно, что в этих «дополнениях» отразились достаточно поздние догматические представления и подобная же фразеология. Если признать такую возможность, то тогда можно было бы согласиться и с замечаниями И. Дуйчева относительно греческой лексики, причисленной нами ко второй группе. Ведь это слова в большинстве своем народно-греческого происхождения византийской эпохи, отнести их к автентичному тексту первых веков нашей эры не позволяют наши представления об истории греческого литературного языка. Но тогда может быть поставлена под сомнение и стилистическая самостоятельность древнерусского переводчика, против которой еще никто не возражал. Ведь в этой мнимой позднегреческой переделке могли иметь место те пропуски и сокращения оригинала, и распространения, которые столь характерны для стилистической манеры древнерусского переводчика. Если признавать второе, то с той же долей вероятности можно признавать и первое, т. е. инициативу переводчика в отношении христологических до-

¹¹⁷ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 120.

¹¹⁸ Там же, стр. 119.

¹¹⁹ С. Кимура и Е. Накамура. Изучение древнерусской литературы в Японии. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 585; Е. Накамура. Рецензия на книгу Н. А. Мещерского «История Иудейской войны». — Труды аспирантов университета Хитоубаси, т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83 (на японск. языке).

полнений. Необходимо вспомнить при этом, что многие источники, откуда он мог черпать материал для этих «дополнений», несомненно были у него под руками в славянских переводах хроник и византийских произведений патристического содержания. Нельзя упускать из виду и того, что основная идея почти всех христологических и нехристологических дополнений «Истории» — это идея божественного возмездия иудеям за их грехи, в частности за отъержение ими Христа. Это с достаточной настойчивостью подчеркивалось в нашей книге. Идея же о том, что разорение иудейской столицы и изгнание народа с его родины явились актом наказания иудеев за их грех отступничества, была очень хорошо знакома древнерусским писателям: и Илариону, автору «Слова о законе и благодати», и автору «Слова философа» в «Начальной летописи» и автору «Повести о крещении Руси» в той же летописи.¹²⁰

Поэтому не невероятной кажется нам и возможность пригисать инициативе переводчика «Истории» Иосифа Флавия, подходившего к используемому им оригиналу с идеологических позиций своей среды и своего времени, как идейное, так и стилистическое его приспособление к запросам читателей. Наше предположение не исключает, разумеется, допущения, что в рукописи обычного греческого текста, которой он пользовался, могли читаться замечания на полях такого характера, который уполномочивал бы переводчика сделать соответствующие вставки. Подобные записи на полях обнаруживаются ведь в том же Урбино-Ватиканском списке С, который ближе других списков греческого оригинала стоит к древнерусскому переводу в текстологическом отношении, а также в некоторых других греческих рукописях.¹²¹

Что касается положения, выдвигавшегося японским оппонентом, то в той формулировке, в какой оно дано в его обзорной статье, оно не вызывает возражений и с нашей стороны. Безусловно, нет оснований утверждать, что все дополнения или отклонения от общепринятого греческого текста должно считать внесенными только по инициативе древнерусского переводчика. Как мы высказывались и раньше, в ряде конкретных случаев чтение, обнаруживаемое в переводе, может исходить из какого-либо «лучшего» чтения оригинала, принадлежавшего еще самому автору книги, а впоследствии по каким-то причинам утраченного или искаженного в позднейших греческих рукописях. В том, что дело иногда могло обстоять именно таким образом, убеждает нас привлечение новых данных, ставших доступными лишь после обнаружения известных рукописей Мертвого моря в пещерах Хирбет-Кумрана. Как известно, вновь найденные материалы открыли новую страницу в исследовании идеологии и культуры Палестины и иудейского народа в период около начала нашей эры. В частности, данные кумранских находок обязательно должны привлекаться к объяснению тех отклонений от оригинала в древнерусском переводе, которые находятся в рассказе Иосифа Флавия о ессеях. В связи с этой проблемой появилось уже немало специальных исследований.

Когда среди рукописей Мертвого моря был найден свиток «Войны сынов света против сынов тьмы», ученые обратили внимание на то, что в древнерусском переводе книги II «Истории Иудейской войны» (гл. VIII, ч. 6) по изданию В. М. Истрина, которое основывается на Волоколамском списке так называемой «отдельной» редакции этого текста, в соответствующем месте читается: «И воинский чинъ вѣдомо имъ есть от тѣх пи-

¹²⁰ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 108—112.

¹²¹ Там же, стр. 57, 63 и др.

саний». ¹²² Эти ученые надеялись видеть в приведенном своеобразном отклонении русского перевода отражение знакомства Иосифа Флавия с произведениями кумранской секты. ¹²³

Однако против предположений, высказанных Рубинштейном и Филоненко, вскоре же выступил А. Вайан, который, внимательно изучив текст данного места, счел это чтение испорченным и, привлекая чтение Архивского списка, предложил читать вместо «воинский чин» выражение «в кьи чинъ», т. е. «в которое время». ¹²⁴ Тогда весь цитируемый отрывок приобретает следующий вид: «Имже им знаема суть зелиа и корени и камени, что где ражаеть ся и на которую страсть потребует ся и въ кьи чинъ, — ведомо им есть от тѣхъ писаний». Это значит: «Им (ессеям) известны травы, и корни, и камни, где который из них рождается, против какой болезни помогает и в какое время, — известно им из этих писаний». Такая интерпретация древнерусского текста несет в себе значительно меньше отличий от общепринятого греческого, сводя их преимущественно к стилистическим. Подстрочник соответствующего места греческого текста гласит: «Изучают они (ессеи) с особенной тщательностью писания древних, избирая из них преимущественно те, которые служат на пользу телу и душе. По ним разыскивают они корни, необходимые для излечения болезней, и познают свойства камней».

Виленская рукопись, положенная в основу нашего издания перевода «Истории Иудейской войны», в данном месте подтверждает чтение Архивского списка, на которое опирался А. Вайан, подвергая критике текст в издании В. М. Истрина. ¹²⁵ Поэтому мы вполне можем согласиться с конъектурой, предложенной этим исследователем. Таким образом, данное разночтение не позволяет нам видеть за древнерусским переводом какое-либо чтение, отличное от общепринятого греческого оригинала.

Однако в ряде других случаев привлечение материалов Кумрана вызывает необходимость более углубленных разысканий.

Так, в части 9-й той же книги и главы читается о той особенной строгости, с которой ессеи, в отличие от остальных иудеев, соблюдают покой седьмого дня недели, субботы, когда они стараются избегать даже малейшего труда. Древнерусский текст следующим образом передает это место: «В седмыи днь, и 7-ую недѣлю, и 7 мѣсяць, и 7 лѣто вельми хранить, ни пища строяще, ни огня кладуще, ни сосуды движюще, ни же прохода дѣюще в субботы». ¹²⁶

Сравнение с греческим текстом показывает достаточную близость к нему древнерусского, за исключением лишь одного: в нем нет ни малейшего намека на почитание ессеями седьмой недели, седьмого месяца и седьмого года. На первый взгляд могло бы показаться, что и в данном случае древнерусский перевод не дает ничего нового по сравнению с греческим оригиналом, кроме плеоназма, стилистического распространения греческого слова *εβδομάδες* («седмицы»). Однако после того как исследователями был открыт до того не известный древний жреческий солнечный календарь, которого продолжали придерживаться кумранские сектанты в отличие от

¹²² Там же, стр. 254; см. также: V. M. Istrine. *La prise de Jérusalem...*, v. I, стр. 142.

¹²³ M. Philonenko. *La notice du Joseph slave sur les Esseniens.* — *Semitica*, VI. Paris, 1956, стр. 69—73.

¹²⁴ A. Vaillant. *Le Joseph slave et les Esseniens.* — *Semitica*, VIII. Paris, 1958, стр. 39—40. См. также рецензию С. Шишмана на нашу книгу «История Иудейской войны» (*Revue de Qumrân*, t. I, f. 2. Paris, 1959).

¹²⁵ Н. А. Меценский. «История Иудейской войны»... стр. 254.

¹²⁶ Там же, стр. 255.

остальных иудеев того времени, это упоминание древнерусского перевода приобрело совершенно особую значительность.¹²⁷

В нем мы имеем возможность усматривать отклик не только на книгу «Юбилеев» и на «Устав» общины Кумрана, где наиболее подробно представлены данные об этом древнем литургическом календаре иудейского жречества, но и на описанные у Филона обычаи египетских терапевтов, и на древние «Постановления апостольские» (VII, 36, 4), где говорится о «неделях, семи неделях, седьмом месяце и седьмом годе», а также на раннехристианский апокриф «Книга Адама и Евы».¹²⁸ Таким образом, можно было бы предположить, что в данном случае за древнерусским переводом стоит такой список греческого текста, в котором остались следы упоминания о седмицах, принадлежащего еще самому автору «Истории Иудейской войны» или по крайней мере современнику той эпохи.

Второе наблюдение касается того же рассказа Иосифа Флавия о ессеях. В том же разделе упомянутой главы содержится указание, что сторонники этого направления чрезвычайно высоко ставят после бога имя своего законодателя, если кто-либо похулит это имя, то того осуждают на смерть. Древнерусский текст данного места следующий: «Чтять же зъло имя законодавца, да кто похулить, и смъртию осудять и».¹²⁹ Хотя изложение и несколько сжато по сравнению с оригиналом, оно само по себе не представляет ничего нового. До открытия материалов Кумрана обычно полагали, что в этом абзаце идет речь о Моисее. Часто комментаторы и переводчики Иосифа Флавия на современные языки от себя вносили это имя в текст перевода.¹³⁰

Легендарный образ «учителя справедливости», почитавшегося кумранскими общинниками в качестве святого основателя их секты, естественно заставил предположить, что Иосиф Флавий в данном тексте говорит не о Моисее, а именно об этом таинственном лице. Внимательное изучение древнерусского перевода позволяет установить, что имя этого «законодателя» упомянуто в нем еще несколько раз, притом в тех частях текста, которые признаются за вставки, внесенные впоследствии. Во-первых, в XXXIII главе книги I, в рассказе о снятии восставшими иудеями изображения золотого орла, повешенного над входом в храм по приказу Ирода. Речь к народу руководителей восстания, которые призывают своих сторонников на этот славный подвиг, значительно распространена в древнерусском переводе по сравнению с греческим текстом. Внушая своим сторонникам, что «нынѣ время мужествовати», Иуда и Матфий, вожди этого движения, говорят: «Да покажемъ, какво благочестие имѣемъ на закон Моисѣвъ. Да не постыдится род нашъ, да не посрамям законодавца нашего».¹³¹ Приведенное место ясно напрашивается на сопоставление с рассказом II книги.

В третий раз встречается выражение «законодавецъ нашъ» в том месте древнерусского текста, которое получило широкую известность в качестве основного христологического «добавления», во вставке в IX главе книги II, где говорится о Христе. Начинается, как известно, эта вставка словами, которые весьма близки месту из XVIII книги «Древностей Иудейских», обычно признаваемому позднейшей христианской интерполяцией. После этих слов мы читаем в тексте древнерусского перевода: «Ови о немъ гла-

¹²⁷ См.: A. Rubinstein. The Essens according to the slavonic version of Josephus wars. — Vetus Testamentum, v. VI. Leyden, 1956, pp. 307—308.

¹²⁸ Annie Jaubert. La date de la Cène. Paris, 1917, p. 50.

¹²⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 255.

¹³⁰ H. Clementz. Flavius Josephus. Geschichte des Jüdischen Krieges. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen. New York, 1900, стр. 210.

¹³¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 239.

голаху, яко законодавецъ нашъ первый отъ мѣртвыхъ вѣста, и многы исцѣления и хитрости показаше. Ови же мняху, яко отъ бога посланъ естъ».¹³² По поводу этого повествования уместно заметить, что в эсхатологии кумранской общины существовало убеждение в будущем воскресении легендарного основателя их секты, «учителя справедливости».¹³³ Таким образом, напрашивается вывод, что эти слова нельзя признавать простой выдумкой интерполятора, кто бы он ни был: раннехристианский ли богослов, древнерусский ли книжник, переводивший в XI в. «Историю Иудейской войны». Какая именно связь могла бы существовать между произведениями кумранских сектантов и «добавлениями» в древнерусском тексте, мы пока не имеем возможности установить.

Все приведенное еще раз показывает, насколько осмотрительно следует подходить к решению вопроса об отношении древних славянских переводов к их архетипам и как много еще неизведанного сулит исследователям внимательное его изучение.

6

Перейдем к вопросу об изучении мастерства древних славяно-русских переводчиков. Об этом мы уже неоднократно имели случай печатно высказываться за последние годы. Поэтому ограничимся здесь лишь немногими новыми нашими наблюдениями.

Уже давно принято делить все произведения переводной книжности по характеру их языка и по их отношению к переводимому оригиналу на два типа. К первому принадлежат памятники канонического и литургического значения, при переводе которых переводчики стремились возможно точнее передать не только содержание, но и все языковые подробности оригинала.

Известный исследователь старославянской переводной письменности Ф. Пастрнек почти 60 лет назад писал, имея в виду древнейшие переводные памятники этого типа: «Первые славянские переводы библейских текстов свидетельствуют все же о совершенно выдающемся таланте переводчиков. Эти переводы дословны и точны, как это только возможно. Такой подход переводчика оправдан, поскольку он имел дело „со священным писанием“, „со словом Божиим“. Однако при этом проступает настойчивое стремление не допускать насилия над языком. Отсюда вытекает известная формальная самостоятельность, благодаря которой легко отличить древнейшие церковнославянские тексты от позднейших, зачастую показывающих свою рабскую зависимость от подлинника».¹³⁴ Этот восторженный отзыв о таланте первых славянских переводчиков поддерживали, за исключением отдельных скептиков, каким, например, был проф. Н. К. Грунский, многие исследователи старославянского языка как прошлого, так и нашей современности. Действительно, полная дословность перевода, не превращающаяся нигде в механический буквализм, верность в передаче переводимого оригинала, нигде не доходящая до насилия над моделями своего родного языка, — вот те черты, которые могут быть признаны ведущими при характеристике стилистических приемов древнейших славяно-русских

¹³² Там же, стр. 259.

¹³³ См. по этому поводу статью И. Д. Амусина «„Учитель праведности“ кумранской общины» (Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. VII, М.—Л., 1964, стр. 253—277).

¹³⁴ Цитирую по статье Я. Бауэра (Vliv řečtiny a latiny u vyvoji syntaktične slovanskich jazyků. Seškoslovenske přednasky, стр. 76).

переводчиков, создававших тексты переводных библейских и богослужебных книг.¹³⁵

Относительная языковая самостоятельность переводных памятников первого типа явственнее всего проступает при сравнении их синтаксического строя с синтаксическими конструкциями оригиналов. Эта самостоятельность проступает не только во всех случаях отклонений от оригинала, но и тогда, когда перевод по своим синтаксическим моделям точно воспроизводит структуру подлинника. Наблюдения над текстами древних евангельских переводов, которые были произведены Р. Ружичкой¹³⁶ и частично восполнены нами, позволяют сделать вывод, что синтаксические модели в этих переводах при всей их дословности и текстуальной близости к оригиналам отнюдь не повторяют механически конструкций греческого синтаксиса. Структура предложений и словосочетаний в древнейших славяно-русских переводах ни в какой степени не может быть признана только калькой с переводимого оригинала. Так, например, греческие приименные словосочетания с несогласованным определением, выраженным родительным падежом имени в значении принадлежности и других, всегда передаются при помощи славянских конструкций с согласованным определением, выраженным притяжательными или даже относительными прилагательными. См., например, текст евангелия от Матфея (гл. I, ст. 18): ἡ Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννησις — «христово рождество» (Остромирово евангелие, л. 247); евангелие от Иоанна (гл. XX, ст. 19): διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων — «за страх иудѣискъ» (Остромирово евангелие, л. 10 об.).

Прилагательные и местоимения множественного числа среднего рода, взятые в субстантивированном значении, передаются в старославянских текстах всегда формами множественного числа среднего рода в абстрактно-обобщенном значении: «мънога», «ина», «зълая», «благая» и др. Если в греческом при таких подлежащих сказуемое всегда выражается глагольными формами единственного числа, например πάντα ῥεῖ — «всѣ течет», то в старославянских и древнерусских текстах сказуемое, как и в латинском языке, имеет только форму множественного числа. См., например, текст евангелия от Иоанна (гл. I, ст. 3): πάντα διαούτου ἐγένετο — «тѣмъ вса быша» (Остромирово евангелие, л. 1).

Своеобразное неполное совпадение синтаксических моделей между переводом и подлинником наблюдается при передаче греческого родительного определительного дательным того же значения и греческого оборота genitivus absolutus — так называемым «дательным самостоятельным». Наблюдения Р. Ружички очень показательны в указанном отношении. Так, например, в тексте евангелия от Луки (гл. X, ст. 36) при греческом Τίς οὖν τούτων τῶν τριῶν δοκεῖ σοὶ πλεῖστον γεγονέναι τοῦ ἐμπέσαντος εἰς τοὺς ληστὰς в славянском читаем: Къто оубо тѣхъ три искрнии мьнить ти са быти въпадъшомуу въ разбоинныкы» (Остромирово евангелие, л. 103 об.). Здесь дательный падеж субстантивированного причастия «въпадъшомуу» соответствует греческому родительному падежу и зависит от субстантивированного прилагательного «искрнии». Тем самым в этом примере проявляется характерное для всех славянских языков, но особенно ясно проявляющееся в русском просторечии, стремление употреблять зависимое

¹³⁵ Ср. аналогичное положение при переводах на древние германские языки с латинского и отчасти с греческого. См.: И. М. Маковский. Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе «отклонений от оригинала». — Вопросы языковедения, 1961, № 1, стр. 99—105.

¹³⁶ R. Ružička. Griechische Lehnsyntax im Altslawischen. — Zeitschrift für Slavistik, В. III, Hf. 2—4. Berlin, 1958, стр. 173—185.

имя в дательном падеже, если речь идет о степени родства, дружбы или других близких отношений между лицами.¹³⁷

Другой пример, взятый Р. Ружичкой из перевода евангелия от Иоанна (гл. IV, ст. 39), показывает своеобразное смысловое расширение, произведенное переводчиком. В греческом мы находим: πολλοὶ ἐπίστευσαν εἰς αὐτὸν τῶν Σαμαρειτῶν, διὰ τὸν λόγον τῆς γυναίκης μαρτυροῦσης. Этому соответствует славянское: «Мънози вѣроваша въ него отъ самарѣнъ за слово женѣ съвѣдѣтельствуѣшши».¹³⁸ В данном предложении замена греческого родительного принадлежности (genitivus possessivus) дательным падежом существительного «жена» с действительным причастием в том же падеже создает грамматическую многоплановость перевода. Названный оборот совпадает по своей структуре с «дательным самостоятельным». Поэтому всему данному сочетанию свойственно дополнительное временное и даже причинное значение: самаряне поверили слову женщины, в то время и вместе с тем потому, что она им свидетельствовала.

Наконец, если проследить борьбу между двумя типами отрицания в славянских переводах: оборота с одиночным отрицанием, свойственным греческому языку, и двойным отрицанием, обычным для славянских языков, — то мы заметим, что при явном преобладании второго оборота в древних славяно-русских переводных памятниках (см., например, Остромирово евангелие, от Луки XV, 16, л. 118: «никѣто же не даяше емоу») оборот с одним отрицанием окончательно закрепляется лишь в ученом церковнославянском языке к середине XVII столетия.¹³⁹

Таковы, на наш взгляд, существеннейшие черты языка и синтаксиса тех переводов, которые мы отнесли к первому типу.

Второй тип переводов мы наблюдаем в памятниках, не имевших строго церковного содержания и назначения. Это хроники, повести, нравоучительные изречения и подобные произведения, предназначавшиеся преимущественно для домашнего чтения. Наиболее характерным примером второго типа мы уже называли перевод «Истории» Иосифа Флавия. При выполнении своего труда переводчик ставил себе идеологические и стилистические задачи, коренным образом отличавшиеся от переводимого сочинения. Этот памятник скорее приближается к творческому пересозданию текста, чем к переводам в собственном смысле.

В меньшей степени отклоняющимися от своих подлинников мы считаем такие повествовательные и хроникальные произведения, как Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола и другие. К этому же типу отнесем «Александрию», «Повесть об Акире», «Девгеньево деяние» и другие. Но и эти памятники в ряде мест заметно отклоняются от оригиналов в отношении стилистики.

Так, В. Д. Кузьмина отмечает многочисленные примеры употребления переводчиком устойчивых сочетаний, свойственных славянским языкам, в качестве стилистического средства, приближающего язык перевода к произведениям устного народнопоэтического творчества.¹⁴⁰

В то время как в греческом тексте поэмы почти отсутствуют сравнения, русский перевод «Девгеньева деяния» обильно расцвечен ими. Девгений не один раз уподобляется «дюжему соколу»; воинский труд сравнивается

¹³⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 89

¹³⁸ R. Ružička. Griechische Lehnntax..., стр. 145.

¹³⁹ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3-е. Киев, 1950, стр. 348.

¹⁴⁰ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгеньева деяния». — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 75—77.

с трудом земледельца. Девгений сражается с вражеским войском, «яко же добры косец траву положи», или бьется с супостатами, «яко добры жнец траву счет». ¹⁴¹

Стремясь возвеличить ратные подвиги Девгения, русский переводчик с особым удовольствием описывает, как он, перебив одну половину вражеского воинства, взял другую их половину в плен, «перевяза, яко пастух овец перед собою погна». В данном случае переводчик не боится вступить в прямое противоречие с оригиналом поэмы, где говорилось, наоборот, о том, как Дигенис жестоко бился с врагами и ни одного из них не оставил в живых. ¹⁴²

Если в греческом тексте «Дигениса» названия зверей, как правило, приводятся вовсе без эпитетов, то в древнерусских списках перевода наблюдаем обилие таких постоянных эпитетов, как «лютый» (зверь), «младый» (сокол), «борзый» (конь) и др. Последнему эпитету обычно соответствуют в греческом «отважный», «смелый» (τολμηρὸς καὶ θρασύς ἵππος). ¹⁴³

Наоборот, как отмечает В. Д. Кузьмина, эпитеты, связанные с понятием «золотой», часто совпадают в греческом и в русском текстах. Несомненно греческого происхождения, например, эпитеты, передающие восторг Стратиговны перед красотой юного Девгения: «О свет светозарный, прекрасное солнце!».

Таким образом, русский переводчик «Девгеньева деяния» не во всем и не везде полностью следовал своему подлиннику. Он брал из греческой поэмы сравнения, эпитеты, метафоры и другие изобразительные средства либо в соответствии с книжной, либо с народно-поэтической традицией, привычной его соотечественникам.

М. М. Копыленко исследует гипотактические конструкции в таких переводных произведениях, как Хроника Малала, ¹⁴⁴ Хроника Георгия Амартола ¹⁴⁵ и «Александрия». ¹⁴⁶ Он сравнивает структуру сложноподчиненных предложений в этих памятниках с синтаксическим строем оригиналов. При этом устанавливается, что славянские переводы значительно богаче в отношении сложных синтаксических конструкций, чем греческие подлинники. Это синтаксическое богатство и разнообразие в переводных текстах объясняется главным образом тем, что греческие простые предложения с зависимыми инфинитивами, с причастными оборотами и другими членами предложения заменяются обычно сложноподчиненными предложениями с придаточными различных видов.

Так, в «Хронике» Амартола зависимый инфинитив в функции дополнения передается дополнительными придаточными с союзом «да» и со сказуемым в форме изъявительного или сослагательного наклонения. Подобный же инфинитив в значении обстоятельства заменяется в переводе тоже придаточным цели с союзом «да» и изъявительным наклонением. Инфинитив в функции обстоятельства причины находит себе соответствие

¹⁴¹ Там же, стр. 76.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, стр. 77.

¹⁴⁴ М. М. Копыленко. Из спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактичні конструкції «Хроникі» Іоанна Малала, пам'ятки перекладної літератури X ст. — Праці Одеського держ. університету Ім. І. І. Мечникова, Збірник Філологічного факультету, т. III, 1953.

¹⁴⁵ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — Византийский временник, т. XII. М., 1957, стр. 232—241.

¹⁴⁶ М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии»). — Византийский временник, т. XVI. М., 1959, стр. 82—91.

в придаточном причини с союзом «зане». Вместо греческих оборотов *accusativus cum infinitivo* или *accusativus cum participio* обычно выступает придаточное предложение причини. Подытоживая наблюдения в этой области, М. М. Копыленко пишет: «... приведенных нами данных достаточно для того, чтобы убедиться в самостоятельном развитии славянского гипотаксиса. Многочисленные факты дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского языка».¹⁴⁷

Мы можем вполне согласиться с М. М. Копыленко в том, что в переводе «Александрии» в еще большей степени по сравнению с «Хрониками» сказывается прогрессивная тенденция в развитии славянского гипотаксиса. Это находит свое объяснение как в особенностях повествовательного литературного жанра с его наибольшим по тому времени приближением к обиходной разговорной речи, так и в повышении языковой культуры переводчика. В отношении использования сложных синтаксических моделей «Александрия» представляет собой несомненный шаг вперед в развитии переводческого мастерства.

Что касается перевода «Истории Иудейской войны», то его текстуальное сопоставление с подлинником почти невозможно, так как переводчик коренным образом перестраивает весь строй изложения, сообщая несколько суховатому стилю греческого историка конкретность и живую непринужденность и образность. В свое время мы имели возможность раскрыть стилистическую сторону этого памятника.¹⁴⁸ Кратко перечислим основные черты, характеризующие высокое искусство древнего мастера художественного в полном смысле слова перевода.

Свобода переводчика по отношению к переводимому материалу и его незаурядное литературное мастерство проявляются главным образом в следующих стилистических приемах: 1) естественный порядок слов и структура синтаксического целого, независимые от оригинала; 2) конкретизирование общих отвлеченных понятий; 3) художественное распространение описаний, преимущественно в боевых эпизодах; 4) приспособление к русским понятиям и быту феодально-дружинной среды; 5) использование прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; 6) широкое привлечение образных сравнений, метафор, метонимий, не имеющих себе соответствия в греческом тексте; 7) частое применение фразеологических единств, укоренившихся в русском языке; 8) эмоционально насыщенные описания природы, данные ярче и проникновеннее, чем в подлиннике; 9) звуковая организация речи, привлечение рифмы и ритмического построения фраз.

Приведем в дополнение к указывавшимся нами ранее несколько ярких примеров того, как переводчиком применялись названные черты художественной речи.

В VIII главе книги II (часть 11), где излагается учение ессеев о загробном воздаянии, мы находим такую лаконичную и ритмически построенную фразу: «Тъм бо словом будять и нудять люди добра творити, а зла лишатися».¹⁴⁹ В оригинале на месте этого находим лишь: этим стремятся они,

¹⁴⁷ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола, стр. 236.

¹⁴⁸ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 75—90, см. также: Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси, стр. 58—70.

¹⁴⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 256.

во-первых, установить бессмертие душ, а затем также внушить приятность добродетели и отвратить от порока.

В III главе IV книги рассказывается о переговорах между сторонниками высшего иерусалимского жречества и революционно настроенными зилотами. В части 13 данной главы сообщается о посольстве к зилотам Иоанна Гисхальского, которого первосвященник Анан предварительно закликает, чтобы он не сообщал мятежникам планов, принятых сторонниками мира с римлянами. В переводе мы находим: «... прежде закленъ его, да приять ему и людем и не проявить ревнителемъ ни думы, ни слова, ни дѣла».¹⁵⁰ В греческом этому соответствует лишь: никакого совета, никакого дела не передавать врагам. Как видим, переводчику принадлежит яркий поэтический оборот речи с трехчленной возрастающей градацией и с постепенным усилением конкретности в изложении. В той же главе, несколько выше, тот же первосвященник обращается к народу с таким патетическим воззванием: «... и живу, о съльнце, и веледушу, и не емлю славныя смерти от своее старости!».¹⁵¹ В греческом здесь, как и в XXV главе книги I, отсутствует обращение к солнцу. Если мы примем во внимание, что в еврейском языке один и тот же глагол мог обозначать и «жить», и «клясться», то смысла приведенного воззвания становится ясен. Говорящий клянется солнцем. Несомненно, что поэтический характер перевода, стремление переводчика к наибольшей живости и образности речи послужили источником подобного призывания.

В наших работах в качестве примера эмоционального изображения природы приводился отрывок из III главы III книги «Истории» с описанием Галилеи. Отмечалось, что подобное поэтическое описание сильно отличается от суховатого по своей форме изложения в греческом подлиннике. Указывалось, что такое изображение природы не только в стилистическом, но и в идейном отношении стоит близко к «Слову о гибели Русской земли».¹⁵²

В 1960 г. появилась статья В. В. Данилова, посвященная названному памятнику древнерусской литературы XIII в.¹⁵³ Автор статьи, не упоминая наших работ и не ссылаясь на них, выступает со скрытой полемикой против положений, высказанных нами. Приведя дословный подстрочник греческого текста и процитировав для сравнения использованный нами отрывок перевода, В. В. Данилов подчеркивает, что, по его мнению, древнерусский перевод описания Галилеи почти буквально передает греческий текст оригинала. Лишь немного отличается перевод от подлинника: образное сравнение количества сел в Галилее с количеством звезд и наличие эпитета «жатвенное» при существительном солнце.

Несомненно, эти два отличия древнерусского перевода от подлинника, указанные В. В. Даниловым, сами по себе весьма существенны. Они неопровержимо свидетельствуют о поэтизации текста переводчиком. Если к этому добавить ритмическую организацию фраз в тексте перевода, на которую даже нет намека в греческом, то есть основания утверждать, что такая поэтизация была со стороны переводчика, быть может, и бессознательной, и не нарочитой, однако она вытекала из его художественной одаренности, проявляла его владение слогом и подлинное стилистическое мастерство. Таким образом, и в данном случае можно сказать, что перс-

¹⁵⁰ Там же, стр. 332—333.

¹⁵¹ Там же, стр. 330.

¹⁵² Там же, стр. 87.

¹⁵³ В. В. Д а н и л о в. «Слово о гибели Руския земли» как произведение художественное. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 132—142.

водчик вложил от себя в это место переводимого им произведения свое авторское эмоциональное восприятие природы и любви к родине.

Последняя по времени опубликования работа о языке и стиле перевода «Истории Иудейской войны» принадлежит перу М. М. Копыленко.¹⁵⁴ В упомянутой статье рассматриваются приемы использования переводчиком устойчивых словосочетаний. Наблюдения автора не оставляют сомнения в том, что переводчик смело и широко применял устойчивые сочетания слов на месте одного слова, засвидетельствованного в оригинале. Дальнейшего изыскания требует вопрос о том, какие именно из этих фразеологизмов есть возможность признать бытовавшими в русской языковой среде того времени, какие обороты могли проникнуть в язык в результате калькирования с какого-либо иноязычного источника, помимо непосредственного оригинала произведения, наконец, какие устойчивые сочетания слов могли появиться в результате стилистического новаторства, проявлявшегося самим переводчиком.

М. М. Копыленко исследовал главным образом приглагольные словосочетания, выявляя при этом фразеологическое своеобразие перевода и определяя степень фразеологической активности различных опорных глаголов в устойчивых сочетаниях. Собранный им материал показывает, что наиболее часто употреблены в переводе словосочетания с глаголами «творити» («сътворити») и «дѣяти». Сравнение с древними переводами евангелия убеждает нас, что этот тип сочетаний уже издавна был широко распространен в славянских языках. Среди сочетаний этого вида отметим «миръ творити» (примириться), «дарования творити» (готовить, готовить), «лестъ створити» (причинять), «не творити пакости» (оставлять нетронутым, щадить), «брань створити» (сразиться), «сътворити убиство» (в греч. «нагромоздить множество трупов»), «творити вражество», «побѣду створити» (без какого-либо соответствия в греческом), «повѣсть дѣяти» (беседовать), «промыслы дѣяти» (заботиться) и другие.

Почти столь же часто употребляются сочетания с глаголами «имѣти», «яти» («пояти», «прियाи», «възяти»).

Почти такой же фразеологической активностью отличались глаголы «дати» и производные от него «въдати», «въздати», «отъдати», «подати». Далее следуют фразеологизмы с глаголами, образованными от основы «-ложи-ти»: «възложити», «отъложити», «приложити», «положити». Менее употребительны в качестве господствующего компонента в устойчивых словосочетаниях такие глаголы, как «преступити», «принести», «просити», «въздвигати» («въздвизати»), «держати», «улучити», «обрѣсти», «отвратити», «простирати», «строить» («устроить»).

Подводя итог сделанному, М. М. Копыленко заключает: «...уже сейчас можно говорить о значительном фразеологическом своеобразии литературного языка древней Руси, об очень малой степени зависимости структурно-семантической ткани фразеологизмов переводных произведений от греческих образцов».¹⁵⁵ Такое высокохудожественное произведение, каким справедливо признается древнерусский перевод «Истории» Иосифа Флавия, доказывает, что ко времени его создания неизмеримо возрастает фразеологическая самостоятельность литературно-письменного языка славян, ощущаемая уже в переводах евангелия.

Дополним исследование М. М. Копыленко некоторыми нашими наблюдениями над фразеологической активностью оборотов, синонимических

¹⁵⁴ М. М. Копыленко. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Глагольно-именные фразеологизмы). — Византийский временник, т. XX. М., 1961, стр. 164—183.

¹⁵⁵ Там же, стр. 183.

современной русской идиоме «куда глаза глядят». В книге II (глава XXI, часть 5) «Истории Иудейской войны» мы читаем: «И тако ужась възложи на люди, яко пометавше оружия, разбѣгошася, камо кого очи несяшета».¹⁵⁶ Этому в подлиннике соответствует лишь: «бросив оружие, убежали». В ином месте перевода фразеологический оборот носит несколько отличный характер: «А иже има бѣша древле вѣрны слугы, то разидошася, камо кого мужа влѣчаше».¹⁵⁷

Еще один раз подобное же синонимическое выражение мы находим в XII главе книги II (часть 1): И «бѣжаша от църкѣви, кто камо идя». Если в Архивском списке вместо формы «идя» стоит более древнее «ида», то в Волоколамском и других списках «отдельной» редакции находим аналогичную причастную форму от глагола «видѣти» — «кто камо видя».¹⁵⁸ Первому из отмеченных нами устойчивых сочетаний мы нашли полное соответствие в «Хождении» Афанасия Никитина: «.. а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли».¹⁵⁹ Третий фразеологический оборот обнаружен нами в тексте Первой Новгородской летописи под 1226—1228 гг.: «.. и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя».¹⁶⁰

Приведенные примеры доказывают, насколько широк был круг обращения подобных устойчивых словосочетаний в литературно-письменном языке в течение всей средневековой эпохи.

Разумеется, то, что нами установлено на материале такого совершенного образца переводческого искусства, как «История Иудейской войны», не было счастливым исключением. Многие другие переводные произведения если и не отличались той же высокой художественностью, то не в меньшей степени обладали смысловой и эмоциональной значительностью и выразительностью. Многие из того, что нами отмечено в переводе «Истории» Иосифа Флавия, наблюдалось уже учеными на материале других памятников. Так, в тексте «Изборника Святослава» 1076 г. находим во многом похожие стилистические черты. В нем отмечаются рифмованные афоризмы, например «Даждь мокнущему сухоту, зимному теплоту». Сравни с этим в переводе «Истории»: «Земное же сѣмя сторицею ражается от аиерьскы тѣ плоты и от водныя тукоты» (книга IV, глава VIII, часть 3). Или: «И аще кто дрѣвле видѣвъ иудѣйскую красоту и градскую лѣпоту, а тогда приключися ему видѣти пустоту, (кто не познал бы)» (книга VI, глава I, часть 1).

В том же «Изборнике» читаем и такое изречение, содержащее глагольную морфологическую рифму: «Си бо на стезю подвига вступашаши, душа же от расслабления свобожашаши». Рифмовка подобного рода в переводе «Истории» встречается постоянно. Кроме многочисленных примеров, приводившихся нами в прежних работах, отметим еще: «Потрудимся и понудимся, ничто бо славно исправляеть[ся] без труда и без бѣды» (книга III, глава X, часть 4, стр. 315). Сравни также: «Вода его стоитъ вѣину, ни убывающа, ни прибывающа, ни преливающа» (книга III, глава X, часть 7, стр. 316). Примеры этого рода можно найти в тексте многих глав и книг «Истории».

Среди изречений «Изборника» обнаруживаются и такие, которые построены на ярких звуковых повторах, способствующих изобразительности

¹⁵⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 289.

¹⁵⁷ Там же, стр. 429.

¹⁵⁸ Там же, стр. 265.

¹⁵⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2-е. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 13.

¹⁶⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 65.

афоризма: «Не буди гърдь, да не поне похвалиться грѣбъ». В «Истории» мы неоднократно отмечали сознательно или случайно использованные переводчиком звуковые повторы. Приведем еще: «И повелѣ Тит бити стѣны на три мѣста. И внѣзпну объста гром град, вопиющимъ внутренимъ болѣ силы» (книга V, глава VI, часть 4, стр. 375). Если мы неоднократно подчеркивали стилистическое мастерство у переводчика «Истории», то подобного же отзыва были достойны и составители «Изборника» 1076 г. Наблюдения над его языком и стилем, как указывал И. У. Будовниц, «изобличают в авторе . . . мастера русской речи, а не просто переводчика с греческого». ¹⁶¹

Мастерство древнерусских переводчиков, которое особенно ярко проявилось в переводах XI—XII вв., продолжало сохраняться и в последующие столетия. В качестве образца высокого искусства мы имеем право рассматривать, например, перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника, византийского писателя, современника взятия Константинополя турками в 1453 г., оплакавшего это горестное событие в своем проникновенном произведении. Русский перевод «Рыдания» почти современен написанию оригинала, а следы старших его списков восходят к 1468 г. В этом тоже заключается немаловажный интерес для исследования.

«Рыдание», по всей вероятности, было переведено на Афоне, тогдашнем международном центре православного монашества, и переводчик, по видимому, был монах. Во всяком случае в его труде проявляется явная тенденция к стиранию элементов языческой античности, весьма заметной в оригинале, и, наоборот, распространение церковнобиблейских упоминаний. Так, из перевода исчезло то место, где автор сравнивает бедствия, перенесенные жителями Константинополя во время его осады турками, с бедствиями древней Трои. Выпала из перевода реминисценция из «Метаморфоз» Овидия, которой заканчивал свое произведение автор. Выражение «жилище муз» (*ἑστία χαρίτων*) превратилось у переводчика в «дом благоденствий». Зато лаконичное в греческом оригинале *ἀκάθιστον ὕμνον* заменено пространным «иже акафиста благодарственную пѣснь». Цитаты из ветхозаветных и новозаветных текстов, которые в оригинале приводятся не всегда точно и неполностью, в переводе обычно уточнены и дополнены. Все это обличает в переводчике ревнителя церковноправославных воззрений. Однако мы не можем при этом не заметить его незаурядного мастерства. Сложный и затрудненный синтаксический строй подлинника, перегруженность его редкими и устарелыми глагольными формами вызывали немало препятствий, которые переводчик обычно с успехом преодолевал. Так, например, несовпадение грамматического рода у существительных *ἡ πόλις* и «град» должно было бы, казалось, разрушить в переводе вытекающую из этой грамматической особенности образность. Если в греческом слова *πόλις, μεγαλόπολις* женского рода, то в славянском «градъ, великий царствующий градъ» — мужского рода. Поэтому выражение *οὐκ ἔτι βασιλῆς* (уже нет более царицы-столицы) передано в переводе с заменой существительного глагольной формой: «не ктому царствуемъ». Словам *καὶ πότε παρακληθήσῃ βασιλῆς μεγαλόπολις* соответствует в переводе: «И когда утѣшишься царьскими великими граде?». При этом устраняется смысловой параллелизм сопоставления плачущей столицы с рыдающей о своих детях Рахилью. Там, где речь идет о порабощении города мусульманами, в греческом тексте сказано, что царица городов *βασιλῆς τῶν πόλεων* стала «рабой» (*δούλη*) внукам рабыни (*δουλίδος*) Агари». Это место переводчик передал так: «Дивный царь градомъ рабъ нынѣ уже и внуком рабыни Агари».

¹⁶¹ ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 51.

Порядок слов в переводе и синтаксический строй в большинстве случаев строго соответствуют подлиннику, однако во многих местах мы находим и отступления от оригинала, там, где к этому обязывает дух родного языка переводчика, и перевод благодаря этому становится более логичным и прозрачным. В греческом мы читаем: ἐναντὶθα δὲ τοῖς ἐχθροῖς ἐφάνας τοῦ Χριστοῦ καθ' ἡμῶν (Здесь же врагам светило Христа против нас). В переводе: «Здѣ же врагом христовымъ свѣтяше на насъ». Обычно каждой лексеме греческого оригинала в переводе соответствует при всех случаях употребления одна и та же славянская лексема. Однако нами найдено 38 случаев, не считая местоимений и предлогов, когда одна и та же греческая лексема передается различными русскими, например: ἀχοσμία — «некрасота» и «нелѣпота»; δύναμις — «сила» и «крѣпость»; φωνή — «воплъ» и «гласъ». При этом, наоборот, наблюдается 12 случаев, когда одним и тем же славянским словом переводятся различные греческие лексемы, например: ἐρήμωσις и ἄλωσις — «запустѣние»; ἀγαθός и χρηστός — «благий»; κίνδυνος и συμφορά переданы словом «бѣда». Так же свободно подходил переводчик и к передаче сложных слов подлинника сочетанием двух слов, равных по смыслу, или заменяя простое слово греческого оригинала славянским сложным. Все это показывает, что переводчик «Рыдания», как и его предшественники, не следовал рабски переводимому оригиналу и проявлял богатые стилистические возможности славяно-русского литературно-письменного языка.¹⁶²

Примерами высокого переводческого мастерства мы можем признать и другие образцы переводной литературы XV—начала XVI в., хотя они и переводились различными лицами и с различных языков. Таков перевод «Прения живота со смертью», сделанный с нижненемецкого оригинала,¹⁶³ или выполненное Федором Карповым переложение стиха Овидия.¹⁶⁴

Искусство перевода, которым обладали древнерусские переводчики, заслуживает глубокого и всестороннего изучения. Наша филологическая наука и сейчас еще испытывает настоятельную нужду в тщательно разработанной теории перевода. Если таковая теория будет создаваться, то, разумеется, при ее выработке нельзя проходить мимо тех успехов и достижений переводческой практики, которыми были отмечены труды древних славяно-русских мастеров перевода. Эти безвестные художники слова не имели научно обоснованной теории перевода, по крайней мере до наших дней не дошло от нее никаких следов. Подобно тому как древнерусские зодчие, не зная высшей математики, не производя инженерных расчетов, смогли с высоким искусством разрешать встававшие перед ними технические и художественные задачи, выстроив такие сокровища архитектуры, как София Новгородская или храм Покрова на Нерли, оставшиеся безвестными мастера переводческого дела оставили векам полные выразительности и силы образцы в полном смысле художественных переводов, не

¹⁶² См. об этом частично в нашей статье «„Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод» (Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 81—84).

¹⁶³ Herbert Raab. Zu einigen Niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slavistik, B. III. Berlin, 1958, стр. 324—325.

¹⁶⁴ Сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии наук 22 февраля 1914 г. — Известия Академии наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105. См. также: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 281 («Нынѣ живут от похищения. Нестъ гостиникъ от гостя без боязни. Нестъ теть от зятя; и братская убо любовь редка есть». Латинский подлинник: Vivitur ex rapto; non hospes ab hospite tutus. Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est).

воспроизводивших свои оригиналы буквально, но всегда верных смыслу и стилю подлинников.

Необходимо сказать еще несколько слов об одном до недавнего времени вовсе не привлекавшем внимания специалистов разделе переводной письменности — о переводах гимнологических памятников. Мы уже сказали, что такие памятники у нас еще почти не учтены, не описаны и не изданы; до недавнего времени те немногие исследователи, которые обращались к их изучению, рассматривали их тексты как произведения прозаические, обращая внимание в первую очередь лишь на ошибки, допущенные переводчиками при передаче греческих оригиналов.¹⁶⁵

Между тем бесчисленные переводы на славянский язык канонов и кондаков, стихир и тропарей представляют собой не коряво сработанные подстрочники поэтических оригиналов, художественных произведений византийской гимнографии, но в полном смысле образцы высокой поэзии. Если сама по себе византийская гимнография изучена еще весьма поверхностно, то поэтическая сторона переводов обратила на себя внимание отдельных ученых лишь в последние годы. В 1961 г. Р. О. Якобсон выступил с докладом, посвященным старославянской поэзии.¹⁶⁶ В том же году несколько строк было уделено в этом плане языку переводов и в нашем докладе.¹⁶⁷

Как доказало произведенное Р. О. Якобсоном сопоставление славянских поэтических гимнов с их греческими оригиналами, поэтичность переводов заключается, между прочим, и в ритмическом их построении, в строго регламентированном стихотворным размером количестве слогов в стихотворной строке. Эта ритмическая организация стиха в переводных песнопениях дополняется последовательно проводимой звуковой организацией, своеобразной инструментовкой текста, проявляющейся в аллитерациях и ассонансах, оттеняющих ту словесную и музыкальную картину, которая должна представляться слушателям этих торжественных музыкально-поэтических произведений.

Аналогичное открытие недавно было сделано на материале древней грузинской гимнологии.¹⁶⁸ Художественная древнерусская гимнология должна быть подвергнута самому тщательному изучению как со стороны языка и стилистики ее текстов, так и со стороны мелодий их вокального звучания.¹⁶⁹

7

Здесь мы остановимся на литературной судьбе переводных произведений на их новой родине. Этой проблеме посвящена недавно появившаяся статья В. Д. Кузьминой.¹⁷⁰ Еще раньше об этом много и обстоятельно

¹⁶⁵ См., например: И. В. Ягич. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.; Erwin Koschmieder. Die ältesten Novgoroder Hirmologienfragmente. Lieferung I. München, 1953; Lieferung II. München, 1955.

¹⁶⁶ Roman Jakobson. The slavic response to Byzantine poetry. — XII congrès international des études Byzantines. Rapports, VIII. Belgrade—Orchide, 1961.

¹⁶⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 101—103.

¹⁶⁸ См.: И. Андроников. Разгадка тысячелетней тайны. — Новый мир, 1962, № 9, стр. 231 (О работах Павле Игорюка).

¹⁶⁹ См. выступление М. В. Бражникова на IV Международном съезде славистов (т. I, стр. 338—339); Н. Д. Успенский. Византийское пение в Киевской Руси — Akten des XI Internationalen Byzantinistischen Kongresses. München, 1960, стр. 643—654.

¹⁷⁰ В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 13—20.

было написано в исследовании Д. С. Лихачева.¹⁷¹ Поделемся некоторыми наблюдениями, которые в основном подтверждают сказанное в работах предшественников.

На русской почве переводные произведения обычно находили широкое распространение, многие из них прожили долгую и славную жизнь, удовлетворяя любознательности и духовным запросам не одного поколения русских читателей. Изменялись идеологические взгляды древнерусского общества, претерпевали изменения литературные вкусы и привычки, но при этом одно и то же переводное произведение продолжало переписываться и читаться, привлекая к себе внимание разными сторонами своего сюжета и стиля.

Так, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны», выполненный в XI—XII вв. в дружинной среде Киевской Руси, оказался уже почти забытым через 2—3 столетия. Но вот в конце XIV в., по всей вероятности, среди русских насельников Константинополя изготавливается новая, «отдельная» редакция этого памятника, и она немедленно находит живейший отклик во всей Северо-Восточной Руси в период образования Московского централизованного государства. Иосифа Флавия читают и комментируют, делая выписки из его книги, и в переживавшем последние дни своего независимого существования Новгороде, и в Москве. Его читают и изучают Иосиф Волоцкий и Иоанн Грозный. В XVII в. его рекомендует своим читателям протопоп Аввакум. Многочисленные списки перевода «Истории» сохранились от этого времени в монастырях Севера: в Кирилловом Белозерском и Соловецком, в Красногорском и в Антониевом Сийском. Этот перевод цитирует в своих прениях с духовником датского королевича Вольдемара московский протопоп Иван Наседка. Наконец, уже в XVIII в. перевод «Истории» усердно читают в Даниловом Выговском скиту, в тогдашнем центре Поморского беспоповства.

Если одно и то же произведение способно затрагивать и волновать русских читателей в различные исторические эпохи, то это, разумеется, было и результатом добротности перевода, плодом мастерства переводчиков. Киевская Русь, феодально-дружинная, ценила в этом произведении преимущественно красочные изображения боевых действий и подвигов. По крайней мере в большинстве выписок из «Истории», обнаруживающихся в тексте Киевской и Галицко-Волынской летописей XII—XIII в., в «Житии Александра Невского», мы находим именно подобного содержания отрывки. В середине XIV в. выдержка из перевода «Истории» попадает в текст Первой Новгородской летописи младшего извода (в записи 1316 г.).¹⁷²

В позднейший период, в XV—XVIII в., на первый план выдвигаются те места перевода, которые вызывали к себе прежде всего церковнодогматический интерес, — так называемые христологические вставки. «История» Иосифа Флавия вместе с переводом «Рыдания» Иоанна Евгеника, посвященного падению Константинополя, попадает в круг таких произведений, с помощью которых идеологи централизованного самодержавного государства обосновывали свои воззрения.¹⁷³

¹⁷¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы М—Л., 1952, стр. 130—155.

¹⁷² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 337. По Комиссионному списку (л. 197): «... и заблудиша во озерех в болотех; и начаша измирати гладом, и ядыху конину, а инии, съ щитовъ кожу сдирающе, ядыху ... якоже древе иерусалимянѣ, внегда предать я бог в руцѣ царю Титу Римьску».

¹⁷³ Подробнее см.: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 154—164.

Судьба перевода «Истории» Иосифа Флавия на русской почве причудливым образом переплетается с литературной биографией другого переводного произведения с тем же содержанием и сюжетом — с переводом еврейской книги «Иосиппон». Эти два перевода в течение долгого времени конкурировали друг с другом. Оба произведения, по всей вероятности, были переведены почти одновременно, около рубежа XI—XII вв. В противоположность своему литературному сопернику перевод «Иосиппона» не сохранился в полном виде и в отдельных списках, а дошел до нас лишь в отрывках, в составе различных компилятивных сводов.

Древнейшим отражением этого переводного произведения в русских оригинальных памятниках является, как мы выше сказали, эпизод о пощении Александром Македонским Иерусалима в записи 1110 г., читаемый как в Ипатьевской летописи, так и в несколько измененном виде в «Летописце Переяславля Суздальского». Около начала XIII в. «Иосиппон» появляется в Северо-Восточной Руси. Выдержка из этого перевода попадает в рассказ о Липицкой битве в Суздальской летописи под 1216 г. Позднее отрывки из «Иосиппона» попадают в Еллинский и Римский летописец второй редакции.¹⁷⁴

Около этого же времени перевод «Иосиппона» включается в качестве основной части в своеобразное компилятивное сочинение «Плены Иерусалими». Так называемое «первое пленение Навходоносорова» и «второе пленение Антиохово» включают в себя обширные выдержки из I и III книги «Иосиппона».¹⁷⁵ Третье пленение в этом произведении уже впоследствии было заменено текстом «Истории Иудейской войны» так называемой «отдельной» редакции. Сам же рассказ VI книги «Иосиппона» под заглавием «О взятии Иерусалиму, третье Титово» оказался в составе Еллинского летописца второй редакции и в свою очередь претерпел ряд редакционных переработок. В Еллинском летописце текст «Иосиппона» тесно переплетается с выдержками из Хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Существуют списки в составе различных сборников XV—XVI вв., где этих выдержек нет.¹⁷⁶ Наконец, в XV—XVI вв. статья «О взятии Иерусалиму» попадает в состав Русского Хронографа первой редакции, отсюда в списки Западнорусского Хронографа, а уже отсюда в молдавские и валашские переводы этих произведений. Около середины XVIII в. отдельные места перевода «Иосиппона» оказали некоторое воздействие на стилистику поэтической повести «Об Азовском сидении». Однако все эти пока беглые и мимолетные наблюдения ожидают своей дальнейшей разработки в монографическом исследовании древнерусского «Иосиппона».

Не менее поучительно проследить литературную судьбу Хроники Иоанна Малалы. Это интереснейшее произведение византийской литера-

¹⁷⁴ См.: В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1903, ч. CCCXLVIII, № 10, отд. 2, стр. 201—218; К. К. Истомин. Некоторые данные о протографе Еллинского Летописца. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLIV, № 7, отд. 2, стр. 80—93; А. А. Шахматов. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLI, № 1, отд. 2, стр. 174—179.

¹⁷⁵ В работе В. М. Истрина «Хронограф Академии Наук № 45.13.4» (Одесса, 1905) напечатаны некоторые куски этих частей книги «Иосиппон», как например «Сказание об иерее Мататиаге», «Сказание о мучении 7-ми братьев Маккавеев». Однако В. М. Истрин на основании частого упоминания о воскресении мертвых во втором сказании склонялся признать эти части переводами каких-то неизвестных новозаветных апокрифов.

¹⁷⁶ См., например: Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 770, лл. 59—67, а также, по-видимому, Копенгагенской библиотеки, № 147 в (XVII в.), лл. 548 об.—575.

туры послужило главным источником, откуда славянский культурный мир черпал свои сведения об античной мифологии и истории. Будучи во многом противоположна по содержанию и по стилю строго монашеской Хронике Георгия Амартола («грешника»), тем не менее насыщенная языческими элементами Хроника Иоанна Говоруна (так можно перевести с сирийского языка прозвание этого писателя) оказалась на русской почве тесно переплетена с первой. Где впервые были переведены обе эти Хроники, вопрос до сих пор остается без окончательного решения. Но одно ясно, что они проникли на Русь не позднее XI в. и подвергались тут всесторонней переработке. Обе Хроники, образовав тесный сплав, составили вместе так называемый Хронограф по великому изложению, откуда уже брались многочисленные заимствования в текст Начальной летописи. Особенно характерна восходящая в основном к переводу Малалы статья 1114 г., о которой уже немало написано.¹⁷⁷ Затем обе Хроники вошли в состав Еллинского и Римского летописца первой редакции. Оттуда материал этих хронографических произведений с добавлением новых источников попадает во вторую редакцию этого же летописца и в Хронографическую палею. После этого выдержки из Хроники Малалы проникают в так называемый Иудейский хронограф, создававшийся в Западной Руси в XIII в. Наконец, уже в более позднее время мы находим тексты из Хроники Малалы в различных хронографических сборниках, как например «Академический» (БАН, 45.13.4), тождественный с ним «Уваровский» (ГИМ, Увар. № 3/18), «Софийский» № 1454 и другие, откуда В. М. Истрину при подготовке своего издания приходилось их извлекать буквально по кусочкам. В стилистическом отношении текст Хроники Малалы наряду с «Александрией» и «Историей» Иосифа способствовал становлению древнерусского «этикета» воинских повестей, оказав воздействие на описание боевых действий в летописях.¹⁷⁸

Кроме прямого текстуального и стилистического воздействия на древнерусский летописный стиль, мы можем указать еще на один тип взаимоотношений между этой Хроникой и летописями, на который до сих пор еще не обращалось внимания.

В тексте Малалы мы очень часто встречаем своеобразные словесные портреты различных исторических деятелей, преимущественно римских и византийских императоров. Обычно эти выпуклые характеристики находятя после указания лет царствования или завершают собой хроникальный рассказ о деятельности того или иного лица. Наряду с внешними чертами портрета иногда даются и отдельные стороны моральной характеристики. Приведем ряд примеров из текста X книги Хроники Малалы. В главе III мы читаем об императоре Тиверии: «Кесарьствова Тиверіи, Оулінъ сынъ, лѣтъ 22 ... бѣ же възрастомъ средній, старъ, тонокъ, доброокъ, смагль, крокорявъ, любодарливъ, дѣлолюбивъ».¹⁷⁹ В главе V находим характеристику Гайоса (Калигулы): «Бѣ же высокъ, лѣпъ, тонкимъ лицемъ, роумянъ, наусъ, простъ власы, маламы очима, борзорѣчивъ, гнѣвливъ, велед(у)шенъ».¹⁸⁰

¹⁷⁷ В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, ноябрь, стр. 83—91.

¹⁷⁸ А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (до конца XVII в.). — ЧОИДР, кн. 4, 1902, стр. 1—50; 2) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 93—126.

¹⁷⁹ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга X Одесса, 1913, стр. 7.

¹⁸⁰ Там же, стр. 15.

В VII главе той же книги читаем следующую характеристику императора Нерона: «Бѣ же высокъ и тонокъ, седь, густъ брадою, строинъ».¹⁸¹ Не останавливаясь сейчас на остальных портретах римских императоров, приведем еще характеристику Веспасиана, не вошедшую в издание Истрина и найденную нами в рукописи Виленского хронографа в тексте IV книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Бѣ же низокъ, плѣшивъ, чреватъ, седь, чермень, напухлыма очима, плосколицъ, гнѣвливъ».¹⁸²

В дальнейших книгах Хроники Малалы характеристики византийских императоров становятся более лаконичными. Они зачастую ограничиваются 2—3 чертами внешнего портрета, но зато иногда присоединяют к ним оценку деятельности этого лица. Так, в книге XIV (глава III) читаем об императоре Феодосии II: «Сѣ же Феодосии тѣломъ среднии и чистымъ лицемъ лѣпъ».¹⁸³ В книге XV (глава I) находим: «Зинонъ бѣ же тѣломъ среднии»;¹⁸⁴ там же: «Дикорось Драчанинъ ... бѣ же высокъ зѣло».¹⁸⁵ В книге XVII встречаемся с характеристикой императора Иустина: «Иоустинъ Всидаритинъ Фраксъ ... бѣ же тѣломъ среднии, на ратехъ добръ».¹⁸⁶

Еще в 1934 г. была опубликована статья А. Б. Никольской, в которой рассматривался вопрос о «словесном портрете» в древнерусской литературе.¹⁸⁷ Правда, автор этой работы, собрав аналогичные характеристики исторических лиц из Хроники Амартола и сравнивая с ними словесные портреты деятелей русского летописного повествования, не только не указала на наличие этих характеристик в тексте Хроники Малалы, но прямо заявила, что в этой хронике словесных портретов не обнаруживается.

По сравнению с Хроникой Малалы характеристики исторических лиц, большей частью князей, встречаются на страницах русских летописей значительно реже. Еще меньше находим в них внешних черт портретного облика, но зато значительно пространнее даются моральные черты, оценка которых производится летописцем с точки зрения господствовавшей тогда религиозной идеологии. Так, например, обратимся к характеристике в «Суздальской летописи» князя Всеволода Юрьевича. Сообщая под 1212 г. о кончине этого выдающегося деятеля Северо-Восточной Руси, летописец продолжает: «Много мужествовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злых казня, а добросмысленных милуя: князь бо не втуне мечь носить въ месть злодѣмъ, а въ похвалу добротворящимъ».¹⁸⁸

Подобная же характеристика дается его сыну Константину под 1216 г.: «Сѣ бѣ блаженныи князь зѣло украшенъ всѣми добрыми нравы, възлюбилъ бога всею душою и всѣмъ желаньем, божий страх отинудъ имѣ в серци и в души своей».¹⁸⁹

Большее внимание уделяется внешним чертам облика князя Василька Ростовского, погибшего мученической смертью в татарском стане после по-

¹⁸¹ Там же, стр. 19.

¹⁸² Н. А. Мещерокий. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы, стр. 282.

¹⁸³ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книги XI—XIV. — СОРЯС, т. XC, № 2. СПб., 1913, стр. 11.

¹⁸⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книги XV—XVIII. — СОРЯС, т. XCI, № 2. СПб., 1914, стр. 3.

¹⁸⁵ Там же, стр. 13.

¹⁸⁶ Там же, стр. 17.

¹⁸⁷ А. Б. Никольская. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе. — Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 191—200.

¹⁸⁸ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 184.

¹⁸⁹ Там же, стр. 187.

ражения на реке Сити 4 марта 1238 г. В летописной записи, посвященной гибели этого князя, мы читаем: «Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ лежокъ, до бояръ ласковъ... Мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина с ним ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ доброденствіи на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте».¹⁹⁰

Наиболее же пространную характеристику князя мы читаем в Ипатьевской летописи под 1288 г., в записи о смерти князя Владимира Васильковича. В этой характеристике в равной степени уделено внимание как чертам внешнего облика князя, так и душевным его качествам: «Сіи же благовѣрный князь Володимеръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты, кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги; рѣчь же бяшетъ въ немъ тольста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловець хитръ, хороборъ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татѣбы ненавидяше, питья же не пи отъ возраста своего. Любовь же имѣяше ко всемъ, паче же ко братии своей, ко хрестъномъ же цѣлованьи стояше со всею правдою, истинною, нелицемѣрною; страха же божия наполненъ, паче же милостыни прилежае, монастырь набдя, черныцѣ утѣшаа и вси игуменѣ любовью приймаа, и монастыри многи созда, на всѣ церковный чинъ и на церьковники отверзълъ ему бяшетъ богъ сердце и очи; иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормителъ бо бяшетъ чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину яко возлюбленный отецъ бяшетъ, паче милостынею бяше милостивъ».¹⁹¹

Мы нарочно привели эту пространную выдержку для того, чтобы наглядно показать, что и в этой характеристике хотя и уделено чертам портретного изображения значительно больше места, чем во всех рассмотренных выше, но эти черты буквально тонут в многословном изображении моральных совершенств героя. Здесь выписан идеальный образ благоверного князя, каким он должен быть по представлениям официальной церковной идеологии того времени. Произведенные нами сопоставления Хроники Малалы и летописей доказывают, как нам кажется, что, во-первых, авторы летописных статей отталкивались в своем изображении портретных черт людей от переводных образцов Хроник Малалы и Амартола. Оттуда брали они самый порядок введения портретной характеристики в историческое повествование. От Малалы же идет, без сомнения, и скульптурная выпуклость словесного изображения.

Что же касается конкретных приемов изображения облика деятеля, то в этом летописцы решительным образом отходят от шаблона, получившего распространение в переводной письменности. И в этом сказалось влияние феодальной идеологии, находившей опору в моральном учении православной церкви. Мы видели, что уже и в самом тексте Малалы по мере перехода от римской античности к византийскому средневековью идет на убыль внимание к внешним чертам портрета.

Изображая людей, в частности создавая облик идеального князя, летописец шел от общих представлений, от заранее заданного в общественной идеологии своей эпохи и своего класса совершенного образца. Сущность этих идеальных представлений как в морально-идеологическом, так и в литературном плане с достаточной полнотой раскрыта в работах Д. С. Лихачева. Идеальным представлениям о том, «как подобает человеку быти», вполне соответствовали и те стилистические нормы, те фразеоло-

¹⁹⁰ Там же, стр. 199.

¹⁹¹ Там же, т. II. СПб., 1843, стр. 220—221.

гические этикетки, которыми располагал летописец в своей словесной палитре. Князь в летописи всегда официален, отмечал Д. С. Лихачев, он всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Геральдичность и церемониальность, свойственные изображению князей, не требуют пространного выражения. В летописи описываются в первую очередь поступки князей, но не психологические причины, их вызвавшие.¹⁹²

Выразив свое согласие с положениями, приведенными в работах Д. С. Лихачева, мы можем добавить к этому, что и черты внешнего облика князя, как случайные и потому внутренне не связанные с его «геральдическими» поступками, для летописца случайны и отступают на задний план. Только в тех случаях, если автор летописной статьи считает себя как-то особенно обязанным восхваляемому им князю, как это было в отношении составителя Ростовского летописного свода к Васильку Ростовскому и в отношении автора последних записей Ипатьевской летописи к Владимиру Васильковичу Волинскому, только тогда этот автор наряду с весьма распространенной моральной характеристикой князя сообщает и о внешних чертах его облика, гармонирующей своей красотой телесной с красотой души.

Таким образом, и в данном случае мы имеем право сделать вывод, что воздействие переводной письменности на русскую самобытную литературу отнюдь не подавляло и не сковывало эту последнюю, а давало ей силы, оттолкнувшись от своего образца, создавать высокие культурные и эстетические ценности, которые способствовали становлению и укреплению идеологии тогдашнего общества.

Приведем еще некоторые наши наблюдения над литературной судьбой важного переводного памятника XV в. «Рыдания» Иоанна Евгеника. Как мы показали уже в 1953 г., фразеология этого перевода пришла к вкусу русским книжникам того времени, хорошо владевшим «украшенным» слогом, искусством «плетения словес». Следы знакомства с «Рыданиями» можно заметить в повести «О взятии Царьграда», в посланиях старца Филофея. С особенной же выпуклостью проявляется воздействие фразеологии, свойственной «Рыданиям» Иоанна Евгеника, на памятник, созданном уже в XVII в., на «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства», одном из наиболее характерных памятников эпохи польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в.¹⁹³

В настоящее время мы имеем возможность дополнить данный список еще одним произведением, лишь недавно открытым и введенным в научный оборот Я. С. Лурье.

Это произведение — «Послание вельможе Иоанну о смерти князя», озаглавленное так его издателем и приписываемое им Иосифу Волоцкому.¹⁹⁴ Мы не будем касаться тех доводов, на основании которых Я. С. Лурье производит свою атрибуцию. Они далеко не бесспорны. Но как бы к ним ни относиться, необходимо признать, что в данном

¹⁹² Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 2) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16.

¹⁹³ Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 84—85.

¹⁹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зминова и Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 154—160. Соображения Я. С. Лурье по атрибуции памятника см. на стр. 35—36, а также в статье того же автора «Послание вельможе Иоанну о смерти князя (К проблеме атрибуции древнерусских литературных произведений)» (Slavia, гоґ. XXVII. Praha, 1958, № 2, стр. 216—255).

памятнике мы должны видеть произведение, возникшее не ранее последней трети XV в. Таким рубежом самой ранней датировки «Послания» служит явная зависимость его текста от перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника. А так как последний, как мы указывали выше, появляется на Руси в 60-е годы XV столетия, то, следовательно, «Послание» возникло позднее.

В своем комментарии к издаваемому памятнику Я. С. Лурье отметил два места, в которых, по его мнению, отразилась фразеология «Рыдания».¹⁹⁵ На самом деле таких мест, где находим прямые отклики на фразеологию перевода Иоанна Евгеника, в тексте «Послания» значительно больше. Можно смело сказать, что весь памятник как бы пронизан отдельными выражениями и словосочетаниями, взятыми из переводного образца. Остановимся на некоторых наиболее ярких примерах.

Текст «Послания»

Беды же кыа имам обрыдавати
(стр. 155).

И тогда бысть горе и увы, и тма, и мрак покры всех, яко мнозем глаголати горам: «Падите на нас!» и холмом: «Покрыйте нас!» (стр. 155).

Христоименитый и боголюбивый и великолепный и славный и светлый род... яко лист уже увяде, яко цвет отпаде, и яко свет златаго светильника угасе, и оставися дом пуст (стр. 155).

И прежде конца обзага концем претяй, и прежде суда чаемаго излиася на нас пельныи судеб божних, и прежде муки ожидающия нечестивых изыде на нас горесть вечнаго мучениа (стр. 156).

Но, о, хто достойне возможет ипытати судеб божних бездну, Христе царю, еже бысть сицевых ради? (стр. 159).

Что и жити подобает, иже эле оставшим? Которая и спасению надежда, иже сицеваго зла доживших и толику злобу видевших, иже лучшему всех отъемшуся от земля? (стр. 160).

Перевод «Рыдания»¹⁹⁶

Храняхся сему времени узрѣти и рыдати, плакати общую бѣду (л. 313).

Издѣхохомъ ничто же разслабленых и единое отчаявшихся разстоимъ с[я]. Горы падѣте на ны, хльми покрыйте ны (л. 313 об.).

О христоименитыи роде, якоже листъ уже и цвѣт отпадѣши, или яко свѣтъ златаго свѣтльника угасшии... се оставися домъ нашъ пустъ (л. 316).

И прежде конца державнаго видѣмых и прежде суда суду и прежде будущиа вѣчныя муки ничто же намъ лучшии оная (л. 316).

О, христе царю, увы! О, христе царю всѣхъ! О, о имъ же преславнаа возглаголашася иже великаго царя бога граде! (л. 311).

И иже лучшему всѣх отъемшуся от земля (л. 314).

Кроме указанных параллелей, в самом конце «Послания» во второй раз приводятся 3-й и 4-й отрывки, причем последний дается в форме, еще более близкой к соответствующему месту «Рыдания»: «Преж конца державнаго конец, преж суда суд преж вечныа муки мука». В этой связи может быть подвергнута критике догадка Я. С. Лурье, высказанная им в комментарии к данному тексту: «Слова „преж конца державнаго конец“ могут быть поняты как указание на то, что герои послания умерли раньше „державнаго“ (великого князя); но более вероятно понимание слова „державный“ в смысле „лучший“: ...герои послания не дождались „лучшего конца“».¹⁹⁷

Поскольку в данном случае слова «державнаго конца» восходят к переводному источнику «Послания», постольку, конечно, нельзя под ними разуметь намек на кончину Ивана III. Не можем мы согласиться и с пониманием «державнаго» как «лучшаго». Использование этого же

¹⁹⁵ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 249.

¹⁹⁶ Текст перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника приводится по рукописи XV в. [ГПБ, собр. Кирилло-Белозерск., № 64 (1303), лл. 311—324 об.].

¹⁹⁷ Послание Иосифа Волоцкого, стр. 251.

места в «Послании» в первый раз заменяет эпитет «державнаго» на «общаго (конца)». И в этом отношении автор «Послания» оказался прав, истолковывая так данный эпитет. В греческом приведенное место «Рыдания» читается: *καὶ πρὸ τῆς συντελείας τοῦ κρατίστου τῶν φαινομένων καταστροφή* — «Прежде общего конца — гибель видимых».

Таким образом, привлечение переводного источника помогает нам правильно понять текст древнерусского оригинального памятника.

В заключение хочется выразить надежду, что очерченный здесь круг вопросов, заслуживающий глубочайших исследований, станет в ближайшем будущем предметом более широкого изучения. Понять до конца все богатства, накопленные культурой нашего народа вплоть до современности, можно только тогда, если глубоко проникнуть в его историческое прошлое и проследить все истоки этого богатства.

О. А. ДЕРЖАВИНА

Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в.¹

Русская литература, как и всякая иная литература, развивалась в постоянном взаимообщении с литературами соседних стран. Многие заимствуя частью из стран Востока, частью из Византии и с Запада, она в свою очередь делилась своими богатствами с соседними — в древнем периоде главным образом славянскими — странами. Это общение, особенно с Западом, продолжается как в XVIII, так и в XIX, и в XX вв., когда русская литература стала занимать одно из ведущих мест в мировой литературе.

Изучение истории русской литературы в любой из периодов ее развития немыслимо без учета этого взаимообщения. В частности, XVII век требует в этом плане особого внимания, так как в этот период в русском обществе наблюдается повышенный интерес к западноевропейской науке, литературе, к театру, к переводным произведениям вообще.

Как справедливо указала В. Д. Кузьмина, причины расцвета переводческой деятельности в XVII в. еще ждут своего пристального изучения и объяснения, так как «вопрос о предпосылках широкого развития переводов на Руси в XVII веке до сих пор не привлекал специального внимания исследователей».²

Среди этих предпосылок исследователи указывают прежде всего на то, что устои феодализма на Руси в этот период начинают расшатываться, крепнут буржуазные связи, складывается всероссийский рынок; одновременно с этим в силу ряда исторических причин оживляется и становится более интенсивным общение русских людей со своими западными соседями, знакомство с культурой других народов. То и другое влечет за собой перемену в мировоззрении русских людей той эпохи.

В докладе на IV съезде славистов М. П. Алексеев указал,³ что в XVII в. в Русском государстве становится особенно заметным интерес к науке и литературе эпохи Возрождения, повышавшийся у нас от десятилетия к десятилетию. Русское общество привлекают математические науки, ботаника, химия, практическая биология, медицина.⁴ В XVII в. у нас переводятся «Физика» Аристотеля, «Космография» Меркатора,

¹ Настоящая статья рассматривает вопросы, связанные с изучением переводной повести и отчасти драматургии XVII в., не касаясь других видов переводных произведений, в частности поэзии. О ней см. статью А. М. Панченко (настоящий том, стр. 256—273).

² В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 13—20.

³ М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958.

⁴ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940.

зоологический трактат Улисса Альдрованди, анатомический труд Везалия, «Селенография» Гевелия. Эти книги, выбранные разборчиво, со вкусом и пониманием, обнаруживают живой интерес русского читателя к достижениям западноевропейской научной мысли; они открывали перед ним новые горизонты и давали возможность по-новому взглянуть на явления природы и жизнь человека. Интерес к человеку, к человеческому характеру — типичная черта эпохи гуманизма — появляется у нас именно в XVII в. Примеры этому мы находим в современной оригинальной литературе. Русские писатели именно в эту эпоху «открыли» человеческий характер, начали задумываться над его противоречиями. Не случайно, что в XVII в. русским людям стали известны и педагогические учения западных гуманистов: Симеон Полоцкий ссылается на Яна Амоса Коменского, широкой популярностью пользуется педагогический трактат Эразма Роттердамского, озаглавленный в русском переводе «Гражданство обычаев детских».⁵

Художественная переводная литература занимает в XVII в. значительное место в общем ходе развития русского общества и русской литературы. Рядом с научными трактатами переводятся произведения литературные — романы, повести, целые сборники повестей нравоучительного и развлекательного характера; переводятся пьесы для придворного театра царя Алексея Михайловича, сборники басен и стихов, поэтики. Переводы делаются с латинского, новогреческого, немецкого языков и чаще всего с польского. Русский читатель знакомится в этот период с западноевропейским рыцарским романом, с новеллой, типичной для эпохи западноевропейского Возрождения,⁶ а в переводах с греческого языка, которые принадлежали обычно ученикам и преподавателям Киево-Могилянской академии в Киеве и Славяно-греко-латинской академии в Москве, с рядом произведений античной литературы («Метаморфозы» Овидия, басни Эзопа,⁷ «Илиада» Гомера).

Переводная литература пользуется в XVII в. широкой популярностью, она охотно читается, переписывается и в новой для нее среде начинает жить новой жизнью: западноевропейский роман приобретает русские бытовые черты (повесть о Бове королевиче), герои персидского эпоса превращаются в могучих русских богатырей (Еруслан Лазаревич), западноевропейские анекдоты рядом с оригинальными русскими сатирическими произведениями обличают недостатки русской действительности (фацеции), а особенно полюбившиеся сюжеты обрабатываются в пьесы (повесть об Оттоне и Олунде, повесть о Мелюзине), становятся широко популярными, используются лубочной литературой, подхватываются народом и превращаются в сказку (повесть о купце, заложившемся за честь жены).

Просматривая список произведений, которые были переведены на русский язык в XVII в., невольно поражаешься их разнообразию: здесь и авантюрный роман (повесть о Бове королевиче, повесть о Петре Златые ключи и ряд других), и нравоучительные легенды (сборник «Великое Зерцало»), и апокрифы (сказание об Иуде предателе или рассказ о странствующем жиде), и веселые анекдоты (фацеции), и пьесы для театра.

Все это богатство жанров и сюжетов идет к нам преимущественно через Польшу, частично через Германию. Переводы в большей своей

⁵ М. П. Алексеев. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — Славянская филология, Сб. статей, I. М., 1958, стр. 275—330.

⁶ См. в сборнике фацеций ряд новелл из «Декамерона» Боккаччо.

⁷ См.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, №№ 58, 64, 73, 229 и стр. 504—514.

части делаются любителями литературных новинок по собственному почину. «Наши грамотей каким-то чутьем находили в польской литературе знаменитые новеллы и романы и передавали их на своем языке», — писал А. Н. Пыпин.⁸

Но ряд книг переводится и по специальному указанию, причем перевод поручается определенным лицам, главным образом переводчикам Посольского приказа, хотя они и не были подготовлены к литературной работе.⁹ Так было переведено по желанию царя Алексея Михайловича и под присмотром его духовника протоиерея Постникова «Великое Зерцало», так переводились пьесы для придворного театра и другие литературные и нелитературные произведения.¹⁰

Интерес к переводной научной, нравоучительной и развлекательной литературе объясняется в XVII в. различными причинами: общими, указанными выше и обусловленными процессом исторического развития русского общества, и индивидуальными для каждого отдельного произведения. Последние причины необходимо по возможности вскрыть и уточнить. Можно, например, поставить вопрос: почему понадобилось переводить на русский язык такой на первый взгляд сугубо католический сборник, как «Великое Зерцало»? А. И. Клибанов в своем докладе о возникновении сектантства на Руси¹¹ указал, что в XVII в. в русском обществе начинает появляться свободомыслие, своеобразный рационализм. Появляются люди, которые утверждают, что бога нет, что свет сам по себе стоит, что нет ни царства небесного, ни вечной муки. Нельзя ли предположить, что именно против этих вольнодумцев и была направлена нравоучительная, идущая с Запада книга, в которой в ярких картинах показывались и райское блаженство, и мучения грешников, повествовалось о чудесах, совершаемых представителями христианского олимпа, и прославлялись бог, богородица, ангелы и святые? Полезными казались и те рассказы «Зерцала», где раскрывались и осуждались пороки духовенства. Такие явления наблюдались и в русской жизни. По мысли организаторов перевода, подобная критика должна была укрепить церковь, потерявшую к XVII в. свое ведущее положение, очистить ее от недостатков. С другой стороны, «Великое Зерцало» давало возможность читателю расширить круг чтения, связанного с вопросами религии и церкви, ограниченного до этого лишь «священным писанием» и творениями отцов церкви. Это также могло быть причиной, почему царь Алексей Михайлович оказался инициатором перевода этого любопытного сборника, которому суждено было сыграть на русской почве такую большую и заметную роль.

Среди переводных повествовательных произведений первое место занимают авантюрные романы и повести, часто с весьма запутанной фабулой, со сказочными приключениями героев. Таковы повести о Бове, о Петре Златые ключи, об Оттоне и Олунде, о Василии Златовласом, о короле Брунцвике, о королевице Валтасаре, об Аполлонии Тирском, о Мелюзине. Такие же занимательные повести с фантастическими подробностями русский читатель находил и в сборниках «Римские деяния» и «Повесть о семи мудрецах».

⁸ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 250—251.

⁹ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 42—45.

¹⁰ См.: В. П. Зубов. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 433—439.

¹¹ Доклад был сделан на заседании Сектора феодализма Института истории АН СССР 12 X 1962.

На втором месте стоят сборники притч, басен, анекдотов, на третьем — нравоучительные и апокрифические легенды. Впрочем, если сравнить число новелл, вошедших в «Великое Зерцало», с прочей переведенной в XVII в. повествовательной литературой, то окажется, что нравоучительная новелла займет среди этой литературы первое место: в полных русских списках «Великого Зерцала», как известно, заключается около 850 рассказов.

Обширная переводная литература XVII в. изучена еще сравнительно мало, в то же время ее детальное и всестороннее исследование является насущным и неотложным делом советской литературной науки. Особого внимания требуют прежде всего повествовательная литература и драматургия.

Если мы просмотрим обзор трудов, посвященных изучению русской повести и переводной повествовательной литературы, в частности вышедших до 1917 г., и их анализ, данный Н. К. Пиксановым в его книге «Старорусская повесть»,¹² мы убедимся, что, несмотря на огромные заслуги дореволюционного литературоведения в области изучения переводной литературы, эти работы уже не могут удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к научному исследованию. Состояние науки во второй половине прошлого века и литературная и идеологическая борьба того времени обусловили характер исследований виднейших ученых и привели к тому, что эти исследования в большинстве представляют собой лишь первоначальный этап в изучении того или иного произведения. Они знакомят читателя с текстом повести, романа или сборника повестей в одном из известных исследователю списке, уточняют, является данное произведение оригинальным или переводным, в ряде случаев определяют его источники, время и количество переводов. В этой области дореволюционное литературоведение имеет ряд непрерываемых достижений. Работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина, С. Л. Пташицкого, из западных ученых — М. Мурко, К. Крумбахаера и других являются тем фундаментом, на котором советская наука должна строить изучение как оригинальной, так и переводной повести.¹³

К сожалению, до последних лет дальнейшее изучение переводной литературы почти не двигалось вперед. Дело в том, что изучение переводных произведений неизбежно влечет за собой вопрос о связях и взаимовлиянии русской литературы и литератур зарубежных стран. Этот вопрос в советском литературоведении в течение долгих лет не мог быть поставлен с необходимой широтой. Имя А. Н. Веселовского — крупнейшего специалиста в деле изучения международных литературных связей — было под запретом. Это привело к тому, что советские ученые не имели возможности серьезно заниматься переводной литературой. Только теперь, когда кончились ограничения, связанные с эпохой культа личности, когда восстановлены значение и ценность работ такого выдающегося ученого, каким был А. Н. Веселовский, оказалось возможным по-настоящему подойти к проблеме изучения переводной литературы, как повествовательной, так и драматургии.

¹² Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. Госиздат, М.—Пгр., 1923, стр. 17—38.

¹³ См. обзор работ ученых XIX—начала XX в. в упомянутой книжке Н. К. Пиксанова и в книге «Древнерусская повесть» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1940, стр. 14—17).

В области изучения последней в прошлом сделано немало: изданы тексты драматических произведений конца XVII—начала XVIII в., ставившихся в придворном театре царя Алексея Михайловича и на любительской сцене театра царевны Наталии Алексеевны,¹⁴ написан ряд статей и исследований,¹⁵ но все же и в этой области ряд вопросов требует дополнительного изучения. Совсем недавно был найден список «Артаксерксова действия» — пьесы, считающейся утерянной и не вошедшей в издание Н. Тихонравова.¹⁶ Возможно, будут обнаружены и другие считающиеся утерянными пьесы. Весь театральный репертуар, как оригинальный, так и переводный, ждет нового научного издания и тщательного изучения, последний — в свете взаимосвязей и взаимообобщения русской литературы с литературами славянских народов и европейских стран.

Работы, посвященные изучению переводной литературы XVII в. и вышедшие в СССР с 1917 по 1959 г., указаны в ряде библиографических справочников, появившихся в печати в последние годы.¹⁷ Это большей частью статьи, посвященные тому или иному вопросу, связанному с каким-либо произведением,¹⁸ реже — издание нового текста, найденного исследователем.¹⁹ Ценным вкладом в дело изучения переводной повести являются указатели, составленные В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской²⁰ и А. А. Назаревским.²¹ Здесь указаны переводные повести, вошедшие в нашу литературу в XVII в., сделана опись имеющихся списков каждой из них в книгохранилищах нашей страны, перечислены издания произведения, если они имеются, приведена библиография, знакомящая читателя с тем, что сделано по изучению данного произведения как в России, так и на Западе.

Общие сведения о переводной литературе вообще и XVII в. в частности читатель может найти в работах А. И. Соболевского,²² А. Н. Пыпина,²³ А. Н. Веселовского.²⁴ В советское время обзоры переводной литературы даны в учебниках по древнерусской литературе, в работе

¹⁴ См.: Русские драматические произведения 1672—1725 гг., изданные Н. Тихонравовым, т. 1—2. СПб., 1874.

¹⁵ См., например: П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; сборник «Старинный спектакль в России» под редакцией В. Н. Веселовского—Гернгросс. Л., 1928 (на стр. 184—197 дана библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв., составленная В. П. Адриановой-Перетц).

¹⁶ См.: Артаксерксво действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

¹⁷ В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. М.—Л., 1956; Н. Ф. Дробленкова. 1) Библиография советских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.—Л., 1961; 2) Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг.—ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 499—551.

¹⁸ См.: О. М. Маслова. Повісті про кесаря Оттона і графиню Альтдорфську в українській літературі.—Радянське літературознавство, 1948, № 9.

¹⁹ См.: Н. К. Гудзий. Новые редакции Повести о папе Григории (Исследование и публикация текстов).—ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 176—191.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

²¹ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

²² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.

²³ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских.

²⁴ См. главу о повестях в «Истории русской словесности древней и новой А. Галахова» (т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 394—417).

А. С. Орлова,²⁵ в соответствующих томах «Истории русской литературы».²⁶ Как справедливо указал в заглавии своей работы А. Н. Пыпин, эти обзоры в основном раскрывают перед читателем именно литературную историю того или иного памятника: здесь более или менее точно указываются источники того или иного сюжета, выясняется путь, каким этот сюжет шел с Запада или с Востока и как он попал на Русь, уточняется, с какого языка было переведено на русский язык то или иное произведение. В книге А. С. Орлова, помимо кратких указаний вышеозначенного типа, мы читаем подробный пересказ всех наиболее интересных переводных повестей XVII в.

Несколько особое место среди упомянутых выше обзорных работ занимает исследование С. Л. Пташицкого, изучающего русские переводы западных произведений в сравнении с их переводами у других славянских народов.²⁷ Эта работа вносит важные дополнительные сведения в литературную историю западноевропейских сюжетов, но дальше литературной истории ее автор, как и авторы других обзорных работ, не идет.

Главы, посвященные переводной литературе в советской «Истории русской литературы»,²⁸ отличаются тем, что здесь авторы пытаются показать место переводной литературы в общем ходе развития литературного процесса на Руси, ее роль в жизни русского общества и ту среду, в которой переводная литература распространялась и бытовала. Но, как правило, ни здесь, ни в ранее написанных обзорных работах мы не находим подлинного историко-литературного анализа изучаемых произведений. Читатель получает лишь общее знакомство с этим богатым и многообразным материалом, а по ряду выдержек и пересказов — представление о содержании наиболее популярных произведений.

Если мы обратимся к статьям и исследованиям, посвященным отдельным произведениям, то обнаружим, что они тоже стремятся прежде всего вскрыть историю сюжета, показать, откуда и как он пришел на Русь. Затем анализируются отдельные списки произведения — их сходство и отличие; в ряде случаев работа сопровождается публикацией текста, найденного данным исследователем и показавшегося ему чем-то интересным с точки зрения литературной истории произведения, в лучшем случае в сопоставлении с одним или двумя известными ему списками, выбранными в значительной степени случайно. Так еще и сейчас издаются западными учеными произведения средневековой литературы, но в настоящее время такое издание уже не может удовлетворить читателя и исследователя.

Как пример изданий этого типа можно указать произведения, напечатанные в конце прошлого столетия Обществом любителей древней письменности: «Римские деяния»,²⁹ «История семи мудрецов»,³⁰ «Повесть о Мелюзине»³¹ и др. Эти издания, несмотря на всю научность и добросо-

²⁵ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934.

²⁶ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948; История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958; см. также учебник Н. К. Гудзия «История древней русской литературы» (изд. 6-е М., 1956).

²⁷ С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах, вып. I—II. СПб., 1902.

²⁸ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 374—414; История русской литературы в трех томах, т. 1, стр. 310—332.

²⁹ См.: Римские деяния, вып. 1—2. Изд. ОЛДП, СПб., 1877 и 1880.

³⁰ См.: История семи мудрецов, вып. 1—2. Изд. ОЛДП, СПб., 1878—1880.

³¹ См.: Повесть о Мелюзине. Издание Ф. Булгакова, ОЛДП, XLII, LX, СПб., 1882.

вестность, не способствуют изучению предлагаемых читателю повестей как произведений литературных. Текст напечатан здесь со всеми описками и ошибками, которые имеются в случайно избранном издателями списке, с сохранением титл и выносных букв, с соблюдением неверных написаний подлинника. Все это очень затрудняет чтение произведений, а местами и понимание смысла написанного. Такое издание может быть интересно для лингвиста, но оно не может быть использовано для знакомства даже достаточно подготовленного читателя с памятником, тем более для работы над ним. Рядовому читателю, если бы он задумал познаться с переводной литературой древней Руси, эти издания просто недоступны. То же можно сказать об издании сборника фаянцев, выполненном Ф. Булгаковым,³² где ошибки в тексте не только затрудняют чтение, но местами и искажают смысл рассказа.

Многие переводные произведения вовсе не изданы: таков очень популярный сборник «Великое Зерцало», сборники изречений и притч, например притчи Саади, в русском переводе озаглавленные «Кринный дол», и ряд других произведений, имевших хождение на Руси в XVII в.

Обратимся к исследованиям, посвященным изучению отдельных произведений переводной литературы XVII в. Просматривая указатели и справочники, мы убеждаемся, что почти каждое из них в большей или меньшей степени привлекало внимание ученых, лишь очень немногие остались вне поля зрения представителей науки, но статьи и исследования, как правило, посвящены уяснению того или иного вопроса, связанного с литературной историей данного сюжета, и дальше этого не идут.

Из восточных повестей, переведенных в XVII в., наиболее распространенной и любимой оказалась повесть о царе Агее, сохранившаяся в многочисленных списках и несколько раз изданная. Повесть упоминается в работах А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского. И. А. Шляпкин указывает новый список повести, обнаруженный им в Суздальской рукописи XVIII в., А. А. Назаревский вносит ее в библиографический указатель. Непосредственно повести посвящены работы М. Шугурова³³ и Янины Висковатой.³⁴ В первой, сопровождающей издание повести по рукописи XVIII в., указывается, что первоначальная редакция произведения относится к XVII в., и приводятся ее варианты в литературе и фольклоре. Во второй работе ставится вопрос о происхождении повести и рассматривается ее путь с Востока (из Индии через европейскую и византийскую литературы) на Запад. Как видим, оба автора заняты вопросами литературной истории произведения. Списки повести не изучены, не сопоставлены между собой, не подвергнуты тщательному текстологическому анализу. Как литературное художественное произведение повесть не рассматривается.³⁵

Другая популярная повесть восточного происхождения — «Сказание об Еруслане Лазаревиче», — также неоднократно издававшаяся,³⁶ всесторонне исследована в кандидатской диссертации Л. Н. Пушкирева, к сожалению, до настоящего времени не изданной. До 1917 г. ученые неодно-

³² ПДП. СПб., 1878/79, стр. 94—152.

³³ М. Шугуров. Повесть о царе Агее. — Русский архив за 1865 г. (год 3-й), стр. 14—18.

³⁴ Янина Висковатая. К вопросу о европейских сказаниях «о гордом царе» и их обработках. — Slavia, XIII, seš. 2—3. Praha, 1935.

³⁵ Работы С. Бейлина «Странствующие или всемирные повести и сказания в древнерусской письменности» (Иркутск, 1907) и Г. А. Бялого «В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов» (Л., 1937) исследуют другие проблемы и мало вносят в дело изучения повести об Агее.

³⁶ Н. С. Тихонов. Летописи русской литературы и древности, т. II, ч. 2. М., 1859; Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбодрко, вып. II. СПб., 1860, стр. 325—339.

кратно обращались в своих работах к повести о Еруслане, но лишь попутно.³⁷ А. С. Орлов в своей книге о переводных повестях уточняет литературную историю сюжета и знакомит читателя с содержанием повести.³⁸ Работа Л. Н. Пушкарева, если бы она была напечатана, явилась бы важной ступенью в деле изучения этой интересной повести.

Любопытное сказание о Льве Премудром, заимствованное из византийских хроник и переделанное русским книжником в конце XVII в., после его издателя Ю. А. Яворского,³⁹ который указал источник и дал общую характеристику памятника, вообще не привлекало внимания исследователей.

Из переводных произведений, идущих к нам с Запада, наиболее повезло «Повести о Бове королевиче», «Повести о Петре Златые Ключи» и «Повести о царице Персике», которым посвящена специальная, законченная в 1962 г. монография В. Д. Кузьминой, удовлетворяющая всем требованиям современной науки, обобщающая и завершающая все то ценное, что было сделано в области изучения указанных произведений.

Новой работой в области переводной литературы являются «Фацеции».⁴⁰ Эта работа включает в себе и исследование сборника, и издание текстов, известных ранее, кроме рукописей, лишь в очень несовершенном издании Ф. Булгакова. Здесь же впервые издана повесть о купце, заложившемся о добродетели жены, вошедшая в ряд списков сборника фацеций и, несмотря на ее незаурядные литературные достоинства, никем не исследованная.⁴¹

С прочими переводными повестями дело обстоит много хуже. Такова Повесть об Александре и Лодвике, восходящая к заключительной части притчи царицы из «Повести о семи мудрецах», где читается краткая редакция произведения. Пространная редакция известна в отдельных списках, здесь к краткой редакции присоединяется история о двух друзьях.⁴² А. С. Орлов считает, что эта полная редакция восходит к подробной версии латинской заключительной повести «Истории о семи мудрецах».⁴³

Л. Н. Майков знакомит читателей с содержанием повести и устанавливает зависимость от нее «Истории о Василии Кариотском».⁴⁴ И. Н. Жданов и А. С. Орлов изучают западные и византийские параллели ко второй части повести и отражение сюжета о двух друзьях в народных сказках. Н. К. Пиксанов и А. А. Назаревский знакомят читателя с библиографией повести.⁴⁵ Как видим, литературного анализа повести, изучения

³⁷ См.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, стр. 145—146.

³⁸ А. С. Орлов. Переводные повести. . . , стр. 77—85.

³⁹ Ю. А. Яворский. Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII вв. — ИОРЯС, 1909, кн. 2, стр. 75—78.

⁴⁰ О. А. Державина. Фацеции (Переводная новелла в русской литературе XVII века). Изд. АН СССР, М., 1962.

⁴¹ Упоминание о повести и схематичное изложение ее содержания мы находим в статье П. Н. Беркова и В. И. Малышева «Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII в.» (ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 410—411).

⁴² И. Н. Жданов. Повесть об Александре и Лодвике и былина «Нерассказанный сон». — ЖМНП, 1894, № VII, стр. 62—102.

⁴³ А. С. Орлов. Переводные повести. . . , стр. 123—128.

⁴⁴ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 220—223.

⁴⁵ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 73; О. А. Назаревский. Знадоба до історії давньої повісті. 1. Повістевий репертуар київських рукописних збірок. — Записки іст.-філ. Відділу УАН, кн. XXV. Київ, 1929, стр. 333.

ее как литературного художественного произведения в этих работах мы не найдем, это дело будущих исследователей.

Если Повесть об Александре и Лодвике была все же издана,⁴⁶ то Повесть о княгине Альтдорфской известна у нас только в рукописях. Исследователи анализируют переводы повести, выполненные разными лицами на Руси и на Украине,⁴⁷ и приходят к выводу, что на Руси повесть переведена была тем же переводчиком, который переводил повесть об Оттоне и Олунде.⁴⁸ Перевод был сделан с польского старопечатного издания 1569 г. Исследователи отмечают связь повести с историей Оттона и Олунды, но дальше этого не идут.

О. М. Маслова⁴⁹ ограничивается в своей работе уточнением литературной истории повести на Украине, сопоставляя имеющиеся там два перевода. Между тем повесть как самостоятельное произведение представляет для исследователя несомненный интерес, так как отличается незаурядными художественными достоинствами. Так, она композиционно хорошо построена, в ней дан ряд выразительных образов (жестокой графини; ее мужа — доброго и умного человека, любителя псовой охоты; старой служанки, готовой исполнить любое приказание своей госпожи, и другие); в ней много бытовых подробностей, рисующих жизнь феодалов, ярких деталей. Кроме того, она очень выразительна по своей идейной направленности; в повести дважды жестоко наказана злая бесчеловечная графиня: наказана за то, что она оскорбила свою ни в чем не повинную служанку и посягала на детоубийство.

Издание этой повести по лучшим спискам, изучение ее литературной истории, отношение переводов к польскому оригиналу и анализ ее как литературного произведения — дело будущих исследователей.

Повесть о графине Альтдорфской обычно стоит в списках после Повести об Оттоне и Олунде. Последняя повесть, известная в двух редакциях [полной (2 варианта) и сокращенной, озаглавленной «Повесть о царице и львице»], была очень популярна и сохранилась в большом количестве списков. Русские издания относятся к 1847 и 1867 гг. и явно не удовлетворяют современным требованиям научного издания текста. Польские издания более поздние: 1904 и 1928 гг. (со старопечатного польского текста 1569 г.). Существующие работы (например, «Древнерусская повесть» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской) занимаются установлением источника русского перевода (А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, С. И. Маслов, А. С. Орлов), историей сюжета на западе и в России (Н. И. Петров и А. С. Орлов), сопоставлением полной и краткой редакций (А. Н. Веселовский); И. А. Шляпкин перечисляет русские списки повести и указывает, что она была источником для «Комедии Олундиной», которая ставилась в театре царевны Наталии Алексеевны.⁵⁰ С. А. Щеглова публикует и изучает инсценировку краткой редакции «Повести о царице и львице»,⁵¹ сопоставляя обе редакции повести. Как видим,

⁴⁶ См.: Повесть о семи мудрецах, стр. 200—201; Исторические сказки. СПб., 1793.

⁴⁷ См.: В. Н. Перетц. К истории украинской повести XVII в. — СОРЯС, т. СІ, № 2, 1926, стр. 135—136; С. И. Маслов. До питання про літературну спадщину С. В. Лукомського. — Юбілейний збірник на пошану М. С. Грушевського, ч. іст.-лит., т. ІІІ. Київ, 1928, стр. 259.

⁴⁸ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории..., стр. 241—242.

⁴⁹ О. М. Маслова. Повісті про кесаря Оттона...

⁵⁰ И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. — ПДП, СХХVIII, 1898, стр. XXXV—XLIII, 21—27.

⁵¹ С. А. Щеглова. Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 154—157.

и здесь нет работы, которая занималась бы литературно-художественной стороной повести и детально изучала ее судьбу на русской почве, в частности ее лубочные издания и фольклорные варианты, которые и в наши дни можно услышать у советских сказочников.

Очень мало изучена и любопытная «Повесть о прекрасной Мелюзине». Выше уже отмечались недостатки издания, осуществленного Ф. Булгаковым. В исследованиях (например, в «Древнерусской повести» Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской) указывается, что повесть переведена с польского языка, возможно два раза, что в ней есть сказочные мотивы; изучается история сюжета на Западе, устанавливается связь образа Мелюзины с индийской и славянской мифологией. В описании рукописей ОЛДП Х. М. Лопарев дает перечень списков повести; И. А. Шляпкин издает отрывок из комедии о Мелюзине, которая шла на театре царевны Наталии Алексеевны. Но у нас нет работы, в которой бы был проведен текстологический анализ списков повести, были сопоставлены предполагающиеся два перевода; повесть нигде не анализируется с точки зрения ее композиции, характеристики образов, ее художественных средств и языка. Все это требует пристального и детального анализа.

Композиция повести очень сложна: в ней фактически заключается несколько повестей: 1) история рыцаря — мужа Мелюзины, случайно убившего своего дядю на охоте; 2) история самой Мелюзины; 3) история ее отца и матери; 4) история двух ее сестер; 5) ряд рассказов о судьбе сыновей Мелюзины.

Все эти повести очень любопытны, они оригинально связаны между собой, включаясь одна в другую и поясняя друг друга.

В повести используется прием инверсии; благодаря этому только в конце ее, в истории одного из младших сыновей Мелюзины, читатель узнает, за что и кем Мелюзина была обращена в женщину-змею.

В повести рисуются интересные характеры (самой Мелюзины, ее мужа и сыновей, ее отца и матери), даны картины средневекового быта, отражены некоторые события из истории западноевропейских государств; в то же время повесть носит ярко выраженный сказочный характер. Как видим, все это делает данное произведение очень интересным, но все это до настоящего времени осталось вне поля зрения исследователей. Кроме того, необходимо поставить вопрос: почему эта занимательная сказочная повесть была так мало популярна на Руси? До нас дошло очень мало списков повести, хотя она и попала в лубочную литературу. На этот вопрос можно дать ответ только после детального изучения повести, ее композиции, образов, наконец, ее идейного звучания.

В таком же положении, как «Повесть о Мелюзине», оказываются и другие переводные повести. Просматривая работы, посвященные повестям «Об Аполлонии Тирском», «О Брунцвике», «О Валтасаре», «О Василии Златовласом», мы убеждаемся, что имеющиеся издания, как правило, относятся еще к прошлому веку, рукописные тексты не описаны и не сопоставлены между собой, исследователи занимаются установлением источника перевода, сопоставлением повести с ее восточными и западными параллелями, выявлением в ней сказочных мотивов, реже — отражениями данного сюжета в сказках.⁵²

Единственную попытку проанализировать образ героя мы находим в предисловии М. Петровского к изданию «Повести о короле Брунцвике»,⁵³

⁵² См.: М. В. Николаева. История о Ярополе царевиче и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 52—66.

⁵³ М. Петровский. История о славном короле Брунцвике. — ПДПИ, LXXV, 1888, стр. 31—57.

но в основном и эта статья посвящена изложению содержания и знакомству с литературной историей — именно в Чехии — данного произведения.

Из упомянутых повестей особенно интересна «Повесть об Аполлонии Тирском», восходящая к греческой поэме II в. Несмотря на обширную литературу, далеко не все вопросы, связанные с произведением, разрешены. Исследователи не пришли к одному мнению относительно двух переводов повести, в своих работах они совершенно не касаются вопроса о жизни произведения на русской почве, не анализируют его с литературно-художественной стороны. Нет и текстологического анализа имеющихся списков.

Среди переводных сюжетов очень любопытны легенды о кровосмесителе. Сюда входят апокрифические сказания об Иуде предателе, легенды об Андрее Критском и «Повесть о папе Григории». Лучше других изучена последняя повесть. Ею занимались В. Н. Перетц, Н. И. Костомаров, Н. К. Гудзий и ряд других ученых. Н. К. Гудзию удалось разыскать и опубликовать ряд вариантов повести, в частности одну очень интересную ее обработку в стиле Петровской эпохи.⁵⁴ Тем не менее повесть нуждается в специальном исследовании, построенном на детальном текстологическом изучении всех имеющихся списков в сопоставлении с выше упомянутыми легендами. Требуют дополнительного изучения и история бытования повести на русской почве и у других народов, и художественная сторона произведения в его различных вариантах. Следует признать, что недостаточно изучены и сборники — «Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах», «Великое Зерцало».

В каждом из них заключается ряд новелл, из которых любая требует и ждет самостоятельного детального исследования. Просматривая литературу о «Римских деяниях» и «Повести о семи мудрецах», мы обнаруживаем, что исследователи занимаются установлением содержания сборников в разных списках и литературной историей сборника в целом. А. Н. Пыпин кратко указывает источники отдельных сюжетов, но анализом их содержания не занимается. Подробно рассмотрена в научной литературе литературная история лишь некоторых вошедших в эти сборники повестей, главным образом тех, которые встречаются и отдельно, вне сборников, как например «Повесть об Аполлонии Тирском» или «Повесть о папе Григории». Содержание «Повести о семи мудрецах» сводится к теме о «злых женах», однако этой теме посвящены лишь те новеллы, которые рассказываются мудрецами и царевичем. Новеллы царицы посвящены другим темам, однако это не привлекало внимания ученых.

О целом ряде рассказов, вошедших в «Римские деяния», вообще нигде не сказано ни слова, рассматриваются обычно наиболее известные повести, но опять-таки с точки зрения их литературной истории, а не со стороны их литературной ценности и художественных достоинств.

Одной из последних работ, где ее автор обращается к переводной повести, в частности к сборнику «Римские деяния», является статья Е. Прохазковой;⁵⁵ чешская исследовательница касается «Повести о Василии Златовласом», «Повести о Брунцвике» и более подробно говорит о сборнике «Римские деяния». Автор ставит себе задачу показать на этих произведениях чешско-русские связи в XVII в.; вся работа построена на сопоставлении русских, чешских и польских текстов, выбранных в зна-

⁵⁴ Н. К. Гудзий. 1) К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, 1914, кн. 4, стр. 217—256; 2) Новые редакции Повести о папе Григории, стр. 177—191.

⁵⁵ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství Kapitoly z česko-ruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959, стр. 98—131.

чительной степени случайно; с помощью этого сопоставления Е. Прохазкова стремится (но не всегда убедительно) доказать, что русский текст восходит непосредственно к польскому, который в свою очередь передает чешский текст. Как справедливо замечает А. Флоровский,⁵⁶ наблюдения Е. Прохазковой «имеют характер известной отрывочности и ограниченности», мало нового вносят в дело изучения упомянутых произведений.

Что касается «Великого Зеркала», то этот сборник почти совсем выпал из поля зрения исследователей, так как казался им, видимо, слишком специфическим и узким по содержанию. В справочник, составленный В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, он не вошел, количество его списков неизвестно, а наличие этих списков и их особенности по отдельным собраниям даже приблизительно не установлены. А между тем сборник был очень популярен на Руси как в XVII, так и в XVIII в., многократно переписывался и целиком и частями. Материал, вошедший в сборник и кажущийся на первый взгляд однотипным (религиозно-поучительным), на самом деле исключительно разнообразен и дает в целом широкую картину человеческой жизни, своеобразно отражая классовые противоречия эпохи феодализма и первоначального накопления: власть имущие и подвластные, богачи и бедняки показаны здесь в их отношениях, с их личными качествами, хорошими или плохими. Чтобы раскрыть богатство содержания и разнообразие образов новелл, вошедших в «Великое Зерцало», исследователю необходимо вскрыть их реальное значение, сняв налет мистицизма, который так долго отпугивал ученых от этого интересного сборника.

Если другие сборники переводной новеллы не раз привлекали внимание исследователей, то о «Великом Зерцале» у нас имеется только одна работа — исследование П. В. Владимирова,⁵⁷ в значительной степени уже устаревшее, далеко не соответствующее требованиям современной науки и не разрешающее возникающих в связи с памятником проблем.

Еще менее, чем сборники повестей и рассказов, изучены собрания изречений, притч, забавных вопросов и ответов, пользовавшихся популярностью на Руси в XVII в. Таковы «Апофегмата», притчи Саади (Персицкой Кринной дол), «Премудрость Лохмана» и «Повесть о португальском и бранденбургском мудрецах».⁵⁸ Издания «Апофегмат» относятся к XVIII в., «Персицкой Кринной дол» не издавался ни разу, «Повесть о португальском посольстве» известна в издании В. В. Сиповского.⁵⁹ Специальных исследований этого рода переводной литературы нет, в общих обзорах находим лишь указания на время перевода, его источник и краткое сообщение, что представляет собой данный памятник. В то же время исследование этих сборников и сопоставление их с подобными сборниками в зарубежных, в частности славянских, странах, а также с книгами подобного рода, ранее бытовавшими на Руси (например, «Пчела»), и изучение их судьбы на русской почве, думается, будет представлять

⁵⁶ А. Флоровский. Рецензия на работу Е. Прохазковой. — *Slavia*, сеѣ. 3, 1960, стр. 489—495.

⁵⁷ П. В. Владимиров. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884.

⁵⁸ «Повесть бывшего посольства в Португальской земле, история о португальском и бранденбургском мудрецах» — русская переработка чужого оригинала, примыкает к средневековым сочинениям загадками и остротами. Басням Эзопа посвящена статья В. П. Адриановой-Перетц «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в.» (ИпоРЯС, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 377—400).

⁵⁹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 268—284.

немалый интерес и позволит исследователю сделать много ценных наблюдений и выводов.

Мы уже говорили о необходимости дальнейшего изучения драматических произведений, переведенных в XVII в. для русского театра. Большая часть имеющихся работ в этой области касается школьного театра,⁶⁰ статьи, включенные в сборники,⁶¹ посвящены в большинстве вопросам, связанным с постановкой, с оформлением сцены, с актерами и зрителями театра XVII—XVIII вв. Лишь некоторые статьи посвящены отдельным пьесам. Думается, что каждая из поименованных Н. С. Тихонравовым 20 пьес театра XVII в.,⁶² независимо от того, оригинальная она или переводная, нуждается в издании и исследовании, подобном тому, как было издано И. М. Кудрявцевым «Артаксерксово действо». Только тогда у нас будет полное представление о переводной драматургии XVII в. Наконец, есть отдельные работы, изучающие ту или иную пьесу, в основу которой положена занимательная переводная повесть, но нет исследования, в котором бы ставилась проблема взаимоотношения переводной повествовательной литературы и драматургии XVII—начала XVIII в. в ее полном объеме.

Из всего сказанного, нам кажется, с достаточной ясностью вытекают задачи, стоящие перед исследователями переводной литературы XVII в. В упоминавшейся статье В. Д. Кузьмина правильно намечает общий ход работы над переводным памятником, но ее положения в каждом конкретном случае требуют дополнения и уточнения. Так, думается, что, изучая причины расцвета переводческой работы в XVII в., нельзя говорить обо всем веке в целом. Русь начала XVII в. и Русь конца того же века — далеко не одно и то же, с этим необходимо считаться. Не случайно большая часть повествовательной литературы, как и пьесы для театра, была переведена у нас в конце, вернее, в последней четверти XVII в.

Поэтому, как нам кажется, литературоведам необходимо внимательнее всматриваться в историческую и политическую обстановку первой и второй половины века, достаточно хорошо обрисованную в трудах историков, более вдумчиво подходить к конкретным фактам, обусловившим интерес русского читателя к переводной литературе вообще и к отдельным сюжетам в частности, изучать среду, где они бытовали, привлекая для этого и читательские записи в рукописях, и соответствующие документы изучаемой эпохи.

Говоря о соприкосновении русских людей с восточными и западными соседями в XVII в., любопытно проследить, кто же именно из русских людей оказывался при этом передатчиком того или иного произведения чужой литературы на русскую почву и что именно в этой литературе привлекло его внимание и заинтересовало.

В. Д. Кузьмина права, что мы очень мало знаем о переводческой деятельности как переводчиков Посольского приказа и других официальных организаций, так и частных лиц. Необходимо детально изучить материалы Типографской библиотеки, архивы Посольского приказа, Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий и других соответствующих учреждений. Такое изучение может дать много нового

⁶⁰ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. — В кн.: Старинный спектакль в России. Л., 1928.

⁶¹ См.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пгр., 1933; Старинный спектакль в России.

⁶² Русские драматические произведения 1672—1725 гг., стр. XLIII—XLIV.

и интересного материала и пролить свет на постановку переводческого дела в изучаемую эпоху. Только благодаря разысканиям И. М. Кудрявцева в архиве Посольского приказа удалось установить, что первый перевод «Великого Зеркала» был выполнен именно здесь.

Но, помимо этого, необходимо вообще попробовать представить себе лицо переводчика XVII в. Мы знаем, что не все они были профессионалами. Они не имели порой прямого отношения и интереса к литературе. Были и любители, переводившие, как указывалось выше, за свой страх и риск. К таким любителям относятся выдающиеся писатели и общественные деятели XVII в. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий. У первого поражает разнообразие переводов, широта кругозора, обличающего в нем человека, стоящего на уровне европейского просвещения. Второй обнаруживает интерес именно к повествовательной переводной литературе, сюжеты которой неоднократно использует в своих виршах. Характеристика того и другого писателей как переводчиков — одна из очередных задач изучения переводной литературы XVII в.

Но имена большинства переводчиков-любителей до нас не дошли. Однако, сопоставляя переводы отдельных произведений, выполненные в разное время и разными людьми, можно, думается, воссоздать образы их исполнителей, выяснить их подготовленность, интересы и отношение к своему труду.

Как пример можно привести два перевода новелл «Великого Зеркала»: первый, принадлежащий переводчикам Посольского приказа, сделанный по заданию свыше, и второй, предпринятый, по-видимому, по личному почину. Если в первом случае переводчики стремятся по возможности точно придерживаться польского оригинала, то во втором случае и отбор новелл, и подход к материалу иные. Он дает возможность нарисовать образ переводчика. Это несомненно лицо духовное, воспитанное в духе православного благочестия. Он сознательно отбирает именно те новеллы, которые находит наиболее ценными, и располагает их в новом порядке. В основе расположения рассказов лежит не внешний признак — по алфавиту, как это дано в польском тексте, а внутренний — по значению содержания. Этим объясняется переработка заглавий: мы находим здесь не краткую передачу содержания, как в польском тексте, а идейный смысл рассказа. Текст здесь излагается свободнее, в него вносятся не только отдельные слова, но и целые эпизоды, живые и выразительные подробности, обнаруживающие любовь переводчика к жизненной детали, желание обрисовать душевное состояние героя, попытку сблизить рассказ с русской действительностью.

Такие или подобные наблюдения можно, думается, сделать, изучая и сопоставляя переводы других произведений переводной литературы, из которых многие дошли до нас не в одном, а в нескольких переводах. Очень интересно в этом плане изучить новые, сделанные в XVII в. переводы произведений, давно известных русскому читателю, например новый перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, сопоставив его с прежним переводом, выполненным на заре русской культуры. При этом особенно ясны будут сдвиги, которые произошли в сознании русского общества в целом и русского книжника в частности в XVII в.

Необходимо также собрать сведения о переводчиках, имена которых известны и указаны в списках рукописей. Все, что в этом направлении удастся найти, значительно уяснит вопрос о ходе переводческой работы в XVII в.

Выше мы указывали, что большая часть существующих в научной литературе работ, посвященных переводной литературе, изучает преимуще-

шественно литературную историю того или иного сюжета или группы сюжетов. Исключительной важности этой стороны изучения переводного литературного памятника отрицать нельзя. Это подчеркивает в своей статье и В. Д. Кузьмина,⁶³ раскрывая значение сравнительного изучения оригинала, польской его обработки, русского перевода и его последующей литературной истории на русской почве, которая должна быть восстановлена после тщательного текстологического анализа по мере возможности всех сохранившихся списков.

Эта чрезвычайно важная работа для многих произведений переводной литературы XVII в. частично выполнена или во всяком случае начата: в исследованиях, посвященных изучению этой литературы, мы находим более или менее точные указания, откуда пришел к нам тот или иной сюжет и с какого языка он был переведен на русский язык. Эти сведения мы можем найти почти о каждом произведении переводной литературы XVII в., хотя и не везде они отличаются полной определенностью; есть еще и сейчас ряд спорных вопросов, требующих проверки и дальнейшего исследования. Значительно хуже обстоит дело с изучением литературной истории того или иного произведения на русской почве: наличные списки не выявлены полностью, не сопоставлены между собой. Не уточнено, сколько было переводов, какого они времени, кем и когда выполнены, а если и указывается, что было, скажем, два перевода, они не подвергнуты сравнительному изучению. В то же время для литературной истории произведения очень важно уяснить, что именно вызвало появление нового перевода и какие отличия в нем наблюдаются по сравнению с первым, сделаны они с одного и того же или с разных текстов (например, с польского и немецкого или с разных изданий произведения, вышедших в Польше в разное время), появились они в одной и той же или в различной социальной среде.

Известно, что некоторые произведения переводной литературы встречаются в различных сборниках. Отдельные новеллы вошли и в «Великое Зерцало», и в сборник фавстий или в «Великое Зерцало» и в «Римские деяния».

Для литературной истории такого сюжета очень важно проследить, как он излагается в том или ином сборнике, приспособляясь к его содержанию и направлению. Мы можем наблюдать при этом разные редакции одной и той же повести. Приведем как пример рассказ о том, как царь купил мудрость у философа, попавший и в «Римские деяния», и в «Великое Зерцало».

В «Римских деяниях» произведение дано полностью. Царь покупает у философа три совета: первый — «делая что-либо, думай о последствиях»; второй — «не сворачивай на тропинку, когда идешь широким путем»; третий — «никогда не ночуй в доме, где хозяин стар, а жена молода»; и все они оправдывают себя: следуя им, царь трижды спасает свою жизнь. В «Великом Зерцале» рассказ дан в сокращенной редакции, здесь оставлен лишь первый совет, и мы узнаем лишь то, как этот совет спас жизнь царя от покушения на него его брادرеря, подкупленного вельможами. Конец эпизода различен в том и другом сборниках: в «Римских деяниях» царь прощает брادرеря, в «Великом Зерцале» он приказывает его казнить. Эта разница объясняется разными задачами, стоявшими перед составителями сборников. В «Великом Зерцале» рассказ включен в раздел «Мудрость» и должен показать значение мудрости в жизни чело-

⁶³ В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения. . . , стр. 14 и 17.

века. Для этой цели не нужно было многих примеров: достаточно было царю послушаться о д н о г о мудрого совета, и он спас ему жизнь.

В «Римских деяниях», тоже сборнике нравоучительном, большее значение имеет самая занимательность рассказа, в ряде случаев использующего сказочные приемы и подробности. Таков в данном рассказе композиционный прием троекратного повторения, усложняющего развитие действия.

В «Великом Зерцале» царь казнит брადобреля потому, что он, хотя и не по своей инициативе, покушается на его жизнь. Зло таким образом наказано. В «Римских деяниях» ярче показана и выдвинута на первый план роль вельмож, рядом с их виной вина брადобреля бледнеет, и царь прощает его.

Любопытен и другой пример бытования переводной новеллы в разных сборниках: рассказ о добродетельной жене плотника, посрамившей старуху-сводню, мы читаем в первом переводе «Великого Зерцала», во втором его переводе и в сборнике фавеций. Если в первом переводе рассказ дан точно по польскому тексту «Великого Зерцала», то во втором переводе он сближается с той редакцией, которую мы читаем в сборнике фавеций. Любопытные различия находим и в рассказе о грустном царе, подвергшем брата суровому испытанию. Сюжет вошел и в «Великое Зерцало», и в «Римские деяния»; в последнем сборнике начало рассказа иное, чем в «Великом Зерцале», более развернутое и интересное.

Эти примеры с очевидностью доказывают, что изучать литературную историю произведений, вошедших в разные сборники переводной литературы, можно только сопоставляя все эти сборники.⁶⁴ Изучая далее рукописные фонды наших библиотек, можно выяснить, какая из имеющихся редакций той или иной повести была наиболее популярна, какая чаще переписывалась и, следовательно, более нравилась читателям.

Тщательное и неотложное изучение рукописных фондов необходимо еще и потому, что, как уже указывалось, подлинно научный текстологический анализ должен охватывать по возможности все имеющиеся списки произведения. В то же время справочники, изданные до настоящего времени в нашей научной литературе, уже не соответствуют современному наличию списков, имеющихся в наших книгохранилищах: за истекшее время библиотеки приобрели много новых рукописей, среди которых немало сборников, заключающих в себе и новые списки переводных произведений. Не всегда выявлено и содержание ранее приобретенных сборников, хранящихся в рукописных отделах библиотек. В этой большой и трудоемкой работе, кроме сотрудников библиотек, должны принять участие и ученые-исследователи, изучающие то или иное произведение или сборник.⁶⁵ Изучение списков даст возможность еще раз проверить наличие редакций названных выше повестей и сборников, поможет уточнить литературную историю каждого из них на Руси. Наличные списки покажут, насколько было распространено у нас то или иное произведение, а читательские записи позволят яснее представить, в какой среде оно бытовало и читалось. Кроме того, при детальном изучении рукописных сборников, возможно, будут обнаружены не только новые редакции уже известных произведений, но и произведения, до настоящего времени не известные.

Анализ списков должен проходить в связи с изучением оригинала переводного произведения, в частности печатных его изданий, появившихся в Польше в XVI и XVII вв., потому что основная масса переводной литера-

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, гл. VI.

⁶⁵ Там же, гл. V.

туры шла к нам через Польшу. Исследователью переводной литературы XVII в. необходимо поэтому хорошо познакомиться с польской литературой XVI в., так как произведения, переведившиеся у нас в XVII в. с польского языка, в Польше были известны уже в XVI в.

Только сопоставление с польским текстом даст возможность установить, с какого именно польского издания был сделан перевод и когда приблизительно он мог появиться, какие изменения внес в текст переводчик, насколько близко придерживался он оригинала. Сопоставление должно быть не только текстуальным (это делалось исследователями в ряде случаев и прежде), необходимо учитывать, какие изменения внесены переводчиком в композицию произведения, в трактовку образов, в изобразительные средства языка. Такое сопоставление даст возможность ярче показать и глубже уяснить разницу между одновременными переводами, а также между отдельными редакциями произведения.

Для полноты литературной истории произведения очень важно сопоставить русские тексты не только с непосредственным источником перевода, скажем с польским текстом, но и с более ранним этапом жизни произведения, с тем текстом, с которого был сделан польский перевод. Так делает П. В. Владимиров при изучении «Великого Зеркала»: он привлекает латинский текст, сопоставляет его с польским, а затем с русским. Изучая *фацеции*, приходится обращаться к немецким сборникам подобного рода рассказов, так как они именно оттуда попали в польский сборник, а в ряде случаев и к итальянской новелле эпохи Возрождения, в частности к «Декамерону» Боккаччо.

Подробное ознакомление с имеющимися списками должно завершиться изданием изучаемого произведения и описанием всех имеющихся его списков. Это описание может быть издано самостоятельно или как приложение к монографии, посвященной данному памятнику переводной литературы.

Изучая сборники, необходимо установить источники и привести параллели к каждому из рассказов, в него вошедших, точно установить, что взято из польского оригинала и что внесено русским переводчиком или переписчиком, создающим новую редакцию сборника, и откуда им это взято. В этом плане большая работа ждет исследователей «Римских деяний», «Повести о семи мудрецах» и других сборников, где мы находим самые разнообразные по содержанию и источникам сюжеты.

Очень поучительно сопоставить русский перевод того или иного произведения с переводом, если такой имеется, украинским, белорусским, чешским, сербским или болгарским. Это даст возможность глубже познать взаимосвязи между славянскими литературами, выявить характерные особенности литературного процесса в каждой из славянских стран. Очень характерно, например, что многие произведения западной литературы, переведенные на польский язык, а с него на русский, на украинском языке неизвестны. Так было со сборником *фацеций*, с некоторыми повестями. Это объясняется тем, что здесь эти произведения ходили по рукам в польских изданиях, так как польский язык был достаточно хорошо знаком украинским читателям XVII в. Он был в это время не только языком литературы, но благодаря историческим условиям жизни Украины XVII в. и разговорным языком, поэтому книжки, печатавшиеся в Польше, не нуждались в переводе. В Львовской библиотеке АН УССР имеется польское издание *фацеций*, но украинского перевода сборника ни здесь, ни в Киеве обнаружить не удалось. Надо думать, что его и не было.

Все, что говорилось выше, относится к изучению литературной истории произведения. Но это только одна сторона дела. Установив литературный текст и проследив его историю, необходимо перейти к другой, не менее

важной работе: к анализу произведения с точки зрения его художественных достоинств.

Для такого подлинно литературного анализа как оригинальной, так и переводной повести Н. К. Пиксанов предлагает остановиться на одном из ее текстов, как основном, «мотивировав перед самим собой такое предпочтение».⁶⁶ Отобрав текст, следует его детально проанализировать с точки зрения идейного содержания, композиции, образов, характера изложения, языка и стиля, после чего определить литературный тип или жанр произведения.

Н. К. Пиксанов в своей работе детально указывает, на что следует обратить внимание при анализе композиции, образов, языка и прочих компонентов произведения, и подчеркивает, что только в результате такого анализа возможно будет определить, что в данном произведении восходит к старой литературной традиции и что в нем является новым и оригинальным. В работе над переводным произведением это поможет выяснить, чем обогатило русскую литературу каждое из них, как оно соотносилось с общими проблемами, наметившимися в русской литературе данной эпохи, какое место заняло в общем ходе развития русского литературного процесса.

Те же требования необходимо иметь в виду и при анализе драматических произведений, учитывая специфику жанра и особенности, которые вызываются тем, что произведение пишется для сцены.

Пожелания, выдвинутые еще в 1923 г. Н. К. Пиксановым, к сожалению, далеко не всегда учитываются в современных исследованиях и не являются обязательными и руководящими для их авторов. Многие недостатки, в которых обвиняет Н. К. Пиксанов литературную науку, в частности в деле изучения древнерусской повести, не изжиты и до сего дня, поэтому его указания еще не потеряли своей злободневности и ценности. И теперь мы можем встретить работы, в которых или совсем отсутствует подлинный литературный анализ произведения, или он дается лишь вскользь, попутно, теряясь в общем ходе изложения или являясь более или менее случайным придатком к работе.

Из указанных Н. К. Пиксановым разделов анализа произведения лучше обстоит дело с выявлением его идейной направленности, его идеологического звучания. Что же касается анализа образов, композиции, художественных средств языка, то все это или вовсе забыто, или едва намечено, и автор исследования обнаруживает иной раз в данном случае полную свою беспомощность.

В то же время такой анализ необходим не только потому, что это дает возможность уяснить, насколько сильное впечатление могло производить на читателя данное произведение. Изучая именно эту художественную его сторону, мы можем вынести правильное суждение о степени развития общества в данную эпоху, о психологии людей — писателей и читателей, о их культурном уровне. Исторические сообщения, даже самые подробные, недостаточны для того, чтобы мы могли ясно представить себе эту очень важную сторону развития общественного сознания. Кроме того, идейное содержание произведения при таком анализе будет восприниматься по-иному, значительно глубже, предстанет перед исследователем во всем своем подлинном звучании.

Это положение настолько очевидно, что вряд ли требуется приводить доказывающие его примеры. Позволим себе только подчеркнуть, что все это равно касается и является справедливым как для оригинального,

⁶⁶ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 5—9.

так и для переводного произведения, с той только разницей, что художественный анализ переводного произведения значительно сложнее. Исследователю все время придется оглядываться на текст, с которого был сделан перевод, и учитывать, что переводчиком было просто перенесено из оригинала и что он изменил и внес от себя. Это относится к идейному содержанию произведения, к его композиции и к художественным средствам языка. В целом ряде случаев можно будет наблюдать, как под пером русского переводчика или переписчика изменяется идейное звучание произведения или даже целого сборника. Так, в русский сборник фавстий после ряда повестей о женских хитростях вносятся рассказы о добродетельных женщинах — «во отнесение укоризны и в покрасу женам», которых нет в польском оригинале; так, в сборнике «Великое Зерцало» убирается все, что имеет отношение к католичеству, и сборнику в целом придается «православный» характер.

В том же «Зерцале» мы наблюдаем, как из рассказов, посвященных Богородице, снимаются подробности, которые, по мнению переводчиков, могут унижить «небесную царицу», добавляются характеризующие ее эпитеты, в рассказ вносятся подробности, которых нет в польском оригинале.

В ряде случаев мы можем наблюдать, как в переводную повесть с каждой новой редакцией входит все более и более черт русской жизни, быта русского общества (см. подробности в романе о Бове; элементы жизни Петровской эпохи в редакции «Повести о папе Григории», опубликованной Н. К. Гудзием, о которой упоминалось выше; черты русского быта в «Повести о Петре Златые ключи», где неаполитанская королева Магилена в одном из вариантов повести носит русскую «телогрею» и т. п.).

Таким образом, изучая художественную сторону переводного произведения и начав с первого перевода, мы не можем остановиться на этом, нам придется проследить жизнь произведения на русской почве, сопоставить переводы, если их несколько, уяснить, какие изменения вносятся с каждой новой редакцией в художественную структуру произведения. Так художественный анализ смыкается с литературной историей произведения, с текстологическим анализом его списков.

В то же время очень важно вскрыть первоначальное идейное звучание переводного произведения. В этом плане оно могло многому научить русского читателя, показывая ему иной мир, с иными классовыми и семейными отношениями, прививая более передовые, более свободные взгляды на жизнь.

Изучая художественные средства языка переводного произведения, исследователь-литературовед неизбежно столкнется с чисто лингвистическими проблемами и прежде всего с вопросом о языке перевода, плохом или хорошем. Ему непременно придется касаться и лексики, и морфологии, и синтаксиса, так как будет необходимо выяснить, насколько точно сделан перевод, соответствует ли он по словарю и по построению фразы подлиннику, насколько удалось переводчику избежать «полонизмов» или наоборот: они то и дело встречаются в его переводе. Здесь, изучая разные редакции и переводы, приходится наблюдать и отмечать, как постепенно исчезают в переводе иностранные слова и обороты и заменяются русскими словами и понятиями; например, капеллан превращается в протопопа, балвер — в лекаря и т. п.

Кроме указанных задач, необходимо дальнейшее изучение использования сюжетов переводных произведений в русском и славянском фольклоре и в лубочной литературе. Известны русские и украинские

сказки о гордом царе или богаче, построенные на мотивах сказания о царе Агее, сказки, повторяющие трогательный сюжет «Повести об Оттоне и Олунде», приключения Еруслана Лазаревича и Бовы королевича, разрабатывающие историю о купце, заложившемся за честь жены, использующие фацеции об упрямой жене, о том, как баба перехитрила дьявола. В сказке мы встретим рассказ о двух друзьях и ряд других мотивов, заимствованных из переводных сборников и отдельных повестей.

В лубок попали тот же Еруслан Лазаревич и Бова королевич, «Повесть об Оттоне и Олунде», «Повесть о Мелюзине», ряд новелл из «Великого Зерцала» и многое другое.

Весь этот богатый материал изучен лишь частично и еще ожидает своего полного и всестороннего исследования. Выяснение наличия сказок, песен, былин, духовных стихов, в которых слышны отголоски переводных сюжетов, даст возможность полнее представить литературную историю этих сюжетов у восточных, западных и южных славян, уточнить, какие из этих сюжетов пользовались наибольшей популярностью и наиболее нравились народу.

Ряд сказочных мотивов легко обнаружить даже в таком специфическом сборнике, как «Великое Зерцало». В качестве примера можно привести эпизод из рассказа о том, как дьявол в образе слуги служил некоему воину и исцелил его жену от болезни с помощью молока львицы, которое он добыл чудесным способом, — мотив, часто встречающийся в народных сказках. Другой пример — рассказ об ожившем островкити. В «Зерцале» это «душеспасительный» рассказ о том, как корабль пристал к неизвестному островку в пасхальную ночь и путешественники сошли на островок, чтобы прослушать праздничное богослужение. Во время службы остров, оказавшийся китом, начал шевелиться: «и егда прииде рещи „Отче наш“, нача пагорок рушится и ходити, — бе убо кит великий, иже стоя на едином месте многа лета и песком обложен и былием и тростием обрости. Видевше сие, человецы тии ужасошася и хотевше бежати в корабль». Священник останавливает молящихся и успокаивает их. «И егда служба совершися, людие в корабль без вреда внидоша, кит же рушися и поиде в великое море».⁶⁷

Как видим, сказочный мотив оформлен составителем сборника как религиозно-поучительная легенда. Тот же мотив используют и русские сказки, разрабатывая его по-своему. Мы находим его в известной сказке П. Ершова «Конек-Горбунок», построенной на материале народной сказки. Здесь кит осужден на неподвижность за то, что он проглотил «три десятка кораблей». Как и в легенде «Зерцала», он напоминает остров:

... лежит
Чудо-юдо рыба-кит,
Все бока его изрыты,

Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит...⁶⁸

Узнав, в чем его вина, кит отпускает корабли и приобретает свободу:

Чудо кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать...

⁶⁷ «Великое Зерцало» по списку ГБЛ, собр. Муз., № 5470.

⁶⁸ П. Ершов. Конек-Горбунок. Библиотека поэта. Малая серия. 2-е изд. Л., 1961, стр. 116 и сл.

Перед этим, как и в легенде, испуганные люди оставляют живой островок:

... православны христиане
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали,

В них не мешкая поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.

Использование сюжетов переводной новеллы в сказках славянских народов можно показать и на других примерах: так, в одной из белорусских сказок мы читаем, как ловкий мошенник, взяв с собой мальчика, притворяется на дороге мертвым в надежде, что прохожие сжалятся над его осиротевшим «сыном» и будут подавать ему щедрую милостыню. Проезжий пан хочет проверить, действительно ли лежащий на земле человек, околом которого плачет мальчик, умер. Он приказывает слугам пороть мошенника, но тому удается вытерпеть удары и не выдать себя.⁶⁹

Сказка восходит к одной из новелл «Великого Зерцала», где два мошенника подобным же образом хотят провести проезжающего по дороге епископа. Один из них притворяется мертвым, другой плачет над ним. Епископ — человек «святой жизни» — догадывается об обмане и наказывает притворщика: после проезда епископа друг находит его действительно умершим.⁷⁰

Болгарская сказка «Мудрые слова» построена на том же мотиве, что и легенда «Зерцала» о царе, купившем мудрость у философа; выше указывалось, что она вошла и в сборник «Римские деяния». «Купленные» крестьянином-батраком «мудрые слова» (советы) трижды помогают ему: спасают его от смерти, от необдуманного поступка и приносят ему богатство.⁷¹

Если использование переводных мотивов и сюжетов в фольклоре все же отмечалось исследователями, жизнь этих сюжетов в лубочной литературе почти совершенно не изучена, а в то же время чаще всего именно лубочная литература дает представление о том, насколько широко бы популярен тот или иной сюжет.

В. Д. Кузьмина положила начало такому изучению лубочной литературы в своей монографии о рыцарском романе на Руси. Ею рассмотрены, описаны и сопоставлены лубочные издания «Повести о Бове» и «Повести о Петре Златые ключи». Исследуя этот материал, В. Д. Кузьмина делает ряд очень интересных наблюдений и выводов.

Такому же исследованию должны быть подвергнуты и другие произведения лубочной литературы, построенные на сюжетах переводного романа и повести. Для этой работы необходимо прежде всего привести в известность, какие лубочные издания хранятся в наших библиотеках, сделать их доступными для исследователя. Известно, например, что богатейшее собрание лубочной литературы, принадлежавшее Демьяну Бедному, проданное им в Государственный литературный музей в Москве, описано и разобрано, но хранится в связках и ящиках, так что найти здесь нужное произведение почти невозможно.

Особое место в лубочной литературе представляют собой картинки, собранные и описанные Д. Ровинским. Изучение их с точки зрения отражения в них переводных сюжетов представляет двойной интерес. Прежде всего мы сталкиваемся здесь с новой редакцией того или иного рассказа, обычно сокращенной по сравнению с основным текстом, иногда

⁶⁹ Белорусские народные сказки. М., 1958.

⁷⁰ «Великое Зерцало» по списку ГБЛ, собр. Муз., № 5470, рассказ 64.

⁷¹ Болгарские народные сказки. М., 1951, стр. 96—99.

изложенной стихами. Это уже представляет собой немалый литературный интерес. Но, помимо этого, здесь даются иллюстрации к тексту рассказа, иногда целая серия картинок, последовательно, шаг за шагом иллюстрирующих сюжет. Так иллюстрируются попавшие в лубочные листы новеллы «Великого Зерцала», некоторые повести из сборника фацеций и ряд других переводных произведений.

Но иллюстрации к переводным сюжетам появляются значительно раньше лубочных листов: мы находим их в ряде рукописей, содержащих произведения, попавшие сюда из переводных сборников. Они сопровождаются здесь миниатюрами, описание которых является также одной из задач, связанных с изучением судьбы переводной повести на русской почве. Мне приходилось уже указывать, что эти миниатюры носят различный характер в зависимости от времени появления той или иной рукописи, иногда иллюстрируют один какой-либо момент рассказа, по мнению иллюстратора-миниатюриста наиболее важный, но чаще мы находим ряд рисунков, последовательно передающих развитие данного сюжета.⁷² Иллюстрируются далеко не все рассказы, а те, которые особенно нравились, стали любимыми. Так, из 850 рассказов, вошедших в «Великое Зерцало», чаще всего иллюстрировались легенда об иноке и райской птичке, повесть о грешной матери, рассказ о покаянии князя и рассказы о загробных мучениях грешников, вошедшие в синодики.

Изучая миниатюры рукописных сборников, в частности те, которые иллюстрируют переводные сюжеты, можно сделать интересные наблюдения над развитием иллюстрации в нашей литературе.

Наконец, последней из задач, возникающих при изучении переводной литературы XVII в., является выяснение ее влияния на более поздние периоды нашей литературы. Сюжеты переводных повестей и рассказов жили в XVIII и XIX вв. не только в сказке и в лубке, они неоднократно использовались писателями позднейших эпох, начиная с Симеона Полоцкого и кончая Буниным. Изучение этой стороны жизни переводной литературы XVII в. на русской почве еще только начинается. В то же время оно необходимо и для специалистов-медиевистов, и для исследователей, изучающих творчество писателей XIX—XX вв. Многие произведения писателей нового времени предстанут перед нами в ином освещении, когда будут вскрыты источники, использованные ими для своих произведений. Вот один из очень убедительных, на наш взгляд, примеров из литературы XIX в.

В новеллах «Великого Зерцала» мы часто встречаем рассказы о грешниках, которым в наказание послана тяжкая болезнь. В ряде случаев грешник раскаивается и получает прощение своих грехов. Несомненно, на основе этих рассказов, возможно известных писателю из лубочных изданий, построено стихотворение Н. А. Некрасова «Влас».

Это тоже рассказ о «великом грешнике», Кашее — мужике Власе, который, наконец, заболел, заболел тяжело. В новеллах «Великого Зерцала» грешникам часто являются видения. Видит их и Влас:

... ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду...

Картина адских мучений, которую видит Влас, разработана Некрасовым совершенно в духе новелл «Великого Зерцала», где эта тема затра-

⁷² О. А. Дер ж а в и н а. Развитие сюжета в переводной новелле XVII века и его отражение в миниатюре. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960.

гивается очень часто.⁷³ Здесь и бесовская сила, и змеи, и скорпионы, и удушливый смрад, и крошечная тьма, и различные виды мучений, т. е. все, чем пугают воображение читателя упомянутые легенды средневекового сборника. Влас читает свои грехи, написанные на хартии, и дает последний обет.

Внял Господь и душу грешную
Отпустил на вольный свет.

С Власом происходит то, что и с героем 204-й новеллы «Зерцала» — «О некоем болящем, иже для исповедания исцеле»: ему возвращено здоровье для того, чтобы он раскаялся в своих грехах.

Такое перерождение человека под влиянием картины вечных мучений рисуют многие новеллы «Зерцала». Здесь грешники — богачи, лихоимцы, обидчики, жестокие и бесчеловечные люди, иногда жестокие правители — обычно погибают, но люди, во сне или в видении видевшие мучения, раскаяваются и чаще всего уходят в монастырь.

Некрасов переносит сюжет на русскую почву. Он рисует в своем грешнике типичный образ мужика-кулака, мироеда. Раскаившись, он не уходит в монастырь, а берет на себя трудный подвиг.

Влас — человек сильной души: раз дав обет, он строго держит его. Его раскаяние искренне и глубоко. Так ведут себя в подобных случаях и раскаившиеся грешники в новеллах «Зерцала».

Мы видим из этого примера, как средневековая переводная легенда под рукой талантливого писателя расцветает новыми красками, приобретает новый, более глубокий, близкий русскому читателю смысл. В то же время ясно, что средневековый переводный сборник обогатил воображение писателя, дал ему богатый и яркий материал, с помощью которого он мог создать запоминающийся образ сильного душой русского человека.

К переводным сюжетам обращались в XIX в. многие писатели: мы найдем мотивы переводной новеллы XVII в. у Жуковского и Пушкина, у Лескова и Толстого, у Гаршина и Бунина. Многие из известных русских писателей зачитывались в детстве лубочными изданиями переводных повестей и романов. Известно, например, что едва ли не первыми книгами, которые прочел в детстве Достоевский, были приключения Бовы королевича и Еруслана Лазаревича, широко распространенные в лубочных изданиях. Читали эту литературу и другие писатели. Поэтому следовало бы внимательнее и детальнее изучить издания переводных повестей и романов, рассчитанные на широкого читателя, в частности первые печатные опыты, появившиеся еще в XVIII в.

Таким образом, перед исследователем, обратившимся к изучению переводной литературы XVII в., непочатый край интересной и разнообразной работы. В результате тщательного изучения наших рукописных богатств в советской научной литературе должны появиться полные и точные описания наличных списков произведений переводной литературы, издания памятников, выполненные на основании тщательного текстологического анализа списков по правилам и требованиям современной науки о литературе, наконец, монографии, изучающие как литературную историю того или иного произведения в сопоставлении ее с литературной историей того же сюжета у других славянских народов, так и самое произведение в его характерных художественных особенностях с его композицией, образами, стилем, художественными средствами языка, особенностями жанра.

⁷³ См. новеллы 37, 50, 51, 52, 514, 204 и другие.

Когда все эти произведения будут изданы и всесторонне изучены, будет более или менее ясно, что нового они внесли в нашу литературу, какое влияние оказали на оригинальные произведения русской литературы как XVII, так и последующих веков, чему в них могли научиться русские писатели и чем они нравились читателям.

Тогда рядом с монографиями, посвященными изучению отдельных произведений, и на их основании должны появиться работы, уточняющие значение переводной литературы XVII в. в процессе развития русской литературы, место переводных произведений в общем ходе литературного процесса. Эти работы внесут ясность в ряд важнейших проблем, связанных с изучением русской литературы XVII в.: в проблему взаимосвязей с другими народами; в проблему изучения мировоззрения русского общества XVII в., в частности в вопрос о распространении у нас идей эпохи Возрождения и гуманизма; в проблему становления жанров в русской литературе на рубеже XVII и XVIII вв. и ряд других.

В заключение следует напомнить, что для выполнения всех этих задач необходимо хорошее знание как родственных нам славянских языков, особенно польского и чешского, так и языков западноевропейских, а также пристальное изучение истории славянских литератур, польской и чешской в первую очередь.⁷⁴ Без этого работать в области переводной литературы невозможно.

⁷⁴ Из последних работ в этом плане большой интерес для нашей темы представляет книга проф. Ю. Кжижановского о польском романе XVI в. (Julian Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1962).

А. М. ПАНЧЕНКО

Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства

Как в общих курсах, так и в специальных работах история древнерусской поэзии (имею в виду поэзию книжную) начинается, как правило, с XVII, в лучшем же случае — с конца XVI в. Еще в середине прошлого столетия А. П. Милюков заявлял: «История нашей поэзии... распадается на две части: на древнюю поэзию — до времен Петра Великого, и новую — с эпохи преобразования России».¹ Период XI—XVII вв. он характеризовал как эпоху «неподвижно-однообразных понятий, продолжительного сна, лишенного даже видений».²

С той поры, когда писались эти строки, наши знания о древнерусской литературе неизмеримо расширились. Концепции, отрицающие эстетическую ценность произведений Древней Руси, кажутся теперь курьезом. Однако история старинного стихотворства до сих пор не написана. Более того, нет, пожалуй, другой темы, которая была бы так скудно и отрывочно разработана. Мы как-то старались не замечать или во всяком случае не пытались интерпретировать следующего поразительного обстоятельства: если другие славянские народы в средние века создали очень обширную, разветвленную поэзию, которая представлена и эпическими поэмами, и лирикой, и стихотворной драмой (эти виды литературы есть у западных славян — чехов и поляков — и у южных — в эпоху расцвета далматинских городов), то в древнейшей письменности восточных славян на первый взгляд ничего подобного не было.

Следующее категорическое утверждение А. С. Орлова в общем молчаливо разделяется многими историками древнерусской литературы: «В русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, и если встречались в прозе ритмичность, рифмование или „напевность“ — это шло от эпоса. Русских „книжных стихотворений“ как самостоятельного литературного рода не выработалось, по-видимому, до эпохи Московского государства».³ Соображения о стихотворстве киевского периода ограничиваются именно отыскиванием ритмизованных, «напевных», по терминологии А. С. Орлова, пассажей в заведомо прозаических памятниках.

Если обратиться к наиболее солидному общему курсу по старинной русской литературе, имею в виду первые тома академической «Истории русской литературы», то нетрудно найти множество соображений о ритмиче-

¹ А. П. Милюков. Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847, стр. 6.

² Там же.

³ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков М.—Л., 1945, стр. 342.

ской природе отдельных древнерусских текстов. «Ритмически организованную речь» находит автор параграфа о «Иудейской войне» Иосифа Флавия:

Вспомните же, яко нази,
а мы в оружии,
Они пеши,
а мы на коних ⁴

и т. д.

В разделе о «Девгениевом деянии» говорится: «Были ли оригиналы русских переводов написаны в стихах или в прозе, мы достоверно не знаем, но некоторые элементы ритма и даже внутренние рифмы, встречающиеся в русском тексте, позволяют предположить, что у переводчиков была стихотворная поэма и, передавая греческие стихи, они ориентировались на стиховые формы русской устной народной поэзии (былины, лирические песни)». ⁵ Далее автор раздела подкрепляет эти соображения небольшим числом примеров. ¹

В главе «Фольклор Киевского периода» утверждается, между прочим, что тексты клятв в договорах Игоря и Святослава с греками также несут следы ритмической организации:

Да не имуть помощи от бога, ни от Перуна,
Да не ушитяться щиты своими,
И да посечени будут мечи своими,
И от стрел и от иного оружия своего,
И да будут раби в сь век и в будущий.

(Лаврентьевская летопись под 944 г.) ⁶

Автор главы находит ритм и в других местах летописных текстов. Так, в Ипатьевской летописи под 1022 г. ⁷ он выделяет «рассказ, сохранивший следы ритма»:

И вышедъ в землю его
И вья все имение его
И жену и дети его
И дань возложи на касогы

Строки о походе Владимира Мономаха на половцев, которые читаются и в Ипатьевской летописи, в тексте главы разделены на стихи, здесь даже проставлены ударения (!):

Възяша бо тогда скоты и овцы
и коне и вельблуды и вѣже
съ добытькомъ и съ челядью
и зайша печенегы и тьркы съ вѣжами.

(Ипатьевская летопись под 1103 г.)

Указания на предположительно стихотворные куски можно найти и в других работах. Так, в «Поучении» Владимира Мономаха, по мнению Н. В. Водовозова, «явно ощущается песенная ритмика, можно уловить даже приблизительную рифму:

бог и святой Борис
не да им мене в користь». ⁸

Общим в этих рассуждениях, принадлежащих различным авторам, является то, что ни в одном случае нельзя сказать достоверно, стих это

⁴ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 150.

⁵ Там же, стр. 154.

⁶ Там же, стр. 221.

⁷ Там же, стр. 251.

⁸ Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., 1962, стр. 73.

или проза, случайно или неслучайно возникает ритмический рисунок или рифма.

В самом деле, строки о походе Владимира Мономаха на половцев, извлеченные из Ипатьевской летописи под 1103 г., можно рассматривать и как стихи в прямом смысле слова (как свободные тонические стихи с тенденцией к дактилическому окончанию, с пропуском акцента в 3-й строке и добавлением в 4-й), и как ритмическую прозу (здесь мы встречаемся с так называемым ритмом перечисления, как и в примере из Ипатьевской летописи под 1022 г.; этот фразовый ритм возникает совершенно естественно — интонационные паузы после каждого слагаемого перечня совершенно неизбежны), и, наконец, просто как прозаический кусок. Причем это толкование в каждом отдельном случае будет зависеть не от особенностей «интуиции» исследователей или не столько от их субъективного восприятия, сколько именно от неясности границ между прозой и стихом (я имею в виду названные примеры). Однако стоит отметить, что переходные между прозой и стихом явления — дело обычное в литературах других славянских народов, в частности в древнечешской письменности. Как пример можно напомнить хотя бы следы рифмовки в «Штильфриде», памятнике, возникшем где-то во второй половине XIV в.; однозначный ответ — проза ли здесь или испорченный безразмерный стих с восьмисложной «осью» — будет, по всей видимости, неправильным. В тот период развития чешской литературы, когда появился «Штильфрид», происходила сложная борьба между старой рыцарской (поэтической) традицией и новой прозаической (бюргерской) тенденцией, так что появление такого «компромиссного» явления в общем оправдано.

Я уже не говорю о том, что ударения, расставленные в летописном отрывке А. И. Никифоровым, абсолютно произвольны: здесь мы встречаемся с явной и частой еще, к сожалению, модернизацией, когда исследователь переносит нормы современного языка на язык древнейшей эпохи, в данном случае на древнерусский язык киевского периода.

Известно, и это не раз подчеркивалось виднейшими отечественными и зарубежными стиховедами, что «для исследования принципов стихосложения определенной эпохи, как и для решения общего вопроса об отличии стиха от прозы, плодотворно изучать не пограничные явления и определять их не путем установления такой границы, быть может мнимой. В первую очередь следует обращаться к наиболее выраженным формам стиха, относительно которых не может быть сомнения в их природе».⁹

Итак, если мы априорно допустим существование в киевскую эпоху книжного, «искусственного» стихотворства, то мы должны искать нечто, совершенно отличное от прозы. Поиски эти будут затруднительными по разным причинам. Придется отказаться от привычки связывать со стихами своеобразное графическое изображение, когда каждая стихотворная строка (стих) пишется отдельно от другой. Особые трудности проистекают от слабой разработанности истории русского ударения.

Наконец, для различных периодов истории русского языка весьма сложно восстановить слоговой рисунок слова. Здесь не поможет даже точное установление хронологического предела падения редуцированных, хотя такое установление и в принципе кажется маловероятным (мы имеем в виду живой язык, а не графику), ибо в искусственном, связанном с литургией или — шире — церковным бытом произношении редуцированные сохранялись еще очень долго, в богослужбной практике старообрядцев поморского согласия они, например, сохраняются и до сих пор.

⁹ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., 1958, стр. 14.

Трудности эти, однако, не должны казаться непреодолимыми. Ведь то обстоятельство, что старинные рукописи греческих и латинских стихотворных памятников, как и средневековых византийских, написаны «в строку», не помешало установлению их поэтической природы. Если же это было естественно для византийских поэтов, то, учитывая объем и регулярность русско-византийских культурных связей, не следует исключать аналогичное явление и для Древней Руси.

Теория стиха, к сожалению, еще не создала безусловно надежной методологической и даже методической и технической базы, хотя проблемы метрики вообще относятся к наиболее разработанным проблемам филологии. Впрочем, для наших целей не обязательно углубляться в сравнительную оценку тех или иных направлений в изучении стиха. Достаточно, как кажется, руководствоваться старым правилом: стих есть правильное чередование соизмеримых единиц — стоп, акцентных групп, долгих и кратких слогов, стихов равной длины или, наконец, повторяющихся интонационных комплексов (в последнее время проблемы интонации занимают, несомненно, центральное место в стиховедческих исследованиях различных направлений). Необходимо лишь еще раз подчеркнуть, что нужно по мере возможности избегать пограничных явлений между прозой и стихом: пограничные явления полезно привлекать тогда, когда вопрос в общем решен; когда же он лишь ставится, нужно останавливаться только на таких текстах, которые явно обнаруживают стихотворное строение.

Исследователи древнейшего периода истории славянской письменности уже давно обратили внимание на группу стихотворных памятников, которые своими корнями уходят еще в великоморавскую эпоху. Честь открытия этих старославянских стихотворений принадлежит А. И. Соболевскому. Он опубликовал их неоднократно в журнале «Библиограф», в «Трудах XI археологического съезда», отдельными брошюрами на русском и болгарском языках и т. д. Среди этих текстов были Похвала царю Симеону, Проглас к Евангелию, Азбучная молитва Константина Преславского и др. В 1923 г. Р. О. Якобсон прибавил к открытым А. И. Соболевским стихотворениям один из текстов Порфирьевского листка (ангели възиграйте ся), кондак св. Симеону, стихире Дмитрию Селунскому и некоторые другие тексты.¹⁰ Десятью годами позднее Н. С. Трубецкой восстановил ритмический рисунок похвалы Григорию Назианзину,¹¹ которая содержится в так называемом

¹⁰ Р. О. Якобсон. Заметка о древнеболгарском стихосложении. — ИОРЯС, т. XXIV, № 2. Пгр., 1923, стр. 351—358.

¹¹ N. Trubetzkoy. Ein altkirchenslavisches Gedicht. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XI, 1/2. Leipzig, 1934, стр. 52—54.

Вот реконструированный Н. С. Трубецким текст этой «похвалы»:

1	Григорие тѣломъ чловѣче а доушежъ анѣле	(17)
2	ты бо тѣломъ чловѣкъ съи анѣль ѡви са	(16)
3	Оуста бо твоѣ ѣко единъ отъ серафимъ	(16)
4	Бога прославляѣтъ и всь миръ просвѣщаѣтъ	(17)
5	Правымъ вѣры казаниемъ тѣмъ же и мене	(16)
6	Припадаѣщъ къ тебѣ любовьи и вѣрою	(16)
7	Прими и бѣди ми оучитель и просвѣтитель	(17)

Следует обратить внимание на симметричное построение этого стиха: 17—16—16—17—16—16—17.

паннонском Житии Константина-Кирилла.¹² Там, как известно, говорится, что автором этой похвалы был сам первоучитель славянства. Вскоре после этого Драгутин Костиц, исследуя «Память» Константину-Кириллу и стихиры из службы Мефодию, не только бесспорно установил их стихотворную природу, но и расшифровал акrostихи, из которого можно узнать, кто был автором службы Мефодию: «Добро, Методи, та поѣж, Константин(ъ)» (Константин Преславский, автор «Азбучной молитвы» и «Учительного евангелия»)).¹³

В послевоенные годы за рубежом появились научные издания некоторых древнейших памятников славянской гимнографии, а также научные работы о старославянском стихе и связи его с музыкой, а также о связи славянских переводов с византийскими оригиналами.¹⁴ Представления о церковнославянских стихотворениях и о количестве их, о соотношении с литургической музыкой и о принципах старославянского стихосложения со времен А. И. Соболевского значительно изменились или во всяком случае чрезвычайно усложнились.

Уже первые исследования установили, что старославянское стихосложение основано на одной из современных ему византийских стихотворных систем: это копия так называемой политической системы, которая базируется на равносложности всех стихотворных строк (стихов), обычно имеющих цезуру. Каждый стих имеет женское окончание, внутри же каждой стихотворной строки расстановка акцентов более или менее свободна.¹⁵

Церковнославянские поэты пользовались стихотворными строками разной длины: и 12-сложными с цезурой после пятого или после шестого слога (последний вариант, как показал Р. О. Якобсон, это славянская модификация, вызванная стремлением к уподоблению первого полустишия второму); употребителен 11-сложный стих, по-видимому, это частный случай эволюции византийского политического стиха на славянской почве. Здесь конечная часть первого полустишия ориентируется на конечную часть полустишия второго, а концы полустиший в византийской политической системе несут особенно большую ритмико-смысловую нагрузку.

В те времена, когда А. И. Соболевский «открывал» первые церковнославянские стихи, безоговорочно считалось, что если в одном и том же поэтическом тексте встречаются строки разной длины, например из одиннадцати и двенадцати слогов, то это, несомненно, говорит о недостаточной сохранности текста. Однако дальнейшие исследования показали, что это положение не соответствует действительности. Во-первых, уже в ранних работах Р. О. Якобсона было установлено, что длина стихов в различных случаях может быть различной, причем амплитуда этих колебаний очень велика. В качестве примера приведу великолепное стихотворение «Ангели възиграйте сла», восстановленное Р. О. Якобсоном по тексту Порфирьевского листа:

¹² Напомним, что вообще в кирилло-мефодиевской агиографии, особенно в самых ранних версиях их житий, все чаще находят стихотворные цитаты. Ср., например, пассажи, написанные гекзаметром, в том же паннонском Житии Константина-Кирилла (ср.: R. Burgi. A history of the Russian hexameter. Yale University, 1954, стр. 5—8).

¹³ Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију. Byzantinoslavica VII. Praha, 1937—1938, стр. 189—211.

¹⁴ Перечень и оценку этих работ см.: Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry. — XII-e Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961, Rapports VIII, стр. 249—265.

¹⁵ О византийском стихосложении см., например: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2 Aufl. München, 1897, стр. 655—705.

- 1 Ангели възиграйте сѧ⁹ | радуите сѧ земьнии
 2 и тръжьствоуйте радостно¹⁰ | яко Христорь въскресе
 3 Дръжавъ раздрюши смърть⁹ | и мирови нетьльние
 4 мвися мурносыцамъ⁹ | трядньевно отъ гроба
 5 яко отъ чрътога женихъ¹⁰ | тьмь пѣвѣще рѣками
 6 пѣсньми рѣчьмь веселие¹⁰ | пасха господьни пасха
 7 (пасха) вървнымъ избавленю⁹ | и печали отьятие
 (пасха)
 8 и мирови свѣтлость⁸⁻⁹ | пасха нова пасха красьна
 (пасха)
 9 пасха троицныи чсть⁹ | и божьствнамъ слава
 Христорь въскресе изъ мрътвыхъ

Во-вторых, обнаружили и другие системы, когда внутри одного стихотворения встречаются сложные формы комбинаций строк разной длины. Р. О. Якобсон, например, приводит такие силлабические схемы: 5—6—8 (8—6—5) 7—7—4—5—3—5 (12 стихов ирмоса «Земьнь кьто слыша таковая»); 8 (5—5—5)8—8 (5—5—5) (9 стихов ирмоса «Вьсь еси желание», построенного на чередовании восьмисложных и пятисложных строк).¹⁶

В-третьих, что наиболее важно, коренным образом изменились наши представления об объеме церковнославянской поэзии. Если А. И. Соболевский сводил ее к нескольким стихотворениям, то в настоящее время установлено, что правильное силлабическое строение обнаруживают сотни текстов, относящихся к литургической гимнографии. Разумеется, соотношение слова и напева еще точно не определено. Однако ясно, что при значительной организующей роли мелодии достаточно велика была роль и чисто декламационной структуры стиха.

Сравнение с греческими источниками доказывает существование в церковнославянской литургической поэзии зрелой и даже изощренной стихотворной техники. Славянские переводчики интересовались не только количеством слогов в каждом стихе (причем они иногда намеренно — в зависимости от общего стихотворного комплекса — несколько видоизменяли слоговую схему оригинала), но и расположением акцентов и акцентных групп.

Так, несколько неожиданная форма связки *ю* (вместо ожидаемого *юсть*) в стихе «таково тие чудо» объясняется необходимостью сохранить схему ударений греческого образа (*тоуботю соб то дабра*).

Исследованием особенностей церковнославянского стиха и связи его с напевом пока ограничивается работа в этой области. Как фактор культуры эта древнейшая силлабическая поэзия еще не оценена.

Историк русской литературы, обращающийся к древнейшей славянской поэзии, должен иметь в виду, что реконструкции и филологическое исследование церковнославянских стихотворений, как связанных с литургической музыкой, так и имеющих «декламационный» характер, сами по себе еще не оправдывают включения их в древнерусскую поэзию. Следует отметить, что место и роль этих памятников в истории славянских литератур еще остаются невыясненными. Первоочередные проблемы, встающие при изучении древнейшей славянской поэзии, можно сформулировать так: воспринимались ли в Древней Руси эти тексты как стихотворные, т. е. принципиально отличные от прозы? Если так, сколько примерно времени могла продолжаться «жизнь» их на русской почве? Каково отношение реализованной в них силлабической системы к просодическим особенностям русского языка киевской эпохи? Наконец, положили ли они начало длительной традиции?

¹⁶ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 3—4 (251—252).

Не нужно забывать, что мы имеем дело большей частью не только с переводными памятниками, но также памятниками, созданными вне Руси. Разумеется, каждый переводной памятник становится частью культуры той среды, которая его усвоила. Однако это бесспорное положение носит слишком общий характер, поэтому оно вряд ли может помочь установлению истоков русской книжной поэзии. В связи с этим сформулированные вопросы приобретают, как мне кажется, чрезвычайно важное значение. Решение их потребует много усилий. В предлагаемой работе можно лишь попытаться наметить приблизительные пути будущих исследований.

А. И. Соболевский, рассматривая тексты «Похвалы царю Симеону» и «Азбучной молитвы» Константина Преславского, заявлял: «Последние дошли до нас в русских списках конца XI—начала XIII веков, сделанных русскими писцами, не понимавшими, что они — переписывают стихи... (курсив мой, — А. П.)».¹⁷ То же самое утверждал Н. М. Каринский¹⁸ и др. Л. И. Тимофеев писал, что церковнославянские стихотворения были «лишь графическим подражанием внешнему виду стихотворных строк», что «они представляли собой уникальное явление», что в них «не было ни ритма, ни рифмы».¹⁹

Эти взгляды после работ Р. О. Якобсона, К. Хега, Э. Кошмидера и других исследователей следует, видимо, признать несостоятельными. Если говорить о графических особенностях русских списков церковнославянских стихотворений, то писцы достаточно последовательно выделяли не только отдельные стихи, но и цезуру. Конечно, тот факт, что в Святославовом сборнике 1073 г. стихотворный текст предстает перед нами в привычном графическом оформлении,²⁰ единичен (только здесь каждый стих начинается с новой строки и с большой буквы, причем важно, что в данном случае русский книжник имел дело не с «азбуковником», где стихотворные строки могут быть выделены из необходимости следовать каждой букве азбуки). Однако существовала заимствованная из византийской книжности система точек, которая обозначала ритмический рисунок текста, причем в основном эта система применялась правильно.²¹

Несомненно, что одно наличие системы пунктуации, имеющей целью подчеркнуть ритмический строй текста, — довольно слабый аргумент в пользу того, что русские писцы чувствовали поэтический характер текста: это могло быть слепым копированием южнославянских оригинальных рукописей. Поэтому необходимо обратиться к другому вопросу: в каком отношении стояла силлабическая церковнославянская система к просодическим свойствам русского языка?

¹⁷ А. И. Соболевский. Церковнославянские стихотворения конца IX—начала X века. Библиограф. СПб., 1892, стр. 4.

¹⁸ Н. М. Каринский. Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. — ИлоРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 266.

¹⁹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 206.

²⁰ Это мимоходом отметил уже А. И. Соболевский (Церковнославянские стихотворения..., стр. 5), что, однако, не поколебало его безоговорочного недоверия к русским переписчикам.

²¹ Возьмем, например, «Азбучную молитву» Константина Преславского, которая читается в рукописи Московской синодальной библиотеки, № 262, XII—XIII вв. (снимок см.: Николай Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. СПб., 1904, стр. 104—105). После каждого стиха (стихотворной строки) ставятся четыре точки, расположенные крестообразно; после цезуры — просто точка на середине строки. Из общего числа в сорок стихов точка-цезура имеется в 27 стихах: 4, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40.

При всей туманности наших сведений о языковых процессах в дописьменный период, об особенностях народной поэзии эпохи славянского языкового единства мы все же можем опираться при решении этой проблемы на некоторые бесспорные положения сравнительного языкознания. В большинстве славянских языков на рубеже I и II тысячелетий нашей эры произошло коренное изменение просодических свойств. С утверждением экспираторного ударения различие гласных звуков по длительности постепенно исчезло. Древнее и общее для всех славянских групп музыкальное ударение удержалось лишь в сербо-хорватском языке. Точно так же для всех славянских языков были общи «еровые изменения», которые существеннейшим образом сказались на слоговом рисунке слова. В результате падения редуцированных много слов сократилось, изменился одновременно и ритмический рисунок речи.

Редуцированные заднего и переднего ряда выполняли свою слоговую функцию в IX и в X вв. После их падения силлабические стихотворения должны были изменить свой ритмический рисунок; однако не только правдоподобно, но и возможно, что некоторые древнейшие стихотворения или песни и в этом случае сохранили свой слоговой строй, т. е. равное число слогов в каждом стихе. Это могло произойти либо при соответственном стяжении (напомним, что амплитуда колебаний слоговой длины стиха чрезвычайно велика), либо в результате какой-либо модификации текста, что допустимо при необходимости следовать напеву.

Однако эти предположения могут быть подкреплены другим фактом — традицией искусственного произношения редуцированных. В изданиях Э. Кошмидером фрагментах новгородского Ирмология по списку XII—XIII вв.²² в тексте всех 74 отрывков имеется лишь 2 (!) случая отсутствия слабых редуцированных. Этот и другие памятники древней гимнографии, по справедливому замечанию Р. О. Якобсона,²³ не отражают потерю слабых еров, точно так же «не замечают» они и стяжения двух слоговых гласных в одну. Таким образом, сам факт длительного бытования силлабических текстов на русской почве в первоначальном, неиспорченном виде не подлежит сомнению.

Очень затруднительно определить хронологические пределы проникновения на Русь церковнославянских стихотворений, декламационных или связанных с мелодией. Во всяком случае уже в третьей четверти XI в. в Киеве их знали (Святославов изборник 1073 г.). Поскольку эти стихотворные памятники в большинстве своем были так или иначе связаны с первоочередными потребностями только что отошедшего от язычества русского народа, «языка нова», говоря словами Константина Преславского (с литургией — гимнография, в частности Ирмологий, с основной христианской книгой — Евангелием — «Проглас» Константина-Кирилла, с учебными целями, возможно, «Азбучная молитва» Константина Преславского), то не будет особой натяжкой, если мы свяжем время их проникновения в Киевскую Русь с эпохой введения и распространения новой христианской религии.

В таком случае проблема «жизни» их в русской письменности должна разрабатываться и в ином направлении: именно по пути установления взаимоотношений реализованной в них византийской силлабической стихотворной системы с просодическими особенностями русского языка кануна и периода введения христианства. Наши представления о дописьменных ме-

²² E. Koschmieder. Die ältesten Norgoroder Hirmologien Fragmente. München, I, 1952; II, 1955; III, 1956.

²³ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 255.

трических системах фольклорной поэзии различных славянских народов весьма туманны, как и о поэзии эпохи языкового единства славян.²⁴ Научное изучение ее находится в зачаточном состоянии, а выводы, которые уже сделаны, часто носят гипотетический характер главным образом потому, что исследователям приходится оперировать материалом достаточно поздним, достаточно удаленным от изучаемой эпохи. Все же можно считать доказанным, что одной из праславянских метрических систем была система силлабическая.²⁵ В период падения редуцированных силлабическая схема произведений устного народного творчества дописменной эпохи была, разумеется, нарушена. Особенно показательным в этом отношении является пример русских былин.

В период, когда редуцированные еще выполняли слоговую функцию, «прабылины» были силлабическими, это доказано Н. С. Трубецким.²⁶ Затем они стали тоническими. Эта метаморфоза облегчалась тем обстоятельством, что в фольклорной поэзии славянских народов одновременно с силлабической системой существовал «безразмерный» стих — с неопределенным (разумеется, в известных пределах) числом слогов в стихе. Безразмерным стихом слагались и эпические произведения, и обрядовые песни. В обоих случаях это был так называемый речитативный стих, находящийся на грани между песнью в прямом смысле слова, в которой доминирует напев, и стихом декламационным, где музыкальная модификация подчинена средствам языка. В этом «безразмерном» стихе синтаксическое членение совпадало с членением стиховым.²⁷

Для нас, однако, важно, что усвоенные на Руси церковнославянские силлабические стихотворения в какой-то момент принципиально совпали с фольклорной системой. Не вызывает сомнения, что фольклор — это, если можно так выразиться, наиболее «естественное» слагаемое всякой национальной культуры, если и подверженное иноземным влияниям, то воспринимающее эти влияния лишь в том случае, когда они соответствуют не только запросам, но и законам «собственного» развития. Поэтому нет нужды говорить о «чуждости» церковнославянской силлабической поэзии. Если верно наше допущение, что она проникла в Киевскую Русь в период введения христианства, в конце X в., тогда она еще «застала» редуцированные в слоговой функции.

Впрочем, вопрос о включении церковнославянской силлабики в русскую поэтическую традицию нужно решать положительно и в том случае, если датировать ее проникновение более поздним периодом. Если это случилось в самый момент падения редуцированных и стяжения гласных (впрочем, точно эти процессы не датированы; возможно, они были отделены друг от друга значительным промежутком времени), то и тогда у нас есть все основания считать, что они в течение какого-то времени воспринимались как нечто принципиально отличающееся от прозы.

²⁴ Сумму сведений о «праславянской» поэзии дают работы известного чешского стиховеда Карла Горалка (здесь приводится и литература вопроса): Karel Hořálek. 1) Studie o slovanském verši. — Sborník filologický, XII. Praha, 1940—1946, стр. 268 и сл. 2) Přehled vývoje českého a slovenského verše (Karlova universita v Praze, fakulta filologická. Učební texty vysokých škol). Praha, 1957, стр. 5—7; в данной статье я использую многие выводы К. Горалка.

²⁵ См.: R. Jakobson. 1) Studies in comparative slavic metrics. — Oxford Slavonic Papers, III, 1953, стр. 21—66; 2) The kernel of comparative slavic literature. — Harvard Slavic Studies, I, 1953, стр. 24 и сл.

²⁶ N. S. Trubeczkij. W sprawie wiersza byliny rosyjskiej. В кн.: Prace ofiarowane Kazimierzowi Wójcickiemu. Wilno, 1937, стр. 100—110.

²⁷ R. O. Jakobson. Verš staročeský. — Československá vlastivěda (ČsVI), III. Praha, 1934, стр. 429.

Напомним еще раз о новгородском Ирмологии в списке XII—XIII в., где последовательно сохраняются редуцированные в слабом положении. Весьма примечателен факт спора по вопросу о датировке перевода Ирмологии между К. Хегом и Р. О. Якобсоном. Первый утверждал, что этот перевод был сделан в XII столетии,²⁸ второй относит его, исходя из архаических черт в языке, к значительно более раннему времени.²⁹ В любом случае правильное употребление еров говорит о том, что в «искусственном» произношении они продолжали выполнять слоговую функцию и в XII—XIII вв.

Итак, церковнославянская поэзия, по всей видимости, достаточно долго «жила» в русской литературе. Однако вопрос о том, положила ли она начало самостоятельной традиции, хотя бы в гимнографии, еще ждет своего исследователя. Здесь можно лишь напомнить о том, что древнейшие стихотворения представлены и в списках более поздних, в частности XV в.; что «Азбучная молитва» находит аналогию в многочисленных русских «азбуковниках»; что в XIV—XV вв. происходит интенсивное обращение к литературе киевского периода; что в эпоху второго югославянского влияния на Русь проникают многие балканские оригинальные и переводные памятники. Все же пока неясно, можно ли говорить о сохранении или возрождении старинной силлабической техники.³⁰

Несомненно, что южные славяне поддерживали церковнославянскую поэтическую традицию. Хиландарский монах Гавриил и Константин Костенчский в начале XV в. писали силлабические стихи, где по традиции принимались за слогаобразующие и редуцированные, за исключением конечного глухого.³¹ Кроме того, модифицированный старинный десятисложный политических стих лег в основу дванаестерца югославянского фольклора, а также хорватской поэзии XV в.

В русской литературе известно несколько переводных памятников XV в., которые должны быть обследованы с учетом возможного в них сохранения силлабической системы. Это «Стихи двенадцати месяцам»³² и поэма Георгия Писида «Шестоднев».³³ Возможны также интересные результаты при изучении русских литургических памятников, создаваемых в честь русских святых.

После коренных изменений в славянских языках дифференциация поэзии различных славянских народов была углублена церковным расколом и ослаблением межславянских взаимосвязей в период феодальной раздробленности. В результате этой дифференциации фольклор трех основных ветвей славянства приобрел отличительные признаки принципиального характера: у западных славян (в данном случае к ним приходится причислять словенцев) развилась силлабическая рифмованная поэзия; у славян южных —

²⁸ См.: Proceedings of the British Academy, XXXIX. London, 1954, стр. 47 и сл.

²⁹ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 255—256.

³⁰ Любопытный материал по этому поводу содержится в кн.: Ф. Спасский. Русское литургическое творчество. Париж, 1951.

³¹ Весьма интересно, что подобный «графический» принцип сочинения стихотворений, когда в произношении они представляют нечто существенно отличное от письменного текста, был известен еще в конце IX в.: автор службы Мефодию считал за один слог пятисложное слово, поскольку оно писалось под титулом: Б(огороди)цѣ чистѣ та званѣще. Ср.: Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин...

³² И. Н. Жданов. Греческие стихотворения в славянских переводах. — Commentationes philologicae. — Сборник статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897, стр. 81—96.

³³ Этот памятник опубликован и описан: И. А. Шляпкин. 1) Шестоднев Георгия Писида в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1882; 2) Георгий Писидийский и его поэма о миротворении в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1890, 31 стр. (оттиск из: ЖМНП, 1890, июнь).

силлабическая, но нерифмованная; у восточнославянских народов — поэзия тоническая.

В изучение начального периода древнерусского стихотворства центральное место должно занимать изучение стиха как такового (стихистический анализ гимнографии, определение ее места и роли среди других явлений старой русской культуры могут последовать лишь за подготовительными стиховедческими работами). Напротив, силлабическая поэзия конца XVI—XVII в. с этой точки зрения исследовалась многими специалистами,³⁴ прежде всего В. Н. Перетцом.³⁵ На обширном материале прослежены пути и особенности развития русской и украинской силлабики — от неравносложных стихов, связанных рифмой, к «правильным» виршам с равным числом слогов в строке.³⁶ В общем эта стиховая система достаточно изучена.

До сих пор, однако, остаются не решенными две важнейшие проблемы, относящиеся к «началу» и «концу» силлабики. Во-первых, все еще нет безусловного знания тех внутренних закономерностей в развитии русской поэзии, которые привели в XVIII в. к реформам Тредиаковского и Ломоносова. Однако эта проблема должна быть рассмотрена историками литературы нового времени.³⁷

Во-вторых, силлабическое стихотворство необходимо «увязать» с национальными формами русской поэзии — с устнопоэтическим творчеством,

³⁴ Библиографию см.: М. П. Штокмар. Библиография работ по стихосложению. М.—Л., 1933 [ср. дополнения Р. О. Якобсона (Slavia, XIII. Praha, 1934—1935) и самого М. П. Штокмара (Литературный критик, 1936, 8, стр. 194—205; 9, стр. 235—253)]; С. Д. Балухатый. Теория литературы. Аннотированная библиография, I Общие вопросы. Л., 1929; V. M. Zirmunskij. Formenprobleme in der russischen Literaturwissenschaft. — Zeitschrift für slavische Philologie, I. Berlin, 1925, стр. 117—152; В. О. Унбегаун. Russian Versification. Oxford, 1956, стр. 156—160.

³⁵ Перечень работ В. Н. Перетца по истории и теории поэзии см.: В. П. Адрианова-Перетц. Список печатных трудов академика В. Н. Перетца. — В кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.—Л., 1962, стр. 234—253.

³⁶ Мне кажется, что не совсем правы те исследователи, которые характеризуют иногда неравносложные вирши Г. Д. Смотрицкого, К. Транквилиана-Ставровецкого и другие подобные по форме произведения как «рифмованную прозу» (ср., например: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. Из истории русской песни, ч. I. СПб., 1900, стр. 78). В качестве аналогии можно привести чешский «безразмерный» стих, в котором рифмовались строки разной длины — от четырех-пяти слогов до двадцати и более. Этим стихом написаны многие чешские памятники, начиная с XIV в.: знаменитая Далимилова хроника, апокрифическая легенда «О детстве Иисуса» и др. См.: R. O. Jakobson. Verš staročeský. Отмечу, что «безразмерный» стих вовсе не был предшественником обычного восьмисложника чешской эпической поэзии: обе системы успешно сосуществовали и конкурировали. Правильнее, как кажется, характеризует русский и украинский неравносложный стих Унбегаун, называя его «пресиллабическим» (В. О. Унбегаун. Russian Versification, стр. 1—3). Не нужно забывать, что эта система употреблялась на протяжении всего XVII столетия.

³⁷ Здесь предстоит определить удельный вес различных явлений, повлиявших на зарождение силлабо-тонической поэзии: например, роль естественного «тонизирования» силлабики, о чем писали Н. И. Петров (Труды Киевской Духовной академии, II. Киев, 1866, стр. 329 и сл.) и особенно В. Н. Перетц («Необходимо взглянуть пристальнее в самый состав силлабических стихов и отсюда вывести и объяснить ... процесс тонизации их. Единственный способ, которым последняя могла возникнуть, — это было появление ряда гармонически расположенных ударений, появившихся впервые в двух важных пунктах, начиная с конца стиха и с цезуры, делящей его на две части». — Историко-литературные исследования и материалы, т. III. Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902, стр. 29—30. В. Н. Перетц говорил также о «тонизации силлабического стиха под воздействием деления его на мелкие части цезурами». — Из наблюдений над украинским виршеписанием XVI—XVII вв. — В кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, стр. 160. Ср. также статью: Неиз-

в частности, а также с предшествующим периодом развития русской литературы. Кажущаяся внезапность появления искусственной поэзии — источник концепции о зарождении силлабического стиха в прозе, разделяемой некоторыми современными авторами. По этому поводу часто цитируют одно из высказываний В. Н. Перетца (отмечу кстати, что новейшие работы по истории русской книжной поэзии так или иначе продолжают разработку положений этого замечательного ученого): «Общей основой... ритмической речи, снабженной рифмой, могло служить синтаксическое расположение предложений, в которых сказуемые, или же вообще наиболее значащие с точки зрения автора слова — выдвигались вперед или ставились в конце предложения. Естественное замедление перед новым предложением — мыслью породило уже вполне последовательно известного рода ритмичность, которую мы наблюдаем и в несомненно прозаических памятниках старинной славянорусской литературы. Рифма — первоначально глагольная или прилагательная, кажется нам результатом такого расположения предложений и явилась, думается, независимо от намерения автора, как и в народном эпическом стихе, обыкновенно безрифменном».³⁸

Действительно, примеры таких рифм в русской прозе конца XVI — начала XVII в. необыкновенно обильны.³⁹ Интересно, что в таких памятниках, как Сказание Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Новая повесть» и другие, мы встречаем не только суффиксально-флективные рифмы (результат синтаксического параллелизма), которые, разумеется, количественно преобладают, но и коренные рифмы и рифмоиды (хвост—возраст, прут—труп, торг—горд, дров—гроб и т. п.). В. М. Жирмунский определил это явление как эмбриональную рифму, одновременно заметив:

вестные подражатели кн. А. Д. Кантемира. — ИпоРЯС, т. I, кн. 2, 1928, стр. 335—357).

В свое время поднимался вопрос о возможном влиянии на Тредиаковского силлабо-тонических стихотворений «русских немцев» И.-В. Пауса, Спарвенфельда, Ганке и др., сочинявших в этом роде уже в конце XVII в. Эту гипотезу выдвинул П. Н. Берков: «... западное стихосложение (и именно немецкое, бывшее перед глазами у академических переводчиков) оказалось отправной точкой для перехода от силлабики к тонико-силлабике: Тредиаковский, ссылавшийся, как на источник своих опытов, на народную поэзию и на „диллическую книжку“... безусловно знал и стихотворение Спарвенфельда, и застольные песни Пауса, и перевод виршей Ганке, — все это было слишком известно, слишком на виду, и именно поэтому Тредиаковский предпочел умолчать об этом материале» [П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха). — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов под редакцией академика А. С. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 81].

Необходимо, видимо, вернуться и к фольклорным элементам в стихе Тредиаковского, который, как известно, заявлял в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов»: «... я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренних свойств нашего языку приличного; ... поэзия нашего простого народа к сему меня доведла» (В. К. Тредиаковский. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1935, стр. 351). Ср.: Г. И. Бомштейн. Тредиаковский — филолог и фольклор. — В кн.: XVIII век. Сборник В. М.—Л., 1962, стр. 249—272. Нужны, однако, не только работы о теоретических воззрениях Тредиаковского на природу и роль фольклора (перечень их см. в статье Г. И. Бомштейна, которая также выполнена в этом плане), но в первую очередь стиховедческие исследования.

³⁸ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. III, стр. 14—15. Впрочем, еще в 1891 г. Л. Майков высказал исходный взгляд, ср.: Л. Майков. О начале русских виршей. — ЖМНП, 1891, июнь, стр. 445.

³⁹ Это отмечалось многими исследователями: Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 205—235 (здесь, кроме многочисленных примеров, собранных самим Л. И. Тимофеевым, даны отсылки к литературе вопроса); А. А. Назаревский. 1) Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958; 2) О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961.

«Как бы то ни было, искусство рифмы в книжной русской поэзии восходит, как известно, не к этим явлениям эмбриональной рифмы в древнерусской прозе, а также — не к аналогичным элементам народного песенного стиха, но к стороннему воздействию уже сложившегося в юго-западной Руси искусства силлабических виршей, возникшего, в свою очередь, под польским влиянием».⁴⁰ Таким образом, констатируя это интересное явление, В. Н. Перетц и В. М. Жирмунский в то же время уверены, что здесь мы имеем дело с прозой, а не стихом.

Напротив, Л. И. Тимофеев, не отрицая, разумеется, факта и действительности украинского и польского влияний, видит в этих явлениях «первоначальные формы стиха»: «Мы ... говорим уже об эмбриональной форме стиха в целом, а не только об эмбриональной рифме ... В процессе развития чрезвычайно свободной вначале ритмической структуры, довольствующейся, так сказать, минимумом симметричности в расположении повторяющихся элементов речи ... постепенно начинают накапливаться дополнительные признаки, усиливающие сходство строк. Появляется звуковой повтор, скрепляющий окончания и подчеркивающий конечную паузу как ритмическую константу, возникают в длинных строках внутренние паузы цезурного типа, относительно выравнивается число слогов, создаются развернутые периоды, включающие по нескольку строк (зародыш строфы) и т. д.».⁴¹ «Процесс формирования русского речевого стиха тесно связан с процессом формирования рифмы — первоначально в прозаическом тексте — и постепенной концентрации около рифмы других речевых элементов, усиливающих соизмеримость ритмических единиц».⁴²

Эта концепция в том категорическом виде, в каком находим ее у Л. И. Тимофеева, вызывает некоторые сомнения. В основе ее лежит мысль о том, что «речевой стих», не связанный с напевом, возникает лишь на определенном, довольно позднем этапе развития общества, возникает в связи с потребностями «реализовать переживания обособленной и развитой личности, претендующей на полное и резко индивидуальное раскрытие своего внутреннего мира».⁴³ Л. И. Тимофеев, оговаривая «некоторые незначительные исключения», справедливо пишет, что в течение долгого времени господствующей и в сущности единственной стихотворной системой в России являлось народное «музыкально-речевое стихосложение», основным признаком которого — единство слова и напева. Однако его социологическая интерпретация этого факта нуждается, по-видимому, в коррективах. «Музыкально-речевое построение, — говорит он, — отвечает ... общественному укладу, предшествующему развитым капиталистическим отношениям ... Постепенное развитие этих отношений, влекущее за собой рост личности, развитие письменности и т. д., необходимо ведет за собой и осложнение стихотворной культуры»,⁴⁴ т. е. приводит к смене синкретической поэзии декламационной.

Обособленная от мелодии поэзия не есть продукт капиталистической эпохи, даже если иметь в виду не развитые, а лишь зарождающиеся капиталистические отношения. Это доказывает множество историко-литературных фактов, их можно извлечь, например, из средневековых европейских литератур, не говоря уже об античности с ее многообразной поэзией. Когда неизвестный чешский поэт рубежа XIII—XIV вв. создавал свою

⁴⁰ В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Пгр., 1923, стр. 259.

⁴¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 221—222.

⁴² Там же, стр. 187.

⁴³ Там же, стр. 185.

⁴⁴ Там же, стр. 187.

великолепную Александреиду, когда его современники излагали рифмованными стихами апокрифические сюжеты, когда они делали первые шаги в лирическом роде, они были уже профессиональными поэтами.

Здесь стих не следовал за напевом, мелодии не было вообще, а та нормативность, те особенности мышления и видения средневекового художника, которые были равно присущи и прозе, не могут служить основанием для отнесения подобных памятников к «непоэтическим».⁴⁵ Средневековые поэты не только писали стихами, они учились писать, например, по руководствам Жофруа де Винсо и Эберхарда.

Вряд ли будет правильным квалифицировать природу памятников типа Сказания Авраамия Палицына как «эмбриональный стих». То «брожение» стихом, о котором говорит Л. И. Тимофеев, прослеживается, по его же данным, на протяжении нескольких веков: в «Очерках теории и истории русского стиха» приводятся данные о рифмованных сочетаниях в деловой письменности не только рубежа XVI—XVII вв., но и более раннего (начиная с конца XIV в.) и более позднего времени. Правда, Л. И. Тимофеев говорит о «нарастании» качественных и количественных изменений стилистики деловых грамот», в частности и рифмующихся фраз. Для столь ответственного заявления тот материал, на котором построен соответствующий параграф «Очерков», явно недостаточен. Однако не в этом главное.

Как известно, еще в «Молении Даниила Заточника» заметно стремление к рифмовке: «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое». Много рифм находим в «Слове о хмеле» в списке 1470-х годов: «...долго лежати — добра не добыти, а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, чти и славы не получитьи, а сладка куса не снести, медовыя чаши не пити, а у князя в нелюбви быти». Относительно истоков этой рифмованной речи сомнений быть не может: она идет от скорморохов.⁴⁶

С другой стороны, рифмованная проза часто встречается на протяжении всего XVII в. — тогда, когда «правильное», «упорядоченное» силлабическое стихотворство переживало пору своего расцвета. Это, например, характерно для сатирической прозы. В «Сказании о роскошном житии и веселии», в его несомненно прозаическом массиве встречаются ритмизованные и рифмованные пассажи: «И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубов и садов и рощей избранных, езерь сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных ... А по домам коней стоялых — аргамаков, бахматов, иноходцев, — кур и овец и лисиц и кунц, буйволов и еленей, лосей и соболей, и бобров, зайцев и песцов, и иных, одевающих плоть человеческую во время ветров, бесчисленно много ... И ту всяк пришед пей да и на голову лей ... А жены там ни прядут ни ткнут, ни платья моют, ни кроют,

⁴⁵ С нашей точки зрения, разумеется, не всякий облаченный в стихотворную форму текст можно назвать поэтическим. В России это отметил еще Феофан Прокопович: «... история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершились, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она остается историей, а не поэзией» (Феофан Прокопович. Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 348). Однако для древнего периода русского стихотворства достаточно, как кажется, руководствоваться правилом: если автор и читатель воспринимали некий ритмически организованный текст как нечто качественно отличное от текста ритмически «нейтрального», то этого достаточно для занесения первого в стихотворную рубрику.

⁴⁶ См.: Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника». — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 114—115; П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XVIII веков. М., 1951, стр. 31.

ни шьют... И кроме тех радостей и веселья, песен, танцеванья и всяких игр, плясанья никакия печали не бывает... А кого перевезут Дунай, тот домой не думай... А там кто по бывает, тот таких роскошей век свой не забывает». ⁴⁷

То же и в других произведениях демократической сатиры (имею в виду прозаические, а не стихотворные, вроде «Повести изрядной о куре и лисице»). Впрочем, Л. И. Тимофеев пользуется в первую очередь материалом, не связанным непосредственно с фольклором, а последнее характерно как для прозаических, так и поэтических сатир. Но ведь в «Очерках» даны образцы рифмованной речи и из некоторых произведений второй половины XVII—конца XVIII в. ⁴⁸

Получается, таким образом, парадоксальная ситуация: проза «бродит» стихом не только накануне и в период зарождения силлабического виршеписания, но и тогда, когда оно уже уступило место силлабо-тонике. Отсюда следует, что процессы развития ритмической и рифмованной прозы и силлабической поэзии от неравносложных стихов к равносложным были параллельными и не связанными генетически. Разумеется, расцвет рифмованной прозы в период Смуты, совпавший по времени с формированием русской силлабики, хотя и в первоначальных видах, в какой-то степени «подкрепил» ее. Люди, читавшие вирши Хворостинина и Шаховского и прозаические произведения с частыми рифмами или рифмоидами, несомненно, обращали внимание на это обстоятельство. Однако далеко идущих выводов по этому поводу делать нет оснований.

Мне кажется, правы В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев, разделяющие эти два течения: «Стихотворные жанры в русской литературе формируются во второй половине XVII века, однако и в произведениях первых десятилетий века заметно, с одной стороны, стремление в особо напряженных, эмоциональных частях повествования на исторические темы строить ритмические ряды синтаксически однородных фраз; с другой стороны, делаются первые попытки все содержание излагать неравносложными рифмованными строками, еще далекими от силлабических стихов, но идущими в направлении к ним». ⁴⁹

Сам факт появления ритмической и рифмованной прозы не должен нас смущать: подобные образования известны в литературе различных европейских народов, причем, это следует подчеркнуть, ритмическая и рифмованная проза появляется вслед за «поэтическими» этапами в развитии литературы, в частности после безраздельного господства феодальной эпической поэзии.

Рифмованные повести о «Смуте» не знаменовали собой внезапное пробуждение поэтического чувства, оно было присуще русскому народу всегда: в XI в. примерно в той же степени, что и в конце XVI, в той же степени, что и другим европейским народам. Своеобразие русского культурного процесса состояло в том, что эти потребности в течение долгого времени удовлетворялись за счет народного творчества, которое, по-видимому, наряду с синкретическими жанрами использовало и декламационный стих, в XVII в. получивший реализацию, например, в «Горе Злоча-

⁴⁷ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 39—42.

⁴⁸ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 218—219, 232 и сл.

⁴⁹ В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века. — В кн.: Демократическая поэзия XVII века. Библиотека поэта. Большая серия. М.—Л., 1962, стр. 8.

сти», а ранее отразившийся в «Молении Даниила Заточника» и «Слове о хмеле».

Появление письменной поэзии на рубеже XVII в. объясняется тем, что в это время фольклор стал уходить из города, это вело к созданию книжной поэзии, как высокой, силлабической, так и тонической, народной, представленной ранее единичными записями, а от XVII столетия сохранившейся в довольно большом количестве списков. Усиление роли города, посада — вот причина возникновения стихотворства XVII в. Несмотря на исключительную самобытность русской литературы, переломные моменты ее развития совпадали с аналогичными моментами в истории западноевропейских литератур в том смысле, что их вызывали к жизни сходные социальные и общественные явления. Это относится, в частности, к рифмованной прозе «Смутного времени», которая была вызвана к жизни усилившимися городскими и светскими слоями населения, так было, например, в Чехии в эпоху Карла IV.

Как видим, к сожалению, концепция Л. И. Тимофеева не объясняет, почему «чуждая» польско-украинская силлабическая система так прижилась в русской литературе и просуществовала почти два столетия.⁵⁰ Существуют также попытки связать силлабический стих с русскими дольниками, в частности с различными модификациями четырехдольника.

Но в этом случае игнорируются особенности живого русского языка XVII в.; произносительная норма, оформившаяся в период существования силлабики. «Стихи скандировались по слогам — с выделением каждого слога, — пишет И. П. Еремин. — Такое чтение привело и не могло не привести к тому, что неударные слоги стали произноситься с той же четкостью, что и ударные: различие между неударным и ударным слогами резко ослаблялось, если не стиралось совсем».⁵¹ И так, акценты искусственно подравниваются, дольники же требуют по крайней мере одного сильного ударения. Однако все эти попытки интересны и поучительны в том смысле, что они еще раз демонстрируют необходимость поисков органической связи силлабики с каким-либо из исконно русских или по крайней мере давно на Руси прижившихся поэтических явлений — либо с фольклором, либо с литургической поэзией и т. д. Пока еще рано делать прогнозы; решение этого вопроса возможно лишь после совместной работы историков литературы, лингвистов и музыковедов. Только такое комплексное изучение может дать хорошие результаты.

Для русской письменной поэзии XVII в., особенно второй его половины, характерно сосуществование искусственной, «высокой» поэзии и поэзии демократической, стоявшей на грани между фольклором и письменностью и развивавшей различные виды тонического стиха.⁵² В связи с этим необходимо оценить, с одной стороны, удельный вес «демократической» поэзии в общем потоке литературы XVII в., с другой же — удельный вес силлабического стихотворства.

В этом направлении пока еще, к сожалению, ничего в сущности не сделано. Исследователи обычно ограничиваются констатированием того факта, что силлабическое стихотворство культивировалось представителями и идеологами феодальных верхов, в то время как питавшийся фоль-

⁵⁰ Нам известны, например, надгробные стихи И. Диаковского, написанные в 1794 г. См.: ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 5, стр. 12—14.

⁵¹ И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 257.

⁵² См.: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русские демократическая поэзия XVII века.

клором тонический книжный стих, в разных видах реализованный в эпосе, лирике и сатире, обслуживал посад, низшее духовенство и т. д.

Немногие русские и украинские руководства по стиховорству⁵³ вряд ли окажутся полезными в разработке этой проблемы. Статья «о пришельцах философах» Максима Грека, грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, отдельные рукописные статьи XVII в. трактовали «о художестве пиитическом», по признанию их авторов, «не толико ради употребления, елико ведения»: рассуждения авторов о системе стихосложения, основанной на чередовании долгих и кратких слогов, чисто умозрительное разграничение русских гласных звуков по количеству (как известно, различие между долгими и краткими исчезло в русском языке еще в дописьменный период) не находили обычно подкрепления даже в стихотворных примерах, предложенных составителями грамматик. Стихотворения, включавшиеся в руководства с целью «украшательства», писались в силлабической манере — либо неравносложными стихами, скрепленными рифмой, либо правильной силлабикой.

Для выяснения функции силлабической поэзии в литературе XVII в. следует еще раз обратиться к рукописному материалу. Только тогда можно будет сделать вывод о том, насколько она была распространена и какие слои читателей в действительности обслуживала.⁵⁴

Видимо, в поэзии XVII в. существовала, если можно так выразиться, поэтическая вертикаль: фольклор—его книжные обработки и книжная песня⁵⁵—силлабические вирши. Будущему историку стиховорства этого

⁵³ См.: В. Н. Перетц. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4, 1899, стр. 1218 и сл. (в отдельном оттиске стр. 71 и сл.).

⁵⁴ По заявлению А. В. Позднеева, «виршевая поэзия не имела читателя» (А. В. Позднеев. Проблемы изучения поэзии Петровского времени. — В кн.: XVIII век. Сборник 3. М.—Л., 1958, стр. 30). Это категорическое заявление нуждается, конечно, в проверке. А. В. Позднеев, много занимающийся историей книжной песни, в том числе и силлабической [см.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. I, М., 1958, стр. 5—112], пишет: «В сознании грамотных людей XVII—XVIII веков существовало строгое разграничение между книжной искусственной (литургической) песней, которая бытовала в пении, с одной стороны, и стихотворными произведениями, в том числе виршами... которые были назначены для чтения, — с другой» (А. В. Позднеев. Проблемы изучения..., стр. 30). В рукописях второй половины XVII в., по данным А. В. Позднеева, известно 380 (!) списков книжных силлабических песен — и светских, и примыкающих к гимнографии.

Уже этот факт должен настораживать: действительно ли у виршевой поэзии не было читателя? Усвоение силлабической системы в столь многочисленных песнях (значит владение ею многими авторами), не есть ли это показатель распространения виршей?

Песенное творчество, которое А. В. Позднеев считает главным и чуть ли не единственным лирическим элементом в поэзии XVII в., заслуживает самого тщательного исследования. Однако нельзя забывать о «песенном консерватизме», который затрудняет отнесение текста к определенному моменту литературной истории и который был отмечен еще В. Н. Перетцом. Разбирая одну из песен в записи или обработке Егора Столетова, В. Н. Перетц писал, что она «прожила почти полвека и сравнительно мало пострадала... вероятно, в значительной мере содействовало ее сохранности то, что она пелась, была связана с музыкальным мотивом, который не дал тексту обособиться и утратить первоначальный размер» [В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII столетия). — ЖМНП, 1905, октябрь, стр. 367].

⁵⁵ Ко второму слою нужно отнести, по всей видимости, и лирические «умиленные», «покаянные», «прибыльные» стихи XVI—XVII вв., дальнейшее изучение которых, вероятно, поможет заполнить «поэтическую лауну» между Киевской Русью и XVII в. См.: В. Перетц. К истории древнерусской лирики. («Стихи умиленные»). — Slavica. роč. XI, seš. 3—4. Praha, 1932, стр. 474—479; В. И. Малышев.

периода нужно установить формы и интенсивность взаимовлияния и взаимопроникновения этих поэтических слоев. Отношения демократической поэзии к поэзии устной в XVII в. «были очень неустойчивы. Демократическая поэзия постоянно колебалась между книжной поэзией и поэзией устной. Поскольку произведения устной поэзии в это время начали записывать и переписывать, они становились уже явлениями не только фольклора, но и литературы. В эти записи, как и в возникавшие на устнопоэтической основе литературные произведения, иногда проникали книжные элементы. Но в целом они оставались по своей поэтике ближе к устной традиции. Эта традиция преобладала и в поэтической системе демократической литературной поэзии».⁵⁶

С другой стороны, известно немало фактов, когда вирши «опускались» в народную поэзию: это относится и к книжным песням, о которых уже говорилось, и к некоторым старообрядческим духовным стихам («... сборники духовных стихов, известных у старообрядцев, представляют как бы слияние старых и новых поэтических элементов: здесь и остатки виршевой поэзии юго-западной России в неизменном, почти неприкосновенном виде, как и в других сборниках XVIII в., и наряду с этим — переработки, или вернее подражания, с новым содержанием ... В заключение — ряд бытовых и исторических вирш, отражающих как события умственной и внешней жизни раскола, так и события общерусского народного значения»)⁵⁷.

Наконец, поэзия XVII в. должна изучаться в соотношении с прозой. Отношение к стихотворству его творцов не было неизменным на протяжении конца XVI—XVII в. Если К. Транквиллион считал стихи украшением мысли, «сладкой мовой под метри», не придавая этому самодовлеющего значения, то столетие спустя Феофан Прокопович уже отождествлял литературу и поэзию, считая, что лишь последняя может быть названа «искусством изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни».⁵⁸ Курс поэтики, читавшийся Феофаном Прокоповичем в 1705 г., уже содержал основные положения эстетики классицизма, в общем игнорировавшего прозу. Разработки в этом направлении должны вестись одновременно с анализом силлабической поэзии «изнутри» — выяснением круга проблем, которые ее интересовали, классификацией по жанрам, изучением художественных приемов и средств. Обилие виршей, писавшихся буквально по каждому поводу, наводит на мысль, что русские виршевики XVII в. ставили перед собой задачу создания литературы.

Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 142—148; В. А. Позднеев. Стихи «прибыльные» в списке XVI в. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 309—310.

⁵⁶ В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века, стр. 17.

⁵⁷ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. СПб., 1900, стр. 418.

⁵⁸ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 346. Любопытные данные по этому вопросу см.: В. Н. Мочульский. Осношение южнорусской схоластики XVII в. к ложноклассицизму XVIII в. — ЖМНП, 1904, август, отд. II, стр. 361—379 (также отдельный оттиск: СПб., 1904, стр. 21).

В. Д. КУЗЬМИНА

Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени

Вопрос о непрерывной преемственности в развитии русской литературы, об отсутствии разрыва между XVII столетием и последующим временем был поставлен еще в прошлом веке.

В. Г. Белинский говорил, что поэзия Ломоносова «выросла из варварских схоластических риторик училищ XVII века» (статья «Русская литература в 1841 году»).¹ Мнение В. Г. Белинского позднее повторил А. И. Соболевский,² О. Покотилова показала зарождение многих элементов стиля Ломоносова-поэта в торжественной школьной лирике XVII в.³

В применении к повести и драматургии вопрос о преемственности развития был поставлен А. Н. Пыпиным,⁴ Н. С. Тихонравовым,⁵ Д. А. Ровинским.⁶

Несмотря на вековую давность, эта проблема далека от своего разрешения прежде всего в силу неизученности наших рукописных и книжных богатств.

Всемерное развитие нашей археографии, составление и систематическая публикация описаний рукописей как наших центральных хранилищ, так и периферийных — неперемное и первое условие разработки любой проблемы, связанной с письменным периодом развития нашей литературы.⁷ Между тем из наших хранилищ лишь Государственная библиотека имени В. И. Ленина систематически печатает описания рукописей.

Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук, Государственный Исторический музей, Государственный Литературный музей не делают этого, не говоря о рукописных собраниях

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954, стр. 524.

² А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф, 1890, № 1, стр. 1—6.

³ О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетий. — Ломоносов. Сборник статей под редакцией В. В. Сиповского. СПб., 1911, стр. 66—92.

⁴ А. Н. Пыпин. До-петровское предание в XVIII веке. — Вестник Европы, 1886, июнь, стр. 680—717; июль, 306—345.

⁵ Вступительная лекция адъюнкт-профессора русской словесности и истории русской литературы Н. С. Тихонравова, читанная в имп. Московском университете 25 сентября 1859 года. — Н. С. Тихонравов. Сочинения, том второй. М., 1898, стр. 1—11.

⁶ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, тт. I—IV. СПб., 1881.

⁷ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 102—108.

областных и районных центров, где часто отсутствуют какие бы то ни было описания рукописных коллекций, хранящихся в местных музеях и архивах.

Для успешного изучения преемственных связей древнерусской литературы с устным народным творчеством и рукописной демократической литературой XVIII в. следует издать давно готовые научные описания тех собраний, которые включают большое количество рукописей XVIII в. Таковы, например, в Москве собрания Барсова, Вострякова, Забелина, не попавшие в печатные описания части собраний Хлудова и Щукина в ГИМ.

Печатные библиографии древнерусской повести⁸ содержат указания на многочисленные списки XVIII в. большинства произведений нашей средневековой повести.

На очереди стоит планомерная разработка этого материала: создание сначала частных монографий по изучению истории текста отдельных произведений и на их основе написание обобщающей работы о древнерусских повестях в рукописных редакциях XVIII и в отдельных случаях XIX в.⁹

Отдельно следует рассмотреть вопрос о значении древнерусской повествовательной традиции в развитии прозы XVIII столетия.

Среди разнообразных проблем должно быть выделено изучение повестей первой половины XVIII в., которыми издавна занималась Г. Н. Моисеева. Выход в свет ее монографии на эту тему интересует в равной мере историков древней русской литературы и литературы XVIII в.

Много новых перспектив для изучения преемственной связи развития русской литературы XI—XVII вв. с новым временем открывает посмертная монография М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века» (М., 1963). Как показывает заглавие, М. Н. Сперанский сосредоточил внимание на анализе содержания сборников XVIII в. как такого вида литературы, который был унаследован XVIII столетием от предшествующей поры (стр. 25—26). М. Н. Сперанский справедливо считал свою книгу началом выявления и исследования всего рукописного наследия XVIII в., но изученные им свыше 500 сборников показали, какие многообразные проблемы возникают у исследователя при их изучении.

Медиевист и этнограф М. Н. Сперанский заметил следующие задачи перед будущими исследователями в изучении роли средневековой литературной традиции в новое время:

1) старинные повести в сборниках XVIII в. («старая традиция» — Указатель I);

2) старинные рукописные повести и лубочные издания XVIII в. (Указатель IV);

3) преемственность в развитии повествовательных жанров, пародии, юмористики и сатиры в XVII и XVIII столетиях (стр. 69—72);

4) традиции виршевой лирики XVII в. в рукописной поэзии XVIII столетия (стр. 43—47);

5) традиции школьной драмы и интермедий XVII в. в рукописной драматургии XVIII столетия (стр. 37);

⁸ Древнерусская повесть, вып. 1. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. М.—Л., 1955.

⁹ Какой интересный материал может дать изучение поздних редакций древнерусских произведений, показывает, например, работа В. И. Малышева «Усть-цильмская обработка „Повести о царевне Персике“» (Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 326—337).

б) место и значение произведений устного народного творчества в рукописных сборниках XVII и XVIII столетий.

Каждая из этих проблем в свою очередь может иметь несколько аспектов.

Вопрос о литературной истории старинных повестей в XVIII в. может быть изучен по-разному и для разных целей. Начав с обзора совокупности списков XVIII и XIX вв. (учитывая как тексты, включенные в сборники, так и отдельные списки), можно перейти к изучению новых рукописных редакций старинных произведений в XVIII в. (Повести о Петре и Февронии, об Акире, о Бове и т. д.).

В. П. Адрианова-Перетц справедливо поставила вопрос об идейной преемственности в развитии русской литературы XVIII в. и показала идейные истоки русской гражданской лирики XVIII в. в лирических эпизодах во многих произведениях русских писателей XI—XVII столетий.¹⁰

Сочетание глубокой идейности с «прелестью простоты и вымысла» (Пушкин) привлекало и привлекает к древнерусской литературе внимание многих писателей. Разнообразные исследования могут быть посвящены обработке старинных повестей писателями нового времени. Можно назвать для примера несколько тем: Летописные источники дум Рыльева; Агиографические легенды под пером Радищева, Герцена, Лескова; Древнерусские литературные источники драмы А. А. Шаховского «Смоляне»; Древнерусские литературные источники романов советских писателей (В. Г. Ян — «Батый»; А. П. Ладинский — «Когда пал Херсонес» и «Анна Ярославна, королева Франции»); «Повесть о Фроле Скобееве» и либретто одноименной оперы Т. Хренникова; «Слово о полку Игореве» в творчестве советских поэтов и многие другие.

Думается, такие исследования покажут на конкретном материале, как много непреходящих ценностей было создано древнерусскими писателями. Насколько необходима разработка вопросов об идейном и эстетическом наследии древнерусской литературы, свидетельствуют отдельные ошибочные попытки свести ценность ее к «протокоальности», «документальности» и т. п. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, в основе этого лежит в конечном счете отрицание художественной ценности древнерусской литературы.¹¹

Для изучения непосредственных преемственных связей древнерусской литературы с литературой XVIII в. огромный интерес представляет наследие М. В. Ломоносова. Следует приветствовать разработку этой темы, начатую Г. Н. Моисеевой.¹²

Особую группу должны составить исследования, посвященные изучению литературной истории древнерусских повестей в лубочной книжке и картинке XVIII—начала XX в.

Лишь в применении к немногим отдельным произведениям выяснен вопрос об отношении лубочных изданий к старинным рукописным текстам.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 427—447.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. 1) Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — Вопросы литературы, 1963, № 3, стр. 100—111; 2) Анастезизм и древнерусская литература. — Русская литература, 1963, № 1, стр. 79—87.

¹² Г. Н. Моисеева. Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний). — Русская литература, 1962, № 1 стр. 181—194.

Между тем многие оригинальные повести (летописные сказания Повести временных лет, Сказания о Куликовской битве, Повести об основании Москвы, Повести о разорении Царьграда и др.) Древней Руси, старинные переводные романы (Бова, Еруслан, Царица и львица) и новеллы (повести о «женских увертках») печатались в течение полутора столетий и разошлись во многих сотнях тысяч экземпляров лубочных книжек и листов по всей стране среди городских простолюдинов и крестьян.

Изучение лубочной литературы второй половины XIX в. и начала XX в. затрудняется не только отсутствием сводной работы типа «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского, но и неразработанностью лубочных книжных фондов в наших крупнейших библиотеках.

Не дожидаясь создания такого сводного труда, необходимо начать предварительно монографическое изучение судеб отдельных древнерусских повестей в поздней лубочной книжке и картинке, подобно тому как фольклористы начали изучение лубочных обработок былинных сюжетов¹³ и переложений былин в виде сказок в дешевых изданиях для народа.¹⁴

Изучение лубочных вариантов древнерусских повестей (а в отдельных случаях и устных вариантов, сложившихся на основе рукописей и лубка) раскроет перед исследователями заключительные стадии многовековой литературной истории старинных повестей, начавшейся много веков назад и продолжающейся в наше время.

С этой точки зрения существенный интерес представляет, например, сказка горьковского сказочника И. Ф. Ковалева «Про львицу»,¹⁵ являющаяся устной обработкой одного из печатных лубочных вариантов старинного романа о цесаре Антонию (Октавиане), краткая редакция которого была известна у нас под названием «Повести о царице и львице». К разнообразным лубочным источникам восходят также многие современные сказки о Бове, Еруслане, Шемякином суде, Мамаевом побоище и др.

Перед музеями и библиотеками нашей страны, где хранятся крупнейшие коллекции лубочных книжек и листов (БАН, ГБЛ, ГМИИ, ГЛМ, ГПБ), стоит неотложная задача — составить общими усилиями сводный каталог этих материалов.

Ведь до сих пор даже в крупнейших библиотеках книжные лубочные издания не выделены в каталогах общего книжного фонда. Отыскание нужного материала требует огромной затраты времени, так как лубочные издатели то варьировали на десятки ладов заглавия своих книг, то составляли разнообразные сборники сказок и повестей.

Следует отметить, что благодаря инициативе и многолетним трудам С. А. Клепикова подготовлены разнообразные тематические обзоры лубочных изданий крупнейших собраний Москвы и Ленинграда.¹⁶ К сожалению, ни одно из этих исследований до сих пор не увидело света.

¹³ А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962, стр. 41—45 и 59—64.

¹⁴ Там же, стр. 45—58 и 65.

¹⁵ Летописи Государственного Литературного музея, кн. 11. Сказки И. Ф. Ковалева. Записал и комментировал Э. Гофман и С. Минц. Редакция Ю. М. Соколова. М., 1941, № 23, стр. 139—141 и 329.

¹⁶ Вот перечень этих работ: С. А. Клепиков. 1) Сводный каталог лубочных гравированных изданий конца XVII — первой половины XIX в. (собр. БАН, ГБЛ, ГИМ, ГЛМ, ГПБ), 25 печ. листов; 2) Лубок, ч. III. Сказки, легенды, апокрифы; быт, сатира, юмор (собр. ГЛМ, конец XVII—начало XX в.), 10 печ. листов; С. А. Клепиков, Е. В. Гиппиус, Б. Б. Грановский. Русская песня в народном лубке (собр. ГБЛ, ГИМ, Государственного музея истории искусств, Государственной Третьяковской галереи, ГПБ, Русского музея, конец XVIII—начало XX в.), 70 печ. листов; С. А. Клепиков. Русские гравированные книги XVII—XVIII вв. — Сб. «Очерки книговедения». Изд. «Советская Россия» (в печати).

Следует отметить, что за последние годы за рубежом возрос интерес к русской лубочной книжке и картинке. Появление прекрасно изданной монографии П. Л. Дюшартра, охватывающей 1629—1885 гг. и в ряде случаев дополняющей Д. А. Ровинского материалами зарубежных частных коллекций, представляет существенный интерес.¹⁷

От издания отдельных альбомов¹⁸ и библиографии изучения лубка после труда Д. А. Ровинского¹⁹ необходимо как можно скорее перейти к исследованию лубочной книжки и картинки. Это откроет новые перспективы для изучения многих вопросов. К их числу наряду с проблемой преемственных связей древнерусской литературы с новым временем относятся такие проблемы, как вопрос о лубочных книжках как основе современных устных сказок или вопрос о знакомстве массового читателя второй половины XIX в. с творчеством писателей. Карамзин, Крылов, Загоскин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь становились известными русскому крестьянину и рабочему (помимо школьных хрестоматий) чаще всего именно в дешевых лубочных книжках и листах.

Научная разработка истории лубочной литературы и картинок XIX—начала XX в. — одна из важных задач советских библиографов, литературоведов, этнографов.

Особого внимания заслуживает вопрос о преемственных связях русской литературы XVII и XVIII столетий в области пародии, юмористики и сатиры.

Существующие библиографии, как и монографические исследования В. П. Адриановой-Перетц²⁰ и М. Н. Сперанского,²¹ показали, что весь объем пародии, юмористики и сатиры XVII в. был унаследован XVIII столетием. Эта старая традиция во многом определила формирование новых юмористических и сатирических произведений в рукописной литературе и стала одним из существенных истоков в развитии передовой журнальной сатиры под пером Н. И. Новикова.²²

В своем ненапечатанном исследовании «Стихотворные жарты XVIII века» В. П. Адрианова-Перетц установила непосредственную преемственность некоторых стихотворных юмористических произведений от сборников переводных новелл XVII в. (фацеции, Семь мудрецов). Следует пожелать, чтобы эта работа, посвященная малоизученной рукописной юмористической литературе XVIII в., поскорее полностью была издана.

Дело не только в том, что жарты и фацеции в XVIII в. воспринимались читателями как весьма близкие произведения и нередко включались в одни и те же сборники. Новеллы и жарты о проделках шута, о «женских увертках» давали нередко материал для комических бытовых сцен и

¹⁷ Pierre Louis Duchartre. *L'imagerie populaire russe et les livres gravés. 1629—1885.* Gründ, Paris, 1961. Книга П. Л. Дюшартра особенно интересна потому, что автор является знатоком французских народных картинок. См. его работы: P. L. Duchartre et R. Saulnier. *L'imagerie populaire. Les images de toutes les provinces françaises du XV-e siècle au second empire. Les complaints, contes, chansons, légendes qui ont inspiré les imagiers.* Librairie de France, Paris, 1925; P. L. Duchartre et R. Saulnier. *L'imagerie parisienne.* Paris, 1944.

¹⁸ Е. П. Иванов. *Русский народный лубок.* М., 1937; *Русский народный лубок (каталог выставки).* М., 1958; Д. Молдавский и В. Бахтин. *Русский лубок XVII—XIX вв.* Л., 1961.

¹⁹ П. Н. Берков. *Материалы для библиографии литературы о русских народных лубочных картинках.* — Сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II. М.—Л., 1957, стр. 353—362.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. *Русская демократическая сатира XVII века.* М.—Л., 1954.

²¹ М. Н. Сперанский. *Рукописные сборники XVIII века,* стр. 69—72.

²² Л. В. Крестова. *Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н. И. Новикова.* — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 486—492.

диалогов в рукописной демократической драматургии XVIII в.,²³ служили основой для создания новых бытовых анекдотов типа старинных фаций.²⁴

М. Н. Сперанский показал, что настало время тщательно проверить датировки повестей, причем, по его (на наш взгляд вполне справедливому) мнению, некоторые повести, лишь в силу инерции обычно датируемые XVII в., следует считать произведениями первой трети XVIII в. (Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о крестьянском сыне).²⁵

В области повествовательной литературы особого внимания заслуживает автобиографический жанр, представленный в XVII в. знаменитым Житием Аввакума, а в XVIII столетии — целой вереницей автобиографических записок от И. И. Неплюева, Н. Б. Долгорукой до А. Т. Болотова, Г. Р. Державина и А. Н. Радищева. Весь этот огромный материал, за исключением Жития Аввакума и отчасти «Записок» А. Т. Болотова, почти не изучен с историко-литературной точки зрения.

Между тем книга чешской исследовательницы Светлы Матхаузеровой о романе М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» свидетельствует, что при изучении прозы XVIII в. обращение к предшествующей традиции может оказаться весьма плодотворным. Ей удалось показать, что традиции автобиографического повествования, разработанная в рукописной литературе XVII—XVIII вв. (от «Азбуки о Голом и небогатом человеке» и «Азбуковника о прекрасной девице» через стихотворную автобиографию подьячего и так называемый «Роман в стихах»), во многом определила своеобразие прозы М. Д. Чулкова в данном произведении.²⁶

Наконец, недавно вышедшая книга В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева «Демократическая поэзия XVII века» (Л., 1962) дает возможность поставить вопрос о продолжении традиции раёшного стиха в рукописной юмористике и сатире XVIII в. (Сатира на Феодосия Яновского, Автобиография подьячего, Сказание о деревне Камкине, Сказание о деревне Киселихе и многие другие) и изучить его развитие в рукописной литературе XVIII в.

Вопрос о традициях виршевой лирики XVII в. в XVIII столетии также должен быть рассмотрен с разных точек зрения.

Виршевая «Рифмотворная псалтырь» С. Полоцкого достаточно широко читалась в XVIII в., как показал М. Н. Сперанский на примере сборника ГАКО Твер., 162, где это произведение С. Полоцкого помещено вместе с панегирическими и любовными кантами XVIII в. (стр. 46). Несомненно, не для одного М. В. Ломоносова, а для многих русских людей в XVIII в. переложение псалмов С. Полоцкого было одной из первых прочитанных книг.

Наблюдения М. Н. Сперанского, в частности, показывают, что русский демократический писатель знал не только ломоносовские переложения псалмов (сборники ГБЛ, Большаков, № 98; ГИМ, Вахрамеев, № 562; ГИМ, № 938; ГИМ, Уваров, 1^о, № 553), но также многие переложения В. К. Тредиаковского (переложения псалмов 1, 6, 8, 42, 51, 78, 111, 136, 139 см.: сборник ГБЛ, Тихонравов, № 502). Последнее тем более примечательно, если вспомнить, что это произведение В. К. Тредиаковского

²³ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 20, 90, 108.

²⁴ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 142 и 163.

²⁵ Там же, стр. 142 и 113.

²⁶ Světa Mathauserová. Ruský zdroj monologické romanové formy (M. D. Čul'kov). — Rozpravy Československé Akademie Věd. Rada společenských věd., roč. 71, seš. 1. Praha, 1961.

не было напечатано.²⁷ Особый интерес при изучении взаимодействия старых и новых традиций в поэтических переложениях Псалтыри в XVIII в. представляют сборники, подобные отмеченному М. Н. Сперанским сборнику ГИМ, Уваров, 1^о, № 553: в нем стоят рядом переложения, сделанные различными поэтами (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков).

Недавно напечатанная статья И. З. Сермана «„Псалтырь рифмотворная“ Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.»²⁸ показывает плодотворность сравнительного изучения этой области русской лирики XVII—XVIII столетий.

Второй темой в изучении преемственной связи в развитии русской лирики XVII и XVIII столетий является вопрос о значении виршевых панегириков и песен для формирования жанра русской торжественной оды в XVIII в.

И. П. Еремин исследовал панегирические произведения С. Полоцкого;²⁹ А. В. Позднеев опубликовал торжественные канты петровской поры;³⁰ ждут исследования и публикаций сборники торжественных кантов 1730—1740-х годов. Лишь внимательное изучение совокупности всего этого материала сможет показать, как много подготовили в быстром и пышном развитии русской оды с конца 1740-х годов поэты-силлабики первой трети столетия, внимательно изучавшие виршевую лирику своих предшественников.

Обстоятельная статья О. Покотиловой,³¹ характеристика панегирических кантов и приветственных стихов первой четверти XVIII в., сделанная П. Н. Берковым,³² интересные конкретные наблюдения Л. В. Крестовой³³ показали, как в недрах виршевой лирики XVII и начала XVIII в. постепенно все яснее обозначались идейные тенденции и элементы стиля, нашедшие свое полное выражение в зрелом русском классицизме 1740—1750-х годов.

Систематическое изучение сборников, публикация наиболее важных и значительных произведений виршевой лирики первой трети XVIII в. дадут несомненно много нового материала для этой темы, которая должна привлечь внимание исследователей.

Особое внимание должно быть уделено вопросу о преемственности в развитии любовной лирики в русской литературе XVII и XVIII столетий.

В XVII в. мы знаем литературные письменные произведения этого жанра в духе устной народной песни (Квашнин-Самарин, Пазухин). В XVIII столетии наряду с продолжением этой традиции стала разви-

²⁷ Беловая рукопись 1753 г. была найдена в ЦГАДА И. З. Серманом. О ней см.: И. З. Серман. Непознанная философская поэма Тредиаковского. — Русская литература, 1961, № 1, стр. 163—164.

²⁸ ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 214—232.

²⁹ И. П. Еремин. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153; 2) Симеон Полоцкий, поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 223—260.

³⁰ А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в. — Сб. «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, стр. 338—360.

³¹ О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия, стр. 66—92.

³² П. Н. Берков. На путях к новой русской литературе. — История русской литературы в трех томах, т. 1. М., 1958, стр. 395—396.

³³ Л. В. Крестова. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. — Сб. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 254—296.

ваться виршевая любовная лирика, украшенная мифологическими именами (Венера, Купидон, Волкан, Персефона и т. п.). Взаимодействие двух этих течений начинается в любовных кантах первой трети столетия, продолжается в рукописных и печатных песенниках XVIII столетия, куда включаются многочисленные песни и элегии А. П. Сумарокова.

Работы В. Н. Перетца,³⁴ Т. Н. Ливановой,³⁵ А. В. Позднеева,³⁶ Р. М. Сельванюк³⁷ положили начало изучению взаимодействия устной песни и виршевой любовной лирики XVII—XVIII вв. с песенными лирическими произведениями писателей XVIII столетия. Изучение совместными усилиями всего богатства любовной лирики, заключенной в рукописных песенных и стихотворных сборниках XVII и XVIII столетий, даст много нового материала для изучения разновидностей жанров лирической поэзии, их эволюции, смены одних жанров другими и постоянного обращения писателей к народной песне.

Немало различных вопросов встает при изучении преемственных связей в русской драматургии XVII и XVIII столетия.

Выявление полного объема русской рукописной драматургии XVII и XVIII столетий — первая неотложная задача, которая сможет быть решена только совместными усилиями славистов различных стран. Объединение сил в этом деле необходимо. Ведь до сих пор возможны еще такие находки, как вологодский, лионский и веймарский списки «Артаксерксова действия» или сборник из собрания И. Г. Спарвенфельда (Ad 10) из рукописной коллекции гимназии г. Вестероса в Швеции, в который были включены (стр. 1315—1460) разнообразные русские драматические произведения XVII в.³⁸ Желательно издать все тексты русских школьных драм по рукописным спискам русских пьес Загребского университета (R 3068 и др.).³⁹ Следует, например, отметить, что школьная драма «Страшное изображение»... имеющаяся в Загребе, до сих пор известна русским историкам театра по краткой ее программе, изданной Н. С. Тихонравовым,⁴⁰ хотя полный текст ее был издан Й. М. Бадаличем еще в 1925 г.⁴¹

³⁴ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1—2. Из истории русской песни. СПб., 1900.

³⁵ Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952.

³⁶ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. — Ученые записки Московского заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 5—112. Ср.: А. В. Позднеев. La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles. — Revue des études slaves, t. XXXVI. Paris, 1959, стр. 29—40; А. В. Позднеев. Произведения М. В. Ломоносова в рукописных песенниках XVIII в. — Труды Московского заочного педагогического института, вып. 7 (Ломоносовский сборник). М., 1961, стр. 131—138.

³⁷ Р. М. Сельванюк. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова. — Ученые записки Костромского педагогического института, вып. 7, 1960, стр. 316—347.

³⁸ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 475.

³⁹ Тексты описаны 40 лет назад Й. М. Бадаличем (J. Badalić. Spomenici ruske drame XVIII viejka u zagrebačkoj sveučilisnoj biblioteci. Ljetopis jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1922. Zagreb, 1923, zv. 37, стр. 87). Из них у нас известны семь интермедий (Slavia, гоđ. IV, сеђ. 3, 1925, стр. 523—537) и варианты «Акта о Петре златых ключей» (ИОРЯС, т. XXI, 1926, стр. 238—266) по сравнению со списком ГБЛ, Муз., 3348, ранее и не вполне исправно напечатанным Г. П. Георгиевским (ИОРЯС, т. X, кн. 1, 1905, стр. 215—255).

⁴⁰ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874, стр. 7—11.

⁴¹ J. Badalić. Iz ruske dramatičke epohe Petra velikoga. — Споменник српске краљевске Акад. наука, Београд, 1925, к. 62.

Прекрасно сохранившийся список комедии «Гаерская свадьба» (ЛОИИ, собр. рук. книг, № 130),⁴² сборник рукописных пьес, иные из которых переписаны в виде отдельных ролей (ГПБ, собр. Титова, № 1627), многочисленные малоисследованные тексты школьных драм XVIII в., имеющиеся во многих хранилищах нашей страны, указывают, как необходимо выявить все дошедшие до нас рукописные тексты пьес XVII—XVIII вв. в архивах и библиотеках. М. Н. Сперанский справедливо указывал на возможность новых ценных находок в области рукописной драматургии даже в столичных собраниях нашей страны.

На жизнеспособность старинной традиции в русской драматургии и театре указывает прежде всего сохранение пьес XVII в. в списках XVIII столетия (М. Н. Сперанский указал, например, три списка «Комедии притчи о блудном сыне» С. Полоцкого — ГИМ, № 1084; ГИМ, № 1127; ЛОИИ, Археографическая комиссия, № 162). Кроме того, вплоть до середины XVIII в., как отмечали еще Н. И. Петров и Н. С. Тихонравов, создаются новые произведения на основе традиций «школьной драмы» XVII столетия. В частности, следует уделить особое внимание вопросу о том, как оживали на сцене старинные повести в XVIII в. Наряду с Библией и житиями материал для сценических обработок авторы XVIII в. постоянно черпали из переводных любовно-авантюрных романов XVII столетия (Петр Златые ключи, Мелюзина, Царица и Львица), а в поисках сюжетов для интермедий, комических диалогов и бытовых сцен обращались к фациям и жартам (сравни, например, сцену: Муж, Жена, Любовник, Гаер. — ГПБ, Титов, № 1627, лл. 34—35).

Инсценировки разнообразных повествовательных произведений были частым явлением в XVII и первой половине XVIII в. Необходимо поставить вопрос, чем отличаются принципы сценических обработок аналогичных сюжетов в XVII и XVIII вв. («Артаксерксово действо» XVII в., «Комедии» и «Акты» об Есфире в XVIII в., различные пьесы о царе Кире).

Наконец, весьма важно уяснить на конкретных примерах соотношение ранних стадий развития русской драматургии и театра с аналогичными явлениями в других странах: с голландско-немецким театром XVII и XVIII вв., с итальянской комедией дель арте, с рукописной драматургией западных славян. Ведь немецкий пастор Иоганн Грегори опирался на голландско-немецкую традицию, создавая немецкий текст «Артаксерксова действа» в 1670-е годы в Москве, а в 1740-е годы немецкая труппа Гильфердинга—Сколари с успехом показывала русским зрителям инсценировку немецкой повести о Скандербеге и романа австрийского писателя Г. А. Циглера «Азиатская Баниза». Итальянская комедия масок была известна в России по итальянским гастролям 1730-х годов и в виде арлекинад разнообразных немецких трупп (1720-е годы — Эккенберга; 1740—1750-е годы — Зигмунда, Гильфердинга, Сколари). Еще тесней были связи русского театра с западнославянскими театрами через посредство Украины и Белоруссии. С этой точки зрения нужно иметь в виду не только таких деятелей, как С. Полоцкий, Ф. Прокопович, но и большое количество украинцев среди учителей в провинциальных русских семинариях.

Сравнительно-исторический анализ поможет ярче выявить национальную специфику и точнее уяснить общие закономерности в становлении русской драматургии на заре ее развития при сопоставлении этого процесса с аналогичными явлениями в других славянских литературах.

⁴² Сборник ЛОИИ, собр. рук. книг, № 130, описан в статье: Г. Н. Моисеева История о французском шляхтиче Александре. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1962, стр. 291.

Существенный интерес могут представить историко-типологические исследования аналогичных явлений, возникавших (не всегда синхронно) в средневековых славянских литературах на рубеже нового времени. С этой точки зрения уяснение общих закономерностей историко-литературного процесса может быть получено при историко-типологическом изучении развития историографии, например при сопоставлении «Истории славено-болгарской» Паисия Хилендарского с традицией восточнославянских «Синописов» или при сопоставлении местных поздних иешских летописей XVII в. («Древние кутногорские предания» Яна Коржинка 1675 г., «Клатовская история» И. Ф. Гаммершмидта 1699 г.) с поздними русскими местными летописями (новгородские, сибирские и др.).

Немалый интерес может представить сравнительно-типологическое исследование различных произведений, возникших в славянских литературах как отражение борьбы с турками в XVII в. (цикл русских повестей и песен об Азове, «Осман» Гундулича, «Хотинская война» Потоцкого и многие другие). Разная социальная среда, различные стадии развития отдельных славянских литератур этой поры при этом выступят особенно ярко. Такое изучение наглядно выявит своеобразие каждой из славянских литератур и покажет неправомерность объединения произведений, разнородных по социально-политической идеологии, литературным школам и стилю в рамках «барочного героизма», как это пытается, например, сделать А. Андьял.

В последние десятилетия заметно оживился интерес к вопросу о первых литературных направлениях в славянских литературах на стыке средневековья и нового времени. Изучая эту проблему на материале русской и чешской литератур, Д. С. Лихачев и И. Грабак пришли к выводу, что в течение средних веков в развитии литератур не было предпосылок для возникновения литературных направлений.⁴³ Оба исследователя отмечали, что лишь развитие городов, классовое расслоение литературы, появление первых элементов эстетической мысли и литературной критики создали возможность появления первых литературных направлений. Д. С. Лихачев подчеркивал неразработанность проблемы и необходимость ее изучения: «Проблема появления первых литературных направлений очень сложна. Она требует исследований и исследований. По-видимому, дело обстоит так, что в процессе образования первых литературных направлений сыграли свою роль и внутренние законы развития литературы и общие исторические законы развития общества».⁴⁴

По вопросу, как следует называть первое литературное направление, возникшее в русской литературе, и каковы его хронологические пределы, наметилось четыре основных точки зрения:

- 1) в России было «барокко» в 1660—1790-х годах;
- 2) развитие «барокко» в России было недолгим (1660—1720-е годы);
- 3) в России в 1660—1720-х (1730-х) годах был «предклассицизм» (школьный классицизм, схоластический классицизм);
- 4) в России в 1660—1790-х годах было «Просвещение». Остановимся коротко на каждом из этих воззрений.

С мнением о барокко, как характерном и самом длительном направлении в русской культуре и литературе XVII—XVIII вв., выступил

⁴³ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 12; Josef Hrabák. Problém sřídění literárních směrů v starých slovanských literaturách. — Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, Praha, 1958, стр. 229—240.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении... стр. 13.

в 1952 г. Д. Чижевский.⁴⁵ Он вернулся к этому вопросу в своих книгах «Из двух миров» (1956),⁴⁶ «Святая Русь» (1959)⁴⁷ и особенно подробно в «Истории русской литературы с XI века до конца барокко» (1960), где глава «Барокко» занимает стр. 320—438.⁴⁸

Развитию стиля барокко в культуре славянства, в том числе и в русской литературе XVII—XVIII столетий, посвящена обширная книга венгерского исследователя А. Андьяла «Славянский мир барокко» (1961).⁴⁹

Единственным советским литературоведом, считающим барокко основным направлением в развитии русской литературы XVII—XVIII вв., является А. А. Морозов, к нему присоединился проф. М. А. Гуковский.⁵⁰

Наиболее конкретно вопрос о круге произведений русской литературы, относимых к направлению барокко, освещен в книге А. Андьяла. Разница между точками зрения А. Андьяла и А. А. Морозова заключается лишь в том, что, по мнению Андьяла, барокко завершается в России творчеством Г. Р. Державина, в то время как А. А. Морозов ограничивает русское барокко творчеством М. В. Ломоносова.

Остановимся на классификации явлений барокко в русской литературе, предложенной А. Андьялом. Исследователь различает во всех славянских литературах (в том числе и в русской) «барочную готику», «барочный гуманизм», «дворянскую барочную культуру», «народно-барочный героизм», «упадок (Ausklang) барокко». Нетрудно видеть, что в предполагаемой схеме отсутствует единый принцип членения,⁵¹ а в русской литературе, не знавшей Ренессанса, А. Андьял не нашел писателей, которых можно было бы отнести к категории «барочных гуманистов».

К «барочной готике» в русской литературе XVII в. А. Андьял относит жизнеописание Юлиании Лазаревской, Повесть о Соломонии, автобиографии Аввакума и Елифания, творчество С. Полоцкого. Явлениями

⁴⁵ D. Čiževskij. Outline of comparative slavie literatures. Survey of slavie civilization, v. I. Boston (Massachusetts), 1952. Об ошибочности формалистической схемы смены литературных направлений, предложенной Д. Чижевским, см.: Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении... стр. 3—5.

⁴⁶ Статья «Несколько проблем из сравнительной истории славянских литератур» (Einige Probleme aus der vergleichenden Geschichte der slavischen Literaturen), которой открывается сборник «Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slawisch-westlichen literarischen Beziehungen (von Dmitrij Čiževskij. Hague—Leiden, 1956). Об этом сборнике статей Д. Чижевского см. рецензию: К. В. Шохин. Фальсификация истоки культуры славянских народов.— Вопросы философии, 1959, № 11, стр. 179—182; ср.: И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси XI—XIV вв. М., 1960, стр. 13—16.

⁴⁷ D. Tschizewskij. Das heilige Russland. Russische Geistesgeschichte, I. 10—17 Jahrhundert. Hamburg, 1959. О научной несостоятельности этой книги Д. Чижевского см. рецензию Ю. Александрова (История СССР, 1961, № 2, стр. 218—223).

⁴⁸ History of russian literature from the eleventh century to the end of the baroque. By Dmitrij Čiževskij. Hague, 1960. Данная книга написана автором с тех же чуждых и враждебных советской науке позиций, что и вышеназванные работы Д. Чижевского, поэтому в данной статье анализ ее не представляет интереса.

⁴⁹ А. Ангуал. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961.

⁵⁰ А. А. Морозов. 1) Выступление по докладу И. де Врис де Гунцбург в 1958 г.—IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики М., 1962, стр. 147—148; 2) Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII в. (состояние вопроса и задачи изучения).—Русская литература, 1962, № 3, стр. 3—38; 3) М. А. Гуковский. Еще к вопросу о русском барокко.—Русская литература, 1963, № 2, стр. 108—113.

⁵¹ Вероятно, по этой причине А. А. Морозов отказался от группировки, предложенной А. Андьялом, но привлек к характеристике барокко в русской литературе в основном тот же круг произведений (кроме Державина).

«дворянской барочной культуры» в России он считает Повести о Василии Кариотском и Александре российском дворянине, панегирические школьные драмы, канты, творчество Феофана Прокоповича. К произведениям «народно-барочной героики» А. Андьял относит «Азовское осадное сидение донских казаков», а писателями «периода упадка барокко» в России считает Тредиаковского, Ломоносова и Державина.

Вторая группа исследователей (И. Н. Голенищев-Кутузов, Д. С. Лихачев) склонна ограничивать хронологические рамки «барокко» в русской литературе (середина XVII в.—30-е годы XVIII в.), рассматривая его как литературное направление, предшествующее классицизму.⁵² Еще более ограниченными считают хронологические пределы барокко на русской почве И. П. Еремин и И. де Врис де Гунцбург. Отмечая элементы этого стиля у С. Полоцкого и некоторых других писателей XVII в., исследовательница видит уже у Феофана Прокоповича «реакцию против этого стиля», отрицая наличие барокко в чистом виде у Ломоносова и тем более у Державина.⁵³ Уточняя свои прежние высказывания о соотношении элементов барокко и новых традиций в творчестве Ф. Прокоповича, И. П. Еремин писал в предисловии к изданию его сочинений: «Как писатель Феофан Прокопович воспитался на традициях „барокко“, предшествовавшего в русской литературе утверждению классицизма. Руководствуясь эстетическими принципами и нормами этого литературного стиля, он на практике, однако, следовал им отнюдь не слепо: многое в системе этого стиля вызывало с его стороны решительное сопротивление. Во всяком случае в той форме, в какой стиль „барокко“ на рубеже XVII—XVIII веков культивировали современники Феофана (Стефан Яворский, Иван Максимович и др.), он был для него мало приемлем».⁵⁴

Третья группа исследователей (Н. К. Гудзий, Д. Д. Благой, П. Н. Берков) видит главный смысл русского историко-литературного процесса 1660—1720-х годов в формировании предпосылок развития русского классицизма,⁵⁵ поэтому для периода 1660—1720-х годов предлагают термины «школьный классицизм» (или схоластический классицизм)⁵⁶ или «предклассицизм»,⁵⁷ в отличие от зрелого русского классицизма XVIII в. в творчестве Ломоносова и Сумарокова.

⁵² И. Н. Голенищев-Кутузов. — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 79; Д. С. Лихачев. 1) Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 162—167; 2) К вопросу о зарождении... стр. 12—13.

⁵³ L. de Vries de Gunzburg. En marge du baroque dans les littératures polonaise et russe. S. Gravenhage, Mouton, 1958. Ср.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 142.

⁵⁴ И. П. Еремин. Предисловие. — В кн.: Феофан Прокопович. Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 4. И. П. Еремин неоднократно писал о барокко в русской литературе. Главнейшие его высказывания см.: И. П. Еремин. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153; 2) Симеон Полоцкий, поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 223—260; 3) История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 358; 4) Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 84—85; 5) IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. М., 1962, стр. 145—146.

⁵⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6-е. М., 1956, стр. 506; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 4-е. М., 1960, стр. 48, 75 и 95; П. Н. Берков. История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 387 и 396.

⁵⁶ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 75 и 95.

⁵⁷ П. Н. Берков. — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 83—84.

Четвертое мнение было высказано немецкими славистами Э. Винтером и И. Тецнером, которые полагают, что основным литературным направлением русской литературы XVIII в. было Просвещение (Aufklärung), нашедшее свое выражение в деятельности Ф. Прокоповича и явившееся предшественником не классицизма, а романтизма.⁵⁸

П. Н. Берков в докладе на научной конференции в Институте русской литературы осенью 1959 г. справедливо говорил, что русское просветительство было идеологическим течением, прошло в XVII—XVIII вв. длительное развитие, а его литературно-эстетическим стилевым выражением стал классицизм, имевший несколько стадий.⁵⁹

Неразработанность вопроса о первых литературных направлениях в русской литературе в XVII—XVIII вв. отчетливо сказалась в этих противоречивых мнениях исследователей.

Определение общего понятия «барокко в литературе», уяснение его разновидностей и соотношения с другими литературными направлениями, в первую очередь с классицизмом и романтизмом,⁶⁰ является поэтому, на наш взгляд, одной из неотложных задач советской филологической и искусствоведческой науки.

Существенными представляются нам, например, соображения Ю. М. Лотмана о различии исторических и философских основ западноевропейского барокко и русской литературы XVIII в.⁶¹ Проблема, поставленная Ю. М. Лотманом в его кратком, конкретном выступлении на IV съезде славистов, должна явиться темой самостоятельного исследования.

В частности, для успешного выяснения соотношения литературы барокко и классицизма, на наш взгляд, нельзя ограничиться характеристикой литературных жанров (или тем более отдельных произвольно выбранных произведений). Необходимо заново пересмотреть русские риторики и пиитики XVII—первой трети XVIII столетий и внимательно сопоставить их с нормами поэтики русского классицизма, сформулированными Ломоносовым и Сумароковым.

Полнота материала, точно сформулированные принципы отбора, внимательный анализ социально-исторической, философской и эстетической основы необходимы при дальнейшей разработке сложного и актуального вопроса о первых литературных направлениях в русской литературе на переломе от средневековья к новому времени.

Окончательное решение этого вопроса не может быть найдено в рамках только одной русской литературы. Необходимо будет привлечь к сравнительно-историческому изучению аналогичные явления и процессы в украинской, белорусской и польской литературах, которые в XVII столетии были тесно связаны друг с другом и с русской литературой. Точно так же для первой половины XVIII в. вопрос о русском классицизме, его своеобразии, хронологических рамках не может быть правильно разрешен без освещения

⁵⁸ E. Winter. Die Aufklärung bei den slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. II, Heft 2, 1957, стр. 55; J. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, Heft 2—4, 1958, стр. 368; E. Winter. Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. — Сб. «Славянская филология», т. III, М., 1958, стр. 291.

⁵⁹ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. — Сб. «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века». М.—Л., 1961, стр. 26.

⁶⁰ Сравни, например, ошибочное убеждение австрийского слависта И. Матля о наличии «ярко выраженного барокко» в творчестве зодчего М. Ф. Казакова (IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 151).

⁶¹ Там же, стр. 149—150.

связей и взаимодействия русской литературы с литературами Франции, Италии, Германии.

Настоящая статья не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее перечисление всех проблем, встающих при изучении связей древнерусской литературы с литературой и устным народным творчеством новой и новейшей поры. Нашей целью было подчеркнуть именно многообразие этих связей, многочисленность вопросов, еще мало разработанных, и обратить внимание исследователей на некоторые проблемы, неразрешенность которых замедляет развитие нашей науки.

Ю. К. БЕГУНОВ

Основные задачи составления описания описаний собраний славяно-русских рукописей

Рукописное наследие славяно-русской книжной культуры XI—XVII вв. в настоящее время насчитывает, по данным академика Н. К. Никольского, около 100 000 рукописных книг.¹ Если к этому добавить еще не менее 2—3 десятков тысяч древнеболгарских и древнесербских рукописей, находящихся за пределами Советского Союза, а также несколько тысяч вновь найденных за последние десятилетия древнерусских рукописей, то общее число славяно-русских рукописей, сохранившихся до наших дней, превысит 130 000. Кроме того, сохранилось много десятков тысяч документов на славянских языках. Однако до сих пор огромное большинство славяно-русских рукописей не только не изучено, но даже не имеет печатных научных описаний. Инвентарные описи собраний рукописей, хранящихся в государственных хранилищах и библиотеках, часто носят перечневой характер и не раскрывают содержания каждой отдельной рукописи, нередко ограничиваясь краткими сведениями, вроде «сборник XVI века». В некоторых городах (Горький, Пермь, Соликамск, Березники, Усолье и др.), где нет опытных специалистов-палеографов, рукописные книги и актовые материалы еще до сих пор лежат неразобранными и неописанными. В государственных музеях, библиотеках и архивохранилищах ввиду острой нехватки специалистов по славяно-русской палеографии до сих пор находится еще немало нераскрытых сокровищ древней письменной культуры, например, до сих пор еще недоступны для исследователей собрания славяно-русских рукописей Турции, Финляндии. Много памятников древлеписьменной старины хранится еще у отдельных библиофилов в городах (Ленинграде, Москве, Ярославле, Калуге, Риге, Горьком и др.) и у книголюбов сельских местностей, связанных в прошлом со старообрядческим движением (Прибалтика, Карелия, Архангельская, Вологодская, Ярославская, Горьковская, Пермская области, Коми АССР, Бурятская АССР, Алтайский край и др.). Немало древних рукописей еще и сейчас можно найти в заброшенных старых церквях и действующих старообрядческих молельнях. Интенсивные поиски последних десятилетий, которые ведутся Археографической комиссией АН СССР (с 1956 г.), ГБЛ (с 1953 г.), ИРЛИ (с 1947 г.) и другими учреждениями, привели к тому, что тысячи древнеславянских рукописей были спасены от гибели и определены на государственное хранение. Немало редких и замечательных памятников литературы и исторических документов было най-

¹ Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.) Л., 1929, стр. 5.

дено в последние годы как в результате археографических экспедиций, так и в результате изучения неописанной части собраний рукописей государственных хранилищ, музеев, библиотек. Однако эти розыски, так же как и поиски сохранившихся списков отдельных произведений и документов, чрезвычайно затруднены ввиду отсутствия удовлетворительного справочника-указателя, в котором были бы учтены все печатные каталоги собраний славяно-русских рукописей и указано их местонахождение в настоящее время. Большинство существующих печатных описаний собраний древнеславянских рукописей крайне устарело: не отражает нынешний состав собраний и не соответствует современным требованиям, предъявляемым к научному описанию рукописей. Кроме того, немало старых собраний рукописей либо уже не существует (погибло во время войн от пожаров), либо сохранились лишь отдельные части их в составе собраний нового образования.

Первым научным справочником-указателем печатных описаний славяно-русских рукописей был «Указатель описаний славянских и русских рукописей, отечественных и заграничных» И. М. Смирнова, появившийся в 1916 г.² В предисловии И. М. Смирнов вкратце перечисляет главнейшие труды, из которых можно почерпнуть справки о существующих описаниях рукописных собраний (В. Иконникова, А. Соболевского, Е. Карского, А. Котляревского, Н. Бокачева, П. Симони, В. Перетца), и дает краткую их характеристику: «исчерпывающих сведений указываемые справочники не дают», расположение материала в существующих пособиях нуждается в систематизации топографического характера. «Цель составления настоящего указателя — прийти на помощь лицам, начинающим самостоятельные научные исследования по рукописным источникам и облегчить, по возможности, пользование рукописными собраниями», — пишет И. М. Смирнов.

Расположение материала в указателе удобно для исследователя. Книгохранилища разделены на две группы: отечественные (386 названий) и зарубежные (116 названий следующих стран: Австрия, Болгария, Италия, Англия, Германия, Испания, Сербия, Турция, Швеция, Франция).

Критика положительно оценила его труд. Так, С. И. Маслов писал: «Указатель г. Смирнова является, на наш взгляд, весьма полезным пособием при работах над рукописями. Мы от души приветствуем это начинание и верим в его успех среди лиц, интересующихся судьбами славяно-русской письменности. „Указатель“, несомненно, скоро разойдется».³

Н. Ф. Бельчиков,⁴ так же как Н. П. Петровский⁵ и В. А. Истомин,⁶ отмечали полезность и своевременность издания «Указателя» И. М. Смирнова, одобряли принятый И. М. Смирновым принцип расположения описаний в «Указателе» согласно их топографическому распределению, т. е. по местонахождению рукописных собраний в том или ином книгохранилище. Указывали также на то, что этот топографический принцип, как наиболее удобный, применялся в библиографических перечнях еще раньше в работах Д. В. Ульянинского и В. Н. Перетца.

² И. М. Смирнов. Указатель описаний славянских и русских рукописей, отечественных и заграничных. Сергиев посад, 1916, 46 стр. (приложение к «Богословскому вестнику» за 1916 г.) (далее: И. М. Смирнов).

³ С. И. Маслов. Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяно-русской библиографии и палеографии. — Университетские известия. Киев, 1918, № 2, стр. 1—17.

⁴ Н. Ф. Бельчиков. Библиографические известия. М., 1917, № 3—4 (далее: Н. Ф. Бельчиков), стр. 136—138.

⁵ Н. П. Петровский. — ЖМНП, ч. LXXVII, 1917, № 7—8 (далее: Н. П. Петровский), стр. 98—102.

⁶ В. А. Истомин. — Русский филологический вестник, 1917, № 3—4, стр. 20.

Как первый опыт подобного рода «Указатель» И. М. Смирнова имел ряд недостатков, которые были отмечены в печати. Сам автор сознавал возможность известных недосмотров в своей работе.⁷

Критики отметили невыдержанность принятого топографического принципа распределения материала в некоторых случаях. В «Указателе» И. М. Смирнова не были учтены некоторые перемещения рукописных собраний к новым владельцам. Кроме того, отмечалось и то, что «Указатель» И. М. Смирнова не всегда удовлетворяет требованиям точности и полноты, которые предъявляются к такого рода справочным пособиям.⁸

Перечень печатных описаний был представлен в «Указателе» далеко не полно как по отношению к целым собраниям рукописей, так и по отношению к группам или отдельным рукописям.

С. И. Маслов в своей рецензии указал 98 пропущенных в «Указателе» И. М. Смирнова названий, частично вышедших уже после издания этого «Указателя» (1916 г.).⁹

Н. Ф. Бельчиков отметил 29 пропущенных названий.¹⁰

Н. П. Петровский большую часть своего отзыва (3 страницы из 4 с небольшим) посвятил перечислению многих, но далеко не всех примеров неточности, недостаточной обстоятельности и неполноты, какие он заметил в «Указателе».¹¹

В отзывах отмечалось как недостаток «Указателя» И. М. Смирнова отсутствие вспомогательных указателей авторов описаний, владельцев рукописных собраний, географических названий, без чего пользование «Указателем» очень затруднительно, особенно для начинающих или незнакомых с историей данных собраний, для которых и предназначался «Указатель».

Второй научный справочник-указатель вышел в свет в 1957 г. в Соединенных Штатах Америки под заглавием «Средневековые славянские рукописи. Библиография печатных каталогов, составленная Давидом Джапаридзе. Предисловие Пьера Паскаля».¹² В рецензиях И. С. Дуйчева¹³ и Д. Ярославича¹⁴ была дана в общем положительная оценка справочника, насчитывающего 664 названия печатных описаний собраний славянских рукописей Советского Союза, а также 13 стран: Австрии, Болгарии, «христианского Востока», Чехословакии, Дании, Франции, Англии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, Швеции, Югославии.

Вместе с тем указывались пропуски в перечне печатных описаний староболгарских (25 названий) и древнеукраинских (несколько названий) рукописей, а также недостатки в топографическом распределении материала. К сожалению, Д. Джапаридзе сохранил старые, дореволюционные названия коллекций и собраний и не указал их современного местонахождения: так, например, указаны собрания Александра Успенского монастыря, Архангельской духовной семинарии, Антониева-Сийского монастыря,

⁷ И. М. Смирнов, стр. 4.

⁸ С. И. Маслов. Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяно-русской библиографии и палеографии, стр. 4—5.

⁹ Там же, стр. 6—16.

¹⁰ Н. Ф. Бельчиков, стр. 136—138.

¹¹ Н. П. Петровский, стр. 98—102.

¹² D. Djaparidzé. Mediaeval slavic manuscripts. A bibliography of printed catalogues by David Djaparidzé. Foreword by Pierre Pascal. Cambridge, Massachusetts, 1957, XIV, 134 стр., 8 табл. (The Mediaeval Academy of America. Publication № 64) (далее: D. Djaparidzé).

¹³ И. Дуйчев. Приноси към проучването на старославянската и старобългарската литература. — Известия на Института за българска литература, т. XI. София, 1961, стр. 203—215.

¹⁴ Д. Ярославич. — Научно-информационный бюллетень Архивного управления УРСР, рік XVI. Київ, 1962, № 5 (55), стр. 78—79.

Череповецкого Воскресенского собора, Флорищевой пустыни, Черниговской духовной семинарии, Холмогорского Преображенского собора, которые уже давно не находятся в местах их первоначального хранения. В справочнике Д. Джапаридзе оказалось много недосмотров: собрание рукописей Всероссийского географического общества помещено под рубрикой «Москва»,¹⁵ в действительности оно находится в Ленинграде; коллекция рукописей Синода помещена под рубрикой «Ленинград, ГПБ»,¹⁶ в действительности она находится в ЦГИАЛ; собрание рукописей Новгородского Софийского собора помещено под рубрикой «Москва, ГИМ»,¹⁷ однако оно находится в Ленинграде в ГПБ; собрание рукописей, собранное В. И. Малышевым на Печоре, помещено под рубрикой «Коми АССР»,¹⁸ однако оно находится в Ленинграде в ИРЛИ и т. д.

Справочник Д. Джапаридзе отражает еще старое, дореволюционное распределение собраний и совершенно не учитывает достижений современной славянской археографической науки в области разыскания и описания славяно-русских рукописей за последние 40—50 лет. Кроме того, он имеет ряд существенных недочетов. Автор обнаруживает определенный недостаток географических знаний, когда Витебск относит к РСФСР, а Смоленск — к БССР, Звенигород Московской области явно смешивает с г. Звенигородкой УССР. Толгский монастырь превращен Д. Джапаридзе в Тогольский. Д. Джапаридзе не использованы рецензии на «Указатель» И. М. Смирнова, в которых были приведены дополнения.

Что касается полноты библиографических сведений, то в книге Д. Джапаридзе нет сведений о многих описаниях. Так, например, пропущены указания на печатные описания рукописей, хранящихся в Переславле-Залесском, в Ярославской области и др. Топографический принцип размещения материала здесь не выдержан, так как далеко не все перемещения и возникновения новых фондов к 1957 г. учтены в книге Джапаридзе. Кроме того, книга эта, изданная в США небольшим тиражом, мало доступна для исследователей.

Таким образом, вплоть до настоящего времени не имеется удовлетворительного справочника-указателя печатных славяно-русских рукописей, которыми могли бы пользоваться слависты всех стран. Наиболее подробные сведения о печатных описаниях славяно-русских рукописей — 795 названий — содержатся в справочнике, посвященном древнеукраинской литературе, составленном Л. Е. Махновцем.¹⁹ В рецензиях И. У. Будовница²⁰ и Д. Ярославича²¹ на этот труд раздел справочника, содержащий перечень печатных описаний славянорусских (преимущественно древнеукраинских) рукописей, был признан чрезвычайно важным и довольно полным. Однако отмечалось, что этот перечень не имеет топографического распределения собраний, отсутствуют указатели к нему, поэтому даже опытному специалисту ориентироваться в этом перечне чрезвычайно трудно. Добавим, что перечень Л. Махновца не свободен от многих пропусков, а многие десятки

¹⁵ D J a p a r i d z e, стр. 44.

¹⁶ Там же, стр. 51.

¹⁷ Там же, стр. 69.

¹⁸ Там же, стр. 83—84.

¹⁹ Л. Е. Махновец. Українські письменники. Біобібліографічний словник, т. I. Київ, 1960, стр. 885—953.

²⁰ И. У. Будовниц. — История СССР. М., 1962, № 4, стр. 178—181.

²¹ Д. Ярославич. Біобібліографічний словник українських письменників. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, рік XVI. Київ, 1962, № 1, (51), стр. 74—75.

приведенных в нем названий не имеют никакого отношения к печатным описаниям славяно-русских рукописей.

В 1962 г. вышла в свет книга А. И. Рогова «Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР».²² Книга содержит ценные материалы о печатных описаниях небольших собраний, в которых число рукописей не превышает 500—600. Все сведения распределены по следующим рубрикам: I. Собрания архивов (11 названий). II. Собрания библиотек (18 названий). III. Собрания музеев (71 название). IV. Собрания учебных заведений (30 названий). V. Собрания учреждений и обществ (22 названия). VI. Собрания монастырей и архиерейских домов (159 названий). VII. Собрания церквей (128 названий). VIII. Собрания частных лиц (127 названий), всего 569 названий. В каждом отдельном случае указано местонахождение, современное состояние собрания и его печатные описания, даются краткие сведения о наиболее ценных и интересных рукописях. В справочнике отмечаются собрания рукописей, погибшие во время войны, а также собрания рукописей, местонахождение которых неизвестно. Археографическая комиссия проделала огромную работу, обратившись с соответствующими запросами в архивные управления республик и городов, в государственные архивы и библиотеки Советского Союза. Подробные ответы с мест являлись подчас результатом длительных поисков современного местонахождения отдельных рукописей и целых собраний. В отдельных случаях Археографической комиссии не удалось получить ответы с мест и проверить современное местонахождение некоторых рукописей или даже целых собраний. Поэтому работу, начатую Археографической комиссией, необходимо было бы продолжать, распространив ее и на другие страны, в которых имеются собрания славяно-русских рукописей. Справочник А. И. Рогова обращает внимание на одну из актуальнейших задач современной славянской археографии: прежде чем приступать к составлению справочника-указателя печатных описаний славяно-русских рукописей, необходимо иметь ясное представление о современном местонахождении как целых собраний, так и отдельных рукописей. Составление справочника-указателя необходимо было бы начинать с создания полного списка собраний, с точным указанием их современного местонахождения.²³

Справочник А. И. Рогова имеет и ряд недостатков. Автор ограничивается перечислением только лишь 569 названий небольших собраний славяно-русских рукописей, современных и уже не существующих, в то время как их значительно больше. В разделе I — Собрания архивов — приведено лишь 11 названий. Нетрудно заметить, что можно было привести краткие сведения о древнерусских рукописных книгах и документах еще нескольких десятков государственных архивов следующих областей: Архангельской, Владимирской, Вологодской, Иркутской, Куйбышевской, Костромской, Пермской, Орловской, Псковской, Рязанской, Свердловской, Тюменской, Ульяновской; Рижского и Таллинского городских архивов, центральных государственных исторических архивов в Киеве, Львове, Вильнюсе и мн. др., воспользовавшись для этого справочником «Государственные архивы Союза ССР» (Краткий справочник. Под редакцией Г. А. Белова, А. И. Логиновой, С. В. Нефедовой, И. Н. Фирсова. М., 1956), а также

²² А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. Изд. АН СССР, М., 1962, 300 стр.

²³ Кроме книги А. И. Рогова, необходимо отметить «Словарь» И. У. Будовнича, в котором перечисляются 163 названия собраний рукописей ГПБ, БАН, ГБЛ, ГИМ и ЦГАДА, либо имеющих печатные описания, либо упомянутых в путеводителях (И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962, стр. 319—323).

многочисленными путеводителями по отдельным архивам. Встречаются и неточности: например, в книге А. И. Рогова не указано, что собрание древнерусских рукописей Центрального государственного архива литературы и искусства (№ 5) передано в ЦГАДА, где и находится сейчас (ф. № 1336), что древнерусские рукописи Витебского епархиального церковно-археологического древлехранилища (№ 38) находятся в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина в Минске, что отдельные рукописи из Волинского епархиального древлехранилища (№ 44) находятся в Научной библиотеке им. В. Г. Короленко в Харькове, что отдельные рукописи Олонецкого епархиального церковного древлехранилища (№ 67) (евангелие, написанное в XVII в. царевной Софьей) находятся в ИРЛИ. Не отмечено, что часть собрания Музея Подольского историко-археологического общества (№ 72) находится в Государственной публичной библиотеке Академии наук СССР в Киеве, что собрание бывш. Лубенского музея Е. Н. Скаржинской (№ 47) находится в Государственном архиве Полтавской области. Не указано, что Густынская летопись в списке 1766 г., принадлежавшая Каменскому Успенскому монастырю (№ 191), находится в настоящее время в ЦГИАЛ. Собрание Географического общества СССР соотнесено с г. Москвой, в то время как оно находится в Ленинграде. Очень часто в книге А. И. Рогова отмечается, что «местонахождение собрания неизвестно». Однако не во всех случаях старые собрания являются безнадежно потерянными для науки. Так, например, старые дореволюционные собрания Петрозаводского архиерейского дома (№ 264), Петропавловского собора (№ 213) и следует искать в Петрозаводске в Государственной публичной библиотеке Карельской АССР, в Государственном архиве Карельской АССР.

Впрочем, отмеченные недостатки вовсе не умаляют значения книги А. И. Рогова в деле выявления несоответствия старых описаний и старых указателей этих описаний современному состоянию рукописных собраний и установления современного состояния собраний славяно-русских рукописей. Составителям будущего справочника-указателя печатных описаний славяно-русских рукописей необходимо будет в первую очередь выявить, какие собрания рукописей и старого и нового образований находятся в тех или иных городах. Приведем пример с собраниями древнерусских рукописей городов Архангельска и Калинина.

В настоящее время в Архангельске уже не находятся собрания Архангельской духовной семинарии и Антониева-Сийского монастыря, отмеченные в указателях И. М. Смирнова²⁴ и Д. Джапаридзе²⁵ и имеющие научные описания А. Е. Викторова, Г. К. Бугославского, А. Теремницкого, П. М. Строева. В 1929 г. эти собрания были переданы в Археографическую комиссию Академии наук СССР в Ленинграде, а затем разделены: рукописные книги стали храниться в БАН, а актовые материалы — в ЛОИИ.²⁶ Не находятся в Архангельске или в Архангельской области и архивы Низовой Печоры, изученные Н. Е. Ончуковым и отмеченные в указателе Д. Джапаридзе.²⁷ Большинство печорских рукописей собрано во время археогра-

²⁴ И. М. Смирнов, стр. 5.

²⁵ D. Džaparidzė, стр. 58—60.

²⁶ А. И. Копанев, В. А. Петров, М. Н. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва, Е. Э. Гранстрем, М. В. Кукушкина. Исторический очерк и обзор рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II, XIX—XX века. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, стр. 152—169.

²⁷ Н. Е. Ончук. Печорская старина (рукописи и архивы на Низовой Печоре). — ИОРЯС, т. X, кн. 2, 1905, стр. 339—363; кн. 3, стр. 210—238; D. Džaparidzė, стр. 60.

фических экспедиций В. И. Малышевым и находится в настоящее время в ИРЛИ. Итак, все сведения об архангельских собраниях, которые приведены в указателях И. М. Смирнова и Д. Джапаридзе под рубрикой «Архангельск», не соответствуют действительности: в Архангельске их нет.

Неточны и сведения, которые приведены в указателях И. М. Смирнова и Д. Джапаридзе относительно собраний г. Калинина.²⁸ Вначале Д. Джапаридзе совершенно справедливо замечает, что «рукописные собрания в Калининe в настоящее время сконцентрированы в Областном государственном архиве, в Областном краеведческом музее и в Государственном педагогическом институте имени М. И. Калинина». Полезные предварительные сведения об этих коллекциях можно найти в статье И. Ф. Голубева «Собрание рукописных книг г. Калинина» (ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 440—463). Однако далее в указателе названо несколько печатных описаний собраний рукописей бывш. Тверского музея, бывш. Тверской духовной семинарии, архиепископа Феофилакта Лопатинского, Успенского Желтиковова монастыря, составленные М. Н. Сперанским, Д. Скворцовым, А. Жизневским, А. И. Яцимирским и др., без указания на то, в каком из названных трех учреждений находятся эти собрания теперь. В указателе Д. Джапаридзе не отмечено, что рукописи бывш. Тверского музея, описанные М. Н. Сперанским под №№ 23, 34, 56, 68, 79, 110, 123, 128, 158, 199, 201, 214, 217 (все в выпуске I) и №№ 263/442, 286/522, 285/608, 306/592, находятся в Областном музее, что рукописи, описанные М. Н. Сперанским под №№ 36, 955, 956, 7018, — в Государственном педагогическом институте им. М. И. Калинина; рукописи под №№ 1, 22, 24, 27, 41, 45, 49, 50, 51, 65, 70, 73, 77, 80, 83, 99, 107, 112, 120, 124, 136, 139, 144, 147, 163, 167, 179, 183, 194, 198, 218, 224, 229, 251, 253, 255, 264, 269, 270, 271, 278, 280, 289, 299, 302, 304 утеряны, а все остальные рукописи находятся в Государственном архиве Калининской области.²⁹ Не установлено местонахождение собрания рукописей архиепископа Феофилакта Лопатинского: в Калининe оно не числится. Упомянутые в указателе Д. Джапаридзе рукописи Тверской духовной семинарии находятся в настоящее время в Государственном архиве Калининской области. Предлагаем следующие образцы статей «г. Архангельск» и «г. Калинин» для будущего справочника-указателя печатных описаний славяно-русских рукописей.

Архангельск*

Государственный архив Архангельской области

Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. 378 стр.

Стр. 63—64: описано 7 рукописей Холмогорского Преображенского собора.

Приклонский А. Владения Пертоминского монастыря в Архангельске. (Материалы к истории г. Архангельска из архива Пертоминского монастыря). — Материалы

²⁸ И. М. Смирнов, стр. 33; D. Djaparidzé, стр. 63—64.

²⁹ А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР, стр. 57.

* В 1929 г. рукописи Архангельского древлехранилища, семинарии, миссионерской библиотеки, Красногорского Богородицкого, Николаевского Корельского и Соловецкого (несколько рукописей) монастырей были переданы из Архангельска в Ленинград в БАН [см.: БАН, Архангельское собрание (№ 1), 1212 ед.; А. И. Копанев, В. А. Петров, М. Н. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва, Е. Э. Гранстрем, М. В. Кукушкина. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX века, стр. 152—169].

Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения, вып. 1. Соловки, 1926, стр. 34—44; изд. 2-е. Соловки, 1927, стр. 48—60.

Обзор документов XVII в. Пертоминского монастыря.

Прикловский А. Пертоминский архив. Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. XVII—XVIII вв. Соловки, 1927. 307 стр. (Соловецкое общество краеведения. Материалы, вып. 15).

Описано 165 документов XVII—XVIII вв., большая часть которых находится в Государственном архиве Архангельской области, отдельные документы — в архиве Географического общества СССР в Ленинграде и ГБЛ в Москве.

Архивная деятельность СО АОК. Архив бывш. Пертоминского монастыря. — Соловецкие острова, 1928, кн. 4—5, стр. 24.

Обзор.

Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 247—249.

Обзор (около 80 рукописей).

Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 362—363.

Обзор.

Государственные архивы Союза ССР. Краткий справочник. Под редакцией Г. А. Белова, А. И. Логиновой, С. В. Нефедовой, И. Н. Фирсова. М., 1956. 508 стр.

Стр. 80—83: обзор (документы с XV в. Холмогорской таможенной избы монастырей и соборов Холмогорской епархии).

Областная библиотека им. Н. А. Добролюбова *

Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 277.

Описано 2 рукописи.

Областной музей

Ежов Д. К. Архангельский городской публичный музей. — Исторический вестник, т. CVI. СПб., 1906, стр. 251—255.

Обзор.

Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 247—249.

Обзор (около 20 рукописей).

Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 362—363.

Обзор 27 рукописей.

Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 276—277.

Описано 42 рукописи.

* В 1953 г. рукописи Архангельской областной библиотеки им. Н. А. Добролюбова были переданы в Москву в ГБЛ [см.: ГБЛ, Архангельское собрание (ф. 353)]; Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 266].

К а л и н и н

Государственный архив Калининской области

Смеранский М. Н. Описание рукописей Тверского музея, вып. I. — ЧОИДР. М., 1890, кн. 4, стр. I—VII, 1—314; М., 1891, кн. 1, стр. 315—330; отд. отт.: М., 1891. VII, 330 стр.

Вып. II. Тверь, 1903. 4 нenum., II, 107 стр.

Описано 308 рукописей, большинство которых находится в Областном архиве.

Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. 6 нenum., II, 378, I нenum. стр.

Стр. 328—331: описано 22 рукописи Новоторжского Борисоглебского монастыря.

Голаубев И. Ф. Собрания рукописных книг г. Калинин. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 440—463.

Обзор (268 рукописей).

Голаубев И. Ф. Рукописные книги бывшей Тверской Ученой Архивной Комиссии. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 518—521.

Описано 22 рукописи.

Государственные архивы Союза ССР. Краткий справочник. Под редакцией Г. А. Белова, А. И. Логиновой, С. В. Нефедовой, И. Н. Фирсова, М., 1956. 508 стр.

Стр. 112—115: обзор документов и рукописных книг XV—XVII вв. Тверской губернской ученой архивной комиссии, монастырей и соборов Тверской епархии, библиотек духовной семинарии и тверских епископов

Логунова Л. А. Государственный архив Калининской области. Краткий справочник о содержании архивных фондов и научно-справочной библиотеки. Под редакцией М. А. Ильина. Калинин, 1956. 20 стр.

Обзор.

Ажашкин И. Д. Рукописные собрания Государственного архива Калининской области. — Вопросы истории. М., 1959, № 11, стр. 199—201.

Обзор.

Ильин М. А. Ценное наследство. Древние рукописи в Калининском государственном архиве. — Калининская правда, 1959, № 81 (11722), 5 апреля, стр. 3; то же: На страже революции, Калинин, 1959, № 12 (1019), 6 апреля, стр. 2.

Обзор.

Голаубев И. Ф. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор. Отв. ред. М. А. Ильин. Калинин, 1960. 63 стр., 7 илл.

Описано около 500 рукописей.

Государственный архив Калининской области. Путеводитель. Ред. коллегия: Ильин М. А., Вислобоков И. О., Пестова Г. М., Чернышев В. Д., Калинин, 1960. 352 стр.

Стр. 5—6: обзор коллекции рукописей Тверского музея, Тверской духовной семинарии, Спасо-Преображенского собора, библиотеки Тверского епископа (1565 ед.); стр. 127—128 о коллекции документов Тверской ученой архивной комиссии; стр. 143: о документах Николаевского Антониева Краснохолмского, Могилевского Успенского, Новоторжского Борисоглебского, Николо-Малицкого, Кашинского Сретенского монастырей; стр. 149: о коллекциях Бестужевых-Рюминых и Кисловских.

Ильин М. А. Собрание рукописей архива Калининской области. — Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, стр. 209—215.

Обзор собраний рукописей Тверского музея, Тверской духовной семинарии, Спасо-Преображенского собора, Губернской архивной комиссии, Библиотеки тверского архиепископа, церквей и монастырей (всего — 1565 ед.).

Государственный педагогический институт им. М. И. Калинина

Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея, вып. I—II. М.—Тверь, 1891—1903. Вып. 1. 1890. VII, 330 стр. Вып. II. 1903. 4 нenum., II, 107 стр.

Описаны рукописи №№ 36, 955, 956, 7018.

Голубев И. Ф. Собрания рукописных книг г. Калинина. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 440—463.

Обзор собрания (23 рукописи и свыше 500 документов) и описание 13 рукописей.

Голубев И. Ф. Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 605—607.

Областной музей

Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея, вып. I. М., 1891. VII, 330 стр.

Описаны рукописи №№ 23, 34, 56, 59, 68, 79, 110, 123, 128, 158, 199, 201, 214, 217 (вып. I) и №№ 268/442, 286/522, 285/608, 306/592 (вып. II), находящиеся в Областном музее.

Голубев И. Ф. Собрания рукописных книг г. Калинина. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 440—463.

Обзор (55 рукописей и около 500 документов), описание 13 рукописей.

Итак, одно из основных требований, предъявляемых к будущему справочнику-указателю, это точность в распределении собраний по их современному местонахождению. Если в отношении распределения собраний славяно-русских рукописей, находящихся на территории Советского Союза, мы можем рассчитывать на относительную точность, то в отношении славяно-русских рукописей, хранящихся вне пределов Советского Союза, мы не располагаем подробной информацией. В научной литературе мы не нашли ответа на вопрос о том, насколько точно сведения, сообщаемые в указателях И. М. Смирнова и Д. Джапаридзе, отражают современное состояние собраний славяно-русских рукописей, хранящихся в Югославии.³⁰ Лучше обстоит дело с собраниями славяно-русских рукописей Болгарии. В статье Б. Цонева сообщаются сведения о собраниях рукописей не только в Софии, Пловдиве и в Рыльском монастыре, но и в городах Габрово, Казанлык, Шумен и др.³¹ В статье Божана Ангелова имеется перечень 71 названия печатных описаний собраний рукописей, в составе которых хранятся староболгарские рукописи,³² в приложении к книге Боню Ангелова «Из стара българска, сръбска и руска литература» приводятся 44 названия; в очень важной работе И. С. Дуйчева — 59 названий.³³

Однако и в этих очень ценных работах болгарских ученых не всегда указано современное местонахождение рукописных собраний.

Составители будущего справочника-указателя при отсутствии возможности *de visu* проверить современное состояние зарубежных рукописных

³⁰ Краткие сведения см.: Ѓ. Сп. Рад о јичић. Старе српске повеље и рукописне књиге за време Другог светског рата. — В кн.: *Beogradski међународни slavistički sastanak* (15—21 IX 1955). Beograd, 1957, стр. 537—542.

³¹ Б. Цонев. Ръкописни сбирки в България. — *Българска сбирка*, год. XIV. София, 1907, кн. 10, стр. 645—649.

³² Божан Ангелов. Помагала и извори за историята на българската литература. I. Помагала: описи, библиография и систематичне курсове. 2. Извори. — В кн.: Божан Ангелов. Литературни статии. София, 1960, стр. 173—195.

³³ И. Дуйчев. Български описи на славянски ръкописи. — *Годишник на Българския библиографски институт Елин Пелин*, год VI. София, 1959, стр. 43—66.

собраний должны широко пользоваться консультацией ученых-славистов всех стран.

Принцип расположения материала в справочнике-указателе должен быть географическим. В будущем справочнике необходим раздел «Общей библиографии», в котором содержались бы сведения о всех библиографиях, кратких и полных, печатных описаний славяно-русских рукописей. Каждая работа, включенная в справочник, должна быть снабжена краткой аннотацией с указанием количества описанных рукописных книг или документов и с учетом замечаний, высказанных в рецензиях на данную работу. При составлении справочника-указателя славяно-русских рукописей необходимо было бы учесть достижения в области библиографирования греческих и латинских рукописей. Лучшие справочники-указатели описаний греческих рукописей М. Ришара и описаний латинских рукописей О. Кристеллера наряду с отделом общей библиографии, т. е. библиографии библиографий печатных описаний, имеют раздел «Работы, описывающие рукописи более, чем одного города», учитывают не только печатные, но и инвентарные рукописные и карточные каталоги рукописей, хранящиеся при библиотеках.³⁴

Создание библиографического справочника-указателя всех печатных описаний собраний славянских рукописей является лишь первым шагом на пути к созданию сводного каталога всех 130 тысяч древнеславянских рукописей, который, очевидно, составит не один десяток томов. Вопрос о создании такого каталога уже давно обсуждается в науке. Первые крупные попытки систематизации сохранившейся древнерусской книжности путем ее библиографирования были предприняты академиком Н. К. Никольским и Ф. И. Покровским на рубеже XIX и XX столетий (1891—1899 гг.). Итогом изучения 35 собраний древнерусских рукописей был известный труд Н. К. Никольского «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)».³⁵ В дальнейшем Н. К. Никольский (до своей смерти в 1936 г.) продолжал библиографическую работу по систематизации древнерусского рукописного наследия. Итогом этой работы явилась картотека, насчитывающая 174 тыс. карточек и конвертов и хранящаяся в настоящее время в БАН.³⁶ «Картотека академика Н. К. Никольского», систематизирующая древнерусские рукописи как по жанровому признаку, так и по именам писателей, является хорошим фундаментом для создания сводного каталога. Наиболее полной частью картотеки являются материалы о славяно-русских пергаменных рукописях, количество собранных в них

³⁴ P. O. Kristeller. Latin manuscript books before 1600. A bibliography of the printed catalogues of their extant collections, part I—II. — *Traditio*. VI, 1948, стр. 227—317; IX, 1953, стр. 393—418. Изд. 2-е: P. O. Kristeller. Latin manuscript books before 1600. A list of the printed catalogues and unpublished inventories of extant collections. New York, 1960, XXII, 234 стр.; M. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1948, XV, 131 стр. (Centre national de la recherche scientifique. Publications de l'Institut de recherche et d'histoire des textes, 1).

³⁵ Н. К. Никольский. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)*. *Коррекционное издание*. Изд. ОРЯС имп. Академии наук, СПб., 1906, VIII, 596 стр.

³⁶ Н. К. Никольский. *Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.)*. О составе картотеки см.: В. Ф. Покровская. *Картотека академика Н. К. Никольского*. — *Труды Библиотеки Академии наук СССР*, т. I. М.—Л., 1948, стр. 143—154; В. П. Адрианова-Перетц. *Картотека Н. К. Никольского*. — *Вопросы языковедения*. М., 1961, № 1, стр. 121—125.

сведений (около 15 000 карточек) превышает данные опубликованных обзоров.³⁷

Однако в картотеке все же учтены далеко не все древнерусские рукописи и очень мало древнеславянских, так как она составлялась на основе обследования 35 рукописных собраний, между тем как только по данным каталога Д. Джапаридзе в настоящее время насчитывается не менее 100 хранилищ древнеславянских рукописей и множество собраний в каждом из них.

В 30-е годы нашего столетия Библиографический комитет Американской библиотечной ассоциации под руководством Е. К. Ричардсона предпринял попытку создания сводного каталога печатных описаний всех рукописей (в том числе латинских, греческих, французских, славянских и др.).³⁸ Однако печатные описания собраний славянских рукописей были учтены далеко не полностью, более того, их включение в «Каталог рукописных книг всего мира» было в известной степени случайным; так, для Москвы указано лишь 10 названий, а для Ленинграда — 5.

В известной мере такое положение дела объясняется с одной стороны тем, что работа по составлению сводного каталога средневековых рукописей всего мира осталась незаконченной (были изучены рукописные собрания только Испании и Португалии), с другой стороны, тем, что составители «Каталога рукописных книг всего мира» большее внимание уделяли наследию латинскому, греческому и западноевропейскому, а не славянскому.

Очень краткие сведения о библиографиях второго рода, касающихся собраний славяно-русских рукописей, сообщил недавно К. Майчел: названы справочники Д. Джапаридзе, А. Мезьер, Е. Н. Коншиной и Н. К. Швабе по ГБЛ, «Исторический очерк БАН», статья П. Симони в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», некоторые номера «Трудов» ГПБ и «Записок» Отдела рукописей ГБЛ.³⁹ Вопрос о необходимости создания сводного каталога славянских рукописей обсуждался в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве в связи с докладом Е. Э. Гранстрем,⁴⁰ где особое внимание было обращено на недопустимость отставания в области библиографирования древнеславянских рукописей — в их розыске, выявлении, приемах описания и системе учета существующих печатных описаний древнеславянских рукописей. Е. Э. Гранстрем считает необходимым обратиться к опыту ученых зарубежных стран и прежде всего Парижского института по разысканию и истории текстов в области библиографирования греческих, латинских, западноевропейских и восточных рукописей.

Как справедливо полагает Е. Э. Гранстрем, «подготовку сводного каталога следует начинать: 1) с составления библиографического указателя всех существующих печатных описаний собраний славянских рукописей (как на русском, так и на иностранных языках); 2) с выработки единых правил описания рукописей».⁴¹ Работы по библиографированию древнеславянских

³⁷ Ср.: Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. СПб., 1897, 96 стр. (ПДП, т. СХХIII).

³⁸ A union worlds catalog of manuscript books. Preliminary studies in method. Made under the direction of Ernest Cushing Richardson. III. A list of printed catalogues of manuscript books. New York, 1935, 386 стр. (The American Library Association. Committee of bibliography).

³⁹ Guide to russian reference books by Karol Maichel. Edited by J. S. G. Simmons. Stanford University Press, 1962, стр. 52—53.

⁴⁰ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. — Slavia, roč. XXVII, seš. 1. Praha, 1958, стр. 120—121; отдельное издание: Л., 1958 (IV Международный съезд славистов. Доклады); см. также в кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., 1958, стр. 397—418.

⁴¹ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Л., 1958, стр. 6—7.

рукописей должны быть сосредоточены при Международном комитете славистов, а принципы составления библиографического справочника-указателя, так же как и единые приемы описания рукописей, должны быть выработаны в процессе широкого обсуждения на международной конференции славистов. Выступление Е. Э. Гранстрем встретило поддержку многих славистов и особенно М. В. Бражникова,⁴² К. Гюнтера,⁴³ И. С. Дуйчева.⁴⁴

Второй проект создания сводного каталога выдвинула в 1961 г. Археологическая комиссия при Академии наук СССР.⁴⁵ Однако этот проект имеет в виду создание сводного каталога не только славяно-русских, но вообще всех хранящихся в СССР рукописей, в том числе и рукописей на других языках: арабском, армянском, греческом, грузинском, немецком, латинском, сирийском, французском и многих других (на первом этапе работы — до 1400 г.). К созданию такого каталога должен быть привлечен очень широкий круг специалистов не только по славянским, но и по арабским, армянским, греческим, грузинским, латинским, сирийским и многим другим рукописям, имеющих разные исторически сложившиеся традиции в приемах описания рукописного материала. В конечном итоге идея сводного каталога, выдвинутая Археологической комиссией, повторяет применительно к СССР идею, которую пыталась без особого успеха осуществить в 30-х годах нашего столетия Библиографический комитет Американской библиотечной ассоциации. Вместо быстрого создания сводных каталогов отдельно по славяно-русским, отдельно по арабским, отдельно по армянским и так далее рукописям предлагается проект громоздкого каталога, исполнение которого будет растянуто на долгие годы.

Между тем промедление в деле создания сводного каталога славяно-русских рукописей невозможно. Слависты многих стран уже давно испытывают острую необходимость в создании такого каталога. Работу по созданию сводного каталога славяно-русских рукописей (под сводным каталогом мы понимаем монографический каталог рукописей библиотек и архивов всего мира, подобранных по содержанию) необходимо начинать с составления местных каталогов (по фондам рукописей) отдельных библиотек или архивов отдельных городов или отдельных стран. При создании местных каталогов имеются известные трудности, объясняемые разнообразием в принципах и методах описания рукописей (так, например: в ГПБ — одни принципы,⁴⁶ в ГБЛ — другие,⁴⁷ в Национальном музее в Праге — третьи⁴⁸ и т. д.). Поэтому необходимо выработать единые принципы для составления местных каталогов. «Инструкция для составления каталогов древних славянских

⁴² IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и статистики. М., 1962, стр. 328—329.

⁴³ K. Günther. Slawische Handschriften in Deutschland. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. V, Berlin, 1960, N. 3, стр. 317—355.

⁴⁴ И. Дуйчев. Приноси към проучването на старославянската и старобългарската литература, стр. 203—215.

⁴⁵ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — Вопросы истории, М., 1961, № 4, стр. 62—68; Ю. О. Бем. О работе Археологической комиссии при отделении исторических наук Академии наук СССР. — Вопросы истории, М., 1961, № 9, стр. 130; Н. Б. Шеламанова. 1) О составлении сводного каталога рукописей. — Исторический архив, М., 1961, № 1, стр. 179—181; 2) Деятельность Археологической комиссии при отделении исторических наук АН СССР за 1961 год. — Археологический ежегодник за 1961 г. М., 1962, стр. 469.

⁴⁶ Д. Н. Альшиц, Е. Э. Гранстрем. Инструкция по описанию древнерусской рукописной книги XI—XVII вв. Л., 1961.

⁴⁷ Сборник инструкций отдела рукописей ГБЛ. Учет и обработка рукописных фондов под ред. Е. Н. Коншиной. М., 1955.

⁴⁸ См., например: J. Vačica, J. Vajs. Soupis staroslovanských rukopisů Národního Musea. Praha, 1957.

рукописей» уже подготовлена Эдиционно-текстологической комиссией Международного съезда славистов и представлена на обсуждение V Международного съезда славистов в Софии в 1963 г.⁴⁹ В основу «Инструкции» положены «Принципы описания рукописей», созданные еще в 1955 г. кабинетом филологической документации Института чешской литературы Чехословацкой Академии наук под руководством М. Богатцевой. Затем эти «принципы» были приспособлены к требованиям славяноведения В. Ф. Марешом, обсуждены и утверждены на совещаниях Эдиционно-текстологической комиссии Международного комитета славистов в Польше в 1961 и 1962 гг. После краткого введения в инструкции очень обстоятельно излагаются принципы описания рукописей: выбор языка для описания, транскрипция, транслитерация текстов, элементы описания (шифр, формальное описание рукописи, описание текста рукописи, примечания о рукописи). В целом эта инструкция по полноте и точности излагаемых в ней принципов значительно превосходит все ранее существовавшие инструкции по описанию славяно-русских рукописей. Особенно удачен раздел, посвященный описанию текста рукописи. Однако есть и неясности. Так, после указания шифра (см. § 5) необходимо привести название рукописи (см. § 18). Если это возможно, надо определить автора или составителя рукописи, указать на то, является ли данная рукопись подлинником или воспроизведением (т. е. автографом, списком, копией или писарской копией, если рукопись написана не индивидуальным почерком). В самом начале описания необходимо назвать язык рукописи и охарактеризовать тип ее письма. При описании невозможно отдавать предпочтение первоначальной пагинации, как этого требуют составители инструкции (§ 8), так как очень часто первоначальной пагинацией рукописи является пагинация тетрадей или пагинация старых сборников, в которые эти тетради ранее входили, но затем были расшиты, не отражающая современного состояния и состава сохранившейся рукописи. При описании, если оно предназначено для современных исследователей, необходимо использовать современную, последнюю, реальную пагинацию с учетом добавленных листов более поздней бумаги (в целях замены утерянного текста или реставрации): Но это все не означает, впрочем, что работники рукописных отделов и лица, ответственные за работу по описанию древнеславянских рукописей, должны заменять старую пагинацию, уже зафиксированную в научных статьях и книгах, новой. Непосредственно перед описанием текста рукописи необходимо воспроизвести тексты всех приписок всех писцов, владельцев и читателей рукописи, а также всех записей и глосс (§ 34). Степень сохранности рукописи нужно отмечать во всех случаях, а не только тогда, когда рукопись не переплетена (§ 15) или когда она уже находится в состоянии полного разрушения. К сожалению, составители не привели примеров образцового описания рукописи, выполненного в соответствии с инструкцией.

Местные каталоги всех описанных и неописанных славяно-русских рукописей нельзя еще назвать сводными каталогами славяно-русских рукописей. На основе сообщаемых ими сведений должен быть составлен сводный монографический каталог славяно-русских рукописей, построенный по тематическому признаку (например, священное писание, гимнография, повесть, жития, апокрифы, летописцы и т. п.). Обсуждение принципов построения такого каталога выходит за пределы настоящей работы. Подведем некоторые итоги.

Итак, актуальными задачами в области библиографирования славяно-русских рукописей являются: 1) составление справочника-указателя печат-

⁴⁹ Инструкция напечатана: *Slavia*, гоґ. XXXII. Praha, 1963, сеґ. 2, стр. 240—249.

ных описаний славяно-русских рукописей, 2) выработка единых принципов описания рукописей, 3) составление местных каталогов рукописей, 4) создание сводного монографического каталога славяно-русских рукописей на базе полного учета всего славяно-русского рукописного наследия в целом.

Решение всех этих задач — дело недалекого будущего при том условии, если ученые-слависты всех стран объединят свои усилия и мобилизуют всю свою энергию для его создания. Залогом успеха является оживление в работе над библиографированием славяно-русских рукописей в период между IV и V Международными съездами славистов.⁵⁰

⁵⁰ См.: K. Günther. Slawische Handschriften in Deutschland, стр. 317—318; Д. С. Лихачев. Работа по описанию старых славянских рукописей в СССР после IV Международного съезда славистов в Москве. — ИОЛЯ, т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 64—65; о работе по описанию славяно-русских рукописей в ГДР, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах см.: Д. С. Лихачев. Сопровождение ЭDITIONНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ комиссии Международного комитета славистов в Варшаве (сентябрь 1961 г.). — ИОЛЯ, т. XXI, вып. 2, 1962, стр. 170—172; В. Г. Демьянов. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, стр. 78—103.

В. И. МАЛЫШЕВ

Задачи собирания древнерусских рукописей

1

Советское государство с первых дней своего существования приняло на себя заботу об охране памятников письменной культуры наших предков. В тяжелых условиях разрухи, гражданской войны и иностранной интервенции В. И. Ленин подписал ряд декретов, обеспечивающих охрану и упорядочение архивного наследства страны, в том числе и находящегося в частном владении.

Воодушевленные этой заботой партии и правительства архивисты в тесном содружестве с учеными Академии наук и учебных заведений провели поистине героическую работу по спасению от гибели огромного количества архивно-книжных фондов, по концентрации в государственных хранилищах собраний общественных организаций, монастырей, частных фирм и отдельных лиц. В результате их большой и плодотворной деятельности наши архивохранилища получили ценнейшие пополнения.

Значительно увеличались за годы Советской власти и собрания древнерусских рукописей в библиотеках, музеях и архивах нашей страны. Особенно возросли за это время фонды письменной старины в главных архивохранилищах Москвы, Ленинграда и Киева. В них влились собрания многих монастырей, старообрядческих общин, ученых обществ и коллекционеров. Немало было собрано экспедициями, приобретено и получено в дар от частных лиц.

Государством отпускаются ежегодно значительные суммы на хранение, описание и приобретение памятников письменной старины.

В настоящее время большинство всего сохранившегося старинного рукописного материала собрано в государственные хранилища и доступно для исследователей. Однако и в личном владении остается еще значительное количество рукописей и старопечатных книг. Среди них имеется немало очень ценных. Эти рукописные богатства лишь в небольшой части доступны ученым, основной же фонд их остается вне научного оборота.

Как показал опыт последних лет, без многих из этих рукописей и книг иногда совершенно невозможно дать правильное изображение культуры и быта какого-нибудь края в прошлом или того или иного исторического события. Например, только благодаря археографическим экспедициям на Печору, в 1949—1959 гг. обнаружившим в частных собраниях большой письменный, печатный и устный материал о местной рукописной традиции, появилась возможность по-настоящему осветить вопрос о письменной культуре Усть-Цилемского края в XVI—XIX вв. Немаловажное значение имеют рукописи, находящиеся в частном владении, для исто-

риков древнерусской литературы, так как среди них обнаруживаются не только варианты уже известных памятников, но и новые произведения, расширяющие наши представления о старинной письменности.¹

Еще П. М. Строев указывал на необходимость скорейшего собрания в архивы старинного рукописного материала, принадлежащего частным лицам, в особенности старообрядцам.² В последних он видел (и не ошибся) главных хранителей рукописной и печатной старины.

Начатые в предреволюционные годы отдельными энтузиастами (В. И. Срезневский, Н. Е. Ончуков, Н. С. Шайжин, С. П. Богословский и др.) активные попытки собирать в государственные хранилища старинные рукописи из частных собраний были с еще большей энергией продолжены в первые послереволюционные годы: поисками занимались как указанные ученые, так и другие лица. Но собрание не получило широкого размаха по многим причинам, в большинстве своем не зависящим от археографов.

Немало способствовало свертыванию археографических работ на периферии (особенно в северных областях) то обстоятельство, что старшее поколение владельцев старинных рукописей и старопечатных книг, крепко державшееся еще за религию, продолжало ценить их и по связи с культом, и как памятники почитавшейся старины. Даже в тех семьях, где старинные книги уже не читали, их хранили как наследие отцов и дедов, а слухи о том, будто их собирают, чтобы уничтожить как целиком религиозные, заставляли владельцев особо тщательно скрывать их. Разъяснительная работа редко давала результаты, и у многих сотрудников рукописных отделов сложилось ошибочное представление, что рукописных книг на руках уже не осталось и поиски их бесполезны и не оправдывают себя.

Итоги археографических поисков последних лет опровергли это мнение.

Вот почему собрание старинного материала на местах заинтересованными в этом учреждениями должно быть развернуто возможно скорее и поставлено более основательно. Необходимость быстрейшего усиления собирательской работы диктуется еще и тем, что нашей медлительностью пользуются торгаша, ловкие люди, далекие в своих целях от науки. Из опубликованных отчетов экспедиций они узнают места нахождения рукописного материала, способы его собирания и устремляются туда, скупая у населения рукописную и печатную старину.

Так, несколько лет назад в низовьях реки Мезени плавали на лодке два каких-то неизвестных молодых человека, искавшие рукописи, назвавшиеся художниками. К чести местных властей следует отметить, что они быстро прекратили их деятельность. А вот в 1958 г. такие же загадочные «собиратели» появились в г. Кандалакше и на побережьях Кандалакшской и Онежской губы и никто из местных ответственных лиц не заинтересовался ими, никто не спросил их, по заданию какого научного учреждения они работают. Такие же собиратели (2 человека) без всяких помех, бесконтрольно, действовали в июне 1962 г. в районе Нарьян-Мара и Пустозерска.

¹ Данная статья посвящена вопросам собирания у населения только памятников старинной письменности и книг старинной печати и главным образом путем экспедиций. Она не затрагивает вопроса об обследовании периферийных государственных хранилищ. Статья не касается общих вопросов собирания рукописных источников, так как об этом не раз уже писалось на страницах архивоведческих и академических изданий.

² Николай Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 68.

Около десяти лет колесил по стране в поисках рукописей и редких книг матерый спекулянт, ханжа и пройдоха Михаил Стефанович Севастьянов. Начисто лишенный совести, этот аморальный тип старообрядцам объявлял себя старообрядцем, сторонникам никонианской церкви — убежденным никонианцем, в советские учреждения входил «представителем» авторитетнейших государственных научных учреждений. Таким обманным способом этот проходимец, или, как его метко определили в газете «Советская Россия», «палеограф с отмычкой»,³ «обследовал» Причудье, многие старообрядческие селения на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Прибалтике, в Московской и Ленинградской областях.

Приобретенные за бесценок, а нередко просто полученные бесплатно рукописи и старопечатные книги XVI—XIX вв. Севастьянов продавал по баснословным ценам церковникам и богатым московским коллекционерам. Деляга мечтал об организации «экспедиции» в Сибирь и, чтобы более разбираться в рукописях, лучше знать им цену, поступил на заочное отделение исторического факультета Московского государственного университета.

Севастьянов своей «археографической деятельностью» нанес большой ущерб государственным архивохранилищам, в особенности делу собирания рукописей у населения. Он насторожил, подорвал доверие многих владельцев рукописной и печатной старины к действительным собирателям и научным учреждениям, командировавшим их. Даже представители общественности и государственных учреждений в некоторых местах стали теперь как-то недоверчиво смотреть на нашу собирательскую работу. Кроме того, десятки ценнейших рукописей и книг старинной печати, находившихся в личном владении и известных ранее археографам, после поездок Севастьянова утратили свои следы.

Сейчас, когда «собирательская работа» Севастьянова прекращена судебными органами и он получил по заслугам, выяснилось, почему она так долго и безнаказанно продолжалась. Нельзя не выразить крайнего удивления той чрезмерной доверчивостью и близорукостью, которые проявили в отношении Севастьянова руководители отделов рукописей и редких книг библиотеки Московского университета и Центрального литературного музея. Они не только не сумели вовремя разглядеть в нем совершенно чуждого науке человека, но даже снабдили его полномочиями на право сбора для них рукописного материала и старопечатных книг.⁴

Несколько лет назад Севастьянов дважды предлагал свои услуги в сборе рукописей Сектору древнерусской литературы и просил выдать ему удостоверение. Обещал все найденное сдавать в институт. Однако в секторе сразу же поняли, с кем имеют дело, ему решительно было отказано. Больше того, сотрудники сектора тогда же выступили против Севастьянова и ему подобных «собирателей» в печати и на совещании по вопросам охраны и сбора древнерусских рукописей.⁵

2

За последнее десятилетие собирание старинных рукописей и книг на местах значительно улучшилось, приняло более широкий размах. Получили признание среди археографов и все чаще стали применяться экспедиции за

³ Палеограф с отмычкой (из зала суда). — Газета «Советская Россия», № 83, 8 апреля 1962 г., 4 стр.

⁴ Там же.

⁵ См.: Д. С. Лихачев. Памятники культуры — всенародное достояние. — История СССР, 1961, № 3, стр. 7. См. также: В. Н. А в т о к р а т о в. О сохранности и обработке рукописных источников (К итогам IV Всесоюзного совещания по древнерусской литературе) — Вопросы архивоведения, 1959, № 4, стр. 61

рукописями на периферию. Если еще лет 10—12 тому назад такие поездки совершал лишь Пушкинский Дом АН СССР, то теперь они проводятся многими книгохранилищами, научными учреждениями и даже московскими школьниками, показывающими примеры того, какую они могут принести пользу в этом деле.

Ныне почти регулярно по одной экспедиции в год направляют ГБЛ и БАН. Первая уже обследовала ряд районов Поволжья, Владимирской, Московской и Рязанской областей и намеревается перенести работу в другие места.⁶ Библиотека Академии наук СССР вела пока поиски совместно с Пушкинским Домом, главным образом в северной части Карельской АССР, а несколько раньше совершила одну поездку в Прибалтику.⁷

На Дальний Восток и в Бурятскую АССР выезжали экспедиции Археологической комиссии АН СССР.⁸ В плане работ этой организации намечены в ближайшем будущем поездки в другие районы страны. Два года подряд занималась поиском старинного материала в самом верховье реки Печоры и в Верхотурском и Ныробском районах Пермской области группа студентов Уральского университета, возглавляемая доцентом В. В. Кусковым.⁹ Кафедра русской литературы этого университета, насколько нам известно, поставила перед собой задачу продолжать археологическую работу в своем крае.

Заметно оживилась собирательская работа в Ярославской области, не без помощи известного местного археолога В. В. Лукьянова. По его инициативе архивный отдел Ярославской области уже дважды организовывал пробные вылазки за рукописями в Даниловский район области.¹⁰ Поскольку поездки оказались результативными (осуществлял их в 1961 и 1962 гг. студент Московского университета В. Г. Смирнов) и показали, что даже неподалеку от Ярославля имеется еще немало рукописной старины, решено было обследовать и другие районы области, в которых возможны такие находки.

⁶ Я. Н. Шапов. Археологическая экспедиция в Горьковскую область. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 613—618; И. М. Кудрявцев, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Шапов. Археологические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — Археологический ежегодник за 1957 год. М.—Л., 1958, стр. 265—301; В. Б. Кобрин, Е. П. Мамаева, Н. Б. Тихомиров, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Шапов. Археологические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1957—1958 гг. — В кн.: Записки отдела рукописей, вып. 21. М., 1959, стр. 252—261; вып. 24. М., 1961; Г. Дрюбин. Охотник за рукописями (о В. Кобрине). — Рабочая газета (Киев), 20 сентября 1962 г.

⁷ В. А. Петров. Археологическая поездка в города Даугавпилс и Ригу Латвийской ССР для сбора рукописей. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 493—496; Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. 1) Археологическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г., стр. 531—544; 2) Археологическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г., стр. 412—419.

⁸ Ю. О. Бем, А. И. Рогов. О библиотеке рукописных и старопечатных книг, обнаруженной на территории Бурятской АССР. — Исторический архив, 1959, № 4, стр. 241—243; Н. Диллигенская. Разведка археологов. — Вечерняя Москва, № 35, 12 февраля 1960 г.; В. Б. Павлов-Сильванский и А. И. Рогов. 1) Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. — Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1961, стр. 216—222; 2) Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археологической комиссии в Бурятской АССР в 1960 году. — Археологический ежегодник за 1961 год. М., 1962, стр. 206—214.

⁹ В. В. Кусков. Североуральская археологическая экспедиция 1959 г. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 432—434.

¹⁰ Отчет о поездках будет напечатан в журнале «Вопросы архивоведения».

Надо только приветствовать этот шаг наших ярославских архивистов. Будем надеяться, что решение их возможно скорее претворится в жизнь. Хотелось бы, чтобы примеру Ярославля последовали архивные отделы других областей и краев, на территории которых проживало и проживает старообрядческое население (Даниловский район в прошлом был также крупным центром старообрядчества).

Для полноты сведений можно назвать Коми республиканский музей в Сыктывкаре, несколько лет назад дважды направлявший (и не безрезультатно) своего сотрудника за рукописным материалом в Удорский и Усть-Цилемский районы республики. Сбором рукописей занимаются также сотрудники отдела древнерусского искусства Русского музея во время своих искусствоведческих поездок по стране. Они уже доставили в Пушкинский Дом около двух десятков рукописных книг XVI—XIX вв.

Сбором старинных книг и рукописей занимаются учащиеся старших классов средней школы № 29 г. Москвы. В помощь себе они привлекли студентов-филологов Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Инициатором и душой этого дела является преподаватель литературы школы Л. П. Прессман. Под его руководством и при непосредственном участии уже проведено несколько поездок за рукописями объединенной группы студентов и учащихся: в Семеновский район Горьковской области (в 1959 и в 1960 гг.), в старообрядческие селения Брянской и Гомельской областей (в Стародубье, 1961 г.), в Хвалынский район Саратовской области (1962 г.) и др.¹¹ Найденные во время поездок материалы послужили основанием к созданию при школе небольшого музея книг и рукописей. Наиболее ценные находки школьники передают в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Нет нужды приводить здесь сведения о рукописных находках, сделанных экспедициями за последнее десятилетие, а также о приобретениях от коллекционеров. Об этом уже не раз сообщалось на страницах печати. Достаточно хотя бы перелистать «Труды отдела древнерусской литературы» (начиная с VII тома) и просмотреть отчеты наших центральных архивохранилищ, чтобы наглядно убедиться в том, как много и сколько нового и ценного поступило за это время в наши государственные собрания от частных лиц. Одними только экспедициями московских и ленинградских научных учреждений привезено в эти годы около двух тысяч старинных рукописей XIV—XIX вв. Среди них оказалось немало ранее вовсе не известных произведений, расширяющих наши представления о культуре и быте наших предков. Нашлось немало списков до этого знакомых памятников, но таких списков, которые уточняют и исправляют старые сведения. Целый ряд этих новых произведений и списков уже напечатан и введен в научный оборот.

Однако всех этих усилий для скорейшего завершения сбора старинных рукописей и книг в государственные хранилища еще явно мало. До сих пор в эту работу не включились такие ведущие наши архивохранилища, как ГИМ, Центральный Государственный литературный музей и ЦГАДА в Москве, ГПБ в Ленинграде и др. Все еще недостаточное внимание уделяют сбору старинного рукописного и печатного материала у частных лиц Главное архивное управление СССР и Министерство культуры, располагающие на периферии большой армией архивных и музейных работников.

¹¹ Отчет об археографической деятельности школьников предполагается напечатать в XXI томе ТОДРА. См. также: Л. Прессман. В поисках старинных рукописей. — Учительская газета, 9 января 1962; его же: «Смена», 1964, № 2.

Необходимы поэтому безотлагательные меры по расширению и улучшению этого дела. В интересах науки необходимо, чтобы эта собирательская работа была закончена быстро и плодотворно.

Что же, на мой взгляд, должно быть сделано для выполнения этой задачи?

Прежде всего собирание старинных рукописей и книг должно перестать быть делом только энтузиастов-одиночек, оно должно приобрести значение общегосударственного мероприятия. А для этого в первую очередь необходим единый авторитетный орган по руководству и координации всей такой собирательской работой в стране. Умелое, планомерное направление поисков рукописного материала — одно из главнейших условий для скорейшего завершения этого дела. Единое общее руководство сразу же устранил имеющиеся сейчас ненормальные явления, мешающие работе: параллелизм, кустарщину, конкуренцию учреждений.

Но собирательская работа и в этих условиях только тогда будет успешно проводиться и будет скоро и плодотворно завершена, если это новое руководство будет представлять собой по-настоящему авторитетное учреждение или комиссию, если оно будет состоять из людей, заинтересованных в сборе старинного рукописного материала, понимающих всю важность этого мероприятия и твердо и последовательно выполняющих свои решения.

В настоящее время функции такого органа могла бы взять на себя Археографическая комиссия Академии наук СССР, возглавляемая академиком М. Н. Тихомировым, лично немало потрудившимся над собиранием письменной старины в государственные хранилища. Авторитетность Археографической комиссии обеспечивается тем, что в состав ее входят представители всех наиболее крупных архивохранилищ страны, в том числе представитель Главного архивного управления СССР, органа, без участия которого немыслима вообще никакая серьезная собирательская работа, включая и поиски древних рукописей и книг.

Однако в целях большей оперативности и гибкости (ведь время не ждет) этим должна, может быть, заниматься не сама Археографическая комиссия, в целом (у нее есть и другие важные задачи), а созданный при ней на время и в небольшом составе специальный координационный совет под председательством М. Н. Тихомирова. В состав этого совета могли бы войти представители Главного архивного управления СССР, Министерства культуры, Музейного управления, по одному представителю от ведущих архивохранилищ и от тех научных учреждений, которые проявили себя активно в собирательской работе и имеют опыт.

Этот совет, организованный, повторяю, лишь на время поисков, разработал бы план работы на ближайшие два-три года, произвел бы с огласия заинтересованных учреждений размежевание территорий, уточнил бы и утвердил заранее маршруты экспедиций. После этого уже допустимо было бы соревнование между учреждениями на лучшее и скорейшее обследование отведенных участков. Соревнование заставило бы искать новые формы работы, перенимать опыт наиболее успешно выполняющих ее групп, разнообразить и совершенствовать свои приемы и методы собирательской практики.

Кроме того, в задачу данного совета должно входить: 1) создание единого плана обследования территории страны; 2) определение очередности обследования отдельных районов; 3) надзор за своевременным выполнением учреждениями заданий по обследованию; 4) оказание помощи учреждениям и организациям в изыскании средств на собирательскую работу; 5) заслушивание отчетов руководителей экспедиций для обмена опытом.

Конечно, в ходе работы могут появиться и другие задачи, не названные нами.

В конце каждого года совет, может быть совместно со всей Археографической комиссией, на ежегодных ее пленарных заседаниях подводил бы итоги года, отмечал положительные и отрицательные моменты в работе на местах за это время. Здесь же обсуждались бы технические приемы работы с населением, планы на следующий год. Помимо того, подытоживался бы и обобщался опыт предшествующей работы, разрабатывались вопросы лучшего проведения поисков в будущем.

Можно почти с уверенностью сказать, что при подобной постановке дела (далее я коснусь и конкретных сторон его) через 3—4 года собрание старинных рукописей и книг повсеместно будет закончено. Конечно, при нынешних условиях хранения рукописного материала на местах, когда частенько даже сами владельцы его не знают, где и что у них хранится, возможны и пропуски. Но это будут лишь небольшие, случайные остатки, допустимые всегда, тем более во всякой поисковой работе. И чем лучше мы организуем собрание рукописей, чем более широкий размах ему придадим, тем меньше обнаружится этих остатков.

Создание координационного совета по собиранию рукописей при Археографической комиссии, если оно будет признано целесообразным, не следует откладывать. Ведь время не ждет. Пройдет еще каких-нибудь 10—12 лет, тогда поздно будет ставить вопрос о собирании старинных книг и рукописей на периферии.

Работу координационного совета следует начать с постановки доклада (или нескольких) перед заинтересованными учреждениями о пользе и необходимости сбора рукописей и книг. В докладах на конкретных примерах должно быть показано преимущество для науки организованного способа собирания старинного печатного и рукописного материала на местах перед обычными поступлениями от случайных лиц, когда ими выхватываются из комплекса одиночные рукописи по вкусу этого лица. На этом же заседании необходимо произвести хотя бы предварительное размежевание территории и наметить и утвердить план работы по собиранию на ближайшее время.

Развернутое организованное собрание письменной и печатной старины на периферии потребует некоторого напряжения, усилий от включившихся в него научных учреждений и организаций. Но зато в итоге оно и принесет им большую пользу, пополнив их собрания новыми и ценными письменными и печатными материалами. Собрание рукописей пройдет для всех учреждений легче, если мы общими усилиями сумеем привлечь к этому делу возможно больше помощников, если учреждения, призванные возглавлять собрание, по-настоящему поймут свою роль, значение собирательской работы и будут примером для остальных.

Нужно ли создать на это короткое время отдельный, специальный междуведомственный орган по собиранию рукописного материала, придавать ему чуть ли не космические размеры, как предлагали не раз на совещаниях в Пушкинском Доме АН СССР? Не знаю, требуется ли это для собирания позднего рукописного материала, но что касается древнерусских рукописей и книг, то мне лично представляется, что для него такой орган не нужен. Археографическая комиссия (или созданный при ней совет), поддерживаемая Главным архивным управлением СССР, вполне справится с задачей руководства собиранием старинных рукописей. Специальный орган руководства (да еще большой) может только усложнить и даже затормозить это по существу не такое уже сложное, но безотлагательное дело.

Какие же конкретно задачи должны стоять перед археографами по собиранию письменной и печатной старины?

Главная и первая задача, конечно, возможно скорее и успешнее обследовать все места нахождения такого материала. Все остальное должно быть подчинено осуществлению этой цели. Тщательному изучению подлежат даже территории, посещавшиеся в прошлом собирателями (Н. Е. Ончуковым, А. Д. Григорьевым, Ф. А. Каликиным, В. И. Срезневским, Н. С. Шайжиным и др.). Опыт последних лет наглядно показал, что даже в наше время за одну-две поездки невозможно обследовать до конца район. Еще труднее это было сделать раньше, когда живы были религиозные традиции и печатная рукописная книга обслуживала их. Только очень немногие места удается обследовать с одного раза, да и то твердо нельзя поручиться за то, что здесь не осталось книг и рукописей. Сейчас же положение усложняется тем, что новые владельцы часто сами не знают, где у них находятся рукописи.

Сколько раз меня на Печоре и в других местах нагоняли в пути ребяташки, чтобы сообщить, что после моего ухода их родители обнаруживали у себя «досельные» книги. Несколько раз после нашего пребывания в селе книги присылались нам вслед с попутчиками, иногда за несколько десятков километров. Предвидя возможность таких случаев, надо стараться всегда приобрести в каждом селении доверенное лицо, из числа знающих старину и понимающих ваши задачи. Через этого человека можно потом продолжать поиски, если самому не представится возможности поехать сюда еще раз. Эти лица могут оказать хорошую помощь в собирании, но их чем-то надо заинтересовать, например высылкой нужных книг и т. п.

Для повсеместного, быстрого и плодотворного завершения собирания старинных рукописей и книг необходимо развивать и совершенствовать экспедиционные поездки, сделав их основной формой сбора материалов на местах. Следует всячески поощрять комплексные экспедиции с участием представителей смежных дисциплин. Такие экспедиции, умело организованные, как показал опыт Пушкинского Дома, являются наиболее плодотворными. Преимущество комплексных экспедиций заключается в том, что они обследуют район сразу с разных сторон и общими усилиями облегчают работу по каждой специальности, в частности и труд собирающего древнерусские рукописи и книги.

Экспедиции в настоящее время — это наиболее активный и результативный способ пополнения своих собраний. Ведь надо помнить, что сейчас условия собирания книг и рукописей резко изменились даже по сравнению с 20—30-ми годами. Отошло то время, когда для увеличения своих коллекций не было особой надобности выезжать далеко. Представители наших архивохранилищ и собиратели находили старину тогда на толкучках Москвы, Ленинграда, Горького, Киева, Казани и многих других городов. Они обнаруживали ее в достаточном количестве и в антикварных магазинах.

Все, например, современные, известные мне частные собрания больших городов в основном образовались лет 20—25 назад. Другие из них, если пополнились в недавнее время, то преимущественно за счет книг и рукописей, привезенных с периферии. На толкучках и в антикварных магазинах наших крупных городов старинная рукопись стала редко появляться. Коллекционеры жалуются, что без выезда пополнять свои собрания становится все труднее, почти невозможно. В то же время периферия, огромные области нашей страны, до сих пор остается далеко не обследованной.

Может возникнуть вопрос: оправдывают ли себя в наше время экспедиции, стоят ли привезенные рукописи и книги затраченных на них средств? Не лучше ли прибегать к помощи посредников, так и хлопот, и забот, и ответственности меньше? Как и во всяком поисковом деле, в экспедициях за рукописями бывают холостые ходы, разочарования и беспокойство за потерянное даром время, израсходованные зря средства. Но ни одна, даже не давшая материала экспедиция, проведенная добросовестно, не может считаться бесполезной: закончена разведка места. Что же касается материальной стороны, то по опыту Пушкинского Дома АН СССР известно, что экспедиции оправдывают расходы на себя. Если сложить вместе затраты на удачные и неудачные экспедиции и потом разложить израсходованные деньги на приобретенные во время экспедиций рукописи, то и тогда оказывается, что экспедиционная работа окупается.

Привезенные непосредственно с места рукописи и книги, включая все расходы на экспедицию, будут намного дешевле, чем купленные через посредников. Мы не говорим уже о таких важных итогах работы экспедиции, не поддающихся точной денежной оценке, как обследование определенной территории, сведения по местной рукописно-книжной традиции и т. п. Все это значительно увеличивает ценность для науки проделанной во время экспедиции работы.

Однако чтобы экспедиция по-настоящему была плодотворной, ее надо тщательно и хорошо готовить. Несмотря на то что прошлые экспедиции все были в общем результативными, в работе их имелось немало недостатков, снижавших их итоги. Вот почему, прежде чем говорить о задачах собирательской работы, необходимо остановиться на ее недостатках в прошлом и главным образом на тех, которые встречались в работе экспедиций. Большинство этих недочетов происходило оттого, что экспедициям не придавалось большого значения со стороны руководства учреждениями, которые их посылали, и не вполне сознавалась ответственность работы некоторыми участниками.

Искатели рукописей технически слабо оснащались. Для некоторых экспедиций, например, требовались надувные лодки и другие средства быстрого передвижения в пути. Отсутствие их являлось немалым тормозом в работе, приводило к большой потере рабочего времени.

Отсутствие единого плана собирательской работы по стране и согласованности между учреждениями приводило к ненужному параллелизму, распылению собранных в одном месте рукописей и книг по разным хранилищам. Так, например, было на Керженце в 1957 г., когда здесь одновременно, почти в одних и тех же местах, занимались сбором старинных рукописей сотрудники Пушкинского Дома АН СССР и сотрудники Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В июле 1962 г. сотрудник отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина В. Б. Кобрин выезжал с разведывательной целью в Пинежский район Архангельской области. Но если бы он знал, что за три недели до этого в Пинежском районе побывали в поисках рукописей и небезрезультатно сотрудники Пушкинского Дома АН СССР А. М. Панченко и А. С. Демин, то он, наверно, не совершил бы эту поездку.

Большим минусом в нашей, например, прошлой работе являлось то, что она не доводилась до конца. Начав обследовать какой-нибудь район, съездив в него один-два раза, мы прекращали поиски в нем без достаточных оснований, не доводили их до конца.

Так, в 1958 г. сотрудники Пушкинского Дома АН СССР, побывав в Причудье и найдя здесь немало ценного старинного печатного и рукописного материала, оставили на несколько лет без внимания этот очень

интересный в археографическом отношении край. Нашей оплошностью воспользовался уже известный нам проходимец Севастьянов и по нами же протоптанным тропам нашел и вывез отсюда пять мешков ценных рукописей и книг.

Точно так же не завершено было обследование Красноборского района Архангельской области, самых верховьев реки Печоры. Проведя в верховья Печоры две экспедиции (и не без результатов), мы остановились, переключившись на другие места. Между тем здесь безусловно еще есть рукописная и печатная старина, и ее необходимо собрать возможно скорее. Многие пожилые жители этого края до сих пор отличаются консервативностью взглядов, слепой приверженностью к старообрядчеству. А это всегда гарантия, что рукописи здесь хранятся.

Следует отметить, что некоторые, ответственные за подготовку лица, направляя людей в экспедиции, не всегда следили за тем, достаточно ли хорошо они подготовились к поездке, изучили ли заданный им район. Следствием плохой подготовки, недостаточного знания специфики места и условий собирания оказалась незавершенность работы: пропуски владельцев рукописей и даже целых селений, в которых возможны находки письменной и печатной старины. После этого являлась необходимость снова ехать в этот район, что приводило к новым затратам времени на обследование места и удорожало привезенные отсюда рукописи.

В будущем перед отправкой в экспедицию надо более тщательно проверять готовность ее участников, особенно молодых, малоопытных археографов, едущих в первый раз. Может быть, незадолго до выезда с новичками, не полагаясь на приобретенные ими ранее знания, устраивать что-то вроде семинарских занятий, во время которых проверять не только их подготовку к работе на месте, но и знание материала, который им предстоит собирать.

В процессе самой работы на местах в прошлом также допускалось немало досадных промахов. В некоторых из них повинны не только сами собиратели, но и отдельные учреждения, направившие их. Они не ставили перед ними более широких задач, ограничив круг их деятельности лишь поисками памятников старинной письменности. Между тем такое самоограничение, как показала практика последних лет, приносит ущерб исторической науке.

Большим просчетом, например, наших экспедиций было недостаточное внимание к произведениям старинной печати. Увлечшись розыском рукописного материала, мы частенько забывали о не менее интересных старопечатных книгах, упускали из виду их важную роль в древнерусской культуре, наличие на них весьма ценных приписок и записей. Из наших книгохранилищ, насколько мне известно, только Библиотека Академии наук во время своих экспедиций наряду с рукописями приобретает и ценные в каком-либо отношении старопечатные издания; за последние годы ею привезено с Севера немало ценных изданий кирилловской печати XVI—XVII вв.

Другим серьезным просчетом в собирательской практике на местах следует признать недостаточное внимание к местным рукописным произведениям поздней традиции. В Пушкинском Доме, например, только в самое недавнее время стали приобретать дневники, крестьянские письма, лубки, памятники бытового характера и т. п. Не собирали эти вещи во время своих поездок, насколько я знаю, и другие учреждения. А ведь в этих памятниках прошлой культуры запечатлена живая история края.

Собирая древнерусские рукописи и книги, мы часто допускали на месте неоправданный отбор. Оставляя владельцам многие поздние богослужб-

ные рукописи только на том основании, что они поздние и церковнослужебные, мы забывали, что, переписанные, скажем, в XVIII—XIX вв в Печорском крае, они могли оказаться интересными для лингвиста, палеографа или историка музыки (нотные книги). При этом упускалось из виду и другое важное обстоятельство: собрание старинного рукописного материала, связанного с культом, помогает антирелигиозной работе. Оно лишает отсталую часть деревни и особенно начетчиков-старообрядцев важных средств в поддержании и в пропаганде отжившего религиозного мировоззрения.

Поэтому правильнее было бы на местах подбирать по возможности все рукописи культового содержания, а отсев производить в книгохранилище, после тщательного и всестороннего обследования их специалистами со стороны языка и палеографических данных. Сделать это во время поездки, даже в условиях комплексной экспедиции, с участием представителей смежных специальностей, не всегда представляется возможным прежде всего по отсутствию в пути на это достаточного времени. Скороспелый же осмотр никогда не гарантирует от серьезных промахов.

Практиковавшийся необоснованный отсев рукописного материала во время самого сбора заслуживает осуждения. На местах должны оставаться только не представляющие никакой ценности рукописи и то в исключительных случаях. Но и их надо обязательно брать на учет и кратко описывать. Надо всегда помнить, что, выезжая на место, мы приехали собирать не только отдельные рукописи, но и сведения о всей письменной культуре края в прошлом. Конечной задачей обследования определенного района должна быть сводка возможно более полных данных о прошлой письменной культуре края, ее особенностях и происхождении. В этом смысле собирательской работы на местах, а не только в одном сборе рукописного и печатного материала для пополнения своих хранилищ.

В связи с этим учет оставшегося на местах материала — это важная сторона собирательской работы. Учет — это забота о резерве для наших хранилищ, забота о сохранности несобранных рукописей и книг. Как же он проводится во время наших поездок? Стараясь как можно больше найти и приобрести рукописей и книг, мы иногда забывали записать почему-либо не попавшие к нам сейчас рукописи. Мы не заглядывали вперед, забывали, что если сейчас эта рукопись ускользнула из наших рук, то через некоторое время она может легко оказаться нашей. Я не могу, например, до сих пор простить себе одну такую оплошность. В 1935 г. в Старой Руссе я описывал рукописные материалы в городских хранилищах (музее, архиве и библиотеке), а вечером и в воскресенье посещал старообрядцев города и окружных селений. И вот в одном доме, в самом ли городе или в одном из соседних селений (они так близко были к городу), я сейчас не помню, я за несколько часов до отъезда в Ленинград обнаружил большую старообрядческую библиотеку книг и рукописей. Самого владельца в тот момент не было дома, а жена его, подведя меня к полке и разрешив посмотреть несколько книг, не позволила без мужа знакомиться со всем собранием. Помню, как сейчас, что эта библиотека содержала много интересного. Собираясь еще раз в 1935 г. побывать в Старой Руссе и понадеявшись на свою память, я легкомысленно не записал тогда ни имени владельца, ни номера дома, ни названия улицы. В Старую Руссу я потом так и не поехал, а когда вспомнил через несколько лет об этом собрании, то оказалось, что я забыл, где я его видел. Только помнил, что пробирался я к этому дому в тот вечер через овраг, но оврагов около Старой Руссы и в самом городе было несколько. Но вот в 1949 г. я приобрел в Усть-Цильме более 15 ценных рукописных книг XVI—XVII вв., своевременно зарегистрированных здесь

еще в 1937 г. Тогда, 12 лет назад, владельцы их даже и слышать не хотели о передаче рукописных книг куда-либо.

Своевременная регистрация оставшихся на местах книг и рукописей имеет чрезвычайно важное значение в собирательской практике. Поэтому в будущем от каждого участника экспедиции надо требовать обязательной охранной описи всего осмотренного, но не полученного материала, независимо от его содержания. Эти сведения должны представляться одновременно с отчетом в учреждение как важная часть работы. Здесь на основе их необходимо вести особую картотеку для будущих поездок. Только таким способом можно будет учесть и сохранить для науки наибольшее количество письменных памятников и старинных изданий из числа тех, которые еще находятся в личном пользовании.

Следует отметить еще нездоровую погоню некоторых археографов за количеством привезенных рукописей и книг в ущерб глубине и качеству обследования. Конечно, основная цель всякой экспедиции — привезти возможно больше рукописного материала. Но нельзя при этом упускать из виду другие весьма важные стороны собирательской деятельности на местах. Это тщательное обследование всего района, а не только отдельных, наиболее богатых стариной селений, учет оставшегося материала, собиране сведений о местной письменной традиции (писцах, владельцах собраний, миниатюристах, местных сочинителях и переработчиках старинных произведений и т. д.) и др. Сведений о прошлой письменной культуре простого народа, особенно отдаленных районов страны, почти не сохранилось. Поэтому каждые найденные следы ее представляют определенный интерес.

Когда начнется развернутое, широкое собиране старинного рукописного и печатного материала в стране, следует учесть описанные выше недостатки в работах экспедиций. Надо будет более тщательно технически готовить экспедицию (оснащать ее и т. д.) и подбирать состав ее участников. Собиране старинных рукописей и книг на местах не такое уж легкое и простое дело, даже в нынешних условиях, каким оно может показаться иным с первого взгляда. Успех дела во многом будет зависеть от непосредственных участников, от их действий на местах. Вот почему во главе экспедиций следует всегда ставить лиц, по-настоящему преданных этому важному делу, людей опытных, инициативных и настойчивых, созидающих всю ответственность за порученное им дело.

Для каждого члена экспедиции обязательно хорошее знание топографии района, его истории и быта. Необходимо заранее детально разработать маршрут, выбрать отправные пункты для работы. Весьма желательно, чтобы еще до выезда была установлена непосредственная связь с предполагаемым районом поисков, с учреждениями и лицами в нем, могущими быть полезными (краеведами, старожилами края и т. д.). Это значительно облегчит начало работы на месте. Кроме того, крайне полезно своевременно оповестить население района через местное радиовещание и печать о предстоящих здесь поисках старинного рукописного и печатного материала и о значении его для науки. Подобный шаг подготовит встречу археографов с населением района, а это иногда бывает очень важно. И во время пребывания в районе, в ходе самих поисков, следует возможно чаще прибегать к помощи печати и радио, рассказывать о владельцах, о находках и их ценности и т. д. При умелом использовании этих мощных средств агитации и пропаганды они могут принести большую пользу в работе на местах. Надо использовать как трибуну происходящие здесь совещания, активы, учительские конференции и т. п.

Выполнение всех указанных выше основных требований при организации и проведении экспедиции создает условия для более плодотворного

ее завершения. Не останавливаясь здесь на более мелких требованиях при поисковой работе, которые уже больше относятся к методике собирания, чем к задачам собирательской работы. Но на одном вопросе я все же позволю себе остановиться, поскольку речь идет о собирании именно древнерусских рукописей и книг.

Отправляясь собирать письменную и печатную старину на периферию, следует всегда помнить, что мы имеем дело главным образом со старообрядцами, среди которых имеется еще немало лиц пожилого возраста, воспитанных на обычаях и преданиях старины. Да и в среднем поколении нередко встречаются люди, придерживающиеся отцовских порядков в отношении к старине. Все эти люди всегда внимательно наблюдают за нашим поведением во время разговоров с ними, за тем, как мы относимся к книгам, обращаемся с ними. В зависимости от этого нередко определяется их отношение к нам. Вот почему при встрече со старообрядцами пожилого и среднего поколения, не зная их отношения к старине, надо для предосторожности, чтобы не отпугнуть их, всегда выражать самое уважительное отношение к старинным книгам.

Никогда, например, не следует класть книги и рукописи на пол: это сразу же вызовет настороженность к вам. Не рекомендуется перелистывать книги наотмашь, что считалось у старообрядцев плохим тоном, неуважением к книгам. Они их листают бережно, за правый верхний угол. Тут сказывалось, очевидно, не только уважение к рукописи, но и забота о ее сохранности (книги, рукописи раньше стоили дорого). Не любят старики и укоряют (я это сам несколько раз испытывал на Печоре), когда, сидя с ними, закидываешь ногу за ногу, да еще в таком положении кладешь на колено книгу. Книги лучше класть и рассматривать на столе. Было бы неразумно поддерживать с этими людьми разговоры на религиозные темы, на которые они нередко сами вызывают. Я, например, всегда осторожно отводил такие вопросы, ссылаясь на свою неосведомленность или на какие-нибудь другие, убедительные для них доводы.

Вообще же основная задача собирателя при общении с консервативно настроенными старообрядцами заключается в том, чтобы завоевать у них доверие к себе, расположить их. Тогда успех дела обеспечен. Нельзя заранее предусмотреть все пути к этой цели, здесь многое будет зависеть и от самого собирателя, от его тактичности, умения и опытности и от той обстановки, в какой ведется беседа с владельцем старины. Разумеется, такой «дипломатии» не требуется перед молодежью, даже если она и принадлежит к старообрядческой семье.

Имея в виду изучить свидетельства о письменно-книжной традиции края, составляющей важнейшую часть местной культуры прошлого, археограф должен всегда помнить о создателях и носителях здешней письменной культуры. Ими были представители трудового народа: землепашцы, скотоводы, охотники, рыбаки. Сведений о их духовной жизни сохранилось мало или они известны с какой-нибудь одной стороны (по памятникам фольклора, из этнографического материала и т. д.). Поэтому выезжающему на места археографу, даже приехавшему за древнерусскими книгами и рукописями, не следует ограничивать свою задачу только собиранием этого материала, а надо подбирать все, что может пригодиться при изучении жизни и быта края. Увлечение этим «своим» материалом (что, конечно, вполне правомерно) — строгое разграничение его на нужный и ненужный, без учета специфики места, условий собирания и т. п., приводило на практике к забвению, игнорированию ценного материала поздней традиции (письма, дневники, записные книжки и т. д.) во время работ многих прошлых экспедиций. Во всяком случае этот недостаток характерен был

для ряда более ранних экспедиций Пушкинского Дома АН СССР, в том числе и экспедиций, проведенных автором.

Конечной целью собирательской работы в том или ином районе должна быть всесторонняя сводка сведений, исследование местной рукописно-книжной традиции. Это нужно для историков и краеведов, которые еще так мало знают о духовной жизни местного трудового народа в прошлом и ждут от археографов новых данных.

Но такой подход к археографическим изысканиям на местах потребует от учреждений и непосредственных исполнителей более разностороннего отношения к обследуемому району. Первым и неперемнным условием должно быть самое тщательное изучение всей территории участка. Потребуется не одна-две, а, может быть, несколько экспедиций. При быстром проезде по селениям мало найдешь рукописей и еще меньше узнаешь нужных сведений. А данные о писцах, библиотеках, собирателях рукописей и книг, авторах местных произведений, иллюстраторах надо собирать сейчас же, не откладывая это ни на один день. Пройдет еще несколько лет, и лица, знающие это (большинство из них глубокие старики), могут уйти от нас, лишив нас ценнейших материалов. Насколько опасно откладывать сбор устного материала хоть на один год, автор знает по личному опыту на Печоре. Благодаря этой медлительности он лишился важных сведений о крупнейшем усть-цилемском книгописце и авторе местных переделок XIX в. — И. С. Мяндине.

Тщательное всестороннее обследование Усть-Цилемского района Коми АССР, когда перед исполнителями была поставлена задача более углубленного археографического изучения края, дало свои положительные результаты. Собрано около 500 рукописных книг XV—XIX вв., изучено значительное количество оставшегося на местах рукописного и печатного материала. Записаны важные сведения о носителях местной рукописно-книжной традиции (писцах, владельцах библиотек, миниатюристах и т. п.). Найденные на месте сведения дополнены были разысканиями в архивах Архангельска, Сыктывкара и других городов, причем в большинстве случаев путь к архивным материалам был подсказан находками и записями на местах. Все это вместе взятое дало возможность по-новому взглянуть на культуру и быт усть-цилемцев в XVI—XIX вв., более положительно охарактеризовать их творческие усилия в прошлом.

Подобный взгляд на собиране старинного письменного и печатного материала на местах, предполагающий всестороннее, сплошное археографическое обследование района, соответствует и практике советского архивного строительства. В основу ее, как известно, принята оправдавшая себя система фондирования рукописных материалов, проводимая по принципам историзма, территориальности и недробности фондов. Детальное изучение района, выявление и сбор всех его старинных рукописно-книжных богатств, собиране сведений о его письменной культуре и ее носителях в прошлом как раз и предусматривает в итоге образование исторически сложившегося рукописного фонда (собрания) населения определенного края, области. Создание собраний по территориальному признаку будет способствовать изучению истории и письменного наследства края и положит предел распылению его рукописных материалов по разным хранилищам и собраниям. Это позволит шире и разнообразнее привлекать к исследованию письменные памятники края, находящиеся в других архивохранилищах.

Но для такой работы на местах потребуются расширение обязанностей участников экспедиций и предоставление дополнительного времени на обследование. Ведь придется, как я уже говорил, кроме поисков рукописного материала, собирать сведения о местных школах писцов, отдельных пере-

писчиках, иллюстраторах книг, владельцах библиотек, учитывать и составлять потом список читателей и держателей книг, репертуар вращавшихся здесь памятников, записывать данные о проникновении книг и рукописей в этот район и т. д. Необходимо будет собирать если не все, то наиболее ценные старопечатные издания. Наравне с оставшимися рукописями все их надо регистрировать, особенно же те, в которых имеются приписки и записи, характеризующие отношение читателей к книге, социальный состав читателей и пути проникновения книги. Старопечатная книга при всей ограниченности ее тематики занимала все же определенное место в репертуаре старинного читателя и оказывала большое воздействие на формирование взглядов местного жителя, на круг его чтения.

Собирающий на периферии письменную и печатную старину должен всегда помнить одно важное обстоятельство. Как ни интересна та или иная отдельная найденная рукопись или же издание, ценность, значение их и других приобретенных памятников поднимается, если известно, что они найдены вместе, в одном районе, селении, составляют все вместе как бы единый комплекс, частицу одного когда-то бывшего здесь собрания или же связаны с одним культурным гнездом определенного района. И тем важнее для науки собрание, если сквозь него видна культура целого края, района, а не интересы одного только собирателя.

Существенным просчетом в собирательской работе, вызванным, правда, чаще всего недостатком времени, было то, что мы редко делали попытки установить на месте происхождение той или иной рукописи, ее проникновение в данное место, к данным владельцам. А это очень важно. Чем больше известно сведений о самой рукописи или книге, тем лучше ее можно понять и оценить.

Так, например, покупая в 1949 г. в Усть-Цильме сборник XIX в., я спросил владелицу П. Чупрову, откуда он у нее. Оказалось, что он был переписан для ее деда неким Н. И. Носовым. После этого я взял на заметку почерк, стал искать его и в других рукописях и нашел еще несколько сборников, переписанных Н. И. Носовым. Вскоре выявились два старика, которые помнили этого человека. Потом выяснилось, что Н. И. Носов был одним из плодотворных переписчиков XIX в.

При получении рукописи из вторых рук узнать что-нибудь о ее истории в большинстве случаев не представляется возможным. Вот здесь-то и сказывается большое преимущество приобретения рукописного материала непосредственно на местах, прямо от его владельцев, от наследников носителей и хранителей местной культурной традиции. Такой способ собирания дает возможность не только более тщательно выявить сохранившиеся здесь памятники письменной и печатной старины, но и собрать о них сведения, позволяющие ближе и надежнее подойти к изучению письменного наследия края в прошлом. Вот почему учреждения, имеющие собрания древнерусских рукописей, должны больше практиковать активное собирание материала, т. е. через экспедиции. Пора многим нашим хранилищам отказаться от пассивной формы комплектования, ожидая, когда какой-нибудь «благодетель» принесет и положит им рукописи и книги прямо на стол.

Развертывание собирательской работы на периферии потребует от археографов немало усилий, оперативности. Только четкая организация ее, хорошая предварительная подготовка обеспечит настоящий успех делу. Одним археографам собственными силами трудно будет довести ее до желаемого конца. Поэтому на помощь должны быть взяты все возможные средства, привлечены все организации и отдельные лица, способные оказать поддержку, содействие.

В поиски печатной и письменной старины необходимо прежде всего включить представителей смежных с археографией дисциплин, организующих свои экспедиции на места. Это искусствоведы, лингвисты, фольклористы, этнографы и др. Все они могут оказать большую помощь собирателям. До сих пор они мало использовались нами. Археографы почти ничего не делали, чтобы направить их и на собирание рукописей и книг. Могут указать, пожалуй, единственный пример участия искусствоведов в собирании рукописных книг на местах. Имею в виду сотрудников Русского музея, которые во время своих поездок по Северу разыскивают эти книги для Пушкинского Дома АН СССР. Мы уже получили от них немало ценных рукописей и книг XVI—XIX вв., адресов владельцев рукописного материала.¹²

Большую помощь в собирательской работе на местах могут оказать геологи, топографы и другие их собратья «землепыты». Они обычно забираются в такие места, до которых археографу, не имея специальных средств передвижения, не добраться, нередко и нет особой надобности. Однако окончательно удостовериться в отсутствии здесь рукописей, если есть к тому же возможность, необходимо. Особенно полезными будут геологи и топографы при обследовании глухих лесных избышек охотников и рыбаков, стоящих далеко от постоянного их жилища, в непроходимом лесу или в верховьях малодоступных рек. Путь к этим хибаркам почти всегда связан с большой затратой времени, немалыми дорожными трудностями и, главное, с постоянным большим риском. Многие северные рыбаки и охотники в поисках лучших промысловых угодий забирались, да забредают и сейчас, в самые глухие лесные чащобы, иногда километров за 150—200 от своих селений. Далеко в тайгу убегали скрытники, спасаясь от «прелестей мира сего». Здесь на лесных полянках, вблизи воды, они сооружали себе промысловые избышки и кельи. Все эти люди приносили с собой книги и рукописи: одни для коротания длинных северных вечеров, другие — для «спасения души».

В настоящее время немало таких избышек в северных лесах стоят заброшенными или из-за смерти их хозяина, или же из-за истощения промысла. Почти прекратила существование секта скрытников, оставив на память о себе потомству одинокие лесные домики и землянки. Опыт показал, что иногда в таких бывших лесных пристанищах можно и сейчас еще найти ценные рукописи и старопечатные книги. За последние годы находки были сделаны в Бурятской АССР, Карельской АССР и Коми АССР. Но нередко поездки в эти углы бывают безрезультатными: все, что здесь осталось, давно расхищено и уничтожено.

Еще до отъезда в избранный район следует узнать о работе в нем геологических или иных поисковых партий, по приезде на место установить с ними связь через местные органы власти: райисполком, сельсовет, где всегда знают о их работе. Геологи и топографы редко отказывают в помощи собирателям рукописей и иногда приносят большую пользу.

Приведу пример из своей практики. Летом 1957 г., приехав в Усть-Цильму, я узнал в райкоме КПСС, что неподалеку от бывшего скита Оме-

¹² В 1961 г. сотрудники Русского музея Э. С. Смирнова и Ф. Л. Федотов передали в Пушкинский Дом найденное ими в селе Ковде (Мурманская область) собрание местной церкви, насчитывающее 17 рукописей XVI—XIX вв. и 10 старопечатных книг XVII—XIX вв. С Русским музеем у нас установлен теперь на этой основе тесный контакт. Участники наших экспедиций делятся с ними своими наблюдениями, разыскивают для них нужные им материалы и сведения. К сожалению, бывают случаи, когда отдельные научные сотрудники (лингвисты, фольклористы и др.) приобретенные в экспедиции старинные рукописи и книги не сдают даже в свои учреждения, а оставляют их в личном пользовании.

лино работает ленинградская геологическая партия. Путь в этот давно заброшенный скит был очень трудный, занял бы много времени: деревня находилась в непроходимой глухой тайге, в мелководных верховьях реки Цильмы. Связь летом с ней обычными средствами передвижения была почти невозможна. По рации геологов я связался с ближайшей к Омелино группой, рассказал, где и что надо поискать. Попросил все, что будет собрано, доставить в Пушкинский Дом. Через две недели Пушкинский Дом получил от геологов большую посылку, в которой оказалось более десятка ценных рукописных книг XVI—XVIII вв., несколько старопечатных изданий и масса разрозненных листов из рукописей и книг. В посылку была вложена записка, что «собрано все, до единого листочка». Но это видно было и без записки. Сейчас отдельные памятники из этого ценного собрания печатаются, некоторые уже изданы.¹³ А месяц спустя заведующий хозяйством этой же геологической партии А. А. Марков принес в институт два ценнейших сборника XVII в., найденные им в деревне Филиппово (на Цильме). Один, весь обгорелый, сборник, возможно, является автографом сподвижника протопопы Аввакума попа Лазаря и написан в Пустозерске.¹⁴

Наряду с указанными профессиями к выявлению и собиранию старинного рукописного и печатного материала на местах обязательно следует привлечь краеведов, учителей, пенсионеров (историков, филологов, любителей старины), студентов исторических и филологических отделений местных пединститутов, учащихся старших классов средних школ и даже иногда туристские отряды, забирающиеся частенько в малодоступные районы — места пребывания в прошлом скитников. Организованное и умелое использование всех этих групп, несомненно, принесет большую помощь собирателям.

Участие в поисках и охране памятников письменной и печатной старины широких кругов советской общественности поможет скорее выявить и спасти для ученых немало новых ценных источников по истории нашей родины. Одним центральным архивохранилищам, как бы активно они ни работали, с этой задачей не справиться быстро и хорошо. Территория нашей страны обширна, неисследованных мест имеется всюду немало, а собрание рукописей и старинных изданий у населения не терпит отлагательства.¹⁵

Большую роль в скорейшем повсеместном завершении собирания древнерусских рукописей и книг на местах должны сыграть мощные современные средства агитации и пропаганды: печать, радио, телевидение, кино, лектории и т. д. Надо только чаще, шире и разнообразнее их использовать. До сих пор они по-настоящему к собирательской работе не привлекались.

¹³ Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 466—472.

¹⁴ Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VIII. М.—Л., 1959, стр. 140—141. Здесь и фотография с почерка.

¹⁵ П. С. Богословский. О местных историко-литературных разысканиях. — Север, 1924, № 1(5), стр. 69—71; на эту же тему см. его статью в журнале «Экономика» (1925, № 2—3, стр. 33—34); В. И. Малышев. Поиски древних рукописей. — Вечерний Ленинград, № 90, 15 апреля 1946 г.; М. Тихомиров. Письмо в редакцию. — Вопросы истории, 1948, № 3, стр. 159; П. Ищерилов. О поисках и сборе древних актов и рукописей в Башкирии. — Вопросы истории, 1951, № 10, стр. 115—116; В. Малышев. Собрать древнерусские рукописи. Литературная газета, № 86, 17 июля 1952 г.; Д. Лихачев. Скрытые сокровища. — Советская культура, № 78, 1 июля 1954 г.; М. Тихомиров. Сохранять рукописные богатства. — Литературная газета, № 49, 24 апреля 1954 г.; С. Житомирская. Собрать и беречь ценные рукописи. — Советская культура, № 106, 8 сентября 1956 г.; Константин Коницев. По поводу древних книг и рукописей. — Литературная газета, № 150, 17 декабря 1957 г.; Д. С. Лихачев. Памятники культуры — всенародное достояние. — История СССР, 1961, № 3, стр. 7, и многие другие.

Одной из эффективных форм массовой пропаганды собирания письменной и печатной старины в государственные хранилища могут явиться также хорошо подготовленные выставки привезенного материала, устроенные в наиболее людных местах: кино, театрах, музеях, павильонах-беседках в парках и т. д. Их можно делать сообща, силами нескольких учреждений. Выставляться, конечно, должны наиболее показательные памятники, чтобы на конкретных примерах было видно большое научное значение собирательского дела.

Можно не сомневаться в том, что умелое использование всех этих мощных средств воздействия на массы не замедлит дать свои положительные результаты. Привлечение их на службу собирательскому делу поможет быстрее и лучше разъяснить широким слоям населения большое историко-культурное значение собирания рукописного материала, покажет общенародный характер этого мероприятия. А это в свою очередь будет содействовать более правильному пониманию владельцами задач, стоящих перед археографами, приведет к более бережному отношению к своим книгам и рукописям. Ограничится значительно возможность перехода рукописного материала в руки коллекционеров, будут затруднены действия перекупщиков-спекулянтов типа Севастьянова. Поставленная широко разъяснительная работа облегчит поиски книг и рукописей и переход их от частных лиц в государственные архивохранилища.

С помощью средств пропаганды необходимо возможно скорее преодолеть сложившееся неправильное представление о находящихся у старообрядческого населения городов и сел старинных рукописях как связанных с религией на том только основании, что с виду они все похожи на книги, ранее читавшиеся в церквях. Такое укоренившееся даже среди образованных лиц мнение лишает все без разбору старинные книги и рукописи научного значения, права на внимание к ним и охрану их.

Археографам необходимо вести среди населения широкую разъяснительную работу, на убедительных примерах показывая, как много в старинных книгах сведений о быте и культуре наших предков, сколько в них литературных произведений, ничем не связанных с церковью, как ценны даже старинные культовые книги, отражающие живую речь их писцов, для изучения истории местных говоров. Все эти разъяснения должны вести к призыву бережно относиться к рукописной и печатной старине и передавать ее для научной разработки в государственные архивы и музеи.

Нет надобности приводить здесь примеры того, какую пользу приносит обращение за помощью к печати, радио, телевидению и т. д. Их можно найти в практике Пушкинского Дома АН СССР и в практике других наших архивохранилищ. Хороший пример всем нам показывает деятельность И. Л. Андроникова, яркие выступления которого в печати, кино, по радио и телевидению с рассказами о своих находках оказывают большую помощь и нам, собирающим древнерусские рукописи. Опыт его работы должен быть использован археографами.

В качестве положительного примера использования местной печати для сбора и охраны рукописных богатств укажу на Калининское областное архивное управление. За последние два-три года оно через своих заведующих районными архивами опубликовало свыше двух десятков статей и заметок в областной и районной печати с призывом сохранять и собирать архивные материалы прошлого. С этой же целью оно выпустило специальный настенный красочный плакат с указанием адресов архивов и с характеристикой материалов, подлежащих охране и сбору в государственные учреждения. Калининский областной комитет КПСС, видя большую заботу архивных органов о сбережении рукописного наследства, предложил всем

районным комитетам КПСС оказывать всемерную помощь архивистам в их работе. Нам неизвестны пока итоги работы калининских архивистов, но можно не сомневаться в их хороших результатах. Однако ясно уже и сейчас, что возможность гибели и уничтожения старинных рукописей в Калининской области теперь сведена до минимума.

Неплохо используют местную печать и радиовещание в агитации за передачу старинного материала частными владельцами в государственные учреждения сотрудники Ярославского исторического архива и областного музея. Они установили также тесную связь с городскими антикварными магазинами.

4

Что и как надо собирать во время экспедиций? Вопрос этот всегда вызывает самые противоречивые ответы. Одни стоят за сплошное собирание всего материала, независимо от его содержания. Другие — за строгий отбор на месте. На мой взгляд, более приемлемо следующее решение. На местах во время работы экспедиции надо учитывать все, относящееся к истории быта и культуры, независимо от времени написания, вплоть до дневников участников строительства новой социалистической деревни, записей и воспоминаний фронтовиков Великой Отечественной войны и т. д. Однако приобретать следует материалы, только соответствующие профилю командированного учреждения. Поступая иначе, мы забудем свои фонды не относящимся к ним, хотя для другой области ценным материалом. Больше того, делая так, мы лишаем этот материал активного научного использования (он теряется обычно среди рукописей иного содержания), вносим неразбериху в распределение архивных фондов.

Поясним это положение на примере рукописного отдела Пушкинского Дома АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — литературоведческое научно-исследовательское учреждение, изучающее народное творчество и русскую литературу с древнейших времен до настоящего времени. При Институте имеются литературный архив и музей, собрание древнерусских рукописей и хранилище фольклорных материалов. Находясь в экспедиции, сотрудники сектора древнерусской литературы института собирают прежде всего рукописи и печатные издания старой традиции. Это основной материал их поисков. Но для них обязательным будет также собирание рукописей писателей XVIII—XX вв. и произведений народного творчества, даже в самых поздних записях. Конечно, сотрудник указанного сектора не обязан записывать с голоса памятники фольклора (это дело специальных фольклорных экспедиций), но он обязан узнать о наличии в районе устной традиции, записать сведения (адреса и т. д.) о ее носителях. И если это не будет в ущерб его основной задаче, он должен записать для образца сами произведения или же учесть репертуар сказителей. Оправданным будет собирание некоторого образцового материала, в том числе лубочных картинок и старинных миниатюр, иллюстрирующих содержание и изображающих героев древнерусских произведений, поскольку в Пушкинском Доме имеется Литературный музей, а в нем коллекции такого рода рисунков.

Приобретать же и заполнять свои собрания другим встречающимся материалом Пушкинскому Дому нет необходимости. Прежде всего я имею в виду образцы старинного делопроизводства (грамоты, земельные и усадебные дела и т. п.), остатки архивов местных учреждений (церквей, волостных правлений и т. д.), крестьянских родов, религиозных обществ и сект, а также некоторые виды частной переписки и т. д. Нет никакой надобности

собирать и старинные иконы, в изобилии попадающиеся и сейчас в старобрядческих селениях Севера, Сибири, Поволжья и других областей. Допустимы лишь исключения для таких произведений старинной живописи, которые являются непосредственным отражением памятников древнерусской литературы или могут быть использованы как наглядная иллюстрация к ним (иконы с изображением деятелей старорусской письменности и литературы). Кроме того, надо всегда помнить, что настоящую ценность иконы для науки может определить только специалист-искусствовед.

Но как же поступать со всем этим материалом, остающимся на месте? Весь обнаруженный во время работы экспедиции такой материал надо обязательно брать на учет и под охрану. Взятие на учет есть уже начало охраны. Но этого бывает иногда явно недостаточно. Необходимо позаботиться о сохранности самих рукописей и предметов старинной живописи. Если нет возможности из-за громоздкости или по каким-либо другим причинам (отсутствия денег, времени и т. д.) захватить с собой его или отправить багажом в заинтересованные учреждения, то следует договориться с местными ответственными лицами об охране собранного материала на месте или перенести в другое, более надежное место для хранения. Временно могут быть использованы районные архивы (они, по положению, хранят только современные материалы) и музеи. В селах и деревнях пригодятся помещения сельсоветов, правления колхозов и других государственных учреждений и организаций. И, наконец, можно прибегнуть к помощи отдельных лиц из среды сельской интеллигенции или к услугам местных грамотеев. По возвращении из экспедиции или прямо с места надо сообщить об этих материалах в заинтересованные учреждения.

Возникает и другой вопрос: а все ли рукописи и книги древнерусской традиции следует собирать и доставлять в пославшее вас за ними учреждение? На этот счет среди археографов тоже нет согласия; имеются сторонники сплошного подбора и выступающие за выборочность, отсев. Последняя точка зрения предполагает, что непосредственно на местах должен производиться отбор наиболее ценного рукописного материала. Здесь допускается возможность настоящего, квалифицированного отбора самим участником экспедиции.

Признавая серьезность доводов сторонников этого взгляда на собиранье (засоренность малоценным материалом и т. п.), я считаю все же подход первых более оправданным. В самом деле, как бы ни был опытен участник экспедиции, он не всегда в силах произвести на месте квалифицированный отбор по ряду причин: нередко не хватает для этого времени, подходящих условий и т. д. С другой стороны, даже поздние богослужебные рукописи стандартного текста (евангелие, псалтырь и т. д.) при более тщательном изучении их могут оказаться полезными для лингвиста (чертами живого местного говора, если они переписаны здесь) и палеографа (особенностями местного почерка, орнамента, переплета). Не следует забывать и то, что собиранье старинных книг и рукописей в сельских местностях (да не только в них) лишает отсталую часть населения питательных источников их запоздалых взглядов.

Поэтому, на мой взгляд, если представляется возможность, надо брать все книги и рукописи, а по приезде после внимательного изучения всего собранного позднего материала разными специалистами можно произвести отсев той части его, которая не представляет никакой научной ценности. Я тоже не сторонник захламления собраний малозначимым материалом и ложной погони за количеством номеров. Не это определяет ценность и лицо собрания. Но предлагаемая форма экспертизы рукопи-

сного материала в более подходящей для этого обстановке с участием специалистов смежных дисциплин будет более надежной, исключающей возможность промахов.

Однако на местах после всех наших усилий, не по нашей воле, останется еще какое-то количество старинного рукописного и печатного материала, подчас очень ценного. Владельцы не захотели с ним расстаться. Как тут быть? Решение может быть одно. Весь этот материал зарегистрировать, а наиболее ценные рукописи и книги постараться кратко описать. Производя эту несложную операцию, мы заботимся о будущем: сегодня рукопись не уступают ни за что, через несколько лет отдадут бесплатно.

Вот почему надо вменить в обязанность собирающего рукописи и книги иметь всегда при себе во время работы фотоаппарат. Пусть он будет при нем такой же необходимой принадлежностью, как карандаш и бумага. Фотография наглядно дополнит сведения о рукописи, столбце или книге. Разумеется, не все оставшиеся рукописи надо фиксировать на пленку. Для одних достаточно краткой записи в блокноте, другие можно снять частично, выделив наиболее интересное в них. Ценные, уникальные рукописи, если есть возможность, снимать полностью, включая и переплет. Фотоаппарат необходимо применять не только для регистрации самой рукописи, но и для воспроизведения на пленку современных писцов, владельцев наиболее интересных и больших собраний, бытовой обстановки, в которой находились рукописи (вид помещения библиотеки, собрания и т. д.). Ведь скоро все это уйдет от нас в безвозвратное прошлое, и только фотография может сохранить для потомства бытовую обстановку писателей и держателей письменной и печатной старины.

Кроме частных владельцев рукописей и книг, во время экспедиции встретятся еще государственные архивы, библиотеки и музеи, областные и районные. В них нередко хранятся старинные рукописи и старопечатные книги, иногда даже не описанные как следует. Попадутся закрытые, заброшенные старые церкви, особенно на Севере, сохранившие на колокольнях или в подвалах часть своих бывших собраний. Во всех этих учреждениях и церквях надо обязательно побывать и взять на учет все имеющиеся здесь памятники письменной и печатной старины. Не следует обходить действующие церкви и особенно старообрядческие молельни. Если нет времени сделать описание, то надо составить краткую охранную опись материалов и один экземпляр вручить учреждению для сведения и пользования собранием. Это заставит ответственных лиц более бережно обращаться с данными материалами; они будут знать, что все их старые рукописи и книги зарегистрированы и при случае могут быть с них востребованы. Участник экспедиции обязан (в случае необходимости) проинструктировать сотрудников государственных учреждений о том, как и где следует собирать рукописи, и как их различать по векам и содержанию, и как их описывать.

Попутно заметим, что давно пора снабдить все периферийные архивы, библиотеки и музеи кратким методическим пособием по собиранию и описанию древнерусского письменного и печатного материала. Оно должно также раскрыть значение и ценность этой группы рукописного материала. Написать и опубликовать такую небольшую практическую памятку дело совсем нетрудное, а она спасла бы от гибели и уничтожения немало старинных рукописей и книг.

Наряду с брошюрой соответствующим организациям следовало бы разослать по архивам, библиотекам и музеям, как это сделало, например, по своей инициативе Калининское областное архивное управление, доста-

точное количество листовок-призывов к населению об охране и передаче в государственные учреждения рукописного материала. В этих листовках следует доходчиво рассказать о том, какие рукописи и книги интересуют наши книгохранилища. Подобные листовки-призывы, расклеенные на видных местах в селах и деревнях, принесут огромную пользу делу охраны и собирания рукописного материала.

Возвращаясь снова к задачам участников экспедиций на местах, хочу подчеркнуть, что описание ими рукописей и книг в местных государственных книгохранилищах не должно идти в ущерб их основному занятию — поиску рукописей и книг у населения. Поэтому работа в этих учреждениях должна проводиться в свободное от поисков время или по завершении их. Надо учитывать следующее. Как ни плохо рукописи иногда охраняются в периферийных книгохранилищах, они все же находятся в более безопасном положении, всегда более доступны ученым, чем находящиеся в личном владении, где они теперь редко стоят на полке, в красном углу, в домашнем шкафу. Большой частью их находишь в сараях, чуланах и на чердаках, в старых сундуках, бочках и коробах рядом с ветхим ненужным хламом. В таком положении их ежеминутно подстерегает возможность расхищения и уничтожения. Охрана и собирание этих рукописей — первое и неотложное дело.

Одной из обязанностей участников экспедиций с самого начала их работы на местах должны быть подбор и подготовка доверенных лиц. Как мы уже отмечали, за один-два, а иногда даже и три раза невозможно выявить и собрать все рукописи и книги в районе, как бы энергичны ни были наши действия, какое-то количество рукописного и печатного материала обязательно останется невыявленным. Через местных доверенных людей, не выезжая снова сюда, потом можно будет добирать остатки. Учитывая специфику собирательской работы, характер владельцев и условия хранения рукописной книжной старины, таких людей лучше всего подбирать из числа местных грамотеев и учителей, понимающих ваши цели. По личному опыту я знаю, насколько полезны бывают подобные люди на местах. Не один десяток ценных рукописей XV—XVIII вв. был найден при помощи их на Печоре, в Карелии и в других местах страны.

5

Остановимся теперь на вопросе о том, где исторически складывались центры старинной книжной культуры и где в настоящее время можно искать остатки этой культуры.

При планировании собирательской работы на местах надо прежде всего учитывать, существовала ли здесь в прошлом старообрядческая традиция. Опыт работы последних десятилетий еще раз наглядно показал, что бесполезно искать сейчас старинные рукописи, особенно внекультурные, «четьи», в селениях, не связанных ранее со старообрядчеством. Не выручает даже древнее происхождение некоторых этих селений. Находки в таких местах носят почти всегда случайный характер. В городах — это в большинстве случаев остатки какого-нибудь старого собрания местного коллекционера (коллекционеры, имеющие в настоящее время собрания, в счет не идут, о них речь будет далее) или же остатки библиотек упраздненных общественных организаций и религиозных обществ, не попавшие в свое время в местные музеи и архивы. В сельской местности — это случайно уцелевшие отдельные книги или разрозненные старые деловые бумаги из бывших местных помещичьих усадеб или из книжниц некогда действовавших здесь монастырей и церквей. Поездки

в такие места в настоящее время, как правило, заканчиваются безрезультатно. Поэтому, чтобы экспедиции за древнерусскими рукописями и старопечатными книгами были плодотворными, их в первую очередь следует направлять в известные в прошлом центры старообрядчества или в отдельные старообрядческие селения, жители которых до самого последнего времени еще продолжали придерживаться своих религиозных взглядов. В старообрядческих селах до сих пор обычно сохраняется немало очень древних и ценных рукописей и старопечатных книг, несмотря на многократные вывозы их и истребления на месте.

Хранит рукописную старину до настоящего времени наш европейский север, в прошлом почти сплошь заселенный старообрядцами (Архангельская, Вологодская, Кировская, Пермская области, Карельская АССР и др.). Жители двух крупных в прошлом центров старообрядчества — Поволжья и Прибалтики — тоже еще сохраняют немало старинных рукописей и старопечатных книг: на Керженце, Иргизе, в Черемшанах и других местах Поволжья; в Прибалтике — в Причудье, Сувалках, в Риге, Вильнюсе, в районах Даугавпилса, Резекне и др. Заслуживают еще внимания археографы районы Стародубья и Ветки, входящие ныне в Брянскую и Гомельскую области. Несмотря на то что в двух последних местах в течение нескольких лет подряд активно действовал уже известный нам Севастьянов, ему не удалось вывезти отсюда все наиболее ценные памятники письменной и печатной старины. Их осталось еще достаточно много. Значительная часть местных держателей старины сразу же распознала в Севастьянове пройдоху и спекулянта, хотя он и тонко играл на чувствах верующих. Он приживался здесь представителем то «сгоревшей», то «ограбленной» молельни Ростовской области.

Имеются, по-видимому, рукописные книги во всех местах расселения так называемых семейских старообрядцев и кержаков на Алтае, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но много ли их еще здесь и есть ли среди них ценные, сказать трудно. Одно известно, что они встречаются в этих местах. Восточные районы нашей страны, кстати сказать, почти не подвергались за последнее время серьезной археографической разведке и сохраняют для нас много еще неясного (экспедиции Археографической комиссии обследовали в 1959 и 1960 гг. лишь очень ограниченные участки).

Немало можно найти рукописей и старинных изданий у старообрядческого населения следующих мест нашей страны (административно-территориальное деление дано без учета изменений последних лет).

Алтайский край: город Барнаул, села Анисимово и Чулымшан (Горно-Алтайская автономная область).

Амурская область: селения Бордагон, Буряя, Верхне-Усиновское, Москвитино (на Зее), Загорная и др.

Астраханская область: г. Астрахань.

Башкирская АССР: селения Ирнык, Карлыхапово, бывш. Кусинский Завод, Рахтаны, Саратовка, Столяровка и др.

Брянская область: города Клиницы и Новозыбков, села Воронок, Солова, Елеонка, Стратюа и др.

Бурятская АССР: г. Кяхта, села Тарбагатай, Бичура, Новый Заган, Большой Куналей.

Великолукская область: дер. Скоково Вязского сельсовета.

Винницкая область: города Брацлав, Винница, Гайсин, Тульчин, селения в районах Бершадском (слобода Пилипоновка и др.), Жмеринском (слобода Чернятинская, села Жуковицы, Людовка и др.), Тывровском (Борское, Куриники, Круги, Кроснянка, Бутинка и др.), Барском (с. Балки и др.), Тульчинском (с. Новая Шура и др.), слобода Бершедь, Песники, Курневский монастырь в Чечерницком районе.

Владимирская область: селения Рытово, Мстера, Федурина, населенные пункты в Вязниковском, Гороховецком, Суздальском и других районах и в районе озера Кшары.

Волгоградская область: города Калач и/Д, Котельниково, селения в районах Суrowsикинском (станция Суrowsикино, хут. Лысов и др.), Нижнечирском (хут. Лысово и др.), Фроловском (хут. Грачи и др.), Фрунзенском (хут. Ендовский и др.).

Боронежская область: хут. Ревны, село Никольское, дер. Дегтярное и др.

Гомельская область: г. Гомель, дер. Гусаровка Рогачевского района.

Горьковская область: города Балахна, Горький, пос. Чкаловск (бывш. Васильево), села Чернуха, Останькино, Елесино, Красный Яр, Липовка, Спирково, селения в Семеновском, Сергачевском, Уренском и других районах области.

Грузинская ССР: г. Потн, сел. Шевкитли Махарадзельского района Кутаисской области.

Днепропетровская область: города Днепропетровск, Никополь, сел. Городище и др.

Житомирская область: г. Житомир.

Ивановская область: г. Иваново, местечко Хуторово и др.

Казахская ССР: города Петропавловск, Уральск, селения Беловоды, Коробиха, Тополье (Солонешского района), Черновая, села и деревни по реке Убе и Ульбе, вдоль Уймонского тракта и в Очарытском районе.

Калининская область: города Ржев и Вышний Волочок, село Кузнецово и др.

Калужская область: города Боровск, Калуга, Медынь, Сухиничи, село Полотняный Завод, Поречье, Тараканово, Устоша, Чертевь, Щелканово, селения в Боровском, Сухиничевском и Юхновском (бывш. Мещевском) районах.

Каменец-Подольская область: село Майдан-Александровский Роньковского района и другие селения в этом районе.

Киевская область: города Киев, Черкассы, село Красиловка Ивановского района.

Кировоградская область: села Золотаревка Новогеоргиевского района, Зыбка М.-Висковского района, Зыбкое Ануфьевского района, Клиницы Аджамского района, Красный Яр Новопражского района и др.

Кировская область: г. Омутнинск, села Бураши, Петропавловское, Кондановская, дер. Черная Тучка Мурашинского района, Тушка Малмыжского района и Немда Урмужского района.

Костромская область: г. Кострома, села Вышки, Золотилово, Молитвино, дер. Гаврилово, села Дворищи, Жарки, Куниково, Стрельниково Костромского района, село Дурасово Красносельского района, село Серета и др.

Краснодарский край: г. Приморско-Ахтарск, станция Кавказская и хут. Новонекрасовский Приморско-Ахтарского района, станция Ханская Майкопского района, станции Кирильская, Крыловская, Ленинградская (бывш. Уманская), Новоминская, Новоплатнеровка, Старминская, село Бабук (Сечинского района), селения в Ейском районе и др.

Красноярский край: города Минусинск, Уяр, колхоз «Ударник» Бирялюсского района и др.

Крымская область: г. Керчь, дер. Мама Русская Приморского района.

Курская обл.: г. Рыльск и др.

Ленинградская область: города Гатчина, Тихвин, пос. Вырица и соседние деревни, а также дер. Лампово и др.

Луганская область: села Городище и Орехово Успенского района и др.

Могилевская область: дер. Звальница и соседние с ней селения в Кировском районе.

Молдавская ССР: города Бельцы, Бендеры, Кагул, Кишинев, Оргеев, Тирасполь, села Баляя Радоя, Сакаровка Сынжерейского района, Бычок Тираспольского района, Егоровка и хутора Пыназырены Фалештского района, Куничи Котюжанского района, Новое Грубно Скулянского района, Покровка Атакского района, Сирково Резинского района, Старая Добруджа Бельского района, селения Жебрыны, Муравлевка, Плоское, Теленешты и др.

Николаевская область: г. Николаев.

Новгородская область: города Сольцы, Старая Русса, пристань Взвоз Старорусского района, село Мшага-Ямская и др.

Новосибирская область: г. Новосибирск.

Одесская область: города Балта, Березовки, Болград, Вилково, Измаил Княия, Котовск, Николаев, Одесса, селения в районах Болградском (с. Коссы), Велико-Михайловском (с. Большое Плоское), Килийском (с. Васильевка, Корячка, Приморское и др.), Суворовском (Журавлевка, Новая Некрасовка и Старая Некрасовка и др.), Бородинском (Анновка и др.), селения Акмангит, Волонтеровка, Петропавловский монастырь, Подковка, Староказачье, Ферапольевское (близ Вилкова), Чадыр-Лунга и др.

Пензенская область: г. Каменка и др.

Пермская область: города Верещагино, Кунгур, Чердынь, селения Агеево Верещагинского района, Большое Палкино Унинского района, дер. Лужково Очерского района, селения Большие Дубровки, Пермско-Иринское, Пурга, Очерский Завод, Салвинский Завод, село Ут, станция Шашары (близ Кунгура), села и деревни по реке Колаве, Сылаве, в Соликамском и Чердынском районах.

Полтавская область: г. Кременчуг.

- Приморская область: г. Владивосток, ст. Угольная и др.
- Псковская область: г. Псков, селения в районах Дновском (дер. Корьхово и др.), Локнянском (пос. Локня, Болотово, Сергиевское, Лукино, Рогаткино и др.), Чихачевском (села Чихачево, Сорокино, Тетерки, Шульгино и др.).
- Ростовская область: города Азов, Новочеркасск, Ростов н/Д, станица Маныч (Богатевский район), хутора Курганы (Азовский район) и Гуреев (около Новочеркаска), станицы Орловская, Старочеркасская, села и деревни вокруг г. Азова.
- Рязанская область: города Егорьевск, Рязань, селения Селезнево Клепиковского района, Угорная слобода и др.
- Свердловская область: города Висим, Верхний Тагил, Нижний Тагил, Свердловск (район с. Шарташь и др.), Черноисточинск, заводы Быньговский, Висимоуткинский, Лайский, Михайловский, Невьянский, Нейврудянский, Черноисточинский и др., села Бутка, Нижне-Серги, Пристань (Аргинского района), Уфалей, пристани Межевая и Утка на р. Чусовой, селения вокруг г. Верхотурье и др.
- Северо-Осетинская АССР: гг. Орджоникидзе (бывш. Владикавказ), Моздок и др.
- Смоленская область: г. Сычевка, дер. Малая Липка Сычевского района и др.
- Ставропольский край: города Ессентуки, Кисловодск, ст. Кахинская, дер. Минутка и др.
- Сумская область: г. Глухов, селения Родионовка, Марчихина-Буда, Середина-Буда Ямпольского района и др.
- Татарская АССР: г. Казань, селения Большие Дербышки, Камское Устье (и деревни вокруг), Самачи и др.
- Томская область: город Томск, селения Анисимово, Еловка, Миронская, Новошубинское, Половинка, Шемякино, Шмаково и др.
- Тульская область: г. Тула.
- Тюменская область: г. Тюмень (Заречная сторона).
- Удмуртская АССР: города Глазово, Ижевск, село Балаки Камбарского района.
- Харьковская область: г. Харьков.
- Челябинская область: города Златоуст, Миасс, село Карлыхаповка и др.
- Черниговская область: села Большая Знаменка Новгород-Северского района, Воронок, Добрянка, Карай-Дубина, Никополь, Святское, Чуровичи, дер. Митыково и др.
- Черновицкая область: города Черновицы, Хотин, села Белая Криница, Климовцы Глубковского района, Липованы Вижицкого района, Белоусовка Сожурянского района, Старое Грубно Кельменецкого района и др.
- Чечено-Ингушская ССР: г. Грозный, Кизляр, станица Калиновская Наурского района.
- Читинская область: г. Петровск, село Доно Калганского района, дер. Николаевка и др.
- Ярославская область: города Данилов, Пошехонье-Володарск, Рыбинск, Тутаев, селения Глухово (Ярославский район), Елохино (Толбухинский район), Павликово (Некрасовский район), Самоново (Арфонский район), село Павленха (около пос. Шебунино) и др.

Приведенный список охватывает далеко не все, а лишь небольшую часть тех населенных пунктов и отдельных мест со старообрядческим населением, в которых еще до сих пор возможны поиски старинного рукописного и печатного материала. Он составлен всего лишь на основании отрывочных сведений, оказавшихся у меня под рукой, причем и они вошли в него неполностью. Не желая занимать списком много места, не привожу, например, данных по Куйбышевской, Московской, Оренбургской, Саратовской и многим другим областям, на территории которых с давних времен проживает немало старообрядцев. Указанные по областям сведения не охватывают всего старообрядческого населения этих областей и являются довольно случайными. Сообщая эти сведения, я не претендую на полную; моей задачей было лишь подчеркнуть, что таких мест на территории нашей страны еще немало, во всех ее концах.

Поэтому-то одной из первоочередных задач будущего органа, призванного осуществлять руководство и координирование собирательской работой, будь то совет при Археографической комиссии или же один из отделов Главного архивного управления СССР, должно быть составление исчерпывающего списка мест, подлежащих археографическому обследованию. Без этого немыслимо планомерное, широкое развертывание

поиска рукописного материала. К выполнению этого важнейшего мероприятия следует приступить уже теперь, не дожидаясь создания общего органа по руководству собирательской работой. Удобнее всего сейчас это сделать Археографической комиссией АН СССР, располагающей подготовленными кадрами. Для собирающих древнерусские рукописи и старопечатные книги главным, определяющим признаком пункта экспедиционной работы, как уже отмечалось, должно являться наличие здесь старообрядческого населения в прошлом.

Составление подробного списка старообрядческих поселений не вызовет больших трудностей. Эта работа вполне может быть осуществима даже одним лицом и в короткий срок. В первую очередь надо использовать печатавшиеся в свое время в местных епархиальных изданиях отчеты о состоянии старообрядчества по губерниям. Сводки эти, приготовленные знатоками местного старообрядчества, публиковались почти ежегодно на страницах епархиальных ведомостей, церковных адрес-календарей и тому подобных изданий. Статистические данные их в настоящее время совершенно устарели, но топографическая часть все еще сохраняет свою ценность. Кроме того, некоторую помощь могут оказать различные руководства по борьбе с «расколом» и особенно «Спутники миссионера». В последних обычно давались сведения о размещении старообрядчества и местопребывании всех миссионеров, проживавших обычно в наиболее охваченных старообрядчеством районах.¹⁶ Полезной будет также для составителей книга И. А. Кириллова «Правда старой веры» (М., 1916). В конце ее помещен большой список старообрядческих храмов и молелен, построенных в период самого бурного храмостроительства — в 1905—1914 гг. Молитвенные дома старообрядцев, особенно храмы, чаще всего воздвигались в густозаселенных центрах.

Ценные сведения по размещению старообрядческого населения можно найти также в фондах бывшего св. Синода, хранящихся в Ленинградском центральном государственном историческом архиве. Здесь же находится и фонд Департамента духовных дел Министерства внутренних дел. Последний с 1906 по 1918 г. ведал делами старообрядцев, зорко следил за ними и вел строгий их учет. За каждый год в делах департамента имеются подробные сводки о количестве и местопребывании людей старой веры в Российской империи.¹⁷

И, наконец, данные о современном размещении старообрядческого населения можно получить в канцелярии уполномоченного по делам старообрядчества при Совете Министров СССР, а также на Рогожском и Преображенском старообрядческих кладбищах Москвы и в Общинах Вильнюса и Риги (о прибалтийских старообрядцах).

Таким образом, составление списка мест, заселенных старообрядцами и подлежащих археографическому обследованию, дело несложное. Приготовленный в самом начале работы, он значительно облегчит проведение широких поисков старинного рукописного материала и поможет быстрее и успешнее их завершить, сохранив тем самым многие рукописи и старинные издания от гибели.

6

В предшествующих разделах статьи шла речь об экспедиционном собирании старинного рукописного материала, которое предполагает выезд за пределы своего города, главным образом в отдаленные сельские места.

¹⁶ См., например: Спутник миссионера. СПб., 1900.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 821, оп. 150, № 444 (ведомости об общинах за 1907—1914 гг.) и др.

Однако и в самих городах до сих пор еще встречаются любители письменной и печатной старины, а также родственники бывших коллекционеров, сохраняющие полностью или частично их собрания. Чаще всего такие люди имеются в старинных русских городах, в которых самая внешняя обстановка располагает к собиранию древностей и где к тому же еще совсем недавно были для этого подходящие условия. Любители письменной старины иногда еще попадают в селениях, соседствующих со старообрядцами. У всех этих лиц до настоящего времени сохраняется немало первоклассных памятников письменности, ценных источников по истории нашей Родины. Большинство этого материала неизвестно ученым. Вовлечение его возможно скорее в научный оборот — одна из важных задач, стоящих перед археографами. В этих частных коллекциях содержится много литературного, исторического, бытового и документального материала, ценного для нашей исторической науки, совсем еще не исследованного или даже неизвестного. Перечисляю фамилии известных мне городских держателей письменной старины в порядке алфавита: Аверкиев С. С. (Горький), Аленичев В. К. (дер. Б. Деркали Прейльского района Латвийской ССР), Бирюков В. П. (Шадринск), Богословский П. С. (Москва), Богоявленский Л. П. (Москва), Быков К. М. (теперь у наследников, Ленинград), Виноградов В. В. (Москва), Гемп К. П. (Архангельск), Гранков А. П. (Москва), Евсеев С. Г. (Ленинград), Жадаев П. А. (Вязники), Зубов И. Е. (Даугавпилс), Зуев А. Н. (Москва), Зяблицкий В. Н. (Горький), Киселев С. Е. (Даугавпилс), Кокорев А. В. (Москва), Коничев К. И. (Ленинград), Корин П. Д. (Москва), Красовский П. К. (Даугавпилс), Крылов В. А. (Ленинград), Кузьмицкий Е. К. (Рига), Лесман М. С. (Ленинград), Лукьянов В. В. (Ярославль), Марков В. М. (Казань), Маркушевич А. И. (Москва), Маслов Н. М. (Калуга), Михайлов Д. Д. (Даугавпилс), Михайлов Л. С. (Рига), Мурников А. Л. (Тарту), Николаев Т. В. (ст. Угольная Приморского края), Носов С. А. (Нарьян-Мар), Павлушков Л. С. (Москва), Павлов К. А. (Рига), Попов П. Н. (Киев), Пуцко В. Г. (Глухов, Сумской области), Рождественский В. А. (Ленинград), Саянов В. М. (теперь у наследников, Ленинград), Семенов В. Я. (Горький), Смирнов Н. П. (Городец), Соловьев А. Н. (Ленинград), Степанов А. Л. (Рига), Сузина А. И. (Москва), Сухотеплов Н. А. (Городец), Тарасов В. С. (Ленинград), Тимофеев С. Г. (Ленинград), Тихомиров М. Н. (Москва), Тумилчев Ф. В. (Ростов-на-Дону), Фаддеев П. Ф. (Рига), Хвальковский В. Н. (Москва), Чуванов М. И. (Люберцы I), Шилов Ф. Г. (Ленинград).

Следует отметить, что такие собиратели, как А. П. Гранков, А. В. Кокорев, В. А. Крылов, В. В. Лукьянов, В. М. Марков, П. Н. Попов, М. И. Чуванов и некоторые другие имеют по-настоящему ценные собрания, включающие в свой состав немало редких старинных произведений и материалов по истории и литературе XVIII—XIX вв. А собрание академика М. Н. Тихомирова (оно насчитывает сейчас более 600 рукописей и несколько десятков старопечатных книг XV—XVIII вв.) составило бы честь любому нашему крупному древлехранилищу.¹⁸

Часть владельцев коллекций — работники науки, и ввод в научный оборот принадлежащих им материалов ничем не затруднен: некоторые

¹⁸ В настоящий список вошло лишь несколько старообрядцев — владельцев рукописного материала, поскольку это уже совсем другая категория собирателей, о них речь шла выше. Более подробно о коллекционерах см. мою статью в сборнике «Исследования по отечественному источниковедению (к 75-летию С. Н. Валка)», М.—Л., 1964.

из этих материалов исследуются самими владельцами, другие представляются заинтересованным ученым. И все же желательным было бы иметь хотя бы краткие описи рукописей этой группы коллекций в крупных древлехранилищах или опубликовать их в соответствующих историко-археографических или литературоведческих изданиях. Таким путем о составе этих коллекций были бы оповещены широкие круги научных работников.

Другая группа частных собраний принадлежит коллекционерам — любителям, которые иногда сами не могут должным образом определить научную ценность своих собраний. Учет принадлежащие им рукописи иногда бывает чрезвычайно трудно, и нужен большой такт со стороны археографа, стремящегося привести в известность состав коллекций. Впрочем, следует признать, что большинство собирателей, если и отказывались в продаже своих рукописных и старопечатных книг, зато всегда охотно предоставляли эти ценности для ознакомления, позволяли делать любые выписки и нередко разрешали брать рукописи домой для более детального изучения. Отдельные коллекционеры делились адресами собирателей письменной старины, сообщали места для поисков рукописей. Видно было, что они понимали задачу археографа и, насколько могли, шли ему навстречу.

С сожалением приходится сказать, что до сих пор никто по-серьезному учетом частных собраний не занимался и не занимается. Большая доля рукописных богатств их остается в неизвестности, не находит применения в научных работах. Имена собирателей открываются чисто случайно, через газету или по слухам. Нельзя более или менее точно сказать, сколько их, что они хранят, даже по таким городам, как Москва, Ленинград, Киев, Казань, а уж про другие города нечего и спрашивать. В секциях коллекционеров этих городов собиратели рукописей не выделены в отдельную группу, их обычно заслоняют более многочисленные коллекционеры других специальностей. Собиратели рукописей затерялись здесь среди них. Кроме того, лишь наиболее крупные из коллекционеров рукописей взяты здесь на учет, да и то не все, а владельцы мелких собраний совершенно неизвестны.

Между тем сделанные в свое время пробные шаги по выявлению частных собраний на страницах «Трудов отдела древнерусской литературы»¹⁹ и в работе И. Л. Андроникова²⁰ наглядно показали, какой мощный резерв для пополнения наших архивохранилищ представляют эти собрания.

Как же практически осуществить учет частных собирателей письменной старины? Прежде всего при помощи секций коллекционеров. Они имеются при домах ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Свердловска и других научных центров страны, а также при некоторых краеведческих музеях. Секции через своих членов поддерживают связи с коллекционерами многих других городов, знают содержание их собраний. Эти секции могут оказать большую помощь в знакомстве с частными собраниями не только своего города. На опыте я убедился, насколько полезно поддерживать связь с такими секциями, и считаю большой ошибкой, что по-настоящему не пользовался их помощью в своей собирательской работе. Вторым источником сведений о коллекционерах могут быть букинистические магазины. С ними должна быть установлена

¹⁹ См.: ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 457—468; т. X. М.—Л., 1954, стр. 449—458.

²⁰ И. Л. Андроников. Личная собственность. М., 1960, 94 стр.

самая тесная связь, особенно в тех городах, в которых отсутствуют секции коллекционеров. Около таких магазинов обычно группируются люди, которые много знают по части приобретения всякой старины, в том числе и письменной. Да и сами собиратели ходят в эти магазины «на промысел» и тем самым уже как-то объявляют себя.

Кроме того, придется, по-видимому, чаще, шире и разнообразнее прибегать к помощи печати, радио, телевидения. Надо сообща найти такие формы массовой агитации, которые бы дошли до собирателя, заинтересовали его и вызвали отклик. В этом плане следует внимательно изучить положительный опыт выступлений И. Л. Андроникова в печати, по радио и по телевидению, в которых, как мне думается, уже заложена основа для такой агитации археографов.

Давно уже назрела необходимость по опыту прежних лет подготовить и напечатать возможно скорее справочник собирателей рукописей, хотя бы только на основе уже имеющихся в секциях сведений. Создание такого справочника можно было бы поручить наиболее крупным секциям коллекционеров, например московской и ленинградской. Осведомляя в общих чертах о содержании собраний, он несомненно оказал бы большую помощь исследователям, расширил бы круг привлекаемых ими источников и, главное, ввел в научный оборот много нового и интересного материала. Все справочники и библиографические сводки на эту тему, сыгравшие в свое время положительную роль, в настоящее время устарели и совершенно не могут приниматься во внимание.²¹

В тесной связи с только что изложенным стоит вопрос об изменении порядка приобретения рукописного материала от частного лица, который установлен, например, в системе Академии наук СССР, в частности в Библиотеке Академии наук СССР, Пушкинском Доме, Институте мировой литературы им. А. М. Горького и в некоторых других академических учреждениях. Существующие здесь правила покупки рукописного материала от частного лица настолько неудобны и негибки, что в настоящее время являются лишь большим тормозом в развертывании собирательской работы среди коллекционеров. Оговариваемся, однако, что мы имеем в виду лишь покупки, которые производятся непосредственно в стенах этих учреждений с участием авторитетных оценочных комиссий. В экспедициях при приобретении рукописей на местах принята более простая и быстрая форма расчета с владельцами, не нуждающаяся, на мой взгляд, в изменениях. Здесь для немедленной оплаты достаточно заверки счета в колхозе или в сельском совете. При покупке же самим учреждением предложенной рукописи или собрания надо найти букинистический магазин (или просто книжный магазин), который бы согласился вести расчеты с владельцами после оценки их материалов. Производить непосредственно оплату рукописей указанным учреждениям категорически запрещено. В ре-

²¹ Н. В. Белозёрский. Справочная книга для коллекционеров памятников старины. СПб., 1903; М. Я. Параделов. Адресная книга русских библиофилов. М., 1904; Е. А. Шуманский. Справочная книга для русских библиофилов. Одесса, 1905; У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. — Русский библиофил, 1911, №№ 3, 4, 6—8; ч. II. СПб., 1912; Из записной книжки А. П. Бахрушина. Кто что собирает. М., 1916 и др. См. также: (И. А. Кубасов). Судьбы некоторых библиотек в связи с событиями революционного времени. — Библиотечное обозрение, 1919, кн. I, стр. 152—156; Ф. Г. Шолов. Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора). — Альманах библиофила. Л., 1929, стр. 165—200; И. А. Друганов. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху. — Советская библиография, I—III, 1933, стр. 185—214; II, 1934, стр. 48—78; III—IV, 1934, стр. 127—167; Ф. Шолов. Записки старого книжника. М., 1959, и др.

зультате этого стоимость рукописи удорожается на 20% (эту сумму магазины берут как комиссионную), нередко происходит задержка с выплатой и недоразумения при расчетах с владельцами. Это удерживает некоторых владельцев в следующий раз иметь дело с указанными академическими книгохранилищами и бывает, что играет на руку частным собирателям.

Подведем итоги. Требуются немедленные меры по улучшению собирания письменной и печатной старины на периферии. Необходимы срочная координация всех действий, создание единого органа по руководству и единого плана обследования территории страны. Обстановка настоятельно требует срочного расширения собирательской работы. Работа должна получить общегосударственное значение. Следует привлечь к ней широкие круги научной общественности, сельскую интеллигенцию и т. д. На помощь надо взять все временные средства агитации и пропаганды. Одновременно с поисками рукописей и книг обязательно следует собирать сведения о местной рукописно-книжной традиции. Это должно быть не менее важной частью работы на местах.

Мы приветствуем намерение Главного архивного управления СССР и Археографической комиссии Академии наук СССР обратиться ко всем музеям, районным архивам, к учителям средних и высших учебных заведений, коллекционерам и краеведам с призывом принять все возможные меры для собирания исторических источников на территории своего района или края.²² Но одних призывов, конечно, еще недостаточно. Нужны более действенные меры. Было бы еще лучше, если бы эти две авторитетнейшие организации взяли на себя инициативу по развертыванию, руководству и улучшению собирательской работы на периферии, в частности собиранию старинного письменного и печатного материала. Ведь основная роль в собирании рукописей и книг у населения, особенно на местах, принадлежит специалисту-архивисту, археографу.

Старинные книги и рукописи — народное достояние. Они принадлежат нам и в равной мере нашим потомкам. Последним они, может быть, пригодятся даже больше, чем нам. Вот почему на нас, живущих в бурный период ломки старого, ложится особая ответственность за сбор и сохранность памятников письменной и печатной старины. И наш долг собрать и сохранить их возможно полнее. Этим мы поможем исторической науке и избежим тяжелого обвинения со стороны потомков в равнодушии, бездействии, в том, что мы спокойно взирали, как на наших глазах гибли и уничтожались ценные источники по истории нашей Родины.

²² Г. А. Белов. О научных основах комплектования государственных архивов. Исторический архив, 1962, № 5, стр. 187.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

Задачи составления библиографии библиографий по древнерусской литературе

За последние годы несколько оживилась библиографическая работа в области литературоведения, в частности в той его отрасли, которая исследует историю и теорию русской литературы XI—XVII вв. Однако темп ее развития все еще значительно отстает от потребностей исследователей. Накопленные библиографические сводки по различным темам остаются разбросанными по разным изданиям, отсутствуют обобщающие их указатели, и нередко исследователь, приступая к изучению того или иного вопроса, тратит время на розыски работ своих предшественников, не подозревая, что библиография этих работ уже существует. В связи с отсутствием точных сведений о том, что уже библиографически учтено из источников, изданий и исследований русской литературы XI—XVII вв., объем научной работы каких исследователей уже приведен в известность и что еще предстоит в этом направлении собрать и объединить в соответствующих библиографических обзорах, тормозится и изучение истории развития данной отрасли литературоведения. Становится все очевиднее, что наступило время подвести итоги проделанной библиографической работы и наметить пути дальнейшего ее развития.

Какие же задачи стоят перед «Библиографией библиографии древнерусской литературы»? Какой материал должен в нее войти и как его следует аннотировать, чтобы читателю (не только специалисту-исследователю, но и каждому интересующемуся историей русской литературы) отчетливо было видно, какого рода сведения он найдет в аннотируемом труде, какова степень их достоверности, полноты и т. д.?

Настоящая статья не претендует превратиться ни в опыт составления библиографии библиографий древнерусской литературы (объем которой должен быть довольно значителен), ни в обзор основных библиографических указателей. Ее цель на основе критического просмотра избранных типичных указателей выявить некоторые задачи, встающие перед библиографами древнерусской литературы, определить возможный объем будущей библиографии библиографий, привлечь внимание специалистов к настоящим библиографическим вопросам и вызвать их на обсуждение плана будущей библиобиблиографии.¹

¹ Глубоко признательна консультировавшим меня В. П. Адриановой-Перетц и К. Д. Муратовой.

Со второй половины XVIII в.² когда появились первые опыты библиографирования печатных изданий (изданий гражданской печати) и сведений по древнерусской литературе (см.: Опыт исторического словаря о российских писателях Н. И. Новикова. СПб., 1772), до наших дней накопилось довольно большое число самых разнообразных, отличных друг от друга типов библиографических сводов.

Все эти многообразные библиографические указатели по древнерусской литературе еще не были собраны в едином «путеводителе» по библиографиям — в библиографии библиографий, которая расположила бы материал по определенной системе.

В одном из первых опытов систематизации библиографических обзоров по русской литературе, в библиографическом отделе указателя А. В. Мезьер (Русская словесность с XI по XIX столетия включительно... СПб., 1899), библиография библиографий древнерусской литературы еще не обособлена. (Это и не входило в задачи составителя). «Отдел I» книги, озаглавленный «Библиографические указатели» (стр. 1—21), представляет собой перечень библиографий по всей русской литературе с древнейшей поры до XIX в. Все же этот раздел заслуживает внимания, так как он содержит первые наброски систематизации библиографий по древнерусской литературе.

Отдел разделен на две части по формальному признаку: каким шрифтом отпечатаны библиографируемые книги. Первая группа указателей «Библиография русских книг церковной печати», вторая — «Библиография русских книг гражданской печати». По существу «Библиография русских книг церковной печати» представляет библиографию книг по древнерусской литературе, так как основную часть указателей этой группы составляют «труды по библиографии допетровской письменности». Однако в результате отождествления книг «допетровской письменности» и книг церковного употребления А. В. Мезьер включает в группу библиографий «допетровской письменности» рубрику «д» — «Библиографию духовной литературы» (стр. 11—13), посвященную истории духовных академий, церкви и духовного просвещения и лишь в незначительной части захватывающую материал, который относится к истории культуры и литературы допетровского времени.

В разделе «Библиография русских книг церковной печати», к примеру, оказываются библиография описаний рукописей и старопечатных книг и весь подотдел «А. Общий обзор библиографических трудов», в то время как в число указателей книг гражданской печати попадают те, которые могут быть использованы и при изучении древнерусской литературы. Подобный принцип систематизации библиографических указателей не может быть положен в основу будущей библиографии библиографий древнерус-

² Здесь мы не говорим о более ранних рукописных библиографиях рукописных книг. Возможно, что в библиографии древнерусской литературы перечню первых рукописных указателей следует отвести особый небольшой раздел в виде сноски или исторической справки.

Подробно об истоках русской библиографии и первых русских библиографах, опи-сывавших рукописные книги, и первом указателе «Оглавление книг, кто их сложил», где наряду с рукописными книгами были учтены уже и старопечатные издания, см.: Н. В. З д о б н о в. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. Госкультпросветиздат, М., 1955, стр. 22—39 (см.: обзор литературы вопроса); С. А. Р е й-с е р. 1) Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. Госкультпросветиздат, М., 1956, стр. 5—20; 2) Библиография в XI—XVII веках. — В кн.: Общая библиография. Учебник для библиотечных институтов. «Советская Россия», М., 1957, стр. 429—436; Е. Э. Г р а н с т р е м. Материалы к истории древнерусской библиогра-фии. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 409—411.

ской литературы. Могут быть учтены лишь отдельные рубрики А. В. Мезьер. В частности, отметим, что «Отдел I» указателя А. В. Мезьер делится на два подотдела: «А. Общий обзор библиографических трудов» и «Б. Отдельные труды по библиографии допетровской письменности». Однако наполнение этих двух подотделов должно быть, на наш взгляд, несколько иным. В подотдел «А. Общий обзор библиографических трудов» входит всего 6 названий, и объединяет этот подотдел случайный разнохарактерный материал: памятки А. Котляревского, М. Лонгинова, Р. И. Минцлова, В. М. Ундольского будущим библиографам и общие библиографические указатели по древнерусской литературе (А. Котляревский. Библиологический опыт о древней письменности. Воронеж, 1881; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, тт. I—IV. СПб., 1890—1892). Как общий обзор библиографий по всей русской литературе этот подотдел должен был бы включить материалы из ряда рубрик подотдела «Б. Отдельные труды по библиографии допетровской письменности», из разделов 1 и особенно 2 («Библиографии русских книг гражданской печати»). Если же последовательно выделять из указателя по всей истории русской литературы «допетровскую письменность» и признать, что по своему содержанию «Общий обзор библиографических трудов» должен включать только библиографические труды по «допетровской письменности», то «Общий обзор библиографических трудов» по древнерусской литературе следовало бы дополнить некоторыми указателями типа «Обзора» Филарета (№ 296) из фактически дублирующего его подраздела «I. Общие обзоры», относящегося к тому же подотделу «Б. Отдельные труды по библиографии допетровской письменности», и некоторыми указателями из группы книг гражданской печати (подотдел «Б», раздел «2»). К указателям общего характера следовало бы причислить целый ряд библиографий из группы «Библиография книг гражданской печати», к примеру словаря Н. И. Новикова (№ 393), Евгения Болховитинова (№ 402) и пр. Кроме того, характер общих библиографических обзоров носят такие описания рукописей и первопечатных книг (рубрика «а», стр. 1—8), которые собирают сведения обо всех памятниках древнерусской литературы; к общим указателям могут быть отнесены материалы, собранные под рубрикой «б» «Повременные издания, общества и учреждения, посвященные изучению русской старины» (стр. 8—10), и материалы под рубрикой «д» «Библиография духовной литературы» (из разделов I—III, VIII).

С другой стороны, в числе «Отдельных трудов по библиографии допетровской письменности» совершенно уместны такие узкоспециальные библиографические указатели по отдельным темам, сгруппированные под рубриками: «Библиографические труды, посвященные славянским календарям и азбуковникам» (рубрика «г», стр. 10), «Библиография житий святых» (стр. 12), «Библиография литературы о расколе» (стр. 12), «Библиографические указания о трудах, посвященных истории славянского книгопечатания» (стр. 10—11).

Как видно, указатель А. В. Мезьер еще не оставляет нам никакой определенной и последовательной системы для составления библиографии библиографий по древнерусской литературе. Отсутствует эта система и у В. И. Межова, и у П. К. Симони. Общие библиографические пособия по древнерусской литературе в указателе В. И. Межова (История русской и всеобщей словесности..., СПб., 1872) помещены в разделе общей библиографии по русской словесности («3. Источники для истории русской словесности», рубрика «Б. Библиография»). Не ставя перед собой задачу сгруппировать материалы по истории древнерусской литературы

в специальном отделе, выделить их из всей массы материалов по русской и всеобщей словесности, В. И. Межов отводит этой теме несколько не всегда четких рубрик в разных местах своего указателя (см., например, отдел 2, рубрики «В. Произведения духовной старинной словесности», «Г. Произведения старинной русской письменности, более светского содержания» и др.). П. К. Симони в статье «Библиография русская» (Новый энциклопедический словарь, т. 6. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., стр. 432—502) стремится подобрать важнейшие библиографические обзоры, но при классификации материала ограничивается выделением всего лишь нескольких рубрик (среди них и непосредственно относящиеся к древнерусской литературе): библиография рукописей, старопечатных церковнославянских книг и далее — библиография книг гражданской печати, библиографические журналы, обозрение библиографии повременной литературы, словари писателей и пр.

Таким образом, совершенно очевидно, что библиографы должны прежде всего выяснить структуру будущей библиографии библиографий древнерусской литературы.

В данной статье мы не претендуем представить проспект библиографии библиографий во всех его деталях. Такой проспект сложится лишь тогда, когда будет собран весь материал, который сам подскажет формы членения его на отдельные (тематические) группы.³ Мы ставим на обсуждение лишь некоторые основные вопросы систематизации.

Весь поток библиографических указателей целесообразно разбить на группы, объединенные задачами, которые ставили перед собой их составители темами и характером материала (указатели авторов, произведений, исследований и пр.).

В соответствии с объемом материала все библиографические обзоры распадаются на две большие группы: (I) общие библиографии, охватывающие материал по всем разделам истории древнерусской литературы, подбирающие сведения о древнерусских писателях и произведениях и пр., (II) тематические, подбирающие сведения только по какой-нибудь определенной теме.

В зависимости от задач, которые ставили перед собой их составители, библиографические обзоры, общие и тематические, могут быть отнесены либо к библиографиям, стремящимся дать исчерпывающие, полные сведения, приближающимся по типу к учетно-регистрационным (в дальнейшем они соответствуют рубрике «А»), либо к библиографиям рекомендательно-выборочного характера (рубрика «Б»). Разумеется, нет надобности напоминать, как важно знать, исчерпывающим или выборочно-рекомендательным является тот или иной библиографический указатель и насколько трудно бывает порой определить их степень полноты.

Внутри каждой из двух групп (указатели общие и тематические) необходимо расположить материал по типам обзоров и каждый обзор снабдить краткой аннотацией, в которой, по возможности, следует критически рассмотреть указатель с учетом его значения для своего и нашего времени. Кроме того, в целях облегчения пользования указателем аннотация может отражать и способ расположения в нем материала, его построение.

Особый выпуск «Библиографии библиографий древнерусской литературы» составят указатели описаний древнерусских рукописей: количество

³ При подборе материала должны быть учтены все библиографии как на русском языке и на языках всех народов СССР, так и на иностранных языках

этих «описаний» таково, что один их перечень занимает целые специальные книги.⁴ В основную же библиографию библиографий достаточно включить описания рукописей типа книг И. М. Смирнова,⁵ Д. Джапаридзе⁶ и др.

Поскольку описания старопечатных книг зачастую неразрывно переплетаются с описаниями рукописей, то, очевидно, их также следует исключить из данного выпуска библиобиблиографии.

Далее предлагаем примерный план будущей «Библиографии библиографий древнерусской литературы» в самых общих его очертаниях, иллюстрируя некоторые разделы типами указателей и аннотаций к ним. Попутно коснемся некоторых задач библиографов по составлению полной и отдельных тематических библиографий древнерусской литературы.

I ОТДЕЛ. ОБЩИЕ БИБЛИОГРАФИИ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Существует несколько типов общих библиографий по интересующей нас специальности.

1. Словари древнерусских писателей и сочинений

А

Первый библиографический свод по древнерусской литературе, составленный Н. И. Новиковым при помощи Г. Ф. Миллера и А. П. Сумарокова, представлял собой словарь имен писателей, расположенных в порядке алфавита.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиями и словесных преданий. СПб., 1772, 14, 264 стр.; перепечатано в кн.: Материалы для истории русской литературы. СПб., изд. П. А. Ефремова, 1867, стр. 1—128.

Алфавитный перечень писателей и ученых с XI в. по 70-е годы XVIII в. Учтено не более 50 имен древнерусских писателей и 317 имен деятелей XVIII в. Статья о писателе включает некоторые биографические данные. Названия сочинений писателя не всегда указаны. Встречающиеся ссылки неполны и не всегда точны. Ссылки на имеющиеся рукописные списки ограничиваются указанием библиотеки, в которой рукопись хранится.

В библиографии библиографий древнерусской литературы словари, очевидно, следует разместить в порядке хронологии, соблюдая последовательность их создания и появления в печати. Такое расположение создаст наглядность накопления в указателях библиографических материалов и тем самым облегчит практическое пользование ими.

Другая группа словарей располагает библиографические статьи о древнерусских авторах в хронологическом порядке. Таков словарь писателей, составленный Филаретом, и «Повременной список русских писателей и их сочинений» Н. К. Никольского.

⁴ Подробно о задачах, стоящих перед библиографами, которые учитывают описания рукописей, см. в статье Ю. К. Бегунова (настоящий сборник, стр. 288—302).

⁵ И. М. Смирнов. Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ. Сергиев посад, 1916, 46 стр.

⁶ D. Djaparidze. Mediaeval slavic manuscripts. A bibliography of printed catalogues. Foreword by P. Pascal. Cambridge, Massachusetts, 1957, 134 s. (The Mediaeval Academy of America).

Филарет. Обзор русской духовной литературы, 862—1720 гг. 2-е изд. Харьков, в университетской тип., 1859, 448 стр.; 1-е изд. — Ученые записки АН по РЯС, 1856, кн. III, стр. 1—300 и отд.: СПб., 1856; 3-е изд., с учетом поправок и дополнений автора. СПб., 1884, VIII, 273 стр.⁷

Статьи о писателях (и анонимных произведениях) IX—начала XVIII в. расположены в хронологическом порядке. Словарь дополнительно снабжен двумя алфавитными указателями: писателей 862—1720 гг. (составлен Филаретом) и сочинений (составлен Н. А. Добролюбовым) и хронологическим указателем имен писателей и названий анонимных произведений (составлен М. И. Сухомятиным). 260 словарных статей стремятся включить «с возможной полнотой» (стр. 4) факты, даты творческой биографии писателя, названия его сочинений. Библиографические ссылки даются выборочно, не ко всем произведениям, и содержат сведения (доведенные до 1859 г.) об основных изданиях памятников, а иногда и некоторые шифры рукописей. В связи с ограниченностью задачи в словаре более основательно разработаны статьи о писателях духовного звания с рядом оригинальных изысканий в этой области. Сведения о писателях светских, летописании, старообрядческих сочинениях неполны.

Однако принцип алфавитного и принцип хронологического расположения материала, принятые в словарях древнерусских писателей, уязвимы, поскольку многие имена древнерусских авторов неизвестны, а датировка значительного количества произведений XI—XVII вв. до сих пор весьма приблизительна. Вследствие этого разыскание в словарях сведений об анонимных сочинениях, помещенных среди статей на имена авторов, затруднено, так как заглавия одних и тех же рукописных памятников бывают весьма разнообразны, а хронологическая последовательность в расположении статей допускает колебания порой в пределах столетий. Филарет, например, в решении этих вопросов не всегда был последовательным. В некоторых случаях, когда ему не было известно имя автора, он отводил анонимному сочинению отдельную статью (к примеру статьи об Ипатьевском и Лаврентьевском летописных списках, о летописце Переяславля Суздальского — №№ 41, 42, 43). Чаще он объединял в одной статье несколько хронологически близких произведений по жанровому или тематическому признаку (например, в статье под № 40 совмещены сведения о житии и хождении Ефросинии и житии Авраамия Ростовского; под № 108 — сведения о четвертой Новгородской летописи и о Синодальном списке Псковской летописи; под № 217 — целый ряд имен и названий. Последняя статья имеет свое название «Записки и летописи»). Иногда анонимное произведение Филарет присоединял к статье о писателе, творчество которого было хронологически ближе всего к этому произведению (к примеру в статье под № 66 вслед за указанием имени Прохора епископа Ростовского сообщаются сведения о Повести о смерти князя Михаила Тверского и Повести о князе Довмонте). В результате появились сочетания, вызывающие у нас недоумение, когда в одной статье оказывались совершенно ничем не связанные между собой имена (Московский гость Василий, Афанасий Никитин и Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г., как например в статье № 99).

В 1960 г. вышел словарь украинских писателей, который содержит много материалов и о древнерусских литературных памятниках.

Махновець Л. Є. Українські письменники. Біо-бібліографічний словник, т. I. Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.). Відп. ред. О. І. Білецький. У П'яти томах. Київ, держ. видавництво художньої літератури, 1960, 980 стр.

Алфавитный библиографический словарь украинских и русских писателей XI—XVIII вв. и анонимных сочинений (сгруппированных по жанрам) в трех частях: 1) оригинальная литература XI—XIII вв., 2) XIV—

⁷ Аннотация дается к последнему прижитенному изданию. 3-е издание нуждается в особой характеристике.

XVIII вв. и 3) переводная литература XI—XVIII вв. Словарные статьи содержат основные даты жизни и творчества писателей и состоят обычно из 3 разделов: (I) библиографические списки изданий произведений, (II) исследований и (III) библиографий. Перечень рукописных текстов отсутствует. В дополнение к книге приложены библиографии: 1) курсов истории литературы и основных работ, 2) основных описаний рукописей, 3) старопечатных книг и 4) пособий по палеографии.

Данный указатель, так же как и словарь Н. И. Новикова, помещает библиографические сведения о писателях в алфавитном порядке имен авторов. Многочисленные же сочинения без имени автора Л. Е. Махновец предварительно группирует по жанрам и уже внутри каждой темы располагает их в порядке алфавита названий. Благодаря этому в словаре появляется ряд рубрик типа: «Віршова література (XI—XIII и XIV—XVIII ст. ст.)», «Житійна література» (XI—XIII и переводные жития XI—XVIII вв.), «Слова і поученія XI—XIII ст. ст.», «Драматична література», «Прозова література», «Збірники різні», «Патристична література», «Повісті перекладні».

С целью облегчить пользование словарем, содержащим сведения за восемь столетий, составитель разбивает словарные библиографические материалы на три хронологических отрезка: 1) «Оригінальна література Київської Русі (XI—XIII ст. ст.)», 2) «Оригінальна література XIV—XVIII ст. ст.» и 3) «Перекладна література XI—XVIII ст. ст.». Таким образом, в словаре делается попытка органического сочетания алфавитного принципа с принципом хронологического расположения словарных статей.

Однако составитель не считает свой словарь завершенным библиографическим трудом по данной теме. Вне его задач, например, осталась подготовка сведений о рукописных текстах каждого сочинения XI—XVIII вв. (стр. 13), то, что ставит в основу своей библиографической работы Н. К. Никольский.

Наиболее полным по охвату материала и наиболее совершенным по научной обоснованности принципов библиографирования и систематизации материалов является указатель Н. К. Никольского:

Н и к о л ь с к и й Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., изд. ОРЯС, 1906, VII, 596 стр. (Корректурное издание).

Хронологический словарь древнерусских писателей и произведений X—XI вв., снабженный алфавитным «указателем сочинений», упоминаемых в книге (по «начальным словам их»), и подробным построчным оглавлением. Словарные статьи содержат краткую историю изучения творчества писателя и литературной истории древнерусских произведений и снабжены точными и исчерпывающими библиографическими сведениями о существующих изданиях памятников и обильными дополнительными библиографическими сносками, освещающими целый ряд частных вопросов. Перечень рукописных текстов литературных произведений систематизирован по векам и редакциям. При описании рукописи приводятся начальные строки.

Каждая библиографическая статья «Списка» Н. К. Никольского опирается на предварительное основательное изучение творческого пути писателя и истории каждого отдельного литературного памятника. Переमेжная библиографические статьи об анонимных сочинениях со статьями на имена древнерусских авторов, Н. К. Никольский располагает их все в строгой хронологической последовательности. При этом датировку каждого памятника он кратко обосновывает, а для анонимных сочинений (учитывая, что заглавия древнерусских сочинений варьируются почти в каждом новом списке) избирает принятое в науке название памятника.

В предисловии к своему труду Н. К. Никольский отмечает, что история древнерусской литературы «не богата точными указаниями на время и имена русских авторов» и что многие «общие научные заключения» и играющие решающую роль в библиографическом труде «частные выводы об отдельных писателях и их сочинениях», о фактах их творческой биографии еще зависят «от степени разработки первоисточников и выяснения их хронологического места» (стр. I). Учитывая это, Н. К. Никольский считает обязательным, чтобы любое исследование по древнерусской литературе основывалось на изучении всех рукописных списков произведения в их взаимоотношении, и свой библиографический труд делает пособием для подобного рода работы. Н. К. Никольский считает свой библиографический словарь подготовительными «материалами» к созданию исчерпывающей библиографии по истории древнерусской литературы, основанной на выявлении всех имеющихся древнерусских литературных произведений и всех рукописных списков литературных памятников по всем рукописным собраниям. Однако до сих пор задачи, поставленные перед библиографами Н. К. Никольским, ждут претворения в дело. Отсутствие полного описания всех имеющихся древнерусских рукописей тормозит выяснение полного списка литературных памятников X—XVII вв., их датировку и принадлежность определенному автору (стр. II) (когда атрибуция возможна).

К сожалению, «Повременной список» писателей и их сочинений Н. К. Никольского охватывает лишь X—XI вв. Материалы последующих веков, подготовлявшиеся под руководством Н. К. Никольского в течение 1898—1936 гг., хранятся и поныне в виде рукописной картотеки из 174 тыс. карточек в БАН. «Картотека Н. К. Никольского» является «сводом всех материалов по истории древнерусской письменности» XI—XVII вв., которым неизменно пользуются специалисты-литературоведы иистики русского языка и который ждет своего завершения и опубликования.⁸

В 20—30-х годах составление полной исчерпывающей библиографии по древнерусской литературе шло двумя путями. Картотека Н. К. Никольского должна была по описаниям рукописей и прочим источникам выяснить весь наличный состав древнерусских литературных произведений и их авторов, снабдив эти материалы библиографическими ссылками, шифрами рукописей. И, как бы идея навстречу этой работе, в картотеке, составившейся по инициативе В. Н. Перетца (ныне хранящейся в Секторе древнерусской литературы), должны были расписываться исследования, журналы и издания различных обществ, чтобы подобрать и пополнить библиографию изданий текстов, исследований и печатных сведений о рукописных списках для каждого литературного памятника или автора. Уже была проделана огромная работа, но оба начинания остались неоконченными. Для завершения этого дела исследователям и библиографам-древнерусистам предстоит еще большая подготовительная работа.

Другой тип библиографических указателей по древнерусской литературе представляют

⁸ Подробнее о картотеке Н. К. Никольского, о ее составе и о задачах по ее составлению см.: Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929; В. Ф. Покровская. Картотека акад. Н. К. Никольского. — Труды БАН, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 142—150, В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — Вопросы языкознания, 1961, № 1, стр. 121—125.

2. Библиографии по курсу истории древнерусской литературы

А

К числу библиографий этого типа к примеру может быть отнесен указатель, составленный А. В. Мезьер.

Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. Часть I. Русская словесность с XI по XVIII в. СПб., тип. А. Пороховщикова, 1899, II, IV, 161 стр.

Собственно библиографический указатель по курсу истории древнерусской литературы помещен на стр. 28—33, 56—147 I части. Материал расположен по плану курса И. Я. Порфирьева «История русской словесности, ч. I. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого» (5-е изд. Казань, 1891 г.) в хронологической последовательности и с выделением отдельных тем, вопросов, жанров (см. систему расположения по оглавлению к I части). В библиографии собраны книги, журнальные статьи, газетные статьи по древнерусской литературе и ряду смежных дисциплин (искусству, палеографии, фольклору, юридические материалы и пр.). Всего около 4 тыс. основных номеров работ, просмотренных в основном *de visu*. Библиографические записи о писателях и памятниках включают данные об изданиях текстов и исследованиях, но не содержат перечня имеющихся рукописных текстов. Библиография снабжена двумя алфавитными указателями: а) имен авторов и б) книг и статей, при которых не указано имени автора.

Указатель А. В. Мезьер предназначался «для специалистов ученых ... для преподавателей русской словесности, а также и для учащихся» и для «широкой публики» (см. «От издателя», стр. II) и до сих пор остается единственным в своем роде библиографическим сводом по истории древнерусской литературы, доведенным до 1899 г.

Однако пользование указателем затруднено в связи со сложностью системы расположения библиографических материалов, отразившей устаревшую периодизацию литературного процесса XI—XVII вв.

Хронологическая канва, по которой расположены библиографические сведения о писателях и литературных памятниках XI—XVII вв., раздроблена на ряд условных разделов по частным вопросам, по темам и жанрам, а внутри них — на еще более мелкие подотделы. Например, библиографию о переводных повестях и сказаниях XII—XVII вв. следует искать в начале книги в четырех подотделах отдела «3) Повести и сказания: а) общий обзор, б) повести и сказания, в) сборники повестей и сказаний, изданные по славянским рукописям, г) учебное пособие». Этот отдел является частью «II отдела. Древнерусская заимствованная (переводная) словесность» подотдела «Б. Памятники переводной литературы», который в свою очередь входит в подотдел «Б. Древняя письменность» «IV отдела. Словесность книжная». Однако в этих же отделах следует смотреть и библиографию по некоторым сказаниям, которые в настоящее время принято считать оригинальными (типа «Повести о новгородском белом клобуке», «Повести града Вавилона»). Кроме того, сведения о переводных повестях начала XVIII в. можно найти в отделе «Д. Светские повести переходного времени: а) общий обзор и б) повести начала XVIII века» из раздела «11) Переходное время от XVII к XVIII веку. Петровская эпоха» «подотдела Б. Произведения древнерусской книжной словесности (оригинальной) XI—XVII веков, сгруппированные по векам» отдела «III. Собственно русская книжная словесность».

Выработка этой сложной системы, отраженной в оглавлении книги, представила «немало затруднений» составителю (стр. II). Появление «целой массы мелких рубрик», как объясняет А. В. Мезьер, результат следования тому плану, такой принят в «Истории русской словесности» проф. Порфирьева (стр. II). Не всегда облегчают пользование книгой и два алфавитных указателя: а) имен авторов (совместно исследователей и авторов древнерусских сочинений) и б) «книг и статей, при которых не указано имени автора» (т. е. в одном списке названия древнерусских памятников названия периодических изданий XVIII—XIX вв. и проч.).

Указатель А. В. Мезьер относится к числу тех библиографий, которые стремятся зарегистрировать материал с большей полнотой; он включает книги и журнальные статьи, а также ценные газетные статьи по древнерусской литературе и по некоторым смежным с ней дисциплинам, появившиеся в печати до 1899 г.

Новый указатель подобного рода должен преследовать более сложные задачи, он потребует не только продолжения, но и усовершенствований и дополнений. С другой стороны, возникает вопрос, не следует ли исключить из будущего указателя материалы по целому ряду смежных дисциплин: по живописи, истории русского языка, по юридическим памятникам и пр., которым отведено место в указателе А. В. Мезьер, согласно библиографической традиции того времени.

Вопрос о необходимости включения в библиографические указатели материалов по смежным дисциплинам довольно сложен. По-видимому, он должен быть по-разному решен для библиографий, имеющих различное назначение. Для выборочных библиографий, составленных с учебно-просветительной целью, типа пособия И. А. Шляпкина, такой подбор основной библиографии по ряду смежных дисциплин вполне оправдан.

Б

(Под этой рубрикой, кроме библиографических пособий типа книги И. А. Шляпкина, будут помещены курсы по «Истории древнерусской литературы» для высшей школы, студентов и преподавателей, типа учебников Н. К. Гудзия, которые снабжают основной библиографией каждый раздел книги).

Шляпкина И. А. История русской словесности. (Программа университетского курса с подробной библиографией). СПб., 1913, 67 стр.; 2-е изд., с доп. в отделе библиографии, 1915, I, 69 стр.

Библиография по истории древнерусской литературы дана в приложении к программе университетского курса и представляет собой перечень основных исследований и изданий текстов по литературе XI—XVII вв. Кроме того, приведена основная библиография по ряду смежных дисциплин, а также по истории всеобщей литературы, теории словесности и методологии литературы, даны перечни основных литературоведческих журналов и энциклопедических словарей.

Книга И. А. Шляпкина, рассчитанная на «студентов и слушательниц... высших учебных заведений», а также «молодых преподавателей» и «лиц, начинающих специальные занятия по истории русской словесности» (2-е изд., стр. I), совершенно правомочно содержит сведения по целому ряду «соседних областей науки»: 1) по истории славянских литератур (2-е изд., стр. 9); 2) по истории церковнославянского и русского языка (стр. 9—10); (сюда же входит перечень словарей церковнославянского языка, украинского и белорусского языков); 3) по русской истории (стр. 11); 4) по истории русской церкви (стр. 11); 5) по истории русского права (стр. 11—

12); 6) по истории русского искусства (стр. 12); 7) по русской народной словесности общие работы (стр. 20) и специальные исследования и издания текстов по обрядовой поэзии, былинам, сказкам и др. (стр. 20—28); 8) по славяно-русской палеографии (стр. 28); 9) по методологии истории вообще и методологии истории литературы (стр. 15); 10) по теории словесности (общие работы и специальные пособия) (стр. 16—18); 11) по истории всеобщей литературы и др. (стр. 18—20).

Разумеется, в будущем исчерпывающем указателе по курсу истории древнерусской литературы, который перерастает рамки подсобной учебной библиографии, не должны иметь место многие из перечисленных библиографических отделов.

Однако и современному исследователю все чаще приходится делать экскурсы в смежные дисциплины, и библиографы-отраслевники уже не могут не учитывать статей, написанных археологами, историками, математиками, историками искусства и пр., в которых на своем материале решаются вопросы, связанные с памятниками русской литературы XI—XVIII вв. С другой стороны, навстречу растущим запросам исследователей все более развивается библиография каждой отрасли науки, и уже создан целый ряд указателей по истории СССР, по фольклору, по языкознанию, палеографии и другим наукам, которыми приходится постоянно пользоваться специалистам по истории древнерусской литературы. В связи с этим возникает вопрос: включать ли сведения об имеющихся библиографиях по смежным дисциплинам в библиографию библиографий по древнерусской литературе? Не беремся окончательно его решать. Очевидно, следует ограничиться перечислением в предисловии к библиографии — «Основные библиографические указатели по некоторым смежным дисциплинам»: а) по истории СССР, б) по фольклору, в) по палеографии, г) эпиграфике и др.

Иным типом библиографических указателей по древнерусской литературе являются:

3. Библиографические погодные обзоры изданий и исследований

А

В последние годы все чаще стали появляться погодные библиографические обзоры исследований по древнерусской литературе и изданий текстов. Библиографические сведения в них расположены в хронологическом порядке, по годам и в пределах одного года — в алфавите имен исследователей или названий изданий. Такова «Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.», выполненная группой аспирантов Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР:

Колобанов В. А., Коновалова О. Ф. и Салмина М. А. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Под ред. и со вступит. статьей Д. С. Лихачева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, 170 стр. (ИРЛИ).

Библиография изданий и исследований по древнерусской литературе (с привлечением работ об исследователях литературы, работ по палеографии, собранию древнерусских рукописей), вышедших в СССР на русском, украинском и белорусском языках за 1945—1955 гг. Учтены книги, журнальные статьи. Краткие аннотации даются только в случае, если название работы не раскрывает ее содержания. Библиография снабжена алфавитным указателем, включающим имена древнерусских писателей, исследователей и литературных героев.

Последующие библиографические обзоры подобного типа, особенно если они будут охватывать значительный отрезок времени в несколько лет, требуют от составителей более развернутых аннотаций (чем в данном библиографическом труде), которые помогут снабдить библиографию (кроме алфавитного указателя имен исследователей) совершенно необходимым при хронологическом и алфавитном принципе расположения материала — предметно-тематическим указателем, указателем имен древнерусских авторов и названий древнерусских произведений. Аннотации в таком случае должны будут включить названия исследуемых памятников, имена древнерусских авторов, а иногда и затронутые в исследованиях темы.

Кроме учетно-регистрационных указателей, в группу погодных библиографий следует включить критико-библиографические обзоры работ за определенный период («Б»).

Многие критико-библиографические обзоры содержат ценные, не зарегистрированные еще в печати материалы и потому заслуживают включения в библиографию библиографий. По своим типам обзоры разнообразны и, по-видимому, должны быть размещены по разным разделам библиобиблиографии. К данной группе критико-библиографических обзоров работ по древнерусской литературе за определенный период могут быть отнесены, например, работы Н. К. Гудзия:

Gudzij N. Besprechungen. Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914—1926. Teil I.—Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1928, Band V, Heft 1/2, S. 153—175; 1929, Band V. Heft 3/4, S. 418—471; 1929, Band VI, Heft 1/2, S. 258—269.

Критический разбор работ по истории древнерусской литературы, вышедших из печати в 1914—1926 гг.

В библиографии библиографий древнерусской литературы должны найти место и указатели к журналам и крупнейшим изданиям различных обществ, которые в течение многих лет публикуют главным образом работы по истории древнерусской литературы. В этих указателях исследователи могут встретить целый ряд забытых, редких и ценных статей.

4. Указатели к журналам и крупнейшим изданиям обществ, публикующим главным образом работы по древнерусской литературе

Примеры подобного рода указателей общеизвестны. Новейшим из них является указатель к журналу «Archiv für slavische Philologie», составленный К. Гюнтером:

А

Günther K. Archiv für slavische Philologie Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, Akademie—Verlag, 1962, X, 88 S. (Sonderreihe Bibliographie. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Herausgegeben von H. H. Bielfeld).

Алфавитный трехчастный указатель работ, опубликованных в 1—42 томах журнала «Archiv für slavische Philologie» с 1876 по 1929 г. В I части в алфавите имен авторов — перечень их исследований, опубликованных в журнале. II часть — указатель рецензируемых в журнале работ в алфавите имен исследователей. В книге тематический указатель. (По древнерусской литературе см. материал в разделе: Ostslawisch, russisch Literatur и др.).

В журнале «Archiv für slavische Philologie», ставшем сейчас библиографической редкостью, публиковали свои работы А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский, А. Брюкнер и другие исследователи древнерусской литературы. В наши дни в дело составления указателей подобного рода внесен значительный вклад библиографами Института славистики Немецкой Академии наук в Берлине (ГДР). Ими подготовлена к печати группа указателей по ряду важнейших изданий, в их числе указатели к 190 томам Памятников древней письменности и искусства, 101 тому Сборников ОРЯС и т. п. Однако за пределами внимания библиографов продолжают оставаться еще многие специальные журналы и издания (*Slavia*, *Zeitschrift*, *ИЮЛЯ* и др.).

К данному типу указателей по журналам и крупнейшим изданиям обществ могут быть также отнесены критико-библиографические обзоры работ по истории древнерусской литературы, опубликованных в различных журналах.

Б

В числе примеров критического обзора журнальных статей такого рода может быть приведена работа В. Д. Кузьминой:

Кузьмина В. Д. Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 629—634.

Ценные материалы, не вошедшие в специальные библиографии, собраны М. Н. Сперанским в его критико-библиографическом обзоре статей из журналов «*Slavia*», «*Byzantinoslavica*» и «Трудов съезда славистов в Праге» за 1928—1932 гг.

Сперанский М. Н. Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древнерусской литературы. — ТОДРА, т. I, Л., Изд. АН СССР, 1934, стр. 351—359.

Обзор русских и зарубежных работ (за 1928—1932 гг.), помещенных в «*Slavia*», «*Byzantinoslavica*», «Трудах Съезда славистов в Праге» и других изданиях.

Особый раздел библиографии библиографий могут составить:

5. Библиографии трудов исследователей древнерусской литературы

Очевидно, списки работ исследователей рациональнее всего расположить в алфавите их фамилий:

Абрамович Д. И.

Берков П. Н. Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 613—621.

Все имеющиеся библиографические обзоры работ исследователя обычно можно разбить на две основные группы: 1) собственно библиографические списки работ и 2) краткие обзоры основных работ главным образом в виде юбилейных очерков жизни и деятельности и некрологов. В редких случаях под фамилией исследователя может появиться и третья рубрика: Автобиография. Казалось бы, в данном разделе следовало учесть не только 1) списки работ, но и 2) очерки жизни и деятельности (юбилейные) и некрологи с кратким обзором работ, особенно в случаях отсутствия списков трудов целого ряда видных ученых. Однако при этом возникает опасность, что данный раздел превратится в специальный словарь

исследователей древнерусской литературы, самостоятельную библиографию. Создание словаря исследователей древнерусской литературы, а также и индивидуальных брошюр о каждом исследователе является особой задачей библиографов.

Мы назвали несколько типов общих библиографических указателей по древнерусской литературе. Однако предложенными выше разделами еще не исчерпываются возможности систематизации I отдела «Общих библиографий» по древнерусской литературе. Остается нерешенным ряд вопросов, в частности вопрос — выделять ли в особые подразделы библиографические обзоры в трудах по методологии древнерусской литературы (В. Н. Перетца) и историографии (В. С. Иконникова) и др. Множество новых вопросов еще непременно возникнет в процессе составления библиобиблиографии. Как видим, создание систематизированного «путеводителя», который облегчит пользование всеми существующими разнообразными, общими и тематическими библиографиями древнерусской литературы, т. е. создание библиографии библиографий, является очередной и весьма сложной задачей.

Кроме общих библиографий древнерусской литературы, указанных в I отделе, известно значительное количество тематических библиографических указателей, собирающих материалы либо 1) по группе памятников или жанров, либо 2) по какому-нибудь отдельному литературному памятнику, либо 3) представляющих собой библиографические обзоры по какой-нибудь определенной теме.⁹ В библиографии библиографий древнерусской литературы эти указатели составят

II ОТДЕЛ. БИБЛИОГРАФИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ТЕМАМ И ПАМЯТНИКАМ

По-видимому, во II отделе тематические библиографии, содержащие материалы по группе памятников или определенному жанру, следует расположить в алфавитном порядке названий тем, групп памятников и жанров. Последовательность расположения указателей под рубрикой сохранится хронологическая.

Весьма приблизительный и далеко не полный набросок возможной схемы построения этого раздела мог бы выглядеть примерно так:¹⁰

1. Библиографии, содержащие материалы по группам памятников, жанрам

Апокрифы

Яц и м и р с к и й А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. (Списки памятников). Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. Пг., Рос. гос. академическая тип., 1921, VIII, 273 стр. (С указанием изданий и исследований).

⁹ Примером третьего типа библиографий является указатель С. А. Рейсера: Рейсер С. А. Патриотические идеи в русской литературе. Указатель литературы. Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд., 1945, 103 стр. (ГПБ).

Библиография по теме — патриотические идеи в древнерусской литературе (стр. 38—41).

¹⁰ В схеме во всех выделенных нами разделах II отдела приводим лишь избранные рубрики и под каждой из них — лишь некоторые примеры библиографий. Примеров специальных развернутых аннотаций к библиографическим указателям II отдела не даем.

Летописание

А

Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. Отв. ред. Я. С. Лурье. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, 354 стр. (ИРЛИ).

В Приложении «Библиография избранных иностранных работ по русскому летописанию», составленная Ю. К. Бегуновым (стр. 277—304, 347—353).

Б

Лихачев Д. С. История русского летописания. План курса и краткие методические указания. (Учебный материал № 6). Л., изд. ЛГУ, 1948, 7 стр. (ЛГУ. Отдел заочного обучения. Исторический факультет, III курс).

К каждой теме — основная библиография.

Переводная литература XI—начала XVIII в.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, VIII, 460 стр. (СОРЯС, т. LXXIV, № 1).

Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908, VI, 47 стр. (СОРЯС, т. LXXXIV, № 3).

*Повести*¹¹ (см. также материал раздела «Переводная литература

XI—начала XVIII в.»)

А

Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., изд. Общества любителей российской словесности, 1888, X, 74 стр. Дополнение см. в статье: Пыпин А. Н. Дополнения к Библиографическому списку рукописных романов, повестей и пр. первой половины XVIII века. — Сборник Общества любителей российской словесности за 1890 (1891) год. М., 1890 (на обложке 1891), стр. 541—546.

Назаревский О. А. Знадобі до історії давньої повісті. I. Повістевий репертуар кнївських рукописних збірок. — Записки історично-філологічного відділу Всеукраїнської АН, кн. XXV. Київ, 1929, стр. 315—334.

Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. Вып. 1. Отв. ред. А. С. Орлов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, 326 стр. (Институт литературы АН СССР. Библиография истории древнерусской литературы).

Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. Ред. Н. К. Гудзий и Л. А. Дмитриев. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, 191 стр. (ИРЛИ).

Б

Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. Введение в историю повести. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Приложение: тексты трех повестей. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. М.—Пг., 1923, 96 стр.

«Смутного времени» литература.

Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, М., 1945, № 14, стр. 81—128.

Обзор работ по изучению литературных памятников так называемого «Смутного времени».

Старообрядческая литература (см. также материал в разделе 2. «Библиографии по отдельным памятникам или авторам» под рубрикой «Аввакум Петров»).

¹¹ Для наглядности даем более полный перечень библиографий по «Повестям» и ниже — по «Слову о полку Игореве».

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., изд. Археографической комиссии, 1912, XIV, 534 стр.

Библиография рукописных текстов и изданий.

Театр XVII—начала XVIII в.

Всеволодский-Гернгросс В. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв. — Сборник историко-театральной секции, т. I. Пг., 1-я Гос. тип., 1918, стр. 1—71 (статья 8).

Белецкий А. Старинный театр в России, т. I. Зачатки театра в народном быту и школьном обиходе Южной Руси — Украины. М., т-во «В. В. Думнов — насл. бр. Сасаевых», 1923, 103 стр.

Библиография вопроса (стр. 100—103).

Адрианова-Перетц В. Библиография школьной русской драмы и театра XVII—XVIII вв. — Старинный спектакль в России. Сб. статей. Под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Л., Academia, 1928, стр. 184—197.

Другой вид тематических указателей содержит библиографические материалы по какому-нибудь одному литературному памятнику или автору. Эту группу библиографий, по-видимому, также следует расположить в едином алфавите авторов и памятников. Так же как и в предшествующий (1-й раздел II отдела), во 2-й раздел, очевидно, придется включить целый ряд историографических обзоров при исследованиях:

2. Библиографии по отдельным памятникам или авторам

Аввакум Петров

Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРА, т. X. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 435—446.

Акир Премудрый (Повесть об Акире Премудром)

Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. — ЧОИДР, 1912, кн. 1, отд. II, 288 стр.; 1913, кн. 1, отд. I, стр. 289—562 и отд.: М., 1913, X, 562, 316 стр.

См. историографический обзор исследований о повести.

Горе-Злочастие, повесть

Виноградова В. Л. «Повесть о горе-Злочастии». (Библиография). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 622—641.

Слово о полку Игореве

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Отв. ред. А. С. Орлов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, 110 стр. (Институт литературы АН СССР. Серия «Библиография истории древнерусской литературы»).

Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Под редакцией и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., Соцэкгиз, 1940, 139 стр. (Научно-библиографический отдел ГБЛ).

Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, 90 стр. (ИРЛИ).

Попов П. Н. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 706—716.

Учитывая наличие библиографических лагун по целому ряду отдельных памятников (специальных библиографий по отдельным памятникам очень немного) и отсутствие библиографий по некоторым группам памятников определенного жанра или близких тематически, следует включить в библиографию библиографий ряд фундаментальных монографий и исторических обзоров в том случае, когда они по сути дела содержат библиографические очерки. Мы имеем в виду монографические исследования типа отмеченной книги А. Д. Григорьева «Повесть об Акире Премудром», содержащей исчерпывающую библиографию к данной повести в историографическом обзоре ее изучения (стр. 1—42). По данной повести исследователь найдет материал прежде всего в этой книге. Думается, что в библиографию следует включить и критико-библиографические тематические обзоры типа, например, указанного историографического обзора исследований о литературных памятниках «Смуты» Л. В. Черепнина. Однако библиографические обзоры подобного рода должны занять второстепенное место при составлении библиографии библиографий и включаться в нее только в тех случаях, когда они представляют собой обстоятельную самостоятельную работу и содержат основательные полные и новые сведения об изданных и рукописных текстах и исследованиях.

Повестям и «Слову о полку Игореве» более всего повезло у библиографов. По этим разделам уже существует несколько очень основательно составленных указателей. И в то же время ни по повестям, ни по «Слову о полку Игореве» до сих пор полной, исчерпывающей библиографии нет.

Каждый из названных выше указателей по «Слову о полку Игореве» по сути дела является дополнением другого; они не дублируют друг друга полностью даже в том случае, когда составляются одновременно (так, в 1940 г. вышли 2 самостоятельные библиографии по «Слову...»).

Библиографические указатели по древнерусским повестям, первые из которых появились как результат начавшегося пристального изучения повестей во второй половине XIX в., далеки еще от полного перечня всех названий древнерусских произведений этого жанра.

А. Н. Пыпин первым указал на необходимость введения в библиографии сведений о рукописных текстах повестей. Начиная с его указателя каждая библиография по древнерусской повести включает эти данные наряду с библиографическими перечнями существующих изданий текстов повестей и исследований о них. В своем указателе «Для любителей книжной старины», где собраны материалы главным образом о переводных памятниках первой половины XVIII в., продолжающих традиции древнерусской литературы, А. Н. Пыпин учел около 270 списков, составляющих более 100 названий произведений. (Оригинальных памятников указатель А. Н. Пыпина насчитывает всего 6).

И выпуск библиографии древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, в который вошли материалы о русских оригинальных и переводных повестях XII—XVII вв., ставшие известными к 1940 г., охватывает 74 названия. Сведения о трех новых повестях включает в свою библиографию 1955 г. А. А. Назаревский, дополняя предыдущий указатель В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской новыми материалами (указанием новых списков, изданий и исследований) к 57 названиям.¹²

¹² Что касается принципа расположения материала во всех библиографиях по повестям, то в основу его положен алфавитный порядок, принятый еще в указателе А. Н. Пыпина: данные о рукописных текстах повестей, их изданиях и исследованиях расположены в алфавите названий повестей и имен героев. Лишь в библиографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской этот принцип совмещен с хронологическими подразделениями и выделением оригинальных и переводных памятников.

Трудности библиографирования, выявления всего наличия древнерусских повестей заключены не только в отсутствии полного описания рукописей, раскрывающего содержание рукописных фондов, но и в неопределенности самого понятия жанра повести. В рукописях повести известны под названиями: «повесть», «сказание», «житие», «слово», «притча», «история» и пр.

Составляя библиографию древнерусской повести, В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская ограничили свою задачу подбором материалов только к «одной из групп повестей русского средневековья» (стр. 9). (В библиографическом указателе 1955 г. А. А. Назаревский не расширил этого круга повестей). Из задуманных ими 3 выпусков библиографии был осуществлен лишь первый. 2-й выпуск библиографии предполагалось посвятить повестям и сказаниям, в своей литературной истории связанным с древнерусскими летописными сводами и московскими летописями, циклу повестей о нашествии Батыя на Рязань, о Куликовской битве, взятии Казани, о событиях крестьянской войны и так называемого «Смутного времени», о взятии Азова и др., а также «Слову о полку Игореве». В 3-й выпуск должны были войти сведения о переводных сборниках легенд (из патериков, прологов, «Великого Зерцала», «Звезды Пресветлой», сборников «Грешных спасение»), синодиках и тех русских житиях, которые близки к русской сказке или бытовой повести. В своем завершенном виде библиография должна была бы охватить «не только собственно повествовательные памятники, но и примыкающие к ним как по содержанию, так и по художественному оформлению» (стр. 11).

Однако видим, что этот широкий замысел продолжает оставаться до сих пор задачей будущего. Вне библиографических обзоров находится пока историческая повесть. Так, даже для повести, раздела древнерусской литературы, наиболее в литературном отношении интересного и много изучавшегося, еще нет полной библиографии.

Заканчивая данную статью по поводу будущей библиографии библиографий, напомним, что целью ее было поставить на обсуждение некоторые вопросы по систематизации библиографических материалов и наметить пути осуществления будущей библиографии библиографий древнерусской литературы.¹³ Предварительная работа по подготовке библиографии выявляет насущную необходимость в создании целого ряда библиографических указателей по древнерусской литературе: и общих, и тематических, по отдельным произведениям, авторам, исследователям и пр. Однако этих важных вопросов, стоящих перед библиографами-древнерусистами, мы вынуждены были коснуться в своей статье лишь попутно.

Итак, основной и конечной задачей библиографов по-прежнему остается создание полной библиографии по русской литературе XI—XVII вв., которая охватила бы своими материалами все памятники древнерусской литературы и всех ее авторов, вобрала бы в себя данные обо всех существующих рукописных списках каждого древнерусского произведения, его изданиях и исследованиях, ему посвященных, все имена исследователей и тем самым завершила бы дело, начатое картотекой Н. К. Никольского и картотекой, хранящейся в Секторе древнерусской литературы.

Будущая библиография библиографий древнерусской литературы может послужить материалом для создания такой полной библиографии.

(Подробнее о принципах расположения материалов в указателях см выше, по поводу библиографий из I отдела).

¹³ Что касается указателей, которыми следует снабдить библиографию библиографий, то их желательно иметь как можно больше. Можно наметить алфавитные указатели имен составителей библиографий и авторов исследований, названий библиографий и пр.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ю. К. БЕГУНОВ

«Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви

Во время занятий в фонде редких и рукописных книг Пермской государственной публичной библиотеки имени А. М. Горького мое внимание привлек скорописный сборник XVII в., хранящийся под шифром $\frac{091}{C-421}$ и в нем неизвестное произведение, одна часть которого помещена в начале 15-го «слова» «Просветителя» Иосифа Волоцкого (36-я тетрадь сборника), а другая — в 44-й тетради того же сборника.¹ Приводим этот текст целиком.

^a «Сие слово иное, а не ис тое книги.⁶

В та же времена восхотѣ князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всѣх владыкъ и у всѣх монастырей села поимати и вся к своим соединити. Митрополита же и владыкъ и всѣх монастырей из своая казны деньгами издолвити и хлѣбом изоброчити из своих житницъ.

Призываетъ убо митрополита и всѣх владыкъ и архимандритовъ и игуменовъ и своая мысли совѣтъ имъ открывает и вси ему повинуются, боящеся, да не власти своая отпадут.

Призывает же князь великий игумена Серапиона Троицкаго Сергиева монастыря, да и той отдасть села Сергиева монастыря. Приходит же Серапионъ, игумень Троицкскій, на соборъ и глаголетъ великому князю: «Азь убо приидох к живоначальнѣй Троицы в Сергиевъ монастырь сель монастырю не вдах, единъ у себя имѣя посох и мантию».

Приходит же к великому князю и Ниль, чернецъ з Белоозера, высоким житиемъ || словый сый, и Денись, чернецъ Каменский, и глаголетъ великому князю: «Не достоинъ чернцемъ^в сель имѣти». К симъ же приста и Василий Борисовъ, тферския земли боярин, та же и дѣти великаго князя: и князь великий Василий, князь Дмитрей Углецкий присташа к совѣту отца своего.^г И дьяки^д введенныя по великом князѣ глаголаху: «Не достоинъ чернцемъ сель имѣти». Князь же Георгій всесвѣтлое ничтоже о сих не глаголах.

^{a-б} Этот заголовок на верхнем поле листа. ^в Испр.; в ркп. черцемъ. ^{г-д} В ркп. дьяки; сбоку на поле исправлено и дьяки.

¹ Сердечно благодарю старшего библиотекаря Пермской государственной публичной библиотеки им. А. М. Горького П. Т. Колесникову за помощь в получении фотоконий и в определении внешних палеографических данных рукописи, а также старшего библиографа Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. Н. Розова за содействие при высылке сборника из Перми в Ленинград для занятий. Текст передается, согласно правилам, принятым в ТОДРА: ъ, ъ, ъ везде сохраняются.

Приходит к митрополиту к Симону Серапионъ, игумень Троицкый, и глаголет ему: «О священная главо! Азь убо нищий противу великому князю глаголю. Ты же о сих ничто же не глаголещи». Митрополитъ же Серапиону игумену отвѣща: «Отшли убо от себе Дениса черньца, аз с вами единою глаголю». Серапионъ же митрополиту глагола: «Ты глава всѣм нам, ты ли ся сего боиши?»

а. 346 об. Та же митрополит совокупився архиепископы и епископы, и архимандриты, и игумены и пришед со всѣми глаголатъ великому князю: «Аз убо сель пречистыя церкви не отдаю,^е || ими же владѣли прежнии митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексѣй. Тако же и братия моя, архиепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, сель не отдают церковных».

а. 347 Та же глаголетъ митрополитъ Генадію, архиепискому новгородскому: «Что убо противу великому князю ничтоже не глаголещъ? || С нами убо многогѣчивъ еси. Нынѣ же ничто же не глаголещъ? Генадій же отвѣща: «Глаголете убо вы, азъ бо ограбленъ уже прежде сего».

Генадій нача глаголати противу великому князю о церковных землях. Князь же великий многимъ лаянием уста ему загради, вѣды его страсть сребролюбную. Князь же великий, вся оставив, и глаголетъ: «Вся сия творит Серапионъ, игумен Троицкый».

а. 347 об. Послѣди же сих есть волость, зовома Илемна, и нѣкоторые си чело-вѣцы, злу ради, живуще близ волости тоя, навадиша великому князю, глаголюще: «Конанъ чернецъ переорал землюю между и твою ореть землю, великаго князя». Князь же великий вскоре повелъ черньца представить судищу своему. Мало же испытуя черньца,^{*} посла его в торгъ и повелъ его кнутиемъ бити. А на игумене же Серапионѣ повелъ недѣльщикомъ взяти 30 рублей. И призывает же келаря Васяна и с прещением повелъ всѣх сель || монастырских грамоты к себѣ привести. Васьянъ же келарь призывает недѣльщички и глаголетъ им: «Возьмите, братие, денги, иже повелѣваетъ князь велики». И ни единъ же от них на денги руки не прострѣ, глаголюще: «Не буди нам руки прострѣти на серебро Сергіева монастыря, да не огъзееву проказу примемъ». Серапионъ же игумен входит в церковь богоявления господя бога нашего Иисуса Христа и посылает келаря Васяна в монастырь и повелъ в грамотами быти старымъ старцемъ, которые ис келей не исходят. Священницы же и оставшая братия от церкви да не отходят, предстояще рауѣ Сергія чудотворца день и ношъ. Старые же старцы двинушася, овии на конех, инии же на колесницах, инии же на носилах. В ту же ношъ, в ню же старцы тѣ двинушася из монастыря, прииде же посѣщение от бога на великаго князя самодержца: отнял у него руку и ногу и глаз. В полунощи же посылает по игумена Серапиона и по старцы, прощения прося, и милостыню посылает довольну к братии. Серапионъ же игумен съ братьею возвратися в свой монастырь, аки нѣкїи ратницы крѣпцыи от брани возвратишася, славу воздаша богу, великаго князя самодержца смирившаго».

Сборник, в котором читается данный текст, представляет собой толстую рукопись в деревянном, покрытом желтой тисненой кожей переплете, с двумя застежками, форматом в 4-ку; сборник писан семью скорописными

^е Сбоку на поле помета зри; на нижнем поле листа тем же почерком приписано. Сего слова конецъ в восьмой тетрати, в восьмом листѣ. Посредине л. 346 об. вместо заголовка тем же почерком приписано сие слово иное, что писано указано в восьмой тетрати. Се и конец того слова. Сбоку на поле приписки, зри егда вотчины у церквей и монастырей отняли было, в Провсвителе же 15 слово ж Испр.; в ркп. ченьца

почерками первой четверти XVII в. и насчитывает 487 листов.² В XIX в. этот сборник находился в руках по крайней мере трех владельцев: (1) в 1831 г. в селе Шартас или Шарташском, близ г. Екатеринбурга; (2) в 1878 г. в Екатеринбургском духовном правлении; (3) в Пермской духовной семинарии, куда в конце 70-х—начале 80-х годов прошлого столетия были переданы рукописные книги из Екатеринбургского духовного правления. В 1918 г. этот сборник в составе собрания Фундаментальной библиотеки Духовной семинарии был передан в Городскую библиотеку, ныне Государственную публичную библиотеку им. А. М. Горького.

Филиграни сборника (например, на лл. 161, 191, 210, 311, 346) одни и те же — крепостные ворота с двумя башнями и с фигурой перед воротами, изображающей землю, как №№ 3309, 4175 из альбома Н. П. Лихачева из рукописей 1600—1601 гг.³

В середине и в конце сборника имеются записи, которые позволяют его датировать 1621 г. На л. 310 об. имеется приписка: «Сие есть конецъ книзѣ сей Иосифа Провсвѣтителя. Писана сия книга лѣта 7129-го» (т. е. 1621 г.). На л. 464 имеется приписка: «От времени же временену учащения день тысящи два ста девять десятъ. Блаженъ терпяи и постигий въ дни девять десятъ триста тридесать пять. Словеса убо писанная приидоша въ конецъ, уму же да не будет когда прияти конецъ. В любительстве душепитательных словесъ кое убо когда будет влаги же насыщение». «День тысящи два ста девять десятъ» — это «день 1290», по всей вероятности, может быть расшифрован как 129-й год 7-й тысячи, т. е. как 7129 г. Эта дата согласуется с датой приписки в конце «Просветителя» Иосифа Волоцкого (7129). «Въ дни девять десятъ триста тридесать пять» — это 335-й день девятого (т. е. 7129-го) года или 1 августа 1621 г. Очевидно, «Пермский» сборник был сшит в 1621 г. (не позднее 1 августа) из нескольких сборников меньшего объема (на нижнем поле сборника имеются буквенные обозначения тетрадей с 1 по 44 (лл. 1—346), с 1 по 7 (лл. 387—442), с 1 по 3 (лл. 443—464). В составе этого сборника нет ни одного произведения моложе начала XVII в.: к началу XVII в. относятся распространенная редакция Жития псковского князя Довмонта-Тимофея, «Повесть о чудном видении спасова образа» из Новгородской Забелинской летописи начала XVII в.; к концу XVI в. относится выписка из «Хождения» Трифона Коробейникова «О путях к Царьграду и Иерусалиму», к 1565—1571 гг. — «Повесть о чудесах образа богородицы Одигитрии на Выдропуске», к середине XVI в. — третья редакция «Просветителя» Иосифа Волоцкого, «Сказание Максима, старца горы Синайския», «Повесть о царице Динаре», к началу XVI в. — «Послание» Филофея «на звездочетцы» и первая редакция Хронографа. Остальные сочинения, составляющие Пермский сборник, переводные, известные в русской литературе XI—XII вв.: из Синайского патерика, из Физиолога, Житие Евстафия, Апокрифы Ипполита, папы Римского, «Об антихристе», «Слово о псалтыри, како списася царем Давидом», выписки из Типика (церковного устава), поучения «отцов церкви».

Новонайденное произведение находится в самом конце первой части сборника, состоящей из 44 тетрадей, написанных единым почерком в 1621 г., — в 36-й и 44-й тетрадях. Состав этой части сборника следующий.

² Ввиду ограниченного объема статьи полное описание состава рукописи и всех находящихся на ней записей не могло войти в нее. Это описание передано мной в каталог Пермской государственной публичной библиотеки им. А. М. Горького, где хранится сборник.

³ Лихачев. Вод. зн. ч. II, стр. 117—118; ч. III, табл. ССССXXXVII, DCXXII.

Лл. 1—284, 285 об.—310 об.: «Просветитель» Иосифа Волоцкого под заглавием: «Сказание инока Иосифа грѣшнаго о новоявившейся ереси новгородских еретиковъ и отступниковъ Алексѣя протопopa и Дениса попа, и Федора Курицына, и всѣх, иже такоже мудръствующих». (Нач.: «Подобаетъ вѣдати, яко многи ереси в различныя лѣта и времена диаволъ внесе...»). Это список полного, шестнадцатисловного «Просветителя» пространной редакции со «Сказанием о новоявившейся ереси» в третьей редакции (совпадает с разночтениями нифонтовского списка).⁴ На полях — ряд приписок и дополнений о митрополите Зосиме, о Пахомии, основателе трех первых монастырей, из Хронографа третьей редакции («зри», «зри опасно», «зри испытанно»).

Лл. 284 об.—285 об.: «Сие слово иное, а не ис тое книги».

Лл. 311—320: Послание инока Елеазарова монастыря Филофея к дяку Мисюрю Мунехину «на звездочетцы» (Нач.: «Государя великого князя дяку государю имя рек Елизарева монастыря нищий богомолецъ старецъ имя рек бога молить и челом биеть...»)⁵

Лл. 320—346 об.: «Сказание Максима, старца горы Синайския», на полях прибавлено: «царю Ивану в мужеложестве» (Нач.: «Господи Иусе Христе, сыне едиnorodный, безначальнаго ти отца реки пречистыми ти усты...»)⁶

Лл. 346 об.—347 об.: «Сие слово иное, что писано указано в восьмой тетради. Се и конец того слова».

Как видим, новонайденный памятник не имеет собственного заглавия: дважды он назван составителем сборника 1621 г. «Словом иным, а не ис тое книги», т. е. не из «Просветителя» Иосифа Волоцкого, который составитель сборника именуется «книгой».⁷ Из этого названия видно, что писец предупреждал читателя о независимости «слова» от того текста, в который оно по частям вписано. По-видимому, причина, по которой «Слово иное» оказалось вписанным в текст «Просветителя», была чисто внешней: заметив пропущенные им при переписке этого произведения свободные листы, писец заполнил их текстом другого сочинения, тщательно выделив его пометами из окружающего текста.

Новонайденное произведение представляет интерес как для исследователей общественно-политической борьбы вокруг вопроса о монастырском

⁴ Исследователю литературной истории текста «Просветителя» Я. С. Лурье этот список известен не был (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 477—486). Он относится к Ундольскому изводу третьей редакции «Просветителя», возникшему в 40—50-е годы XVI в. (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Стр. 456; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века М.—Л., 1960, стр. 471—473).

⁵ Текст Послания инока Елеазарова монастыря Филофея к Мисюрю Мунехину «на звездочетцы» издан: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901, приложение, стр. 37—47.

⁶ «Сказание Максима, старца горы Синайския» известно в рукописи XVI в. — ГИМ, Синодальное собрание, № 935, лл. 308—333 об. А. В. Горский и К. Н. Невоструев по поводу этого «Сказания» заметили следующее: «Пространное послание к царю, имя которого не означено, но должно быть Иоанну Васильевичу, писано не Максимом Греком, а кем-то из русских об искоренении некоторых плотских пороков, усилившихся в России» (А. В. Горский и К. Н. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писание св. отцев. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862, стр. 628—629). Однако никаких аргументов в пользу своего предположения А. В. Горский и К. Н. Невоструев не привели. Текст этого «Сказания» не был включен в трехтомное собрание сочинений Максима Грека. В 1874 г. оно было опубликовано по рукописи Софийского собрания № 1281 (ЧОИДР, 1874, кн. 1, отд. I, стр. 69—87).

⁷ В дальнейшем называем памятник этим условным наименованием.

землевладении в начале XVI в., так и для исследователей древнерусской публицистики и общественной мысли XVI в. В нем сообщаются чрезвычайно важные и новые факты о соборе 1503 г. и о конфликте между великим князем Иваном III и Троице-Сергиевым монастырем, дополняющие и уточняющие сведения, известные по опубликованным источникам о соборе 1503 г.: 1) «Соборному ответу» великому князю Ивану III (в двух редакциях),⁸ 2) «Прению Вассиана с Иосифом Волоцким», составленному около 1515 г.,⁹ 3) «Письму о нелюбках», составленному в 40-е годы XVI в. (не ранее 1532 г.) со слов монахов-иосифлян Нила Полева и Дионисия, князя Звенигородского,¹⁰ 4) Житию Иосифа Волоцкого, составленному сподвижником Зиновия Отенского агиографом Львом-Аникитой Филологом в середине XVI в. (между 1539 и 1566 г.),¹¹ кратко излагающему весь ход соборных заседаний, 5) Житию Серапиона, архиепископа Новгородского, по мнению некоторых исследователей, основывающему на известиях Жития Иосифа Волоцкого и датируемому серединой XVI в.¹²

«Слово иное», судя по характеру сообщаемых в нем сведений, стоит ближе к «Соборному ответу», чем к поздним источникам «Письму о нелюбках» и Житиям Иосифа и Серапиона. В нем ничего не говорится ни о полемике между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, ни о выступлении последнего. Согласно «Слову иному», основные споры на соборных заседаниях разворачиваются не между «нестяжателями» и «иосифлянами», а между великим князем Иваном III и соборным большинством во главе с митрополитом Симоном. Если верить нашему источнику, намерения великого князя были вполне определенными: «у митрополита и у всѣх владыкъ и у всѣх монастырей села поимати и вся к своим соединити», т. е. это означало бы полную, а не частичную секуляризацию всех земель церкви, в том числе монастырских церковных и святительских с компенсацией духовенства взамен утраченных вотчин деньгами и хлебом. Как известно, «нестяжатели» вопрос о секуляризации в такой плоскости не ставили, ограничиваясь лишь постановкой вопроса в морально-этическом плане; вотчинный быт монастырей противоречит духу обета иноков, монахам не подобает владеть селами и нивами и жить за счет эксплуатации крестьян.¹³ Следовательно, постановка вопроса о секуляризации на соборе 1503 г. исходила не от «нестяжателей», а от самого великого князя Ивана III, понимавшего необходимость воспрепятствовать непомерному росту землевладения церкви и создать экономическую базу для укрепления централизованного государства. В своей борьбе за секуляризацию на соборе Иван III опирался на заволжских старцев-пустынников — Нила, чернца с Белоозера,¹⁴ и Дениса, чернца Каменского,¹⁵ на некоторые круги

⁸ Издание текста см.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 322—329.

⁹ Издание текста см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 279.

¹⁰ Издание текста см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 366—369.

¹¹ С. Иванов. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого? — Богословский вестник, т. III, сентябрь. СПб., 1915, стр. 173—190; издание текста см.: ЧОИДР. М., 1903, кн. 3, отд. II, стр. 1—47.

¹² А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1953, стр. 174—175; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века, стр. 429—430; текст «Жития» Серапиона не издан.

¹³ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев..., стр. 78 и сл.

¹⁴ Нил Сорский (1433—1508), основатель заволжского пустынножительства, об участии которого в работе собора 1503 г. говорится также в «Прении Вассиана» и в «Письме о нелюбках».

¹⁵ Возможно, что это был Дионисий [в миру Данило Васильевич Лупа, князь Звенигородский, умерший в 1538 г. (см.: П. Долгоруков. Российская родословная

богатого тверского боярства (Василий Борисов)¹⁶ и представителей великокняжеской администрации (введенные дьяки),¹⁷ на своих сыновей — князя великого Василия, князя Дмитрия Углицкого. Лишь один князь Георгий «всесвѣтлое ничто же о сих не глаголах».¹⁸ Все же остальные вышеназванные лица выступили на соборе с призывом: «Не достоить чернцемъ сель имѣти».

«Слово иное» — первый среди известных нам источников называет членов великокняжеской семьи, представителей государственного аппарата и боярства в числе активных борцов за секуляризацию. Очевидно, что правительство Ивана III рассматривало секуляризацию как новый источник увеличения земельных фондов для покрытия все возрастающих государственных расходов и для раздачи растущему дворянству. Секуляризация, очевидно, устраивала и известные круги боярства, надевшегося отвлечь внимание правительства от боярских вотчин, приостановить процесс поглощения выморочных боярских вотчин монастырями и получить обратно часть своих земельных вкладов.

В числе сторонников секуляризации мы видим и будущего государя Василия III (1505—1533), в дальнейшем продолжавшего политику ограничения роста монастырских вотчин и покровительства «нестяжателям» (митрополиту Варлааму, Вассиану Патрикееву).¹⁹

Против предложения о секуляризации решительно выступило большинство присутствовавшего на соборе духовенства. Автор «Слова иного»

книга. СПб., 1854, стр. 70)], постриженник Иосифа монастыря, который вместе с Нилом Полевым перешел к Нилу Сорскому в заволжские скиты и там жил до 1511—1512 г. (согласно «Письму о нелюбках», без разрешения Иосифа Волоцкого, а согласно «Житию Иосифа Волоцкого», составленному Львом-Аникитой Филологом, с благословения Иосифа). В начале XVI в. Дионисий, князь Звенигородский, живший в «духовной любви» с «нестяжателями», переписал «предисловие» и 11 глав «Устава Нила Сорского» [см.: ГИМ, Епархиальное собрание, № 351 (518)].

¹⁶ Василий Борисов — это богатый тверской боярин, представитель знатного рода «удалых Борисовичей», упомянутых еще в «Песне о Щелкане». Род Борисовичей или Борисовых был популярен в Твери в XVI—XVII вв. «Старший и наиболее крупный землевладелец Василий Петрович Борисович, доживавший свой век в Москве, имел села и деревни в разных волостях, но основной массив земель (109 деревень и починок) был в волости Кавь» (Н. Н. Воронин. Песня о Щелкане и тверское восстание 1327 г. — Исторический журнал. М., 1944, № 9, стр. 76; см. также: Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. 2, стр. 181, 184, 195, 226, 278, 284—287). Любопытно отметить, что в середине XVI в. два представителя этого же рода Г. Т. и Н. Т. Борисовы-Бороздины были участниками еретического кружка Матвея Башкина (см.: А. А. Зимин и И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 170).

¹⁷ Введенные, великие или большие дьяки были начальниками канцелярий крупнейших московских приказов, они входили в состав Боярской думы. Эти дьяки докладывали о делах, которые решал сам князь с советом бояр, и помечали их приговоры. (В. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902, стр. 267; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 180).

¹⁸ Старший сын Ивана Васильевича от Софьи Палеолог Василий (1479—1533) в последние годы жизни своего отца носил титул великого князя (с 1499 г.) и был его соправителем; Георгий (1480—1536) — второй сын от Софьи Палеолог; Дмитрий (1482—1521), третий сын от Софьи Палеолог, получил титул Углицкого князя, согласно завещанию своего отца, с 1505 г. (см.: СГД, т. I, № 144; А. В. Экземплярский. Углицкие владетельные князья. Ярославль, 1889, стр. 72). Два других сына Ивана Васильевича — Симеон и Андрей — в момент собора 1503 г. были еще очень молоды, первому было 16, а второму — 13 лет. Уклончивая позиция князя Георгия на соборе 1503 г. объясняется, по-видимому, его близкими, дружескими отношениями с Иосифом Волоцким (см.: В. М. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 737—740; Послания Иосифа Волоцкого, стр. 232—236, 282—284).

¹⁹ С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством русского централизованного государства в 1-й трети XVI века. — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 269—296; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев. . .

на первом месте называет Серапиона, игумена Троице-Сергиева монастыря, митрополита Симона, архиепископа новгородского Геннадия.²⁰ Автор «Слова иного» особенно подчеркивает значительную роль игумена Серапиона в деле сплочения соборного большинства против секуляризаторских намерений великого князя. «Слово иное» в сопоставлении с другими источниками позволяет нам в общих чертах воссоздать ход событий во время собора 1503 г. Но прежде всего необходимо выяснить, в какой хронологической последовательности придерживается автор «Слова иного» в изображении событий. Ведь рассказ о соборе 1503 г. не имеет конца, он как бы обрывается сообщением о разговоре архиепископа Геннадия с великим князем, во время которого последний прервал свои угрозы по адресу новгородского архиепископа («князь же великий вся оставив») и, быть может, желая оправдать свои секуляризаторские устремления, сказал: «Вся сия творит Серапионъ, игумен Троицький», далее следует рассказ о земельной тяжбе Троицкого монастыря с великим князем и последовавшей затем ссоре и смирении самодержца. В сохранившемся до наших дней актовом материале и в летописании Троице-Сергиева монастыря XVI в. никаких известий об этом событии не имеется. Впрочем, в Житии Серапиона есть намек на какие-то события в связи с попытками нанести ущерб земельным владениям Троице-Сергиева монастыря: «и живушу ему и попечение обители имущу велие, и хотящим кому что сотворити селам и весем монастырским, не попушаше, чтобы при его пастырстве ничтоже скорбно было».²¹

Это известие находится в житии перед рассказом о соборе 1503 г. Волость Илемна, о которой идет речь в «Слове ином», было крупным земельным владением (не менее 8700 десятин), расположенным на реках Руди (приток Протвы) и Быховке, в нескольких километрах на юго-запад от Вереи.²²

Еще в 1466—1467 гг. верейский удельный князь Михаил Андреевич передал село Илемну Верейского уезда Ивану III, а Иван III в 1467 г. дал село Илемну игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию в качестве вклада «по душе» князя Петра Дмитриевича и его жены Евфросинии Полиевктовны.²³

1 июня 1467 г. верейский князь Михаил Андреевич дал Троице-Сергиеву монастырю жалованную грамоту, в которой освободил Илемну от дани, заменив ее оброком.²⁴ Тогда же было произведено размежевание земель вотчины Илемны от земель верейского князя.

Смерть последнего белозерского и верейского князя Михаила Андреевича в 1486 г. была поводом для пересмотра земельных отношений и

²⁰ Серапион (1495—1506) в 1506 г. поставлен в новгородские архиепископы; Симон (1495—1511), Геннадий (1484—1504). «Письмо о нелюбках», Жития Иосифа и Серапиона называют одним из главных участников собора Иосифа Волоцкого, якобы произнесшего речь в защиту монастырских земель. А. А. Зимин подверг сомнению факт выступления Иосифа Волоцкого с пространной речью на соборе 1503 г. о землях [А. А. Зимин. 1) О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 159—177; 2) Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 370—374]. По мнению А. А. Зимина, «речь» Иосифа была полностью измышлена составителем «Письма о нелюбках». «Слово иное» полностью умалчивает об участии Иосифа Волоцкого в соборных прениях о землях.

²¹ ГБЛ, Музейное собрание, № 6059, XVI в., л. 229 об.

²² С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 81—84.

²³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. 1. М., 1952 (далее: АСЭИ), № 342. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 178—179.

²⁴ АСЭИ, т. I, № 345.

ликвидации Белозерского и Верейского уделов. Очень скоро земли верейского князя в Илемне становятся землями великого князя, и тем самым земли в Илемне оказываются поделенными между двумя крупными феодалами — Троице-Сергиевым монастырем и Иваном III. От 70—80-х годов XV в. сохранился ряд грамот, в которых устанавливаются права монастырских старцев, слуг и крестьян на часть земель Илемской вотчины.²⁵ Однако от времени между 1488—1505 гг. до нас не сохранилось никаких документов, касающихся села Илемны, в том числе и документов в связи с делом о нарушении межи монастырским пахарем Кононом.²⁶ Земельные тяжбы монастырей с крестьянами, мелкими землевладельцами и даже с крупными феодалами были не редкостью в эпоху неуклонного роста монастырских вотчин.²⁷ В этих тяжбах в большинстве случаев великокняжеская администрация становилась на сторону монастырей-вотчинников. До находки «Слова иного» историческая наука не располагала ни одним доказательством в пользу того, что тяжбы между черносошными (государственными), крестьянами и монастырями-феодалами решались в пользу крестьян и что великокняжеская власть была защитницей фонда черносошных земель.

«Слово иное» рассказывает о том, как «некоторые си человецы», живущие близ волости Илемна, «злу ради», стали наговаривать великому князю: «Конань чернецъ переоралъ земленую межу и твою ореть землю, ве великаго князя». В ответ на донос илемских людей Иван III приказал позвать нарушителя на суд в Москву и наказал его кнутом на торгу, а игумену повелел выплатить огромный штраф — 30 руб. Для чего и послал в монастырь своих недельщиков (судебных исполнителей). В этом случае Иван III судил не по грамоте 1488 г., а по Судебнику 1497 г.²⁸ Непомерный штраф показался великому князю слишком малым наказанием. «И призывает же келаря Васияна,²⁹ — рассказывает «Слово иное», — и с прещением повелѣ въсѣх сель монастырских грамоты к себѣ привести». Дело принимает угрожающий для монастырских земель оборот. Нарушение земельной межи монастырским пахарем оказалось только лишь предлогом для пересмотра земельных прав крупнейшего монастыря. Рассказ «Слова иного» о дальнейших событиях напоминает монастырскую легенду с чудесами: недельщики, испугавшиеся «божьего суда», неожиданно отказываются взять с монастыря штраф, наложенный великим князем, говоря: «Не буди нам руки прострѣти на сребро Сергиева монастыря, да не огъзееву проказу приемѣтъ». Автор «Слова иного», несом-

²⁵ Там же, №№ 351, 352, 366, 377, 378, 463, 516, 533, 534.

²⁶ Благодарю Л. И. Ивину (Москва), готовящую к изданию троицкие акты XVI—XVII вв., и В. Б. Кобрину (Москва) за сообщение сведений о неизданных актах на село Илемну. После жалованной грамоты 1488 г. следующими по времени являются жалованная грамота Василия III от 16 декабря 1511 г., о приставе для села Илемна Верейского уезда и села Борисовское Куровского уезда (рпк. ЦГАДА, ГКЭ, Можайский уезд, № 6/7610); межевая грамота 1522/23 г. монастырским землям села Илемна и княжеским землям села Ильинского князя Андрея Ивановича Старицкого (рпк. ЦГАДА, ГКЭ, Верей, № 6/2333).

²⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, стр. 232—252. О нескончаемых тяжбах Троицкого монастыря с соседями из-за нарушения межи свидетельствуют документы начала XVI в. (см.: АСЭИ, т. I, №№ 628, 631, 636, 639, 640, 641, 642, 643, 651).

²⁸ Судебники XV—XVI веков. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, текст, статья 62, стр. 28.

²⁹ Келарь Васиян — это реальное лицо Вассиан Ковезин (1495—1511), он упоминается в деловых документах с 1495 г. См.: АСЭИ, т. I, №№ 580, 597, 598, 601, 603, 604, 612, 623, 646, 647, 655, 656; Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничьих, экономов и библиотекарей Свято-Троице-Сергиевой лавры. М., 1868, стр. 19.

ненно, имеет в виду известный библейский рассказ о том, как пророк Елисей исцелил сирийского вельможу Неемана от проказы, а раб Елисея Гиезий выпросил у Неемана якобы для своего господина два таланта серебра и две перемены риз и присвоил их себе, и как за этот проступок пророк поразил Гиезия проказой: «И проказа Нееманова да прильпнетъ къ тебе и къ семени твоему во веки. И изыде от лица его, прокаженъ яко снегъ».³⁰

Игумен Серапион входит в церковь богоявления, находившуюся на монастырском подворье в Москве,³¹ а сам посылает келаря Вассиана в монастырь и «повелѣ з грамотами быти старымъ старцемъ, которые ис келей не исходятъ». По приказу игумена «старые же старцы двигнушася овии на конех, инии же на колесницах, инии же на носилах» в Москву, к великому князю, с грамотами в ларях. Тем временем братия собралась у раки Сергия чудотворца и день и ночь служила молебны. Картина, нарисованная автором «Слова инога», очень эффектна. Поход немощных старцев-схимников на Москву увенчался неожиданным и чудесным успехом — «московской Каноссой» Ивана III. «В ту же ночь», — рассказывает «Слово иное», — в ню же старцы тѣ двигнушася из монастыря, прииде же посѣщение от бога на великаго князя самодержца: отняло у него руку и ногу, и глаз». Никоновская летопись начала XVI в. и Степенная книга 1563 г. сообщают сведения о болезни Ивана III, начавшейся 28 июля 1503 г.³² «В полунощи же, — рассказывает «Слово иное», — посылает по игумена Серапиона и по старцы, прощения прося, и милостыню посылает довольну к братии». Если верить автору «Слова инога», старцы возвратились в монастырь так, как возвращаются с поля сражения слуги «божьего войска» — «ратницы, крѣпцыи от брани», а Иван III униженно просил у братии прощения и пожаловал монастырю богатые подарки, тем самым он признал свое поражение.

В каком отношении находятся описанные в «Слове иноме» события к собору 1503 г.? Великий князь рассказывал архиепископу Геннадию о конфликте с Троице-Сергиевым монастырем (до его окончания) в то время, когда споры на соборе о церковных землях еще не утихли. На соборе еще до выступления Нила Сорского и начала споров князь великий призвал к себе игумена Серапиона с требованием отдать ему села Сер-

³⁰ 4-я Книга царств, гл. V, 27. Этот же рассказ был использован в определении владимирского собора 1274 г., известном под заглавием «Правило Кюрила, митрополита русьскаго»: «Рече Елисей къ Гиезии: приять еси сребро Неоманова и ризы, нѣ и проказа его прильпнеться тобѣ и къ сѣмени твоему прильпнеться въ вѣки» (РИБ, т. VI, стлб. 88).

³¹ Каменная церковь богоявления была построена в Москве в Кремле на монастырском подворье в 1460 г. (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 148; т. V. СПб., 1851, стр. 272; т. VI. СПб., 1853, стр. 184; т. VIII. СПб., 1859, стр. 149). Ср.: Н. А. Скворцов. Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Из печатных и рукописных источников I—V. — Русский архив. М., 1893, № 8, стр. 443—445. Благодарю О. А. Белоброву, обратившую мое внимание на этот факт.

³² «7011. Того же лета, месяца июля в 28 на память святых апостол Прохора и Никанора, Тимона и Пармена, князь великий Иван Васильевич всеа Русии начат изнемогати; его же бо господь любит, наказует» (Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 257). «Глава 30. О подвиже молитвы и благодарения. И тогда великий князь Иван Васильевич, государь всеа Руси, виде себя крепостию изнемогаема и болезными удручаема и уразуме, яко от бога бысть ему таковое посещенье, яко и ногами своима едва ходити можаше, подержим от неких, и сице яко предвозвещающая ему не вскоре от мира сего пременение животу. Тако господь, его же любит, наказует и к вечной жизни направляет, понеже терпящим наказание, яко сыновом обретается им» (Степенная книга, — ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1908). Намеки на болезнь великого князя во время собора 1503 г. имеются также в Житиях Иосифа и Серапиона: «Иванну же самодержцу тогда нечто божественное случися» (ЧОИДР, 1903, кн. 3, стр. 39).

гнева монастыря. Вторично об этом же сообщается в середине рассказа о конфликте с Троице-Сергиевым монастырем: «и призывает же келаря Васияна и с прещением повелъ всѣх сель монастырьских грамоты к себѣ привести». Очевидно, имеется в виду одно и то же событие — конфликт великого князя с Троице-Сергиевым монастырем, начавшийся еще до созыва собора, после начала весенней пахоты в 1503 г. Мы предполагаем, что донос илемских людей весной 1503 г. послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения самодержца, после чего созыв собора и постановка на нем уже давно созревшего в великокняжеских кругах решения о секуляризации была неминуема. Далее, ход событий представляется нам следующим образом. Первое объявление этого решения собору было встречено без возражений: духовенство было застигнуто врасплох и не было готово к отпору. В это же время великий князь потребовал у игумена Серапиона отдать ему все села Троице-Сергиева монастыря. Серапион смело возразил ему. Вслед за этим на соборе выступили «нестяжатели» — Нил Сорский и Дионисий, князь Звенигородский, члены великокняжеской семьи, дьяки, боярство в поддержку предложения о секуляризации. Уступая настойчивой просьбе Серапиона, Симон со всем духовенством выступил перед великим князем с решительным протестом: «Аз убо сель пречистыя церкви не отдаю». Если верить «Соборному ответу», перед великим князем читались «списки», в которых подробно доказывалась неотъемлемость всего вданного церкви.³³ Вскоре и архиепископ Новгородский Геннадий начал говорить «противу великого князя» о церковных землях по наущению митрополита Симона.³⁴ Речь Геннадия была решительно остановлена Иваном III: «Многим лаянием уста ему загради, вѣды его страсть сребролюбную».³⁵

Если верить «Соборному ответу» после выступления Геннадия, к великому князю еще раз посылали дьяка Леваша со вторым посланием. По всей вероятности, неожиданная болезнь Ивана III 28 июля 1503 г. и неудачи в конфликте с Троице-Сергиевым монастырем и имели решающее значение для быстрого прекращения соборных споров о монастырских землях.

«Слово иное» подтверждает, что конфликт между великокняжеской властью и церковью закончился полной победой церкви, смирившей секуляризаторские поползновения самодержца.

Когда, кем и с какой целью сложено было «Слово иное»? Автор «Слова иного» хорошо осведомлен о спорах, развернувшихся на соборе 1503 г., и о расколе между его участниками, вызванном предложением великого князя все церковные «села поимати и вся к своим соединити». Он

³³ См.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 322—325.

³⁴ В ответ на вопрос митрополита: «Что убо противу великому князю ничто же не глаголешъ?» — Геннадий с горечью замечает: «Азъ бо ограбленъ уже прежде сего». В последних словах новгородского архиепископа звучит горечь по поводу секуляризационных мероприятий в Новгородской земле в 1500 г. По-видимому, именно о них он начал говорить с великим князем.

³⁵ В этих словах великого князя звучит недвусмысленный намек на симмонию, т. е. взятки, которые нередко брал новгородский архиепископ за поставление в попы. О «сребролюбии» последнего, вероятно, доносили в Москву еретики (игумен Немчинова монастыря Захар), да и не только еретики, например, летопись, враждебная ереси и сочувствующая Софии и Василию, знает о приверженности новгородского архиепископа к симмонии (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 209); Никоновская летопись под 1504 г. сообщает, что архиепископ Геннадий оставил свой престол за немощью, а более неволею, «понеже бо приехав с Москвы на свой престол в Новгород в Великий и начат мзду имати у священников от ставления, наипаче перваго чрез свое обещание, советом единомысленнаго своего любовника и диака Михаила Иванова сына Алексеева; и обыскав то князь великий и митрополит и сведоша его с престола на Москву» (ПСРЛ, т. XII, стр. 258).

знает не только о том, что произошло на самом соборе, но и о переговорах, которые велись вне соборных заседаний; он помнит, что троицкий игумен побуждал митрополита выступить в защиту монастырского землевладения, а митрополит в свою очередь настаивал на том, чтобы Геннадий новгородский не отмалчивался. Реплики этих лиц передаются в такой форме, которая наводит на предположение, что автор либо сам их слышал, либо точно повторил рассказ свидетеля этих встреч. Никакой литературной обработки не ощущается в иронически почтительных укорах игумена митрополиту: «О священная главо! Азь убо нищий противу великому князю глаголю, ты же о сих ничто же не глаголеши», «Ты глава всѣм нам, ты ли ся сего (Дениса, — Ю. Б.) боиши». Интонации живой речи сохраняют и решительный отказ на соборе троицкого игумена подчиниться требованию великого князя: «Азь убо приидох к живоначалнѣй Троицы в Сергиевъ монастырь — сель монастырю не вдах, единь у себя имѣя посох и мантию»; и сердитый ответ Геннадия митрополиту, упрекнувшему его за то, что он отмалчивается на соборе: «Глаголете убо вы, азь бо ограбленъ уже прежде сего». Резкое осуждение всех, кто поддержал великого князя, автор выразил необычным способом: он умолчал о всех моральных и церковно-исторических доводах сторонников секуляризации и объяснил их согласие с предложением великого князя боязнью потерять свои церковные посты. По словам автора, все — от митрополита до игуменов — поначалу «повинушася, боящеся, да не власти своя отпадут».

В центре событий троицкий игумен Серапион, он ведет за собой защитников монастырских «сел». Его речи автор передает с особым вниманием и точностью. Возникает предположение, не сопровождал ли автор или тот, кто рассказал ему о соборе и связанных с ним встречах, Серапиона, когда тот был вызван на собор. Вероятно, что составитель «Слова инога» монах Троице-Сергиева монастыря, использовал не дошедшее до нас «Сказание о соборе 1503 года», исключив из него вступление (произведение начинается со слов «В та же времена», т. е. в то же самое время, о котором упоминалось ранее) и конец. В «троицкую легенду» деловитый рассказ о соборе 1503 г. начинает превращаться уже тогда, когда фигура троицкого игумена выдвигается на первый план, но особенно заметной легендарность становится в объяснении «чудом» действительных фактов. Конфликт монастыря с великим князем из-за распаханной монахом межи связывается в «Слове ином» с традиционным легендарным наказанием грешника — болезнью великого князя. Именно в этой части «Слова инога» появились и «огезева проказа», которой испугались «недельщики», и круглосуточные моления у раки Сергия, и устрашающая картина шествия в Москву всех «старцев», и немедленная кара за это — князь разбит параличом, и просьба его о прощении. Этот заключительный эпизод — присылка «милостыни довольной» братии вместе с покаянием великого князя и возвращение игумена с старцами из Москвы как «ратников крепких от брани» — уже полностью построен в духе легенды.

Построение «Слова инога» показывает, что его автор, в отличие от составителей других рассказов о соборе 1503 г., не стремился дать наиболее полное выражение идеологической платформы защитников земельных прав церкви. Тезис о неотъемлемости всех принадлежащих церкви земель он проиллюстрировал лишь на двух ярких примерах из русской истории — соборе 1503 г. и конфликте Ивана III и Троице-Сергиева монастыря. К практике русской церкви обращались сторонники монастырского землевладения и в соборном ответе 1503 г.,³⁶ в трактате Иосифа Волоц-

³⁶ Послание Иосифа Волоцкого, стр. 322—329.

кого «Яко не подобает святым Божиим церквам и монастырем обиды творити и насиле и вскишати имени и стяжания их», написанном в 1507 г. против князя Федора Волоцкого и его окружения,³⁷ в «Послании Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину», написанном в конце 1510—начале 1511 г.,³⁸ в «Послании Иосифа Волоцкого к Б. В. Кутузову», написанном в начале 1511 г.³⁹

В «трактате» Иосиф Волоцкий обращается к двум русским произведениям — Житию Леонтия Ростовского и Житию Феодосия Печорского, из которых приводит примеры о наказании воина, пытавшегося присвоить себе церковную землю, и разбойников, пытавшихся ограбить монастырское село. В «Посланиях» Иосиф Волоцкий оправдывает коммendaцию своего монастыря великому князю подобными же коммendaциями из практики русской церкви — Троице-Сергиева, Каменского и Толгского монастырей великому князю Василию Василиевичу. И в «трактате», и в обоих Посланиях неотчуждаемость монастырских земель доказывается примерами из соборных правил, сочинений отцов церкви, переводных житий. Особенно запоминаются в «трактате» и в «Послании к И. И. Третьякову-Ховрину» отрывки из второго Жития Стефана Дечанского и из 23-го послания Никона Черногорца к «магистру и князю князем» Марапе, рассказ о том, как были наказаны болезнями и напастями князья Юнец и Марапа, поднявшие руку на монастырскую собственность.⁴⁰

«Слово иное» находится в идейной близости с «Соборным ответом» 1503 г., «трактатом» и двумя посланиями Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину и к Б. В. Кутузову: божья кара настигнет того (пусть это будет даже сам носящий венец князь), кто покушается на монастырскую собственность. Однако ни один из известных апологетов монастырского стяжания не подчеркивает с такой решительностью и силой смирение государственной власти перед воинствующей церковью, как автор «Слова иного». Сам Иосиф Волоцкий до 1508 г., т. е. до сближения с Василием III, находившийся, как и архиепископ Геннадий, в оппозиции к великокняжеской власти,⁴¹ охотно мог бы разделить точку зрения автора «Слова иного». Однако, очевидно, что автор «Слова иного» не «иосифлянин», хотя он и выступает с позиции воинствующей церкви: в рассказе о соборе 1503 г. нет никаких намеков на участие Иосифа Волоцкого в соборных заседаниях и его выступление с речью. Зато игумен Серапион, политический противник Иосифа в период с 1508 по 1511 г., изображен в «Слове ином» как выдающийся деятель церкви, благодаря энергии которого удалось отстоять право русской церкви на владение землями и посрамить самого самодержца. Какой бы ни была действительная роль Серапиона в событиях 1503 г., для нас очевидно, что автор «Слова иного» был близок к Серапиону.

Для точной датировки «Слова иного» в самом памятнике недостает прямых данных. Можно думать, что литературное оформление легенды о поражении великого князя и наказании его за покушение на земли Троицкого монастыря произошло уже после смерти великого князя (27 октября 1505 г.), после того как князь Дмитрий Иванович получил Углицкий удел

³⁷ Там же, стр. 84.

³⁸ Там же, стр. 268.

³⁹ Там же, стр. 276.

⁴⁰ Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей. (Второе Житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). — В кн.: Из истории межславянских культурных связей. К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 17—47.

⁴¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 167 и сл.

(по духовному завещанию своего отца), но до того момента, когда перестали спорить о монастырском землевладении (после решений Стоглавого собора 1551 г.). Может быть, «Слово иное» сложилось в связи с тем, что менее чем через полтора месяца после смерти Ивана III — 6 декабря 1505 г. — новое правительство Василия III подтвердило жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на его «села», в том числе как раз и на те земли в Илеме, из-за которых разыгрался конфликт монастыря с Иваном III.⁴² Возможно, что и выдвижение в «Слове ином» на первый план игумена Серапиона было подсказано тем, что вскоре после этого закрепления земель он получил значительное повышение: 15 января 1506 г. он был поставлен архиепископом Новгородским. Если учесть, что в мае 1509 г. он был «пойман» и отлучен от архиепископской власти,⁴³ то составление «Слова иного» придется предположительно отнести ко времени между началом 1506 и началом 1509 г. Косвенным подтверждением того, что в этом отрезке времени обстановка для сложения «Слова иного» более подходила до 1508 г. является то, что автор ни словом не упомянул о начавшейся в этом году полемике между «иосифлянами» и «нестяжателями» по вопросу о монастырском землевладении. В то время как для источников 30—60-х годов XVI в. «Письма о нелюбках», Житий Иосифа и Серапиона характерно замалчивание противоречий между великокняжеской властью и церковью и выдвижение на первый план противоречий между «нестяжателями» и «иосифлянами», «Слово иное», так же как и «Соборный ответ» 1503 г., не скрывает, что основной водораздел борьбы на соборе 1503 г. проходил не по линии внутрицерковных группировок, а по линии великий князь — церковь.

Остается решить вопрос, почему составитель «Пермского» сборника так заинтересовался «Словом иным», что, не имея чистой бумаги, постарался хоть по частям переписать его на случайно пропущенных страницах внутри другого памятника.

Начало 20-х годов XVII в. — это время пересмотра старых юридических прав монастырей на владение землями, предпринятое в широком масштабе правительством первого царя из дома Романовых Михаила Федоровича. В это время в монастырях возобновляется работа по проверке, приведению в порядок и переписке старых документов. Так, в 1621 г. составляется Копийная книга Троице-Сергиева монастыря в связи с пересмотром всех старых документов на землевладение.⁴⁴ Может быть, появление «Слова иного» в сборнике 1621 г. в какой-то мере связано с этим событием. Если это так, то возникает и другое предположение, что сборник составлен если не троицким монахом, то книжником, близким к Троицкому монастырю. Затем он был приобретен Строгановыми и привезен в их уральскую вотчину в Шарташ, откуда и дошел до Перми.

В историю русской публицистики начала XVI в. «Слово иное» входит и как ценный исторический источник, существенно дополняющий наши сведения о начальном этапе борьбы с планами секуляризации церковных земель, и как незаурядное литературное произведение, показывающее один из путей развития этого раздела литературы. В рамки традиционной легенды о наказании грешника включен правдивый, насыщенный фактами рассказ о начале напряженной борьбы духовенства, в частности Троице-

⁴² АСЭИ, т. I, №№ 463, 516, 534 и др.

⁴³ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, столб. 35.

⁴⁴ Л. И. Ивина. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 24. М., 1961, стр. 5—44.

кого монастыря, за свои земельные владения. Картина этой борьбы не потеряла ярких жизненных красок в ее легендарном обрамлении. Выразительные реплики защитников прав церкви на «села» показывают смелое введение в литературу народного типа литературного языка, но и повествовательные части этой монастырской легенды, придерживаясь книжных форм, в лексике избегают явных славянизмов, совершенно свободны от риторики современного «Слову» агиографического и исторического стиля. И в этом особая ценность новонайденного произведения, в котором уже ощущается характерное для публицистики середины XVI в. соединение документальной и литературной стилистики.

А. В. СОЛОВЬЕВ

Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»

1. Хинова

В «Слове о полку Игореве» три раза встречается загадочное слово «хинова, хиновский». Во-первых: «Простроша ся Половци, акы пардуже гнездо, и великое буйство подасть Хинови». Затем в обращении к Роману и Мстиславу: «И многы страны — Хинова, Литва, Деремела и Половци сулицы своя повргоша». Наконец, в плаче Ярославны: «Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на свою нетрудную крилицю на моя лады вои?».

Это незнакомое слово не особенно смущало кружок Мусина-Пушкина. Уже в первом же переводе, в бумагах Екатерины II, стоит: «и великую Хану подали отвагу», а дальше оставлено «Хинова», «стрелков (1) Хиновских».¹ При младенческом состоянии русской филологии той эпохи переводчики решили, что «Хин» то же, что «хан». Так осталось и в издании 1800 г.: «и придали Хану их великое буйство», «и многия страны Ханския», но «Хиновския стрелы» без всякого пояснения.

Так переводил В. А. Жуковский в 1819 г.: «и в хана вселилось буйство великое», «многие земли и области хановы», «стрелы ханския», так и последующие переводчики до 1870-х годов оставляли слово «хиновский» без объяснения. Лишь в 1878 г. А. А. Потебня указал, что это «название половцев или другого степного народа, может быть, Гуннов, по старой памяти»; он указал, что «Хинови» следует считать дательным падежом от собирательного «Хинова» (как Литова, Татарова, Жидова).² Это мнение развил в 1909 г. А. И. Соболевский, настаивая на том, что «хынъ» — это древнее название гуннов, которые у германцев назывались *Hünep*, и указывая на чешский город *Chýnov*.³ Однако в 1914 г. была напечатана посмертная статья Вс. Миллера, в которой он старался доказать, что хинова — «старинное русское имя финнов в форме собирательной, как Мордва, Меря, Весь, Литва и другие», и видел в этой форме «обычную замену ф' через х», как Фрод/Хрол, Фома/Хома и «Хинская земля» у современных сказителей Олонецкого края. Он объясняет все три места «Слова» так: 1) Роман Мстиславич мог воевать с финнами в Новгороде, хотя на это нет указаний, 2) финские стрелки возможны, ибо финны были кузнецы и волхвы, 3) «по-

¹ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, стр. 323 и 324.

² А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. — Русский филологический вестник. 1878 (2-е изд. 1914, стр. 93 и 113).

³ А. S o b o l e v s k i j. Altrussisches хынъ. — Archiv für slavische Philologie, XXX, 1909, стр. 474.

дасть Хинови буйство» — здесь Хинова — вообще старшая враждебная сила.⁴

Однако это мнение мало убедительно, и в 1921 г. А. И. Соболевский повторил свое мнение, что «хынова» древнее название гуннов.⁵ Все же ни то, ни другое мнение не принято позднейшими комментаторами.

В 1926 г. В. Н. Перетц пишет: «Нехай хто заховеться під цією назвою, ясно одне, що для автора „Слова“, як і згодом для автора „Задонщини“, це було збірне ім'я для поганого бусурманського народу».⁶

В 1936 г. Д. А. Расовский предложил новое объяснение спорного названия.⁷ Пересмотрев прежние толкования, он пишет: «Разгадку, может быть, можно найти в арабской географической литературе». Именно у географа Идризиди (середина XII в.) можно найти в описании Кумании город Киниов. Автору кажется, что этот город находился где-то у северного побережья Азовского моря и что Хинова была именем горожан, может быть даже целой области. «Горожане-хинова были не половцы, а принадлежали к какой-то особой народности, только живущей среди половцев. Как горожане, именно эта хинова естественнее всего могла быть выделывателем стрел». Однако это объяснение неприемлемо. У Идризиди сперва назван город Нуши, о котором сказано: «Нуши, окруженный возделанными полями, орошаемыми рекою, находится в 50 милях к северу от Белой Комании».⁸ Ясно, что уже этот город Нуши не на берегу Азовского моря, а на реке, в глубь степей к северу. Затем говорится: «Оттуда к Киниову, значительному городу у подножии горы, направляясь на северо-восток, четыре дня пути или сто миль». Очевидно, что этот большой город в 150 милях к северу от Белой Комании не что иное, как Киев, под слегка искаженным названием «Киниов», о котором смутные сведения доходили до побережья и который Идризиди по ошибке поместил на северо-восток, а не на северо-запад от Половецкой земли. Такое отождествление этого Киниова с Киевом было уже сделано С. Смирновым.⁹

В последних советских изданиях значение этого слова недостаточно установлено. Так, в издании 1953 г. Д. С. Лихачев пишет: «Предполагалось понимать „хинов“ как финнов и как гуннов. В античности и в Византии под названием „чин“, „син“ или „хин“ были известны китайцы (указание И. М. Кудрявцева). Это название китайцев встречается, в частности, в „Хождении за три моря“ Афанасия Никитина (XV век) в форме „чин“, „чини“. В „Слове о полку Игореве“ слово „хинове“ не означает, конечно, точно китайцев: Китай не был известен Руси в XII веке. Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неясные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через ученую литературу космографий».¹⁰

Л. А. Дмитриев пишет короче: «До сих пор вопрос об этом слове окончательно не решен. Вс. Миллер предполагал, что хинова — это древнерусское собирательное название финнов. Но, судя по контексту, это скорее всего общее название восточных народов, кочевников».¹¹ А в 1955 г. Н. К. Гуд-

⁴ Вс. Миллер. Хинова Слова о полку Игореве. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, стр. 110—118.

⁵ А. И. Соболевский. Хынова. — ИОРЯС, т. XXVI, 1921, стр. 8.

⁶ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. — Збірник істор.-філол. від., УАН № 33. У Києві, 1926, стр. 262.

⁷ Д. А. Расовский. Хинова. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII. Prague, 1936, стр. 301—306.

⁸ A. Jaubert. Géographie d'Idrisi, t. II. Paris, 1840, стр. 401.

⁹ С. Смирнов. Волзский шлях і стародавній Руси. У Києві, 1928, стр. 170.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1953, стр. 256.

¹¹ Там же. Большая серия. Л., 1952, стр. 268.

зий пишет в примечании: «Хинова — в древнерусском языке собирательное имя для обозначения „поганых басурман“». ¹²

Согласимся с тем, что хинова не может обозначать финнов. Имя *Finni*, *Fenni* лишь изредка появляется у латинских писателей, начиная с Тацита. Сами же финны называли себя по преимуществу *Suomi* (Сумь), а отдельные племена носят названия, хорошо известные летописям: «Чюдь, Ямь, Весь» и т. д. Нет оснований полагать, что русские могли их называть «хинами», тем более что переход *ф* в *х* неизвестен в ту эпоху. Древние летописи весьма внимательны к звуку *ф* (Фракия, Фригия, Фотий, Филя и др.); только в варяжских именах *ф* переходит в *б* или *п* (Улеб — *Oleifr*, Прастен — *Freisteinr* и др.), как и сейчас в украинском: Филипп — Пилип. Имя «финны» могло бы звучать тогда «пины», но никак не «хины».

Могло ли это имя обозначать китайцев? Надо сказать, что у Китая издавна два названия: все северные соседи называли его «Китай» или «Катай», вероятно по имени маньчжуров Китан, завладевших им в начале X в. ¹³ Это имя известно в Западной Европе (*Cathay* — у Рубруквиса, у Марко Поло и других) до начала XVI в. Но более древним было южное название, которое дают Китаю малайцы и индусы — «син» или «чин», вероятно по имени династии Тсин (II в. до н. э.). Оно изредка известно латинским писателям как *Sina*. ¹⁴ Из византийцев только Феофилакт Симокатта имеет смутные известия о Китае, который он называет «Таугас». А Козьма Индикоплов в своей «Космографии» пишет *Τζίνιττα* или *Τζίνιστα*, что по-славянски звучало бы «Дзиница» или «Чиништа». ¹⁵ Это имя «чин» узнал Афанасий Никитин, прибыв в Индию в 1470 г., но раньше оно на Руси не могло быть известно. Лишь в конце XV в. португальцы, приплыв в Индию, услышали это имя и стали его передавать как *China* (Чина). ¹⁶ От них оно быстро распространялось по Европе: у испанцев — как *China* (Чина), у итальянцев — *Sina* (Чина), у французов — *Chine* (Шин). ¹⁷ Наконец, у немцев стали его произносить «Кина», откуда оно попало к полякам как *Chiny* (Хины). Итак, неправильная форма «Хина» объясняется польским произношением XVI—XVII вв. и никак не могла быть известна в XII в. на Руси. Указание И. М. Кудрявцева неточно. Гораздо более убедительным является объяснение, данное А. И. Соболевским: оно филологически безупречно. «Хын» — это древнее название гуннов, ¹⁸ которых по-древне немецки называли *Hün*, *Hünen* ¹⁹ (а др.-сл. *ы* отвечает др.-нем. *ü*). Прибавим, что у древнейших латинских и византийских писателей мы найдем формы *Chuni*, *Χούνοι*: они слышали именно *х*, а не фрикативное *г*. ²⁰ Конечно, хунны исчезли с русской равнины после V в., но память о них

¹² Слово о полку Игореве. ГИХЛ, М., 1955, стр. 76.

¹³ Это отметил уже Н. М. Карамзин [История Государства Российского, т. III. СПб. (любое издание), прим. 242].

¹⁴ F. Richthofen. China, Bd. I. Berlin, 1877, стр. 551—580.

¹⁵ The Cristian Cosmography of Cosmas. London, 1897, стр. 48 и 367.

¹⁶ В португальском и испанском языках *ch* читается как *ч*, но в немецком как *к*.

¹⁷ Впервые имя *China* появилось на глобусе имп. Карла V в 1537 г. В чешском языке это слово звучит *Sina/Sinane*, очевидно, из итальянского; в сербо-хорватском *Кина/Кинези*, взятое из немецкого (*China/Chinesen*).

¹⁸ Современный советский ученый пишет именно «хунну» (Л. Н. Гумилев. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960; ср. К. А. Иностранцев. Хунны и гунны. — Живая старина, 1910).

¹⁹ И сейчас в Германии старые курганы называются *Hünengräber* — «хунские могилы», а *Hüne* — «великан».

²⁰ Проф. Альтгейм указывает *Χούνοι* у Птолемея, *Chuni* — у галльского писателя V в. Сидония Аполлинария, название *chwn* — в согдийском письме III в. н. э. в находках Ауреля Стейна в 1948 г. (Franz Altheim. Attila et les Huns. Paris, 1952, стр. 49).

могла жить, как жива была память о других исчезнувших кочевниках, аварах-обрах. Слово «хын» и собирательное «хынова» могли бытовать в языке XII в.

Заметим, что в XI—XII вв. часто отождествляют венгров с хуннами. Например, анонимный нотариус короля Белы (конца XII в.) знает, что угры — потомки хуннов, что их вожди — потомки Атиллы. Это отождествление (Hunni — Hungari) было широко распространено, и византийские историки чаще пишут Οὐγγροι, чем Οὐγγροι. Оно могло быть известно и на Руси; знакомый с византийскими хрониками книжник мог назвать угров их будто бы древним именем «хынова».

Эту мысль широко развил Марк Шефтель в своем внимательном комментарии 1948 г.²¹ Он считает, что «великое буйство подать Хинови» есть указание на то, что ослабление Русской земли половцами увеличит давление угров на Галицкую землю. Стих «Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, Половци» объясняется, если под Хиновой подразумевать угров. Певец начинает с Запада, говоря о победах Романа и, наконец, переходит к половцам. Видеть в «Хинове» каких-то «степных кочевников» не имеет смысла, ибо, кроме половцев, были лишь верные Руси черные клобуки: иных кочевников в это время не было.²² М. Шефтель обратил внимание на то, что Татищев, пользовавшийся лучшим списком Ипатьевской летописи, рассказывает по поводу смерти Романа Мстиславича, что он «Венгров великое войско с малым своим разбил», а также, что папа римский слышал, что Роман «Венгров победил».²³ Наконец, «хиновские стрелки» прекрасно объясняются как «угорские». Шефтель указывает, что угорские двуперые стрелы были особенно легкими и быстрыми и что латинские хронисты часто говорят о стрелах, главном и страшном оружии угров — хуннов. Половцы могли иметь тот же тип стрел.²⁴

Комментарий М. Шефтеля вызвал заметку лучшего венгерского византийиста Д. Моравчика. Он считает, что «Хинова» в «Слове» обозначает хуннов. Столь же несомненным кажется ему, что это имя применено к венграм. Он указывает, что уже западные источники с XI в. отождествляют оба народа.²⁵ Так, Эберспергская хроника XI в. пишет Hunni qui et Ungri, Луп Протоспатарий в XII в. — Hungari id est Huni, а польско-венгерская хроника XIII в. — Huni qui et Ungari dicuntur.²⁶

В византийских хрониках с X в. имя Οὐγγροι применяется к венграм. Правда, говорит Моравчик, византийцы называют так и эфталитов, и са-

²¹ La Geste du Prince Igor. New York, 1948, стр. 123, 131.

²² Заметим, что современник «Слова», немец Гельмольд, в своей «Хронике славян» пишет, что «Россия называется не только Остроград, но и Хуниград, ибо там прежде жили Гунны» (Rusia vero vocata a Daris Ostrograd, etiam Chunigrad, eo quod ibi sedes Hunnorum primo fuerat).

²³ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, т. III. М., 1774, стр. 344 и 348.

²⁴ La Geste..., стр. 143—144.

²⁵ Укажем, что в Чехии, кроме отмеченного А. И. Соболевским древнего городка Хинова (упоминается уже у Козьмы Пражского), можно найти еще села Chýně, Chýnov, Chupín и два села: Chynice (-Хыничи); см.: Ottův Slovník Naučný, t. III. s. v. Соответствующего имени нарицательного или собственного в чешском языке нет. Они могут восходить к древним поселениям хуннов (или обров). В Польше тоже можно найти села Хинов, Хынов, Хыновска Воля и Хнов, которые М. Рудницкий связывает с Хиновой «Слова о полку Игореве» (M. Rudnicki. Praslówiańszczyzna, t. II. Warszawa, 1960, стр. 36). Вероятно, имя «хынове» было перенесено чехами и поляками сперва на новых кочевников, осевших в Паннонии, — аваров, а затем на венгров. Так, и в Хорватии есть села Обров, Обровац и др., указывающие на поселение обров.

²⁶ A. F. Gömbös. Catalogus fontium historiae Hungaricae. Budapest, 1937, I, 553, II, 1481, I, 488.

бирова, и болгар, и аваров, и половцев, и иные народы.²⁷ Однако это относится главным образом к VI—VIII вв., а болгары называются гуннами лишь до X в. Напротив, в XI и XII вв. название гуннов применяется именно к венграм, как это видно, например, у Киннама, который называет венгров два раза Πάνυγες, а во всех остальных случаях Ούγγροι.

Венгерские, западные и византийские источники приводят единогласно к заключению, что «Хинова» «Слова» обозначает венгров, за это говорят и исторические сношения между венграми и русскими в течение XII в., заключает Моравчик. Единственным возражением могло бы быть то, что «Слово» два раза пользуется словом «угорский»; зачем же тогда называть угров «хиновою»? На это Моравчик отвечает, что оба названия «угорский» имеют скорее географический характер, и приводит пример, как у Никиты Хониата в той же хронике венгры то Ούγγροι, то Ούγγροι.

В связи с этим названием Моравчик упоминает, что византийские источники знают народец Χουάβοι и епархию Χουάβια в северной Албании, на реке Мат, в IX в.²⁸ Он считает, что эта Сhupavia связана с «хиновою» и могла быть остатками венгров, застрявших на Балканах.²⁹ Именно аноним короля Беды говорит о том, что после походов на Балканы часть венгров осталась там на жительство.

Мы считаем, что объяснение М. Шефтеля и Д. Моравчика наиболее правильно. Певец «Слова» сказал «угорские иноходцы» и «Угорские горы», ибо это были утвердившиеся в языке народные обозначения. Но когда он говорит от себя, он пользуется для венгров термином более изысканным, «высокого стиля».

Можем прибавить, что епископ Краковский Викентий в своей хронике, писанной в конце XII в., говорит также: «Гуннов или Угров».³⁰ А напомним, что Роман Волинский был сыном польской княжны Агнесы, сестры Казимира II: он мог знать, что поляки в конце XII в. называли угров «хуннами», что по-русски передавалось «хын/хинова».³¹

2. Не худа гнезда шестокрилицы

Призыв певца «Слова» к Ингварю, Всеволоду и остальным Мстиславичам сопровождается приложением: «Не худа гнезда шестокрилицы». Первые переводы так и оставили это слово, хотя оно было неизвестно русскому языку того времени. В переводах в бумагах Екатерины II, Белосельских и Воронцовых стоит просто: «не худа гнезда шестокрилицы»,³² а в печатном издании 1800 г. — «не худого гнезда шестокрилицы». Интересно, как Бантыш-Каменский и Малиновский представляли себе единственное число этого слова, очевидно «шестокрилица» женского рода?

²⁷ Gyula Moravcsik. Zur Frage der Хинове im Igor-Lied. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, t. III, 1960, стр. 69—72.

²⁸ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. 2 ed. Berlin, 1958, II, 347.

²⁹ В Чехии мы нашли село Шупава (Хынява), которое весьма напоминает эту «Хунавию». Заметим, что в греческом языке (в местных названиях) славянскому у отвечает у, а окончанию -ов — форма -ав; так, тырновский патриарх называется τοῦ Τουρνάβου (А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 362 и 364); совершенно так же «Хынове» отвечает Χουάβια.

³⁰ «Hunnos seu Hungaros». Vicentius Kadlubek. Res gestae principum ac regum Polonise. Warszawa, 1824, I, стр. 99.

³¹ Странная форма «Хинела» в краткой редакции «Задонщины» могла появиться как контаминация имен Хинова и Деремела.

³² Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 323 и 346.

В следующих переводах это слово остается непереуведенным, но переходит в мужской род, например «шестокрыльцы» в переводе Жуковского 1819 г., что предполагает единственное число «шестокрылец». Так и в большинстве следующих переводов. Лишь Майков перевел свободно «птенцы крылаты»: Максимович в 1859 г. предположил, что под этим словом подразумеваются соколы и сослался на «мифического шестикрылого сокола, которого будто бы старался раздобыть Владимир Мономах». ³³ Однако в 1876 г. Огоновский предложил новое объяснение: он решил, что у трех птиц-соколов, с которыми сравниваются князья, шесть крыльев. ³⁴ Это объяснение повторяет еще в 1915 г. Шамбинаго: «у трех соколов, конечно, шесть крыльев». ³⁵ Между тем оно неудачно, ибо если у трех соколов шесть крыльев, то три князя вместе должны составлять одного «шестокрыльца», а в тексте множественное число.

В 1909 г. Ф. Е. Корш отметил новогреческое слово *ξεφτέρι*, обозначающее породу сокола или ястреба, что отвечает эпитету в тексте «Слова». ³⁶ Вероятно, под влиянием этой параллели А. С. Орлов перевел: «не плохого гнезда ястребы».

В 1926 г. В. Перетц привел все указанные объяснения, не высказавшись решительно и прибавив: «Как бы то ни было, этот эпитет обозначает нечто необычное, отличающееся быстротой». ³⁷

В 1951 г. Ф. Я. Прийма, опубликовав заметки Э. Ходаковского о «Слове», заметил: «Подчеркнув слово шестокрыльцы, Ходаковский отметил на полях: „от крыльев, которые носили за плечами“. Нам не удалось пока найти подтверждение этой догадки Ходаковского, однако, судя по тому, что геральдика была предметом его специальных занятий, можно полагать, что для подобного объяснения слова шестокрыльцы он имел веские основания». ³⁸ Нам ясно, что Ходаковский имел в виду не геральдику, а вооружение польских гусар, которые в конном строю носили два огромных крыла за плечами. Однако, по любезному сообщению доцента А. Ф. Грабского из Лодзи, эти гусарские крылья появились лишь с начала XVI в. и не могли быть известны в эпоху князя Игоря. ³⁹ Однако еще в 1948 г. большой знаток природы Н. В. Шарлемань дал вполне правдоподобное объяснение. Он говорит: «Шестокрыльцы, по-видимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление перепонки крыла на три части (большие маховые — *remiges I*, малые маховые — *remiges II* и крылышко — *alula*) особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрыльцы“». ⁴⁰

Это объяснение совершенно убедительно и принято в настоящее время всеми комментаторами и переводчиками: Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитрие-

³³ М. А. Максимович. Песнь о полку Игореве. — Украинец, 1859, № 1, стр. 108, прим. 36 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283).

³⁴ О. Огоновский. Слово о полку Игореве. У Львові, 1876 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283).

³⁵ Слово о полку Игореве. Редакция, перевод и объяснения С. К. Шамбинаго. 3-е изд. М., 1915, Университетская Библиотека, № 572, стр. 68.

³⁶ Ф. Е. Корш. Слово о полку Игореве. СПб., 1909, стр. LXII.

³⁷ В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283.

³⁸ Ф. Я. Прийма. Зоріан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 83—84, прим. 6.

³⁹ А. Ф. Грабский ссылается на исследования Бронислава Гембаржевского: Br. Gembarzewski. 1) Husarze—ubiór, oporządzenie i uzbrojenie 1500—1775. Warszawa, 1939; 2) Zolnierz polski—ubiór, uzbrojenie i oporządzenie, wieki XI—XVII. Warszawa, 1960.

⁴⁰ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1948, стр. 113.

вым, В. И. Стеллецким («о шести крылах соколы») и другими. Лишь Н. К. Гудзий еще в 1955 г. повторяет толкование С. К. Шамбинаго: «У трех князей-соколов — шесть крыльев».⁴¹

В том же 1948 г. в нью-йоркском издании «Слова» проф. Марк Шефтель подробнее развил указанную Ф. Е. Коршем новогреческую параллель.⁴² Он заметил, что слова «шестокрилец, шестокрильный» в древнерусском языке обозначают лишь серафимов, по-гречески ἑξαπτέρυγος. Это же греческое слово обозначает и рипиды с изображением серафимов; но рипида в демотическом языке называется ξεφτέρι, что значит и сокол. Народная этимология приравнивает ξεφτέρι к ἑξαπτέρυγος, хотя эта этимология сомнительна. Во всяком случае при равенстве «гексаптерига» (серафима) и «ксефтери» (сокола) употребление слова «шестокрильць» в смысле «сокол» кажется калькой с греческого. «Мстиславичи, послольку их трое, даже если каждому из них приписать два крыла сокола или ястреба, совместно подсказывают поэту этот поэтический и великолепный эпитет». Вторая часть объяснения Марка Шефтеля неудачна, но первая правильна. Действительно, в «Материалах» Срезневского мы найдем начиная с XI в. целый ряд примеров на слова: «шестокрилатый, шестокрильный, шестокриль, шестокрильство», которые все применяются лишь к серафимам. Особенно значительно, что в Изборнике Святослава 1076 г. находится и существительное «шестокрильць».⁴³ Все эти примеры взяты из церковных книг: но легко можно допустить, что в просторечии «шестокрылыми» называли и хищных птиц, и витязей. Вспомним шестикрылого сокола, о котором упомянул Максимович. В сербском словаре Вука Караджича мы найдем и прилагательное «шестокрили» (с примером: «Свети шестокрили Аранђеле»), и существительное «шестокрилка» (с примером: из народной песни «Змија шестокрилка»). Крупный вассал Стефана Душана, кесарь Хреля, умерший в 1342 г., воспевается в сербском эпосе как «Реля Крилатица», но в песне, записанной в западной Болгарии проф. В. В. Качановским, он назван «Релё Шестокрилец».⁴⁴ А в апокрифическом гербовнике царя Стефана Душана, появившемся в XVI в., находится герб семьи Шестокриловичей, очевидно потомком храброго витязя, прозванного «шестокрылым».⁴⁵

Такое же тройное значение имеет слово ξεφτέρι в новогреческом языке. Прекрасный словарь этого языка Димитракоса указывает для данного слова значения: «1) вид сокола, 2) в переносном смысле человек, отличающийся быстрыми движениями и большой энергией, 3) церковные рипиды с изображением серафимов».⁴⁶

Итак, слова «шестокрил, шестокрильць» обозначали в древнерусском, как и в новогреческом языке (а вероятно, и в болгарском и сербском), одинаково библейского серафима, быстрого сокола и, наконец, быстрого удалого витязя.⁴⁷

⁴¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6-е. М., 1955, стр. 67.

⁴² La Geste..., стр. 133.

⁴³ Срезневский. Материалы, т. III, табл. 1589.

⁴⁴ Отмечено Н. М. Дылевским в сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 191).

⁴⁵ А. Соловьев. Постапак илирске хералдике и породица Охмућевих. — Гласник Скопског Научног Друштва, кн. XII. Скопље. 1933, стр. 118, герб. 72. Историк XVIII в. Качич-Миошич указывает: «Шестокриловичи из Пераста», из приморского гнезда храбрых моряков (там же, стр. 98).

⁴⁶ Διμητράκου Μέγα Λεξικόν, Ἀθήναις, 1937, т. VI, стр. 4492; и еще под словом ἑξαπτέρυγος (т. III, стр. 2654).

⁴⁷ Ср. в «Повести о разорении Рязани» высшую похвалу витязям: «Сни бо люди крилатии и не имуще смерти».

Заметим, что этот эпитет является одним из самых убедительных доказательств подлинности «Слова о полку Игореве». Если бы Н. Н. Бантыш-Каменский или архим. Иоиль Быковский сочинил «Слово», как мог бы он найти неизвестное в XVIII в. слово «шестокрылци»? Мы видели, что единственный его пример находится в Изборнике 1076 г., который принадлежал кн. М. М. Щербатову в Петербурге, а после его смерти в 1790 г. перешел к Екатерине II и которого никто еще не читал в то время (Бантыш-Каменский все время находился на службе в Москве, а Иоиль Быковский — в Ярославле). И даже если бы он его нашел (на листе 260-м Изборника!), как мог бы он догадаться, что это слово, обозначающее здесь серафима, можно применить и к соколу или витязю? Сам же он его сочинить не мог: в XVIII и XIX вв. говорили, что свойству русского языка характерно «шестикрылый» (вспомним у Пушкина «И шестикрылый серафим») как «шестилетний, шестигранный, шестиногий» и т. п. Между тем в тексте «Слова» стоит древняя форма, типичная для церковнославянского языка, с отверждением т, объясняющимся болгарским влиянием. И сейчас в болгарском языке мы находим лишь формы «шестокрил, шестоног, шестократен» и т. д. Так и в сербском языке. Между тем в русском языке гласная при основе на -тъ непременно будет и или е (например, «шестеро», «путеводный»). Эти тонкости сравнительной славянской филологии никак не могли быть известны любителю старины в XVIII в.

3. Обеси ся сине мгыле

Одним из неясных мест в «Слове о полку Игореве» является фраза о князе Всеславе: «обьсиися синѣ мгылѣ». Переводчики понимали ее по-разному.

Так, в первом переводе, посланном Екатерине II в 1796 г., стоит: «покрыт синей мглой»; вместо аориста поставлено причастие страдательного залога. То же выражение: «покрыт мглою синею» — находится в переводе Т (в бумагах Белосельского-Белозерского и Воронцовых). В переводе в бумагах Малиновского (1798 г.?) несколько иначе: «закрывшись мглою синею», дано деепричастие вместо причастия, а «мгла» по-прежнему стоит в творительном падеже, которого нет в подлиннике.⁴⁸ Этот перевод вошел в издание 1800 г. — «закрывшись мглою синею».

Итак, ни А. Ф. Малиновский, ни Н. Н. Бантыш-Каменский, ни А. И. Мусин-Пушкин не понимали, что здесь аорист и переводили знакомый им глагол «обеситься» глаголом «покрыть» или «закрыться». Так сделал и В. А. Жуковский в 1819 г., поняв «обеситься» как «обвешаться», и перевел «обвешанный синею мглою» опять причастием страдательного залога.

Не будем приводить всех последующих, обычно неточных переводов (например, А. Н. Майков дал: «синей мглой из Белграда поднялся»). Укажем только, что А. А. Потебня в 1878 г. предложил изменить текст так: «обесився синю мгылы», с деепричастием и с родительным падежом по образцу «объестся чего».⁴⁹

В 1926 г. В. Н. Перетц понял эту фразу как «повис в синей мгле», очевидно считая «сине мгыле» местным падежом («предложным» без пред-

⁴⁸ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 324, 347 и 356.

⁴⁹ А. Потебня. Слово о полку Игореве. Харьков, 1878, стр. 124.

лога).⁵⁰ Перевод глагола «обесися» как «повис» гораздо точнее, ибо сохраняет активную форму прошедшего времени.

Несколько иначе переводит А. И. Югов в 1946 г. — «ухватил синее облако», В. И. Стеллецкий — «и сокрылся в синей мгле», Н. К. Гудзий — «окутался синим туманом». ⁵¹ Наряду с этими активными формами, весьма разноречивыми, мы встретим и сейчас причастия страдательного залога, которые возвращают нас к переводу Жуковского. Так, И. А. Новиков дает «окутанный синей мглой», Л. А. Дмитриев в 1952 г. — «объятый ночной мглой, туманом», а Д. С. Лихачев в том же году — «объятый синей мглой» с примечанием: «обеситься по-древнерусски означает повиснуть или быть объатым (в данном месте Слова — конечно, последнее значение)». ⁵²

Однако А. С. Орлов перевел эту фразу деепричастием: «завесившись синей мглой», что близко к переводу 1800 г. ⁵³

Из иностранных переводчиков Н. Кульман перевел «s'enveloppa de brume bleue», сохранив глагол в аористе. ⁵⁴ Между тем Р. О. Якобсон в 1948 г. возвращается к деепричастию и переводит весьма свободно: «таясь под покровом синей мглы». Так же в том же издании: Henri Grégoire — «sous le voile de la brume bleue», S. H. Cross — «wrapped in the pall of a blue mist», Julian Tuwim — «otulony niebieską mgłą». ⁵⁵ Позже так же понимает это место Р. Поджиоли и пишет: «ammantandosi d'azzurra bruma». ⁵⁶ Все это возвращает нас к переводу 1800 г. Приблизительно так же перевел в 1954 г. и Р. Нахтигаль: «Zastrl se sinjo meglo» (закрылся синюю мглою), только у него глагол в прошедшем времени. ⁵⁷ Наконец, последний советский переводчик И. П. Еремин повторяет в 1957 г. «завесившись синей мглой». ⁵⁸

Мы видим, что большинство переводчиков пользуются причастием (или деепричастием), которое не отвечает аористу подлинника, и не останавливаются на вопросе, какой же это падеж «сине мьгле» — родительный, дательный, творительный или местный, отдавая предпочтение творительному — «закрывшись синей мглой».

Если мы обратимся к словарю И. И. Срезневского 1895 г. и к сравнительной славянской филологии, то мы увидим, что глагол «обеситься» вовсе не значит «быть объатым, окутаться». По-болгарски «обесвам» (се) значит «повесить, привесить» (-ся), по-сербо-хорватски «објесити» (се) имеет то же значение, по-чешски oběsiti (se). Только в древнерусском и польском вместо этого говорят «повесить», powiesić.

В древнерусском языке форма «обесити» всегда в смысле «повесить, привесить» является славянизмом, засвидетельствованным уже в Остромировом евангелии: она отвечает греческому глаголу κρεμάσω, атт. κρέμω —

⁵⁰ В. Н. Перетц. Слово..., стр. 293.

⁵¹ Слово о полку Игоре. ГИХЛ, М., 1955, стр. 43. Однако в своей хрестоматии Н. К. Гудзий переводит «обесися» как «повис» (Хрестоматия по древней русской литературе, стр. 68, прим. 7).

⁵² Слово о полку Игоре. Детгиз, стр. 91 и 217.

⁵³ Слово о полку Игоре. Библиотека поэта. Большая серия, стр. 74; примечание Л. А. Дмитриева (стр. 282) гласит: «обеситься — повиснуть, обнять. Объятый ночной мглой, туманом».

⁵⁴ Le Dit de la Campagne d'Igor. Traduction de N. Koulmann et M.-Z. Behagel. Paris, M. SM. XXXVII, стр. 40.

⁵⁵ La Geste..., стр. 196, 66, 171 и 211.

⁵⁶ Renato Poggioli. Cantare della gesta di Igor. Torino, 1954, стр. 171.

⁵⁷ Rajko Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Iгореve. Ljubljana, 1954, стр. 51—53.

⁵⁸ См.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, стр. 248.

повесить, привесить к чему.⁵⁹ Наряду с ней И. И. Срезневский дает под словом «объситься (объ + в. .) — «повиснуть, обнять» лишь три примера (кроме четвертого, из данного места «Слова»), именно: «Объшю ся твоеи выи», Златоструй до 1200 года; «(Александр) объси ся ей на распути (περιπλάκη)», Мучение Феклы, 3; «Труфана объсъши ся Феклѣ (περιπλαχῆναι τῇ Θεῆκῃ)», там же, 11».

Эти три примера очень значительны: они объясняют и точный смысл глагола, и странный падеж дополнения при нем.

Напомним, что греческий глагол περιπλέχω значит дословно обвивать, а в среднем и страдательном залого обвиваться вокруг чего, привеситься, также и обнять, обхватывать. Так как греческий язык не знает ни творительного, ни предложного падежей, то для косвенного дополнения остается дательный, и обвиться вокруг чего (в смысле: обнять кого) передается дательным περιπλέχω τινί. Славянские переводчики евангелия и других текстов начиная с XI в. перевели этот глагол как объситься и по семантической кальке сочетали его с дательным падежом: «объситься твоей выи» (ср. «повиснуть на твоей шее»), «объси ся Феклѣ» — обнял Феклу (дословно: «повис на Фекле»).

Итак, «обеси ся сине мъгле»⁶⁰ следует перевести «повис на синем облаке»,⁶¹ причем сине мъгле — это древний дательный падеж косвенного дополнения. Ни одной буквы в этом тексте не следует менять. Ни причастия, ни деепричастия в перевод вносить не нужно.

4. Рекъ Боянь и Ходына

Одним из самых «темных мест» в «Слове» является стих, который издателя 1800 г. напечатали так: «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю».

В течение полутора веков предлагались различные объяснения и исправления этого загадочного текста, а в конце концов Н. К. Гудзий пришел к выводу: «Очень темное и запутанное место. Многочисленные попытки комментаторов объяснить его при помощи различных конъектур должны быть признаны несостоятельными».⁶²

Постараемся однако пересмотреть вкратце эти попытки и выбрать из них самую удовлетворительную.

⁵⁹ И. И. Срезневский дает: «юдинъ от объшеноу зьлодѣю хоуляше его (τῶν κρεμασθέντων). Лук. 23, 29. Остром. ев. За нозѣ немилостиво обѣшен. Минея 1097 год. Да объсѣть жрѣновъ осьльскыи о выи его (ἵνα κρεμασθῆ) Панд. Ант. XI в. Камень на выю объсѣть. Поликарпа послание. Патерик Печерский 5, и др.» (Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 587). В «Дополнениях к Материалам для словаря» (СПб., 1912, стлб. 200) И. И. Срезневский приводит глагол: «объситься — повеситься, удавиться» с одним примером из грамоты 1578 г.

⁶⁰ В издании «Слова» следует всюду отделять местоимение «ся» от возвратного глагола, ибо в языке XII в. оно было еще свободным, ср. «начати же ся, а чи диво ся. . . помолодити, вежи ся половецкия подвизаша». Так и сейчас в других славянских языках.

⁶¹ «Мгла» может значить и облако. И. И. Срезневский говорит: «Слово мгла не у одних чехословаков, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы; следовательно, почти так же как греч. ομίχλη, лит. migla. . . . Вот пример из болгарских народных песен: «Пустите мои двѣ тѣги, я да станете двѣ мъгли че се високо вдигнете. . . ». Ср. санскр. mihila — облако; анд. — maêgha — облако; греч. ομίχλη — туман и облако (Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 223).

⁶² Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 70; также в издании: Слово о полку Игореве (ГИХЛ), стр. 45.

Любопытно, что перевод 1795 г. в бумагах Екатерины II вообще пропустил эту фразу, поставив многоточие (после слов «в поле Половецкое») и продолжая «Худо быть голове без плеч». ⁶³ Следующий перевод в бумагах Белосельских и Воронцовых дает: «Рек Боян песнотворец (песнопевец Б.) старого времени и походам Святослава, Ярослава, и Олега конец положил: тяжело быть голове без плеч». ⁶⁴ Перевод весьма неудачный: каким-то образом «коганя хоти» осмыслено как «конец положил», а «ходы» превратились в «походы».

Перевод в бумагах А. Ф. Малиновского несколько изменен: «Боян песнопевец старых времен, оканчивая повествование о походах Святослава, Ярослава и Ольга, произрек: „Тяжело быть голове без плеч“, но смысл тот же. При этом Малиновский дал примечание: «Сие место так темно, что остается одну только догадку принять в основание». ⁶⁵

Наконец, печатный перевод, проверенный Н. Н. Бантыш-Каменским, приближается к прежнему и дает: «Сказал сие Боян, и о походах, воспеваемых им в прежние времена, князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил: тяжело быть голове без плеч». Этот чересчур свободный перевод выпустил слова «песнотворца, коганя» и «хоти» и совершенно не считается с грамматикой.

Толкование «ходы на» как «походы» часто повторялось (Н. Ф. Грамматин в 1823 г., Н. А. Полевой в 1830 г., А. И. Лященко еще в 1928 г., ⁶⁶), но ему противится то, что в древнерусском языке это слово никогда не означало «походы», а лишь «ход» и во множественном числе не засвидетельствовано. ⁶⁷ Поэтому предлагались различные изменения текста: «исход» (Д. Дубенский, 1844 г., П. П. Вяземский, 1877 г., П. В. Владимиров, 1900 г.), «исходы» (М. В. Щепкина, 1953 г.), «до сына» (Р. О. Якобсон, 1948 г.), «на исходы» в смысле «на кончину» (Р. Нахтигаль, 1954 г.) и пр. Однако все эти изменения слишком произвольны и не решают затруднений с толкованием дальнейшего «Святъславля пестворца».

Между тем еще в 1894 г. И. Е. Забелин предложил самое логическое чтение. ⁶⁸ Не надо менять ни одной буквы в тексте, следует лишь правильно разделить слова, непонятые А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским. Почтенный историк предложил читать: «Рек Боян и Ходына, Святъславля пестворца старого времени Ярослава, Ольгова коганя хоти». Получается: «Сказали Боян и Ходына, Святослави песнотворцы (правильное двойственное число) старого времени Ярославова, любимцы князя Олега». К этому мнению присоединился в 1926 г. В. Н. Перетц, с той поправкой, что «Ольгова коганя хоти» он счел обращением к жене князя Олега Святославича. Он привел и целый ряд указаний на следы собственного имени «Ходына» в топонимастике: в Новгородской области село Ходынино с XIV в., село Ходынина в Псковской области, село Ходынино в Рязанской, речка Ходыня и Ходынский луг под Москвой, наконец, от-

⁶³ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 325.

⁶⁴ Там же, стр. 349.

⁶⁵ Там же, стр. 357.

⁶⁶ Аркадий Лященко. Пояснения одного місця у «Слові о полку Игоревѣ». — Ювілейний збірник по пошану ак. М. С. Грушевського, т. II. У Києві, 1928, стр. 187—189.

⁶⁷ Единственный пример: Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1382 («А зима была тогда гола... и ход был конем нужно грузовато» — из НІЛ под 1558 г.). Итак, это «ход коня», а не «поход».

⁶⁸ И. Забелин. Заметка об одном темном месте в Слове о полку Игореве. — Археологические известия и заметки. М., 1894, № 10, стр. 297—301 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 327).

чество «Ходыничь Остапко» в Мозыри в 1552 г. (в словаре древнерусских собств. имен Тупикова).

К этому мы можем прибавить, что в Польше были известны шляхетские фамилии Ходынских и Ходыницких, очевидно образованные от родовых сел Ходыня и Ходыничи, а село Ходыничи на р. Ловати упоминается в Новгородской летописи уже под 1210 г.; ясно, что оно было населено потомками какого-то Ходыны XII или даже XI в.⁶⁹

По указанию В. П. Адриановой В. Н. Перетц привел семь примеров из «Повести временных лет» (начиная с «иде Аскольд и Дир» и «рече Свенельд и Асмуд») в подтверждение того, что в древнерусском языке «сказуемое, стоя перед двумя подлежащими и согласуясь с первым, стоит всегда в единственном числе».⁷⁰ Мы продолжили этот анализ по Ипатьевской и Новгородской I летописям для XII и XIII вв. и выяснили, что с 1148 г. можно уже встретить обороты, в которых сказуемое перед двумя или тремя подлежащими стоит уже в двойственном или множественном числе,⁷¹ но древнее согласование остается наряду с новым еще в XIII в.⁷²

Интересно отметить, что этот оборот часто применяется к *verba dicendi* и что два лица (или больше их) произносят те же слова в унисон. Например: «И рече Свенельд и Асмуд» (946 г.), «и рече митрополит и епископы» (1115 г.), «и рече Изяслав и Ростислав» (1151 г.), «и нача молвити митрополит и игумени вси» (1157 г.). Эти фразы часто связаны с прямой речью.

Итак, чтение «рек Боян и Ходына» кажется нам самым правильным. С ним согласуется дальнейшее «Святославля песнотворца», правильно стоящее в именительном падеже двойственного числа, что необъяснимо, если принимать чтение «ходы» или «исходы».

В настоящее время некоторые исследователи соглашаются с чтением И. Забелина, например Д. И. Тиунов⁷³ и Д. С. Лихачев.⁷⁴ В последнем издании «Слова» 1961 г. тоже разделены Боян и Ходына, причем комментатор В. Кузьмина считает, что имя Ходына должно принадлежать автору «Слова».⁷⁵ С этим, однако, не согласуется текст. Оба певца, и Боян, и Ходына — «Святославли песнотворцы старого времени Ярославля»; это ясное указание на то, что они оба жили при великом князе Святославе Ярославиче (умер в 1076 г.), о котором нам известно, что он любил пение и игру на гуслях. Имя «Ходына» никак нельзя считать вставкой.

⁶⁹ «Угонивше Литву в Ходынищих» (ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 31); у В. Н. Татищева неточно: «в Ходынищах» (История Российская, т. III, стр. 368).

⁷⁰ Любопытно, что А. А. Шахматов не знал этого правила и написал по поводу фразы «рече Свенельд и Асмуд»: «вставка имени Свенельд обличается формой единств. числа „рече“, а также и тем, что нет основания допустить, чтобы во главе войск стояли одновременно два лица» (А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 369).

⁷¹ «Придоша Володимир, Изяслав Давыдовича и Святослав Олговичь» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 254), «и рекоста Мьстислав и Ярополк» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 404).

⁷² Например, под 1213 г. «обещая ему Данил и Олександр», «възъеха к нему Глеб Судиловичь и Гаврило Иворовичь и Перенежько», «бе бо ту... Иван Лекин и Дмитр и Бот» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 490, 491, 493 и далее). Так же в Н1Л под 1215 и 1216 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 54—56: «Рече же Мьстислав и Володимир», «И ста Ярослав и Гюрги с братьею» и т. п.).

⁷³ Д. И. Тиунов. Несколько заметок к слову. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М., 1950, стр. 203.

⁷⁴ Слово о полку Игореве. Детгиз, стр. 108 и 221.

⁷⁵ «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения, под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, стр. 364.

5. Ольгова коганя хоти

Некоторые комментаторы, следуя за И. Забелиным, допускают Ходыну, например, Д. С. Лихачев и Д. И. Тиунов, но объясняют «Ольгова коганя хоти» как второе приложение к именам певцов: «любимцы Олега когана». С этим трудно согласиться. Во-первых, нагромождение приложений: «Святослава песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти» трудно ожидать от такого мастера стиля, каким был певец «Слова». Во-вторых, двойственное число от существительного мужского рода «хоть» было бы (два) «Ольгова коганя хотя», как «два коня» (ср. в «Слове»: «претргоста бо своя борзая комоня»). А в-третьих, слово «хоть» вовсе не значит «любимец». Это странная ошибка И. И. Срезневского, введшая в заблуждение других авторов. На ней следует остановиться. Срезневский дает:

«Хоть — любимец: — Ты же дасть наимъ хотъм своимъ всѣмъ (πάσι τοῖς ἐρασταῖς в нов. рачителем). Иез. XVI, 33. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 50).

«— любовник: — Съберу вся хоти твоя (πάντας τοὺς ἐραστάς σου в нов. похотники). Иез. XVI, 37. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 50). И съблуди Аолла от мене, и възложи на хоти своя (ἐπὶ τοὺς ἐραστάς αὐτῆς) там же, XXIII 5 (Упыр.). Того дея предаахъ ю в руце хотемъ ея (τῶν ἐραστῶν αὐτῆς), там же, XXIII, 9 (Упыр.). Какова ли хотии ея злобъ, там же, XXIII, 10. толк. (Упыр. 210)», и еще три примера из пророка Осии, где опять-таки слово «хоть» отвечает греческому ἐραστής.⁷⁶

Весьма странно, что, приведя четыре примера из пророка Иезекииля, где «хоть» значит «любовник», И. И. Срезневский в первом примере из того же пророка перевел «хоти» как «любимцы». Между тем следует прочесть 16-ю главу Иезекииля в греческом тексте или в русском переводе, чтобы убедиться, что во всех случаях говорится о любовниках. Именно у Иезекииля (гл. XVI, 33) сказано дочери Иерусалима: «Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим (дасть наим хотъм своимъ всем), и подкупала их, чтоб они со всех сторон приходили к тебе блудить с тобою», а в стихе 37-м той же главы: «За то вот, я соберу всех любовников твоих, которыми ты услаждалась и которых ты любила».⁷⁷ Ясно, что в обоих стихах говорится о тех же «любовниках» (ἐρασταί), и остается загадкой, почему И. И. Срезневский в первом случае перевел «хоти» как «любимцы».

И сравнение с чешским языком показывает, что слово «хоть» говорит именно о плотской связи, происходя от глагола «хотеть». Именно по-чешски *chot'* (м. р.) значит «муж»; *chot'* (ж. р.) — «жена, супруга». Последнее значение мы найдем в «Слове о полку Игореве»: «Забыв чти... и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая». Здесь И. И. Срезневский правильно перевел «хоть» как «желанная, милая, жена». Но рядом с этим единственным примером такого значения он же приводит четыре примера, где «хоть» ж. р. значит «наложница».⁷⁸ Подобно этому, и слово «хоть» (м. р.) имело только два значения: 1) желанный муж, как в чешском, и 2) любовник (ἐραστής). Боян и Ходына не могли быть «хотями» князя Олега, иначе его следовало бы обвинить в педерастии.

Единственно правильным является, по нашему мнению, чтение В. Н. Петца: «Ольгова коганя хоти» надо рассматривать как обращение к жене

⁷⁶ Срезневский И. Материалы, т. III, столб. 1389.

⁷⁷ Библия... в русском переводе. Синодальная типография. Пгр., 1915, стр. 591.

⁷⁸ «Хоти триста (παλλακαί). Не едину хотъ, ни две примыши. Иезек. XVI, 15... хотию небрегом (ab amata). Златоустр. 43. Хоти или прелюбодеяца (ἐτα ἱρα). Сильв и Ант. вопр. XVI в. 56 (Срезневский И. Материалы, т. III, столб. 1389).

Олега Гориславича. Такое чтение безукоризненно: «Ольгова» есть правильное прилагательное женского рода от имени Олег, а «коганя» такое же прилагательное от титула «коган». Наконец, «хоти» — это правильный звательный падеж от существительного женского рода «хоть» (ср. «о всепята мати»). Боян и Ходына обратились к жене князя Олега, когда он был в изгнании или заточении, и произнесли изречение, которое запомнилось их преемнику.

Синтаксически все это предложение вполне отвечает стилю Ипатьевской летописи,⁷⁹ где мы найдем под 1147 г.: «Посла Володимир и Изяслав Давыдовича ... послы к Изяславу ... река: „брате! се заял Ольговичь Святослав волость мою ... любо с ним мир створим, любо ся с ним бьем“». ⁸⁰ Так же построена фраза «Слова». Глагол (*verbum dicendi*) стоит в единственном числе (посла — рек), подлежащих два (Владимир и Изяслав — Боян и Ходына), приложение стоит в двойственном числе (Давыдовича — Святославля песнотворца) и, наконец, прямое обращение в прямой речи (брате! — Ольгова коганя хоти!). Заметим, что два князя, так же как их послы, говорят в унисон, что делают и Боян и Ходына.

И. Е. Забелин предполагал, что Боян произнес первый стих («Тяжко ти голове кроме плечю»), Ходына — второй («зло ти телу кроме головы»), а певец Игоря прибавил третий («Русской земле без Игоря»). Это предположение остроумно, но не необходимо. Мы отметили известный дух гомофонии в летописи: епископы, князья, послы говорят вместе одну и ту же речь. Так же Боян и Ходына могли вместе произнести два стиха, а певец Игоря добавить: «Русской земле без Игоря».

Укажем, наконец, что если мы будем читать «Ольгова коганя хоти» как «жена князя Олега», то это вполне согласуется с исторической обстановкой. Хазарский титул «кагана, когана» славяне, раньше платившие дань хазарам, стали применять иногда к великому князю в Киеве. Так, митрополит Иларион пишет «Похвалу кагану нашему Владимиру» и хвалит в ней «великаго кагана наша земля», а в «Исповедании веры» говорит: «благочестиваго кагана Ярослава, сына Володимера».⁸¹ Но из сыновей Ярослава никто уже каганом не назывался. Почему же этот архаический титул применен к Олегу, внуку Ярослава? Ответ на это мы найдем в интересной вислой печати Берлинского музея⁸² с надписью: $\overline{\text{KE}} \overline{\text{VO}} \overline{\text{MIXANA}} \overline{\text{APXONT(I) MATPA(XQN), ZIXIAE K' PAENE KAZARIAE}}$. Михаил-Олег был в конце XI в. не только князем Тмутаракани, но и Зихии, и «всей Хазарии» в Крыму. Крымские хазары были его данниками, поэтому он имел полное право носить титул «когана», жена его была «коганя хоть».

6. Жена и дети князя Игоря

В первом издании «Слова о полку Игореве» сказано в первом же примечании на 1-й странице: «Игорь Святославичь родился 15 апреля 1151 года... женился в 1184 году на Княжне Евфросинии, дочери Князя Ярослава Володимировича Галичскаго».

⁷⁹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 242.

⁸⁰ Любопытно, что после единственного числа («волость мою») стоит множественное («створим, бьем»), ибо действуют три князя: Владимир, Изяслав и другой Изяслав.

⁸¹ Прибавления к творениям святых отцов, т. III. М., 1844, стр. 253.

⁸² Об этой печати подробнее в нашей статье: A. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au Nord de la Mer Noire à L'époque des Comnènes? — Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses 1958. München, 1960, стр. 569—580.

Итак, поскольку у князя Игоря было пятеро сыновей, родившихся от 1170 до 1180 (?) г., Ярославна была бы их мачехой, второй женой князя Игоря. Это предположение повторяется у многих комментаторов, например в либретто оперы «Князь Игорь» и у Л. А. Дмитриева в 1952 г.⁸³ Однако так ли это?

Летописи ничего не говорят ни о первом, ни о втором браке князя Игоря, ни о смерти его жен: они вообще невнимательны к княгиням. Имя Евфросинии как жены князя Игоря находится только в драгоценном Любечском синодике, опубликованном в 1884 г.⁸⁴ В летописях его нет. Однако оно находится уже в «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II, напечатанном в 1793 г. Там сказано: «Князь Игорь . . . родился в 1151 году, женился в 1184 году, взял Княжну Евфросинию, дочь Князя Ярослава Владимировича Галичского».⁸⁵ Поскольку мы знаем, что Екатерина II, составляя свои родословные списки, запрашивала синодики в разных монастырях, вероятно, что она имела в руках копию Любечского синодика. Мусин-Пушкин уже в издании «Поучения Владимира Мономаха» ссылается на «Родословник» Екатерины II.⁸⁶ Ясно, что он пользовался им и для примечаний к «Слову» и из него взял имя Евфросинии и утверждение о втором браке Игоря.

По нашему мнению, известие о втором браке объясняется невнимательным чтением «Истории» Татищева, которой Екатерина II широко пользовалась в своих «Записках по русской истории». Под 1184 г.⁸⁷ Татищев рассказывает: «Владимир Ярославич Галицкий шурин Игорев изгнанный от отца, пришел во Владимир к Роману Мстиславичу, но Роман бояся отцу Владимиру, не дал ему у себя быть. . . (дальнейшие странствия). Несчастный же Владимир ни тамо себе места обретши, приехал паки в Путимль к зятю своему Игорю Святославичу. Игорь же принял его с любовию и честию, и держал у себя, чрез два года, и с великим прилежанием едва его со отцем примирил, испрося ему во всем прощение, и послал с ним проводить сына своего Святослава. Ярослав, приняв сына Владимира и наказав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, дабы он не мог кое зло делать, Святослава же одарив с честию отпустил».⁸⁸ Очевидно, Екатерина II отметила, что под 1184 г. Владимир назван шурином Игоря, но сделала из этого неверный вывод, что свадьба была в этом году.

В этом рассказе Татищева и летописи кое-что неясно. Трудно понять, приехал ли Владимир к своему зятю в 1184 г. и тот продержал его с честью два года до 1186 г. (но в это время он сам долго был в плену) или Владимир приехал уже в 1182 г., а в 1184 г. Игорь примирил его с отцом и отослал в Галич. Последнее предположение кажется нам более вероятным, но В. В. Стасов и А. П. Бородин приняли первое и потому сочинили

⁸³ Л. А. Дмитриев. Комментарий. Библиотека поэта. Большая серия, стр. 283.

⁸⁴ Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику. М., 1884, стр. 270.

⁸⁵ «Записки касательно Российской Истории», ч. V, 2-е изд., 1801, стр. 159.

⁸⁶ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 311.

⁸⁷ В. Н. Татищев, История. . . , т. III, стр. 258.

⁸⁸ Этот же рассказ находится в Ипатьевской летописи, впервые напечатанной в 1843 г., но которой по утраченному списку пользовался Татищев. Приведем текст летописи: «В то же время Володимер Ярославич Галичский, шурин Игорев, бяшесть у Игоря, зане выгнан бысть бяшесть отцем своим из Галича. . . приде к зятю своему Путивлю ко Игореву Святославичу: той же прия с любовию и положи на нем честь велику, и на третее лето введе и в любовь со отцем его и посла с ним сына своего зятя Рюрикова Святослава» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 428).

весьма неправдоподобные сцены бесчинства Владимира в Путивле и попытки захвата им власти в отсутствие князя Игоря.

Ясно одно. Если Владимир в начале рассказа назван «шурин Игорев», то надо предполагать, что он уже давно был этим шурином, а вовсе не стал им в 1184 г., как неудачно заключила Екатерина II. Обратим внимание на следующее: Игорь посылает со своим шурином в далекий Галич своего младшего сына Святослава, родившегося в 1176 г. Зачем было посылать в такой путь восьмилетнего мальчика, если он не был внуком Ярослава Осмомысла? Очевидно, его послали, чтобы расстрогать грозного деда и замолвить слово за беспутного дядю. Святослав был сыном, а не пасынком Ярославны.

Что Евфросиния была матерью не только Святослава, но и всех Игоревичей, видно из их дальнейшей судьбы. Но сначала постараемся выяснить их даты рождения. В Ипатьевской летописи сказано под 1173 г.: «Того же лета родился у Игоря сын месяца октября в 8 день, и нарекоша ему имя Володимер, а во крещении Петр».⁸⁹ Если верить этой дате, то в день выступления в поход княжичу было всего одиннадцать с половиной лет, а при возвращении из плена осенью 1187 г. «с детьми» едва четырнадцать. Дата неверна, как и многие иные в Ипатьевской летописи, и ее легко исправить.

Прочтем все известия под 1173 г. Перед тем рассказывается о неудачном походе суздальцев на Новгород Великий (что было в 1169 г.), затем о том, что Роман в Новгороде узнал о смерти своего отца Мстислава II на Вольни (что было 19 августа 1170 г.), а после записи о рождении Владимира Игоревича 8 октября стоит: «В то же время преставися благоверный князь Глеб, сын Юрьев, внук Володимерь, в Киеве княжив два лета. . . 20 января».⁹⁰ Мы знаем, что Глеб был посажен в Киеве Андреем Боголюбским после взятия Киева 8 марта 1169 г. (в Ипатьевской летописи опять неверный 1171 г.): следовательно, он умер 20 января 1171 г., а Владимир родился перед тем, 8 октября 1170 г. Итак, в датировке ошибка на три года: в походе ему шел пятнадцатый год, а венчали его в 1187 г. (в октябре?) семнадцати лет.⁹¹

Надо полагать, что Игорь женился на дочери Ярослава Осмомысла в 1169 г., восемнадцати лет от роду, а может быть и немного раньше.

Все сыновья Игоря были и сыновьями Евфросинии, поэтому они позднее стали галицкими князьями. Именно в 1205 г. после смерти Романа Мстиславича под Завихостом галицкие бояре не захотели признать его малолетних сыновей Данила и Василька, но «славяху Игоревича» (Ипатьевская летопись, стр. 481); они послали за ними и посадили в Галиче Владимира, а в Звенигороде — Романа. Их призвали из далекой Северной земли, очевидно, потому, что они были внуками Осмомысла, что в них текла кровь старой галицкой династии.

Вскоре началась борьба между братьями: Роман Игоревич с помощью венгров отнял Галич у старшего брата, который бежал в Путивль, вероятно в 1208 г. (в Ипатьевской летописи опять неверный 1203 г.). Затем король Андрей венгерский решил передать Галич своему брату Коломану, основываясь на Спижском договоре с Лешком 1202 г.; он послал с вой-

⁸⁹ Там же, стр. 383.

⁹⁰ Пользуясь мартовским счетом, Ипатьевская летопись относит события января и февраля к предыдущему году. Даты в ней проставлены позднее, их не было в подлиннике.

⁹¹ В Ипатьевской летописи отмечены еще даты рождения сыновей Игоря: Олега в 1174 г. (неверный 1175 г.) и Святослава в 1176 г. (неверный 1177 г.) (Летопись по Ипатскому списку, стр. 407 и 409).

ском воеводу, Бенедикта и «яша Романа в бане мыющихся и посла и в Угры». В 1210 г. Роман убежал из Венгрии в Галич, галичане послали его к брату Владимиру в Путивль, говоря: «согрешихом перед вама». Воеводу Бенедикта изгнали, и в Галицкой земле село уже четверо Игоревичей: Владимир — в Галиче, Роман — в Звенигороде, Святослав — в Перемышле,⁹² а в Тереховле — Изяслав Владимирович, по матери внук Кончака, ему было уже 24 года. Другого сына Всеволода Владимир послал к королю Андрею с дарами. Князьям пришлось вести борьбу с мятежными боярами, как раньше Роману Мстиславичу. Они избili их до пятисот, говорит Ипатьевская летопись. Тогда оставшиеся бояре попросили короля Андрея дать им Данила Романовича, которому было лет 10—12, чтобы освободить их от Игоревичей. Напротив, Звенигород, в котором сидел Роман Игоревич, упорно защищался. Роману пришли на помощь половцы и с ними его племянник Изяслав, внук князя Игоря и Кончака. Однако когда Роман решил покинуть Звенигород, его взяли в плен в Шумске. Владимир Игоревич с сыном бежали из Галича, и Данила торжественно посадили на стол в соборной церкви в Галиче. Взят был в плен и младший брат Ростислав Игоревич, раньше не упомянутый; нам неизвестно, на каком столе он сидел в Галицкой земле. Трех пленных князей повесили в Галиче в сентябре 1211 г. Это единственный случай такой расправы с князьями в русской истории.

Так бесславно кончилось княжение Игоревичей в земле их деда Ярослава Осмомысла. Несомненно одно: все они были сыновьями Евфросинии, и другой жены у Игоря не было.

Может встать вопрос: почему Ярославна не упоминает о сыне Владимире в своем плаче? На этом основании некоторые комментаторы утверждают, что она была его мачехой. Однако ответ прост: она особенно беспокоится о муже, услышав, что у него несколько ран («утру князю кровавые его раны», призыв «за раны Игоревы».)⁹³ О Владимире же она знает, что он не ранен, что он находится у невесты, ему хорошо, о нем волноваться нечего.⁹⁴ Потому весь ее плач посвящен любимому мужу и его погибшему войску.

Мы считаем, что у Игоря и Ярославны было пять сыновей — Владимир, Роман, Олег, Святослав и Ростислав⁹⁵ — и дочь, выданная в 1190 г.

⁹² Второй сын князя Игоря, Олег (родившийся в 1174 г.), не упоминается в галицких событиях. Надо полагать, что он остался сидеть в Курске. Именно в битве на Калке 1223 г. отмечена храбрость князя Олега курского. Татищев, имевший более полный вариант Киевской летописи за XIII в., рассказывает под 1226 г.: «Олег Игоревич Курский, возвратясь от Калки с малым войском и видя Чернигов без князя, ибо он был старейший во граде, занял оный» (История..., т. III, стр. 443), но затем уступил его Михаилу Всеволодичу. Участвовал ли Олег Игоревич в походе 1185 г. (11 лет от роду), неясно. Летопись его не упоминает, отмечая лишь участие Владимира из Путивля и Святослава из Рыльска; во фразе «и с нима два молодая месяца, Олег и Святъслав» Р. О. Якобсон считает эти личные имена позднейшей ошибочной припиской и вычеркивает их из текста «Слова» (La Geste..., стр. 27 и 58). См.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 65, прим. 6.

⁹³ Ипатьевская летопись говорит: «уязвиша Игоря в руку и умртваиша шюйцю его» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 433).

⁹⁴ Можно полагать, что дети Игоря и Кончака были давно сосватаны. После битвы Кончак «на полчищи поручися по свата Игоря, зане бысть ранен», значит они уже считались сватами. Еще в 1180 г. Кончак приходил на помощь Игорю против Рюрика Ростиславича, и после неудачи Игорь «так с Кончаком въскочивша в лодью, бежа на Городець к Чернигову» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 421). Возможно, что они тогда уже обручили своих детей.

⁹⁵ Екатерина II указывает у Игоря шесть сыновей: Владимира, убит в Галиче в 1212 г., Ольга-Павла, Святослава, Глеба (без всяких данных), Романа, убит в Галиче в 1212 г., и Изяслава, убит в 1224 г. (?). Ростислава она не знает, и вообще ее сведения неточны («Записки...», стр. 159—160).

замуж за Давыда Ольговича, внука великого князя Святослава III; имя ее не названо в летописи.⁹⁶ Из этих сыновей трое — Роман, Святослав и Ростислав — были повешены в Галиче в 1211 г. Судьба двух других неизвестна: они, вероятно, продолжали княжить в Путивле и Курске до татарского нашествия, а может быть умерли раньше.⁹⁷ Потомство их пресеклось. Все позднейшие «верховские» княжеские семьи возводили свой род к Михаилу Черниговскому, внуку Святослава III; ни одна не считалась потомками князя Игоря.

7. Жалость земли Руские

В январе 1958 г. Р. О. Якобсон прочел в Краковском университете доклад под заглавием «Вклад языкознания в критический анализ текста Слова о полку Игореве». В недавно напечатанном резюме доклада⁹⁸ он говорит о реконструкции и анализе «Задонщины» как ближайшей задаче и развивает интересную новую мысль. Он говорит:

«Д. С. Лихачев мастерски выяснил роль З а д о н щ и н ы, радостного ответа после Куликовской победы над погаными на С л о в о, оплакивающее победу поганных над Игорем». Задонщина «была планирована и написана как вторая часть диптиха. Сам автор говорит во вступлении: „Прежде восписах жалость земли Руские и прочее от книг приводя“, т. е. С л о в о о полку Игореве, потом же „списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондревичю“, т. е. З а д о н щ и н у. Оба эти произведения, очевидно, переписывались вместе. Только этим мы можем объяснить наличность новых цитат не только из З а д о н щ и н ы, но и из С л о в а в отдельных, даже поздних вариантах Сказания о Мамаевом побоище. Записи З а д о н щ и н ы дошли до нас частично без ее начала, частично внесенные как отдельный эпизод истории борьбы с татарами; поэтому С л о в а, т. е. первой части диптиха, недостает в обоих случаях».

Мы вполне разделяем эту мысль. Загадочная «жалость земли Руские», которую переписал автор З а д о н щ и н ы, это именно «С л о в о о полку Игореве», бывшее перед ним и которым он так широко воспользовался. Это прежде всего грустная песнь о поражении и о «туге земли Руской». Корень «жаль» в разных вариантах встречается в нем четыре раза («жалость ему знамение заступи», «жаль бо ему мила брата», «ничить трава жалощами», «уныша цветы жалобою»). Напротив, З а д о н щ и н а есть тоже «жалость» (плач по убитым, подсчет — 253 тысячи павших), но и «похвала», прославление великого князя Дмитрия и его брата Владимира и всей Русской земли. Очень возможно, что в автографе Софронии оба произведения следовали одно за другим, но что позднейшие переписчики пропускали жалобное, мало понятное по языку и отдаленное по эпохе «С л о в о» и списывали только З а д о н щ и н у, описание величайшей победы Московской Руси.

⁹⁶ «Того же лета Святослав жени внука своего Давыда Олговича Игоревною» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 449).

⁹⁷ Неясна судьба Владимира Игоревича. Ипатьевская летопись указывает, что он убежал с сыном Изяславом, а повесили «Романа, Святослава, Ростислава» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 486). Однако Татищев, имевший другую летопись для XIII в., говорит: «Романа и Владимира повесили пред градом», «Роман и Владимир с женами и детьми побиты и ругательно повешены» (История..., т. III, стр. 372). Трудно согласовать эти известия.

⁹⁸ Roman Jakobson. Wkład językoznawstwa do krytycznej analizy tekstu Słowa o wyprawie Igora. — Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze, zesz. 3, № 24. Kraków, 1960, стр. 301.

8. Мнение митрополита Евгения о «Слове о полку Игореве»

В своем уже тридцатилетнем упрямом «неудачном походе на Слово о полку Игореве»⁹⁹ проф. Андре Мазон любит ссылаться на русских скептиков начала XIX в.: бесплодного отрицателя Каченовского, шутника барона Брамбеуса (О. Сенковского) и митрополита Евгения.¹⁰⁰ О легковесности Каченовского и Сенковского не стоит говорить,¹⁰¹ но Евгений Болховитинов личность более серьезная. Однако этот «величайший собиратель» (выражение М. П. Погодина), этот «статистик истории» (по словам А. В. Карташева) обладал многими недостатками своей эпохи, и митрополит Филарет о нем сказал: «В митрополите Евгении, сколько изумляет собой обширность его сведений, столько же поражает бездействие размышляющей силы, часто и резко высказывающейся».¹⁰²

Не обладая достаточными познаниями ни в истории русской литературы, ни в истории русского языка, митрополит Евгений сначала счел, что «Слово» не могло быть написано в XII в. Он писал 18 февраля 1814 г. Калайдовичу: «Об Игоревой песне я не сомневаюсь, что она давняя и могла сочинена быть в XV веке, когда воображение и дух России уже ободрился от успехов над татарами. Но чтобы она была и древняя до XIII века, на это потребны доказательства яснее игумена Зосимы» (т. е. записи в Апостоле 1307 г.). Нам теперь смешно читать, что скорбная песнь о страшном поражении при Каяле могла быть сочинена, «когда дух России уже ободрился от успехов над татарами»; но так рассуждали в 1814 г. Затем митрополит Евгений пишет по поводу приступа: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы...», в том же письме: «Не значит ли это, что он силится написать старинным, прежних времен слогом, а не современным себе? Следовательно, он не современник событий. Много у нас и русских песен, писанных старинным слогом о временах даже Владимировых. Кто же отнесет их к тем временам?».¹⁰³

Итак, мы видим, что митрополит Евгений совсем не понял смысл приступа «Слова»: он взял первую его фразу без связи с дальнейшими, и ему непонятно, что фраза «Не лепо ли ны бяшет...» лишь риторический вопрос, а что дальше певец отвечает на него: «Начати же ся той песни по былинам сего времени (т. е. новым слогом), а не по замыслению Бояню (т. е. не «старыми словесы», не стилем XI века)».¹⁰⁴ Но это еще простиительно, ибо так плохо понимали приступ «Слова» его первые переводчики К. Серяков (М., 1803) и А. Палицын (Харьков, 1807). Первый переведил:

Коль приятно слогом древности
Повесть нам начать прискорбную
О походе князя Игоря...

⁹⁹ Е. А. Ляцкий. Неудачный поход на Слово о полку Игореве. — *Slavia*, XVII, 1939, стр. 110—127 и 374—411.

¹⁰⁰ Еще недавно в рецензии на сочинение некоего г. фон Скерста «*Ursprung Russlands*» (*Revue des études slaves*, t. 41, 1962, стр. 218).

¹⁰¹ См.: Е. А. Ляцкий. Неудачный поход на Слово о полку Игореве, стр. 113—117; Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 18—23.

¹⁰² А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, т. 1. Париж, 1959, стр. 19.

¹⁰³ См.: Сын Отечества, 1839, VIII, ч. VI, стр. 18—19 (цит. по: Вл. Перетц. Слово о полку Игоревім. У Києві, 1926, стр. 49).

¹⁰⁴ Этот смысл яснее всего раскрыт в переводе Ивана Новикова: «Не ладно ли было, братия, песню нам начать... словесами старинными...? Нет, начаться же песне той по былинам нашего времени». — «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, стр. 87.

А второй вещал стилем Ломоносова:

Любовь к отечеству зовет, о Россы, нас
 Воспеть брань Игора на древний предков глас,
 Каким их подвиги вещались знамениты:
 Да будут бытия и наших лет открыты.¹⁰⁵

Однако совершенно непростительно, когда через полтора столетия проф. А. Мазон делает вид, что он не понимает смысла риторического вопроса, и с усмешкой пишет: «Забота воспеть „старыми словесы“ похвалу Игорю сразу выдает подделку, и подделку достаточно новую, чтобы оправдать эпитет „старыми“, ибо такая перспектива во времени не принадлежит человеку ни конца XII-го, ни даже начала XIII-го: митрополит Евгений имел снисхождение думать, что она могла соответствовать в крайнем случае человеку XV-го века; она должна была быть естественной, во всяком случае, человеку XVIII-го (века)».¹⁰⁶ И через 25 лет, несмотря на все сделанные ему возражения, проф. Мазон повторяет ту же мысль: автор «Слова» сам предупредил, мол, читателей, что он постарается писать «старыми словесы», он — «честный ритор».¹⁰⁷

Вернемся к митрополиту Евгению и к его мнениям о древности «Слова». Полезно напомнить, что через девять месяцев он высказал иное мнение, которое осталось неизвестным проф. Мазону, его последователям и оппонентам. Именно в конце того же 1814 г., в письме от 11 ноября к В. Г. Анастасевичу¹⁰⁸ Евгений писал:

«На вопрос ваш о трудах Московского Общества Истории и Древностей могу удовлетворительно Вам ответить, ибо я в сношениях с ним. Оно спит под недейтельным своим председателем президентом (П. П. Бекетовым); а некоторые только члены особняком работают. Недавно найдено в рукописях подобное Игоревой песни сочинение, описывающее поход князя Димитрия на Мамаю. В начале сочинения автор делает воззвание к какому-то неизвестному лицу, поведай Уран и проч., а в заключении сказано: а Владимир есть глава всем градам Русским; вся сия песнь расположена совершенно по Игоревой, которую без сомнения сочинитель имел перед глазами; в Игоревой описаны удалцы Курчане, а здесь Суздальцы, в той Ярославна плачет и обращается к Днепру и солнцу, а здесь жена Димитрия к берегу Москвы-реки в своем златоверхом тереме и проч. Многие слова (каковы, например, харалужный, рокотать и пр.), выражения и мысли взяты, кажется, из песни Игоревой. Сие сочинение, объясняющее во многих отношениях песнь Игореву, найдено в книге, писанной полууставом при Михаиле Федоровиче и содержащей в себе много статей, принадлежащих к древностям русским, между которыми достойна внимания песнь об убитом Лазаре и предложение правнука известного героя Пересвета князю (!) Иоанну Васильевичу о делании македонских щитов в воинстве — сочинение замечательное, в коем потомок Пересветов, выехавший из Литвы, черными красками опи-

¹⁰⁵ Там же, стр. 281 и 282.

¹⁰⁶ A. Mason. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 50.

¹⁰⁷ Revue des études slaves, t. 41, стр. 218—219. Впрочем, все это рассуждение, в котором А. Мазон утверждает, что автор XVIII в. написал не подделку, а «пастиш» и сам указал на это читателям, достаточно неясно: «L'auteur inconnu, au début même de son exercice, a prévenu les lecteurs qu'il ne saurait écrire „en langage ancien“ (старыми словесы) à la manière de Bojan: on ne saurait donc accuser de faux cet honnête rhétoricien, alors qu'il n'a commis qu'un pastiche — et a pris soin lui-même de le dénoncer».

¹⁰⁸ Это письмо было напечатано в журнале «Древняя и Новая Россия» (СПб., 1880, октябрь, стр. 359).

сывает царедворцев и наглости, какие они ему делали, отняв у него все имение, приобретенное им в королевствах Польском, Чешском, Венгерском и пр. Тимковский занимается новым переводом и толкованием песни Игоревой, и многое новое открыл; некоторые члены роются в патриаршей библиотеке, и все это по частной охоте, а не по отношению к Обществу. Общество в нашествие Наполеоново потеряло всю свою библиотеку и рукописи». Рукопись, которую митрополит Евгений называет в своем письме, представляла не Задонщину, тогда еще не известную, а «Сказание о Мамаевом побоище». Между тем уже это произведение убедило митрополита Евгения в том, что описание Куликовской битвы в нем расположено совершенно по Игоревой песне, которую «без сомнения» сочинитель «Сказания» «имел перед глазами». Между тем, как известно, «Сказание» довольно далеко от «Слова о полку Игореве», совпадая с ним лишь отчасти в своем плане и отдельных выражениях. Если бы митрополит Евгений имел перед собой Задонщину иерея Софония, он бы убедился, что Задонщина является связующим звеном между «Словом» и «Сказанием» и что именно в ней «многие слова, выражения и мысли взяты» из «Слова о полку Игореве». Но первую рукопись Задонщины приобрел на рынке и опубликовал Ундольский лишь в 1852 г., уже после смерти Евгения Болховитинова.¹⁰⁹

Во всяком случае проф. Мазон и его последователи не имеют права ссылаться на митрополита Евгения: он вовсе не предполагал, что «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в.

¹⁰⁹ ВОИДР, кн. 14, 1852.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Ю. К. БЕГУНОВ

Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику

Археографическая экспедиция 1960 г. в составе научного сотрудника Ю. К. Бегунова и аспиранта А. М. Панченко на западный берег Чудского озера была продолжением начатого в 1958 г. археографического обследования Причудья.¹ Участники экспедиции снова посетили города Тарту, Муствее, Калласте, деревни Рая, Кикита, Б. и М. Колкья, Казепе, Варнья (Тартуского района ЭССР), а также обследовали деревню Березье, расположенную на берегу Псковского озера и входящую в Пылваский район ЭССР.

В Раюшской общине удалось получить лишь одну тетрадку духовных стихов конца XIX в., принадлежавшую ранее иконописцу Г. Е. Фролову (см. № 15 охранной описи в приложении к настоящей работе). Общинная библиотека деревни Рая состоит в основном из служебных книг дониконовской и старообрядческой печати и певческих рукописей, в том числе местного происхождения. В деревне Кикита у К. А. Малышева имеется хорошее собрание нотно-крюковых рукописных книг XVIII—XX вв.

В г. Калласте у Ф. Я. Ноева удалось получить крюковой Ирмологий XVIII в. с красочными заставками и инициалами поморского письма (см. № 27). В библиотеке Ф. Я. Ноева остались еще следующие рукописные книги: 1) Сборник 1935 г., в 4-ку, переписанный Н. Д. Кукиным, содержит, кроме постановления собора старообрядцев-поморцев 1909 г., выписки из Притчей Соломона, Кормчей, Златоуста, Книги о вере, Толкового Евангелия, Пролога и др. 2) Сборник 1884 г., в 4-ку, переписанный А. И. Жбановым, содержит чин бракосочетания, повесть о табаке, «Сказание о жидовине, о кокоше, о яйце», повести о танцующей девице, об игроке, о пьянице и др. 3) Сборник XIX в. (середина), в 4-ку, содержит «Беседу отца и сына о женской злобе», уставные статьи, канон владимирской иконе богородицы и др.

В Тартуской общине от С. Т. Кобылкина было получено три рукописные книги (см. №№ 3, 9, 43) и послание Ф. П. Савосткина (от 25 ноября 1928 г.) Г. Е. Фролову о церковном пении и о том, что федосеевцам и поморцам необходимо соединиться (№ 21). Ответ Г. Е. Фролова опубликовали в «Родной старине».²

А. М. Панченко в Муствее получил от А. Добрякова 3 старопечатные книги XVII в. — 2 Октоиха и цветную Триволю. Ю. К. Бегунов обследовал деревни Казепе, Б. и М. Колкья, Варнья и с помощью Л. Е. Гри-

¹ Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко. Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 522—527.

² «Родная старина», Рига, 1928, № 4, стр. 29.

шакова получил от местных жителей свыше 25 рукописных книг XVII—XX вв. Среди них сборники повестей, житий, духовных стихов и поучений, переписанные местными писцами С. М. Кукиным-Белокуровым, П. И. Кукиным-Смуглиным, П. Г. Соколовым, С. Г. Белузовым, К. Т. Красовским, А. Писаревым, Ф. В. Огурцовым (см. №№ 4, 6—8, 11—12, 16—17, 24, 28—42, 44). Получены также принадлежности письма — гусиные перья и карамса. У старика Трифона (дер. Малые Кольки) имеется около десяти рукописных книг. Среди них два Цветника XIX в. (содержат «Повесть о Царьграде», «Повесть о разорении Иерусалима», жития и др.), служебная Минея XVI в., певческие крюковые сборники, Потребник XIX в. и др.

В дер. Березье, расположенной на берегу Псковского озера в 9 км от с. Ряпина, бывшего в начале XVIII в. центром местного старообрядчества, у наставника В. А. Селезнева оказалась большая библиотека старинных книг и рукописей, среди них: 1) лицевой сборник XIX в. (начало), в лист, содержит Апокалипсис, Житие Василия Нового и Григорьево видение; 2) сборник XIX в. (конец), в 4-ку, содержит Жития Екатерины, Марфы, Варвары, Повесть об Агее, выписки из Великого Зерцала, Римских деяний, Патерика, Пролога, Златоуста и др.; 3) сборник XIX в. (конец), в 4-ку, содержит «Повесть об Удоне Магдебургском», Жития Марины, Андрея, апокриф об Адаме, вопросы и ответы, выписки из Великого Зерцала, Киево-Печерского Патерика, Старчества, Златоуста и др.; 4) Стоглав XIX в. (конец), в 4-ку; 5) Житие Иоанна Богослова, XIX в. (конец), в 4-ку.

В библиотеке В. А. Селезнева много рукописных певческих крюковых сборников XVIII—XX вв., поминальных записей, уставов и других служебных книг, многие из которых переписаны рукой О. М. Миронова. Ни с одной из своих книг В. А. Селезнев не расстается. Многие из его рукописей ранее принадлежали библиотеке общины дер. Межа на острове Пийрисаар. В эту поездку нам снова не удалось побывать на острове Пийрисаар из-за осенней распутицы.³

В дер. Березье мы приобрели у П. И. Нилина лицевой Синодик 1887 г. (см. № 10).

В Даугавпилсе участникам экспедиции удалось познакомиться с библиотеками общин на Новом строении, в Гайке (П. К. Нестеров), на Старом Форштадте (А. И. Екимов), в пос. Грива (П. Т. Стрелков) и с частными собраниями И. Е. Зубова и Д. Д. Михайлова. Здесь приобретено было 7 рукописных книг XVII—XIX вв., преимущественно литературного содержания (см. №№ 1, 2, 5, 13, 14, 23, 26).

В Даугавпилсе и его окрестностях и сейчас еще можно рассчитывать на рукописные находки. Интерес к переписыванию старинных текстов не ослабевает здесь и теперь. В Даугавпилсе, например, мы застали П. Я. Горкина за перепиской гусиным пером со старопечатного оригинала поучений Ефрема Сирина.

Всего за двухнедельную поездку нами было приобретено 44 рукописные книги XVI—XX вв. (XVI в. — 1, XVII в. — 3, XVIII в. — 6, XIX в. — 20, XX в. — 14) и 5 старопечатных книг XVII в. Ниже сообщается их краткое описание.⁴

³ На о. Пийрисаар (Межа) имеются две деревни (Межа и Желачек), населенные выходцами из Псковской губернии, у которых еще сейчас имеются старинные книги.

⁴ Подробное описание всех найденных археографической экспедицией 1960 г. рукописных книг находится в Архиве ИРЛИ.

I. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Сказание о явлении Толгской иконы богородицы епископу Ростовскому Трифону XVIII в. (первая четверть), в 4-ку, 8 л., скоропись, без переплета. Из г. Даугавпилса.
2. Сборник XVIII в. (конец), в 4-ку, 93 л., полуустав, без переплета. Начальных и конечных листов недостает. Владельческая запись от 1878 г. крестьянина местечка Вышек Мокея Степанова. Содержание: Жития Арсения Тверского, Авраамия Затворника, слова Ипполита, папы римского, и Палладия Мниха «о втором пришествии», притча Иоанна Златоуста «о дворе и змии» и др. От А. И. Екимова (Даугавпилс).
3. Сборник XVIII в. (конец), в 8-ку, 181 л., скоропись, переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей. Переплетен вместе с печатным канонником Почаевской типографии 1786 г. (96 л.). Владельческие приписки динабургских мещан Савелия Ефремовича и Еремея Федорова, рижского мещанина Федора Алексеевича. Содержание: выписки из сочинений Кирилла Иерусалимского, Матфея Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Григория Амиритского, Стефана Великого, Феофилакта Болгарского, Евлогия и Нифонта, из книг Апокалипсиса, Толкового Евангелия, Маргарита, Потребника Скитского, Катехизиса, Книги о вере, Кормчей, Старчества, Сборника Досифея, ученика Зосимы Соловецкого («Что есть анафема...»). От С. Т. Кобылкина (Тарту).
4. Сборная рукопись разных десятилетий XVIII—XIX вв., в 4-ку, 93 л., полуустав и скоропись пяти разных почерков, переплет — картон, покрытый черной кожей, с коричневым корешком и уголками. Содержание: выписки из «Хронографа» Георгия Писиды, переведенного с греческого языка на русский Дмитрием Изографом в 1695 г., о библейской хронологии, об антихристе, о создании Царьграда, о взятии Царьграда турками, выписки из «Лебедя» Иоанникия Голятовского, напечатанного в 1664 г., о царградской истории, выписки из Патерика, Пролога, Толкового Евангелия нравственно-учительного характера. От И. Ф. Кашова (Варнья).
5. Сборник XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 171 л., скоропись, переплет картонный. Сборник переписан тверским мещанином Дмитрием Ивановичем Жуковым в 1815—1819 гг.; имеются приписки 1830—1836 гг. о том, когда очистились от льда Волга и Тверца, и др.; владельческие приписки 1908 г. А. Соболева. Содержание: Хождение Трифона Коробейникова, Жития Моисея Угурина, Прохора Печерского, Иоанна Куцника, Андрея Критского, Георгия, Иерусалимский свиток, Поучения на библейские темы, статья о походе Наполеона на Россию в 1812 г. От П. Я. Горкина (Даугавпилс).
6. Сборник духовных стихов XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 27 л., полуустав, переплет бумажный. Запись о том, что эту тетрадь переписывал Олексей и подарил Ефиму Петровичу. Содержание: стихи «о исходе души», «о памяти смертного часа», «о пременении веры», «о Иосифе Прекрасном». От С. М. Ловягина (М. Кольки).
7. Житие и служба Исидору и 72 юрьевским мученикам XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 39 л., полуустав, переплет картонный. Записи о том, что первая часть тетради (лл. 2—15) переписана головщиком дер. Кольки П. Г. Соколовым для В. И. Оконева в 1865 г., а вторая часть (лл. 18—36) — П. И. Кукиным-Смутлиным в 1897 г., владельческие записи Е. И. Простадова, С. Г. Белузова, Н. Т. Цакухина-Белузова. От Е. К. Соловьевой (М. Кольки).

8. Страсти Христовы, 1868 г., в 4-ку, 187 л., полуустан, переплет — доски, покрытые черной кожей, с двумя застежками. Запись о том, что рукопись переписана в дер. М. Кольки вапсальским меццанином Сидором Макарычем Кукиным, называемым Белокуровым; владельческие приписки А. И. Мажорова и Галаганова. От П. П. Галагановой (М. Кольки).

9. Сборник XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 268 л., полуустан, переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей, с двумя застежками. Содержание: слова Ипполита, папы римского, Иоанна Дамаскина, «Повесть о покаянии Феофила», выписки из Пролога, Скитского Патерика, Старчества, Толковой Псалтыри, Толковой Палеи. От С. Т. Кобылкина (Тарту).

10. Синодик лицевой третьей (литературной) редакции, 1887 г., в лист, 72 л., полуустан, переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей, с остатками двух застежек. Заголовки киноарные, заставки и инициалы чернилами, 26 красочных миниатюр в лист. Из литературных произведений отметим: «Притчу евангельскую от Луки о Лазаре», «Слово о милостивом Созомоне». Последним в поминальном списке царей назван царевич Симеон Алексеевич (ум. 1669 г.); имеются родословные князей Репниных и Лыковых, Хворостининых, архиепископа Сибирского и Тобольского Нектария, архимандрита Пафнутьева монастыря Митрофана Шейнкова, содержателей железных заводов г. Тулы Перфильевых и Масаловых. От П. И. Нилина (Березе).

11. Сборник XIX в. (конец), в 4-ку, 23 л., полуустан, без переплета. Содержание: Житие Антония Римлянина, слова Иоанна Златоуста и Василия Великого о злых женах, о пьянстве и др. От С. М. Ловягина (М. Кольки).

12. Сборник XIX в. (конец), в 4-ку, 30 л., полуустан, без переплета. Владельческая приписка Даниила Иванова. Содержание: «Мартиново увещевание», Тропник Иннокентия, папы римского, переведенный в 1609 г. с польского языка Ф. Гозвинским, вопросы и ответы старообрядческого характера и др. От С. М. Ловягина (М. Кольки).

13. Сборник XIX в. (конец), в 4-ку, 165 л., полуустан, переплет картонный, корешок кожаный. Содержание: Епитимейник, «Сказание о 12 пятницах», выписки из книг правил Вальсамона и Зонары о запрещении пить чай, кофе и курить табак, вопросы и ответы старообрядческого характера, уставные статьи и азбука. От П. Т. Стрелкова (Грива).

14. Цветник XIX в. (конец), в 4-ку, 167 л., полуустан разных почерков, переплет картонный, корешок кожаный. Содержание: слова и поучения Иоанна Златоуста, слова Иоанна Богослова, Анастасия Синайского, Василия Исаврийского, Житие Антония Римлянина и др. От П. К. Нестерова (Даугавпилс).

15. Сборник духовных стихов XIX в. (конец), в 8-ку, 53 л., полуустан, без переплета. Содержание: стихи «о памяти смертного часа», «Газета из ада», «на рождество Христово», «стих нищаго», «кто не знает милостыни». Из Раа.

16. Сборник духовных стихов XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустан, без переплета. Содержание: стихи «о памяти смертного часа», «на скончание века». Из М. Кольки.

17. Сборник духовных стихов XX в. (начало), в 8-ку, 36 л., полуустан, переплет картонный. Содержание: стихи «о Иосифе Прекрасном», «о Егории храбром», «молебны пресвятыя богородице», «о памяти смертного часа», «глас седьмый и восьмый», ирмосы. Из М. Кольки.

18. Сборник XX в. (начало), в 4-ку, 44 л., полуустан, без переплета. Содержание: выписки из Скитского Патерика, из Пролога, Повесть о новго-

родском архиепископе Иоанне, Житие Симеона Столпника. От П. И. Нилина (Березье).

19. Сборник XX в. (начало), в 4-ку, 117 лл., полуустав, переплет картонный. Владельческие приписки И. Д. и Н. Д. Кукиных. Содержание: выписки из Скитского Патерика, Великого Зерцала, Пролога, хозяйственные записи семьи Кукиных; остальные листы — чистые. От Н. Ф. Кукиной (Калласте).

20. «Поучение и наказание святых отец и вселенских учителей в наказание новосвященному духовному отцу» XX в. (начало), 1 л., полуустав. От Ф. В. Огурцова (Кыгнукуля).

21. Ф. П. Савосткин. «Борьба правды с неправдою Казепельской общины» (послание к Г. Е. Фролову о древности одного пения по сравнению с наречным), от 25 ноября 1928 г., в лист, 2 лл., полуустав.

22. Сборник духовных стихов XX в. (вторая четверть), в 8-ку, 12 лл., скоропись, обложка бумажная. Содержание: «стих душеполезный», «о памяти смертного часа». От Е. Е. Долгашевой (Калласте).

II. Рукописи церковнослужебные

23. Сборник крюковой XVI в. (начало), в 4-ку, 260 лл., полуустав, переплет XIX в. — картон, покрытый черной кожей с коричневым корешком и уголками. На л. 1 и других владельческие приписки Евфимия Кондратьевича Васильева, жителя Старого Форштадта г. Двинска, приписки, содержащие характеристику языка и некоторых особенностей рукописи. Содержание: Октоих и службы на «господьские праздники» на крюках. От Е. Е. Васильевой (Даугавпилс).

24. Миния служебная за июль XVII в. (середина), в 4-ку, 252 лл., скоропись, без переплета, начальные и конечные листы рукописи недостает. Из служб русским святым содержатся службы князьям Владимиру, Борису и Глебу. От Л. Е. Гришакова (Казепель).

25. Триодь цветная XVII в. (середина), в лист, 70 лл., полуустав в два столбца. Листы переплетены в начале, конце и середине печатной цветной Триоди XVII века. Из Муствее.

26. Октоих крюковой XVII в. (конец), в 8-ку, 114 лл., скоропись, переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей, с остатками одной заставки. Из Даугавпилса.

27. Ирмологий крюковой XVIII в. (середина), в 4-ку, 208 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей, с двумя заставками. Поморские заставки и инициалы киноварью и красками. От Ф. Я. Ноева (Калласте).

28. Псалтырь толковая XVIII в. (конец), в 4-ку, 296 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя заставками. На л. 11 об. набросок пером псаломпевца Давида. От Т. Бараниной (Б. Кольки).

29. Чин исповедания XIX в. (начало), в 8-ку, 8 лл., полуустав, без переплета, текст без начала и конца. Из М. Кольки.

30. Октоих крюковой, 1868 г., в 4-ку, 139 лл., полуустав, переплет — картон, покрытый кожей. Инициалы, заставки и концовки чернилами и красками. Записи о том, что книга переписана гапсальским мещанином П. И. Кукиным-Смуглиным для барона Мейндорфа (мыза Рамку, Венденского уезда); владельческие приписки П. И. Кудряшова, Е. Беловой. От П. С. Пашенкова (М. Кольки).

31. Канонник XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 97 лл., полуустав разных почерков, без переплета. Владельческие приписки крестьян

дер. М. Кольки. В составе рукописи имеется «Скитское покаяние». От Е. К. Соловьевой (М. Кольки).

32. Устав домашний XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 99 л., полуустав, переплет бумажный. Владельческие приписки Н. Д. Кукина. От Н. Ф. Кукиной (Калласте).

33. Синодик старообрядческий XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 58 л., полуустав, переплет картонный. Владельческие приписки двинского мещанина Г. М. Маслова. От П. П. Галагановой (М. Кольки).

34. Канонник XIX в. (конец), в 4-ку, 21 л., скоропись, без переплета. От П. С. Пашенкова (М. Кольки).

35. Служба Козьме и Дамиану XIX в. (конец), в 4-ку, 15 л., скоропись, переплет — тетрадочная обложка. От С. М. Ловягина (М. Кольки).

36. Канонник XIX в. (конец), в 4-ку, 66 л., скоропись, без переплета. Из М. Кольки.

37. Служба на рождество Христова XX в. (начало), в 4-ку, 22 л., полуустав, без переплета. От П. С. Пашенкова (М. Кольки).

38. Ирмологий крюковой XX в. (начало), в 4-ку, 103 л., полуустав, без переплета. Владельческие приписки крестьян М. Кольки. Из служб русским святым содержит службы Федору Ярославскому, Савватию Соловецкому, Михаилу Тверскому, Александру Невскому. Из М. Кольки.

39. Стихеры на крюках XX в. (начало), в 8-ку, 12 л., полуустав, без переплета. Из М. Кольки.

40. Канонник XX в. (начало), в 4-ку, 428 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, верхняя крышка отстает от переплета, с двумя застежками, с 4 жуковинами на задней крышке. Владельческие приписки Н. Е. Гужова и запись о купле книги в 1929 г. от А. Писарева. Из служб русским святым содержит службу Исидору и 72 юрьевским мученикам. От Бараниной (Б. Кольки).

41. Служебник XX в. (начало), в лист, 42 л., полуустав, без переплета. Рукопись переписана К. Т. Красовским. От М. Глазова (Варнья).

42. Ирмологий крюковой XX в. (начало), в 4-ку, 278 л., полуустав, переплет — доски, покрытые черной кожей. Заставки и инициалы киноварные. От И. Ф. Кашова (Варнья).

43. Ирмологий XX в. (первая четверть), в 4-ку, 190 л., полуустав, переплет — доски, покрытые черной кожей, с остатками двух застежек. От С. Т. Кобылкина (Тарту).

44. Устав домашний XX в. (первая четверть), в 4-ку, 210 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя застежками. От М. Глазова (Варнья).

III. Старопечатные книги

1. Евангелие на престольное. Вильно, тип. Мамоничей, 1600 г. Начальных листов и переплета недостает. От И. Е. Зубова (Даугавпилс).

2. Октоих. Москва, 1631 г. Из Муствее.

3. Октоих. Москва, 1631 г. Вкладная скрепа инока Митрофана в дом богородицы и Николы чудотворца и Александра Куштского. Из Муствее.

4. Часослов. Москва, 1640 г. От Л. Е. Гришакова (Казепель).

5. Евангелие толковое. Москва, 1649 г. Начальных и конечных листов переплета недостает. От Е. К. Соловьевой (М. Кольки).

Э. Г. ЗЫКОВ и А. И. МАЗУНИН

Поиски рукописей в Беломорье и на Онеге летом 1961 г.¹

Археографическое обследование Карелии, начатое еще до революции, за последнее двадцатилетие получило широкий размах.² Не менее, чем другим районам, повезло в этом отношении и Беломорью; были обследованы все населенные пункты, где предполагалось наличие рукописного материала. Поэтому, направляясь сюда по заданию ИРЛИ, я не надеялся на значительные находки. Цель моей поездки по существу состояла в том, чтобы пройти по местам, уже не раз посещавшимся археографами, и собрать то, что по каким-либо причинам ускользнуло от их внимания.

В Беломорском районе я посетил Сумский Посад, Нюхчу и Колежму. Сумский Посад — поселение, возникшее довольно рано (в конце XV в. оно, по-видимому, уже существовало), — был в свое время одним из пунктов новгородской колонизации на севере. До 1764 г. Сума являлась вотчиной Соловецкого монастыря. Старообрядчество поддерживалось здесь близостью Выговского общежительства. А. Теремницкий указывает на существование в Сумском Посаде в конце прошлого века трех толков — аристовского, близкого к нему, но «с каким-то различием», носившего название «махилевщины» (по имени местного жителя Михаила Яковлевича Махилева), и филипповского.³

Основным занятием местных жителей был морской промысел — рыболовный и отчасти звериный. Сумляне ходили за рыбой даже в Атлантический океан. Суровая природа севера, постоянные опасности наложили свой отпечаток и на их характеры: это были сильные, выносливые люди, сохранившие многие черты своих предков-новгородцев. Тот же автор сообщает следующее: «Рассказывают, что сравнительно еще недавно — лет 50 назад — висел на мосту набатный колокол, употреблявшийся и для созыва в ратушу для решения общественных дел. Да и теперь часто дела эти решаются тут же на мосту, куда сумляне любят собираться каждый праздник потолковать о том, о сем. Словом, новгородское вече в миниатюре».⁴

Сумский Посад был некогда богат рукописями, однако здесь побывал не один исследователь и собиратель старины. Поэтому мне удалось приобрести лишь 5 рукописей и одну старопечатную книгу, искусно реставрированную. Из рукописей наибольший интерес представляет сборник духовных стихов (стихи о потопе, Плач Иосифа Прекрасного, о горе Афон и др.) и сборник

¹ Вводная часть статьи написана Э. Г. Зыковым, ездившим за рукописями; описание составлено А. И. Мазуниным.

² С 1937 по 1961 г. в Карелии побывало около 10 археографических экспедиций.

³ А. Теремницкий. Сумский приход в религиозно-нравственном отношении. — Архангельские епархиальные ведомости, 1899, №№ 5—8.

⁴ Там же, № 8, стр. 220.

старобрядческих «слов» и поучений конца XIX в. Кроме того, в Сумском Посаде рукописи есть у Марфы Петровны Воробьевой (сборник XVIII в.: чин погребению, молитвы и др.), Глафиры Наполеоновны Ворониной (сборник конца XIX в.: молитвы, кондаки, каноны и др.) и Таисьи Васильевны Чулковой (тетрадь со Скитским покаянием, новейшего письма). Однако ни продать, ни подарить эти рукописи владелицы не согласились. По словам Т. В. Чулковой, рукопись, принадлежащая ей, писана неким юродивым Яковом, который жил в Пертозере и занимался перепиской книг по заказу. Фамилии писца Т. В. Чулкова не помнит. Сравнение этой рукописи с упомянутой выше тетрадью стихов показало, что обе они написаны одной рукой, т. е. рукой Якова.

В Колежме жило когда-то несколько старообрядческих семей, однако они давно выехали отсюда. Все мои поиски в Колежме оказались тщетными: кроме нескольких старопечатных книг в поздних изданиях, обнаружить ничего не удалось.

В Нюхче приобретено 5 рукописей, среди них лицевое Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Бывшая владелица Жития — Градислава Васильевна Полузерова, переехавшая в Нюхчу из Каргополя, сама в девичестве занималась перепиской книг. По ее словам, в Каргополе существовала «грамотница», где не только учили читать и писать, но и переписывали книги. В Нюхче, как уже сообщалось,⁵ активно действует старообрядческая секта скрытников. Мне удалось побывать у местных руководителей секты. После долгих уговоров старушки показали свои книги. Их оказалось всего три: Псалтырь, изданная в 90-х годах XVIII в., Устав со святыми (Почаевская типография, 1791 г.) и Житие Василия Нового (М., 1912). В Нюхче довольно часто встречаются старопечатные издания, но в основном это богослужебные книги.

В отчете Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева перечисляются рукописи П. И. Шамалуевой, которые достались ей от наставника старообрядцев Василия Петровича Чадаева. Из трех рукописей, названных авторами, у П. И. Шамалуевой осталась только Повесть о Германе соловецком в списке XVIII в. Две другие рукописи П. И. Шамалуева отправила в «пустыню», т. е. в Каргополь. Назвать адресатов П. И. Шамалуева отказалась, оставшуюся у нее рукопись не отдала. Вообще связи местных сектантов с Каргополем, а также с Беломорском достаточно сильны, а обмен книгами — весьма частое явление. Не удалось приобрести и «Учительное евангелие» конца XV—начала XVI в., виденное у И. М. Кабикова. Рукопись писана в два столбца, четким полууставом, прекрасно сохранилась.

Вторым районом, который я посетил, был Онежский район Архангельской области. Город Онега — одно из древних поселений на побережье Белого моря. Есть все основания полагать, что устье реки Онеги, где расположен город, было заселено еще в XV в. В отличие от Беломорья процент старообрядческого населения в Онежском уезде был невелик. В конце прошлого века, например, почти на 40 тыс. населения в уезде насчитывалось немногим более 400 старообрядцев даниловского поморского согласия (в самом же городе, имевшем около трех тысяч жителей, «староотеческой веры» придерживалось около двух десятков человек). Старообрядцы жили в основном в двух деревнях — Кушерека и Рябы. Рассказывают, что недалеко от Рябов еще в 20-х годах нашего столетия был скит, в котором имелось много книг, в том числе и «писанных от руки». Однако ни в одной из этих деревень побывать я не смог. Рябов уже не существует. Все жители

⁵ Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. Археографическая экспедиция в Карельскую АССР летом 1959 г. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 535.

выехали оттуда, дороги нет, и попасть туда можно лишь с проводником. В Кушереку же я не попал ввиду окончания срока командировки.

По совету местных краеведов я отправился вверх по реке Онеге и обследовал деревни Мудьюга, Мондино, Верховье, Сырья, Карамино и др. Однако старообрядцев здесь не оказалось, и я на собственном опыте смог убедиться, что в деревнях с православным в прошлом населением рукописей, как правило, нет. 3 рукописи и 9 старопечатных книг были найдены в архивах местных бездействующих церквей.

Всего в течение 18 дней (с 5 по 24 июля) было собрано и доставлено в Ленинград в Институт русской литературы 13 рукописей и 12 старопечатных изданий. По времени написания рукописи распределяются так: XVI в. — 1, XVII в. — 2, XVIII в. — 6, XIX в. — 2, XX в. — 2.

Мой вывод: специальных экспедиций в указанные районы в будущем посылать не следует. Но фольклористы, историки, этнографы, едущие сюда, должны помнить, что здесь могут встретиться еще и древние рукописи, и старопечатные книги.

СПИСОК

РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ, СОБРАННЫХ В БЕЛОМОРСКОМ РАЙОНЕ КАРЕЛЬСКОЙ АССР И В ОНЕЖСКОМ РАЙОНЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮЛЕ 1961 г.

1. Рукописи

1. Отрывок из Псалтыри XVI в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

2. Отрывки из Ирмология и Стихираря XVII в. (первая четверть), в 8-ку, 16 л., полуустав, без переплета.

3. Сборник XVII в. (последняя четверть), в 4-ку, 15 л., скоропись, без переплета. Содержание: Поведание отца Макария Александрийского, Житие Антония Нового и др.

4. Сборник XVIII в. (первая треть), в 8-ку, 33 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: Полунощница, Молитва Иоанна Златоуста, Скитское покаяние, наказание Ефрема Сирина о вере, уповании и любви и др.

5. Сборная рукопись XVIII в., в 4-ку, 153 л., полуустав, скоропись, без переплета. Содержание: Страсти Христовы, послание Понтия Пилата к римскому кесарю Тиверию, Хождение богородицы по мукам (без конца), Слово на благовещение и др.

6. Трезвоны (трех святителям) на линейных нотах, 1777 г., в 4-ку, 12 л., полуустав, переплет — холст, наклеенный на бумагу. Переписаны трезвоны сыном дьячка Мудьюгской волости церкви Входа в Иерусалим Петром Васильевым в мае 1777 г.

7. Письмо неустановленного лица, посланное из Соловецкого монастыря некоей «сожительнице» «Ерофеевне» в Сум-Посад по разным хозяйственным делам, XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 2 л., скоропись. Письмо отклеено от крышки переплета рукописи № 9.

8. Трезвон Тихвинской богородице на линейных нотах, XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, 25 л., скоропись, переплет картонный с веревочными завязками. На л. 1 и нижней корке переплета владельческие и дарственная записи Мондинского прихода дьякона «народнослужителя» Иоанна Васильева от 1839 и 1847 гг.

9. Житие, служба, похвала и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких, XVIII в. (конец), в 4-ку, 188 л., скоропись, переплет — картон, обтянутый тисненой кожей. На л. 39 об., 50 об. миниатюры в красках (акварель, перо), изображающие Зосиму и Савватия, л. 54 об. — изображение Савватия, л. 40, 51 — заставки в красках. Предисловие с похвалой и краткой историей монастыря. Имеется оглавление.

10. Житие Кирика и Улиты, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 26 л., полуууастав, переплет картонный с матерчатой завязкой.

11. Сборная рукопись XVIII в. (конец) — XIX в. (конец), в 8-ку, 99 л., полуууастав двух почерков, без переплета. Содержание: Месяцеслов, О смертном часе, о молитве Иисусовой (из Цветника) священноинока Дорофея.

12. Сборник духовных стихов, XX в. (1-е десятилетие), в 4-ку, 33 л., полуууастав, переплет бумажный. Содержание: Стихи о страшном потопе, плач Иосифа Прекрасного, стих в память смертного часа, стих о умилении душевном, стих Иосафа, царевича Индийского, стих о святой горе Афон и стих о блудном сыне.

13. Сборник XX в. (первая четверть), в 8-ку, 314 л., полуууастав, переплет — доски, покрытые кожей, одна медная застежка. Содержание: Предисловие, поучение о прелести и суете мира сего, слово о некоем игумене, Слово о милостыне, поучение о смертной памяти, поучение о исходе души, О слезах и о плаче, сказание о лестовке, Слово от старчества, Поучение духовного отца в среду сыропустную, Иоанна Златоуста о душевной чистоте, о пользе душевной, Кирика мниха о страхе божием, Слово Нифонта как подобает ясти с молчанием, пророчество Исаино о последних днях, Поучение некоего отца духовного к сыну, Поучение Иоанна Златоуста на память о всех святых, Поучение о милостыни по умершим, Кирилла Философа о мытарствах, Поучение некоего черноризца о молчании, Извещение Макарию Египетскому о тайнах божиих, о Макарии Преподобном (из Патерика), Преставление Макария Египетского, Слово Сирахово о милостыни.

II. Старопечатные книги

1. Четвероевангелие, М., 1644 г. На л. 1 об. вкладная запись XVII в. в Сырьинский монастырь старца Кожезерской пустыни Боголепа Львова (им же сделан и оклад). Запись дьякона Василия Федорова о переплете в 1856 г.

2. Ефрем Сирий и авва Дорофей, М., 1653 г. Под верхней крышкой переплета отрывок письма неизвестного лица (2-й половины XVIII в.).

3. Служебник, М., 1656 г. На обороте последнего листа и нижней крышке переплета безымянные скорописные дарственные и владельческие записи XVII и XIX вв., некоторые типа «проба пера».

4. Пролог, М., 1661 г.

5. Евангелие апракос, М., 1662 г. На нижней крышке переплета помета о принадлежности книги Сырьинской пустыни церкви Успенья.

6. Октоих, М., 1666 г. К нижней крышке переплета приклеены исповедные записи Устрецкого погоста Бежидкой пятины Новгородского уезда от 1725—1726 гг.

7. Триодъ постная, М., 1684 г. На л. 1 помета о принадлежности Тихвинской церкви.

8. Служебник, М., 1699 г. На л. 1 помета о принадлежности Мондинской церкви Троицы, сделанная псаломщиком Григорием Озеровым в 1892 г. На нижней крышке переплета помета о переплете пономарем Алексеем Петровым в 1785 г.

9. Новый Завет с Псалтырью, XVII в., без года и места издания. На нижней крышке переплета приклеен лист — отрывок из расспросных речей старообрядца, а по нижнему полю — владельческая запись гдовского крестьянина Михаила (?) Степанова (?), скоропись XVII в.

10. Житие, чудеса и служба Николы Мирликийского, XVII—XVIII вв. Лл. 1—3, 232—241 рукописные. На л. 242 владельческая запись Фрола Тимофеева от 1850 г.

11. Евангелие учительное, М., 1759 г.

12. Страсти Христовы, XIX в. (первая четверть).

А. С. ДЕМИН и А. М. ПАНЧЕНКО

Пинежская археографическая экспедиция 1962 г.

Во второй половине июня—начале июля 1962 г. проводилось соби́рание древнерусских рукописей в Архангельской области, в городах, селах и деревнях, расположенных на реке Пине́ге — крупнейшем правом притоке Северной Двины. В советское время специальных археографических экспедиций на Пине́гу не было, однако этот край вовсе не является сплошным «белым пятном» на археографической карте русского Севера. Следует учесть, во-первых, что Пине́га территориально очень близка к Мезени (дорога с Мезени на Пине́гу ведет через Верхнюю Тайболу и насчитывает всего около 100 километров); во-вторых, эти два района были издавна тесно связаны между собой.

Как известно, в Мезенском крае уже в 1885 г. собирал рукописи П. Д. Богданов, на рубеже прошлого и нынешнего столетий — А. Д. Григорьев (он был и на Пине́ге).¹ В июне 1950 г. на Мезени побывал В. И. Малышев,² в 1958 г. — Н. Ф. Дробленкова,³ а в январе 1962 г. — Г. М. Прохоров.⁴ Но перечень собирателей рукописной старины на Мезени и на Пине́ге, что для нас особенно важно, этими именами отнюдь не ограничивается. Уже в своем отчете Н. Ф. Дробленкова заметила, что «в конце маршрута... встретила А. Д. Синявского, сотрудника Сектора советской литературы ИМЛИ, по личной инициативе собиравшего рукописи на Мезени. Получить от него сведения о его приобретениях не удалось».⁵ Мы можем добавить к этому перечню также диалектолога доцента ЛГУ Г. Я. Сими́ну. Последняя, руководя в течение нескольких лет диалектологическими экспедициями на Пине́гу, попутно проводит поиски старинного рукописного материала.⁶ Рукописи собирают также фольклористы, этнографы, историки архитектуры и прочие, которых Пине́га привлекает издавна. Следует сказать, что мы не встретили не только ни одной деревни, но буквально ни одного крестьянского дома, где бы до нас уже не справлялись о древнерусских книгах, как рукописных, так и старопечатных. Разумеется, многочисленность экспедиций, занимающихся «побочно» соби́ранием старинных книг, — свидетель-

¹ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности АН за 1901 г., составленный А. И. Соболевским. 1 Приложение (А. Д. Григорьев) — СОРЯС, т. 71. СПб., 1902, стр. 26, 28, 29.

² В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке 1950 г. — ТОДРЛ, т. VIII М—Л., 1954, стр. 362—378.

³ Н. Ф. Дробленкова. Поиски рукописей на Мезени. — ТОДРЛ, т. XVI. М—Л., 1960, стр. 528—538.

⁴ Отчет Г. М. Прохорова публикуется в настоящем томе.

⁵ Н. Ф. Дробленкова. Поиски рукописей на Мезени, стр. 532.

⁶ Некоторые рукописи из собрания Г. Я. Симиной приобретены Рукописным отделом ИРЛИ.

ство того, что целостного рукописного массива на Пинеге сейчас уже обнаружить нельзя. Однако сравнение результатов настоящей экспедиции с теми немногочисленными и в сущности часто не интересными рукописными находками, которые выпали на долю диалектологов и этнографов, исследователей народного творчества и историков русского искусства, показывает, что основной формой археографической работы на местах должны оставаться поездки специалистов.

Пинежский край уже с XIII в. усиленно колонизовался новгородцами.⁷ Прежнее его финно-угорское население, так называемая «заволоцкая чудь» (новгородцы, как известно, называли эту территорию «Заволочьем» — она находилась за волоками, соединяющими бассейны рек Белого моря с бассейнами рек Балтийского моря), постепенно смешалось с новгородцами, оставив, впрочем, обильные следы в топонимике. Приток колонистов особенно усилился в XIV—XVI вв.; новая его волна возникла в связи со старообрядческим движением. Пинежье было древней вотчиной Соловецкого монастыря, стоявшего в XVII столетии во главе старообрядчества. Если учесть удаленность и труднодоступность этих мест, становится понятным, почему в течение долгого времени они привлекали старообрядцев различных толков и согласий.

Однако здесь была довольно сильна и миссионерская пропаганда: на Пинеге было несколько монастырей, а в самых ее истоках в конце прошлого века активно действовал небезызвестный Иван Сергиев, кронштадтский священник (он был родом с Суры). Успехи этой миссионерской пропаганды, вероятно, были значительны. Сейчас, например, здесь уже нет старообрядческих массивов, и без всяких натяжек должно говорить лишь о потмах старообрядцев.

Сплошь староверческих деревень не встречается. Один, два или три старообрядческих дома на «православную» деревню — вот обычная картина. Даже местные книжники не помнят, к какому согласно принадлежали их отцы (Пинега являлась средоточием поморско-беспоповского согласия, только в селах по верхнему течению ее жили приверженцы белокриницкой веры).

За три недели работы на территории двух районов Архангельской области — Пинежского и Холмогорского — обследовано 20 населенных пунктов: Карпогоры, Ваймуша, Айнова Гора, Кеврола, Едома, Еркино, Березник, Сура, Остров, Городецк, Похурово, Засурье, Холм, Гора, Касконемь, Явзора, Пинега, Холмогоры, Большой Наволок и Романовская.

Работа велась в трех довольно своеобразных районах: первый составляли селения, близкие к районному центру Карпогоры; второй — верховья реки, начиная с Суры; третий — Холмогоры и окрестные селения. Первые два района тесно связаны между собой — собственно в середине пути с Суры на Карпогоры и находятся наиболее интересные в рукописном отношении деревни.

Если во многих деревнях наши находки состояли из одной-двух рукописей, то как раз в Еркине и Явзоре, находящихся на середине пути между Карпогорами и Сурой, нам попались целые короба рукописей, перешедших по наследству к нынешним владельцам. По-видимому, следующую экспедицию на Пинегу — а она совершенно необходима — следует ограничить как раз районом Карпогоры—Сура, с обязательным обследованием деревень несколько ниже Карпогор, таких, как Покшеньга и др.

⁷ Сведения о прошлом Пинежского края см. А. И. Андреев. Колонизация Севера в XVI и XVII веках — В кн. Очерки по истории колонизации Севера, вып. 1 СПб., 1922, стр. 37—46.

Население обследованных нами селений довольно охотно расстается с рукописями: они сейчас уже почти не читаются. Все рукописи, что мы увидели, нам удалось привезти в Ленинград. Попутно мы делали краткие заметки о тех старопечатных книгах, которые остались у владельцев. В Ваймуше у П. М. Малеевой хранится Устав печати Василия Федоровича Бурцева. В Кевроле у А. Т. Тюлевой есть следующие печатные книги: Алфавит духовный 1792 г., Прологи весенний и летний последней четверти XVIII в., Требник того же времени.

Всего экспедиция собрала 56 рукописей (не считая разрозненных листочков и обложек) и 1 старопечатную книгу. Из них 2 рукописи конца XV—начала XVI в., 7—XVI в., 9—XVII в., 11—XVIII в., 27—XIX в. Среди рукописей литературно-исторического содержания (их 26) большую часть составляют старообрядческие сборники со словами, поучениями и т. д. Здесь встречаются, например, Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием, Послание неизвестного к дьякону Федору, «Слово о вере» Андрея Денисова, старообрядческое сказание о Петре Первом и др.

Имеется также много апокрифов, даже целый сборник их конца XVI в. Во втором сборнике начала XVIII в. находим Слово Евсевия Самосадского о сошествии Предтечи в ад, Слово Палладия мниха о втором пришествии и др.

Другой распространенный в собранных рукописях жанр — жития: Моисея Мурина и Алексея, человека божия, старообрядческое житие Феодосия Васильева и пр.

Из повестей, русских и переводных, надо назвать повести о чудесах Николая Мирликийского, Прение живота и смерти, Повесть о царе Аггее, Сказание о греческом царе Мануиле и чернице и др.

Наконец, в составе рукописей видим также духовные стихи — стих о глубинной книге (запись по памяти с местными языковыми особенностями), о гробе, стих-плач Иосифа Прекрасного и др.

Следует отметить печатный Апостол Ивана Федорова (Львов, 1574) и великолепные заставки в рукописном Евангелии третьей четверти XVI в.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ НА ПИНЕГЕ

I. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Сборник постных слов и поучений, XVI в. (конец), в 4-ку, 316 л., полуустав, без переплета. Содержит многочисленные апокрифы: два Слова Ефрема Сирина о втором пришествии, «Слово о суде Тиверия кесаря, о смерти Пилатове и пленении иудейством», «Слово святого Кирилла о первоизданном человеце Адаме о видении апостола Павла...», Слово Пахомия о среде и пятнице, «Слово Евсевия о страсте Христове и о предание Иудине Христа» и др. Из дер. Ваймуша.

2. Сборник слов и поучений, XVII в. (начало), в 8-ку, 276 л., полуустав нескольких почерков, в досчатом реставрированном переплете. На л. 276 об. — запись тайнописью XIX в.: «Иван Первушин». Содержание: Слова Кирилла Александрийского, Ипполита, папы римского, Палладия мниха, Иоанна Златоустого («Повесть душеполезна в чину притчи о дворе и о змии»), выписки и отдельные статьи из житий Иоанна Милостивого,

Федора Едесского, Симеона Дивногорского, из сочинений Златоуста, из Учительного Евангелия, Пролога, из правил Никифора Исповедника, Никиты, митрополита Ираклийского, и др. Из дер. Еркино.

3. Пролог, XVI в. (конец), в лист, 383 лл., полуустав в два столбца, переплет — доски в тисненой коже. К передней доске подклеен листок XVIII в. с отрывком из Беседы трех святителей. На лл. 1—5 — запись XVII в.: «... пречистой богородицы и их угоднику великомученику Георгию выменил книгу, глаголемую Пролог [зимнюю половину на казенные денги великомученика [Гео]ргия сиречь домовския, а денег дано на книге полтретья рубля». Владельческие записи первой половины XVIII в. пинежских крестьян. Из села Пинега.

4. Пролог за март—май, XVII в. (третья четверть), в лист, 215 лл., полуустав, переплет — доски в коже. При реставрации использованы документы XVIII в. Кеврольского уезда. Из дер. Явзора.

5. Пролог за июнь—август, XVII в. (третья четверть), в лист, 206 лл., переплет — доски в коже, с остатками двух медных застежек. Почерк рукописи тот же, что в № 4. Из дер. Явзора.

6. Сборник, XVIII в. (первая четверть), в 4-ку, 195 лл., скоропись, переплет — доски в коже, к передней доске подклеены листки с письмами XIX в. На лл. 57—64 — скрепа почерком XVIII в.: «писал холмогорец Степан Петров сын». На л. 150 приписка тем же почерком, что и текст: «Выписано из книги Соборника печатного, печатана в Москве в лето 7155-го, глава 28-я, лист 360, также и о погребении тела Христова и о шествии Иоанна Предтечи во ад и Палладия мниха о втором пришествии... ис тое же книги Соборника выписаны сия слова и свиток (пять слов), а шестое слово Памвы выписано ис Пролога. Тако же и росписание листов коегождо слова порознь, сколько в котором слове листов». На л. 125 — запись Константина Мельникова от 23 апреля 1899 г. Содержание: Страсти Христовы, Слово Епифания Кипрского о погребении тела господня, Слово Евсевия Самосадского о шествии Иоанна Предтечи во ад, Слово Палладия мниха о втором пришествии и страшном суде, Слово Памвы ко ученику, Многосложный свиток (текст без конца). Из дер. Айнова Гора, от П. К. Мельникова.

7. Сборник, XVIII в. (вторая четверть), в 8-ку, 73 лл., в картонной обложке. В обложке — отрывки документов XVIII в. и арифметики. На л. 4 — владельческая запись Галактиона Петровича, на л. 6 — Константина Мельникова от 1880 г., на л. 18 об. — Константина Никифорова. Содержание: молитвы, букварь и учительные стихи (печ.), служба Сергию чудотворцу, отрывки документов (расписки, «скаска») XVIII в. на столбцах — на лл. 1 об., 15 об., 16, 29 об., 30, 35 об., 36 (1713 г.), 73 об. Из дер. Айнова Гора, от Е. С. Мельниковой.

8. Сборник житий, XVIII в. (середина), в 8-ку, 16 лл., полуустав, переходящий в скоропись, без переплета. Содержание: жития Моисея Мурина, Алексея, человека Божия. Из дер. Явзора.

9. Сборник, XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 11 лл., скоропись, без переплета. Содержание: Прение живота и смерти, поучение Василия Великого о псалтырном пении и др. Из дер. Еркино.

10. Сборник старообрядческий, XVIII в. (конец), в 8-ку, 16 лл., полуустав, в бумажной обложке, заполненной списками крестьян и записью почерком XVIII в. (конец)—XIX в. (начало): «Читал сию тетрадь Федор Мелников на пользу для души». Содержание: статьи об антихристе, о крестном знамении и др.

11. Сборник, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 33 лл., подражание полууставу, без переплета. Содержание: Стих-плач Иосифа Пре-

красного (только начало), Чин погребения, «Служба и устав, како подобает пети над умершим младенцем». Из дер. Ухтостров.

12. Сборная рукопись старообрядческих слов и поучений, XVIII в. (конец) — XIX в. (начало), в 8-ку, 111 л., полуустав и скоропись многих почерков, без переплета, без начала и конца.

13. Сборник старообрядческих полемических статей, XVIII в. (конец) — XIX в. (начало), в 8-ку, 9 л., подражание полууставу, в бумажной обложке. Содержание: краткая статья о двуперстном сложении и троекратном возгласении «аминь», «Ис книги кир Зиновия Отни пустыни, ученика Максима Грека» (нач.: «Аще арияне во Христа вернии есть вы...»), Слово от епископа апостола Павла.

14. Выписки из Пчелы и правил святых отец, XIX в. (начало), в 8-ку, 8 л., подражание печатному полууставу, без переплета.

15. «Письмо Христа», 1821 г., в лист, 1 л., без переплета. Писано в форме креста. На обороте — отпуской билет крестьянина дер. Кузьминской Шардонемской волости К. Д. Жигилова, 1828 г.

16. Повести о чудесах Николая Мирликийского и слова похвальные ему, XIX в. (сороковые годы), в 4-ку, 61 л., скоропись, без переплета, рукопись без начала и конца. Лл. 1—6 об., 57—60 об. оборваны у корешка. Из дер. Еркино.

17. Сказание об антихристе, греческом царе Михайле и чернице, XIX в. (первая половина), в 4-ку, 14 л., скоропись, без переплета, рукопись очень плохой сохранности. Из дер. Кеврола, от К. Д. Черемного.

18. Сборник старообрядческий, XIX в. (первая половина), в 8-ку, 158 л., поморский полуустав, без переплета. На л. 158 об. запись простой литореей: «Абе тко ущашик оцпу косьму нмотсяк лей нилед нмотсяк гко рпочо шмас» («Аще кто убавит одну тольку, проклят сей писец, проклят, что много врал»). Содержание: выписки и отдельные статьи из книги Симеона Фессалоникийского, из Хронографа, из Маргарита, из Апостольских посланий, из Катехизиса большого, из Алфавита, из Пролога, сочинений Кирилла Иерусалимского, из Кормчей, из Псалтыри островской печати 7107 г., из Многосложного свитка и мн. др., а также оригинальные старообрядческие сочинения.

19. Синодик, 1862 г., в 8-ку, 8 л. (лл. 4 об. — 8 — без текста), новейшего письма, без переплета. На л. 8 об. — запись: «Для Чухченемской Николаевской церкви сей синодик составлен из книжки рукописной — из последования о усопших 1800 год (так), из печатного листка (имена преосвящ Арханг. и Холм.), из письменнаго Синодика 1823 года и друг., находящихся при всей церкви, — Чухченемской Николаевской церкви священником Прокопием Семеновым, августа 22 дня, 1862 года». Из дер. Едома.

20. Сборник, 1876 г., в 8-ку, 51 л., полуустав, в обложке из оберточной бумаги. Лл. 1, 49—51 об. — без текста. На л. 10 — запись писца: «Списал сии стихи Андреян Осипов Мельников. Писал он два дни и списал два стиха. 1876 год, февраля дватцет... дня». На л. 1 владельческие и читательские записи Василия Кормачева, Адриана Мельникова и др. На л. 50 об. — приписка от 25 марта 1895 г., на л. 51 об. — карандашная помета Пимена Мельникова. Содержание: стихи о голубиной книге, о гробе. Синодик Иова Патриарха, канон усопшему. Из дер. Айнова Гора, от П. К. Мельникова.

21. Письмо крестьянское (обрывок), XIX в. (последняя треть), 1 л., подражание полууставу. О посылке обуви, с интересными бытовыми подробностями. В языке — местные черты. Найдено в обложке Пролога (см. № 3 описания).

22. Повесть о царе Аггее, XIX в. (конец), в 4-ку, 2 л., подражание полууставу, без переплета. Без конца. Из дер. Городецкий Остров.

23. Старообрядческое сказание о Петре I (отрывок), XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 4-ку, 1 л., подражание полууставу, без переплета. Из дер. Городецкий Остров.

24. Житие Феодосия Васильева, XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 4-ку, 2 лл., подражание полууставу, без переплета. Из дер. Ухтоостров.

25. Сборник (об антихристе) XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 22 лл., подражание полууставу, в картонной обложке.

26. Указ Николая I (подделка), 1831 г., в лист, 1 л., новейшего письма, без переплета. Содержание: о льготах старообрядцам. Из дер. Едома.

II. Рукописи церковнослужебного содержания

1. Минея-общая за декабрь—август, XV в. (конец) — XVI в. (начало), в 4-ку, 43 лл., полуустав, без переплета. Рукопись без начала и конца. Из дер. Еркино.

2. Устав, XV в. (конец) — XVI в. (начало), в лист, 342 лл., полуустав в два столбца, переплет — картон в коже. На лл. 147 об.—150 — скрепа: «Лета 7214 года, а от воплощения бога слова 1706 году сентября в 26 день куплена в Летней Золотице. А цены дано за сию книгу, глаголемую Устав, 10 (?), а подписал Яков Сима [ирзб] своею рукою». Из дер. Явзора.

3. Евангелие апракос, XVI в. (третья четверть), в лист, 412 лл., полуустав, переплет — доски, обтянутые холстом, с латунными застешками. Заставки и инициалы. Из дер. Похурово.

4. Триодь цветная, XVI в. (третья четверть), в 4-ку, 371 лл., полуустав, переплет — доски в коже. На лл. 1—14—скрепа 1658 г.: «Сию книгу, глаголемую Триодь, купил на Николские деньги на Марьину гору Николской староста Клементий Михайлов сын, а дал на кни[ге] семь алтын денег. А подписал на книги по вельенью Клементья Михайлова на Марьине горе Федосейко Стахеев сын лета 7166-го, марта в 18 день». Владельческие и читательские записи XVIII—XIX вв. Из дер. Явзора.

5. Апостол, XVI в. (вторая половина), в 4-ку, 238 лл., полуустав, переплет досчатый, обтянутый тисненой кожей (сохранилась только верхняя крышка), с остатками двух латунных застешек. На л. 1 — заставка. Из дер. Еркино.

6. Устав (месяцеслов и триодион), XVI в. (вторая половина), в 8-ку, 234 лл., полуустав, переплет — доски в тисненой коже. На л. 228 об. — запись южнорусской скорописью от 1 июня 1684 г. Из дер. Еркино.

7. Ирмологий (крюковой), XVII в. (начало), в 8-ку, 479 лл. (конечных листов недостает), полуустав, переплет — доски в тисненой коже, с остатками двух застешек. Из дер. Еркино.

8. Апостол, XVII в. (первая половина), в 4-ку, 294 лл., полуустав, переплет — картон в коже (сохранилась только нижняя крышка). Из дер. Еркино.

9. Сборная рукопись, XVII в. (первая половина), в 8-ку, 126 лл., полуустав разных почерков, без переплета. Владельческие записи XVIII в.: лл. 27 об.—28, 42 об., 79 — священника Ивана Родионова Успенской церкви Венденского погоста Яренской округи от 1791 г.; л. 79 — дьякона Моисея Иванова и пономаря Ивана Попова из Важгорского погоста Удорских волостей Яренской округи от 16 февраля 1793 г.; на л. 116 об. — запись последних от 3 января 1797 г. Содержание: канонические правила, устав о постах, требник и др.

10. Отрывок из Псалтыри, XVII в. (начало), в 8-ку, 16 лл., полуустав, без переплета.

11. Минея месячная за январь—февраль, XVII в. (последняя треть), в лист, 446 лл., полуустав, переплет — доски в гладкой коже. Из дер. Явзора.

12. Стихирарь (крюковой), XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 4-ку, 111 л., полуулав, переплет — доски в коже (сохранилась только нижняя крышка). На лл. 1—11 — скрепа: «Сию книгу... Никишка Козмин 1708-го года, месяца генваря, в 28-го в дне (так)...». На л. 79 — почерком XIX в.: «Сия книга Семена Богданова». Из дер. Кеврола.

13. Ирмологий (крюковой), XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 8-ку, 163 л. (начальных листов рукописи недостает), скоропись, переплет — доски в тисненой коже (сохранилась только нижняя крышка). На л. 23 — запись Константина Мельникова XIX в. (конец), на л. 149 — владельческая помета Якова Вакорина того же времени. На л. 119 — приписка: «Сия книга, глаголемая Ермологий, троицкого священника Гавриила Шулгина, 1816 года». Из дер. Айнова Гора Пинежского района.

14. Форма повседневному церковному возношению (о замене слова царь словом император), 1725—1727 г., в лист, 2 л., скоропись, без переплета. Из дер. Едома.

15. Чин пения над умершим, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 8-ку, 7 л., подражание полуулаву, без переплета.

16. Отпусты и молитвы, XIX в. (начало), в 8-ку, 12 л., подражание полуулаву, переплет картонный. На л. 9 — запись: «Сии молитвы твердил Никифор Кирилов Дрылев (?)».

17. Служба Артемию Веркольскому, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 25 л., подражание полуулаву, без переплета. Из дер. Еркино.

18. Святцы лицевые, XIX в. (первая половина), в 4-ку, 6 л., подражание полуулаву, без переплета. Из дер. Едома.

19. Молитва, 1855 г., в 4-ку, 4 л., подражание полуулаву, без переплета. На л. 4 — запись тем же почерком, что и текст: «1855 года, месяца генваря 26 дня, писал сию книгу Яков Павлов сын Титов 12 лет своею грешною рукою, от сна востав». На л. 1: «Сия книга Якова Титова Пинежского уезда Шулонемского волостного правления, Юркиньского волостного правления (так)...». Из дер. Явзора.

20. Молитва к Иисусу Христу в день покаяния, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 14 л., подражание полуулаву, без переплета. Упоминаются Феодосий и Ануфрий, ярославские пустынножители.

21. Служба общая преподобному единому, XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 28 л., без переплета.

22. Канонник (службы пророку и апостолу), XIX в. (конец), в 8-ку, 50 л., подражание полуулаву, без переплета. Из дер. Явзора.

23—30. Различные богослужебные рукописи XVIII—XIX вв., отдельные листы из тропарей, канонников, чина исповеди и т. д. (всего около 70 л.).

III. Старопечатная книга

Апостол Ивана Федорова, Львов, 1574 г., переплет досчатый, крытый тисненой кожей, с остатками двух застежек. 11 + 264 л. (между лл. 7 и 8 одного листа недостает). Скрепа на лл. 16 (3)—27 (14): «180-го (1662) году, генваря в 26 день, сия книга Апостол околничева и оружейничево Богдана Матвеевича Хитрово, в селе Братцове». На лл. 28 (15)—53 (40): «А сего марта 15 дня 1736-го году куплена в Москве, на Спаском мосту, у купца Ильи Петрова секретарем Кирилою Ивановичем Алабиным, и отдана по ево обещанию вкладу в Резанской уезд, в Кменской стан, в село Киселева, в церков чудотворца Николая». Л. 242 реставрирован отрывком документа, где упоминается Владимир Иванович Сырынин-Пятевский (южнорусская скоропись XVII в.). Из дер. Явзора.

Г. М. ПРОХОРОВ

За рукописями на Мезень и Вашку

В конце января 1962 г. Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР командировал меня в Лешуконский район Архангельской области и прилегающий к нему Удорский район Коми АССР для сбора у населения рукописных и старопечатных книг.

Район Мезени не раз посещался археографами. Экспедиции А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, В. И. Малышева, Н. Ф. Дробленковой обследовали низовья р. Мезени и ее среднее течение вверх до села Лешуконского. Местом моих поисков должна была стать Мезень выше Лешуконского.

26 января утром я вылетел из Ленинграда в Архангельск, а утром следующего дня перелетел в Лешуконское, на 250 км восточней Архангельска. Я начал с того, что попросил редактора местной газеты «За боевые темпы» опубликовать заметку о целях моей командировки. Заметка под названием «Памятники письменной культуры» напечатана была в номере от 31 января и в какой-то степени облегчила мне работу. В Лешуконском я побывал в отделе культуры райисполкома, встречался с учителями, беседовал, переходя из дома в дом, с пожилыми людьми, но владельцев рукописей так и не нашел. Здесь не было развито старообрядчество, и те рукописные книги, которые могли сюда так или иначе попасть, по-видимому, отсюда уже давно увезены.

Прежде чем окончательно покинуть Лешуконское, я сходил в деревни Ужщелье и Березник, за 7 и 10 км. В дер. Ужщелье на высоком берегу Мезени стоял некогда монастырь Иова Ужщельского, основанный в 1614 г. Сейчас о монастыре здесь ничего не напоминает, за исключением развалин одной из каменных его построек.

В Березник я шел с некоторой надеждой на успех: лешуконцы сообщили мне, что в нем жили старообрядцы. Однако рукописей я здесь тоже не нашел.

31 января я выехал из Лешуконского в Койнас, минуя промежуточные деревни. Я решил это сделать потому, что по всем собранным данным в них не было старообрядцев; кроме того, многие из них сгорели дотла в XX в.

Койнас — большое село — казался перспективным: здесь выходил из тайболы на Мезень путь со старообрядческой Печоры, известно было также, что в конце 40-х годов сюда переселилось несколько семей из устьцилемского выселка Омелино, где был большой старообрядческий монастырь. Поэтому я постарался обследовать Койнас достаточно тщательно. Но никаких «славянских», «досельных» книг литературного и исторического содержания я не нашел. В некоторых семьях грамотные старики-омелинцы не дожили до переселения и их библиотеки остались в Омелине

в домах и амбарах. В Койнасе сохранилось здание церкви постройки 1657 г. Сейчас в нем размещаются школьные мастерские и спортзал. Два верхних ряда иконостаса оказались сохранившимися под побелкой. Из-под белил, когда их по моей просьбе стерли, выглянули темные лики весьма архаического письма. Не будучи знатоком иконописи, я все же решился договориться со школьной администрацией о пересылке этих икон в Ленинград в Эрмитаж. Утром 4 февраля я пешком ушел из Койнаса вверх по Мезени.

В Зясулье, как и в Койнасе, есть бывшие омелинцы; но и здесь, по их словам, никаких книг они не сохранили. Усть-Низемье, соседняя деревня, славится вокруг своей любовью к старине. У меня были рекомендации из Койнаса к некоторым усть-низемцам, и они охотно принесли мне несколько толстых старых книг в деревянных переплетах, которые оказались старопечатными изданиями XVII—XIX вв.

В Кыссе, Боровом, Лебском, Вожгоре ничего, за исключением двух старопечатных книг, не нашлось. То и дело мне приходилось слышать, что книги были, но они или уничтожены, или переданы предыдущим собирателям.

Дальше Вожгоры продвигаться вверх по Мезени оказалось невозможно из-за прекращения в это время санного сообщения по причине больших буранов. Прямой самолетной связи с Коми АССР отсюда нет.

Намеченный срок экспедиции истек 8 февраля, но я решил ввиду безрезультатности поисков продолжить их на реке Вашке, левом притоке Мезени, куда неоднократно советовали мне съездить мезенцы. 13 февраля, сделав пересадку в Лешуконском, я перебрался из Вожгоры в Олему. В деревнях Олема и Кеба побывала в 1958 г. Н. Ф. Дробленкова. Рукописей здесь я не нашел.

Рукописные старообрядческие книги впервые я увидел в дер. Чупрово — втором селении Коми АССР от ее границы. Это был лицевой нравоучительный сборник XIX в. Несмотря на рекомендации, какие я имел к местным владельцам, ничего приобрести мне не удалось. В следующей деревне выше по Вашке, Муфтыге, одна пожилая женщина вынула из-под сена ящик, в котором оказалось пять рукописных скрытницко-старообрядческих сборников XIX—XX вв. Она отдала их мне при условии, что книги не пропадут. У ее соседей среди печатных синодальных картинок я нашел миниатюру ручной работы 1911 г. «Богородица умягчение злых сердец».

17 февраля в соседней деревне Верхозерье мне удалось у трех жителей приобрести по десяти рукописных и старопечатных книг московских старообрядческих типографий. Литература эта в значительной мере носит полемический характер, и большое место занимает в ней тема Антихриста. На сборнике XIX—XX вв., проданном мне Александрой Степановной Галевой, отец которой был активным старообрядцем-скрытником, есть такая запись: «1952-го года 20 июня по старому стилю не стал потреблять хлеба». У Галевой, по-моему, должны быть еще книги, оставшиеся ей от грамотного отца, но осторожная женщина рискнула вынести из задней комнаты только одну.

18 февраля я прибыл в дер. Вильгорт. Здесь мне продали еще четыре рукописные книги XVIII и XIX вв. В соседней деревне Остров, которую я обошел с местным трактористом, я видел у стариков только книги синодального издания. На этой деревне и закончились мои поиски. Через Кослан, Сыктывкар и Москву 21 февраля я вернулся в Ленинград.

Таким образом, мне удалось побывать в селах Лешуконское, Ужщелье, Березник, Койнас, Засулье, Усть-Низемье, Кысса, Боровое, Лебское, Вож-

гора — по р. Мезени и в селах Олема, Кеба, Коптюга, Чупрово, Муфтыга, Верхозерье, Выльгорт и Остров — по р. Вашке.

Свою деятельность на р. Вашке я оцениваю только как беглую разведку. Но и она дает основание заключить, что рукописная традиция, возникшая здесь в XVIII в., жила еще и в начале XX.

Всего мною было приобретено 23 рукописи (17 книг, два листа со стихами, одна миниатюра в красках и несколько писем) и несколько старопечатных книг. По времени написания рукописные книги делятся следующим образом: XVIII в. — 2, XIX в. — 8, XX в. — 7. Это собрание может послужить материалом для историков края, для изучения местного старообрядчества и особенно скрытничества, центром которого в Мезенском крае были обследованные мной деревни.¹ Собрание содержит ряд апокрифических сказаний и древнерусских посланий и повестей, списки сочинений А. и С. Денисовых, произведения неизвестных русских авторов, иногда приписанные знаменитым церковным писателям (как, например, «Поучение о лени» — Василию Великому). Здесь имеются также особый хронографический вариант Повести о видении некоему мужу духовну, переведенное с польского языка Прение дьявола с родом человеческим в списке первой четверти XIX в., занесенное сюда, может быть, ссыльными поляками, и многое другое.

Обнаруженные мной иконы оказались, по определению специалистов Эрмитажа, второй половины XVII в.²

Виденные и собранные мной на Вашке рукописи далеко не исчерпывают того материала, что там есть. На Мезень и на Вашку, особенно в места, относящиеся к Коми АССР, собирателям обязательно стоит съездить. Чем скорее это будет осуществлено, тем лучше, ибо с каждым годом много рукописей из-за условий хранения и отношения к ним бесследно исчезает. Сообщаю краткое описание собранных мной рукописей.

СПИСОК

РУКОПИСНЫХ КНИГ, НАЙДЕННЫХ В СЕЛЕНИЯХ ПО Р. ВАШКЕ (МЕЗЕНЬ) В ФЕВРАЛЕ 1962 г.

1. Сборник, XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, 125 лл., скоропись, без переплета. Содержание: Слова Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Хождение Трифона Коробейникова (отрывок), Сказание о казанской и костромской иконах богородицы, из Памяти Прокопию Устюжскому, Сказание Иеронима об Иуде предателе, О воскрешении Лазаря, Послание от Тиверия Кесаря, Послание Понтия Пилата к Тиверии, Послание Авгаря к Иисусу Христу, Страсти Христовы, Молитва Христу, Правила христианской жизни, Служба страстям Христовым, Слово о женах добрых и молчаливых, Поучение Василия Великого к ленивым.

2. Сборник, XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 92 лл., полуустав, переплет картонный, на последнем листе запись: «Сия книга Ивана Николаевича выписана ис книги Патерика»; содержание: «Суждение дьявола против рода человеческого», апокриф «О древе крестном».

¹ Среди находок есть письма местных жителей второй половины XIX в., адресованные вожакам скрытников, старообрядческие полемические, догматические и стихотворные произведения.

² Возможно, эти иконы имел в виду С. В. Мартынов (Печорский край, ч. II. СПб., 1905, стр. 15).

3. Обиход, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 50 лл., полуустав, переплет картонный, на обороте 28-го листа — заставка — рамка в красках, на обороте 50-го листа запись: «По етой книге пел на родине Александр Яблоков в 1909 году».

4. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 377 лл., полуустав, переплет дощатый, обшитый черной с розовым рисунком кожей, с двумя застежками; на 377-м листе запись: «Сия книга Цветник написана от Христа спаса 1885-го года». Содержание: выписки из отцов и учителей церкви и из книг об общении с еретиками и правилах христианской жизни.

5. Сборник, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 346 лл., полуустав, переплет дощатый, с двумя застежками, обтянутый красной кожей с черно-золотым рисунком. Содержание: Сказание о бегстве богородицы с Иосифом в Египет, Слово плачевное о злостраданиях и скорбях церкви Христовой Андрея Денисова, Цветник о втором пришествии Антихриста и последнем времени, о крещении, о вере православной, о плотском житии.

6. Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 191 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый коричневой кожей, с двумя медными застежками. Содержание: Повесть о видении некоему мужу духовну (из Хронографа, сокращенный вариант), Книга о сокрытии священников церковных пастырей и бескровных жертвах во время всемирного отступления, «Написание» в защиту официальной записи в старообрядчество, сочинения сектантов странников-бегунов с обоснованием необходимости странничества, Слово Петра Черноризца о временном житии.

7. «Извещение» о прениях поповцев с беспоповцами в 1768 г. Ивана Васильева и его же «Таблицы» разности древней и новой церкви, XIX в. (конец), в 8-ку, 262 лл., полуустав, переплет дощатый, в коричневой коже, без застежек.

8. Сборник, XX в. (начало), в 4-ку, полуустав, 430 лл., переплет — толстые деревянные доски, обтянутые коричневой тисненой кожей, 2 застежки. Содержание: Притча Варлаама о печали житейской, о суетном богатстве и о милостыни, Житие Арефы Печорского, Память Антония Римлянина, Слова Иоанна Златоуста о молитве, о том, кого бог любит, того и казнит; переводные жития святых из Четьи-Миней за январь—май, октябрь и декабрь (Нифонта, Григория Омиритского, Сильвестра папы, Ивана Кушника, Мелетии и др.).

9. Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 278 лл., полуустав, переплет картонный, обтянутый синей материей. Содержание: статьи и выписки об Антихристе, о правой вере, крестном знамении, еретиках и т. п.

10. Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 196 лл., полуустав, переплет зеленый, картонный, с корешком и уголками коричневой кожи. На 1-м листе запись: «С.-Петербург Васильевский остров 14-я линия, д. № 33, кв. 30-й. Г-ну Федору Гавриловичу Шубину». Содержание: об Антихристе, еретиках, крестном знамении и другом.

11. Сборник секты странников-бегунов, XX в. (начало), в 8-ку, 196 лл., полуустав, переплет дощатый, обтянутый коричневой тканью (бумазеей). Содержание: о молитве за царей, о паспортах, о записях гражданских, деньгах, образах на монетах; вопросы и ответы о том, где можно сохранить истинную веру во времена Антихриста, о неповиновении нынешней власти, о том, можно ли бросать детей и родителей, уходя в странничество, о крещении и принятии от еретиков, о дозволении простецам церковную службу исправлять, о причинах разделения церкви, о единоверческой церкви, о титуле на кресте и др.

12. Стихи «Среди самых юнных лет» и «Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла», XX в., 2 листа в 8-ку, полуустав.

13. Сборник, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в лист, 274 лл., листы 5—159 — печатный текст, остальные — полуустав, переплет дощатый, обтянутый темно-коричневой тисненой кожей, две медные застёжки. Содержит Пророчество Исаяи, сына Амосова, о последних днях, выписки об Антихристе (из Кирилловой книги), о вере и др., вопросы об Антихристе, поучение о страннолюбии, об Илии и Енохе, Иоанна Златоуста о лжеучителях, выписки из Стоглава, Просветителя Иосифа Волоцкого (3 слова), Патерика Соловецкого, сочинение С. Денисова о кресте и др.

14. Сборник, XX в., в 8-ку, 5 лл., без переплета, полуустав. Содержит выписки из Книги Аввы Дорофея, Книги о Вере — о милостыни, отпадении римского папы от христианства, вселенских соборах, Антихристе, чародействе и т. п.

15. Миниатюра в красках, изображающая богородицу умягчение злых сердец, работы А. М. Ябелова, 1911 г., в 4-ку.

16. «Пояснение от пророческих писаний о пришествии пророков Еноха и Илии и Слово Ефрема Сирина об Антихристе». Гектографическое подпольное старообрядческое издание XX в. (начало), в 4-ку, 279 лл., полуустав, переплет картонный.

17. Сборник богослужебный (службы праздником, полунощница, святцы и молитвы на крюках), XVIII в. (начало), в 8-ку, 347 лл., переплет — доски в коричневой коже, с двумя застёжками, лл. 281—328 — печатный текст.

18. Письмо крестьян Чупровской деревни П. И. и Д. И. Давыдовых Прохору Ла(рионову) с просьбой о присылке икон, 1886 г., 11 дек., в 8-ку, 2 листа, скоропись.

19. Письмо Никиты Филиппова с семьёй Прохору Филипповичу Ларионову о высылке валенок, масла, ситца и о другом, XIX в., в 4-ку, 2 листа, скоропись.

20. Письмо Ф. Л. старцам и старицам Авраамию Ивановичу и Савве Ивановичу с прочими о том, что жить стало скрытникам опасно из-за духовных и светских преследований, и о Стефане Петрове, XIX в., в 4-ку, 2 листа, полуустав.

21. Письмо Петра Ивановича и Авдотьи Филипповны Прохору Филипповичу о валенках, деньгах и др., XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись.

22. Предписание Боросвидской волости выборному о производстве торгов на ямскую службу, XIX в., в 4-ку, 2 лл., скоропись.

23. Сборник молитв, XIX в. (первая треть), в 8-ку, 11 лл., поморский полуустав, переплет бумажный.

В. И. МАЛЫШЕВ

Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара

В июле 1962 г. автор этих строк совместно с главным архитектором архангельских областных научно-реставрационных мастерских В. А. Лапиным побывал в селении Пустозерск Ненецкого национального округа. Целью нашей поездки было выбрать место для установки здесь мемориального знака в память Пустозерска и поискать в ближайших окрестностях строительный материал для него.¹

Сооружение памятника на месте Пустозерска было вызвано тем, что в настоящее время на его территории сохранился всего один жилой дом (остальные жители разъехались по ближайшим деревням), который также предполагается скоро перевезти в соседнюю деревню Устье. После этого уже больше ничто не будет напоминать об этом селении, бывшем в течение нескольких веков административным, культурным и промысловым центром всего Печорского края, местом ссылки и заточения ряда выдающихся деятелей прошлого (протопопа Аввакума, боярина Артамона Матвеева и др.).

Архангельский областной исполнительный комитет депутатов трудящихся, идя навстречу пожеланиям общественности сохранить память о Пустозерске и учитывая, что Пустозерск сыграл немалую роль в освоении русскими Крайнего Севера и в развитии арктического мореплавания, еще в 1961 г. принял решение воздвигнуть на территории Пустозерска памятный знак в виде небольшого каменного обелиска с надписью на нем, отражающей основные этапы в жизни этого города. Устройство обелиска было поручено областным реставрационным мастерским.

Автор был привлечен областным отделом культуры к подготовительным работам по сооружению памятника как дважды выступавший в печати за сохранение памяти Пустозерска и как бывавший ранее в нем и знающий его историю и топографию.²

Не имея в эту поездку ни времени, ни возможностей для знакомства с письменной и печатной стариной, я все же обследовал фонды Нарьян-Марского окружного музея и посетил нескольких владельцев рукописных

¹ Таким наиболее подходящим местом для обелиска оказалась возвышенность около разобранной Преображенской церкви, откуда он будет виден издалека и безопасен от заноса песком и от размыва в половодье. Строительный материал нашелся тут же рядом. Это доколь названной церкви, сложенный из шлифованного местного бутового камня.

² В. Малышев. 1) Сохранить память о Пустозерске. — Советская Россия, № 25, 30 января 1960 г.; 2) Поставить памятник на месте Пустозерска. — Правда Севера (Архангельск), № 83, 7 апреля 1961 г.; отклики читателей и учреждений. — Правда Севера, № 127, 31 мая 1961 г.; В. И. Малышев. Надпись на памятнике Пустозерску (проект). — Нарьян-Вьндер (Нарьян-Мар), № 78, 21 апреля 1962 г.

книг в самом Нарьян-Маре и в его пригородах (Калюши, Качгорт, Угольная), а также побывал у двух давно мне известных любителей старины в дер. Устье близ Пустозерска.

Собрание музея было знакомо мне еще по поездке 1934 г. Тогда в нем насчитывалось 12 рукописей, в том числе одна XVIII в., на бересте, и 15 старопечатных книг.³ В настоящее время в наличии оказались берестяная рукопись и две старопечатные книги XVIII в. Куда девались остальные рукописи и книги, никто в музее не знает. Берестяная рукопись при нашем отъезде из Нарьян-Мара была взята В. А. Лапиным для передачи в Архангельский областной музей, где она сейчас и хранится.

Кроме того, в музее находятся жалкие остатки некогда весьма ценного для истории края архива Пустозерской церкви, обнаруженные незадолго до нашего приезда А. А. Тунгусовым на чердаке одного служебного здания. В 1934 г. архив был еще в образцовом порядке и хранился в притворе церкви в специальных шкафах. Имелось описание его, составленное кем-то из бывших здесь до революции политических ссыльных.

Архив Пустозерской церкви состоит из рукописных и старопечатных книг и актового материала.

Среди рукописных и печатных книг следует отметить: Руководство по арифметике, XVIII в.; Псалтырь начала XIX в., хорошего поморского письма; Псалтырь следованная (М., 1622 г.) с владельческими записями XVII в. Федора Большого Второго и Алексея Столыбина; Номоканон (издание Киево-Печорской лавры, Киев, 1629 г.).

В состав актового материала входят царские указы XVIII в. (с 1734 г.), распоряжения архангельской консистории, рапорты местных священников об их исполнении (с 1737 г.), переписка Пустозерской воеводской канцелярии с Пустозерским духовным правлением (XVIII в.), рапорты и доношения священников, книги приходные и расходные церковного приказчика трех пустозерских церквей, начиная с 1742 г., бумаги 3-го благочиния Печорского уезда XIX—XX вв. (указы, отчеты, клировые ведомости, исповедная книга 1840 г., договоры подрядчиков и др.), приходно-расходная книга Куйской церкви (1892—1894 гг.), бумаги Тельвисочной церкви (XIX в. — 1917 г.), содержащие метрические выписи, материалы о Югорской церкви (1889—1891 гг.), переписку с пустозерским волостным правлением и др.

Но все это, повторяю, лишь небольшая частица из того, что хранилось в церкви в 1934 г., и архивом может быть названа лишь условно.

Собранные мной у местных жителей 14 рукописей XVI—XIX вв. почти все были найдены у выходцев из Усть-Цильмы и Пижмы. Ими в основном заселены такие пригороды Нарьян-Мара, как Качгорт, Калюши, Угольная и др. Усть-цилемцы, пижемцы и цилемцы являются в настоящее время главными хранителями письменной и печатной старины в низовьях Печоры. Вот краткое описание 14 рукописей, приобретенных во время недолгого пребывания в Нарьян-Маре и Пустозерске в июле 1962 г.:

1. Слово о ленивых с местной, печорской, концовкой, XVIII в., в 8-ку, 4 л., скоропись. Найдено в развалинах дома Е. И. Шайтановой в Пустозерске.

2. Поучение о значении принятия церковных таинств, XVIII в. (конец), в 4-ку, 6 л., полуустав, переплет бумажный. Найдено в пос. Качгорт.

³ В. И. Малышев. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 250.

3. Договорное письмо солдата Пустозерского острога Д. И. Щербина на постройку печи в Пустозерской Введенской церкви, 1761 г., мая 5, в 4-ку, 2 л., скоропись. Получено от А. А. Тунгусова (Нарьян-Мар).

4. Приказание Пустозерской воеводской канцелярии местному духовному правлению о присылке пошлинных денег и ведомостей на них, 1765 г., декабря 4, в 4-ку, 2 л., скоропись. Получено от А. А. Тунгусова.

5. Синодик (поморский), XVIII в. (конец), в 8-ку, 24 л., поморский полуустав. Найден в пос. Калюши.

6. Письмо неких Василья, Якова и Андрея какой-то Акулине Федоровне, содержащее просьбу о благословении на переселение в скит на Койду, к отцу Досифею, XIX в. (начало), в 8-ку, 4 л., полуустав. Найдено в пос. Качгорт.

7. Стих о последнем времени (плач преболезненных кафоликов), XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 6 л., полуустав. Найден в пос. Угольная.

8. Отрывок из какого-то русского полемического сочинения о разности старых и новых обрядов, XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 4 л., скоропись. Упоминается Шемякин суд: «По басне о Шемякине суде, писанней о прелести судии». Найден в развалинах Пустозерской церкви.

9. Житие Кирика и Улиты, XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 28 л., полуустав, без переплета. Найдено в Нарьян-Маре.

10. Слово о делах бога и беса и Сказание о семи дочерях антихриста (сатира на современные нравы), XIX в. (конец), в 8-ку, 2 л., полуустав. Найдено в дер. Устье (близ Пустозерска).

11. Лист Иисуса Христа (апокриф), в 4-ку, 1 л., новейшего письма (подражание печатному шрифту). Писец Е. Я. Носов. Найден в Нарьян-Маре.

12. Слово о злых женах (отрывок), XVIII в., в 4-ку, 1 л., скоропись. Найден на чердаке Нарьян-Марского музея.

13. Евангелие апракос, XVI в., в 4-ку, 97 л., полуустав. Найдено в селе Тельвиски.

14. Сборник повестей из Великого зеркала, XVIII в., в 4-ку, 9 л., скоропись.

Возникает вопрос: заслуживает ли самое низовье Печоры, район Нарьян-Мара и Пустозерска, посылки специальной археографической экспедиции? Думаю, что нет. У местных жителей и, повторяю, главным образом у выходцев из Усть-Цилемского района все еще сохраняется какое-то (небольшое) количество старинных рукописей и книг. Не исключено даже, что среди них случайно могут оказаться и интересные материалы, так как усть-цилемцы имеют постоянное общение со своей родиной. Однако на большие и ценные находки едва ли можно рассчитывать. Вместе с тем сбрасывать низовья Печоры со счетов еще рановато. Поиски рукописей здесь следует обязательно продолжать, но используя для этого экспедиции смежных дисциплин (фольклорные, этнографические и др.) и местную интеллигенцию, которую необходимо подготовить к этому делу.⁴

⁴ Во время печатания заметки А. А. Тунгусов прислал в дар Пушкинскому Дому три подлинных документа (указ и два доношения) 1737 г. В них сообщается об отце М. В. Ломоносова Василии Ломоносове, имевшем поручение от архангельского архиепископа купить в Болвановской губе Пустозерского острога на двести рублей семги «про обиход».

Н. С. ДЕМКОВА, Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

Археографическая командировка в Сольцы

В июле 1963 г. мы побывали в разведывательной археографической командировке в районе г. Сольцы Новгородской области. В течение 6 дней удалось осмотреть более ста рукописей, старопечатных книг и книг поздней (XIX—XX вв.) церковной печати в самом г. Сольцы и в прилежащих к нему деревнях (Заборовье, Муссы, Пирогово, Луги). Приобретено 8 рукописей XV—XX вв.

Сольцы — старинное русское поселение, расположенное на торговых путях Новгорода, до революции — это посад, купеческо-мещанский городок, основную массу населения которого составляли старообрядцы.¹ В настоящее время Сольцы — растущий сельскохозяйственный и промышленный центр Новгородской области. Обследование книжных собраний солецких старожилов показало, что рукописей здесь сохранилось немного и они очень специфичны по составу. В основном это богослужебные книги, сборники житий и служб.² По-видимому, это объясняется тем, что книги и рукописи хранятся сейчас людьми, тесно связанными с культом, а основная масса старинных собраний погибла в многочисленных пожарах и разрушениях, особенно в период немецко-фашистской оккупации, когда было разрушено 90% городских зданий.

Наиболее ценное приобретение, сделанное нами, — Евангелие-апракос второй половины XV в.³ По свидетельству владельческой скрепы XVII в., книга принадлежала ранее Коневскому монастырю на Ладожском озере и, по-видимому, попала на Новгородскую землю в первой половине XVIII в., когда Коневский монастырь, разрушенный в 1610 г. шведами, был приписан к Новгороду (1718 г.) и восстановлен силами Новгородского Деревяницкого монастыря.⁴

Кроме того, в Институт привезены лицевой поморский сборник житий святых (датированный 80-ми годами XVIII в.), Житие Иоанна Римлянина, Сон богородицы, запись апокрифа о сотворении мира и человека,

¹ См.: П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV. СПб., 1873, стр. 685—686; цикл краеведческих статей А. Васильева о Сольцах в районной газете «Знамя победы» (14 и 21 октября, 4, 19, 25 ноября 1955 г.).

² Однако еще в недалеком прошлом состав рукописных книг в этом районе был значительно богаче. Доказательством этого является существование устного апокрифического рассказа о сотворении мира и человека, услышанного нами дважды (г. Сольцы и дер. Заборовье).

³ Рукопись приобретена у неграмотной вдовы местного наставника Ипата Кустова. У Н. А. Кустовой хранится также Октоих 1604 г. печати Андроника Невежи с записью 1611 г. о продаже рукописи за «полтретья рубли».

⁴ См.: Историко-статистическое описание Коневского монастыря. СПб., 1869; Пимен арх. Рождественский. Коневский монастырь. СПб., 1892.

Минья служебная со службами псковским чудотворцам, «Трезвон» крюковой и др.

В Сольцах почти нет книг местного письма. Судя по владельческим записям и рассказам старожилов, книги были в основном привозными — из Москвы, Петербурга, Пскова, Новгорода, Гатчины. Правда, некоторые жители еще помнят, как в Сольцах писал и учил писать иконы и будто бы книги Исая Васильев, однако дошедшие до нас рукописи работы одного из его учеников И. С. Кожевникова не представляют художественного интереса. Возможно, развитие своей рукописной традиции в Солецком районе последнее столетие тормозилось в связи с формированием г. Сольцы как купеческо-мещанского городка, в котором большую ценность стали приобретать печатные книги из типографий Супрасли, Почаева, Московского Преображенского богадельного дома. Этим книг и сейчас еще много у населения. Старинные же рукописи хранились лишь в более крупных специальных собраниях старообрядческих начетчиков и купцов-собираателей, таких, как Боговские, Сазоновы, Беднягины.

Условия археографической работы в Сольцах довольно трудные, так как старообрядцы, хранящие книги, принадлежат в основном к так называемому «федосеевскому», «безбрачному» согласию, строго держатся «старинны» и встречают очень настороженно. Некоторые владельцы книг так и не показали свои собрания.

Опыт нашей поездки убеждает, что рукописи в Солецком и близлежащих районах Новгородской области есть и хранятся они главным образом у старообрядцев. Результаты археографических разысканий могут быть незначительными по количеству, но здесь безусловно возможны интересные находки. Тщательное обследование Новгородской области нужно продолжать, включив в археографический маршрут, кроме указанных выше селений Солецкого района, деревни Клин, Лопотуха, Скирино, Волоотовский и Шимский районы с их районными центрами и деревнями Псижи, Горки, Любач, Медведь, Мшага Ямская.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РАЙОНЕ г. СОЛЬЦЫ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1963 г.

I. Рукописи литературного содержания

1 (9).⁵ Сборник житий святых и служб им, 80-е годы XVIII в., в 8-ку, поморский полуустав, 303 лл. Переплет — доски, обтянутые орнаментированной кожей. В рукописи — киноварные инициалы, заставки и изображения птицы-сирина, Параскевии Пятницы, Феоктиста и др. Содержание: Жития и чудеса Параскевии Пятницы, Ануфрия Пустынника, Пафнутия Мниха, Евсевии (Ксении) и службы им; службы преп. Феоктисту, Иоанну Устюжскому (на крюках); старообрядческая служба «новым российским страдальцем». От И. С. Кожевникова, г. Сольцы.

2(10). Сборник, XX в. (начало), в 4-ку, полуустав, 22 лл., без переплета, заглавия киноварные. Содержание: Житие Иоанна Римлянина, «Вопросы и ответы» (начало: «Вопрос: Кто не родился да видел Христа?»; конец: «... а дети родили отцу своему мать, еже есть пресвятую богородицу. Конец»). От И. С. Кожевникова, г. Сольцы.

⁵ В скобках шифр рукописи Новгородско-Псковского собрания ИРЛИ АН СССР.

3(11). Сон богородицы, XX в., в 8-ку, полуулав, 10 л., тетрадка, без переплета, написана рукой И. С. Кожевникова. Копия с рукописи. От И. С. Кожевникова, г. Сольцы.

4(12). «Сотворение мира и человека», запись апокрифа со слов Е. Паршиной (дер. Заборовье), 2 л.

II. Рукописи церковнослужебного характера

5(13). Евангелие-апокос, XV в. (вторая половина), в 4-ку, полуулав, 261 л. Водяные знаки — два перекрещенных ключа. Переплет — доски в орнаментированной коже — отошел от рукописи, сохранилась одна заставка. В рукописи — киноварные инициалы и заставка геометрического орнамента. Владельческая скрепа скорописью начала XVII в. о принадлежности рукописи Рождественскому Коневскому монастырю. От Н. А. Кустановой, г. Сольцы.

6(14). Трезвон крюковой, XIX в. (первая треть), в 4-ку, поморский полуулав, 254 л. Переплет — доски в орнаментированной коже, есть заставки и красочные инициалы. Владельческие записи: «Сия книга, нарицаемая Трезвон, принадлежит Анастасии Егоровне Гавриловой или по иночеству м. Асктрии... Приобретена в Петрограде от инокини Агнии в 1905 году месяца декабря 2 числа». От К. А. Яковлевой, дер. Луги.

7(15). Миния служебная (за август, со службами псковским подвижникам — князю Всеволоду-Гавриилу, Евфросину, Савве Крыпецкому), XIX в. (начало), в 4-ку, полуулав, 56 л., переплет не сохранился. От И. С. Кожевникова, г. Сольцы.

8(16). Отрывок из «Чина погребения», XX в. (начало), в 4-ку, полуулав, 2 л. От И. В. Семенова, дер. Муссы.

А. С. ДЕМИН

**Столбцы XVII—XVIII вв. из архива
М. Е. Салтыкова-Щедрина и собрания И. А. Шляпкина**

I

Родовой архив Салтыковых в Пушкинском Доме АН СССР насчитывает более 600 документов XVII—первой половины XIX в. (ф. 366, оп. 12). Часть столбцов поступила в ИРЛИ от П. И. Салтыкова летом 1931 г., другая часть — из собрания Дмитровского музея. В составе этого архива выделяется разнородная группа столбцов XVII в. (ф. 366, оп. 15). В архиве 68 документов, из них 13 первой половины XVII в., самый ранний — жалованная грамота 1613 г. Всех грамот 16 (жалованные, послушные, правые, похвальные), челобитных — 11, одна поколенная роспись и одно частное письмо. 9 грамот сохранили печати. Остальные же 60% всех документов — различные платежно-земельные отписи, выписи, записи, памяти, досмотры и сыски. В документах речь идет в основном о делах П. К. Салтыкова и его детей, 12 документов касаются псковского воеводы П. А. Головина.

В жалованной грамоте 1613 г. царя Михаила Федоровича Т. К. Хитрово указывается на многие его осадные службы в Москве против врагов польских и литовских (№ 1). В грамоте 1687 г. царей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны псковскому воеводе П. А. Головину перечисляются военные запасы: пищади полковые медные, стрелы нарядные зельные, «пинарды» чугунные и немецкие, пистольные «олстры», шапки суконные с лисицами разных цветов и т. п. (№ 34). Любопытна челобитная М. Оболенского на Т. А. Апухтина, который был прислан на Терек в товарищи М. А. Оболенскому, бил и увечил караульчиков и денщиков, перенес к себе из кабака пиво и лед и «питухов отогнал» и творил иные бесчинства (№ 41/5а, после 1686 г.).

В другой челобитной М. В. Оболенский сообщает, что при возвращении его с Терека в Москву у него «морскою погодою стругу потопила» с вином, хлебом и кулевыми запасами (№ 41/8а, после 1686 г.). В грамоте 1687 г. царей Иоанна, Петра и Софьи П. А. Головину предписывается бить батогами подьячих за небрежность в написании царского титула и неточность при оформлении хозяйственных документов. В выписи 1682—1683 гг. из дмитровских книг письма и меры упоминаются думной дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин и окольный Степан Гаврилович Пушкин (№ 33), а в выписи 1687 г. из купчей книги земского приказа встречаются некоторые топографические подробности из района Большой Зна-

менской улицы Москвы (№ 41). В собрании есть частное письмо П. Салтыкова 70—80-х годов XVII в., которое публикуется в приложении к обзору.

II

Собрание столбцов И. А. Шляпкина поступило в Пушкинский Дом от В. Г. Дружинина в декабре 1928 г. В нем насчитывается более 160 документов 1652—1755 гг. Это в основном хозяйственные бумаги о делах трех поколений помещиков Хвостовых в Новгородском, Гдовском и Пусторжевском уездах. Отдельные документы касаются Бежецкого, Вологодского, Елецкого, Кашинского, Кобыльского, Островского и Сольвычегодского уездов.

По времени большинство документов относится к последней четверти XVII—первой четверти XVIII в. (№№ 7—148). По разновидностям две трети составляют платежно-продовольственные отписи и расписки (110), хозяйственные письма (11), земельные записи, выписи, данная и купчая (вместе 11), крестьянские выводные, отпускные, отказная и вывозная (вместе 7) и несколько отрывков хозяйственного содержания. Другие разновидности документов в собрании — это челобитные (6), сказки (4), допросные речи (4), грамоты (2), одна родословная.

На одной из отписей (№ 5, 1671 г.) сохранилась черная круглая печать. Поздние документы этого вида (с конца 1699 г.) попадают и на гербовой бумаге (всего 9). Отпись 1705 г. (№ 113) сообщает: «А ся отпись писана не на гербовой бумаге, для того что в Питербурхе гербовой бумаги нет». В собрании встречается 8 черновиков, особенно среди сказок и допросных речей (№№ 24, 26, 28, 28а, 29, 56, 143, 147). 3 документа представлены в списках XIX в. (№№ 17, 32, 131).

Тематически в собрании преобладают хозяйственно-военные, платежно-городские (вместе 60%) и земельно-крестьянские дела (30%). Земельные дела посвящены наемам, продажам, дачам, разделам земель или выписям и спорам о землях. Крестьянские дела отмечают выдачу крестьянок замуж, взимание с крепостных крестьян оброков, повытков, пошлин, шерстных денег и др. Хозяйственно-военные документы фиксируют чаще всего взятие с помещичьих дворов стрелецкого хлеба и столовых припасов, денег полоняникам на откуп и ратным людям на жалованье, в корабельное строение и на селитренный провоз (№ 1), на покупку в Адмиралтейство лошадей (№ 141)... В этой группе документов упоминаются иногда и военно-политические события того времени — «псковские смуты», связанные, вероятно, со стрелецким восстанием 1682 г. в Москве (№№ 17, 19), поставка подвод под пушки в Нарву и для провоза англичан, голландцев и шведских полномочных послов в 1698—1699 гг. перед Северной войной (№№ 74, 83, 85, 92). Платежно-городские дела говорят о платах помещиков на городское мостовое и «канальное» дело, на «известное зжение» (№ 136) и «дело кирпичача» (№ 141). Здесь называются строения Новгорода, Пскова, Петербурга (починка большого Волховского и кривого деревянного мостов, погорелого моста у Пречистенских ворот и шатра Пречистенской башни, строение воеводского двора и «жилотовского» моста; строение Рыбницкого моста; строение ландратских домов — №№ 20, 30, 44, 51, 73, 102, 134, 141). Сюда же можно отнести документы о транспортных платах — подводных денег, ямских подможных, малопроезжих, за почтовую гоньбу, на посадские подводы из Пскова до Риги (№ 70).

Отдельные документы касаются воровства, драк, недородов, смертей (№№ 2, 36, 56, 63, 64, 89). Имеется дело о родословной Хвостовых (№№ 25—29).

Интересна родословная роспись рода Хвостовых 1692 г. (№ 26, черновик). Ее создатель — служилый человек Степан Иванович Хвостов, живший, как следует из Дела, «за Новым городом на немецком рубеже». Роспись публикуется в приложении к обзору.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I ПИСЬМО П. САЛТЫКОВА

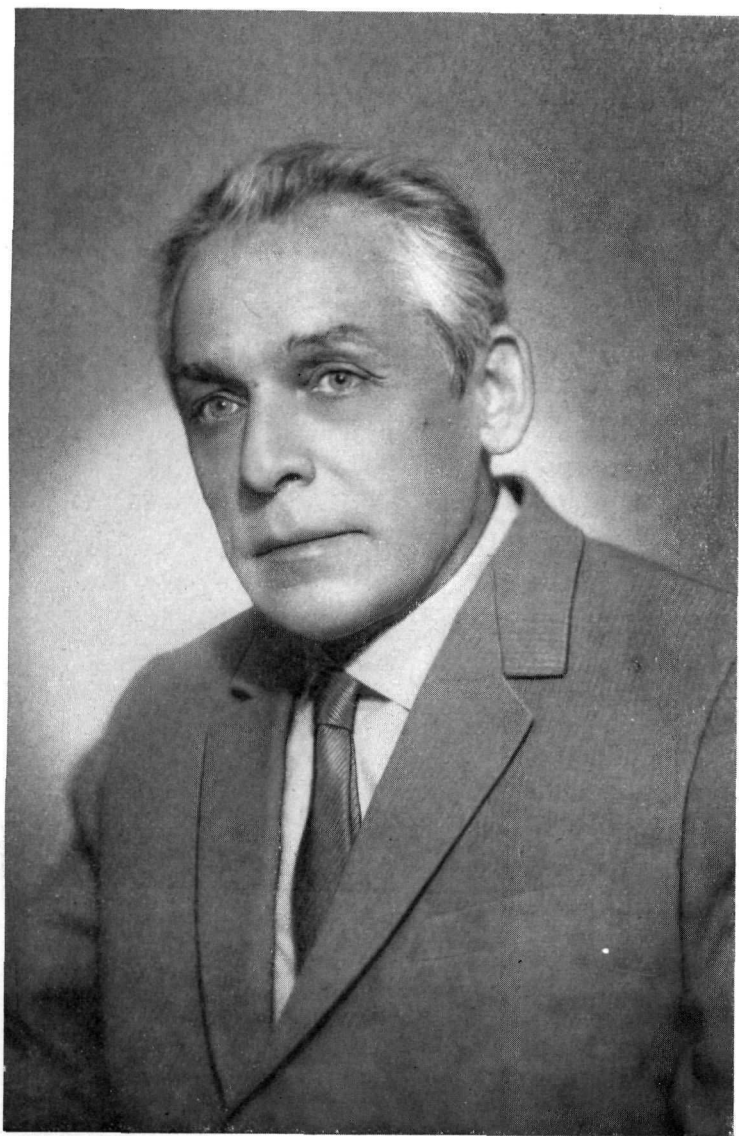
Государю моему Василью Михайловичу Панфилей Салтыков челом бьет. Да посылал я к тебе, Василей Михайловичь, на крестьян управы для, на климцевских и на парфенковских, что у меня лес посекали. И ты не пожаловал, управы не дал, неведомо за кою за мою вину.

РО ИРЛИ АН СССР (ф. 366, оп. 15, № 31).

II РОД ХВОСТОВЫХ

Роспись родословная новгородцев Стефана Иванова сына Хвостова з братьями, как пошли поколения наше от предьков. Прапрародитель наш был Алексей Петрович Хвост, которой написан старой родословной книге, а каков он Алексей Петрович был на Москве, и откуда выехал атец ево Алексеев, и чем был пожалован, и хто от него Алексея роду нашего поколения пошло и иных родов от предьков от него Алексея поколения, — и то ведома вьсе в розряде, в росписи родословной родьцвеников наших Воина и Романа Хвостовых и детей их, какова подана за руками их в розряде и в новую родословную книгу записана. И от ково их поколения пошло, Воина и Романа, иных родьцвеников одьнороцев наших и имена их вьсе в той росписе написаны. В той же росписи написан у них родьцвеников наших, у Воина и Романа, и детей их прапрадет наш Панкратей Павлов сын прозвище Девятой, и у того прапрадеда нашего Панкратья был сын Семен, а у Семена сын Афанасей, у Офанасья были дети Никита да Иван, а у Никиты был сын Никита же, а у Ивана Афанасьева сына дети Стефан да Максим был, и Максим умре, да Василей, да Данила, да Иван Ивановы дети Хвостова, а у Никитина сына дети Григорей, да Тимофей, да Матфей, а у Степана Иванова сына дети Никифор да Семен, а у Максима дети Стефан да Михай Хвостовы, да во Пскове родьцвеник наш Иван Павлов сын Хвостов, и поколению своему он сам скажет, и ныня он бездетен, а болши того родьсвеников наших иных во Пскове ни в Новегороде болши никого нет.

РО ИРЛИ АН СССР (собр. стлб. И. А. Шляпкина, № 26).

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ЕРЕМИН

ХРОНИКА

Игорь Петрович Еремин

(НЕКРОЛОГ)

17 сентября 1963 г. скоропостижно скончался крупнейший советский филолог, талантливый ученый, один из старейших сотрудников Сектора древнерусской литературы, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета, доктор филологических наук профессор Игорь Петрович Еремин.

Игорь Петрович Еремин родился 18 апреля (по старому стилю 5 апреля) 1904 г. в г. Ревеле (Таллине), в семье служащего. Свой научный путь И. П. Еремин начал в семинарии русской филологии академика В. Н. Перетца, в который он поступил в 1921 г. и с которым его научная деятельность была тесно связана до последних лет существования этого семинария — до 30-х годов.

В формировании научного мировоззрения, научной методологии каждого ученого большую роль играет тот руководитель и тот научный коллектив, в котором начинается научная работа будущего исследователя. Такую роль в творческой биографии И. П. Еремина и сыграл семинарий В. Н. Перетца. В очерке, посвященном научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремин писал о семинарии В. Н. Перетца: «Значение в истории нашей науки этого семинария трудно переоценить. В нем под руководством акад. В. Н. Перетца серьезную филологическую школу получили многие специалисты по русской литературе, древней и новой; некоторые из них позже завоевали себе почетное место в советской науке (С. Д. Балухатый, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, С. И. Маслов, С. А. Щеглова и др.)».¹ Эти слова И. П. Еремина в полной мере могут быть отнесены и к нему самому.

Прекрасная филологическая подготовка, широкая эрудиция вполне проявили себя уже в первой печатной работе И. П. Еремина, вышедшей в свет через год после окончания им Ленинградского университета (И. П. Еремин окончил ЛГУ по отделению языка и литературы факультета общественных наук в конце 1924 г., а его первая печатная работа «Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности» вышла из печати в 1926 г.). Литературная судьба «Притчи о слепце и хромце» исследовалась И. П. Ереминым на прочном текстологическом фундаменте — им было привлечено к анализу 113 списков этого памятника. Использование всего рукописного материала при изучении того или иного памятника древнерусской литературы станет обязательным правилом и для всех последующих исследований И. П. Еремина. На основе изучения всех дошедших до нас списков «Притчи о слепце и хромце» И. П. Еремин установил литературную историю этого сюжета в древнерус-

¹ ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 21.

ской письменности, характер взаимоотношения различных редакций этого произведения. Ему удалось убедительно доказать, что автором пространной редакции «Притчи» был Кирилл Туровский, уточнить время создания Кириллом Туровским пространной редакции «Притчи», определить, против кого она была направлена. Эту свою первую печатную работу И. П. Еремин закончил словами, которые послужили для него своего рода программой его дальнейших исследований творчества Кирилла Туровского и ранней древнерусской публицистики вообще: «Эта редакция притчи, составленная К(ириллом) Т(уровским), есть памятник нашей древнерусской церковной публицистики и противоречит общераспространенному представлению о ней, как просто образцу книжной учености и витийного плетения словес, а также дает, быть может, интересный новый материал для характеристики литературной физиономии Кирилла Туровского, вопреки характеристике популярной, не только как исключительно церковного оратора, ученого витии и духовного гимнотворца».² Завершением исследования И. П. Ереминым творчества Кирилла Туровского явилась публикация им в 1955—1958 гг. сочинений этого писателя XII в. Публикации текстов (в XII, XIII и XV томах ТОДРА) предпослано обширное текстологическое исследование литературного наследия Кирилла Туровского (в XI т.).

Следующей большой работой И. П. Еремина, вышедшей в свет в 1927 г., было исследование литературной судьбы так называемого «Сводного патерика» — «„Сводный патерик“ у південно-слов'янських, українському та московському письменствах“». Изучив 70 списков болгарских, сербских, украинских и русских исследуемого произведения, И. П. Еремин установил существование неизвестного сборника дидактических новелл, составленного в XIV в. в Болгарии. В исследовании реконструируется первоначальный состав произведения, прослеживается его судьба в рукописной традиции, выявляются источники. К этой работе И. П. Еремина и по характеру, и по теме близко примыкает более поздняя статья (1936 г.) «К истории древнерусской переводной повести». Здесь впервые был подробно исследован так называемый «Египетский патерик» — сборник дидактических новелл и анекдотов из быта египетских анахоретов. И. П. Еремин определил состав сборника, выявил его источники, место и время его перевода на славянский язык, проследил судьбу памятника на русской почве. Анализ языка «Египетского патерика», а также сопоставление этого памятника с другими древнерусскими произведениями дали возможность И. П. Еремину прийти к заключению, что перевод с греческого языка на славянский был сделан еще в домонгольский период, в XI в., хотя списки, в которых дошел до нас «Египетский патерик», датируются временем не ранее конца XV в.

В 1932 г. вышло из печати исследование И. П. Еремина, посвященное «Повести о посаднике Щиле», — «Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. (Исследование и тексты)». Исследование это было напечатано в I томе «Трудов Комиссии по древнерусской литературе». Позже, с 1934 г., это издание стало называться «Трудами Отдела древнерусской литературы». Прочно и надолго связав с 1934 г. свою научную судьбу с Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома, И. П. Еремин почти в каждом томе ТОДРА печатал свои работы. Привлекая к исследованию «Повести о посаднике Щиле» все известные в то время списки этого произведения, И. П. Еремин установил 6 редакций памятника и 9 вариантов (до его исследования повесть делилась только

² См.: ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 352.

на 3 редакции). Основываясь на тщательном текстологическом анализе 78 списков повести, на рассмотрении исторических реалий в тексте, И. П. Еремин пришел к заключению, что дошедшая до нас «Повесть о Шиле» возникла на основе устной легенды во второй половине XV в. Анализируя идейное содержание произведения и сопоставляя его с историко-политическими событиями той эпохи, в которую это произведение было создано, И. П. Еремин связал возникновение этого литературного памятника с основным политическим событием времени его создания — секуляризацией церковных земель. Идейная направленность повести позволила И. П. Еремину утверждать, что это не только литературный памятник в узком смысле, но и публицистическое произведение. Необходимо отметить, что стремление выявить публицистическую направленность исследуемых им литературных произведений было характерной чертой научной методологии И. П. Еремина. Именно эта черта в полной мере проявилась и в двух следующих статьях И. П. Еремина: в статье 1934 г. «Неизвестный памятник украинской публицистики конца XVI века» и в статье 1935 г. «Из истории древнерусской публицистики XI века. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латиняках)».

Исследование И. П. Ереминым «Повести о посаднике Шиле» было в 1934 г. защищено им на степень кандидата филологических наук. В этом же году началась научная работа И. П. Еремина в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Поступив в Сектор докторантом, И. П. Еремин через три года (в 1937 г.) успешно защитил докторскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником Сектора. И. П. Еремин принимал активное участие в научной жизни института, в коллективных трудах Сектора: он написал ряд разделов для первых трех томов академической истории русской литературы (1941—1948 гг.), для 1-го тома вузовского учебника «История русской литературы» (главный редактор В. А. Десницкий, 1941 г.), для 1-го тома «Истории русской литературы в трех томах» (1958 г.). В главах, написанных для этих изданий, И. П. Еремин подвел итоги своих наблюдений над памятниками ораторского искусства, учительной литературы, переводными произведениями XI—XIII вв., памятниками публицистики XV—XVI вв. и литературными произведениями конца XVII—начала XVIII в.

10 июня 1943 г. в Саратове (во время Великой Отечественной войны И. П. Еремин в 1941—начале 1942 г. оставался в осажденном Ленинграде, а с марта 1942 по 1944 г. жил в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский государственный университет) на Ассоциации филологов ЛГУ, Саратовского государственного университета и Саратовского государственного педагогического института И. П. Еремин прочел доклад «Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе)». В 1944 г. доклад этот был опубликован в Ученых записках ЛГУ. Этой статьей открылась целая серия работ И. П. Еремина, в которых рассматривалась одна из важнейших проблем литературоведения — проблема изучения древнерусской литературы как искусства.

Названная работа И. П. Еремина по «Слову о полку Игореве» и ее дальнейшее продолжение и развитие — статья 1950 г. «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия Киевской Руси» — совершенно по-новому поставили вопрос о жанровой природе «Слова о полку Игореве». Рассматривая «Слово» в единстве всех элементов его художественной структуры и анализируя его в ряду произведений античного, византийского и древнерусского художественного красноречия, И. П. Еремин пришел к заключению, что «Слово о полку Игореве» —

«слово», речь, произведение ораторского искусства по своей природе. И. П. Еремин показал, что тематическая композиция «Слова», его стилистический и ритмический строй, вся система его художественной структуры в целом находят себе типологически родственные параллели в памятниках греческой и древнерусской художественной ораторской прозы. Даже те исследователи «Слова о полку Игореве», которые не принимают полностью концепцию И. П. Еремина, признают после его работ бесспорным наличие в художественной структуре «Слова» таких элементов, которые сближают его с произведениями художественного красноречия.

Следующей большой работой, посвященной художественной специфике произведений древнерусской литературы, явилась книга И. П. Еремина «„Повесть временных лет“». Проблемы ее историко-литературного изучения (1946 г.). В этой книге И. П. Еремин проанализировал средневековое историческое и художественное мышление, его закономерности и специфику. Эта книга И. П. Еремина начала собой ряд его работ по изучению приемов летописного стиля. Второй работой этого цикла явилась статья «Киевская летопись как памятник литературы» (1949 г.). Основная задача этой статьи, как определил ее сам И. П. Еремин, «охарактеризовать повествовательный материал этой летописи с точки зрения его литературной природы — его метода отражения исторической действительности».³ К разработке этой же проблемы примыкает и статья «Волинская летопись 1289—1290 гг.» (1957 г.). Наблюдения И. П. Еремина над текстом Волинской летописи привели его к заключению, что она является не летописным сводом, как считали исследователи этой летописи, а единым текстом, трудом одного автора, о чем свидетельствуют как содержание летописи, так и весь ее литературный строй. Дальнейшее развитие, частичные изменения и некоторые уточнения вопросы художественной специфики древнерусской литературы нашли отражение в статьях «О художественной специфике древнерусской литературы» (1958 г.) и «К спорам о реализме древнерусской литературы» (1959 г.).

В статье 1949 г. «Киевская летопись как памятник литературы» литературный метод изложения, характерный для летописца, И. П. Еремин назвал реализмом средневекового типа, который, как он предупреждал, ни в коем случае нельзя отождествлять с методом реализма литературы XIX—XX вв. В статье 1958 г. «О художественной специфике древнерусской литературы» свое определение 1949 г. метода древнерусской литературы как «реализма средневекового типа» И. П. Еремин охарактеризовал «решительно неудачным». Древнерусская литература, говорил он, литература дореалистическая, что, однако, не означает, что древнерусские писатели не изображали жизни. И. П. Еремин вскрыл отличительные особенности изображения древнерусскими писателями жизни в ее повседневном течении: «Деловито и обстоятельно излагая все, чему был свидетелем или о чем слышал, он (древнерусский писатель, — Л. Д.) никогда не возвышался до изображения жизненных фактов в их типичном проявлении, что составляет самую душу реалистического искусства».⁴ Наряду со способом изображения действительной жизни в древнерусской литературе, как считал И. П. Еремин, существовал еще и другой способ — последовательного преобразования жизни. На этот путь древнерусский писатель вступал тогда, когда объектом его изображения становилась не жизнь, какая она есть, в ее повседневном течении, а порожденные жизнью идеалы. «Древнерусская литература — литература по пре-

³ ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 67.

⁴ Русская литература, 1958, № 1, стр. 77.

имуществу высоких идеалов, норм и образцов поведения»,⁵ и, по мнению И. П. Еремина, в этом и заключается основное качественное своеобразие древнерусской литературы.

Основным выводом, главной мыслью работ И. П. Еремина, посвященных раскрытию художественных особенностей древнерусской литературы, является утверждение большой значимости, высокой эстетической ценности древнерусской литературы, ее больших художественных достоинств, глубоко оригинальных, своеобразных и только одной ей присущих: «Древнерусская литература имела свое собственное художественное содержание, исходила из системы только ей свойственных художественных принципов и в своем художественном „ключе“ создавала произведения не менее значительные и художественно правдивые, чем литература нового времени ... она даже обладала возможностями, позже утраченными».⁶

И. П. Еремина с самого начала научной деятельности наряду с историей древнерусской литературы интересовали вопросы истории украинской литературы, в частности истории украинского народного театра. В 1926—1930 гг. И. П. Еремин выступает на страницах журнала «Україна» с рядом рецензий на издания по истории украинского театра, в этом же журнале печатает статью «„Петрушка“ на Україні», в книге «Театр Петрушки» (авторы О. Цехновицер и И. Еремин, 1927 г.) пишет раздел «Русский народный кукольный театр». Этой же теме — истории народного театра — посвящена статья с публикацией текстов «Драма-игра „Царь Ирод“» (1940 г.).

Особое место в исследованиях И. П. Еремина по истории украинской литературы занимал «один из отцов и творцов народной южнорусской литературы»⁷ — Иван Вишенский. В 1937 г. по теме «Иван Вишенский и его публицистическая деятельность. (К истории украинской литературы XVI—XVII вв.)» И. П. Еремин защитил диссертацию на степень доктора филологических наук. Материалы этой диссертации позже нашли отражение в нескольких статьях и в большой книге, изданной в серии «Литературные памятники», — «Иван Вишенский. Сочинения» (1955 г.). Эта книга является первым полным изданием сочинений Ивана Вишенского. До нас дошло 5 списков сочинений Ивана Вишенского. Критический анализ каждого из этих списков, установление в свете данных этого анализа наиболее близких к авторскому тексту чтений дали возможность И. П. Еремину впервые представить литературное наследие Ивана Вишенского в его подлинном, свободном от позднейших искажений виде. Необходимо отметить, что для подготовки текстов сочинений Вишенского к изданию И. П. Ереминым была проделана огромная и поистине филигранная работа: в те произведения Вишенского, которые дошли до нас лишь в поздних, искаженных перепиской списках, И. П. Ереминым внесено около тысячи конъектурных поправок. Публикация текстов сопровождается большой статьей «Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность» и обстоятельными комментариями, каждая статья которых представляет собой по существу отдельное исследование. Подходя к творчеству Ивана Вишенского, весьма сложному и во многом противоречивому, с позиций марксистско-ленинской методологии, И. П. Еремин глубоко раскрыл своеобразие Ивана Вишенского как публициста, занимавшего особую позицию в полемической литературе XVI—XVII вв. Это своеобразие определялось тем, что «убежденный демократ по своим воззрениям, выразитель чаяний „убогой Руси“ — широких масс трудового народа, он (Иван Вишенский, — Л. Д.) выступал с протестом не

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ Там же.

⁷ Франко. Иван Вишенський і його твори. Львів, 1895, стр. 493.

только против национального гнета, но и против гнета социального».⁸ Этот вывод И. П. Еремина существенно дополняет наше представление о развитии общественной мысли на Украине XVI—XVII вв. Большой интерес представляет и часть статьи И. П. Еремина о Вишнемском, посвященная характеристике стиля Ивана Вишнего, наиболее показательные особенности которого — стремление подчинить свое изложение в первую очередь требованиям содержания, сочетание простоты и высокой патетики, страстной взволнованности, торжественной приподнятости и ядовитой иронии, сатиры. Приводя примеры живого народного просторечия в произведениях Ивана Вишнего, И. П. Еремин замечал: «Эти и аналогичные им слова и словосочетания, иногда грубоватые, но всегда меткие и выразительные, — прямые предвестники той реформы украинского литературного языка, которую на рубеже XVIII—XIX вв. осуществил И. П. Котляревский и в середине XIX в. завершил Т. Г. Шевченко».⁹

В научных и научно-популярных трудах И. П. Еремина нашли отражение и более поздние периоды истории украинской литературы. В сборнике «Украинская классическая комедия» (1954 г.) перу И. П. Еремина принадлежит статья «Из истории украинской классической драматургии», в которой рассматривается творчество многих украинских драматургов — И. Котляревского, Г. Квитка-Основьяненко, С. Гулак-Артемовского, М. Кропивницкого, М. Старицкого, И. Тобилевича, С. Васильченки. Помимо характеристики творчества этих писателей и сравнительного анализа развития украинской драматургии на фоне развития русского театра, И. П. Еремин уделяет немало внимания и характеристике наиболее известных актеров украинского театра. Творчеству И. Котляревского посвящены отдельная книга И. П. Еремина «Иван Петрович Котляревский (1769—1838)» и статья «И. П. Котляревский и его „Энеида“».

Необходимо, наконец, отметить еще одну общую тему, занимавшую важное место в научно-исследовательской деятельности И. П. Еремина — изучение литературных явлений на рубеже XVII—XVIII вв. И. П. Ереминым написан ряд статей, посвященных анализу поэтического творчества Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича, ему же принадлежит и критическое издание сочинений обоих авторов.

Еще до окончания университета (в 1923 г.) И. П. Еремин начал свою педагогическую деятельность как лектор и руководитель литературных кружков. После окончания университета И. П. Еремин преподавал русский язык и литературу в ряде учебных заведений Ленинграда (в партшколе и комвузе Кировского завода, в средней школе, Транспортной академии, в Хореографическом училище и др.). С 1929 г. началась преподавательская деятельность И. П. Еремина в высшей школе: в течение ряда лет он читал курс русского фольклора на Высших курсах при Институте истории искусств. С 1938 г. началась работа И. П. Еремина на филологическом факультете Ленинградского университета. Помимо научно-педагогической работы — лекций, спецкурсов и спецсеминаров по истории древнерусской и украинской литературы, И. П. Еремин вел большую научно-организационную работу: в течение нескольких лет он был деканом филологического факультета ЛГУ, а с 1951 г. по день смерти возглавлял кафедру истории русской литературы.

Уже первая печатная работа И. П. Еремина отличалась одной характерной чертой, присущей и всем его последующим работам, — строгостью и

⁸ См.: Иван Вишнєвський. Сочинення. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955 (серия «Литературные памятники»), стр. 226.

⁹ Там же, стр. 268.

ясностью изложения в сочетании с литературным мастерством. Такая же ясность мысли, изящество изложения отличали лекции и все выступления И. П. Еремина. Не одно поколение филологов, окончивших филологический факультет ЛГУ, благодаря особому мастерству И. П. Еремина как лектора, умению его в живой беседе передать специфические особенности произведений древнерусской литературы в полной мере почувствовали прелесть и красоту памятников русской старины, смогли понять их непреходящую эстетическую ценность.

В последние годы И. П. Еремин работал над монографией о художественной литературе Киевского периода Древней Руси. Смерть оборвала этот труд, и ученики Игоря Петровича должны, как сказала В. П. Адрианова-Перетц в своем слове, посвященном его памяти, «поднять выпавшее из его рук перо и дописать ту главную работу, которой отданы были его мысли в последнем десятилетии, ту работу, в которой он намеревался убедительно показать высоту русской литературной культуры XI—XII веков, воспитавшей создателя „Слова о полку Игореве“».

Л. А. Дмитриев.

Н. С. ДЕМКОВА

**Хронологический список научных трудов И. П. Еремина
(1904—1963)**

1926

Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX. Л., 1926, стр. 323—352.

Рец.: [Проф. Вол. Резанов. Драма українська. I. Старовинний театр український. Вип. перший. Вступ. Сценичні вистави у Галичині. У Києві, 1926, IV, 200; 11 стр. Вип. третій. Шкільні дійства великоднього циклу. Додатки. У Києві, 1926, 11, 389, V стр.]. — Україна. Київ, 1926, кн. 4 (18), стр. 146—149.

1927

«Петрушка» на Україні. — Україна. Київ, 1927, кн. 5 (24), стр. 23—30.

Русский народный кукольный театр. — В кн.: Орест Цехновицер. Игорь Еремин. Театр Петрушки. Госиздат, М.-Л., 1927, стр. 49—82, 181—184.

«Сводный» патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах. — Записки Історично-філологічного відділу Української Академії наук, 1927, кн. XII, стр. 48—77; кн. XV, стр. 54—101 и отд.: Київ, 1927, 78 стр.

1930

Рец.: [Євген Марковський. Український вертеп. Розвідки й тексти. Вип. I. Київ, 1929]. — Україна. Київ, 1930, січень—лютий (кн. 39), стр. 184—187.

1932

Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (Исследование и тексты). — В кн.: Труды комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 59—151 и отд.: Л., 1932.

1934

Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (Исследование и тексты). Тезисы. Изд. АН СССР, Л., 1934, 2 стр.

Неизвестный памятник украинской публицистики конца XVI века. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 83—92 (ИРЛИ).

1935

Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). — ТОДРА, т. II. М.—Л., 1935, стр. 21—38.

Письма Салтыкова из Вятки. — Красная Новь, 1935, № 1, стр. 174—181.
В соавторстве с Е. Макаровой.

1936

К истории древнерусской переводной повести. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 37—57.

1937

Иван Вишенский и его публицистическая деятельность (К истории украинской литературы XVI—XVII вв.). Изд. АН СССР, [М.—Л.], 1937, 8 стр.

Тезисы на степень доктора филологических наук.

1940

Драма-игра «Царь Ирод». — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 223—240.

Переиздание текста драмы (стр. 234—237) в кн.: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. «Искусство», М., 1953, стр. 177—180.

1941

История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, XI, 404 стр. (ИЛ).

Переводная литература XI—начала XIII века: патерики (стр. 106—113), учительная литература (стр. 183—194). Русская литература XI—начала XIII века: Киево-Печерский патерик (стр. 338—346), учительная литература (стр. 349—364).

История русской литературы, т. III. Литература XVIII века. Ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, 424 стр. (ИЛ).

Театр и драматургия начала XVIII века (стр. 97—116).

История русской литературы. Учебник для вузов. Т. I, ч. 1. Русская литература XI—XVII вв. Учпедгиз, М., 1941, 320 стр. (ИЛ).

Гл. IV, § 1. Второе югославянское влияние на русскую литературу в XIV—XV вв.: жития, хроника Иоанна Зонары и Константина Манасии, Троянская притча, сербская Александрия, Стефанит и Ихнилат, Сводный патерик (стр. 127—132). Гл. V. Литература периода создания единого национального Русского государства (1460—1534). § 1. Переводная литература: Повесть о Дракуле, Прение живота и смерти, Троянская история Гвидо де Колумна. § 2. Московская литература: Повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера, Сказание о князьях владимирских, Сказание о Вавилонском царстве (стр. 153—160). Публицистика: старец Филофей (стр. 163—164). Гл. VIII, § 3. Стихотворство XVII в. (стр. 279—285). § 4. Начало русского театра (стр. 286—289).

1944

Иван Вишенський. Українське державне видавництво. Київ—Харків, 1944, 16 стр.

Слово о полку Игореве (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки ЛГУ, № 72. Серия филологических наук, вып. 9. Изд. ЛГУ, Л., 1944 (на обложке — 1945 г.), стр. 3—18.

Краткое изложение доклада, прочитанного 10 июля 1943 г. в г. Саратове на Ассоциации филологов ЛГУ, Саратовского университета и Саратовского педагогического института.

1945

История русской литературы, т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, 532 стр. (ИЛ).

Переводная литература конца XV—начала XVI в.: Луцидариус (стр. 287—288), Сказание о Дракуле воеводе (стр. 290—292). Московская публицистика конца XV—первой половины XVI в.: Слово избрано на латыню, Послание на Угру Вассиана Рыло, Старец Филофей, Сказание о князьях владимирских, Иосиф Волоцкий (стр. 299—314). Москов-

ские повести конца XV—начала XVI в. Повести о Вавилоне (стр. 337—340).

Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — В кн.: Научная сессия 1945 г (16—30 ноября 1945 г.). Тезисы докладов по секции филологических наук. Изд. ЛГУ, Л., 1945, стр. 5—6.

1946

Борьба за национальную независимость в украинской литературе XVI—XVII вв. — В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819—1944). Секция филологических наук. Изд. ЛГУ, Л., 1946, стр. 226—244.

Неизвестный памятник болгарской литературы конца XVI в. — Научный бюллетень ЛГУ, № 11—12 (Славистические заметки). Изд. ЛГУ, Л., 1946, стр. 33—34.

«Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Изд. ЛГУ, Л., 1946 (на обложке — 1947 г.), 92 стр.

1947

Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 159—184.

Ред.: Історія української літератури, т. I, ч. 1. 1. Література Київської Русі. 2. Давня українська література (до середини XVI ст.). За ред. О. І. Білецького, С. І. Маслова и І. П. Єрьоміна. — «Радянська школа», Київ—Харків, 1947, 224 стр.

1948

Иван Вишенский и «братское» движение. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67. Кафедра русской литературы. Л., 1948, стр. 32—37.

История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, 440 стр. (ИЛ).

Литература 1590—1630-х годов. Введение (стр. 11—14). Литература 1590—1612 гг. (стр. 28—30). Литература кануна реформы (1640—1690-е годы). Введение (стр. 145—150). Старообрядческая литература. Житие Епифания. Легенды о Никоне (стр. 322—329). «Отразительное писание» Евфросина (стр. 335—341). Силлабическая поэзия. Симеон Полоцкий (стр. 342—353). Сильвестр Медведев (стр. 353—355). Карион Истомина (стр. 355—362). Ораторская проза второй половины XVII в. (стр. 363—367). Московский театр XVII в. (стр. 368—373).

Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153.

«Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Ученые записки ЛГУ, № 90. Серия филологических наук, вып. 13. Изд. ЛГУ, Л., 1948, стр. 35—59.

«Слово о полку Игореве» в советском литературоведении. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 15—23.

Доклад, прочитанный 15 октября 1947 г. на юбилейной сессии Института литературы Академии наук СССР.

Ред.: ТОДРЛ, т. VI. Ред. В. П. Адрианова-Перетц и И. П. Еремин. М.—Л., 1948, 415 стр.

1949

Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 67—97.

1950

«Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—129 (ИРЛИ).

1951

«Декламация» Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 354—361.

1952

Иван Петрович Котляревский (1769—1838). «Искусство», М., 1952, 50 стр.

1953

И. П. Котляревский и его «Энеида». — В кн.: И. П. Котляревский. Энеида. Перевод с украинского И. Бражнина. ГИХЛ, М., 1953, стр. V—XXIII.

Изд. 2-е. М., 1955, стр. 3—23.

К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 291—296.

Переиздано на украинском языке в кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література. Доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький и Ф. Я. Шолом. — «Радянська школа», Київ, 1959, стр. 261—266.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, 282 стр. (серия «Литературные памятники»).

Ред.: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. Общая ред. И. П. Еремина. «Искусство», М., 1953, 356 стр.

1954

Из истории украинской классической драматургии. — В кн.: Украинская классическая комедия. «Искусство», М., 1954, стр. 477—492.

К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 212—222.

Переиздано на украинском языке в кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література. Доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький и Ф. Я. Шолом. — «Радянська школа», Київ, 1959, стр. 329—338.

Ред.: Гоголь. Статьи и материалы. Ред. коллегия: М. П. Алексеев (отв. ред.), Г. А. Бялый, А. Г. Дементьев, И. П. Еремин, В. Я. Пропп, М. О. Скрипиль. Изд. ЛГУ, Л., 1954, 395 стр.

Ред.: Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль. Ред. И. П. Еремина. ГИХЛ, Л., 1954, 478 стр.

1955

Д. И. Абрамович. Некролог. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 506—510.

Иван Вишенский. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, 372 стр. (серия «Литературные памятники»).

Статья «Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность» (стр. 223—271) переиздана на украинском языке (в сокращении) в кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література. Доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький и Ф. Я. Шолом. — «Радянська школа», Київ, 1959, стр. 286—295.

Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 342—367.

Текстологическое исследование сочинений Кирилла Туровского. Публикация текстов в томах XII (1956), XIII (1957) и XV (1958).

Реу.: Первый том «Истории украинской литературы». [История украинской литературы, в 2 томах, т. I. Дооктябрьская литература. Изд. АН УССР, Киев, 1954, 760 стр.]. — Вестник АН СССР, 1955, № 10, стр. 105—111.

Ред.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. ЛГУ. Л., 1955, 552 стр.

1956

К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 28—34.

Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 340—361.

Публикация сочинений Кирилла Туровского [продолжение в томах XIII (1957) и XV (1958); текстологическое исследование — т. XI (1955)].

Некоторые итоги и задачи изучения творчества Ивана Франко (К 100-летию со дня рождения). — Вестник АН СССР, 1956, № 8, стр. 53—57.

Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 284—291.

Доклад, прочитанный на совещании по вопросам изучения древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР 25 апреля 1955 года.

Ред.: ТОДРЛ, т. XII. Отв. ред. И. П. Еремин. М.—Л., 1956, 657 стр.

1957

Волынская летопись 1289—1290 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 102—117.
Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 409—426.

Публикация сочинений Кирилла Туровского [начало и окончание в томах XII (1956) и XV (1958); текстологическое исследование — т. XI (1955)].

Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Вступительная статья Д. С. Лихачева. ГИХЛ, М., 1957, 370 стр.

Переводы, статьи и примечания: Киево-Печерский патерик (стр. 149—226, 317—326); Слово о князьях (стр. 237—239, 330—333); Слово о полку Игореве (стр. 243—250, 333—350); Слово о гибели Русской земли (стр. 253, 351—354); Житие Александра Невского (стр. 257—263, 354—358).

Ред.: Повесть о Скандербеге. Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, 244 стр. (серия «Литературные памятники»).

1958

История русской литературы в трех томах, т. I. (Литература X—XVIII веков). Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, 732 стр. (ИМЛИ, ИРЛИ).

Литература 1640-х—начала 1690-х годов (стр. 316—324, 332—333, 344—368).

Переиздание на болгарском языке: История на руската литература, т. I. — «Наука и изкуство», София, 1960, стр. 322—330, 339, 351—375.

Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 331—348.

Публикация сочинений Кирилла Туровского [начало в томах XII (1956) и XIII (1957); текстологическое исследование — т. XI (1955)].

[Ответ на вопрос Советского комитета славистов: Была ли так называемая «литература барокко» в славянских литературах? Если возможно принять этот термин для обозначения некоторых литературных течений XVII—XVIII вв., то каковы особенности «литературы барокко» в славянских странах?]. — ИЮЛЯ, т. XVII, вып. 2, 1958, стр. 196.

Переиздание в кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 84—85 (IV Международный съезд славистов. АН СССР. Советский комитет славистов).

О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 75—82.

Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Петец. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 21—32.

Ред.: Повести о жизни Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, 172 стр. (ИРЛИ).

1959

Иван Вишенский. Твори. Вступна стаття, упорядкування, підготовка текстів та примітки І. П. Єрємїна. Держлітвидав. Київ, 1959, 270 стр.

Иосиф Волоцкий как писатель. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зими́на и Я. С. Лурье. Статьи И. П. Еремина и Я. С. Лурье. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 3—18 (ИРЛИ).

К спорам о реализме древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1959, № 4, стр. 3—8.

Ред.: Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. вышэйш. навуч. устаноў. Склаў А. Ф. Коршунаў. Пад рэд. І. П. Ярэміна і В. В. Барысенкі. Вучпедвыд. БССР, Мінск, 1959, 476 стр. (АН БССР. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы).

1960

К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 506—510.

Об образовании восточнославянских национальных литературных языков. (Вопрос № 11: «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.»). — Вопросы языкознания. М., 1960, № 6, стр. 62—65.

Ответ на анкету журнала.

Ред.: Ян Кохановский. Избранные произведения. Издание подготовил С. С. Советов. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, 370 стр. (серия «Литературные памятники»).

1961

К характеристике Нестора как писателя. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 54—64.

Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Ред. коллегия: Б. А. Ларин (отв. ред.), И. П. Еремин, М. А. Соколова. Изд. ЛГУ, Л., 1961, стр. 12—21.

Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, 503 стр. (ИРЛИ).

Предисловие (стр. 3—19); подготовка текстов: слова и речи, трагедо-комедия «Владимир», стихотворения (стр. 21—226); примечания (стр. 459—491).

1962

Ораторское искусство Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 50—58.

Ред.: Не зважаючы на факты [С. И. Василенок. Фольклор и литература Белоруссии эпохи феодализма (XIV—XVIII вв.). Изд. МГУ, М., 1961, 278 стр.] — «Польмя», Мінск, 1962, № 3, стр. 177—182.

1963

О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах XI—XII вв. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 5—13.

- [Примечание (3) к письму И. В. Ягича П. И. Житецкому (№ 77)] — В кн.: Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 367.
- [Примечания к переводу В. А. Жуковского «Слова о полку Игореве»] — В кн.: Слово о полку Игореве. Перевод В. А. Жуковского. ГИХЛ, М.—Л., 1963, стр. 44—46.
- Рец.*: Полезный справочник. [И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. Изд. АН СССР, М., 1962. 398 стр.] — Вопросы литературы. М., 1963, № 2, стр. 228—229.
- Рец.*: В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Изд. ЛГУ, Л., 1963, 143 стр.

Литература о научной деятельности И. П. Еремина

1. [Библиография работ И. П. Еремина] — В кн.: Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. XX. 1907—1927. Участники Семинария — своему руководителю. Изд. Семинария, Л., 1929, стр. 52.
2. Пиксанов Н. К. Русское литературоведение в Петербургском—Ленинградском университете. — В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819—1944). Секция филологических наук. Л., 1946, стр. 16.
3. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература. — В кн.: 50 лет Пушкинского дома. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 82, 90.
4. И. П. Еремин [Некролог]. — Вечерний Ленинград, 1963, № 222, 19 сентября, стр. 4.
5. Адрианова-Перетц В. П. Ученый, исследователь, педагог. — Ленинградский университет, 1963, № 49 (1366), 22 октября, стр. 3.
6. Адрианова-Перетц В. П. Памяти Игоря Петровича Еремина. — Русская литература, 1964, № 1, стр. 239—240.
7. Берков П. Н. Памяти проф. И. П. Еремина (1904—1963). — ИЮЛЯ, XXIII, 1964, вып. 1, стр. 84—87.
8. Дмитриев Л. А. И. П. Еремин. Некролог. — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 418—424.
9. Махновець Л. Є. Пам'яті І. П. Єрьоміна. — Радянське літературознавство, 1964, № 1, стр. 158.
10. Пропп В. Я., Бялый Г. А., Деркач С. С. И. П. Еремин. — Вестник ЛГУ, 1964, № 2, стр. 170—171.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, НАПЕЧАТАННЫХ
В XI—XX ТОМАХ «ТРУДОВ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(1955—1964 гг.)¹

- Абрамович Д. И. (см.: Берков П. Н. Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем; Еремин И. П. Д. И. Абрамович (Некролог)).
- Автократов В. Н. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. XI, стр. 255—279.
- Адрианова-Перетц В. П. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. XIX, стр. 5—27.
- Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. XX, стр. 41—71.
- Адрианова-Перетц В. П. Из истории текста антиклерикальных сатир («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»). XIII, стр. 497—500.
- Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). XVI, стр. 5—35.
- Адрианова-Перетц В. П. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур. XIX, стр. 427—447.
- Адрианова-Перетц В. П. (см.: Еремин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц; [Дробленкова Н. Ф.]. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц; Приветствие члену-корреспонденту АН СССР В. П. Адриановой-Перетц от участников сборника).
- Азбелев С. Н. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками. XVII, стр. 334—337.
- Азбелев С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (Обзор списков). XIII, стр. 282—297.
- Азбелев С. Н. Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения). XII, стр. 236—262.
- Азбелев С. Н. Новгородские местные летописцы. XV, стр. 364—370.
- Азбелев С. Н. Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива. XV, стр. 418—423.
- Азбелев С. Н. Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. XV, стр. 432—435.
- Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. XV, стр. 251—283.
- Азбелев С. Н. Светская обработка Жития Александра Невского. XIV, стр. 147—153.
- Азбелев С. Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи. XVI, стр. 270—287.
- Алексеев М. П. Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве». XIV, стр. 83—88.
- Алпатов М. В. Икона «Сретения» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры (К изучению художественного образа в древнерусской живописи). XIV, стр. 557—564.
- Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. XII, стр. 292—310.
- Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. XVII, стр. 255—271.
- Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». XIV, стр. 64—70.
- Альшиц Д. Н. Неизвестные послания Ивана Грозного. XII, стр. 427—430.

¹ Указатель к первым десяти томам см.: ТОДРА, т. X, стр. 500—505.

- Альшиц Д. Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? XVI, стр. 617—625.
- Альшиц Д. Н. и Розов Н. Н. Древнерусская литература в учебном пособии по истории книги. XVIII, стр. 588—590.
- Альшиц Д., Розов Н. Николай Алексеевич Соколов (Некролог). XVIII, стр. 601—602.
- Ангелов Бою С. Заметки о «Слове о полку Игореве». XVI, стр. 50—59.
- Ангелов Бою С. Иосиф Флавий в южнославянских литературах. XIX, стр. 255—261.
- Ангелов Бою С. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. XIV, стр. 132—138.
- Ангелов Бою С. «Слово о полку Игореве» и българската литература. XII, стр. 60—70.
- Ангелов Бою С. «Слово о полку Игореве» и его оценка в Болгарии. XV, стр. 47—53.
- Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. XVIII, стр. 117—148.
- Антонова В. И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». XIII, стр. 375—392.
- Антонова В. И. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. XIV, стр. 569—572.
- Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслаане. XIV, стр. 504—509.
- Бадалич И. М. Юрий Крижанич — поэт Иллирии. XIV, стр. 341—348.
- Бадалич И. Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Посошкова. XIX, стр. 391—403.
- Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве». XIII, стр. 511—518.
- Бакланова Н. А. К вопросу о датировке так называемого «Романа в стихах». XVI, стр. 358—362.
- Бакланова Н. А. О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. XIV, стр. 644—649.
- Балашов Д. М. и Бегунов Ю. К. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. XVIII, стр. 420—425.
- Бахтин В. С. и Молдавский Д. М. Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии. XIV, стр. 424—422.
- Бегунов Ю. К. Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику. XX, стр. 389—394.
- Бегунов Ю. К. Болгарский писатель X в. Козма Пресвитер в русской письменности конца XV—начала XVI в. XIX, стр. 273—302.
- Бегунов Ю. К. Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели Русской земли». XIV, стр. 143—146.
- Бегунов Ю. К. Время возникновения «Слова о погибели Руския земли» и понятие «погибели Руския земли». XVI, стр. 147—160.
- Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского. XVII, стр. 348—357.
- Бегунов Ю. К. К истории открытия рукописи «Слова о погибели Руския земли» XVIII, стр. 285—288.
- Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына. XII, стр. 141—159.
- Бегунов Ю. К. Основные задачи составления описания собраний славяно-русских рукописей. XX, стр. 288—302.
- Бегунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге. XV, стр. 116—130.
- Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI века о борьбе Ивана III с землевладением церкви. XX, стр. 351—364.
- Бегунов Ю. К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. XIII, стр. 214—224.
- Бегунов Ю. К. и Балашов Д. М. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. XVIII, стр. 420—425.
- Бегунов Ю. К., Демин А. С. и Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. XVII, стр. 545—557.
- Бегунов Ю. К., Демин А. С. и Панченко А. М. Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина. XVII, стр. 608—615.
- Бегунов Ю. К. и Панченко А. М. Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье. XVI, стр. 522—527.
- Бегунов Ю. К. и Панченко А. М. Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы в Горьковскую область. XV, стр. 387—397.

- Белецкий А. И. Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в. о наказании ангела. XIV, стр. 453—456.
- Белоброва О. А. Автограф Дионисия Зобниновского. XVII, стр. 388—390.
- Белоброва О. А. К вопросу об иконографии Максима Грека. XV, стр. 301—309.
- Белоброва О. А. Сказание «О Кипрском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в. XVIII, стр. 311—325.
- Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания. XIV, стр. 234—240.
- Бельчиков Н. Ф. и Рождественский Н. П. Собрание рукописей бывшего Тамбовского губернского архивного бюро. XVI, стр. 561—566.
- Берков П. Н. П. Я. Актон, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг. XIV, стр. 637—643.
- Берков П. Н. Вероятный источник народной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». XIII, стр. 298—312.
- Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.). XI, стр. 280—299.
- Берков П. Н. Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем. XII, стр. 613—621.
- Берков П. Н. Школьная драма «Венец Димитрию» (1704). XVI, стр. 323—357.
- Беркович И. Иллюстрации Михаила Зичи к «Слову о полку Игореве». XIV, стр. 576—580.
- Боброва Е. И. Вопросы текстологии в современной итальянской науке. XVII, стр. 653—671.
- Боброва Е. И. Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 122—124.
- Богатырев П. Г. Новые работы по филигранологии. XIV, стр. 660—667.
- Богатырев П. Г. Чешская бумага в России. XV, стр. 375—377.
- Богородский Б. Л., Ларин Б. А. и Лихачев Д. С. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 424—441.
- Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве». XV, стр. 7—35.
- Борковский В. И. Препозитивные придаточные с неизменяемым «что» в древнерусских грамотах. XIV, стр. 581—589.
- Бражников М. В. Неизвестные произведения певца и роспевщика XVI в. Федора Христианина. XIV, стр. 605—607.
- Брюсова В. Г. Холмогорский летописец и художник XVII в. (Об одном из авторов Двинской летописи). XVII, стр. 445—453.
- Бугаева О. П. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. XV, стр. 424—431.
- Будовниц И. У. Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге. XIV, стр. 169—175.
- Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. XII, стр. 79—104.
- Будовниц И. У. Повесть о разорении Торжка в 1315 г. XVI, стр. 446—451.
- Булаховский Л. А. К лексике «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 33—36.
- Вагнер Г. К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского. XVI, стр. 167—177.
- Вайншенкер П. Л. и Демина Н. А. О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы. XII, стр. 651—652.
- Валк С. Н. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. XIV, стр. 650—656.
- Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. XIV, стр. 371—379.
- Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». XII, стр. 20—27.
- Виноградова В. Л. Некоторые замечания о лексике «Задонщины». XIV, стр. 198—204.
- Виноградова В. Л. Повесть о Горе-Злочастии (Библиография). XII, стр. 622—641.
- Витковский В. Работы польских ученых по древнерусской филологии за 1945—1955 гг. XIII, стр. 615—626.
- Водовозов Н. В. Былина Кириши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения. XIV, стр. 212—216.
- Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. XIII, стр. 11—56.
- Воронин Н. Н. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих. XIII, стр. 364—374.

- Воронин Н. Н. Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных. XIV, стр. 573—575.
- Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. XI, стр. 96—102.
- II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР (23—26 апреля 1955 года). XII, стр. 647—650.
- III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе. XV, стр. 515—516.
- IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе. XVI, стр. 653—654.
- Ганелин Я. Ш. Об умении читать разночтения. XVI, стр. 637—638.
- Гейман В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. XIV, стр. 275—277.
- Геппелер Н. В. Отрывок пергаменного молитвенника кирилловского письма конца XIII в. (Из находок в старых переплетах). XVII, стр. 618—623.
- Глухов В. М. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. XI, стр. 22—38.
- Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. XVII, стр. 391—413.
- Голубев И. Ф. Новый список «Послания дворительного недругу». XVIII, стр. 326—328.
- Голубев И. Ф. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области. XVI, стр. 570—572.
- Голубев И. Ф. Рукописные книги бывш. Тверской ученой архивной комиссии. XII, стр. 518—521.
- Голубев И. Ф. Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина. XVII, стр. 605—607.
- Голубев И. Ф. Собрания рукописных книг г. Калинина. XI, стр. 440—463.
- Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича. XIX, стр. 373—390.
- Гольдберг А. Л. Работа Юрия Крижанича над русской летописью. XIV, стр. 349—354.
- Горбунова А. А. Два неизвестных частных письма конца XVII в. (К истории эпистолярного стиля). XIII, стр. 506—510.
- Горфункель А. Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. XVIII, стр. 188—213.
- Грабар А. Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». XVIII, стр. 233—271.
- Гранстрем Е. Э. Материалы к истории древнерусской библиографии. XVIII, стр. 409—411.
- Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки. XI, стр. 300—313.
- Гранстрем Е. Э. Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. XIV, стр. 619—623.
- Гудзий Н. К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». XII, стр. 35—41.
- Гудзий Н. К. К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. XIV, стр. 290—297.
- Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории. XV, стр. 177—191.
- Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». XII, стр. 527—545.
- Гудзий Н. К. В. Ф. Ржига (Некролог). XVII, стр. 685—692.
- Гудзий Н. К. (см.: Робинсон А. Н. К семидесятилетию Николая Каллиникова Гудзия (Очерк жизни и деятельности); Хронологический список трудов академика АН УССР Николая Каллининовича Гудзия; Приветствие [Н. К. Гудзию] от Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР; Приветствие [Н. К. Гудзию] от московских специалистов по древнерусской литературе; Гусев В. Е. Слово об учителе (К 75-летию Николая Каллининовича Гудзия)).
- Гуревич М. М. и Могилевский А. П. Владимир Валерьянович Данилов. (К 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности). XVIII, стр. 481—483.
- Гусев В. Е. «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). XIV, стр. 380—384.
- Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. XIII, стр. 273—281.
- Гусев В. Е. К вопросу о жанре Жития протопопа Аввакума. XV, стр. 192—202.
- Гусев В. Е. Слово об учителе. (К 75-летию Николая Каллининовича Гудзия). XVIII, стр. 484—488.
- Данилов В. В. Записи украинских обрядовых песен о туре в Пушкинском фонде ИРЛИ. XIV, стр. 525—528.

- Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века. XI, стр. 209—217.
- Данилов В. В. Новое польское издание «Слова о полку Игореве». XI, стр. 504—505.
- Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». XVIII, стр. 21—37.
- Данилов В. В. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года. XI, стр. 335—341.
- Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное. XVI, стр. 132—142.
- Данилов В. В. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина. XII, стр. 586—593.
- Данилов В. В. Чешский славист Ян Фрчек. XII, стр. 642—644.
- Данилов В. В. (см.: Гуревич М. М. и Могилевский А. П. Владимир Валерьянович Данилов (К 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности)).
- Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. XIII, стр. 467—482.
- Дворецкая Н. А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. XIV, стр. 330—334.
- Демин А. С. Вопросы изучения русских письменников XV—XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности). XX, стр. 90—99.
- Демин А. С. Две коллекции столбцов Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. XVIII, стр. 458—461.
- Демин А. С. Столбцы XVII—XVIII вв. из архива М. Е. Салтыкова-Щедрина и собрания И. А. Шляпкина. XX, стр. 415—417.
- Демин А. С., Бегунов Ю. К. и Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. XVII, стр. 545—557.
- Демин А. С., Бегунов Ю. К. и Панченко А. М. Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина. XVII, стр. 608—615.
- Демин А. С. и Панченко А. М. Пинежская археографическая экспедиция 1962. XX, стр. 397—403.
- Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. XII, стр. 311—324.
- Демина Н. А. и Вайншенкер П. Л. О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы. XII, стр. 651—652.
- Демкова Н. С. (см.: Сарафанова Н. С., Сарафанова-Демкова Н. С.).
- Демкова Н. С. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина (1904—1963). XX, стр. 425—431.
- Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. XX, стр. 139—179.
- Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. Археографическая командировка в Сольцы. XX, стр. 412—414.
- Державина О. А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII века. XX, стр. 232—255.
- Державина О. А. К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в. XIV, стр. 298—303.
- Державина О. А. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. XIII, стр. 672—688.
- Державина О. А. Перспективы изучения переводной новеллы XVII в. XVIII, стр. 176—187.
- Державина О. А. Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре. XVI, стр. 388—396.
- Диников П. Из истории русско-болгарских литературных связей в XVI—XVIII вв. XIX, стр. 318—329.
- Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве». XX, стр. 120—138.
- Дмитриев Л. А. Вновь найденное сочинение об Иване Грозном. XVIII, стр. 374—408.
- Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин (Некролог). XX, стр. 418—424.
- Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». XVIII, стр. 38—49.
- Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля конца XV в. XX, стр. 72—89.
- Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 606—610.
- Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». XI, стр. 140—155.

- Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). XIX, стр. 215—254.
- Дмитриев Л. А. М. О. Скрипиля (Некролог). XIII, стр. 721—724.
- Дмитриев Л. А. Славяно-русские рукописи Отдела редких книг Латвийской государственной библиотеки в Риге. XIII, стр. 579—580.
- Дмитриев Л. А. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. XVI, стр. 554—560.
- Дмитриев Л. А. Список трудов М. О. Скрипиля. XIII, стр. 725—730.
- Дмитриев Л. А. Факсимильные издания «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 77—82.
- Дмитриев Л. А. и Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. XVII, стр. 531—544.
- Дмитриев Л. А. и Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. XVIII, стр. 412—419.
- Дмитриев Л. А. и Лотман Ю. М. Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и гишпанском королевиче Александре». XVI, стр. 490—505.
- Дмитриев Ю. Н. О творчестве древнерусского художника. XIV, стр. 551—556.
- Дмитриев Ю. Н. Об истолковании древнерусского искусства. XIII, стр. 345—363.
- Дмитриева Р. П. К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. XIV, стр. 278—283.
- Дмитриева Р. П. К истории создания «Сказания о князьях владимирских». XVII, стр. 342—347.
- Дмитриева Р. П. О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы. XIII, стр. 440—445.
- Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований изданий памятников древнерусской литературы. XI, стр. 491—499.
- Дмитриева Р. П. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью». XIX, стр. 303—317.
- Дмитриева Р. П., Демкова Н. С., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. XX, стр. 139—179.
- Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг. XVIII, стр. 499—551.
- Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе за 1956—1957 гг. XV, стр. 439—473.
- Дробленкова Н. Ф. Задачи составления библиографии библиографий по древнерусской литературе. XX, стр. 333—350.
- Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени. XVI, стр. 528—538.
- [Дробленкова Н. Ф.]. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. XIV, стр. 7—20.
- Дробленкова Н. Ф., Демкова Н. С. Археографическая командировка в Солец. XX, стр. 412—414.
- Дробленкова Н. Ф. и Сарафанова Н. С. Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровский районы Московской области в декабре 1958 г. XVI, стр. 539—542.
- Дробленкова Н. Ф. и Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. XIV, стр. 427—432.
- Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР. XIII, стр. 561—568.
- Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго». XIII, стр. 118—157.
- Дубенцов Б. И. О Московском своде 1479 г. и правильном цитировании. XV, стр. 503—504.
- Дубенцов Б. И. «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского». XIV, стр. 176—182.
- Дуйчев И. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. XV, стр. 159—176.
- Дуйчев И. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг. XIII, стр. 601—614.
- Дуйчев И. С. Итальянская книга по истории древнерусской литературы. XVIII, стр. 552—568.
- Дуйчев И. С. Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв. XVI, стр. 589—603.

- Дуйчев И. С. Одна цитата из Манассеевой Хроники в среднеболгарском переводе. XVI, стр. 647—649.
- Дуйчев И. С. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. XVI, стр. 415—423.
- Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. XIX, стр. 107—129.
- Дуйчев И. С. (см.: Салмина М. А. Хронологический список трудов Ивана С. Дуйчева).
- Дылевский Н. М. «Вежи ся половецкии подвизашася» в «Слове о полку Игореве». XV, стр. 36—46.
- Дылевский Н. М. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. XIV, стр. 461—473.
- Дылевский Н. М. «Утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. XVI, стр. 60—69.
- Евгеньева А. П. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. XIII, стр. 483—496.
- Егоров Н. М. Мышью или мыслью? XI, стр. 13.
- Елеонский С. Ф. Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в. XIV, стр. 444—448.
- Емелях Л. И. Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. XIII, стр. 556—560.
- Еремин И. П. Д. И. Абрамович (Некролог). XI, стр. 506—510.
- Еремин И. П. Византийская летопись 1289—1290 гг. XIII, стр. 102—117.
- Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». XII, стр. 28—34.
- Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича. XVI, стр. 506—510.
- Еремин И. П. К характеристике Нестора как писателя. XVII, стр. 54—64.
- Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского [Археографический комментарий]. XI, стр. 342—367.
- Еремич И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского [Тексты]. XII, стр. 340—361.
- Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского [Тексты, продолжение]. XIII, стр. 409—426.
- Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского [Тексты, окончание]. XV, стр. 331—348.
- Еремин И. П. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. XII, стр. 284—291.
- Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского. XVIII, стр. 50—58.
- Еремин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. XIV, стр. 21—32.
- Еремин И. П. (см.: Демкова Н. С. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина (1904—1963); Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин (Некролог)).
- Жаворонков А. З. Летописная книга о Тобольске. XVII, стр. 495—499.
- Жаворонков А. З. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея. XII, стр. 510—513.
- Жикин Н. П. Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. XIII, стр. 577—578.
- Заволоко И. Н. Собрание рукописей и старопечатных книг Д. Н. Першина и И. В. Дорофеева в Рижской Гребенщицкой общине. XVI, стр. 567—569.
- Зволинский Пшемислав. Неизвестное первое издание «Думы казацкой» 1651 г. XIV, стр. 335—340.
- Зимин А. А. «Беседа Валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства. XI, стр. 198—208.
- Зимин А. А. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. XIV, стр. 229—233.
- Зимин А. А. К изучению взглядов И. С. Пересветова. XVI, стр. 639—646.
- Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги. XIII, стр. 225—230.
- Зимин А. А. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? XVIII, стр. 305—308.
- Зимин А. А. Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина. XIII, стр. 437—439.
- Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. XII, стр. 160—173.
- Зубов В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. (Русская люблинская литература и ее назначение). XVI, стр. 288—303.

- Зубов В. П. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. XIV, стр. 433—439.
- Зыков Э. Г. и Мазунин А. И. Поиски рукописей в Беломорье и на Онеге летом 1961. XX, стр. 392—396.
- Истрин В. М. (см.: Данилов В. В. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина).
- К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева. XVIII, стр. 489.
- К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы». XVII, стр. 695; XVIII, стр. 605.
- К читателю. XIX, стр. 3—4.
- Каган М. Д. «Вирши об обороне Чигирина от турок». XVII, стр. 435—444.
- Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. XIII, стр. 247—272.
- Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государствам — публицистическое произведение второй половины XVII в. XV, стр. 225—250.
- Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. XI, стр. 218—254.
- Каган М. Д. Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. XIV, стр. 309—315.
- Каган М. Д. и Лурье Я. С. «Московский период» в «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена. XVII, стр. 629—639.
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (Текстологические данные). XV, стр. 153—158.
- Казакова Н. А. Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси. XI, стр. 103—117.
- Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурня Тушина. XVII, стр. 169—200.
- Казакова Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. XIV, стр. 241—246.
- Казакова Н. А. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева. XII, стр. 387—426.
- Казакова Н. А. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. XIII, стр. 446—466.
- Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. XVII, стр. 358—368.
- Казакова Н. А. Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. XV, стр. 310—311.
- Казачкова Д. А. Хронологический список трудов Михаила Дмитриевича Приселкова. XVIII, стр. 476—480.
- Калачева С. В. Еще раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне». XI, стр. 391—396.
- Каликин Ф. А. Портретное изображение псковского князя Довмонта. XVIII, стр. 272—276.
- Капусткин А. П. Четыре рукописные книги из библиотеки Карельского педагогического института. XIV, стр. 628—630.
- Караваева Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»). XVI, стр. 82—83.
- Караев Г. Н. Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. XIV, стр. 154—158.
- Каргер М. К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. XIV, стр. 565—568.
- Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. XI, стр. 59—71.
- Кимура С. и Накамура Е. Изучение древнерусской литературы в Японии. XVIII, стр. 582—586.
- Клибанов А. И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. XIII, стр. 158—181.
- Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. XVI, стр. 178—207.
- Клибанов А. И. и Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. XVII, стр. 201—224.
- Князевская О. А. Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА. XVIII, стр. 434—441.
- Кобрин В. Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой. XIV, стр. 266—267.
- Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории» (По поводу нового издания «Казанской истории»). XII, стр. 576—585.
- Колобанов В. А. К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. XVI, стр. 442—445.

- Колобанов В. А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом». XIV, стр. 159—162.
- Колобанов В. А. Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского. XVII, стр. 329—333.
- Колосова Е. В. Новый список Повести о Федоре Ивановиче. XIV, стр. 272—274.
- Колыда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. XVII, стр. 225—254.
- Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. XVI, стр. 84—104.
- Комарович В. Л. (см.: Крюкова Т. А. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича).
- Коновалова О. Ф. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. XIV, стр. 205—211.
- Копанев А. И. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну». XVI, стр. 477—480.
- Копанев А. И. и Дмитриев Л. А. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. XVII, стр. 531—544.
- Копанев А. И. и Дмитриев Л. А. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. XVIII, стр. 412—419.
- Копыленко М. М. и Рапопорт М. В. Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. XVI, стр. 543—553.
- Корецкий В. И. и Клибанов А. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. XVII, стр. 201—224.
- Костюхина Л. М. Хронологический список трудов Александра Денисовича Седельникова. XVII, стр. 627—628.
- Котков С. И. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». XVII, стр. 65—74.
- Кравченко А. Г. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. XII, стр. 379—386.
- Кралик О. Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии. XIX, стр. 148—168.
- Кралик О. Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. XIX, стр. 177—207.
- Крестова Л. В. Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н. И. Новикова («Трутень», «Живописец»). XIV, стр. 486—492.
- Крюкова Т. А. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича. XVI, стр. 583—588.
- Кудряшов К. В. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь. XIV, стр. 49—60.
- Кувейн Куйо М. К истории издания П. И. Шафариком сказания черноризца Храбра «О письменах» (Страничка из русско-чешских научных связей XIX в.). XIX, стр. 448—451.
- Кузьмина В. Д. «Игра пирожная» (Неизвестная комедия демократического театра XVIII века). XI, стр. 397—421.
- Кузьмина В. Д. Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени. XX, стр. 274—287.
- Кузьмина В. Д. Источник повести о царевне Персике. XIV, стр. 449—452.
- Кузьмина В. Д. Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955). XIII, стр. 629—634.
- Кузьмина В. Д. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». XV, стр. 73—77.
- Кузьмина В. Д. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. XVIII, стр. 13—20.
- Кузьмина В. Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. XII, стр. 594—612.
- Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. XVII, стр. 374—387.
- Кукушкина М. В. Новый список Повести о Псковском взятии. XVI, стр. 473—476.
- Кусков В. В. Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. XVIII, стр. 432—433.
- Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра». XVIII, стр. 59—79.
- Ларин Б. А., Богородский Б. Л. и Лихачев Д. С. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 424—441.

- Лебедев Г. И. Краткие сведения о рукописных и старопечатных книгах Чухломского районного музея Костромской области. XIV, стр. 608—609.
- Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 102. Л., 1955, стр. 165—239). XIII, стр. 689—705.
- Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. XI, стр. 375—379.
- Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского. XVIII, стр. 80—98.
- Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». XV, стр. 486—495.
- Лихачев Д. С. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». XVIII, стр. 587.
- Лихачев Д. С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы. XVII, стр. 17—41.
- Лихачев Д. С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века. XII, стр. 105—115.
- Лихачев Д. С. Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений. XVIII, стр. 3—12.
- Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. XIII, стр. 66—89.
- Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. XX, стр. 5—98.
- Лихачев Д. С. Литературный этикет древней Руси (К проблеме изучения). XVII, стр. 5—16.
- Лихачев Д. С. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио. XVII, стр. 675—678.
- Лихачев Д. С. Реплики. XV, стр. 499—502.
- Лихачев Д. С. «Стих о жизни патриарших невичих» (Демократическая сатира конца XVII в.). XIV, стр. 423—426.
- Лихачев Д. С., Богородский Б. Л. и Ларин Б. А. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 424—441.
- Лозанова А. Н. Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг. XIV, стр. 326—329.
- Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». XIV, стр. 37—40.
- Лотман Ю. М. и Дмитриев Л. А. Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королеве Анне и гишпанском королевиче Александре». XVI, стр. 490—505.
- Лукьяненко В. И. Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности. XVI, стр. 208—229.
- Лукьянов В. В. Дополнения к биографии Иоила Быковского. XV, стр. 509—511.
- Лукьянов В. В. Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области. XII, стр. 514—517.
- Лукьянов В. В. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоил Быковский. XII, стр. 42—45.
- Лукьянов В. В. Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея. XIV, стр. 610—612.
- Лукьянов В. В. Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского (Краткий обзор). XI, стр. 464—470.
- Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. XIV, стр. 219—228.
- Лурье Я. С. Был ли Иван IV писателем? XV, стр. 505—508.
- Лурье Я. С. Вопрос об идеологических движениях конца XV—начала XVI в. в научной литературе. XV, стр. 131—152.
- Лурье Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV—первой половины XVI в. XVI, стр. 457—465.
- Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века. XI, стр. 156—186.
- Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского. XIII, стр. 182—213.
- Лурье Я. С. К изучению классового характера древнерусской литературы. XX, стр. 100—119.
- Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. XII, стр. 116—140.
- Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. XVII, стр. 130—168.
- Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. XVIII, стр. 464—475

- Лурье Я. С. Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре». XVIII, стр. 289—293.
- Лурье Я. С. О возникновении теории «Москва—третий Рим» (К выходу в свет второго издания книги Х. Шедер). XVI, стр. 626—633.
- Лурье Я. С. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. XIX, стр. 262—272.
- Лурье Я. С. и Каган, М. Д. «Московский период» в «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена. XVII, стр. 629—639.
- Люблинский В. С. К пониманию генезиса гражданского письма. XVII, стр. 520—527.
- Мавродин В. В. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». XIV, стр. 61—63.
- Мазон А. А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори. XIV, стр. 355—363.
- Мазунин А. И. Краткая редакция Повести о боярыне Морозовой. XVIII, стр. 341—350.
- Мазунин А. И. Об одной переработке Жития боярыни Морозовой. XVII, стр. 429—434.
- Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. XIV, стр. 408—412.
- Мазунин А. И. и Зыков Э. Г. Поиски рукописей в Беломорье и на Онеге летом 1961 г. XX, стр. 392—396.
- Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого. XIII, стр. 501—505.
- Малеванов Н. А. Неизвестный список повести «О стране Вятской» 1925 г. XVIII, стр. 370—373.
- Малеванов Н. А. Рукописи XVI—XVIII вв. Государственного исторического архива Ленинградской области. XIII, стр. 574—576.
- Малышев В. И. Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР. XI, стр. 425—439.
- Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. XIV, стр. 413—420.
- Малышев В. И. Задачи собирания древнерусских рукописей. XX, стр. 303—332.
- Малышев В. И. Новый список «Сказания о киевских богатырях». XI, стр. 387—390.
- Малышев В. И. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. XV, стр. 398—408.
- Малышев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. XVI, стр. 513—521.
- Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. XVIII, стр. 442—457.
- Малышев В. И. Пижемская рукописная старина (Отчет о командировке 1955 года). XII, стр. 461—493.
- Малышев В. И. Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара. XX, стр. 409—411.
- Малышев В. И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. XI, стр. 471—479.
- Малышев В. И. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. XIII, стр. 581—590.
- Малышев В. И. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествиях. XV, стр. 371—374.
- Малышев В. И. Усть-Цилямские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. XVII, стр. 561—604.
- Малышев В. И. (см.: К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева).
- Мареш В. Ф. «Сказание о славянской письменности» (По списку Пушкинского Дома АН СССР). XIX, стр. 169—176.
- Масленникова Н. Н. К истории создания теории «Москва—третий Рим» (По поводу статьи Н. Е. Андреева «Филофей и его послание к Ивану Васильевичу»). XVIII, стр. 569—581.
- Маслов Н. М. Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея. XI, стр. 487—488.
- Матасов М. И. Рукописные материалы Буйского краеведческого музея Костромской области. XVII, стр. 616—617.
- Мечев К. Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский. XIX, стр. 358—366.
- Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси. XV, стр. 54—72.
- Мещерский Н. А. К вопросу о датировке Виленского хронографа. XI, стр. 380—386.
- Мещерский Н. А. К вопросу об источниках Повести временных лет. XIII, стр. 57—65.
- Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 43—48.

- Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. XX, стр. 180—231.
- Мещерский Н. А. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе (К изучению славянских версий книги Еноха). XIX, стр. 130—147.
- Михитась В. Л. Древние рукописи Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР. XII, стр. 506—509.
- Микулин В. Д. Рукописи и старопечатные книги Хвалынского краеведческого музея Саратовской области. XVIII, стр. 462—463.
- Могилянский А. П. Неизвестная заметка Н. Г. Устрялова о «Слове о полку Игореве». XIV, стр. 96—101.
- Могилянский А. П. и Гуревич М. М. Владимир Валерьянович Данилов (К 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности). XVIII, стр. 481—483.
- Моисеева Г. Н. Из сатирической литературы XVIII в. Новые списки сатиры на Феодосия Яновского. XIV, стр. 493—499.
- Моисеева Г. Н. «История о французском шляхтиче Александре». XVII, стр. 290—320.
- Моисеева Г. Н. Казанская царица Сюю-бике и Сумбека «Казанской истории». XII, стр. 174—187.
- Моисеева Г. Н. Неизвестная повесть первой половины XVIII в. XIII, стр. 519—540.
- Моисеева Г. Н. Новый список повести о французском шляхтиче Александре. XVIII, стр. 591—593.
- Моисеева Г. Н. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева. XV, стр. 349—361.
- Моисеева Г. Н. О некоторых источниках «Казанской истории». XI, стр. 187—197.
- Моисеева Г. Н. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. XVI, стр. 466—472.
- Молдавский Д. М. и Бахтин В. С. Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии. XIV, стр. 421—422.
- Мошин В. А. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки. XV, стр. 409—417.
- Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. XIX, стр. 28—106.
- Наживина С. Я. Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки. XIV, стр. 624—627.
- Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. XII, стр. 546—575.
- Назаревский А. А. Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину». XIV, стр. 284—289.
- Накамура Е. и Кимура С. Изучение древнерусской литературы в Японии. XVIII, стр. 582—586.
- Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР с декабря 1955 по декабрь 1956 г. XIII, стр. 720.
- Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1957 г. XV, стр. 519.
- Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1958 г. XVI, стр. 657.
- Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, в 1960 г. XVII, стр. 683—684.
- Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, в 1960 г. XVIII, стр. 600.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР с января 1955 по май 1956 года. XII, стр. 653—655.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР с сентября по декабрь 1956 г. XIII, стр. 719.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1957 г. XV, стр. 517—518.

- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1958 г. XVI, стр. 655—656.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1959 г., XVII, стр. 681—682.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1960—1961 гг. XVIII, стр. 596—599.
- Наэль М. Экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» в собрании Центральной библиотеки Академии наук ЭССР. XI, стр. 374.
- Нефедов Г. Ф. Неопубликованная статья Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромира Евангелия». XIV, стр. 657—659.
- Николаева М. В. Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести первой половины XVIII в. (История о Ефродите и Максиме). XIV, стр. 474—480.
- Никольский А. А. К толкованию текста «Слова о полку Игореве» («заря свѣт запала»). XVI, стр. 70—72.
- Обрембская-Яблоньская А. А. Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича. XIV, стр. 597—604.
- Окладников А. П. «Земля бородатых». XIV, стр. 516—524.
- От редактора. XX, стр. 3.
- От редакции. XI, стр. 3—4.
- От редакции. XIII, стр. 3—7.
- Панкратова Н. П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского. XVIII, стр. 364—369.
- Панченко А. М. Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в. XVII, стр. 640—652.
- Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья». XIX, стр. 330—347.
- Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. XVIII, стр. 426—431.
- Панченко А. М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. XX, стр. 256—273.
- Панченко А. М. Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области. XVII, стр. 558—560.
- Панченко А. М. Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в. XIII, стр. 635—648.
- Панченко А. М. и Бегунов Ю. К. Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье. XVI, стр. 522—527.
- Панченко А. М. и Бегунов Ю. К. Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область. XV, стр. 387—397.
- Панченко А. М., Бегунов Ю. К. и Демин А. С. Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. XVII, стр. 545—557.
- Панченко А. М., Бегунов Ю. К. и Демин А. С. Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина. XVII, стр. 608—615.
- Панченко А. М. и Демин А. С. Пинежская археографическая экспедиция 1962 г. XX, стр. 397—403.
- Панченко А. М. и Степанов В. П. «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешьской» и ее источник. XVI, стр. 304—313.
- Парманин М. П. Путь Игоря Северского на половцев в 1185 году (Заметки краеведа). XII, стр. 55—59.
- Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника. XII, стр. 362—378.
- Петухов В. К. Сербская рукопись XVI в. (Из собрания В. Н. Перетца). XIV, стр. 631—633.
- Петухов В. К. «Слово о полку Игореве» в переводе П. П. Негоша. XIII, стр. 665—671.
- Пештич С. Л. О новом периоде в русской историографии и о так называемых официальных петровских летописцах. XVI, стр. 314—322.
- Пештич С. Л. «Синопис» как историческое произведение. XV, стр. 284—298.
- Подобедова О. И. Лицевая рукопись XVII в. «Сказания о граде Муроме и о епископи его, како преиде на Резань». XVI, стр. 374—387.
- Подобедова О. И. Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии». XIII, стр. 393—406.
- Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии. XVII, стр. 419—428.
- Позднеев А. В. Песенная книжная поэзия в славянских странах. XIX, стр. 414—426.
- Позднеев А. В. Песни-акростихи Германа. XIV, стр. 364—370.
- Позднеев А. В. Стихи «прибыльные» в списке XVI в. XVIII, стр. 309—310.

- Позднеев А. В. Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» в ленинградских хранилищах и частных собраниях. XI, стр. 368—373.
- Покровская В. Ф. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах). XIV, стр. 634—636.
- Половой Н. Я. Две ошибки древнейшего русского хрониста. XIV, стр. 139—142.
- Половой Н. Я. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков. XVI, стр. 105—111.
- Полянская Л. И. Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. XIII, стр. 569—573.
- Попов А. И. Новгородская 1-я летопись и немецкая грамота 1331 г. XIV, стр. 217—218.
- Попов П. Н. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. XIII, стр. 706—716.
- Попов П. Н. Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия. XIV, стр. 440—443.
- Порфирьев Н. Г. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве. XVI, стр. 36—49.
- Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного Краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком. XII, стр. 494—505.
- Приветствие [Н. К. Гудзю] от московских специалистов по древнерусской литературе. XIII, стр. 317—318.
- Приветствие [Н. К. Гудзю] от Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. XIII, стр. 315—316.
- Приветствие члену-корреспонденту АН СССР В. П. Адриановой-Перетц от участников сборника. XIV, стр. 5—6.
- Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве». XII, стр. 46—54.
- Прийма Ф. Я. Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 89—95.
- Приселков М. Д. (см.: Казачкова Д. А. Хронологический список трудов Михаила Дмитриевича Приселкова; Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед).
- Пропп В. Я. Мотивы лубочных повестей в стихотворении А. С. Пушкина «Сон» 1816 г. XIV, стр. 535—537.
- Прохазкова Е. Библиография чехословацких работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. XIII, стр. 627—628.
- Прохоров Г. М. Поездка за рукописями на Мезень и Вашку. XX, стр. 404—408.
- Путилов Б. Н. К вопросу о составе Рязанского песенного цикла. XVI, стр. 230—244.
- Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре. XVII, стр. 107—129.
- Путилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». XII, стр. 226—235.
- Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате. XI, стр. 118—139.
- Путилов Б. Н. Песня об Авдотье Рязаночке (К истории Рязанского песенного цикла). XIV, стр. 163—168.
- Пушкарев Л. Н. «Повесть о разуме человеческом». XIV, стр. 322—325.
- Пушкарев Л. Н. Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства. XIII, стр. 543—555.
- Рааб Г. Обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных на немецком языке с 1945 г. XV, стр. 474—485.
- Радойичич Г. С. Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарях). XVI, стр. 161—166.
- Радченко Е. С. Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. XIII, стр. 591—598.
- Рапопорт М. В. и Копыленко М. М. Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. XVI, стр. 543—553.
- Рафиков А. X. Турецкий перевод «Жития» протопопы Аввакума. XIV, стр. 668—669.
- Ржига В. Ф. Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки). XIV, стр. 538—544.
- Ржига В. Ф. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. XIII, стр. 429—436.
- Ржига В. Ф. (см.: Гудзий Н. К. В. Ф. Ржига (Некролог)).
- Робинсон А. Н. Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей). XIV, стр. 391—403.

- Робинсон А. Н. Житие Елифания как памятник дидактической автобиографии. XV, стр. 203—224.
- Робинсон А. Н. К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия (Очерк жизни и деятельности). XIII, стр. 319—325.
- Робинсон А. Н. Неизданная поэма М. А. Волошина о Елифании. XVII, стр. 512—519.
- Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. XVIII, стр. 149—175.
- Рождественский Н. П. и Бельчиков Н. Ф. Собрание рукописей бывшего Тамбовского губернского архивного бюро. XVI, стр. 561—566.
- Розов Н. Н. К юбилею Остромирова Евангелия. XII, стр. 337—339.
- Розов Н. Н. Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве. XII, стр. 325—333.
- Розов Н. Н. Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. XIV, стр. 481—485.
- Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». XVII, стр. 42—53.
- Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. XVIII, стр. 294—304.
- Розов Н. Н. и Альшиц Д. Н. Древнерусская литература в учебном пособии по истории книги. XVIII, стр. 588—590.
- Розов Н., Альшиц Д. Николай Алексеевич Соколов (Некролог). XVIII, стр. 601—602.
- Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова. XV, стр. 378—383.
- Салмина М. А. «Ентнарий» в «Повести о зачале Москвы». XV, стр. 362—363.
- Салмина М. А. Источники «Повести о зачале Москвы». XVI, стр. 245—256.
- Салмина М. А. К вопросу о происхождении «Сказания об убийнии Даниила Суздальского и о начале Москвы». XIII, стр. 231—234.
- Салмина М. А. Обсуждение проекта «Словаря-комментария» «Слова о полку Игореве». XVIII, стр. 594—595.
- Салмина М. А. Особая редакция «Сказания о начале Москвы». XIV, стр. 316—321.
- Салмина М. А. «Сказание об убийнии Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник. XVII, стр. 272—280.
- Салмина М. А. Хронологический список трудов Ивана С. Дуйчева. XVIII, стр. 490—498.
- Салмина М. А., Демкова Н. С., Дмитриева Р. П. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. XX, стр. 169—179.
- Сапунов Б. В. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». XVII, стр. 75—84.
- Сапунов Б. В. К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв. (По материалам печатных книг). XIII, стр. 235—246.
- Сапунов Б. В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве. XII, стр. 431—441.
- Сапунов Б. В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. XI, стр. 314—332.
- Сапунов Б. В. Первопечатник Иван Федоров как писатель. XIV, стр. 268—271.
- Сапунов Б. В. «Тисовая кровать Святослава» (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»). XVII, стр. 323—326.
- Сарафанова Н. С. (см.: Сарафанова-Демкова Н. С., Демкова Н. С.).
- Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протоппа Аввакума. XIV, стр. 385—390.
- Сарафанова Н. С. Неизданное сочинение протоппа Аввакума. XVI, стр. 257—269.
- Сарафанова Н. С. Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.). XVI, стр. 481—483.
- Сарафанова Н. С. «Прение верного инока с отступником» (Из истории старообрядческой литературы XVII в.). XVII, стр. 281—289.
- Сарафанова Н. С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. XVIII, стр. 329—340.
- Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. XIX, стр. 367—372.
- Сарафанова Н. С. и Дробленкова Н. Ф. Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровский районы Московской области в декабре 1958 г. XVI, стр. 539—542.
- Седелъников А. Д. (см.: Костюхина Л. М. Хронологический список трудов Александра Денисовича Седелъникова).

- Семенов А. И. Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки. XVI, стр. 484—489.
- Семенов А. И. Лисидский монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. XVII, стр. 369—373.
- Семенов А. И. О новгородском происхождении современного значения слова «шваль». XIV, стр. 595—596.
- Сенкевич-Гудкова В. В. Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет». XVI, стр. 411—414.
- Серман И. З. Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова. XIV, стр. 404—407.
- Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. XVIII, стр. 214—232.
- Скрипиль М. О. «Слово Даниила Заточника». XI, стр. 72—95.
- Скрипиль М. О. (см.: Дмитриев Л. А. Список трудов М. О. Скрипиля; Дмитриев Л. А. М. О. Скрипиль (Некролог)).
- Скрынников Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. XVIII, стр. 99—116.
- Смирнова Э. С. Об одном литературном сюжете в живописи конца XVI в. XVI, стр. 365—373.
- Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. XV, стр. 312—327.
- Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве». XII, стр. 5—19.
- Смолицкий В. Г. и Тургенева Т. А. Четыре произведения народной сатиры. XVII, стр. 500—511.
- Советов С. С. Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков. XIV, стр. 125—131.
- Соколов Н. А. (см.: Альшиц Д., Розов Н. Николай Алексеевич Соколов (Некролог)).
- Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. XIV, стр. 183—197.
- Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». XX, стр. 365—385.
- Соловьев А. В. Заметки к «Слову о гибели Русских земли». XV, стр. 78—115.
- Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». XVII, стр. 85—106.
- Соловьев А. В. Новое словенское издание «Слова о полку Игореве». XIII, стр. 656—664.
- Соловьев А. В. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве». XIII, стр. 649—655.
- Соловьев А. В. По поводу Рижского списка «Слова о гибели Русских земли». XVI, стр. 143—146.
- Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. XII, стр. 188—225.
- Сперанский М. Н. Сербские школьные вирши (Из истории русско-украинско-сербских связей в начале XVIII в.). XIX, стр. 404—413.
- Сперанский М. Н. (см.: Кузьмина В. Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского).
- Стеллецкий В. И. К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». XI, стр. 48—58.
- Степанов В. П. и Панченко А. М. «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и ее источник. XVI, стр. 304—313.
- Супрун А. Македонский перевод «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 604—605.
- Тагунова В. И. К вопросу о появлении культа Петра и Февронии Муромских в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции. XVII, стр. 338—341.
- Тагунова В. И. Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской». XVII, стр. 414—418.
- Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. XX, стр. 29—40.
- Творогов О. В. К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет». XIX, стр. 208—214.
- Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет». XVIII, стр. 277—284.
- Тихомиров М. Н. Записки приказных людей, конца XVII века. XII, стр. 442—457.
- Тихомиров М. Н. Каргопольские рукописи. XI, стр. 480—486.
- Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники. XVI, стр. 452—456.
- Тихомиров М. Н. Новый материал об Иване Грозном. XIV, стр. 247—255.
- Тургенева Т. А. и Смолицкий В. Г. Четыре произведения народной сатиры. XVII, стр. 500—511.

- Ф и л а т о в В. В. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. XVI, стр. 397—408.
- Ф и л и н Ф. П. О древнерусском слове «воалмина». XIV, стр. 590—594.
- Ф л о р о в с к и й А. В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. XVII, стр. 482—494.
- Ф л о р о в с к и й А. В. Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге. XVI, стр. 573—580.
- Хронологический список трудов академика АН УССР Николая Калининвича Гудзия. XIII, стр. 326—341.
- Ч е р е п н и н Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. XVII, стр. 454—481.
- Ч и с т о в К. В. Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче. XIV, стр. 510—515.
- Ч и с т я к о в а Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. XIX, стр. 348—357.
- Ч и ч е р о в В. И. Из истории народных поверий и обрядов («Нечистая сила и Касьян»). XIV, стр. 529—534.
- Ш а р л е м а н ь Н. В. Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»? XVII, стр. 327—328.
- Ш а р л е м а н ь Н. В. Заметка к тексту «Растъкшется мыслію по древу» в «Слове о полку Игореве». XIV, стр. 41—42.
- Ш а р л е м а н ь Н. В. Заметки к «Слову о полку Игореве». XI, стр. 7—12.
- Ш а р л е м а н ь Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве». XI, стр. 611—616.
- Ш а р л е м а н ь Н. В. Соловьи в «Слове о полку Игореве». XVI, стр. 80—81.
- Ш а с к о л ь с к и й И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского. XIV, стр. 457—460.
- Ш е п е л е в а Л. С. и Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Вирши о взятии Азова в 1696 г. XIV, стр. 427—432.
- Ш е п е л е в а Л. С., Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Описание рукописного собрания архива Географического общества СССР. XIII, стр. 561—568.
- Ш е п т а е в Л. С. Заметки к древнерусским литературным памятникам. XIII, стр. 427—428.
- Ш е п т а е в Л. С. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса. XIV, стр. 304—308.
- Ш е р в и н с к и й С. В. Отчет Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза советских писателей СССР (За период с 1951 года по 1 декабря 1954 года). XI, стр. 500—503.
- Ш е р в и н с к и й С. В. Отчет Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза писателей СССР (за период с 1 января 1955 г. по 31 декабря 1958 г.). XVI, стр. 658—660.
- Ш м и д т С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. XIV, стр. 256—265.
- Ш о л ь с о н М. М. О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык. XII, стр. 71—78.
- Щ а п о в Я. Н. Археологическая экспедиция в Горьковскую область. XIV, стр. 613—618.
- Щ е г л о в а С. А. Драма и роман о Калеандре и Неонилде. XIV, стр. 500—503.
- Щ е г л о в а С. А. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар. XII, стр. 263—283.
- Щ е п к и н а М. В. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». XIII, стр. 90—101.
- Щ е п к и н а М. В. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». XIV, стр. 71—76.
- Щ е п к и н а М. В. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». XI, стр. 39—47.
- Щ е п к и н а М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве». XVI, стр. 73—79.
- Э й х е н б а у м Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX в. XIV, стр. 545—550.
- Э л и а с о в Л. Е. Протопоп Аввакум в устных преданиях Забайкалья. XVIII, стр. 351—363.
- Ю г о в А. К. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве». XI, стр. 14—21.
- Я к о б с о н Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. XIV, стр. 102—121.
- Я к о в ц е в с к и й Б. М. Рукописные книги Устюженского районного музея Вологодской области. XII, стр. 522—523.
- Я н и н В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». XVI, стр. 112—131.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные ... Археографической экспедицией.
АИ	— Акты исторические.
АН СССР	— Академия наук СССР.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Брикe	— С. М. Briquet. Les filliganes. Paris, 1907.
ВМЧ	— Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись.
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва).
ГЛМ	— Государственный литературный музей (Москва).
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИА	— Исторический архив.
ИЗ	— Исторические записки.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
ИЮЛЯ	— Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС	— Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
Клепиков, Флигр. и штемп.	— С. А. Клепиков. Флигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев, Бум. мельн.	— Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев, Вод. зн.	— Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВА	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.

ПДПИ
 П1А, П2А, П3А
 ПСРА
 РИБ
 СГГД
 СОРЯС

 С1А, С2А
 Срезневский, Материалы

 ТОДРА

 Тромонин
 ЦГАДА
 ЦГАЛИ
 ЧОИДР
 ЧОЛДП

- Памятники древней письменности и искусства.
- Псковские первая, вторая и третья летописи.
- Полное собрание русских летописей.
- Русская историческая библиотека.
- Собрание государственных грамот и договоров.
- Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Софийские первая и вторая летописи.
- И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
- К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
- Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редактора	3
<i>Исследования</i>	
Д. С. Лихачев. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.	5
О. В. Творогов. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси	29
В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси	41
Л. А. Дмитриев. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в.	72
А. С. Демин. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности)	90
Я. С. Лурье. К изучению классового характера древнерусской литературы	100
—Л. А. Дмитриев. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве»	120
Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей	139
Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.	180
О. А. Державина. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в.	232
А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства	256
В. Д. Кузьмина. Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени	274
Ю. К. Бегунов. Основные задачи составления описания описаний собраний славяно-русских рукописей	288
В. И. Малышев. Задачи собирания древнерусских рукописей	303
Н. Ф. Дробленкова. Задачи составления библиографии библиографий по древнерусской литературе	333
<i>Материалы и сообщения</i>	
Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви	351
—А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»	365
<i>По рукописным собраниям</i>	
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)	
Ю. К. Бегунов. Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику	386
Э. Г. Зыков и А. И. Мазунин. Поиски рукописей в Беломорье и на Онеге летом 1961 г.	392
А. С. Демин и А. М. Панченко. Пинежская археографическая экспедиция 1962 г.	397
Г. М. Прохоров. За рукописями на Мезень и Вашку	404
В. И. Малышев. Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара	409

Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. Археографическая командировка в Сольцы	412
А. С. Демин. Столбцы XVII—XVIII вв. из архива М. Е. Салтыкова- Щедрина и собрания И. А. Шляпкина	415

Хроника

Л. А. Дмитриев. Игорь Петрович Еремин (Некролог)	418
Н. С. Демкова. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина (1904—1963)	425
Указатель статей и материалов, напечатанных в XI—XX томах «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1955—1964 гг.)	432
Список сокращений	449

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XVII вв.
(Труды отдела древнерусской литературы, т. XX)

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор Издательства Н. П. Рычкова. Художник В. В. Грибакин
Технический редактор Р. А. Замараева. Корректоры Е. В. Вивчар, Р. Г. Гершинская и А. И. Кац

Сдано в набор 9/XII 1963 г. Подписано к печати 31/III 1964 г. РИСО АН СССР № 59—123 В. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₈. Печ. л. 28¹/₄=38,70 усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 41.22+2 вкл. (0.11).
Изд. № 2181. Тип. вак. № 503. М-08192. Тираж 1700. ТП 1963 г. № 294. Цена 1 р. 86 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
100	12 снизу	и там	итак.
112	4 "	14	15
186	18 сверху	патриотического	патристического
221	12 снизу	μεγαλόπολ	μεγαλόπολις

Труды Отдела древнерусской литературы, т. XX